У 21 8/3
-25-

8/3

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

ИСТОРІИ И ДРЕВНОСТЕЙ.

Т. XXV.

ОДЕССА.
„Экономическая“ типографія и литографія, Почтовая, № 43.
1904.

Y218/3

№ 1 3/22

ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

ОДЕССКАГО ОБЩЕСТВА

Исторіи и Древностей.

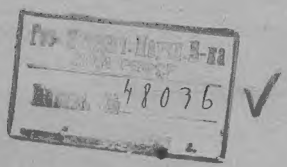
Т. XXV.

ОДЕССА.
„Экономическая“ типографія и литографія, Почтовая, № 43.
1904.

Печатано по опредѣленію Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Вице-Президентъ *А. Л. Бертье-Делагардъ.*

Секретарь *И. А. Линниченко.*



СОДЕРЖАНІЕ.

I. Изслѣдованія.

1) Учебно-воспитательныя заведенія, изъ которыхъ образовался Ришельевскій Лицей. Д. чл. *Н. И. Ленца* . . . . . 161—394

2) Мирные договоры Русскихъ съ Греками, заключенные въ X вѣкѣ, историко-юридическое изслѣдованіе. Д. чл. *А. В. Лонгинова* . . . . . 395—557

II. Матеріалы.

Дневникъ Григорія Ивановича Соколова. Сообщилъ д. чл. *А. И. Маркевичъ* . . . . . 1—16

III Смѣсь.

Татарскія народныя преданія и соотвѣтствующія имъ параллели въ сказаніяхъ другихъ народовъ. Д. чл. *В. Н. Мочульскаго* . . . . . 1—19

IV. Протоколы.

Въ т. ч. доклады: 1) *П. Г. Меликова*: Химическій анализъ древнихъ бронзовыхъ стрѣлъ (*341 зас.*) . . 17—19

2) Д. ч. *П. А. Иванова*: Къ исторіи Запорожскихъ козаковъ послѣ уничтоженія Сѣчи (*341 зас.*) . . . . . 20—40

3) Д. ч. *Э. Р. фонъ-Штерна*: Археологическія новинки (*342 зас.*). . . . . 54—62

4) Д. ч. *Э. Р. фонъ-Штерна*: Предварительное сообщеніе о раскопкахъ въ имѣніи Петрены, въ Бѣлецкомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи (*343 зас.*). . . . . 69—72

5) Д. ч. *А. А. Кочубинскаго* и *А. И. Маркевича*: Докладъ о поѣздкѣ ихъ для осмотра бывшей Хотинской крѣпости (*344 зас.*). 80—90

6) Д. ч. *Э. Р. фонъ-Штерна*: Новый эпиграфическій матеріалъ изъ Ольвіи (*344 зас.*). 90—93

7) Д. ч. *Э. Р. фонъ-Штерна*: О пробныхъ раскопкахъ на островѣ Березани (*345 зас.*). 97—100

8) Д. ч. *Э. Р. фонъ-Штерна*: Дѣятельность Общества за истекшій 1901—1902 годъ (*346 зас.*). . . . . 103—106

9) Д. ч. *А. И. Маркевича*: Къ біографіи гр. С. М. Каменскаго (*346 зас.*) . . . . . 106—114

10) Д. ч. *Э. Р. фонъ-Штерна*: По поводу надгробнаго памятника Евресивіи и Ареты въ Ольвіи (*347 зас.*). . . . . 119—126

---

1) Преміи, находящіяся въ распоряженіи Общества.

2) Изданія Общества.

бодить начальство института отъ необходимости *увеличить платежъ* 100 рублями за воспитанника (и 150-ью р.—за воспитанницу дѣвичьяго института),—съ тѣмъ, что съ 1-го января 1817 г. родители, имѣющіе дѣтей въ институтахъ, не будутъ болѣе платить за медикаменты, ибо съ сего времени и прибавочный платежъ начнется».

850 рублей и для нашего времени плата очень высокая. Какова же она была для десятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія!

Интересны *нѣкоторыя статьи расхода* по институту, характеризующія отчасти его французскій характеръ.

6 февраля 1816 г. директоръ представляетъ коммиссіи о слѣдующемъ: «Сдѣлавъ исчисленіе расходу, если *давать воспитанникамъ по рюмкѣ вина за обѣдомъ*, нахожу, что расходъ сей простираться можетъ до *120 ведеръ* въ годъ, а деньгами *до 800 рублей*, а потому (?), находя для здравія дѣтей полезнымъ, представляю коммиссіи на уваженіе». Коммиссія, конечно, «уважила» этотъ расходъ[1]).

Понятно, что отъ такихъ расходовъ не выигрывалъ бюджетъ института.

«Отчеты по суммѣ отдавались *Одесскому комитету*, который, *въ случаѣ недостатка ихъ, пополняетъ изъ суммы комитетской*; а если-бы впредь оказался остатокъ, то оный опредѣленъ на заведеніе библіотеки, физическаго кабинета и проч. учебныхъ пособій».

Значитъ, *городу* очень часто приходилось *за дефициты института расплачиваться своими суммами.*

Для завѣдыванія заведеніемъ была образована такъ называемая *Коммиссія управленія институтомъ*.

О ней *Флуки* сообщаетъ очень любопытныя свѣдѣнія въ запискѣ о своей службѣ[2]).

Главнымъ попечителемъ былъ *Ришелье*; «члены коммиссіи добровольно приняли на себя обязанность помогать директору, — а именно: аббатъ *Николь* имѣть надзоръ за классическимъ (т. е. класснымъ) ученіемъ и за нравственностію (воспитанниковъ), комен-

[1]) Вино давалось воспитанникамъ съ 1814 г. Интересно, что дѣло о *винѣ* позднѣе, въ 1823 г., уже въ лицеѣ, доходило даже до министерства.

[2]) Д. канц. попеч. 1822 г., № 47.

дантъ ген.-маіоръ *Кобле* — снабжать институтъ портными и сапожниками изъ инвалидныхъ ротъ, колл. асс. *Кирьяковъ* — ..... крупами и хлѣбомъ изъ своихъ деревень, надв. совѣт. *Дембровскій* — ... сѣномъ и бурьяномъ изъ своей деревни, артилл. поручикъ *Шостакъ* — производить починки и строенія дому, принадлежавшему городу и въ которомъ помѣщались институтъ и гимназія, и, наконецъ, негоціантъ *Пеццеръ* — снабжать... выписываемыми изъ-за границы провизіею и вещами за сходную цѣну. Такимъ образомъ всякій изъ нихъ по своей части долженствовалъ доставлять матеріалы и припасы на счетъ (sic) института за умѣренныя цѣны, строенія-же и починки производились на счетъ Одесскаго комитета... Въ сентябрѣ 1814 г. выѣхали изъ Одессы дюкъ *де-Ришелье* и аббатъ *Николь*, и всѣ члены... коммиссіи обязанности свои возложили на меня (Флуки), изъ коихъ важнѣйшія были аббата Николя и Шостака»...

Словомъ, съ уходомъ этихъ двухъ лицъ, одушевлявшихъ своимъ присутствіемъ свое созданіе — институтъ, всѣ члены коммиссіи поспѣшили поскорѣе сбросить съ себя свои обязанности по заведенію: работали они, слѣдовательно, не для самаго дѣла, а — въ угоду Ришелье, своему начальнику. Исторія очень обыкновенная и часто повторяющаяся!

Флуки, однако, трудился неутомимо, стараясь всѣми силами поддержать институтъ, сильно пошатнувшійся въ матеріальномъ отношеніи вслѣдствіе уменьшенія числа воспитанниковъ.

Только его стараніями и пособіями негоціанта *Пеццера* заведеніе могло кое-какъ просуществовать до преобразованія его въ лицей, когда явились новыя средства, обезпечившія существованіе послѣдняго.

«Не смотря на малые способы (средства?) института, говоритъ Флуки, производя жалованье чиновникамъ и нижнимъ служителямъ больше 26 тыс. рублей, я успѣлъ въ своихъ намѣреніяхъ: Богъ благословилъ трудъ мой, и въ теченіи 1815 г. число пансіонеровъ возрасло до 70, въ 1816—до 85, а въ 1817—до 100»[1]).

---

[1]) Числа здѣсь берутся *средніе*; о колебаніяхъ въ продолженіи года цифры воспитанниковъ см. далѣе.

XXX.

Пожертвованія.

Пожертвованіе Штиглицемъ 100.000 р. Дѣло объ этой суммѣ въ комитетѣ министровъ. Запросы о пожертвованіи Штиглица. Куда ушли эти деньги? Переписка между Ланжерономъ и Ришелье относительно 11.780 р. 96 к. изъ этой суммы. Пожертвованія Ришелье.

О пожертвованіи *Тираспольскаго дворянства* мы упоминали уже въ примѣчаніи на стр. 42-ой.

Самое значительное пожертвованіе сдѣлано было въ 1811 г. колл. асс. *Штиглицемъ*, «опредѣлившимъ изъ имѣнія своего для употребленія *на общую пользу въ г. Одессѣ* или, гдѣ за благо признаетъ герцогъ Ришелье, 100.000», которые обязался вносить въ теченіи четырехъ лѣтъ, начиная съ 1812 г., въ каждую треть года по 8333 р. 33 к. Ришелье просилъ высылать эти деньги въ Одесскій военный комитетъ, которому и предложилъ 17 августа 1811 г. хранить означенную сумму *«впредь до повелѣнія его»*.

Дѣло о пожертвованіи Штиглица въ высшей степени любопытно во многихъ отношеніяхъ.

Пожертвованная сумма вносилась въ теченіи 1812—1816 годовъ частями въ слѣдующемъ размѣрѣ:

въ 1812 г.	7 іюня . . .	8.333 р.	33⅓ к.
» 1813 »	24 марта . . .	16.666 »	66⅔ »
» 1814 »	19 января . . .	10.000 »	— »
» 1814 »	31 января . . .	15.000 »	— »
» 1815 »	28 января . . .	15.000 »	— »
» 1815 »	8 февраля . . .	10.000 »	— »
» 1816 »	14 февраля . . .	25.000 »	— »
	Всего . .	100.000 р.	— к.[1])

О суммѣ этой почему-то было совершенно забыто въ административныхъ сферахъ.

Вспомнили о ней только въ 1816-мъ году, когда Штиглицъ пожелалъ, какъ видно, обратить свое пожертвованіе на проектируемый *Ришельевскій лицей*.

[1]) Д. унив. арх. 1818 г., № 9. — Д. ген.-губерн. арх. 1816 г., № $\frac{41}{252}$.

Изложимъ самый ходъ дѣла по оффиціальнымъ документамъ.

«Въ засѣданіи комитета министровъ 26 мая 1816 г. ген.-отъ-артиллеріи гр. *Аракчеевъ* взнесъ: 1) возвращенный отъ Государя Императора съ Высочайшею конфирмаціею журналъ комитета, состоявшійся по представленію министра просвѣщенія объ учрежденіи въ Одессѣ лицея и о предлагаемомъ отъ колл. асс. Штиглица для сего лицея пожертвованіи съ тѣмъ, *чтобъ братьямъ его даровано было или полное дворянское достоинство, или хотя право, одному дворянству принадлежащее, владѣть недвижимымъ имѣніемъ*, дабы они по смерти его, Штиглица, могли наслѣдовать обширнымъ его имѣніемъ и разными заведеніями въ Новороссійскомъ краѣ, имъ устроенными, о каковой просьбѣ Штиглица въ комитетѣ происходили разныя мнѣнія; 2) особенный Высочайшій указъ по сему дѣлу, данный комитету гг. министровъ въ 25-й день сего мѣсяца, за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ. Высочайшая конформація написана собственною Его Императорскаго Величества рукою такъ: «*быть по мнѣнію прежде именованныхъ семи членовъ*». Мнѣніе же сихъ членовъ состояло въ томъ, что *россійское дворянство не можетъ быть никакимъ пожертвованіемъ куплено*, а что оно или жалуется самодержавною властію, или возводится службою до сего состоянія; вслѣдствіе чего полагали они, что устроенное имѣніе г. Штиглица можетъ быть оставлено въ потомственное братьямъ его владѣніе съ правомъ, для фабрикантовъ присвоеннымъ, т. е. что крестьяне принадлежатъ къ нынѣшнему хозяйству и землѣ и проданы не иначе быть могутъ, какъ вмѣстѣ съ землею и всѣмъ вообще заведеніемъ, изъяснивъ именно въ указѣ, что владѣніе ихъ должно быть не на правѣ вотчинномъ, которое принадлежитъ одному россійскому дворянству».

«Въ Высочайшемъ указѣ изображено: «Возвращая поднесенный мнѣ отъ комитета о пожертвованіи колл. ассесоромъ Штиглицемъ журналъ, на коемъ означена резолюція моя, нужнымъ нахожу дать знать комитету, что я не обѣщалъ ген.-лейтенанту Дюку Ришелье испрашиваемаго Штиглицемъ дворянства братьямъ его, а напротивъ при докладѣ о томъ Дюка Ришелье въ Парижѣ объявилъ ему, что предметъ сей требуетъ соображенія съ законами Нашими, и что бывъ обязанъ хранить законы сіи, не могу я удовлетворить

желанія его, находясь въ то время за-границею, дабы не поступить вопреки оныхъ; но по возвращеніи въ С.-Петербургъ намѣренъ былъ предоставить разсмотрѣть предложеніе Штиглица по обыкновенному порядку. Комитетъ, объявивъ рѣшеніе Мое по просьбѣ Штиглица, не оставитъ объявить ему и сего отзыва на счетъ помѣщеннаго въ просьбѣ его обѣщанія Дюка Ришелье».

Комитетъ, сообщивъ объ этомъ министру народнаго просвѣщенія для объявленія г. Штиглицу, прибавляетъ: «а какъ отъ него внесено уже 100.000 руб. и онъ, предоставляя сумму сію на общеполезное заведеніе Новороссійскому краю, проситъ не дѣлать того гласнымъ и ни чѣмъ его не награждать, то министру просвѣщенія принять упомянутую сумму въ свое владѣніе (sic) и о предметѣ, на который обратить оную полезнѣе будетъ, войти въ свое время съ представленіемъ въ комитетъ».

Государь Императоръ это положеніе Высочайше утвердилъ[1]).

И. д. министра народнаго просвѣщенія О. *Козодавлевъ* отнесся къ Херсонскому военному губернатору 22-го апрѣля 1818 года съ предложеніемъ передать эти деньги въ вѣдѣніе Ришельевскаго лицея, «для котораго онѣ принесутъ гораздо болѣе пользы, если до употребленія ихъ на расходы будутъ отданы для обращенія изъ процентовъ»[2]).

Когда же обратились къ самой суммѣ, то оказалось, что отъ нея *осталось неизрасходованными всего только 16.002 р. 34½ к.*

Куда же дѣвались недостающія 84 тысячи съ процентами?

Такъ какъ они находились *въ непосредственномъ распоряженіи герц. Ришелье*, то, по его приказанію, и были израсходованы *исключительно на благородный институтъ*,—а именно:

1) по счетамъ архитектора *Фраполи*:

а) на устройство спаленъ для воспитанниковъ въ 1814 и 1815 годахъ . . . . . 15.603 р. 66¾ к.

б) на постройку въ 1814 году угольнаго флигеля . . . . . 12.678 р. 37½ к.

---

[1]) Дополн. къ Сборн. постановл. по мин. нар. просв., 1867, 77—79.

[2]) Дѣло унив. арх. 1818, № 9.

в) тогда же на постройку въ срединѣ двора раздѣляющей его стѣны.	1.045 р. 85½ к.
г) на передѣлку печей	231 р. 20 к.
2) по счетамъ директора *Флуки*:	
д) за мебель для *института* (мужск. и женск.)	1.500 р. —
3) по представленію директора гимназіи *Минута*:	
е) выдано въ 1813 г., подъ росписку директора института *Гуржеева*, на счетъ суммы, слѣдующей отъ родителей за воспитаніе ихъ дѣтей	11.780 р. 96 к.
4) выдано заимообразно, за указанные проценты, комм. совѣтнику *Рено* на одинъ годъ .	46.770 р. —
Итого въ расходѣ . . .	89.610 р. 5¾ к
Въ остаткѣ.	16.002 р. 34¼ к.[1]).

Примѣчаніе. Остатокъ этотъ также *не долго просуществовалъ*,—но это относится уже *къ лицейскому періоду*.

По поводу 11.780 р. 96 коп., выданныхъ Гуржееву, возникла переписка между гр. *Ланжерономъ* и *Ришелье*.

Сущность ея ясна изъ отвѣта герцога изъ Парижа отъ $\frac{24 \text{ апрѣля}}{6 \text{ мая}}$ 1818 года:

«По мнѣнію моему, деньги 11.780 руб. 96 коп., выданные одесскому институту изъ суммы, г. Штиглицемъ пожертвованной, несправедливо было бы отнести *на счетъ города*, и что если бы и слѣдовало требовать оныя въ возвратъ, то уплата должна бы пасть не на городъ, но *на институтъ*, коему въ пособіе деньги были выданы на счетъ неисправно платившихъ родителей. Трудныя обстоятельства, въ коихъ потомъ институтъ находился, не дозволили ему, *по внесеніи отъ родителей денегъ, возвратить* должную *сумму* въ комитетъ; но какъ цѣль г. Штиглица при пожертвованіи ста тысячъ рублей, была, чтобы капиталъ сей, по моему усмотрѣнію, обращенъ былъ на общественныя заведенія, то я признаю, что означенные 11.780 руб. 96 коп., издержанные въ трудныхъ обстоятельствахъ институтомъ, употреблены *согласно съ цѣлью жертвова-*

[1]) Дѣло унив. арх. 1818 г. № 9.

теля; а потому *въ возвратъ* ни отъ института, а еще менѣе отъ города, который во всемъ этомъ нимало не участвовалъ, *требованы быть не должны, но внесены въ число дѣйствительныхъ расходовъ*, согласно съ мнѣніемъ вашимъ»[1]).

Интересно, что было предположеніе (вѣроятно, *комитета*, копія отношенія котораго была приложена къ письму гр. Ланжерона) и въ данномъ случаѣ заставить *городъ* платить долги *института!*

Другія, болѣе цѣнныя пожертвованія принадлежатъ самому *дюку де-Ришелье.*

Герцогъ, и оставивъ Одессу, не забывалъ о своемъ излюбленномъ дѣтищѣ — *благородномъ институтѣ*, о которомъ всегда такъ много заботился.

По отъѣздѣ во Францію, дюкъ, «не имѣя возможности лично посвятить дарованія свои городу», испросилъ у Государя Императора Высочайшее согласіе на то, чтобы оставленные за нимъ, при выѣздѣ изъ Россіи, доходы съ пожалованной ему *аренды* (3.260 талер. въ годъ) позволено было *обратить на поддержаніе Одесскаго благороднаго института*, о чемъ извѣстилъ Одесскій комитетъ слѣдующимъ письмомъ изъ Парижа отъ $\frac{21 \text{ ноября}}{3 \text{ декабря}}$ 1815 года:

«Государю Императору благоугодно было оставить за мною доходъ, которымъ пользовался я въ Россіи, отъ Всемилостивѣйше пожалованной мнѣ аренды. Его Величество изъявилъ при томъ согласіе свое, чтобы доходъ сей, по желанію моему, былъ обращаемъ на поддержаніе Одесскаго благороднаго института впредь до особеннаго моего о семъ распоряженія.

Деньги сіи выдавались въ установленные сроки изъ Одесской таможни. Я прошу комитетъ отнынѣ принимать оныя въ свое вѣдѣніе и употреблять по сношенію съ коммиссіею института на необходимыя потребности къ поддержанію сего заведенія. То, что по расчисленію будетъ оставаться въ излишествѣ отъ ежегодныхъ издержекъ, я желаю, чтобы было обращено въ воспитаніе въ томъ же институтѣ малолѣтнихъ недостаточныхъ дворянъ изъ трехъ Новороссійскихъ губерній; преимущественно же предъ прочими тѣхъ, коихъ родители были убиты въ продолженіе прошедшей войны.

---

[1]) Дѣло унив. арх. 1818 г. № 9.

Назначеніе таковыхъ дѣтей, сообразно съ количествомъ суммы, должно быть предоставлено выбору губернскихъ предводителей дворянства, съ которыми комитетъ не оставитъ войти по сему въ сношеніе.

Повѣривъ г. *деллъ-Кастелло* распоряженіе собственныхъ дѣлъ моихъ въ Одессѣ, я предоставилъ ему остальныя, послѣ всѣхъ расчетовъ, деньги взнести также въ комитетъ, который благоволитъ представленную отъ него сумму, причисливъ къ вышесказаннымъ арендпымъ деньгамъ, употреблять равномѣрно для потребностей института, на таковомъ же основаніи.

Въ послѣдствіи времени (sic) прошу комитетъ увѣдомить меня о воспитанникахъ, которые по сему распоряженію поступать будутъ въ институтъ».

Эммануилъ *Дюкъ де-Ришелье*[1]).

Въ Парижѣ.
ноябрь 21 / декабрь 3 1815 г.

Замѣчательно, что герц. Ришелье, такъ способствовавшій развитію Одессы во всѣхъ отношеніяхъ, благодѣтельствовалъ ей и по выѣздѣ во Францію, отдавъ нашему городу всѣ свои средства на различныя благотворительныя цѣли Это былъ, дѣйствительно, благодѣтельный геній Одессы—и память его должна быть священна для каждаго одессита. Прибавимъ, что самъ Ришелье былъ человѣкъ далеко не богатый и жилъ исключительно на свое жалованье.

Примѣчаніе. Этимъ не кончились его пожертвованія. 17 октября 1817 г. Реми *Жилле* доноситъ попечителю, что гр. Ланжеронъ вручилъ ему письмо отъ аббата Николя, въ которомъ этотъ другъ дюка, между прочимъ, увѣдомляетъ о новомъ пожертвованіи Ришелье — 15000 фр. въ пользу лицея. Кромѣ того, этому же заведенію онъ пожертвовалъ собственную библіотеку, остававшуюся въ Одессѣ и состоявшую изъ драгоцѣнныхъ, преимущественно французскихъ, изданій. Объ этомъ подробнѣе будетъ сообщено въ исторіи лицея[2]).

---

[1]) Дѣло Одесскаго строительнаго комитета 1816 г. № 235 (*Смоляк.*, Исторія Одессы, 170–171).

[2]) Дѣло канц. попеч. 8-ое, 1817 г., къ № 71, II отд., стр. 2.

XXXI.

Учебныя пособія гимназіи и института.

Учебныя пособія гимназіи. Отсутствіе свѣдѣній объ учебныхъ пособіяхъ въ институтѣ.

Учебныхъ пособій въ гимназіи *почти не существовало:* такъ мало обращалось вниманія на это не въ добрый для іезуитовъ часъ явившееся на свѣтъ учебное заведеніе, обманувшее ожиданія ихъ партіи.

Очень немногія свѣдѣнія о пособіяхъ говорятъ или о совершенномъ отсутствіи или о непригодности ихъ въ дѣлѣ преподаванія.

Приводимъ сохранившіяся о нихъ данныя въ хронологическомъ порядкѣ.

Изъ донесенія визитатора Стойковича въ *1805*-мъ году видно, что въ это время въ гимназіи не было никакихъ пособій, кромѣ двухъ глобусовъ (стр. 54)[1]).

Въ послѣдующее время дѣло не улучшилось. Такъ черезъ три года, въ *1808*-мъ году, въ библіотекѣ было французскихъ книгъ—13, русскихъ—24,—всего 37, и тѣ же 2 глобуса[2]).

Въ *1810*-мъ году въ библіотекѣ гимназіи имѣлось всего 70 названій, въ 100 томахъ,—почти исключительно состоявшихъ изъ періодическихъ изданій, рѣчей, говоренныхъ въ харьковскомъ университетѣ, и обозрѣній публичныхъ лекцій въ немъ-же.

Изъ другихъ *пособій* было: 2 глобуса, 5 ландкартъ и 3 таблицы для складовъ[3]).

Къ 1-му января *1814* г. въ библіотекѣ имѣлось книгъ 140, глобусовъ и ландкартъ—прежнее число.

При сдачѣ гимназическаго имущества 10 августа *1814* года оказались: земной и небесный глобусы, 5 ландкартъ, 3 таблицы для складовъ; въ библіотекѣ—24 названія въ 130 экземплярахъ

---

[1]) Изъ донесенія Вольсея 6 января 1806 г. видно, что имъ въ 1805 году пріобрѣтено для гимназіи: книгъ для библіотеки, *исключительно на французскомъ языкѣ*, на 775 р., 2 глобуса—100 р. и 4 большія карты—40 р.

[2]) Д. унив. арх. 1808 г., № 7.

[3]) Д. канц. попеч. 1810 г., № 1.

(томахъ?); изъ нихъ 78 книгъ періодическихъ сочиненій, рѣчей, произнесенныхъ въ харьковскомъ университетѣ, обозрѣній публичныхъ лекцій—въ немъ же; изъ другихъ книгъ были слѣдующія: Введеніе въ кругъ (курсъ?) словесности—2 экз., Исторія Тавріи, Кругъ хозяйственныхъ свѣдѣній, Извлеченіе историческое и географическое о скиѳахъ, сарматахъ и славянахъ въ 3 томахъ, на французскомъ языкѣ, Пространный историческій лексиконъ, на фр. яз., въ 6-ти томахъ, *Сикарова* общая французская грамматика въ 2-хъ томахъ, Уставъ Харьковскаго университета, Извѣстія о жизни и смерти бывшаго ректора Харьковскаго университета проф. Рижскаго, О выгоднѣйшемъ способѣ добывать и очищать селитру, основанномъ на химическихъ началахъ, Сочиненіе вице-адмирала *Шишкова* подъ названіемъ: Разсужденіе о краснорѣчіи Св. Писанія, Купеческая ариѳметика, въ 2-хъ частяхъ—8 экз., №№ «Русскаго Вѣстника», Карманный календарь на 1812, 13 и 14 г., Правила поэзіи г. Бате, Сельскіе вечера, Неопытная муза о счастіи, Зырянская грамматика, Сочиненіе *Петрова* въ 3-хъ частяхъ, Пчела *Соколова*, Химія Ф. *Гиза*, Уставъ харьковскаго общества наукъ, Извѣстіе о испытаніи минеральныхъ водъ[1]).

Очевидно, что все это былъ *случайный наборъ книгъ*, большею частію никакого отношенія къ учебному дѣлу гимназіи не имѣвшій.

Относительно *учебныхъ пособій въ благородномъ институтѣ* никакихъ данныхъ не имѣется: учебное заведеніе съ частнымъ характеромъ отчетныхъ свѣдѣній о нихъ никогда и ни кому не представляло. Необходимо, однако, изъ всего предыдущаго предположить, что институтъ въ этомъ отношеніи былъ обставленъ вполнѣ удовлетворительно: въ пользу этого заключенія говорятъ особенныя заботы о немъ Ришелье и Ланжерона и тѣ громадныя суммы, которыя расходовались на заведеніе помимо получаемой платы съ воспитанниковъ[2]).

---

[1]) Д. канц. попеч. 1814, № 5.

[2]) Необходимо упомянуть еще о томъ, что въ прогимназіи и пансіонѣ-институтѣ имѣлся *частный физическій кабинетъ*, принадлежавшій учителю Ферри (увольнился въ 1809 г.), памятный, между прочимъ, тѣмъ, что съ него начался пожаръ гимназіи въ 1806 г.

XXXII.

Общее состояніе одесской коммерческой гимназіи и благороднаго института.

Одесская коммерческая гимназія - первое заведеніе такого рода въ Россіи. Сравненіе курсовъ ея съ общими гимназическими. Непрактичность курсовъ ея приготовительныхъ училищъ. Число въ нихъ часовыхъ уроковъ. Сравнительная таблица уроковъ по уставу 1804 г. и въ 1807 и 1816 годахъ въ гимназіи. Выводы отсюда.

Оба заведенія по устройству своему были довольно оригинальны. Начнемъ съ *коммерческой гимназіи.*

Она была *первымъ заведеніемъ* такого рода *въ Россіи*: планъ ея Высочайше утвержденъ *16-го апрѣля 1804 года*, уставъ же учебныхъ заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ (гимназій (общихъ), уѣздныхъ и приходскихъ училищъ), утвержденъ только *черезъ полгода* (5 ноября 1804 г.), а Таганрогской коммерческой гимназіи — черезъ $2^1/_2$ года (1 сентября 1806-го года).

Такъ какъ одесская гимназія была *первымъ опытомъ спеціальныхъ заведеній, подготовляющихъ къ торговому дѣлу*, то этимъ условливаются и нѣкоторыя недостатки въ ея устройствѣ.

Явилась она вслѣдствіе того, что «портовый городъ Одесса, по многолюдству своему и по важной торговлѣ, которая населила въ оном разныхъ народовъ, требуетъ обильныхъ способовъ къ образованію юношества... Въ планѣ ея соглашены всѣ учрежденія съ постановленіями Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія, съ отмѣною только нѣкоторыхъ предметовъ ученія, въ губернскихъ гимназіяхъ преподаваемыхъ, вмѣсто которыхъ введено нѣсколько другихъ, ближайшихъ къ цѣли заведенія и званію обучающихся»[1]).

Изъ предыдущаго мы уже знаемъ, что «великій недостатокъ въ учебныхъ заведеніяхъ... въ Одессѣ... и во всемъ тамошнемъ краѣ, заставилъ присоединить къ сей гимназіи *уѣздное и приходское училища*»...[1]).

Сравнимъ курсы Одесской коммерческой гимназіи съ курсами губернскихъ гимназій по «Предварительнымъ правиламъ»:

---

[1]) Сборн. постан. Т. I, 228—229.

§ 35 Предварит. правилъ:

Въ гимназіяхъ имѣютъ быть преподаваемы изящныя науки, языки латинскій, французскій и нѣмецкій, логика, основаніе чистой математики, также механики, гидравлики и другихъ частей физики, наиболѣе въ общежитіи нужныхъ, сокращенная естеств. исторія, всеобщая географія и исторія, основанія политической экономіи и коммерціи. Сверхъ того будутъ читаны и переводимы сочиненія, служащія къ образованію сердца и подающія чистое понятіе о законѣ Божіемъ и гражданскихъ обязанностяхъ. Сверхъ штата могутъ быть присоединяемы учители гимнастическихъ упражненій.

§ 9 Плана коммерч. гимназіи.

Въ 3-мъ отдѣленіи или гимназіи имѣютъ быть преподаваемы языки: россійскій, французскій, итальянскій и греческій; основанія чистой математики, физики, всеобщей географіи и исторіи; статистическая географія; основанія умственной и практической философіи; естественная исторія и коммерческія науки.

Слѣдовательно, главная *разница* заключается въ томъ, что, вмѣсто латинскаго и нѣмецкаго языковъ, въ комм. гимназіи преподаются *итальянскій* и *греческій языки*, вмѣсто политической экономіи— *основанія умственной и практической философіи*; кромѣ того, въ одесской гимназіи долженъ былъ преподаваться *русскій языкъ* (въ губернскихъ гимназіяхъ отечественный языкъ не входилъ въ число учебныхъ предметовъ: все дѣло ограничивалось курсомъ его въ уѣздныхъ училищахъ).

Въ дальнѣйшія подробности курсовъ коммерческой гимназіи не входимъ,—такъ какъ собственно *гимназическихъ классовъ* въ ней не открывалось во все продолженіе ея тринадцатилѣтняго существованія.

Поэтому остается сосредоточить вниманіе на приготовительныхъ въ гимназіи *училищахъ*,—и преимущественно на *уѣздномъ*, такъ какъ

о приходскомъ можно вполнѣ ограничиться свѣдѣніями, уже приведенными на стр. 34—35,—тѣмъ болѣе, что всѣ заботы и визиторовъ и педагогическаго состава гимназіи были сосредоточены *на двухъ классахъ уѣзднаго училища*, которые должны были подготовить воспитанниковъ для самой гимназіи.

Беремъ точкою отправленія для выводовъ *количество уроковъ по уставу 1804-го года.*

О многопредметности и о несообразованіи проходимаго съ возрастомъ и развитіемъ учащихся мы уже говорили (стр. 35). Прибавимъ къ этому, что *ежедневное число уроковъ* (по *5-ти*) опять таки являлось мѣрою не вполнѣ педагогическою: напряженіе вниманія впродолженіи 5-ти часовъ въ такомъ раннемъ возрастѣ, въ какомъ предполагалось большинство учениковъ уѣзднаго училища, конечно, не соотвѣтствовало силамъ учащихся.

Курсъ *закона Божія совершенно заканчивался въ I-мъ классѣ* —и съ этими знаніями мальчикъ оставался до окончанія курса гимназіи, т. е. *на всю жизнь*, если онъ не поступалъ въ университетъ, и притомъ непремѣнно—въ *отдѣленіе нравственныхъ и политическихъ наукъ*, такъ какъ въ другихъ отдѣленіяхъ «богословіи догматической и нравственной» не преподавалось (§ 24 устава унив. 5 ноября 1804 г.).

Объясненіе воскресныхъ и праздничныхъ евангелій мало восполняло свѣдѣнія по закону Божію,—да притомъ и не могло вестись въ системѣ.

Какъ бы въ дополненіе къ курсу закона Божія во II классѣ читалась книга «*О должностяхъ человѣка и гражданина*», написанная языкомъ, мало понятнымъ для дѣтей.

Физика и «Технологическія замѣчанія, полезныя для мѣстной промышленности и потребностей края», такимъ-же образомъ не могли быть усвоены при 4-хъ часахъ въ недѣлю дѣтьми въ раннемъ возрастѣ. Притомъ же и тотъ и другой предметы нельзя проходить безъ кабинетовъ съ извѣстными пособіями для наглядности преподаванія; а ничего этого не было въ гимназіи.

Такое положеніе дѣла еще болѣе ухудшилось вслѣдствіе прибавленія къ указаннымъ предметамъ еще *четырехъ иностранныхъ языковъ* (французскаго, греческаго, итальянскаго и нѣмецкаго), на

которые, по распоряженію визитатора проф. Рижскаго, положено 19 уроковъ изъ общаго числа 51-го (*уменьшеннаго* противу плана), т. е. 37,2% всего учебнаго времени (значитъ *болѣе трети*). Что же оставалось на всѣ прочіе предметы, мы видѣли на стр. 72-ой.

Съ однимъ только можно бы примириться въ этомъ распредѣленіи—съ *уменьшеніемъ общаго числа недѣльныхъ уроковъ*, еслибы, конечно, *увеличилось и число лѣтъ* на прохожденіе курса,—а иначе и это шло въ прямой разрѣзъ съ требованіями программы училища.

Изъ иностранныхъ языковъ полнѣйшее предпочтеніе дано *французскому языку* (8 урок.),—что вполнѣ понятно въ виду преобладанія французскаго элемента въ средѣ администраціи края и педагогическаго персонала заведенія, большинство котораго состояло изъ французовъ, — помимо общаго увлеченія всѣмъ французскимъ въ началѣ прошлаго столѣтія и практическаго значенія этого языка въ общежитіи. Затѣмъ слѣдуютъ языки, преобладавшіе въ средѣ *торговаго класса* Одессы и очень распространенные по всему побережью южной Европы: *греческій* (по 5 часовъ) и *итальянскій* (по 4 ч. въ недѣлю), — т. е. на нихъ положено было времени на половину меньше, чѣмъ на французскій; на *нѣмецкій же языкъ* удѣлялось всего по 2 часа въ недѣлю (т. е. почти ничего).

Раньше (стр. 72) мы уже высказали мысль, что распредѣленіе Рижскаго явилось, вѣроятно, подъ вліяніемъ Вольсея и Ришелье, т. е. іезуитской партіи.

Подтвердимъ наше мнѣніе самыми фактами.

Уменьшеніе уроковъ по *закону Божію* было, конечно, на-руку этой партіи и имѣло прямую связь съ стремленіями католической пропаганды [1]). При уменьшеніи числа уроковъ по общимъ предметамъ почти не затронуты были только *ариѳметика и геометрія* (вмѣсто 13-ти—12 уроковъ), можетъ быть, просто для отвода глазъ; дано было *преобладаніе* надъ всѣми остальными предметами *новымъ языкамъ*.

---

[1]) Не нужно забывать, что негласнымъ руководителемъ учебно-воспитательнаго дѣла въ Одессѣ былъ аббатъ Николь, который долженъ былъ удалиться изъ Петербурга вслѣдствіе совращенія нѣсколькихъ воспитанниковъ-аристократовъ его пансіона въ католичество.

Все это могло подготовлять вполнѣ пригодный контингентъ для пресловутаго Вольсеевскаго института, въ которомъ именно преобладали эти предметы, какъ увидимъ далѣе. Дни же гимназіи, какъ полагала эта партія, были сочтены,—и тогда Вольсей съ своимъ «пансіономъ» явился бы заправителемъ всего учебнаго дѣла въ Одессѣ, своего рода монополистомъ по части образованія въ нашемъ городѣ.

Ожиданія іезуитской партіи потомъ, дѣйствительно, осуществились,—но нѣсколько позднѣе, чѣмъ она предполагала.

Что̀ дѣлалось далѣе съ числомъ уроковъ въ приготовительныхъ классахъ гимназіи—достаточныхъ свѣдѣній не имѣется до 1816-го года, когда предмета этого касается директоръ Флуки въ своемъ отчетѣ.

Въ этомъ распредѣленіи уроковъ замѣчается уже нѣчто новое.

Во-первыхъ, *число недѣльныхъ уроковъ увеличено*—даже сравнительно съ *планомъ* 1804-го года: вмѣсто *30* уроковъ въ каждомъ классѣ ихъ является уже по *36*-ти, т. е. *по 6 уроковъ ежедневно*, въ ущербъ активной внимательности учениковъ.

Во-вторыхъ, *классы* на нѣкоторыхъ предметахъ *соединяются* (а именно: на законѣ Божіемъ, исторіи и географіи, рисованіи и иностранныхъ языкахъ), слѣдовательно, на каждый изъ нихъ вмѣсто часа—приходится только по $^1/_2$ часа. Выигрыша отъ этого для учебнаго дѣла, конечно, не было: вѣдь курсы различныхъ классовъ не одинаковы; такимъ образомъ на самомъ дѣлѣ на каждый классъ недѣльныхъ учебныхъ часовъ приходилось *не по 36, а только по 22* (на *14 урокахъ учащіеся* были *раздѣлены*).

Но за то были и нѣкоторыя перемѣны къ лучшему, сравнительно съ распредѣленіемъ Рижскаго:

а) *увеличено* число уроковъ по *закону Божію* (4 вм. 2), по языкамъ: россійскому (14 вм. 7) и итальянскому (8 вм. 4)—вдвое, по греческому языку (8 вм. 5) и по геометріи (8 вм. 5);

б) *прибавлено* 8 уроковъ *рисованія*;

в) *оставлено прежное число* уроковъ по ариѳметикѣ (6), исторіи и географіи (8), французскому яз. (8) и чистописанію (2);

г) *исключены изъ преподаванія:* книга о должностяхъ человѣка и гражданина, нѣмецкій языкъ и физика съ техническими

замѣчаніями (послѣднихъ двухъ не было и въ распредѣленіи Рижскаго).

Во всякомъ случаѣ мы встрѣчаемся здѣсь при распредѣленіи уроковъ уже съ другими соображеніями; думаемъ, что они всецѣло принадлежатъ самому Флуки. У этого директора не могло быть никакого намѣренія унизить гимназію передъ институтомъ; у него имѣлся притомъ извѣстный опытъ въ устройствѣ учебной части коммерческой гимназіи: передъ назначеніемъ въ Одессу онъ былъ, какъ мы знаемъ, нѣкоторое время директоромъ подобной же гимназіи — Таганрогской. Тѣмъ не менѣе и здѣсь бросается въ глаза огромное количество времени, опредѣленнаго на иностранные языки: изъ общаго количества уроковъ (72) на нихъ посвящается 32 часа, т. е. 44,4%,— слѣдовательно, *почти половина* всего *учебнаго времени*.

Намъ кажется, что это — вліяніе прежняго строя заведенія и довольно характеристическая особенность коммерческаго учебнаго заведенія въ такомъ важномъ торговомъ пунктѣ, какова Одесса.

Не смотря на нѣкоторыя односторонности въ программѣ и нѣкоторые недочеты въ ней,—изо всего, однако, видно, что Флуки всѣми силами старался поднять заброшенное заведеніе, улучшивъ его по возможности во всѣхъ отношеніяхъ (въ этомъ мы будемъ имѣть случай убѣдиться изъ различныхъ его распоряженій по гимназіи),— и, можетъ быть, достигъ-бы своей цѣли... Но злой рокъ попрежнему тяготѣлъ надъ гимназіей: неожиданно пришло распоряженіе *пріостановиться съ открытіемъ гимназическихъ классовъ*,— вслѣдствіе новой идеи аббата Николя — создать (будто-бы) новое, высшее учебное заведеніе въ краѣ; на самомъ-же дѣлѣ прототипъ этого заведенія уже давно существовалъ: это *благородный институтъ*; но онъ въ послѣдніе годы нѣсколько захирѣлъ и требовалъ нѣкотораго обновленія во многихъ отношеніяхъ, а главное—его старались сдѣлать *независимымъ отъ университета*, отчасти же и *отъ попечителя*, а затѣмъ—идти и дальше въ томъ же направленіи,—какъ видно будетъ изъ исторіи лицея.

XXXII.

(Продолженіе). Число классовъ въ Одесской коммерческой гимназіи. Свѣдѣнія о ней въ различное время. Стойковичъ, Потоцкій, Рижскій, Ферри, Минутъ, Дюгуровъ, Флуки.

Число классовъ въ Одесской коммерческой гимназіи вначалѣ нѣсколько колебалось:

въ 1805-мъ году было по *одному классу* въ обоихъ приготовительныхъ къ гимназіи училищахъ — уѣздномъ и приходскомъ;

въ 1806-мъ *классъ приходского училища* дѣлился на *2 отдѣленія*, въ *уѣздномъ же училищѣ* попрежнему былъ *одинъ* классъ;

въ 1807-мъ, по предложенію визитатора Рижскаго, въ *уѣздномъ училищѣ* открытъ и *II-й классъ*;

съ этого времени въ остальные годы, до 1817 включительно, въ *приходскомъ училищѣ* былъ *одинъ* классъ и въ *уѣздномъ—два*.

Любопытны тѣ свѣдѣнія, которыя въ различное время давались о коммерческой гимназіи различными оффиціальными лицами: визитаторами, попечителемъ, директорами, преподавателями и, наконецъ, частными лицами.

Въ отзывахъ этихъ замѣчается удивительное согласіе, за исключеніемъ мнѣнія гр. Потоцкаго и отчасти Дюгурова.

Свѣдѣнія эти начинаются съ 1805-го года. Профессоръ *Стойковичъ*, ревизовавъ въ это время гимназію (см. подробности на стр. 53—55), находилъ, что правильному ходу учебнаго дѣла въ заведеніи препятствуютъ: несвоевременность полученія суммъ на содержаніе гимназіи, недостаточность помѣщенія, неимѣніе классной мебели и учебныхъ пособій, неподготовленность учениковъ къ слушанію гимназическаго курса.

Все это вмѣстѣ взятое, съ прибавкою разноязычнаго и разноплеменнаго педагогическаго состава гимназіи, собраннаго со всѣхъ концовъ Европы,—слѣдовательно, не связаннаго между собою единствомъ взглядовъ на дѣло воспитанія,—мало говоритъ объ удовлетворительномъ состояніи заведенія.

Осматривавшій гимназію въ слѣдующемъ (1806) году попечитель гр. *Потоцкій*, напротивъ, доноситъ министру о *весьма хоро-*

шемъ состояніи первыхъ двухъ отдѣленій коммерческой гимназіи (т. е. *всего заведенія*, такъ какъ другихъ классовъ въ то время не было), прибавляя, что всѣмъ этимъ она одолжена директору Вольсею.

Ревизія проф. *Рижскаго* въ 1807-мъ году (гл. XIII) указываетъ на рѣдкость или даже совершенное отсутствіе «педагогическихъ совѣтованій» (т. е. на нежеланіе директора обсуждать различные вопросы коллегіально, а стремленіе рѣшать ихъ по собственному усмотрѣнію) и на неудовлетворительность распредѣленія занятій учащихся; слѣдовательно, опять таки на незавидное положеніе заведенія.

Краски еще болѣе сгущаются въ письмѣ учителя *Ферри*[1]) къ «членамъ Харьковскаго университета» во 2 ой половинѣ 1809-го года, при указаніи причинъ увольненія его по прошенію отъ службы: «плохое состояніе училища,... непослушаніе учениковъ, неисправное посѣщеніе ими классовъ, равнодушіе родителей къ успѣхамъ въ наукахъ ихъ дѣтей, отвращеніе, которое получилъ я... къ моей должности, которое и есть послѣдствіе вышеизъясненнаго мною»... Главную причину неуспѣховъ учащихся Ферри видитъ въ многопредметности курсовъ (что, конечно, вполнѣ справедливо). Преподаватель очень дѣльный, хотя и съ нѣсколько своеобразными взглядами (какъ увидимъ впослѣдствіи — въ гл. LXIII и прилож. IV), Ферри при этомъ никого изъ служащихъ не обвиняетъ (слѣдовательно, его письмо не есть ябеда, или доносъ), а указываетъ только на многія неблагопріятныя условія для правильнаго развитія учебнаго заведенія, — что подтверждается и самими директорами.

Въ 1811-мъ году новый директоръ, *Минутъ*, свидѣтельствуетъ опять о плохихъ успѣхахъ учениковъ во всѣхъ преподаваемыхъ предметахъ, а въ особенности въ отечественномъ и иностранныхъ языкахъ,—почему не находитъ никакой возможности открыть въ ближайшее время гимназическіе классы (стр. 94).

Ревизія *Дюгурова*, въ 1812 мъ году (прилож. III) указываетъ и на главную причину такого нежелательнаго явленія—нерасполо-

[1]) Д. канц. попеч. 1809 г., № 1.

женіе Ришелье къ гимназіи и пристрастіе его къ институту,—отчего первое заведеніе совершенно игнорировалось, намѣренно унижалось, хотя испытанія учениковъ его показали, что и въ гимназіи дѣло, по мнѣнію визитатора, шло довольно успѣшно.

Такимъ образомъ Дюгуровымъ найдено, что въ близкомъ будущемъ *возможно открытіе и гимназическихъ классовъ*...

Но тутъ страшное бѣдствіе—появленіе чумы—разрушило всѣ надежды на такой благопріятный исходъ дѣла: прекращеніе ученія почти на цѣлый годъ (8 мѣс. и 6 дней,—съ 29 августа 1812 г. по 5-е мая 1813-го) совершенно разстроило школу,—ученики перезабыли и то, что̀ ими, хотя и поверхностно, было уже усвоено...

Слѣдовательно, все нужно было начинать сызнова.

Новая ревизія *Дюгурова* въ 1814 г. мало знакомитъ съ положеніемъ гимназіи вообще: вопросъ рѣшался только о возможности соединенія ея съ институтомъ (стр. 127 и слѣд.); положительныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи, какъ мы уже знаемъ, достигнуто не было.

Зато въ 1816 году изъ донесенія новаго директора, Флуки [1]), мы довольно подробно знакомимся съ плохимъ состояніемъ учебнаго дѣла: ученики неисправно посѣщали классы и потому, конечно, не оказывали успѣховъ; учители, занимаясь въ соединенныхъ классахъ, на нѣкоторыя отдѣленія могли удѣлять не болѣе $^1/_4$ часа; родители совершенно не интересовались успѣхами своихъ дѣтей,—почему и не имѣли никакихъ сношеній съ школою; ученики часто выбывали, и занятія съ вновь поступавшими отвлекали учителей отъ занятій съ большинствомъ класса; зимою, вслѣдствіе распутицы, ученіе почти прекращалось на неопредѣленное время (стр. 136 и слѣд.).

Противу всего этого Флуки, какъ увидимъ, принималъ извѣстныя мѣры, — и въ слѣдующемъ году могъ надѣяться поправить учебное дѣло въ гимназіи... Но—все разстроилось въ виду предположеннаго открытія новаго заведенія—*лицея*.

---

[1]) Дѣло канц. попеч. 1816 г., № 1.

XXXIV.

(Продолженіе). Пансіонъ Вольсея-Ришелье и Благородный институтъ. Распредѣленіе предметовъ ученія по годамъ. Таблица уроковъ въ отдѣленіяхъ (классахъ). Выводы изъ нея. Распредѣленіе часовъ занятій.

Переходимъ къ *пансіону Вольсея—Ришелье* и *благородному институту*.

Съ оригинальностью устройства пансіона мы ознакомились въ гл. VIII-ой.

Тамъ же нами указаны и предметы преподаванія въ этомъ учебно-воспитательномъ заведеніи.

Дополняемъ приведенныя свѣдѣнія *таблицею числа часовъ занятій по предметамъ* въ каждомъ изъ четырехъ отдѣленій (курсы въ каждомъ были *двухгодичные*).

ПРЕДМЕТЫ	Отдѣленія				
	I	II	III	IV	Всего
Законъ Божій	1	1	1	1	4
Русскій языкъ	3½	3½	8	14	29
Математика	6	6	8½	12	32½
Географія	4	4	1	—	9
Французскій языкъ	8½	8½	16	20	53
Итальянскій языкъ	6½	6½	6½	—	19½
Греческій языкъ	4½	4½	4½	—	13½
Нѣмецкій языкъ	4½	4½	4½	—	13½
Чтеніе на одномъ изъ 5-ти языковъ	2	2	—	—	4
Переводы	3	3	—	—	6
Сочиненія	1½	1½	—	—	3
Поправка	1½	1½	—	—	3
Рисованіе	6	6	—	—	12
Музыка	5	5	—	—	10
Военн. экзерциц.	1	1½	1½	1½	4½
Уроки на память	6	6	6	—	18
Слѣдоват. часовъ занятій было	64½	65	57½	47½	234½

Въ среднемъ числѣ приходится на I-ое и II-ое отдѣленія по 11 часовъ (10,6) въ день, на III-ье—9,5 и на IV-ое—8 (7,7)—для всѣхъ отдѣленій—9,7 час. Такое количество часовъ занятій, конечно, вообще очень велико; въ частности же нѣсколько странно, что съ увеличеніемъ возраста ежедневное количество часовъ занятій уменьшается.

Впрочемъ, если остановимся собственно на *научныхъ урокахъ*, то число ихъ во всѣхъ отдѣленіяхъ будетъ почти одинаково; а именно, исключивъ рисованіе, музыку, военныя экзерциціи и подготовку уроковъ, найдемъ, что въ I-мъ отдѣленіи въ недѣлю было научныхъ занятій — 46½ час., во II-мъ — 47½ (по 7⅔ час. въ день), въ III-мъ — 50 и въ IV-мъ — 47 (почти по 8 час.), — всего 190 часовъ (среднимъ числомъ по 8 час. въ день).

Изъ этой же таблицы видно, на какіе предметы употреблялось болѣе учебнаго времени, — а именно:

а) на *иностранные языки* (присоединяя сюда рубрики: чтеніе на одномъ изъ 5-ти языковъ (4 ч.), переводы (6 ч.) и поправки диктовокъ (3 ч.) — 112½ часовъ, т. е. 69,4% *всего учебнаго времени*, — слѣдовательно, почти ⅔ его; б) изъ нихъ собственно на *французскій* — 49 час., т. е. 25,7% *всѣхъ учебныхъ часовъ*, или 37,3% часовъ на изученіе иностранныхъ языковъ.

б) на *математику*	16,8%
в) » *русскій языкъ*	14,7
(присоединяя же сюда рубрику «Сочиненія»	16,8)
г) » *географію*	4,7 [1])
д) » *законъ Божій*	2,1.

Изъ этого слѣдуетъ, что главными предметами, на которые обращалось особенное вниманіе въ пансіонѣ, были: *иностранные языки* (преимущественно — французскій), *математика* и *отечественный языкъ*. Въ высшей степени странно было поставлено преподаваніе *закона Божія*: 1 часъ въ недѣлю — *одновременно для всѣхъ 4-хъ отдѣленій*: выводъ изъ этого напрашивается самъ собою: іезуитамъ не зачѣмъ было заботиться объ этомъ, важномъ для православныхъ учениковъ, предметѣ.

Чтобы виднѣе была самая система ежедневнаго преподаванія, намъ слѣдовало-бы привести самое *распредѣленіе часовъ въ классахъ на цѣлую недѣлю;* но во избѣжаніе помѣщенія множества

---

[1]) *Исторія* проходилась только въ 3-й и 4-й годы; поэтому число уроковъ ея не обозначено въ распредѣленіи.

таблицъ, выбираемъ изъ нихъ хотя одну, и затѣмъ дѣлаемъ выводъ *изо всѣхъ нихъ*. Беремъ *распредѣленіе во вторникъ* (во время первыхъ двухъ лѣтъ), какъ менѣе сложное [1]).

Отдѣленія. / Часы.	I	II	III	IV
6—7	Уроки на память			
7—8	Греческій языкъ			Читать и писать по-русски
8—9				
9—10	Нѣмецкій языкъ			
10—11	Музыка			Ариѳметика
11—12			Диктовка по-русски	
2—3	Законъ Божій			
3—4	Русскій языкъ			Читать по-русски
4—5	Читать на одномъ изъ 5-ти языковъ		Диктовка по-русски	Писать по-русски
5—6	Переводы		Ариѳметика	Ариѳметика
6—6½	Военныя экзерциціи			

Незаполненныя клѣтки означаютъ часы, свободные отъ занятій.

Распредѣленіе часовъ во многомъ дополняетъ характеръ занятій въ пансіонѣ.

Бросается въ глаза частое *соединеніе отдѣленій на большинствѣ уроковъ*, — что, конечно, не могло особенно способствовать успѣхамъ воспитанниковъ и довольно вредно отзывалось на нихъ въ санитарномъ отношеніи. При такихъ соединеніяхъ могло быть въ классѣ до 60—70 воспитанниковъ, а это уже является прямымъ нарушеніемъ самыхъ примитивныхъ педагогическихъ требованій.

Очевидно, что такимъ образомъ успѣхи и здоровье воспитанниковъ приносились въ жертву денежнымъ интересамъ содержателя пансіона: вмѣсто вознагражденія за *3—4 часа* занятій преподаватель получалъ плату за *1 часъ*, работая съ нѣсколькими соединенными отдѣленіями въ одной комнатѣ.

---

[1]) Дѣло канц. попеч. 1806 г., № 4.

XXXV.

(Продолженіе). Институтъ при директорѣ Минутѣ. Предметы ученія. Число уроковъ по предметамъ. Выводы отсюда.

Изъ свѣдѣній о *благородномъ институтѣ* (такъ въ *первый разъ* названъ пансіонъ, въ отчетѣ, представленномъ директоромъ Минутомъ 13-го марта 1812 года [1]), по требованію комитета) видно, что въ это время воспитанники распредѣлялись *по 4-мъ классамъ*, при чемъ I-й («нижній») раздѣлялся на 2 отдѣленія.

Въ первомъ изъ отдѣленій I-го класса воспитывались малолѣтніе, которые «ни какихъ еще не получили началъ въ наукахъ». Они обучались закону Божію, чтенію и чистописанію «на россійскомъ и французскомъ языкахъ» и началамъ ариѳметики; во 2-мъ же отдѣленіи—закону Божію, россійскому и французскому языкамъ «по правиламъ грамматики», краткой исторіи и географіи, первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики и чистописанію.

Во II-мъ классѣ—закону Божію, грамматикѣ россійскаго и французскаго языковъ «въ большемъ пространствѣ», исторіи и географіи, чистописанію, ариѳметикѣ, геометріи и рисованію.

Въ III-мъ—закону Божію, синтаксису россійскаго, французскаго, нѣмецкаго и итальянскаго языковъ, исторіи, географіи, геометріи, алгебрѣ, артиллеріи, фортификаціи, началамъ физики и рисованію.

Въ IV-мъ классѣ—закону Божію, риторикѣ россійскаго и французскаго языковъ, нѣмецкому и итальянскому языкамъ, исторіи, географіи, высшей геометріи, тригонометріи, геодезіи, артиллеріи, фортификаціи, физикѣ и рисованію.

Къ этому прибавлено: «латинскому же языку оставляется учиться *по желанію* каждаго, и потому въ классъ сей приходятъ ученики изъ 3-хъ старшихъ классовъ».

Сверхъ того, въ свободное отъ ученья время воспитанники занимались музыкою, танцованьемъ, фехтованьемъ, а въ лѣтнее время экзерциціею.

Сравнивая эти указанія на предметы, проходимые въ каждомъ классѣ, съ перечисленными въ гимназіи пансіона Вольсея—Ришелье,

[1]) Д. канц. попеч. 1811 г., № 4.

мы не находимъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ распредѣленіи—а именно: англійскаго языка, военной архитектуры, бухгалтеріи, россійскаго законовѣдѣнія и проч.

Можно бы такой фактъ объяснить тѣмъ, что во всѣхъ классахъ въ это время преподавались *предметы 1-го года* (курсы каждаго класса были *двухлѣтніе*), а въ предъидущемъ году *окончило полный курсъ* заведенія *5 воспитанниковъ*; но такое предположеніе врядъ-ли будетъ справедливо,—такъ какъ изъ нѣкоторыхъ данныхъ скорѣе можно заключить, что самые курсы въ нѣсколькихъ классахъ были уже не двухлѣтніе, а однолѣтніе.

Во всякомъ случаѣ въ курсахъ пансіона-института *были нѣкоторыя измѣненія противу положенія «пенсіона»*, и, *по произволу* завѣдывающихъ этимъ заведеніемъ, нѣкоторые предметы даже *передвигались* въ другіе классы: такъ въ I-мъ классѣ, показана *исторія*, а по прежней программѣ она отнесена была къ 3-му и 4-му годамъ, слѣдовательно—ко II-му классу, и пр.

Видно, что въ это время стали уже приводиться мало-по-малу въ исполненіе предначертанія аббата Николя, нашедшія нѣсколько позднѣе (въ 1814-мъ году) свое полное примѣненіе въ «Начертаніи правилъ воспитанія въ обоихъ Одесскихъ институтахъ».

Сдѣлано было бы это, можетъ быть, и раньше, но 1812—1813 годы неблагопріятно отразились и на пансіонѣ-институтѣ: вслѣдствіе чумы число воспитанниковъ значительно понизилось.

Многія особенности *благороднаго института*, по плану аббата Николя, нами уже указаны, а равно и распредѣленіе предметовъ ученія по классамъ заведенія (стр. 122—123).

Сравнивая эти данныя съ курсомъ *пансіона Вольсея—Ришелье*, найдемъ, что отношеніе между предметами во многомъ измѣнилось, —а именно:

а) *новые иностранные языки уже не подавляютъ собою всѣхъ остальныхъ предметовъ* (вм. 69,4% всѣхъ учебныхъ часовъ—только 18,1, и даже съ присоединеніемъ древняго (латинскаго) языка)—36,2;

б) на *математику* вмѣсто 16,8 назначается только 11,0; съ военными же науками—20,4%;

в) на *русскій языкъ* вм. 14,7 опредѣлено теперь *почти вдвое меньше времени*—8,6;

г) на *законъ Божій* время также значительно уменьшено,—вмѣсто 2,1%, только 1,5;

д) на *географію* значительно увеличено,—вмѣсто 4,1%—7,6.

Остальныхъ предметовъ мы не сравниваемъ, потому что о числѣ уроковъ по нѣкоторымъ изъ нихъ (напр. по исторіи и латинскому языку) нѣтъ вовсе свѣдѣній.

Изо всего предъидущаго слѣдуетъ, что преобладающими предметами въ благородномъ институтѣ по-прежнему были *математика съ военными науками*, *исторія*, *новые иностранные языки* и вновь введенный *латинскій языкъ*; на *законъ же Божій* обращается вниманія еще меньше, чѣмъ прежде.

Не краснорѣчиво-ли говоритъ въ послѣднемъ случаѣ присутствіе въ институтѣ *двухъ іезуитовъ-миссіонеровъ*, которымъ назначено было и содержаніе въ ряду другихъ лицъ, служащихъ въ институтѣ? Необходимо замѣтить, что указаній на іезуитовъ въ отчетахъ пансіона-института *нигдѣ не встрѣчается*,—свѣдѣнія же эти взяты нами изъ *книги расходовъ института на 1813-й годъ*, т. е. изъ *домашняго документа*, не подлежащаго какому-либо контролю со стороны лицъ, не принадлежащихъ къ администраціи заведенія.

Слѣдовательно, всѣ *особенности пансіона Вольсея—Ришелье перенесены и на благородный институтъ*, и характеръ заведенія съ перемѣною его названія почти не измѣнился.

XXXVI.

(Продолженіе). Подробное изложеніе предметовъ ученія въ благородномъ институтѣ [1]). Планъ воспитанія въ немъ.

Ознакомимся съ ходомъ занятій въ институтѣ въ 1-й и во 2-й годъ въ каждомъ классѣ (курсы въ нихъ были *двухгодичные*)—по *тримѣсячіямъ* (т. е. по четвертямъ) каждаго года:

---

[1]) Начерт. прав. 17—21.

	I кл.		II кл.	III кл.	IV кл.
1-й годъ. 1-е трехлѣтіе	Лат. и русск. склон. и спряж. Спряженія франц. Первыя 2 правила ариѳметики	Духовное ученіе въ теченіи сего года заключаетъ св. Исторію.	Изъясн. отбора мѣстъ изъ Тит. Ливія Изъясн. лучшихъ басенъ Федра; лучшія русскія басни Избранныя франц. басни, и пере-воды съ лат. на франц. яз. Древн. исторія до постр. храм. Соломона	Небольшой курсъ логики съ изъяс-неніемъ правилъ риторики на русск. языкѣ. Сокращ. курсъ истор. литер. на франц. яз. Исторія среднихъ вѣковъ до завоеваній Магометовыхъ	Ариѳмет. и геометр. до стереом. Практическая математика
2-е трехлѣтіе.	Синтаксисъ латинск. и русск. яз. Синтаксисъ франц. яз. Первыя 2 правила ариѳметики		Изъясн. лучш. мѣстъ изъ Тита Ливі » » » » Екл. и Георг. Вергилія Избранн. русск. басни и пастуш. стихотвор. Лучшія франц. басни и паст. сти. переводъ съ лат. на франц. яз. Древняя исторія до изданія Кир. повелѣнія о возстановл. храма.	Изъясненіе нѣкоторыхъ рѣчей Ци-церона и сочиненія на русск. яз. Избранныя мѣста изъ русск. орато-ровъ и поэтовъ драматическихъ. Разборъ лучш. мѣстъ изъ франц. ораторовъ и поэтовъ драматич. Истор. средн. вѣковъ до возобно-вленія Карломъ Великимъ Западн. Имперіи	Стереометрія и тригонометрія Практическая математика.
3-е трехлѣтіе.	Изъясненіе книги Appendix de diis. Курсъ миѳол. на русск. яз. Переводъ съ лат. на франц. яз. Древняя геогр. Азіи и Африки Третье правило ариѳметики		Изъясн. лучш. мѣстъ изъ Тита Л. » » » » Овидія. Лучш. русскія стихотв. описаніяр. » франц. » » и переводы съ лат. на франц. я. Древняя исторія по смерть Ал. В.	Изъясненіе нѣкоторыхъ рѣчей Цицерона и сочиненія на русск. яз. Избр. мѣста изъ русск. орат. и поэт. драматич. Разборъ лучш. мѣстъ изъ фр. орат. и поэтовъ драматич. Исторія средн. вѣковъ до Крестов. походовъ.	Коническія сѣченія. Курсъ фортификаціи
4-е трехлѣтіе.	Изъясненіе на Appendix de diis. Курсъ миѳол. на русск. яз. Переводъ съ латин. на франц. яз. Древняя географія Европы Четвертое правило ариѳметики		Изъясн. луч. мѣстъ изъ Саллуст. » » одъ Горація. Лучш. русск. лирич. стихотворе. » франц. стихотв. и перевод. съ латин. на франц. яз. Древняя исторія по конецъ Пун. войны.	Изъясненіе нѣкот. рѣчей Цицерона и сочиненія на русскомъ яз. Лучшія мѣста изъ русск. драматич. писателей Исторія средн. вѣковъ до упадка Восточной имперіи или взятія турками Константинополя	Дифференц. и интегральн. исчисленія Курсъ фортификаціи Практ. математика. *Примѣчаніе:* Ученіе нѣм. и греч. языковъ въ теченіе сего года за-ключаетъ грамматику сихъ яз. и изъясн. лучш. прозаич. писателей
2-й годъ. 1-е трехлѣтіе.	Изъясненіе жизни вел. полков. Корн. Непота Перев. съ лат. на франц. яз. Новѣйшая географія сѣверной части Европы. Дробныя числа	Духовн. ученіе сего года заключаетъ изъясненіе Символа вѣры, таинствъ и 10 заповѣдей	Изъясн. лучш. мѣстъ изъ Тацит. » » » Вирг. Енеид. Лучш. русск. эпич. стихотвор. » франц. стихотворенія и пере-воды съ лат. на франц. языкъ. Древн. истор. по Рожд. Христова.	Повтореніе курса логики на русск. языкѣ. Сочиненія на франц. языкѣ. Исторія новѣйшихъ временъ до начала лютер. исповѣданія	Курсъ механики Практич. математика.
2-е трехлѣтіе.	Изъясн. жизни вел. полк. К. Непота. Переводъ съ лат. на франц. яз. Новѣйшая геогр. остальной части Европы. Ариѳметич. пропорція		Изъясн. мѣстъ изъ Тацита. » » » Енеиды Лучш. русск. эпич. стихотв. и пере-воды съ лат. на франц. яз.	Курсъ метафизики на русск. яз. Истор. новѣйш. времен. до Вестфаль-скаго мира.	Курсъ физики. » артиллеріи Практич. математики.
3-е трехлѣтіе	Изъясненіе жизни Алекс. Вел. Кв. Курція. Перев. съ лат. на франц. яз. Новѣйшая географія Азіи и Африки. Геометрич. пропорц.		Изъясн. лучш. рѣч. Цицерона. » » сатиръ Горація. Лучш. русск. дидактич. стихотв. » франц. » » и переводъ съ лат. на франц. я. Древн. ист. до раздѣл. Римск. им. при Аркад. и Онор.	Курсъ морали на русск. яз. Сочиненія на франц. языкѣ. Исторія новѣйш. врем. до Больш. Сѣверн. войны при Петрѣ Велик.	Курсъ физики » артиллеріи Практич. математика.
4-е трехлѣтіе.	Изъясненіе жизни Алекс. В. Кв. Курція. Переводъ съ лат. на франц. яз. Географія Америки. Ариѳм. и геометр. прогрессія		Изъясн. лучш. мѣстъ изъ Сенек. » Гораціевой Піитики. Лучш. русск. дидактич. стихотв. Боалова Піитика и перев. съ лат. на франц. яз. Древн. ист. до паденія Зап. Римск. имперія	Курсъ народнаго права Сочиненія на франц. языкѣ. Исторія новѣйшихъ временъ до нашихъ дней	Часть астрономіи, объясняющая систему міра. Курсъ артиллеріи. Практич. математика *Примѣчаніе:* Ученіе нѣм. и греч. яз. въ теченіи сего года заключ. изъясненіе лучшихъ стихотворцевъ.

Въ VI-ой главѣ «Начертанія» выясняется составителемъ планъ воспитанія въ институтѣ [1]).

Изъ него видно желаніе блеснуть *многопредметностью*, *энциклопедичностью*,—но не *основательностью знаній*. Къ институту, слѣдовательно, вполнѣ приложимо выраженіе графа Уварова о «роскоши полузнаній», или извѣстное мѣсто изъ «Евгенія Онѣгина»:

Мы всѣ учились *понемногу*.
Чему-нибудь и какъ-нибудь...

Въ самомъ дѣлѣ (беремъ нѣсколько примѣровъ изъ «Подробнаго изложенія предметовъ ученія въ благородномъ институтѣ»): возможно-ли въ 3-й годъ ученія осмысленное чтеніе ученикомъ *Тита Ливія*, *Овидія*, *Саллюстія*, *Горація*; въ 4-й г. — *Тацита*, *Виргилія*, *Сенеки*? Все это *во II-мъ классѣ!* Возможно-ли изученіе курса *логики*, хотя-бы и «небольшаго», какъ замѣчаетъ «Подробное изложеніе»,—въ три мѣсяца (III кл.)? Такой же срокъ дается въ томъ же классѣ на изученіе *метафизики* и *народнаго права*. Возможно-ли изучить въ 3 мѣсяца (IV кл.) *дифференціальныя и интегральныя счисленія*, *механику*? въ 6 мѣсяцевъ—*фортификацію*,—и проч. и проч. въ такомъ же родѣ?

Все это, однако-жъ, нельзя ставить въ исключительную вину аббату Николю, составителю программъ. Такіе курсы были вообще въ духѣ тогдашняго времени. Составители устава Александровскихъ гимназій руководствовались такими же точно воззрѣніями; даже программы уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, какъ мы имѣли случай видѣть, наполнялись всевозможными предметами, переварить которые не въ силахъ были учащіеся въ этихъ начальныхъ училищахъ.

Преобладаніе въ преподаваніи иностранныхъ языковъ выражается еще болѣе наглядымъ образомъ въ томъ, что и большинство предметовъ читалось *не на русскомъ языкѣ*. Въ «Начертаніи» тщательно отмѣчаются тѣ изъ нихъ, преподаваніе которыхъ велось на отечественномъ языкѣ. Это—*исторія*, *географія*, *математика* и *военныя науки*. По нашему мнѣнію, составители программъ и въ этомъ случаѣ врядъ-ли были вполнѣ искренни. Заключаемъ это изъ

[1]) Стр. 112—116.

того, что и гораздо позднѣе, уже въ Ришельевскомъ лицеѣ, обнаружено было ревизіею, что преподаваніе математики велось на французскомъ языкѣ, — а это обстоятельство многихъ изъ учащихся ставило въ очень затруднительное положеніе.

XXXVII.

(Продолженіе). Число классовъ въ пансіонѣ Вольсея-Ришелье и въ благородномъ институтѣ въ различное время. Приготовительный классъ. Распредѣленіе часовъ занятій. Число уроковъ по различнымъ предметамъ ученія.

Изъ «Подробнаго описанія пансіона» Ришелье—Вольсея мы знаемъ, что въ этомъ заведеніи въ 1805-мъ г. предположено было *четыре отдѣленія* (класса), съ *двухгодичнымъ курсомъ* въ каждомъ (§ 35).

Затѣмъ классы постепенно формировались, число воспитанниковъ увеличивалось (въ 1806-мъ году ихъ было всего 32), и въ 1809-мъ году мы уже встрѣчаемъ въ пансіонѣ *5 отдѣленій*, при *90 воспитанникахъ*. То же число классовъ оставалось и въ 1811 г. Въ 1812 году, по донесенію директора Минута [1]), въ *пансіонѣ-институтѣ* было 4 класса; но 1-й изъ нихъ раздѣлялся на 2 отдѣленія («половины», какъ выражается Минутъ).

Въ «1-ой половинѣ» I-го класса обучались такіе малолѣтніе, кои ни какихъ еще не получили началъ въ наукахъ. Они обучались закону Божію, чтенію и чистописанію на русскомъ и французскомъ языкахъ и началамъ грамматики».

Во 2-ой «половинѣ» того-же класса: закону Божію, русскому и французскому языкамъ «по правиламъ грамматики», краткой исторіи и географіи, первымъ четыремъ правиламъ ариѳметики и чистописанію.

Во II-мъ классѣ: закону Божію, грамматикѣ русскаго и французскаго языка «въ большемъ пространствѣ», исторіи, географіи, ариѳметикѣ, геометріи, чистописанію и рисованію.

[1]) Дѣло канц. попеч. 1811 г., № 4.

Въ III-мъ классѣ: синтаксису русскому и французскому, нѣмецкому и итальянскому языкамъ, исторіи, географіи, геометріи алгебрѣ, артиллеріи, фартификаціи, началамъ физики и рисованію.

Въ IV-мъ: закону Божію, риторикѣ русскаго и французскаго языковъ, нѣмецкому и итальянскому яз., исторіи, географіи, высшей геометріи, тригонометріи, геодезіи, артиллеріи, фартификаціи и рисованію.

Латинскому языку обучались только желающіе, и потому «въ классъ сей приходятъ ученики изъ трехъ старшихъ классовъ».

Сверхъ того, въ свободное отъ ученія время воспитанники занимались музыкою, танцованіемъ, фехтованіемъ, а въ лѣтнее время «экзерциціею».

Мы съ цѣлію помѣстили эту краткую программу, потому что изъ нея оказывается, что курсы «пансіона» нѣсколько измѣнились: нѣкоторыхъ предметовъ мы уже вовсе не находимъ (*англійскаго языка*, начальныхъ правилъ *военной архитектуры*, *веденія бухгалтерскихъ книгъ*, *россійскаго законовѣдѣнія*, *межеванія* и проч. словомъ, *тѣхъ самыхъ предметовъ*, *которыхъ не преподавалось* въ послѣднее время и въ *пансіонѣ Вольсея—Ришелье*). Такимъ образомъ наше предположеніе о вліяніи аббата Николя на нѣкоторыя измѣненія въ «пенсіонѣ» еще болѣе подтверждается (гл. XV). Самое распредѣленіе предметовъ по классамъ нѣсколько измѣнилось. Словомъ, видно, что указанныя въ «Подробномъ описаніи» программы не строго выполнялись; да и самое число лѣтъ пребыванія въ пансіонѣ едва-ли не измѣнилось: по-крайней-мѣрѣ нигдѣ не говорится, чтобы курсы классовъ въ послѣднее время были двухлѣтніе.

Въ институтѣ въ 1814—1816-хъ годахъ было *4 класса*, а въ 1817-мъ *прибавился* еще *приготовительный*. Это число классовъ и оставалось неизмѣннымъ до преобразованія благороднаго института съ гимназіею въ *Ришельевскій лицей*.

Въ 1816-мъ году былъ составленъ *планъ приготовительнаго класса*. Приводимъ его въ подлинникѣ, такъ какъ онъ представляетъ интересъ во многихъ отношеніяхъ (докладъ директора 1 августа 1816 г.)[1]):

[1]) Д. унив. арх. 1816 г., № 75.

«Какъ для приготовительнаго класса не было по плану (института) никакого постановленія, но (то?) нынѣ, при формальномъ открытіи онаго, представить честь имѣю планъ (его):

I. *По учебной части:* Учиться дѣтямъ приготовительнаго класса по *6 часовъ* въ сутки, въ 4 урока, *каждый по 1½ часа*, и оставляя между уроками время отдохновенія и гулянія по цѣлому часу. Предметы ученія: чтеніе и письмо, попеременно по-русски, латыни и французски, и св. исторія; сей послѣдній предметъ *преподавать имъ машинально (?) даже въ прогулкахъ*»... Уроковъ полагается въ недѣлю: 18—чтенія и письма русскаго и латинскаго, 9 часовъ —св. исторіи, 9 час.—французск. яз.

«II. По части руководства дѣтей въ остальное время отъ ученія: обѣдать и ужинать имъ вмѣстѣ съ прочими; вставать поутру въ 6¾ часа, одѣваться до 7½ часовъ, молиться Богу и завтракать до 8 час., въ 8 час. входить имъ въ классъ и продолжать ученіе, какъ выше расположено. Позволить имъ съ I-мъ, какъ II-му съ III-мъ классами, на основаніи плана, сообщенія, за что и садъ раздѣлить пополамъ. Напротивъ, дѣтямъ приготовительнаго и I-го класса вмѣстѣ и порознь съ воспитанниками II-го и III-го, также вмѣстѣ и порознь, строго запретить всякое сообщеніе». *Резолюція*: «Положеніе сіе коммиссія утверждаетъ».

Въ томъ же году *закрытъ былъ IV-й классъ* (докл. 20 авг.): «Съ новаго курса послѣ публичнаго испытанія въ іюлѣ 1815 г., т. е. съ 12 іюля, *уничтоженъ IV-й классъ* за выпускомъ всѣхъ воспитанниковъ онаго и съ сего времени производство жалованья по всѣмъ предметамъ сего класса, какъ равно и надзирательское, прекращено *съ вѣдома и согласія самихъ учителей*... и по *предварительному извѣщенію аббата Николя*» (члена по учебной части въ коммиссіи института)[1]).

Въ *1816-мъ* году, по донесенію директора Флуки, употреблялось «самое ограниченное время и притомъ очень скупо отмѣренное: на *катехизисъ—1 урокъ* отъ 10½ до 12 часовъ, по пятницамъ, *для первыхъ трехъ классовъ вмѣстѣ* (въ IV-мъ классѣ предметъ этотъ вовсе не преподавался) и *изъясненіе Евангелія*—1 ур. по субботамъ отъ 10½ до 12 часовъ *для всѣхъ классовъ вмѣстѣ*».

[1]) Id.

Въ *1817-мъ* году было: въ концѣ 1-ой половины года и въ сентябрѣ 5 классовъ: приготовительный и I—IV; а въ концѣ года 4 класса: приготовительный и I—III-й (за выпускомъ IV-го).

На стр. 116-ой мы привели распредѣленіе времени во всѣхъ 4-хъ классахъ института. Изъ него видно, что учащіеся почти не имѣли промежутковъ между занятіями, которыя начинались *съ 6 часовъ утра* и оканчивались *около 6—6½ часовъ вечера*, т. е. продолжались болѣе 12 часовъ, прерываясь только на 2 часа—съ 12 до 2-хъ часовъ.

Изъ донесенія Флуки 1 ноября 1816 г.[1]) видно, между прочимъ, что распредѣленіе занятій было уже гораздо раціональнѣе,—а именно:

Въ младшемъ (I-мъ) классѣ назначался часовой отдыхъ послѣ каждаго урока, въ старшихъ—получасовой послѣ двухъ часовъ занятій; при этомъ на повтореніе уроковъ въ II—IV классахъ посвящалось по 2 часа въ день: одинъ поутру и другой послѣ обѣда. Въ I-мъ же классѣ такихъ подготовокъ не назначалось: очевидно, имѣлось въ виду, чтобы дѣти, не привыкшія еще къ самостоятельнымъ занятіямъ, на самыхъ урокахъ закрѣпляли бы въ памяти преподанное имъ и усваивали его, не выходя изъ классной комнаты.

Въ I-мъ классѣ занятія начинались съ 8-ми часовъ утра, въ старшихъ— съ 7-ми.

Приводимъ самое распредѣленіе времени:

а) въ I-мъ классѣ: отъ 8 до 9½—урокъ, отъ 9½ до 10½—отдыхъ; 10½—12—урокъ; 12—3—обѣдъ и отдыхъ; 3—4½—урокъ, 4½—5½—отдыхъ; 5½—7 урокъ, 7—8—отдыхъ.

б) во II—IV классахъ: 7—8—повтореніе уроковъ, 8—10 классный урокъ, 10—10½—отдыхъ; 10½—12—урокъ; 2—5—уроки; 5—6—повтореніе уроковъ; 6—8—танцы, музыка и фехтованіе.

Такимъ образомъ всѣхъ часовъ занятій въ день было: въ I-мъ классѣ—6 часовъ, во II-мъ—9, въ III-мъ и IV-мъ—9—10, изъ которыхъ 1 часъ употреблялся на танцы, музыку и фехтованіе.

---

[1]) Дѣло канц. попеч. 1815 г., № 7.

На основаніи указаній директора Флуки о *числѣ уроковъ* въ это время *по различнымъ предметамъ* нами составлена слѣдующая таблица.

Предметы:	Классы: I	II	III	IV [1])	Всего
Законъ Божій	8	3	1½	1½	14
Русскій языкъ и словесность	4	3	6	6	19
Латинскій яз. и словесность съ миѳологіей	4	6	6	—	16
Франц яз. и словесность	6	6	6	4½	22½
Греческій языкъ	—	—	—	6	6
Математика	—	3	6	6	15
Исторія	—	—	—	6	6
Географія	—	6	6	—	12
Рисованіе	—	—	3	3	6
Чистописаніе	—	3	—	—	3
Всего	22	30	34½	33	119½

Сравнивая эту таблицу съ прежнею, мы видимъ, что:

1) Число учебныхъ предметовъ *уменьшилось*: нѣтъ, напр., философіи.

2) Число уроковъ *увеличилось*: по Закону Божію (14, вм. 3), русскому языку (19, вм. 16½), французск. яз. (22½, вм. 18½) [2]).

3) Число уроковъ *уменьшилось:* по латинскому языку (съ 34½ до 16), математикѣ (съ 21 до 15), исторіи (съ 30 до 6), географіи (съ 14½ до 12), рисованію (съ 12 до 6).

4) Изъ иностранныхъ языковъ попрежнему преобладающимъ является *французскій*.

5) *Чистописаніе* выдѣлено въ особый предметъ.

6) Время на приготовленіе уроковъ *увеличилось* до 36 час. въ недѣлю, вм. 24.

7) Число часовъ на танцы, фехтованіе и музыку не сравнивается, такъ какъ въ прежнемъ распредѣленіи не показано, сколько времени употреблялось на музыку.

Примѣчаніе 1. Мы должны оговориться, что, собственно IV-ый классъ послѣ публичнаго испытанія въ іюлѣ 1815-го года былъ

[1]) и [2]) См. примѣчанія 1 и 2.

закрытъ за выпускомъ воспитанниковъ его, то теперешній IV-й классъ соотвѣтствуетъ прежнему III-му, III-й—II-му и т. д., I-ый-же — прежнему приготовительному; вслѣдствіе этого въ IV-мъ классѣ и не показаны *военныя науки*. Сравненіе-же числа уроковъ по *общимъ предметамъ* вполнѣ возможно, такъ какъ въ послѣднемъ классѣ преподавались собственно *спеціальные предметы* и 2 иностранные языка (нѣмецкій и греческій), изъ которыхъ послѣдній введенъ и въ теперешнемъ IV-мъ классѣ.

Примѣчаніе 2. Относительно *Закона Божія* необходимо замѣтить, что классы на этомъ предметѣ сводились. Катихизисъ преподавался $1^1/_2$ часа въ недѣлю I—III-му классамъ совмѣстно, а изъясненіе Евангелій—тоже $1^1/_2$ часа, совмѣстно I—IV классамъ.

Не касаясь достоинствъ или недостатковъ настоящаго распредѣленія занятій въ институтѣ (съ своей стороны, мы считаемъ его сравнительно лучшимъ), мы еще лишній разъ можемъ убѣдиться, что въ *заведеніи этомъ*, сравнительно съ печатною программою, *можно было произвольно уменьшать или увеличивать число предметовъ и время занятія* воспитанниковъ: постояннаго здѣсь, какъ видно, ничего не было.

Этотъ взглядъ практиковался и впослѣдствіи въ Ришельевскомъ лицеѣ въ директорство Николя, всевластнаго распорядителя учебною частью также и въ благородномъ институтѣ, въ качествѣ члена попечительной коммиссіи.

XXXVIII.

(Продолженіе). Положеніе института въ 1807 и въ 1810 годахъ. Права, данныя институту. Институтъ предъ преобразованіемъ его въ лицей. Предложеніе Жилле надзирателямъ.

Такъ какъ и пансіонъ Ришелье-Вольсея и благородный институтъ сначала носили характеръ *получастныхъ* заведеній, то и отдѣльныхъ отчетовъ о нихъ не встрѣчается до 1811 года.

О положеніи пансіона-института въ 1807-мъ году мы встрѣчаемъ отзывъ гр. Потоцкаго, который, говоря о немъ, какъ о *воль-*

номъ (частномъ) *пансіонъ*, свидѣтельствуетъ, что заведеніе это доведено Вольсеемъ «до удивительнаго совершенства».

Существуетъ еще совершенно случайный отзывъ о томъ-же заведеніи у кн. *И. М. Долгорукаго*[1]), относящійся къ 1810-му году:

«Здѣсь (въ Одессѣ) учреждено училище подъ надзоромъ иностранца, по имени Волсей. Привилегіи сего Института состоятъ въ томъ, что обучившійся въ немъ мальчикъ черезъ 6 лѣтъ отправляется въ Резиденцію и получаетъ, при выпускѣ его отсюда, чинъ Офицерскій въ арміи; а по тому и воспитаніе дѣтей, сюда записанныхъ, основано на правилахъ, сообразныхъ воинскому назначенію. При насъ было 130 человѣкъ. Тутъ есть Молдаване, Крымскихъ Татаръ и Казачіе (sic) дѣти, безъ различія Вѣръ и состоянія. Говорятъ, что надзиратель ихъ, Волсей, очень хорошо съ ними обходится. Видѣвши одинъ разъ этѣ (sic) заведенія, я основательно ни согласиться, ни опровергнуть того не могу. Но есть-ли (sic) по афишкамъ судить, кои прибиты къ дверямъ покоевъ и гдѣ многія черты грубости Г. Волсея очень видны, то я не думаю, чтобъ онъ былъ кроткихъ нравовъ человѣкъ. Положимъ, что не мѣшаетъ ему быть съ дѣтьми благосклоннымъ и вѣжливымъ то, что онъ нѣсколько жестко, какъ слышалъ я, обходится съ родственниками и посѣтителями Пансіона, но не пускать ни кого охотно смотрѣть внутренности училища значитъ уже безнадежность въ порядкѣ».

«Тѣ изъ учениковъ, кои хорошо себя ведутъ и лучше прочихъ, отличаются цѣлую недѣлю особымъ знакомъ: они носятъ на ленточкѣ въ петлѣ вензель Государевъ. Это возвышаетъ духъ, ободряетъ юношество. Черезъ недѣлю передается этотъ знакъ другому. Напротивъ, наказанія ихъ мнѣ не понравились Когда мальчикъ не послушенъ, его кладутъ въ постелю, и онъ, какъ больной, долженъ цѣлый день пролежать въ ней. Я не думаю, чтобъ это было хорошо. Морально судя, кажется мнѣ для ребенка лѣниваго это не штрафъ; ибо онъ лежа не учится и ничего не дѣлаетъ; мысль его свободна отъ занятій полезныхъ, кружится въ пустякахъ и можетъ быть въ затѣяхъ не совсѣмъ безпорочныхъ, отъ которыхъ ни какое бдитель-

[1]) Кн. И. М. *Долгорукій*, Славны бубны за горами или путеш. мое кое-куда 1810 года. Изд. Импер. общ. ист. и древн. Росс. при Моск. ун. М. 1870, 150—151.

ное око досмотромъ своимъ не остережетъ, а отсюда постепенно переходъ къ физическимъ неудобствамъ: мы найдемъ, что ребенокъ, въ свободѣ лежа на постелѣ, Богъ знаетъ, какія опасныя шалости скроетъ отъ самыхъ приставниковъ; да естьли и ничего тутъ не предполагать худаго, одно бездѣйствіе въ юношескомъ возрастѣ столь же можетъ быть вредно, сколько напряженныя усилія въ возрастѣ старшемъ. Надобно, чтобъ мальчикъ былъ живъ и рѣзовъ: этого требуетъ натура; но чтобъ онъ не шалилъ, и для этого не столько охранительны штрафы, какъ неусыпность хожатыхъ».

Разумѣется, трудно не согласиться въ этомъ случаѣ со взглядомъ кн. Долгорукаго.

Замѣчательно, что о наказаніяхъ подобнаго рода нигдѣ Вольсеемъ не упоминается, какъ и о безобразіи посрамленія воспитанниковъ, вывозимыхъ въ общество въ вывернутыхъ мундирахъ,—о чемъ упоминаетъ Чайковскій. Хотя этого случая, какъ мы доказали, не могло быть съ Воронцовымъ, но суть въ томъ, что *такія наказанія*, слѣдовательно, *практиковались* Вольсеемъ.

Сколько, значитъ, возмутительнаго невозвратно погребено въ памяти бывшихъ воспитанниковъ пресловутаго пансіона, и не вышло наружу... Всякіе архивы въ этомъ отношеніи безмолвны: съ нежелательнымъ къ огласкѣ умѣли старательно прятаться... Не даромъ Вольсей не любилъ любопытныхъ глазъ, какъ свидѣтельствуетъ кн. Долгорукій.

Любопытно бы знать, напр., какъ велись толкованія директоромъ-іезуитомъ евангельскихъ чтеній, какія при этомъ внушались учащимся религіозныя воззрѣнія и многое другое,—что, вмѣстѣ взятое, вполнѣ обрисовало бы систему воспитанія, практиковавшуюся Вольсеемъ.

Продолжаемъ разсказъ кн. Долгорукаго: «... все содержаніе дѣтей отмѣнно рачительно со стороны пищи, одежи и прислуги. За каждаго мальчика платятъ отдающіе его по 500 р. въ годъ. Государь изволитъ, какъ я слышалъ, за нѣсколькихъ питомцевъ взносить свои деньги. Учителей содержатъ за дорогую плату, и лучшихъ, какихъ достать можно, и все, что только прикосновенно къ воинскому состоянію, все тутъ преподается, сверхъ того не лишены они и нѣкоторыхъ пріятныхъ художествъ».

Какъ высшее правительство относилось къ этому заведенію могутъ свидѣтельствовать тѣ особенныя права, какія даны высочайшими указами 14 марта 1808 и 26 мая 1811 г. воспитанникамъ и преподавателямъ пансіона-института (о чемъ у насъ говорилось выше—стр. 48 и 95).

Интересно, что директоръ Флуки, для *укомплектованія института*, 11 января 1818 г. проектировалъ еще большія льготы для воспитанниковъ, а именно: «Если испрошено будетъ преимущество у Государя Императора въ пользу воспитанниковъ о выпускѣ ихъ по окончаніи наукъ съ чиномъ XIV класса, или же въ военную службу портупей-прапорщиками, и послѣ 6-мѣсячной службы жаловать ихъ прапорщичьимъ чиномъ, то сомнѣнія нѣтъ, что институтъ сей будетъ имѣть и сверхъ комплекта довольно воспитанниковъ; въ противномъ случаѣ не уповательно, чтобы IV-й и III-й классы были комплектны, между тѣмъ I-й и II-й помощію благодѣянія г. дюка де Ришелье поможетъ къ укомплектованію первыхъ двухъ классовъ». *Резолюція гр. Ланжерона* отмѣчена такъ: «Его сіятельство предоставляетъ себѣ представить о семъ въ свое время»[1]).

Любопытно познакомиться съ общимъ состояніемъ института наканунѣ преобразованія его въ Ришельевскій лицей.

Свѣдѣнія беремъ изъ того-же донесенія Флуки въ ноябрѣ 1816 г.

Въ это время служащихъ въ институтѣ было 20, учащихся 89; они были распредѣлены по классамъ слѣд. образомъ: въ I-мъ (младшемъ)—33 воспитанника, во II-мъ—34, въ III—23 и въ IV—9.

Изъ числа ихъ одинъ воспитывался на счетъ Государя Императора. Сверхъ показанной цифры учащихся, по опредѣленію попечительной коммиссіи, считалось по спискамъ четверо дѣтей-сиротъ изъ дворянъ Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерній и г. Одессы, воспитываемыхъ «на счетъ благотворенія дюка де-Ришелье, по прибытіи которыхъ на лицо будетъ 93 воспитанника, кромѣ нѣкоторыхъ другихъ, ожидаемыхъ къ январю мѣсяцу».

Относительно порядковъ института въ послѣднее время его существованія даетъ нѣкоторое понятіе предложеніе помощника директора лицея *Реми-Жилле*,—вступившаго въ управленіе заведеніемъ до окончательнаго преобразованія его въ Ришельевскій лицей. Дано

[1]) Д. унив. арх. 1816 г № 75.

оно 2 ноября 1817 г. на имя надзирателя 3-го и 4-го отдѣленій института *Е. П. Карандино*:

«Не имѣя въ виду относить лично къ вамъ общія замѣчанія, которыя вамъ предлагаю, я нахожусь принужденнымъ сдѣлать васъ участникомъ той горести, которую я чувствую, получивши жалобы отъ родителей. Ихъ дѣти, говорятъ они, столь дурно призрѣваемы бываютъ по части опратности, что, возвращаясь въ родительскіе домы, являются покрыты(ми) вшами. Они также укоряютъ институтъ въ недостаточномъ надзорѣ за дѣтьми во время ихъ гулянья. Нѣкоторые просили меня позволить имъ имѣть при своихъ дѣтяхъ служителей, довѣрія ихъ достойныхъ, которые могли бы ихъ призирать и наблюдать ихъ здоровье во время гулянья. Къ симъ замѣчаніямъ родителей я долженъ присовокупить свои, что, къ великому моему удивленію и прискорбію, я часто встрѣчаю воспитанниковъ разныхъ отдѣленій на лѣстницѣ, въ сѣняхъ и даже на крыльцѣ безъ всякаго надзора. Таковые безпорядки не иному чему, могутъ быть приписаны, какъ только упущенію надзирателей. Не требуется отъ нихъ надзора машинальнаго, но требуется такая дѣятельность, которая никого изъ воспитанниковъ не теряетъ изъ виду и которая одна можетъ содержать порядокъ повсемѣственно (sic). Вещь весьма легкая для того, кто собою даетъ примѣръ порядка. Дѣти въ своихъ забавахъ не должны быть стѣсняемы строгими запрещеніями, дѣлаемыми по одному лишь своенравію, но посреди ихъ веселія должны быть благородство въ обхожденіи, привычка ко взаимному уваженію, которыя одни только надзиратели могутъ внушить имъ... Наконецъ, я долженъ замѣтить еще надзирателямъ, что не могу одобрить привычки, которая существуетъ между ними, соединять два отдѣленія, чтобы чрезъ то имѣть время для исправленія своихъ частныхъ надобностей... Въ праздничные дни наиболѣе необходимо нужно присутствіе надзирателей, которые должны довольствоваться для своихъ надобностей и для свиданія со своими знакомыми временемъ, остающимся по утрамъ и послѣ обѣда въ свободѣ, когда ученики заняты со своими учителями... Я долженъ еще напомнить надзирателямъ, что порядокъ заведенный отпускать дѣтей по домамъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, включая тѣхъ только, которые удостоены знакомъ отличія, имъ совершенно из-

вѣстенъ. Они знаютъ также, что отпускъ запрещенъ тѣмъ, кои худо отмѣчены, слѣдов. надзиратели не должны позволять тѣмъ воспитанникамъ приходить ко мнѣ и безпокоить меня, которые по своимъ отмѣткамъ должны получить отказъ. Списокъ, который я отъ нихъ получаю, долженъ содержать именно тѣхъ воспитанниковъ, которые по своему поведенію имѣютъ право быть отпущенными, и онъ мнѣ для того только нуженъ, чтобы можно удовлетворить просьбамъ родителей [1]).

Съ своей стороны, мы не придаемъ особаго значенія этому предложенію, кромѣ замѣчаній о *неопрятности*.

Дѣло въ томъ, что подобными явленіями сопровождаются обыкновенно переходы управленія извѣстнымъ учрежденіемъ отъ одного лица къ другому.

Бывшій директоръ Флуки только что сдалъ (5 сент.) институтъ и гимназію Жилле, человѣку новому въ этихъ заведеніяхъ, не ознакомившемуся еще со всѣми порядками ихъ, съ ихъ служебнымъ составомъ и съ воспитанниками.

Не приглядѣлись еще къ новому начальству и служащіе, не ознакомились съ нимъ и учащіеся.

И вотъ начинается своего рода испытаніе новаго для тѣхъ и другихъ лицъ, попытки облегчить себя въ томъ или другомъ отношеніи, добиться нѣкоторыхъ льготъ, заручиться молчаливымъ согласіемъ на отмѣны нѣкоторыхъ прежнихъ распоряженій.

Надзиратели нѣсколько ослабляютъ свою бдительность (авось, при новомъ начальствѣ можно служить «полегче», чѣмъ при Флуки); воспитанники, замѣчая, что за ними не особенно зорко слѣдятъ, пытаются также не особенно тщательно исполнять распоряженія и различныя правила, видя нѣкоторое послабленіе.

Показаніямъ родителей (имена ихъ благоразумно умалчиваются) также не особенно можно довѣрять,—если жалобы дѣйствительно поступали отъ нихъ къ Жилле. Жаловавшіеся, впрочемъ, сами себя отчасти выдаютъ: имъ хочется къ своимъ дѣтямъ помѣстить и свою прислугу (конечно, даровую—при крестьянскомъ правѣ),—что, какъ мы уже знаемъ (стр. 46) пансіонскими правилами строго воспре-

[1]) Дѣло унив. арх. 1817 г. № 16.

щалось: мотивъ просьбы также довольно оригиналенъ—«для призиранія за дѣтьми и наблюденія ихъ здоровья».

Словомъ, мы склонны думать, что во всемъ этомъ не было особенной расшатанности заведенія—при такомъ добросовѣстномъ директорѣ, какъ Флуки.

Можетъ быть, здѣсь было и желаніе показать, что все *прежнее* было дурно, что нужно начинать порядки чуть не сначала, и тѣмъ обратить вниманіе на свою дѣятельность власть имѣющихъ. Явленіе тоже обычное....

XXXIX.

Посѣщеніе гимназіи и института Высочайшими особами и другими лицами.

Посѣщеніе гимназіи и института Государемъ Вел. Княз. Николаемъ Павловичемъ, королевою. Каролиною и принц. Леопольдомъ Бурбонскимъ. Рѣчи Великому Князю Николаю Павловичу, Посѣщеніе дюкомъ де-Ришелье, митроп. Гавріиломъ, епископ. Димитріемъ, Бенигсеномъ гр. Чацкимъ, кн. Долгорукимъ. Ревизія гимназіи..

Директоръ *Флуки* 1 іюля 1816 г. донесъ училищномъ комитету, что «его императорское высочество государь великій князь *Николай Павловичъ*, въ бытность въ Одессѣ, 19 іюня, въ 6-мъ часу пополудни, соблаговолилъ посѣтить... коммерческую гимназію и благородный институтъ. При семъ посѣщеніи онъ (Флуки) имѣлъ счастіе поднесть его величеству рапортъ о благосостояніи сихъ заведеній, съ спискомъ о числѣ учениковъ, учителей и чиновниковъ оныхъ, а равно и книгу, на (sic) которой въ Бозѣ почивающая королева обѣихъ Сицилій *Шарлотта* (Каролина)[1]) и его королевское высочество принцъ *Леопольдъ* Бурбонскій при посѣщеніи для памяти подписались; и его императорскому высочеству благоугодно было

[1]) Когда именно королева и принцъ посѣтили оба учебныя заведенія, свѣдѣній у насъ не имѣется; но изъ дѣла канцеляріи Новоросс. и Бесс. ген.-губ. 1813 г., за № 1, видно, что королева Неаполитанская *Марія Каролина* прибыла въ Одессу 22 *окт. 1813 г.*, часу въ 8-мъ, на купеч. суднѣ. Любопытныя подробности о пребываніи королевы Каролины на югѣ Россіи разсказываетъ М. Ф. *Де-Рибасъ* (см. Разсказы одесскаго старожила въ сборникѣ «Изъ прошлаго Одессы», составл. Л. М. Де-Рибасомъ. Одесса 1894 г.), стр. 351—358. *Леопольдъ*—сынъ Каролины.

принять первые и подписаться на послѣдней тако: Николай великій князь». Наконецъ по довольномъ разсмотрѣніи училищъ его высочество, отбывая, изъявить изволилъ благоволеніе свое какъ Флуки, такъ и сотрудникамъ его»...[1]).

Г. Скальковскій говоритъ, что при этомъ посѣщеніи великій князь благосклонно выслушивалъ привѣтствія и рѣчи учениковъ на русскомъ, французскомъ, латинскомъ и итальянскомъ языкахъ (*въ рапортѣ Флуки ничего объ этомъ не упоминается*).

Тѣмъ не менѣе приводимъ изъ отрывковъ, помѣщенныхъ у г. Скальковскаго, одно мѣсто изъ рѣчи на русскомъ языкѣ:

... «Одесса, отъ милостей монарха, процвѣтая торговлею, можетъ хвалиться и училищными заведеніями. Кромѣ россійскихъ подданныхъ, въ здѣшній институтъ стекаются изъ *Молдавіи, Цареграда, Смирны* и даже съ *Кавказскихъ горъ*, дабы почерпнуть что либо изъ того источника свѣта, который проливается на всю страну сію нашимъ сѣвернымъ солнцемъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ прежде раздавался одинъ дикій гулъ грубаго и хищнаго татарина, слышатся теперь небесные звуки языка Гомерова и Виргиліева. Въ дѣтяхъ *иностранцевъ*, получающихъ здѣсь воспитаніе, поселяется благоговѣніе къ монарху нашему, уваженіе и благодарность къ русскимъ. *Отсюда* милліонами текутъ сокровища въ страну отечественную и отсюда же, для прославленія Россіи, *разливается просвѣщеніе въ страны чуждыя*. Вотъ отличіе Одессы отъ прочихъ городовъ!»[2]).

Отрывокъ этотъ любопытенъ въ томъ отношеніи, что даетъ нѣкоторое понятіе о разнообразіи національностей воспитанниковъ института.

Въ остальныхъ говорится объ успѣхахъ Одессы въ матеріальномъ отношеніи и выражаются патріотическія чувства.

Институтъ часто посѣщалъ дюкъ *де-Ришелье*, основатель его; относительно же гимназіи имѣется свѣдѣніе о посѣщеніи его только

---

[1]) Арх. Новор. унив., д. 1811—1817 г., № 66. Дѣло канц. попеч. 1804 г. № 2.

[2]) *А. Скальковскій*, Матеріалы и пр., стр. 230 &. По словамъ его, великаго князя сопровождалъ ген.-ад. *Голенищевъ Кутузовъ*, рѣчи произносили воспитанники: Э. А. *Стекль* (бывшій потомъ посланникомъ въ Сѣв.-Амер. Штатахъ, А. Г. *Тройницкій*, И. *Васильевъ*, *Дмитріевъ*, *Степановъ*,, Эд. *Зорабъ* (бывш. впослѣдствіи турецк. генер. консуломъ въ Англіи).

въ 1814 г., когда проф. Дюгуровъ просилъ герцога присутствовать при испытаніяхъ учениковъ уѣзднаго и приходскаго училищъ (приготовительныхъ при гимназіи).

Кромѣ того, извѣстно еще о посѣщеніяхъ института митрополитомъ и экзархомъ *Гавріиломъ*, епископомъ аккерманскимъ и хотинскимъ *Димитріемъ*, ген. *Бенигсеномъ*, ген.-отъ-инф. *Сакеномъ*, гр. *Чацкимъ* [1]), извѣстнымъ писателемъ нашимъ кн. И. М. *Долгорукимъ* [2]) и пр.

Ревизовалъ оба заведенія попечитель *Потоцкій* въ 1806, 1809—1810 годахъ. Результаты осмотра на стр. 81, 177, 194 и д.

Кромѣ того, по порученію Харьковскаго университета осматривали оба заведенія визитаторы профессора: *Стойковичъ* — въ 1805-мъ г., *Рижскій* — въ 1807-мъ и *Дюгуровъ* — въ 1812 и 1814 г. О ревизіяхъ этихъ и ихъ результатахъ мы говорили выше — на стр. 53—55, 69, 70, 102, 103, 127—132.

---

[1]) Арх. Новор. унив., д. 1811—1817 г. № 66, время посѣщеній ихъ не обозначено.

[2]) Кн. И. М. *Долгорукій*, Славны бубны за горами или путешествіе мое кое-куда 1810 года. М. 1870, 150—151.

II. Учебно-воспитательная часть.

XL.

Связь учебной системы Екатерининскаго и Александровскаго уставовъ. Яковичъ де-Мириево и его дѣятельность. Саганская метода и ея главныя основанія. Министерство народнаго просвѣщенія. Министръ и главные чины министерства. Указаніе дидактическихъ пріемовъ въ учебникахъ.

Прежде, чѣмъ говорить объ учебно-воспитательной части въ коммерческой гимназіи и институтѣ, мы должны замѣтить, что при императорѣ Александрѣ I-мъ измѣнены были уставы среднихъ и низшихъ училищъ, сравнительно съ Екатерининскими, только съ внѣшней стороны (администрація, число классовъ, и преподаваемыхъ предметовъ, содержаніе училищъ и пр.); что же касается собственно внутренней жизни заведеній, чисто педагогической части, дидактическихъ пріемовъ преподаванія, различныхъ требованій отъ учителей съ нравственной и педагогической стороны,—то они всецѣло перенесены изъ Екатерининскихъ училищъ въ Александровскія.

Незабвенный дѣятель Екатерининскихъ школъ ***Яковичъ де-Мириево***, организаторъ русской школы по образцу тогдашней австрійской, составитель почти всѣхъ учебниковъ и дидактическихъ при нихъ наставленій для учителей Екатерининскихъ училищъ, имѣлъ полное вліяніе и на Александровскую школу.

Такимъ образомъ, когда императрицей Екатериною II-ою составлена была въ 1782 году особая ***коммиссія объ учрежденіи народныхъ училищъ***, подъ предсѣдательствомъ П. В. ***Завадовскаго*** (впослѣдствіи графа и перваго министра народнаго просвѣщенія), изъ Ф. И. ***Эпинуса*** и П. И. ***Пастухова***, то въ помощь имъ вызванъ былъ изъ Австріи директоръ Темешварскихъ училищъ ***Яковичъ де-Мириево***. На коммиссію возложена была обязанность: 1) составить

учебники, 2) сочинить планъ и уставъ народныхъ училищъ, 3) завести школы во всей имперіи и 4) приготовить способныхъ учителей [1]).

Коммиссія прежде всего приступила къ составленію общаго плана народныхъ училищъ, подраздѣливъ его на три части: учебную, хозяйственную и политическую (административную), при чемъ первая часть была поручена Янковичу, какъ спеціалисту учебнаго дѣла. Для приготовленія первыхъ учителей для вновь учрежденныхъ училищъ въ столицѣ присланы были, вслѣдствіе отношенія коммиссіи къ архіепископу Новгородскому Гавріилу, 20 воспитанниковъ изъ Александро-Невской семинаріи. Обученіе ихъ предметамъ, предполагаемымъ въ первыхъ двухъ классахъ народныхъ училищъ, по новой методѣ (Саганской), поручено было Янковичу.

Ему же принадлежитъ и переводъ почти всѣхъ учебниковъ для низшихъ классовъ (изъ употреблявшихся въ австрійскихъ заведеніяхъ, съ примѣненіемъ къ русскимъ школамъ). Изъ нихъ принадлежатъ собственно Янковичу: 1) двѣ азбучныя таблицы (церковн. и гражд. печати), 2) три таблицы для складовъ (церковн. и гражд. печати и рукописная), 3) Россійскій букварь, 4) Сокращенный катихизисъ безъ вопросовъ, 5) Правила для учащихся (употреблялись въ школахъ, какъ учебникъ), 6) Руководство къ чистописанію съ прописей, 7) Сокращенный катехизисъ съ вопросами. Другіе учебники большею частію переведены по его выбору. Къ нимъ принадлежитъ и надѣлавшая въ позднѣйшее время много шуму пресловутая книга «Обязанности человѣка и гражданина» съ вопросами и безъ вопросовъ и «Руководство учителямъ перваго и втораго разряда народныхъ училищъ» 1783. Перев. ***Ковалевымъ*** (чиновникомъ комм. нар. уч.).

Изъ этихъ руководствъ остановимся прежде всего на послѣднемъ. Оно издано было въ 1772 году знаменитымъ аббатомъ и благочиннымъ церквей Саганскаго округа въ Силезіи Иваномъ Игнатіемъ ***Фельбигеромъ*** подъ заглавіемъ: «Качества, науки и поведеніе добросовѣстныхъ учителей, чтобы сообщать юношеству полезное ученіе въ тривіальныхъ городскихъ и сельскихъ школахъ»... (Eigenschaften, Wissenschaften und Bezeigen rechtschaffener Schulleute).

---

[1]) А. *Воронов*, Истор. статист. обозр. СПБургскаго учебнаго округа. СПБ. 1849. Т. 1, 13, 18, 37.

Цѣль *Саганской методы*, введенной Фельбигеромъ въ австрійскія школы, заключалась въ томъ, чтобы: а) учитель постоянно владѣлъ вниманіемъ всѣхъ учащихся и б) ученики могли понимать предметы ученія легко и ясно.

Для этого необходимо было употреблять слѣдующія средства: 1) *Совокупное наставленіе* (Zusammenunterrichten), 2) *Совокупное чтеніе* (Zusammenlesen), 3) *Изображеніе чрезъ начальныя буквы* (Buchstabenmethode), 4) *Таблицы* (Tabellarisiren) и 5) *Вопрошеніе* (Katechisiren).

При *совокупномъ наставленіи* учитель учитъ *всѣхъ вмѣстѣ* или же по отдѣленіямъ, чтобы поддержать вниманіе всѣхъ и употребить все время въ пользу каждаго ученика.

При *совокупномъ чтеніи* ученики читаютъ вмѣстѣ, вслухъ, или только нѣкоторые изъ нихъ, или одинъ, а прочіе про себя по одинаковымъ книгамъ. Статья, прочитанная сперва учителемъ или ученикомъ громко, потомъ читается, одинъ за другимъ, всѣми учениками; наконецъ прочитанное разсказывается безъ книги, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока большая часть учениковъ не будетъ знать наизусть прочитанное.

При *изображеніи чрезъ начальныя буквы* учитель пишетъ на черной доскѣ слова и цѣлыя предложенія,—которыя ученики должны выучить наизусть,—только *первыми буквами* каждаго слова. Напр. «Вѣрую въ Единаго Бога Отца» пишется учителемъ такъ.: В. в. Е. Б. О. (съ соблюденіемъ прописныхъ и строчныхъ буквъ и знаковъ препинанія). Затѣмъ, по начальнымъ буквамъ, онъ произноситъ громко слова, имъ обозначенныя, и то же самое заставляетъ повторить учениковъ. Убѣдившись, что всѣ знаютъ написанное начальными буквами, учитель продолжаетъ писать далѣе такимъ же образомъ, заставляя учениковъ повторять по начальнымъ буквамъ все написанное съ самаго начала. Потомъ стираются всѣ начальныя буквы и учитель испытываетъ, не могутъ ли дѣти безъ помощи ихъ разсказать наизусть то, что было написано. Если нѣтъ, то повторяются прежніе пріемы.

Посредствомъ *таблицъ* представлялось краткое содержаніе какого-нибудь предмета; затѣмъ исчислялись всѣ главныя части, раздѣленія и подраздѣленія ихъ. Учитель пишетъ таблицу на доскѣ,

означая сперва главный предметъ, а потомъ часть его, одну за другою; послѣ того—раздѣленія и подраздѣленія каждой части и пр.,—при чемъ соблюдается, для большей наглядности, чтобы раздѣленія стояли уступомъ ниже, на одной линіи съ раздѣленіями, подраздѣленія—еще ниже однимъ уступомъ и пр. При главныхъ частяхъ ставятся прописныя буквы, при раздѣленіяхъ—цифры, при подраздѣленіяхъ—строчныя буквы и пр. Написавъ часть таблицы, учитель объясняетъ ее ученикамъ, которые и повторяютъ за нимъ до тѣхъ поръ, пока запомнятъ наизусть. То же дѣлается и до конца.

Такимъ образомъ содержаніе обширнаго предмета дѣлалось наглядным, главныя части легко обозрѣвались, порядокъ ихъ и связь представлялись чувственнымъ образомъ подъ знаками буквъ, чиселъ и пр.

При *вопрошеніи* учитель дѣлаетъ ученикамъ вопросы объ извѣстныхъ имъ предметахъ, пріучая ихъ такимъ образомъ мыслить и правильно выражать свои мысли. Для руководства учителямъ на этотъ предметъ печатались и учебныя книги съ вопросами, ученическія же—безъ вопросовъ.

Таковы были основы *новой методы*, вошедшія цѣликомъ, вмѣстѣ съ большинствомъ учебниковъ, въ Александровскія школы.

Прибавимъ къ этому, что, при преобразованіи Екатерининской *коммиссіи народныхъ училищъ* 8 сентября 1802 г. *въ министерство народнаго просвѣщенія*, первымъ министромъ его назначенъ былъ предсѣдатель бывшей коммиссіи училищъ гр. П. В. *Заводовскій*. При министрѣ, въ помощь ему, состояло *главное правленіе училищъ*, членами котораго назначены были М. Н. *Муразьевъ*, Н. Н. *Новосильцевъ*, кн. А. А. *Чарторижскій*, гр. С. О. *Потоцкій*, д. с. с. С. Я. *Румовскій*, ген.-м. Ѳ. И. *Клингеръ*, два члена бывшей коммиссіи училищъ П. И. *Пастуховъ* и Ѳ. И. *Янковичъ де-Миріево* и академики Н. Я. *Озерецковскій* и Н. И. *Фуссъ*.

Такимъ образомъ заслуги коммиссіи были признаны оффиціально возведеніемъ ея прежняго предсѣдателя въ званіе министра и назначеніемъ ея членовъ *Янковича де-Миріево* и *Пастухова* въ новое учрежденіе—*въ помощь министру нар. просвѣщенія*.

Вслѣдствіе этого въ спискѣ учебниковъ, употреблявшихся въ коммерческой гимназіи и институтѣ, мы большею частію обозначаемъ

годы ихъ первыхъ изданій (въ Екатерининское время), такъ какъ слѣдующія изданія печатались *безъ перемѣнъ* (кромѣ учебниковъ географіи и исторіи).

При учебникахъ обыкновенно находятся и удобопонятныя *дидактическія указанія*,—что весьма важно было для того времени: многіе изъ тогдашнихъ учителей, въ особенности же низшихъ училищъ въ провинціи, по неразвитости и неподготовленности своей нуждались въ самыхъ полныхъ и опредѣленныхъ наставленіяхъ.

Вотъ, напр., нѣкоторыя изъ нихъ:

Учитель *священной и всеобщей исторіи* долженъ написать прежде всего на доскѣ табличное расположеніе исторіи, раздѣляя ее на періоды по руководству (пріемъ, конечно, не педагогическій: переходить отъ общаго, еще неизвѣстнаго ученику, къ такому же неизвѣстному частному); при преподаваніи объяснять и показывать на картѣ, какъ распространялись предѣлы даннаго государства или же уменьшались и пр. При повтореніи заставлять учениковъ писать табличное расположеніе исторіи и показывать упоминаемые города, государства, рѣки.

Преподаваніе *географіи* начинается съ глобуса и объясненія всѣхъ *четырехъ* частей свѣта, а потомъ переходитъ къ частной географіи, начиная съ Россіи... Учитель долженъ давать основательное понятіе о естественныхъ произведеніяхъ земли, промыслахъ, образѣ правленія, чтобы ученики заучивали не одни только названія водъ и земель, но и узнавали взаимную связь государствъ по естественнымъ произведеніямъ, промысламъ и пр.

При *письменныхъ сочиненіяхъ* на русскомъ языкѣ учитель долженъ задавать темы, употребительныя въ общежитіи (извѣстія родителямъ объ успѣхахъ ученія, объ издержаніи денегъ на книги и пр.), также о предметахъ, касающихся домашняго хозяйства, купечества и вообще промысловъ...

При преподаваніи *геометріи* учитель долженъ руководствоваться учебникомъ, въ которомъ находятся механическія и математическія доказательства, такъ чтобы одни служили дополненіемъ другихъ. При этомъ дается объясненіе инструментамъ и ихъ употребленію. Каждая задача изслѣдывается по частямъ и такимъ образомъ доказывается, по правиламъ, мѣра и содержаніе заданнаго.

При преподаваніи *физики* учитель какъ можно болѣе обращается къ опытамъ.

При преподаваніи *естественной исторіи* полезно, смѣшавъ произведенія, принадлежащія къ разнымъ царствамъ природы, заставлять учениковъ распредѣлять смѣшанное по этимъ царствамъ, чтобы они такимъ образомъ привыкали къ дѣйствительному распознаванію разныхъ произведеній и раздѣленію ихъ на роды. При этомъ полезно задавать на домъ—сдѣлать описаніе извѣстнаго произведенія природы своими словами.

Сверхъ того, для яснѣйшаго понятія и большаго впечатлѣнія пройденнаго въ памяти учениковъ необходимо: 1) кромѣ ученаго названія предметовъ приводить и обыкновенное ихъ названіе у простолюдиновъ; 2) указывать, гдѣ какая вещь родится и почему именно тамъ, а не въ другомъ мѣстѣ.

При этомъ ученики отыскиваютъ на географическихъ картахъ самыя мѣста.

Учитель *рисованія* обучаетъ дѣтей не однимъ только частямъ тѣла человѣческаго, но и другимъ предметамъ, которые могутъ встрѣчаться въ художествахъ, мастерствахъ и общежитіи.

Учителя *иностранныхъ языковъ* должны: 1) посредствомъ частаго повторенія иностранныхъ звуковъ пріучить дѣтей къ чистому произношенію, пока языкъ ихъ еще мягокъ. 2) Для упражненія въ чтеніи употреблять книгу «Зрѣлище вселенныя» [1]). При чтеніи объясняются и запоминаются слова и цѣлыя реченія на иностранныхъ языкахъ. 3) Объясняются части рѣчи безъ грамматическихъ опредѣленій примѣрами изъ книгъ для чтенія. 4) Склоненія и спряженія показываются при самомъ чтеніи именъ и глаголовъ, встрѣчающихся въ статьѣ. 5) Для знакомства съ идіотизмами иностранныхъ языковъ они пишутся на доскѣ съ русскимъ переводомъ, и посредствомъ сравненія объясняется ихъ синтаксическое различіе. 6) Наконецъ, по пріобрѣтеніи учениками значительнаго запаса словъ, учитель приступаетъ къ изустнымъ и письменнымъ переводамъ — сначала съ иностраннаго языка на русскій и потомъ на-оборотъ. Для этого берутъ статьи объ извѣстныхъ ученикамъ предметахъ,

---

[1]) Составлено по образцу Orbis pictus, *Коменскаго*.

Вмѣстѣ съ тѣмъ учитель долженъ показывать ученикамъ употребленіе словарей какъ алфабетическихъ, такъ и этимологическихъ[1]).

Всѣ эти замѣчанія, служа дополненіемъ къ сказанному прежде о методѣ преподаванія въ низшихъ классахъ училищъ, даютъ довольно ясное понятіе о состояніи тогдашней педагогики [2]).

Помѣщая, въ приложеніи подъ № V-мъ, *списокъ руководствъ и пособій*, употреблявшихся въ коммерческой гимназіи и въ благородномъ институтѣ, считаемъ не лишнимъ при этомъ пояснить, что: 1) въ большинствѣ случаевъ мы обозначаемъ годъ *1-го изданія* учебника — по причинамъ, объясненнымъ выше; 2) по неточности нѣкоторыхъ заглавій въ архивныхъ дѣлахъ мы по-возможности возстановляемъ ихъ по каталогамъ Сопикова и Смирдина, что̀ и обозначаемъ сокращеніями *Соп.* и *Смирд.*; при отсутствіи же указаній въ этихъ послѣднихъ, оставляемъ заглавія въ томъ видѣ, какъ они обозначены въ арх. дѣлахъ; 3) замѣчанія о нѣкоторыхъ учебникахъ взяты нами въ большинствѣ случаевъ изъ соч. гр. Д. А. *Толстого* «Городскія училища»; они обозначены буквою *Т.* или сокращеніемъ *Толст.*

XLI.

Надзоръ университетовъ за средними и низшими учебными заведеніями.

По §§ 10, 17, 18, 28 и 38 «Предварительныхъ правилъ народнаго просвѣщенія», и затѣмъ по уставу 5-го ноября 1804 года, *университетъ* имѣетъ надзоръ *за ученіемъ и воспитаніемъ* въ гимназіяхъ, прилагаетъ особенное и неутомимое попеченіе, *чтобы*

[1]) Относительно преподаванія иностранныхъ языковъ интересно одно мѣсто въ *Наставленіи* при уставѣ Екатерининскомъ: «Больше же всего остерегаться, чтобъ не дѣлать передъ учениками смѣшныхъ тѣлодвиженій, какъ то: не показывать, какъ птицы летаютъ, и не подражать птичьему, лошадиному или собачьему голосу, чѣмъ, смѣша учениковъ, теряетъ учитель почтеніе и возмущаетъ ихъ вниманіе, которое сохранить и безъ того трудно» (отр. 72).

[2]) А. *Воронов*ъ, Ист.-статист. обозрѣнія учебн. заведеній СПБургскаго учебнаго округа. СПБ. 1849. т. I, 13—18, 23—26, 37. *Вессель*, Руков. къ препод. общеобраз. предметовъ СПБ. 1873. т. I, 179—180.

гимназіи, *уѣздныя и приходскія училища* вездѣ, гдѣ имъ быть положено, *были учреждены и снабжены* «знающими и благонравными *учителями*» и учебными *пособіями* и «дабы порядокъ ученія соблюдаемъ былъ вездѣ неослабно» (§ 163). Университетъ, избирая губернскихъ директоровъ училищъ, представляетъ ихъ, чрезъ главное правленіе училищъ, на утвержденіе министра; смотрителей же уѣздныхъ училищъ, учителей для гимназій и другихъ учебныхъ заведеній избираетъ и опредѣляетъ непосредственно или по представленію директоровъ училищъ (§ 164).

Для удобнѣйшаго производства дѣлъ по училищамъ, учреждается *училищный комитетъ*, ежегодно по опредѣленію совѣта составляемый, подъ предсѣдательствомъ ректора, изъ 6-ти ординарныхъ профессоровъ (165). Комитетъ этотъ получаетъ отъ директоровъ донесенія, «снабжаетъ ихъ просимыми разрѣшеніями и наставленіями», требуетъ нужныхъ объясненій и, ежели не въ состояніи будетъ принять рѣшительныхъ мѣръ, то вноситъ свое мнѣніе въ общее собраніе профессоровъ. «Комитетъ имѣетъ попеченіе о сохраненіи полугодичныхъ вѣдомостей о состояніи училищъ, о достоинствѣ и трудахъ учителей и о успѣхахъ учащихся» (166). Комитетъ можетъ «*удалять отъ должности* на время или на всегда» учителей, не достойныхъ этого званія; но о всякомъ такомъ случаѣ представляетъ совѣту, ожидая его рѣшенія, а относительно директоровъ—попечителю (167). Комитетъ представляетъ ежегодно совѣту «подробное *изображеніе испытаній*, *состоянія*, въ какомъ ученіе находится, приращенія способовъ народнаго просвѣщенія и недостатковъ останавливающихъ оное», а совѣтъ препровождаетъ попечителю для представленія министру народнаго просвѣщенія (168). Совѣтъ посылаетъ ежегодно *визитаторовъ* изъ профессоровъ для осмотра учебныхъ заведеній одной или двухъ губерній. Визитаторы о результатахъ осмотра представляютъ комитету, комитетъ—общему собранію, а послѣднее—начальству (169).

Интересны нѣкоторыя постановленія университета относительно визитаторовъ:

а) по представленію ректора *Рижскаго* 27 іюня 1808 г.: такъ какъ «отправляемые для осмотра училищъ *визитаторы* иногда въ

теченіи не малаго времени не извѣщаютъ о *мѣстѣ своего пребыванія и чѣмъ занимаются*», то положено совѣтомъ, чтобы визитаторы давали о себѣ знать чрезъ каждыя 3 недѣли[1]).

б) по предложенію проф. *Успенскаго* въ 1816 г.: «при посылкѣ визитаторовъ въ училища избѣгать *иностранныхъ профессоровъ* университета, *коимъ даются* при этомъ *приказные служители или студенты*. Не знающій россійскаго языка профессоръ долженъ будетъ *и видѣть и слышать чужими глазами и ушами* и притомъ неопытными; а студентъ радъ воспользоваться случаемъ, избѣгая занятій своихъ по университету»[1]).

Такимъ визитаторомъ былъ, конечно, и Дюгуровъ, такъ какъ положительно извѣстно, что онъ *не зналъ русскаго языка*.

Училищный комитетъ обязанъ обратить вниманіе на способность, «прилежность и благонравіе» учителей, ходатайствовать о достойныхъ и исправлять «небрегущихъ» напоминаніями или представлять «объ отрѣшеніи безнадежныхъ» (170). Ученый комитетъ разсматриваетъ хозяйственные отчеты директоровъ (171). Всѣ частныя учебныя заведенія и пансіоны должны представлять чрезъ директоровъ «начертанія свои» на разсмотрѣніе комитета (173).

Словомъ, университетамъ приходилось слѣдить въ учебныхъ заведеніяхъ за осуществленіемъ на практикѣ требованій устава, руководить ихъ своими указаніями, давать разъясненія по всевозможнымъ вопросамъ, возникающимъ въ учебномъ и воспитательномъ дѣлѣ; слѣдить за хозяйственною частью, и пр. За всѣмъ этимъ университеты наблюдали главнымъ образомъ посредствомъ своихъ визитаторовъ. Разсмотрѣніе училищныхъ дѣлъ, конечно, отвлекало профессоровъ отъ ихъ прямыхъ обязанностей по университету.

Какъ разнообразны, а иногда мелочны были занятія училищныхъ комитетовъ, можетъ дать понятіе извлеченіе изъ дѣлъ Харьковскаго университетскаго архива.

Вотъ, напр., нѣкоторыя изъ такихъ дѣлъ: за *1806-ой* годъ—о предписаніи директорамъ, чтобы они донесли, кто изъ учителей можетъ заниматься переводомъ книгъ; о распутной жизни ахтырскаго

---

[1]) *Данилевскій*. Украинская старина. Харьк. 1866 г., стр. 310, 322—323.

учителя Ратинскаго; о неспокойномъ нравѣ учителя Бондарева; за *1807-ой*: о прилежномъ смотрѣніи за учителями, въ разсужденіи ихъ поведенія и нерадѣнія къ должности; за *1811-ый*: о грубости учителя Панова сумскому смотрителю Резакову; за *1814-ый*: о нехожденіи учителей училищъ въ классы; о подтвержденіи учителямъ, дабы они не обращалися въ пянствѣ (sic: мѣстный выговоръ); о взысканіи съ учителей, имѣющихъ у себя пансіонеровъ, 5%-хъ денегъ; *1816-ый*: о позволеніи передѣлать печку въ Зміевскомъ училищѣ; о позволеніи перекрыть и окрасить на Ахтырскомъ училищѣ крышу. Встрѣчаются даже такія дѣла: о починкѣ неизвѣстно кѣмъ выбитыхъ стеколъ въ домѣ благороднаго пансіона, о позволеніи сдѣлать 4 доски и «другой мебели», о ссорѣ между изюмскою повивальною бабкою и женою смотрителя Пупыкина и др....

Такимъ образомъ университетамъ приходилось расходовать свои силы на разборъ различныхъ мелочей училищнаго быта, — отчего очень часто болѣе главное ускользало изъ виду.

По этому случаю въ средѣ профессорской часто раздавались голоса противу возложенія на университеты обязанности завѣдывать училищами.

Такъ проф. *Каченовскій* въ замѣткѣ о Харьковск. и другихъ университетахъ говоритъ[1]): «Въ силу уставовъ, утвержденныхъ Александромъ I-мъ, на университеты возложенъ былъ также *надзоръ надъ низшими учебными заведеніями* по округу. Эта обязанность оказалась трудною и стѣснительною для профессоровъ; она отвлекала ихъ отъ главныхъ занятій. По общимъ отзывамъ, дѣла въ училищныхъ комитетахъ шли довольно вяло и не совсѣмъ удачно; въ нѣкоторыхъ даже возникли злоупотребленія. Но тѣмъ не менѣе, замѣчаетъ профессоръ, коллегіальное устройство представляло болѣе твердыя ограды противъ произвола, нежели устройство бюрократическое, которое вообще не такъ удобно прилагается къ дѣлу народнаго образованія»,—съ чѣмъ, конечно, нельзя не согласиться.

---

[1]) Замѣч. на проектъ общ. уст. Имп. росс. унив. 4. 1. 1862. СПБ., 347.

XLII.

Требованія, предъявляемыя къ учителямъ по Екатерининскому и Александровскому уставамъ. Добрыя качества учителя. Училищные порядки. Училищная строгость (дисциплина). Воспрещеніе всякихъ тѣлесныхъ наказаній. Гуманность уставовъ и правилъ.

Интересно ознакомиться съ тѣми требованіями, которыя оффиціально предъявлялись къ *учителямъ*, какъ воспитателямъ молодого поколѣнія.

Уставъ 1804 г. многое относительно учительскихъ обязанностей, почти буквально заимствовалъ изъ Екатерининскаго «Устава народнымъ училищамъ» 1786 года (см. напр. §§ 27—38 Екатерининскаго устава *О должностяхъ учительскихъ* и соотвѣтствующіе ему §§ 32—48 Александровскаго), только нѣсколько полнѣе развивая тѣ же положенія.

Мало того: въ подробностяхъ относительно этихъ обязанностей, способовъ преподаванія и пр. Екатерининскій уставъ ссылался на «*Руководство учителямъ перваго и втораго разряда народныхъ училищъ*, изданное по Высочайшему повелѣнію» въ 1783 г. (мы пользовались его «пятымъ тисненіемъ» Спб. 1818 г.); *то же самое дѣлаетъ и уставъ Александровскій* (см., напр., § 44, 139).

Обратимся прежде всего къ указаніямъ на *нравственныя стороны учителя*, осуществленія которыхъ настойчиво требовало «Руководство учителямъ» (части III и IV).

Нужно признаться, къ сожалѣнію, что и въ наше время требованія эти далеко не излишни, — въ особенности по отношенію къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ, преподаватели которыхъ почти не получаютъ педагогической подготовки.

Приводимъ требованія «Руководства» буквально:

«Учители по состоянію своему обязаны *заступать у учениковъ мѣсто родителей*, и потому *чѣмъ менѣе сами родители вспомоществуютъ въ наставленіи дѣтей своихъ, тѣмъ болѣе трудиться долгъ есть учителя*» (стр. 78).

«Учители должны, наставляя дѣтей въ законѣ Божіемъ, образовать ихъ благочестивыми христіянами и вѣрными сынами Церкви,

которые бы *правила закона Божія не токмо знали на словахъ, но и* показывали бы оныя *на дѣлѣ*» (стр. 79)[1]).

«Званіе учителей обязываетъ ихъ также стараться сдѣлать изъ учениковъ своихъ *полезныхъ членовъ обществу*; и для сего должны они чаще поощрять юношество къ *наблюденію должностей общественныхъ*, *просвѣщать разумъ* учениковъ и *научить ихъ* какъ *думать*, такъ *и поступать разумно, честно и благопристойно*; а предписанныя науки преподавать юношеству такимъ образомъ, какъ *надобны* имъ *оныя бываютъ въ общежитіи* (79).

«Учители, не исполняя должностей званія своего, согрѣшаютъ:

а) *Предъ Богомъ:* «Когда небрегутъ преподавать тѣхъ наставленій, которыми распространяется Богопознаніе, Богопочитаніе и Богослуженіе» (79).

б) *Предъ Правительствомъ*: «когда небрегутъ дѣлать дѣтей способными къ службѣ Правительства и Государства».

в) *Предъ родителями учениковъ:* «Когда не стараются обучить дѣтей за употребленное иждивеніе тому, чему обучить ихъ должно».

г) *Предъ дѣтьми:* «Когда о нихъ худо пекутся; ибо учителямъ надобно будетъ отвѣчать за ихъ невѣжество и за всѣ дурныя онаго слѣдствія».

д) *Предъ собою*: «Ибо подвергаютъ себя чрезъ то страшному суду Божію, отягчаютъ свою совѣсть, и за упущенія должности своея подпадаютъ опасности вѣчныя казни» (80).

«Добрыя качества учителя[2]) суть: 1) *благочестіе*, 2) *любовь*, 3) *бодрость* (учитель не долженъ быть сонливъ, угрюмъ, или когда дѣтей хвалить надобно, равнодушенъ)..., 4) *терпѣніе* (81—82)..., 5) *довольствіе* (состоитъ въ томъ, чтобъ быть довольну тѣмъ, что намъ опредѣлено содержанія; кто принимаетъ на себя самое бѣдное учительское мѣсто, тотъ обязанъ столь же вѣрно должности званія своего преходить, какъ и при самомъ богатомъ мѣстѣ, гдѣ другой учитель имѣетъ доходу вдвое, или еще и болѣе (83); 6) *прилежаніе* (при отсутствіи его, «когда учитель и для самомалѣйшей при-

[1]) Преподаваніе закона Божія возлагалось на учителей нар. уч—щъ.

[2]) Беремъ объясненіе только тѣхъ качествъ учителей, которыя нѣсколько неопредѣленно выражаются своимъ названіемъ или своеобразно понимаются «Руководствомъ».

чины небрежетъ хожденіе въ училище, или часто приходитъ поздо, или начинаетъ учить не въ надлежащее время, или вмѣсто того, чтобы учить, отправляетъ домашнія свои дѣла, или какое рукодѣліе: то и дѣти бываютъ чрезъ то также нерадивы»... (84).

«Благоразумное *поведеніе учителя* состоитъ въ томъ, чтобъ онъ умѣлъ сдѣлать учащихся себѣ послушными и зналъ, какъ съ ними безпристрастно и снисходительно поступать, въ разсужденіи ихъ различныхъ обстоятельствъ» (85).

«*Для пріобрѣтенія себѣ отъ учащихся послушанія* долженъ онъ напередъ снискать себѣ отъ нихъ: *уваженіе* (то доброе мнѣніе, которое учащіеся объ искусствѣ и исправности учителя своего имѣютъ); *почтеніе* (то наружное почтительное учащихся съ учителемъ обхожденіе, которое на добромъ ихъ о немъ мнѣніи основано); *любовь* (готовность и охоту учащихся дѣлать то, что учителю угодно; для сего долженъ онъ «принять на себя чувствія и поступки чадолюбиваго отца; и для того быть всегда ласковымъ, сколько можно терпѣливымъ и снисходительнымъ; не быть же никогда угрюмымъ, сердитымъ, а менѣе всего вспыльчивымъ») (85, 86).

Далѣе—«*подобострастіе* (когда учащіеся учителя и любятъ и боятся; учитель пріобрѣтаетъ себѣ оное, употребляя наказаніе и строгость тогда, когда онъ любовію и добромъ учащихся къ ученію или порядку склонить не можетъ») (87).

Затѣмъ, указывается на то, что учитель, «*чтобъ быть безпристрастну и снисходительну*, долженъ... *по различію учащихся и поступки свои различно устроевать*».

При этомъ ученики различаются по *состоянію* (дѣти богатыхъ и бѣдныхъ родителей), *по способностямъ къ ученію* (скоро понимающіе, хорошо помнящіе и выученное употреблять умѣющіе); одаренные хорошею памятью, но «имѣющіе мало разсужденія»; съ слабою памятью, мало понимающіе и помнящіе; *по нраву* (веселые и добрые; боязливые и застѣнчивые; лѣнивые и сонливые; упорные, сердитые и ко злобѣ склонные); *по поведенію* (хорошему, посредственному и худому).

Относительно всѣхъ этихъ категорій учащихся учителю даются довольно подробныя и въ большинствѣ случаевъ очень дѣльныя наставленія (88—94).

Далѣе слѣдуетъ статья *о училищномъ порядкѣ*, трактующая о методахъ первоначальнаго преподаванія по такъ называемой Саганской методѣ, которую и рекомендуется исключительно практиковать въ школѣ (у насъ стр. 205 и слѣд.).

Затѣмъ слѣдуетъ наставленіе учителю о разныхъ сторонахъ преподаванія, о томъ, что̀ ему дѣлать *до начала ученія, во время его и по окончаніи занятій* (98—102).

Въ главѣ II-ой трактуется *о училищной строгости* (дисциплинѣ), которая состоитъ «въ принятіи потребныхъ мѣръ для соблюденія того, что̀ въ правилахъ для учащихся предписано».

Мѣры, которыя «при *училищной строгости* употреблять должно», указываются слѣдующія: *увѣщанія, предостереганія, угрозы* и *наказанія* (102—104).

Послѣднія «суть зло, опредѣленное ослушникамъ правилъ для учащихся», при чемъ имѣется въ виду, «*токмо единое исправленіе учениковъ*... А какъ въ благоустроенныхъ училищахъ предполагается, что учители во время ученія безотлучно при дѣтяхъ находиться и за ними смотрѣть будутъ, занимая вниманіе ихъ безпрестанно какимъ ни есть упражненіемъ; то почти нельзя и подумать, чтобъ дѣти при таковомъ распорядкѣ могли въ училищѣ что ни есть дѣлать такое, что бы тѣлеснаго наказанія достойно было. Если же бы онѣ таковые проступки и оказали, то *оные*, конечно, *должно будетъ причесть въ вину больше учительскому небреженію и несмотрѣнію, нежели худому поведенію учащихся*» (104, 105).

Для отвращенія впредь «преступленій, кои подлежатъ наказанію,...» учитель употребляетъ слѣдующія средства:

1) *Лишеніе пріятныхъ вещей* (игры на гульбищѣ, прочихъ ученическихъ увеселеній; не давать имъ садиться въ училищѣ, пока всѣ прочіе... не сядутъ, а между тѣмъ велѣть стоять имъ у порога съ книгами своими, и мальчику съ шапкою, а дѣвочкѣ съ перчатками въ рукахъ; при выходѣ же выпускать послѣднихъ») (105).

2) «*Соотвѣтственныя проступку устыженія*, какъ то: громкій выговоръ отъ учителя или *начальника при открытомъ испытаніи* или *осмотрѣ училища*, и изобличеніе преступившихъ въ ихъ проступкѣ. Въ случаѣ же *сноса* какой нибудь вещи товарищевой, или иной какой обиды, велѣть обидѣвшимъ обиженныхъ про-

водить домой, неся за ними ихъ книги, *за карауломъ училищнаго сторожа*, который, когда они придутъ въ домы обиженныхъ, долженъ объявить тутъ о винѣ провожатыхъ, и заставлять ихъ просить въ проступкѣ своемъ у обиженныхъ прощенія» (105, 106).

«*Запрещаются же* вообще *всѣ тѣлесныя наказанія*, какого бы рода они ни были, напримѣръ: 1) ремни, палки, плети, линейки и розги; 2) пощечины, толчки и кулаки; 3) драніе за волосы, ставленіе на колѣни и драніе за уши; 4) всѣ посрамленія и честь трогающія устыженія, какъ то: уши ослиныя и названіе скотины, осла, и тому подобныя».

Исчисляя проступки, за которыя должно наказывать, наставленіе прибавляетъ и «*за что наказывать не должно*: а) за слабоуміе, худую память и природную неспособность; б) за недостатки душевныя, какъ то: робость, вѣтреность и непримѣтливость, если оная произходитъ токмо не отъ нерадѣнія или шалости; в) за погрѣшности, произходящія отъ тѣлесныхъ недостатковъ, или болѣзней».

Какая во всѣхъ этихъ правилахъ выразилась, въ большинствѣ случаевъ, разумность, широкая гуманность, глубокое пониманіе дѣтской души! Какое высокое понятіе о значеніи учителя и отношеніяхъ его къ дѣтямъ!

XLIII.

Постановленія и распоряженія относительно учителей. Учители-иностранцы. Домашніе учителя. Права, дарованныя учителямъ благороднаго института.

Посмотримъ, на сколько указанія «Руководства» осуществлялись на самомъ дѣлѣ въ предѣлахъ извѣстной намъ внутренней жизни учебныхъ заведеній [1]),— хотя свѣдѣнія по этому поводу далеко не многочисленны, какъ вообще, такъ и въ частности по коммерческой гимназіи и благородному институту.

Отвѣты на это встрѣчаемъ, прежде всего, въ Высочайшихъ повелѣніяхъ и циркулярныхъ распоряженіяхъ по министерству народнаго просвѣщенія.

[1]) Беремъ данныя исключительно по Харьковскому учебному округу, въ составъ котораго входила и Херсонская губернія.

Правительство заботилось, конечно, о томъ, чтобы въ наставники юношества не попадали люди, недостойные того въ нравственномъ отношеніи, чуждые русской жизни, вредные по своему направленію.

И вотъ правленіе Харьковскаго университета, сообщаетъ 22-го декабря 1806 года директору коммерческой гимназіи:

«На основаніи Высочайшаго указа, состоявшагося 28-го ноября 1806 года относительно *французовъ*, *италіянцевъ*, *голландцевъ* и жителей областей, *подъ властію французскаго правительства состоящихъ*, чтобъ находящіеся изъ таковыхъ людей въ публичныхъ и домашнихъ училищахъ, ежели желаютъ остаться въ Россіи, обязали себя присягою или на подданство Россіи, или чтобъ не имѣли по окончаніе войны никакого сношенія съ оными землями и областями, правленіе предписываетъ директору, чтобы онъ тотчасъ по полученіи сего отобралъ отъ состоящихъ въ вѣдомствѣ его при публичныхъ и домашнихъ училищахъ иностранцевъ своеручное показаніе, откуда они родомъ; и если окажутся такіе, къ коимъ оный указъ относится, то взялъ бы отъ нихъ объявленіе, каковую желаютъ дать присягу—на подданство ли или только на вѣрность, и представивъ оныя показанія и объявленія тамошнему мѣстному начальству, ожидать отъ онаго приказанія, когда и гдѣ таковыхъ иностранцевъ привести къ присягѣ».

Иностранцы-учители и содержатели частныхъ учебныхъ заведеній, наводнившіе въ началѣ прошлаго столѣтія наше отечество, — въ большинствѣ случаевъ оказывались людьми неподготовленными къ дѣлу воспитанія и вредными по своему вліянію на русское юношество, и потому правительствомъ былъ предпринятъ рядъ мѣръ для противодѣйствія этому злу.

Такъ въ маѣ 1811 г. министръ народнаго просвѣщенія докладывалъ Государю: «Въ отечествѣ нашемъ далеко простерло корни свои воспитаніе, иноземцами сообщаемое. Дворянство, подпора государства, возрастаетъ нерѣдко подъ надзоромъ людей, одною *собственною корыстію занятыхъ*, *презирающихъ все не иностранное, не имѣющихъ ни чистыхъ правилъ нравственности, ни познаній*. Слѣдуя дворянству, и другія состоянія готовятъ медленную пагубу обществу воспитаніемъ дѣтей своихъ въ рукахъ иностранцевъ. Любя отечество, не можно безъ прискорбія взирать на зло, толь глубоко въ ономъ внѣдрившееся. Поставленъ будучи бодрствовать надъ воспитаніемъ

согражданъ своихъ, священнымъ чту долгомъ изыскивать всѣ способы къ содѣланію ихъ истинными сынами отечества. Не отъ меня зависитъ преломить духъ важнѣйшей части гражданъ, внеся въ семейства ихъ счастливое недовѣріе къ чуждымъ воспитателямъ; но подъ высокимъ вліяніемъ Монарха, я могу дѣйствовать орудіями, мнѣ предоставленными. Быть можетъ, мѣра правительства послужитъ образцомъ и для каждаго частнаго гражданина...[1]). Къ прекращенію сего, представляю слѣдующія мѣры: 1) Дабы училищное начальство, въ дозволеніи на открытія новаго пансіона, основывалось не только на степени учености содержателя, но еще болѣе *на удостовѣреніи о доброй его нравственности.* 2) Дабы *въ числѣ познаній содержателя пансіона не упускать изъ виду знанія русскаго языка*[2]). 3) За правило поставить, чтобы во всѣхъ пансіонахъ *науки преподаваемы были на русскомъ языкѣ.* Начальство училищное должно имѣть неослабное за симъ попеченіе. 4) Вновь принимать въ пансіоны учителей для наукъ не иначе, какъ съ тѣмъ условіемъ, чтобы *преподавали оныя на русскомъ языкѣ....* 6) Поелику содержатели пансіоновъ не платили никакой повинности, пользуясь впрочемъ важными выгодами отъ содержанія пансіоновъ: то съ 1 мая 1811 года *каждый содержатель* частнаго пансіона *обязывается вносить* въ министерство народнаго просвѣщенія *ежегодно по 5 процентовъ съ платы*, получаемой на содержаніе пансіонеровъ»... Докладъ этотъ Высочайше утвержденъ 25 мая 1811 г.[3])[4]).

---

[1]) Здѣсь выпущено нами, во избѣжаніе повторенія, нѣсколько строкъ, уже помѣщенныхъ въ 1-мъ примѣчаніи, на стр. 96-ой.

[2]) Вольсей также плохо зналъ русскій языкъ: въ донесеніи 21 ноября 1805 г. онъ говоритъ, что, по болѣзни письмоводителя, *не будучи твердъ въ знаніи русскаго языка*, принужденъ писать свои донесенія *на французскомъ языкѣ* (дѣло канц. попеч. 1805 г., № 2).

[3]) Каковы часто бывали эти иностранцы-учителя, можетъ свидѣтельствовать интересный контрактъ, заключенный въ 1800 году «прусской нации Фридрихомъ Лотомъ» съ помѣщикомъ полковникомъ К. Лотъ обязался учить дѣтей К. въ зимніе мѣсяцы, быть гувернеромъ одного изъ сыновей его и «доставлять всякое ему благонравие какъ воспитанию благородному дитяти принадлежить безъ малѣйшаго упущенія», *вести себя трезво....* а «по прохожденее зѣмнихъ мѣсяцей» дѣтей уже не учить, а «вступить.... вдолжность садовничию»...,—за что Лотъ долженъ получить пшеницы 5 и ржи 4 четверти, крупъ, пшена, гороху—по 1 четверти, овса 2 четверти, масла коровьяго пудъ, постнаго—ведро...., наливки—2 ведра, водки—3.... и годоваго жалованья 120 р. (*Г. П. Данилевскій,* Украинская старина, 1866, стр. 300—301).

[4]) Сборн. пост. по мин. нар. просв., I, 632—634. Сумма эта должна была идти на содержаніе училищъ, въ которыхъ воспитывались бы дѣти лицъ, оказавшихъ особыя услуги отечеству.

Спустя нѣкоторое время (16 декабря 1811 г.), комитетъ опять дѣлаетъ распоряженіе относительно *домашнихъ учителей*. Оказывается, что помѣщики и другія частныя лица, принимая въ свои дома учителей, особенно иностранцевъ, дозволяли пріѣзжать къ нимъ для обученія стороннимъ дѣтямъ и даже жить у учителя, образуя родъ пансіоновъ. «Дабы пресѣчь и сіе въ воспитаніи юношества злоупотребленіе, ибо во-1-хъ,... таковые *иностранцы не рѣдко бываютъ безъ видовъ во всѣхъ качествахъ* для воспитанія ихъ оправдывающихъ; 2-хъ, уклоняясь отъ вѣдѣнія учебнаго начальства, *располагаютъ сами планъ ученія*, мало или вовсе для нихъ неизвѣстный; 3-хъ, вмѣсто *установленной* съ нихъ *платы*, которой они такимъ образомъ избѣгаютъ, одинъ только вредъ наносятъ доброму юношеству», комитетъ предписываетъ о такихъ заведеніяхъ доносить ему «безъ всякаго опущенія», и въ то же время относится *вторично* къ гражданскимъ губернаторамъ о воспрещеніи такого рода школъ и пр.[1]).

Изъ другихъ Высочайшихъ повелѣній, относящихся къ служебному составу собственно одесскихъ учебныхъ заведеній, нами приведенъ, на стр. 95-ой, указъ 26 мая 1811 г., которымъ повелѣно считать въ дѣйствительной государственной службѣ *учителей Одесскаго благороднаго института.*

XLIV.

(Продолженіе). Избраніе надзирателей института изъ военныхъ. Учрежденіе должности вице-директора въ институтѣ. Инструкціи директору, вице-директору, и общая—тому и другому.

Изъ *мѣстныхъ распоряженій* отмѣтимъ слѣдующее: 11-го января 1816 г. директоръ *Флуки* докладывалъ попечительной коммиссіи института: «Такъ какъ воспитанники (этого заведенія) большею частію приготовляются для военной службы и гражданской, то *военнаго званія надзиратели* благовоспитанные *были бы для нихъ полезнѣе, чѣмъ студенты.* Они бы пріучали дѣтей имѣть стройную позицію, познакомили бы ихъ исподволь военной экзерциціи и дисциплинѣ, имѣли бы присмотръ за опрятностью ихъ, при наблюденіи при томъ и дисциплины ученія. Впрочемъ какъ должность надзира-

[1]) Дѣло унив. арх. 1811—1817 г. № 67.

теля сама по себѣ трудна и важна, то не должно, по моему мнѣнію, надзирателю быть въ одно время и учителемъ, ибо, какъ онъ ни исправенъ и рачителенъ къ своей должности, не успѣетъ. Дѣти требуютъ неослабнаго надзора и безпрерывнаго руководства,—что и представляю коммиссіи на уваженіе; но какъ трудно найти по здѣшней дороговизнѣ порядочныхъ надзирателей, то о прибавкѣ имъ жалованья прошу коммиссію учинить благоусмотрѣніе и уваженіе». *Резолюція* на докладѣ: «его сіятельство находитъ сіе справедливымъ и нужнымъ, для чего и отыскать способныхъ чиновниковъ, съ жалованьемъ по 1000 рублей»[1]).

Въ 1816 г. учреждена въ институтѣ должность *вице-директора*, въ помощь директору и для исправленія его обязанностей во время болѣзни, отсутствія и пр.

Тогда же выработана была *инструкція директору института*, *вице-директору*, *надзирателямъ и эконому*.

Ознакомимся *съ наиболѣе любопытными подробностями* этихъ инструкцій (23 января 1816 г.)[2]).

«Попечительная коммиссія, замѣчая трудную многосложность обязанности директора и принявъ во уваженіе должность его по управленію *гимназіею* (въ Александровскихъ гимназіяхъ директору не полагалось помощника или инспектора), почла нужнымъ дать большую силу *вице-директору*, который существовалъ до сего по одному имени, и который между тѣмъ свѣдѣніями своими и примѣрною жизнію снискалъ общее довѣріе какъ членовъ коммиссіи, такъ и постороннихъ *(Сливицкій)*. Для сего коммиссія, опредѣливъ вице-директору Сливицкому особенный по этой должности окладъ, положила начертать правила, которыми означается отвѣтственность *директора*, *вице-директора*, *надзирателей* и *эконома* и которыя составляютъ учрежденіе института».

На *директора* возлагается наблюденіе за исполненіемъ всѣми служащими въ институтѣ «постановленій плана». О всѣхъ упущеніяхъ онъ доноситъ коммиссіи въ еженедѣльныхъ ея собраніяхъ. Онъ завѣдуетъ институтскою суммою, хранящеюся въ особомъ ящикѣ

---

[1]) Д. унив. арх., 1816 г., № 75.

[2]) Д. унив. арх., 1816 г., № 75.

за печатью его и вице-директора (пп. *а*, *б*, *в*, *г*). Переписка съ родителями «касательно состоянія дѣтей ихъ и... требованіе платежа принадлежитъ къ его обязанностямъ, такъ же, какъ и попеченіе о больныхъ воспитанникахъ» (пп. *д* и *в*). Директоръ одинъ разъ въ мѣсяцъ собираетъ учителей для совѣщанія относительно различныхъ педагогическихъ вопросовъ. Важнѣйшія рѣшенія представляются коммиссіи для утвержденія *(ж)*. «Къ обязанностямъ директора относится, дабы ночные стражи въ спальняхъ воспитанниковъ имѣли надлежащее бдѣніе; а потому онъ обязанъ отъ времени до времени чинить обходъ въ неопредѣленное время и, на случай неисправности, виновныхъ отсылаетъ въ роту для наказанія или наказываетъ ихъ самъ чрезъ унтеръ-офицера» *(з)*.— *Резолюціей коммиссіи* всѣ эти пункты одобрены, но *суммы* рѣшено отдавать для храненія въ *вѣдѣніе коменданта* (п. *г*).

На *вице-директора* возлагается: «обязанность 3 раза въ недѣлю смотрѣть за класснымъ ученіемъ и за соблюденіемъ... нужнаго порядка и исправности со стороны учащихъ, надзирателей и воспитанниковъ, какъ равно и за порядкомъ въ часы роздыха» (п. *а*). Вице-директоръ будетъ завѣдывать институтскою библіотекою и физическимъ кабинетомъ (п. *б*). «Чтеніе Евангелія, для котораго опредѣлено нѣсколько минутъ всякій день передъ завтракомъ и которымъ долженъ заниматься или директоръ или вице-директоръ, не обѣщаетъ для дѣтей большой пользы, потому что не можно имъ дѣлать при семъ нужныхъ объясненій смыслу евангелія, почему гораздо бы полезнѣе было возложить сіе *на духовную особу* и назначить для таковаго чтенія $1^1/_2$ часа въ недѣлю, во время приготовленія дѣтей къ религіи, съ произвожденіемъ за сіе *150 р. въ годъ*». (Не для этой ли цѣли существовали при институтѣ *іезуиты-миссіонеры* въ прежнее время?). Вице-директору «*позволяется* быть при собраніи въ институтѣ членовъ коммиссіи». Онъ во всякое свободное время помогаетъ директору «по части экономіи, а наипаче въ улучшеніи стола».— *Резолюціей* коммисіи всѣ эти пункты одобрены.

Общія правила для директора и вице-директора: «Для пріученія къ порядку дѣтей и къ соблюденію всякаго приличія», директоръ или вице-директоръ или одинъ изъ нихъ находится въ столовой во время обѣда и ужина (п. *а*). Директоръ и вице-директоръ не должны

одновременно отлучаться изъ института (п. *в*). «Ежели встрѣтится нужда употребить строгое наказаніе за ослушность или другіе важные проступки воспитанниковъ, сіе производится въ дѣйство, для придачи болѣе важности наказанію, съ общаго согласія и вице-директора». О «непреклонныхъ послѣ сего» докладывается коммиссіи *(г)*.—*(Резолюція: «кромѣ тѣлесныхъ наказаній, каковыя ни въ какомъ случаѣ не должны употребляться)*. Всякія измѣненія въ планѣ могутъ быть произведены только по разсмотрѣніи ихъ въ «собраніи учителей» по предложенію директора и послѣ утвержденія ихъ коммиссіею *(е)*. Воспитанники, «коль скоро позволитъ погода», ведутся въ церковь для слушанія обѣдни въ сопровожденіи директора или вице-директора *(е)*. При *недѣльныхъ испытаніяхъ* воспитанниковъ, «*для назначенія мѣстъ и награжденія*», присутствуетъ директоръ или вице-директоръ.—*Резолюціей коммиссіи* всѣ пункты утверждены, съ ограниченіемъ по п. *г* (см. выше).

XLV.

(Продолженіе). Инструкція надзирателямъ и эконому. Условія увольненія учителей и надзирателей. Докладъ Флуки относительно удаленія учителей изъ зданія института. Распоряженіе о недопущеніи учителей въ классы безъ испрошенія разрѣшенія директора.

Инструкціи *надзирателямъ* предшествуютъ такія соображенія: «Опытомъ дознано и доказано, что характеръ нашъ образуется навыкомъ и что всѣ склонности, отъ которыхъ зависитъ благополучіе или несчастіе человѣка, получаются въ юныя лѣта. Попечительная коммиссія находится въ долгѣ обратить на это все свое вниманіе. Не можно достигнуть цѣли, предполагаемой родителями, не могутъ воспитанники пріобрѣсть того, что требуется въ общежитіи и что должно составить ихъ счастіе, если не будетъ самихъ воспитанниковъ повиновенія и повиновенія безусловнаго. На этомъ основаніи полагаются здѣсь правила, которыя назначатъ должности какъ надзирателей, такъ и воспитанниковъ, и которыя предписывается исполнять неослабно»:

«Необходимо для молодыхъ людей пріобрѣсти навыкъ вѣжливости, которая служитъ украшеніемъ и отличіемъ благовоспитаннаго юноши; необходимо также поселить въ сердцахъ ихъ признательность, которая можетъ назваться узломъ общежитія и которая побуждаетъ насъ къ добру. Посему попечительная коммиссія проситъ и приказываетъ дѣтямъ имѣть особенное почтеніе къ директору, вице-директору, ко всѣмъ вообще учителямъ и надзирателямъ, принимать ихъ совѣты и приказанія безъотговорочно и почтительно. Несоблюденіе сего во всякомъ случаѣ почтется проступкомъ, заслуживающимъ строгаго взысканія (п. 1). — Надзиратели обязаны *прислушиваться къ разговорамъ дѣтей* во время ихъ забавъ и отдохновенія, дабы они никогда не употребляли между собою неприличныхъ или бранныхъ словъ» (п. 2).—Надзиратели наблюдаютъ за воспитанниками, чтобы они попарно входили въ столовую, въ церковь и обратно, чтобы не разговаривали между собою, идя туда, и во время завтрака, обѣда и ужина «*наблюдали благопристойное положеніе тѣла*, т. е... сидѣли прямо, не облакачивались..., завѣшивались салфетками; за опрятностію мундировъ и обуви дѣтей, бѣлья ихъ, починкою платья и обуви и пр. (пп. 3—6); «не допускаютъ (дѣтей) до того, чтобъ они что-либо изъ своего имущества потратили и не дарили безъ вѣдома своего (надзирателя) служителей; чтобы послѣдніе безъ вѣдома ихъ (надзирателей) не покупали и не приносили дѣтямъ лакомства; уличенные въ этомъ... служитель и воспитанникъ наказываются строго (7—9). Ни одинъ воспитанникъ не хранитъ у себя денегъ, а долженъ отдавать ихъ для храненія надзирателю, имѣющему особую тетрадь для записи прихода и расхода ихъ (10). Надзиратель, по-крайней-мѣрѣ одинъ разъ въ ночь, обязанъ осмотрѣть въ своемъ отдѣленіи, «всѣ ли при своихъ мѣстахъ и имѣетъ ли ночная стража надлежащее бдѣніе»; вставать получасомъ раньше дѣтей. Въ исходѣ 6-го часа надзиратели приказываютъ звонить и будить дѣтей, которыя одѣваются и умываются подъ ихъ надзоромъ, при чемъ обращается особенное вниманіе на тѣхъ, «которыя замѣчены въ неопрятности и у которыхъ водятся на головѣ вши, чтобы хорошо вычесаны были волосы» (11—13). Въ половинѣ 7-го часа дѣти *во фрунтъ* идутъ въ столовую, по осмотрѣ, опрятно ли они одѣты, есть ли у всѣхъ носовые платки и пр. Послѣ звонка

въ классы надзиратели вводятъ туда воспитанниковъ; послѣ чтенія молитвы открываются шкафы съ учебными пособіями; затѣмъ дѣти садятся по мѣстамъ; надзиратель «налагаетъ тишину», и воспитанники до 8-ми часовъ повторяютъ уроки, «не отлучаясь съ мѣстъ безъ вѣдома надзирателя. Надзиратель оставляетъ классъ не прежде прихода учителя»; послѣ урока «принимаетъ (отъ учителя) записку о нерадивыхъ или шалунахъ, которую отдаетъ въ столовой директору или вице-директору» (14—17).—«Надзиратели никогда не оставляютъ дѣтей во время повторенія,.... роздыха и гулянья,.... рисовальнаго, танцовальнаго, фехтовальнаго и письменнаго классовъ»... Въ ненастное время, «когда дѣти, по приказанію директора, *гуляютъ въ спальняхъ*[1]), надзиратели должны быть всѣ на лицо; въ хорошую погоду, когда дѣти гуляютъ въ саду[2]), директоръ, на случай крайней нужды, можетъ позволить одному (надзирателю) отлучиться». «Нѣкоторыя дѣти, не понимая, сколь нужно для нихъ движеніе и сколь продолжительная сидячая жизнь для нихъ вредна, остаются въ классахъ во время получасоваго роздыха и тѣмъ изнуряютъ себя. Надзиратели обязаны, если на дворѣ сухо, понудительно высылать таковыхъ въ садъ, гдѣ силы ихъ укрѣпляются отъ свѣжаго воздуха и отъ движенія. Не должно позволять въ сіе время оставаться въ классахъ ни для музыки, ни для другихъ какихъ-либо причинъ. *Излишество во всемъ вредно, хотя-бы оно состояло въ самомъ полезномъ дѣлѣ,* и молодые люди, не богатые опытностью, всегда требуютъ руководства.... Не излишнимъ почитается опредѣлить, чтобы *надзиратели* какъ во время повторенія, такъ и преподаваній тѣхъ уроковъ, при которыхъ они должны находиться, *наблюдали сами всевозможную примѣрную благопристойность*, ибо *классъ есть въ видѣ присутственнаго мѣста*, почему и должно наблюдать одинаково приличіе... Во всякое время надзиратель обязанъ знать, гдѣ находится каждый изъ ввѣренныхъ ему воспитанниковъ». (18—22).—«*Институтъ составляетъ* (какъ бы) *одно семейство*, и

---

[1]) Значитъ, въ институтѣ вовсе не имѣлось рекреаціонныхъ залъ.

[2]) Собственно говоря, *сада* не было при институтѣ; но небольшіе дворики, засаженные нѣсколькими деревьями, еще существовали въ лицеѣ въ пятидесятыхъ годахъ и позднѣе; они были окружены со всѣхъ сторонъ помѣщеніями, изъ оконъ которыхъ можно было наблюдать за каждымъ шагомъ воспитанниковъ.

всѣ чиновники его должны имѣть общую цѣль, состоящую въ благосостояніи сего заведенія; но достигнуть такой цѣли (можно только) согласіемъ и дружелюбіемъ, которыя и безъ того необходимы лицамъ, имѣющимъ участіе въ воспитаніи и обязаннымъ быть примѣромъ въ правилахъ, кои внушаютъ дѣтямъ. Посему надзиратели не теряютъ изъ-виду наблюденія за нравственностью всѣхъ вообще воспитанниковъ и, замѣтя какой-либо безпорядокъ между дѣтьми другаго отдѣленія, извѣщаютъ о томъ надзирателя того отдѣленія, а въ небытность его—директора или вице-директора (23).—Къ должности надзирателей принадлежитъ также содержаніе книгъ для отмѣтокъ объ успѣхахъ и нравственности воспитанниковъ по введенному порядку (24).— *Надзиратели обязаны обучать воспитанниковъ военной экзерсиціи*, начавъ съ того, чтобы они умѣли маршировать, стоять прямо, поворотамъ и полуповоротамъ, и не иначе вести ихъ въ столовую или въ церковь и обратно, какъ *скорымъ маршемъ*, а когда будутъ доведены до сего, тогда *даны* имъ *будутъ и ружья* для дальнѣйшаго ихъ обученія; а воспитанники обязаны привыкать благовременно къ военной наукѣ и исполнять охотно совѣты и приказанія своихъ надзирателей (25).—Надзиратели обязаны наблюдать, дабы *дѣти говорили на иностранныхъ языкахъ* въ тѣ дни, какіе назначены будутъ директоромъ». — *Резолюціею* комиссіи всѣ эти пункты утверждены.

По инструкціи «*экономъ* долженъ быть *честенъ, дѣятеленъ и прозорливъ*». На обязанности его лежитъ закупка и заготовленіе впрокъ съѣстныхъ припасовъ, покупка матеріаловъ для платья, бѣлья и проч. и проч. (1—10). — «Экономъ обязанъ не прежде ложиться спать, какъ *въ исходѣ 11-го часа; въ сіе время всякій живущій въ домѣ обязанъ быть благовременно дома, дабы не безпокоить начальства* института частымъ отпираніемъ воротъ. *Экономъ въ половинѣ 11-го часа самъ запираетъ ворота и ключъ отдаетъ директору или вице-директору*» (11) [1]. «Такъ какъ институтъ есть домъ воспитанія, то въ немъ должно быть строжайше

[1]) Изъ-за этого распоряженія выходили различныя неудовольствія между директоромъ и служащими въ институтѣ. Это, впрочемъ, бывало и позднѣе— въ лицейскій періодъ (напр., при директорѣ Гейнлетѣ).

наблюдаемо всякое приличіе. Того ради строжайше запрещаются внутри дома института *картежная игра, соблазнительныя пѣсни, пьянство и всякаго рода насильственные поступки и праздность*, вообще законами запрещаемые. Для того экономъ обязанъ отнюдь не держать *людей праздныхъ и порочныхъ*».

Примѣчаніе. Изъ инструкцій мы привели, конечно, только болѣе существенное и оригинальное.

Относительно *увольненія учителей и надзирателей* состоялись слѣдующія распоряженія:

По случаю неожиданнаго заявленія учителя *Зафирія* о нежеланіи его преподавать въ уѣздномъ училищѣ, *комитетъ* 10-го марта 1809 г. увѣдомилъ директора, что служащіе, подвѣдомые университету и состоящіе въ дѣйствительной службѣ, желая оставить свою должность, должны подать объ этомъ прошеніе директору съ «прописаніемъ побудительныхъ причинъ къ тому» и продолжать отправлять свою должность до полученія увольненія отъ университета.

7-го мая 1816 г. по тому же поводу состоялось слѣдующее опредѣленіе коммиссіи института:

Учитель французскаго языка *Ф. Женелли* неожиданно подалъ въ отставку 18 апрѣля 1816 г. «для отправленія во Францію по наслѣдственнымъ дѣламъ, и съ 24-го апрѣля прекратилъ свои занятія». Попечительная коммиссія, имѣя въ виду, что вслѣдствіе этого заведенія остались безъ учителя французскаго языка,—«дабы таковая неудобность впредь не могла случиться, опредѣлила: 1) если впредь кто изъ учителей того или другого заведенія пожелаетъ увольниться, то долженъ о своемъ увольненіи письменно просить сію коммиссію по меньшей мѣрѣ за 3 мѣсяца, считая сей срокъ со дня подачи отъ него прошенія,—безъ чего уволенъ не будетъ; 2) если кто изъ учителей, имѣющихъ обязанность по обоимъ заведеніямъ, будетъ просить увольненія отъ одного только, то въ такомъ случаѣ увольнять его и отъ другого, но не прежде, какъ по прошествіи трехмѣсячнаго срока, необходимо нужнаго на выписку другаго учителя, ибо коммиссія..., соблюдая пользу обоихъ заведеній, не находитъ возможности выписывать хорошаго учителя для одного только заведенія, согласно съ чѣмъ предъ симъ поступила съ учи-

телемъ музыки *Рупертомъ*, — о чемъ чрезъ директора института Флуки объявить учителямъ». *Резолюціею* распространена эта мѣра и на *надзирателей* [1]).

Докладъ директора *Флуки* (11 января 1816 г.) попечительной коммиссіи рисуетъ отчасти внутреннюю жизнь заведенія, указывая на *отсутствіе солидарности въ учебно-воспитательномъ составѣ гимназіи и института* и не особенно хорошія отношенія между служащими:

«Поднося при семъ на разсмотрѣніе статью плана о *квартированіи въ институтѣ 8-ми учителей* и цѣль, съ которою постановленіе сіе учинено, испрашиваю разрѣшенія, слѣдуетъ-ли учителямъ для безпрерывнаго ученія и надзора за дѣтьми исполнять оную или нѣтъ? То-есть, на случай болѣзни какого-либо надзирателя, обязаны-ли учителя занимать мѣста надзирательскія, и тѣмъ общими силами и взаимною помощью исполнять цѣль сію, т. е. благовоспитаніе и нравственность? По мнѣнію моему, если-бы и хотѣли,— въ чемъ не сомнѣваюсь,—то обязанности ихъ преподавать уроки въ женскомъ институтѣ къ сему ихъ не допустили-бы; такъ равно и по гимназіи преподаваемые уроки таковыя же представляютъ препятствія. Если разсмотрѣть, съ другой стороны, сколь трудно управлять полицейскою частію тамъ, гдѣ живутъ нѣсколько служителей, служанокъ [2]) и господъ, число которыхъ превышаетъ и самое число воспитанниковъ, и наконецъ тамъ, гдѣ *давно не имѣется того согласія, того единодушія, которое нужно для добраго порядка;* настоятельное мое требованіе прошлаго года о запираніи воротъ въ 10 часовъ вечера, сколь оно ни справедливо было, не оставило возбудить на меня негодованіе сотрудниковъ моихъ; нѣкоторыя другія распоряженія, коихъ цѣль была благо дѣтей, произвели то-же; во избѣжаніе сего я бы думалъ, чтобы въ институтѣ, кромѣ директора, вице-директора, надзирателей, экономa и служителей, заведенію принадлежащихъ, ни кто не квартировалъ. А для сего можно бы испросить особый домъ недалече отъ института, съ отпускомъ отапли-

---

[1]) Дѣло унив. арх. 1816 г. № 75.

[2]) Замѣтимъ, что по «Начертанію» въ институтѣ вовсе *не допускалось присутствіе женщинъ*: «*Никакой женщинѣ* не будетъ позволено жить въ домѣ института» (стр. 118).

ванія въ натурѣ, или денегъ на оное, какъ и въ женскомъ институтѣ преподаются уроки, такъ и въ мужскомъ приходили-бы во время» [1]). *Резолюція*, какъ видно, не была благопріятна для директора, такъ какъ отмѣчено: «*Впредь* будетъ разсмотрѣно» [2]).

Очевидно, что между директоромъ и учителями происходили частыя столкновенія или изъ-за какихъ-либо домашнихъ дрязговъ, какъ часто случается между людьми, живущими въ одномъ домѣ, или же вообще по службѣ. Не агитировали-ли учителя между воспитанниками противу директора или вообще противу порядковъ, введенныхъ въ институтѣ? Покрайней мѣрѣ трудно объяснить въ другомъ смыслѣ распоряженіе Флуки въ іюнѣ 1815-го года (по опредѣленію попечительной коммиссіи) о томъ, что «гг. учители *не могутъ входить въ классы какъ только въ тѣ часы, которые назначены по таблицѣ каждому*. Во всякое другое время они обязаны имѣть для входа *позволеніе* отъ директора». Вѣроятно, такое недовѣріе къ учителямъ имѣло свои основанія,—иначе, распоряженіе это было-бы черезчуръ странно и непедагогично.

XLVI.

(Продолженіе). Распоряженія относительно поведенія учителей. О воспрещеніи пьянства. Примѣры, иллюстрирующіе необходимость этого распоряженія. Яковъ и Алексѣй Золотаревы.

Поведеніе учителей, какъ видно, вызывало частыя неудовольствія со стороны министерства и ближайшаго начальства.

Главнымъ порокомъ, очень распространеннымъ между учителями, было *пьянство*.

Относительно его имѣется распоряженіе министерства отъ 31 января 1814 г. слѣдующаго содержанія:

«Изъ доходящихъ ко мнѣ свѣдѣній къ крайнему прискорбію усматриваю я, что учители, которые должны служить для учащихся

[1]) Конецъ донесенія нѣсколько не ясенъ. Флуки, очевидно, хочетъ сказать, что выселеніе учителей изъ институтскаго зданія не можетъ повести къ опаздыванію ихъ на уроки, и въ примѣръ приводитъ женскій институтъ, гдѣ учителя являются на уроки вовремя, хотя и не живутъ въ зданіи института.

[2]) Дѣло унив. арх. 1816 г. № 75.

примѣромъ въ поведеніи, нерѣдко обращаются въ пьянствѣ, такъ что дѣлаются неспособными къ отправленію должности. Въ прекращеніе сего предпишите, собравъ въ каждомъ учебномъ заведеніи учителей, объявить имъ, что если кто изъ нихъ впредь замѣченъ будетъ обращающимся въ пьянствѣ, столь гнусномъ порокѣ, наипаче для наставника юношества, таковой не только лишится мѣста и будетъ исключенъ безъ аттестата, но сверхъ того еще опубликованъ въ вѣдомостяхъ. О каждомъ таковомъ, къ опубликованію подлежащемъ, предварительно представить мнѣ» [1]).

Строгія мѣры въ этомъ случаѣ были вполнѣ необходимы,— потому что учительское званіе сильно роняло учителями-пьяницами.

Но, къ сожалѣнію, этотъ порокъ былъ чуть-ли не общимъ между педагогами.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ изъ жизни Харьковскаго учебнаго округа (къ которому принадлежала, какъ мы знаемъ, и Херсонская губернія).

Учитель, только что опредѣленный на должность, началъ службу свою тѣмъ, что «ночью, въ десятомъ часу съ полдня, пришедши *напилдй* (пьяный) въ училищный домъ и въ покои IV класса учителя, когда сей спалъ, дѣлалъ шумъ, и произвелъ съ нимъ ссору, *вдарилъ жену учительскую по щекѣ*, разбивъ окошко и другія вещи». Другой учитель *ударилъ своего сослуживца въ щеку предъ учениками*. Интересно, что начальство, найдя, конечно, проступокъ этотъ ни мало не совмѣстнымъ «съ благонравными правилами», сдѣлало ударившему строгій выговоръ, внушивъ ему, чтобы онъ постарался загладить это отличными трудами и примѣрною скромностью [2]).

Еще любопытнѣе въ этомъ отношеніи похожденія брата учителя Одесской коммерческой гимназіи Якова *Золотарева*.

Когда онъ опредѣленъ былъ смотрителемъ Глуховскаго училища (въ началѣ 1805 г.?), то на должность во-время не явился

---

[1]) Сборн. распор. Т. I, стр. 232, № 104.

[2]) *Сухомлиновъ*. Училища и народн. образов. въ Черниговской губерніи (Ж. Мин. нар. пр. 1864 г. Ч. CXXI, стр. 24—25).

и не могъ дать удовлетворительнаго отвѣта относительно своей неявки. Директоръ училищъ Черниговской губерніи постоянно жаловался, что *Золотаревъ* не доставляетъ вѣдомостей объ учебномъ заведеніи, не присылаетъ ни приходо-расходныхъ книгъ, ни счетовъ, не выполняетъ его предписаній. Въ мартѣ 1806 г. Золотаревъ произвольно отлучился изъ Чернигова, «гдѣ постоянно находился въ неблагопристойномъ положеніи», не являясь къ директору. Жаловался также на Золотарева малороссійскій генералъ-губернаторъ, назвавъ его *недостойнѣйшимъ человѣкомъ*. «Въ апрѣлѣ 1806 года пришелъ къ директору еврей изъ имѣнія г. Лизогуба объявить, что Золотаревъ уже недѣль пять проживаетъ у него въ шинкѣ, упражняясь въ пьянствѣ, отчего имѣлъ припадокъ; всѣ его вещи у него (еврея) въ закладѣ. Учителямъ Золотаревъ не выдавалъ жалованья за январскую треть, которое онъ получилъ изъ казначейства. По отношенію директора къ губернатору, Золотаревъ былъ сысканъ и доставленъ къ нему (директору?) въ нетрезвомъ видѣ. Училищный комитетъ требовалъ отъ директора взять отъ Золотарева въ присутствіи всѣхъ учителей гимназіи письменный отвѣтъ на всѣ тѣ пункты, въ которыхъ онъ обвинялся; но директоръ отъ 28 іюля 1806 г. увѣдомлялъ, что невозможно отобрать отъ него отвѣты по нетрезвости, и что остается только выдержать его подъ стражею для того, чтобы онъ не пилъ. При ревизіи училища оказалось множество упущеній и растрата казенныхъ денегъ. 12 августа Золотаревъ доставленъ былъ директору, при отношеніи черниговскаго полиціймейстера, босой и безъ кафтана, взятый по козелецкой дорогѣ въ селѣ Олешнинѣ». О Золотаревѣ-же писалъ отъ 1 ноября 1802 года атаманъ Платовъ къ министру Завадовскому, что «онъ, по обязанности попечителя здѣшнихъ народныхъ училищъ, находитъ, что учитель главной школы III—IV классовъ историческихъ наукъ и географіи Золотаревъ не имѣетъ не токмо потребныхъ способностей къ преподаванію оныхъ предметовъ, но, обучая въ тѣхъ-же классахъ уже 2 года, не пріобрѣлъ ни свойственнаго его званію навыка, ниже того обстоятельнаго свѣдѣнія, каковое по его обязанности требуется» [1]).

[1]) Д канц. попеч. Харьк. уч. окр. 1809 г., № 6.

Въ такомъ-же родѣ былъ и братъ его Алексѣй *Золотаревъ*, учитель Одесской коммерческой гимназіи (съ 1808 г.), «обращавшійся въ пьянствѣ» (вѣроятно, это было у Золотаревыхъ семейнымъ недостаткомъ),—что замѣчено было гр. Потоцкимъ, ревизовавшимъ Одесскія учебныя заведенія въ 1810 г. Въ оффиціальномъ письмѣ къ ректору Харьковскаго университета, попечитель, между прочимъ, говоритъ: «Учитель Золотаревъ по нерадѣнію къ должности не можетъ быть терпимъ въ гимназіи; въ продолженіи пребыванія моего въ Одессѣ онъ почти совсѣмъ не преподавалъ уроковъ подъ предлогомъ болѣзни, которая, какъ многіе утверждаютъ, происходитъ единственно отъ его нетрезвости; хотя я сомнѣваюсь въ его исправленіи, однако-же если-бы оказалась въ томъ надежда, то я согласенъ оставить его при должности, съ тѣмъ только, чтобы онъ былъ переведенъ въ другое училище»[1]).

Золотаревъ, очевидно, вслѣдствіе такого распоряженія гр. Потоцкаго, 22 ноября 1810 года подалъ прошеніе о переводѣ на мѣсто смотрителя уѣзднаго училища въ Курской или Харьковской губ., съ порученіемъ ему должности учительской, — при чемъ объяснилъ, что «почувствовалъ въ здоровьѣ своемъ отъ здѣшняго (одесскаго) климата не малую перемѣну и, пользуясь у медиковъ, разстроился въ своемъ состояніи, а паче по чрезвычайной въ Одессѣ какъ на квартиры и топку, такъ и (на) съѣстные припасы дороговизнѣ не можетъ долѣе быть въ здѣшнемъ мѣстѣ». Училищный комитетъ, имѣя въ виду письмо Потоцкаго, 3 января 1811 г. положилъ: «оставить прошеніе Золотарева безъ уваженія до исправленія его»[2]). Судьба распорядилась, однако, иначе: 28 февраля того-же года директоръ Минутъ донесъ, что «Золотаревъ умеръ 20 февраля «по непродолжительной болѣзни»[3]), — вѣроятно, вслѣдствіе своей невоздержности.

---

[1]) Д. канц. попеч. 1810 г., № 1.
[2]) Дѣло канц. попеч. 1811 г., № 2.
[3]) Дѣло канц. попеч. 1811 г., № 3.

XLVII.

(Продолженіе). Опаздыванія учителей. Злоупотребленія тѣлесными наказаніями.

Министерствомъ и комитетомъ замѣчена была также небрежность учителей по исполненію нѣкоторыхъ своихъ обязанностей—о чемъ говорятъ предложенія 6 іюня 1812 г. и 6 іюня 1814 г.: «Извѣстно мнѣ, пишетъ въ 1-мъ изъ нихъ министръ, что многіе изъ учащихъ не исполняютъ надлежащимъ образомъ должности своей, *распуская учениковъ изъ классовъ прежде времени* и приходя въ классы *позже*, нежели какъ должно, а иногда *вовсе не бываютъ и въ классахъ*. Почему прошу... подтвердить кому слѣдуетъ, дабы имѣли за симъ строжайшій надзоръ и о нерадящихъ о своей обязанности доносили-бы начальству» [1]). «Въ книгѣ руководства учителямъ I-го и II-го классовъ части IV-ой главы I-ой отд. 2-го ст. 1-ой подъ буквою *б* сказано, чтобы учители по утрамъ и послѣ обѣда приходили въ училище $^1/_4$ часа ранѣе (начала) ученія, дабы собирающихся учащихся содержать въ порядкѣ; но комитету извѣстно, что *ни въ одномъ почти учебномъ заведеніи* не только *постановленіе сіе не исполняется*, но, напротивъ того, во многихъ учители приходятъ $^1/_4$ или $^1/_2$ часа, а нерѣдко и того позже назначеннаго времени» [2]).

На *отсутствіе солидарности* между преподавателями одесскихъ учебныхъ заведеній указываетъ донесеніе директора Флуки, приведенное нами на страниц. 228—229-ой.

Министерству народнаго просвѣщенія и университету приходилось еще бороться съ другимъ зломъ, свившимъ гнѣздо въ нашей школѣ, до того прочное, что оно существовало и гораздо позднѣе разсматриваемаго нами періода времени, существуетъ кое-гдѣ, какъ извѣстно изъ различныхъ оффиціальныхъ и газетныхъ свѣдѣній, къ крайнему сожалѣнію, даже и въ настоящее время,—съ употребленіемъ *тѣлесныхъ наказаній*.

---

[1]) Сб. распор. Т. I, стр. 217.

[2]) Дѣло унив. арх. 1817, № 74.

Мы видѣли, что Екатерининская школа вооружалась противу *тѣлесныхъ наказаній*, совершенно запрещая ихъ,—но—

«Законы святы,
Да исполнители—лихіе супостаты»,

по словамъ нашего стариннаго писателя.

18-го марта 1811-го года явилось слѣдующее циркулярное предложеніе министра:

«Училищными постановленіями *всякія тѣлесныя наказанія учениковъ запрещены;* между тѣмъ, извѣстно мнѣ, что нѣкоторые директоры, смотрители, учители, гувернеры и содержатели пансіоновъ дѣлаютъ оныя и *даже съ ожесточеніемъ*, безъ вѣдома высшаго начальства и безъ согласія родителей или родственниковъ. А какъ сіе противно доброму воспитанію, то я предлагаю вникнуть въ сіе обстоятельство и, подъ опасеніемъ *отрѣшенія отъ должностей*, подтвердить означеннымъ лицамъ и содержателямъ пансіоновъ *подъ опасеніемъ закрытія пансіоновъ*, дабы не дерзали нарушать Высочайшее постановленіе о наказаніяхъ и исправляли-бы дѣтей мѣрами кротчайшими, каковыя предписаны въ III-й и IV части Руководства учителей, Устава учебныхъ заведеній въ статьяхъ 42 и 44 и каковыя внушить можетъ благоразумная умѣренность. Желательно было-бы, чтобы жестокіе наставники, учители, начальники училищъ и содержатели пансіоновъ немедленно были узнаны и по усмотрѣнію или *перемѣнены* или *предостережены* какъ для пользы ихъ собственной, такъ болѣе для юношества, имъ ввѣреннаго»[1]).

Примѣчаніе. Наказанія, рекомендуемыя въ Руководствѣ для учителей, исчислены нами выше (стр. 216–217). Что-же касается ссылки на §§ 42 и 44 «Уст. учебн. завед., подвѣд. университетамъ», то они повторяютъ то-же, что̀ и въ «Руководствѣ» о «должностяхъ учительскихъ».

Въ этомъ духѣ и комитетомъ еще 5 іюня 1809 г. предложено было Вольсею: «Предписывается вамъ, чтобы вины учениковъ соразмѣрно и всегда единообразно были наказуемы, употребляя при семъ болѣе снисхожденія и уваженій, нежели жестокости, дабы симъ случаемъ не отвратить учениковъ отъ училища; впрочемъ наказаніе сіе пре-

[1]) Сборн. распор. Т. I, стр. 182.

доставляется благоразумію... вашему, однакожъ ни за какую вину ...не можете удалить ученика отъ училища,... не получая по сему разрѣшенія отъ училищнаго комитета»[1]).

Вѣроятно, «узнанныхъ» любителей тѣлесныхъ наказаній было такъ много, что трудно было ихъ всѣхъ «перемѣнить», а «предостереженія.. для пользы ихъ собственной... и болѣе для юношества, имъ ввѣреннаго», мало приносили пользы,—такъ какъ черезъ 3 года (14 февраля 1814 г.) мы встрѣчаемъ по тому-же поводу второе предложеніе министерства:

»Изъ донесеній, ко мнѣ поступающихъ, усматриваю я, что предписаніе мое отъ 18 марта 1811 года, коимъ запрещено употреблять въ училищахъ тѣлесныя наказанія, *не всегда исполняется*, отъ чего *выходятъ непріятныя послѣдствія;* потому прошу предложить..., дабы упомянутое предписаніе *вновь подтверждено было* всѣмъ чиновникамъ, при учебныхъ заведеніяхъ находящимся, къ точному и непремѣнному наблюденію, подъ опасеніемъ, въ случаѣ отступленія ими отъ онаго, *неминуемаго отрѣшенія ихъ отъ должности*»[2]).

Любопытенъ по этому поводу циркуляръ относительно директора Харьковской губерніи *Шредера.* Ему читанъ выговоръ министра народнаго просвѣщенія «за сѣченіе ученика Зубкова розгами и за битье тростью, раздѣвъ до рубахи»,—за каковые неприличные поступки грозились его отставить: «такъ какъ они истребляютъ въ дѣтяхъ любочестіе и отъ таковаго воспитанія грубѣютъ чувствованія, благородный образъ мыслей, съ каковыми дѣти *нерѣдко* поступаютъ изъ домовъ своихъ, а въ директорѣ вмѣсто отца представляютъ себѣ мучителя»[3]).

Были-ли въ одесскихъ учебныхъ заведеніяхъ въ разсматриваемый нами періодъ злоупотребленія тѣлесными наказаніями, свѣдѣній у насъ не имѣется; но съ большою вѣроятностью можно предположить о ихъ существованіи,—такъ какъ даже въ лицейскій періодъ, *при* пресловутомъ *аббатѣ Николѣ* и *послѣ него*, они несомнѣнно практиковались. У насъ, напримѣръ, имѣется довольно

---

[1]) Д. унив. арх. № 13.
[2]) Сборн. расп. Т. I, 235.
[3]) *Данилевскій*, Украинск. старина, 329.

большой списокъ воспитанниковъ, подвергнутыхъ аббатомъ тѣлеснымъ наказаніямъ: изъ нихъ 8-милѣтн. возраста—1, 9 л.—2, 10 л.—9, 11 л.—12, 12 л.—10, 13 л.—12, 14 л.—7, неизв. возр.—9, всего 62 [1]).

XLVIII.

Распоряженія по учебной части. Объясненіе ученикамъ преподаваемаго. Способы преподаванія. Подтвержденіе о преподаваніи на русскомъ языкѣ. Запрещеніе диктованія уроковъ. Донесеніе по этому поводу учителя Жаданова.

Собственно на *учебную часть* также обращалось вниманіе министерства и университетовъ.

Въ этомъ отношеніи очень любопытно и характерично распоряженіе комитета отъ 15 декабря 1806 года:

«Отправлявшіеся отъ университета въ нынѣшнемъ году для обозрѣнія училищъ... визитаторы донесли, что въ большей части малыхъ училищъ учители стараются только о томъ, чтобы ученики выучивали только наизусть, не заботясь о томъ, понимаютъ ли то, что учатъ; отчего выходило, что на вопросы, дѣлаемые ими, визитаторами, ученикамъ, съ намѣреніемъ узнать, понимаютъ-ли они то, что безостановочно отвѣчаютъ, давали они отвѣты, доказывающіе, что они точно того не понимаютъ; напримѣръ, на вопросъ ученику, что разумѣетъ онъ подъ словомъ церковь [2]) и о деревянной-ли говорится здѣсь церкви или о каменной,—отвѣчаютъ индѣ, что здѣсь разумѣется каменная церковь; или когда отвѣчаютъ ученики, что рай былъ въ Азіи, на вопросъ, что есть Азія? отвѣчаютъ въ однихъ мѣстахъ, что Азія есть растеніе, а въ другихъ, что Азія есть страна; на вопросъ же—какая страна—правая или лѣвая, отвѣчаютъ лѣвая». Поэтому предписывается Вольсею «внушить учителямъ, что знаніе ученика состоитъ не въ знаніи наизусть словъ, но въ понятіи идей, ими выражаемыхъ, и потому-бы они, не заботясь единственно о выучкѣ учениковъ наизусть, старались болѣе о понятіи того, что они учатъ, т. е. чтобы каждое слово, о которомъ подумать можно,

[1]) Д. канц. попеч. 1820 г., № 1.

[2]) Вѣроятно, дѣло идетъ о символѣ вѣры.

что ребенокъ не имѣетъ объ немъ истинной идеи, и каждую связь словъ необходимо изъяснили»[1]).

8-го іюля 1810 г. Министръ дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе относительно *способовъ преподаванія въ учебныхъ заведеніяхъ*: «Усмотрѣно, что во многихъ училищахъ преподаются науки *безо всякаго вниманія къ пользѣ учащихся*, что учители стараются болѣе *обременять*, нежели изощрять *память* ихъ, и *вмѣсто развиванія разсудка* постепеннымъ ходомъ, *притупляютъ оный*, заставляя *выучивать наизусть отъ слова до слова* то, изъ чего ученикъ долженъ удерживать одну только мысль и доказывать, что понимаетъ ее, собственными, хотя-бы и несвязными, но не книжными выраженіями. Таковой способъ ученья сколько *легокъ для учителей*, столько *вреденъ для* истиннаго образованія *юношества*, и на сіе тѣмъ менѣе можно взирать съ равнодушіемъ, что, сверхъ потраты дѣтьми наилучшаго въ жизни времени, обманывается надежда правительства и употребляемыя имъ на воспитаніе издержки остаются мало вознагражденными»; для прекращенія этого министръ сообщаетъ попечителямъ, для предложенія университетамъ: «1) Чтобы при опредѣленіи учителей требовано было отъ нихъ *знаніе методы ученія* не механической, но *способствующей къ* дѣйствительному *обогащенію ума* полезными и нужными истинами. 2) Чтобы предписано было директорамъ и смотрителямъ училищъ имѣть необходимый надзоръ за учителями, дабы въ облегченіе себѣ *не затрудняли дѣтей* однимъ *только вытверживаніемъ наизусть уроковъ*, но приводили-бы ихъ легкимъ, простымъ образомъ къ пониманію всего имъ преподаваемаго, останавливаясь на каждомъ словѣ сколько нибудь для нихъ непонятномъ и объясняя оныя удобовразумительнымъ для ихъ лѣтъ способомъ. Изъ сего исключаются лучшія мѣста изъ писателей по части словесности, которыя для примѣровъ и подражанія вытверживать наизусть весьма полезно и нужно, но не прежде, какъ послѣ яснаго и аналитическаго истолкованія оныхъ. 3) Чтобы *визитаторы* первое *обращали вниманіе на способъ, какимъ преподаются науки* въ осматриваемыхъ училищахъ, и объ учителяхъ, не знающихъ доброй методы ученья, или не желающихъ

[1]) Д. унив. арх. 1806 г., № 13.

слѣдовать оной, представляла университетамъ, которые съ таковыми поступать имѣютъ по власти имъ данной. 4) Чтобы *юношество* сколько можно *менѣе обременяемо было перепискою курсовъ*, учителями произвольно составляемыхъ, и ученье вообще преподаваемо было по *книгамъ*, отъ высшаго начальства предписаннымъ. 5) Чтобы для совершеннаго удостовѣренія въ успѣхахъ учениковъ всѣ мѣры употребляемы были *на экзаменахъ*, а въ числѣ оныхъ и та, чтобъ *не сами учителя экзаменовали учениковъ*, а постороннія лица, гдѣ есть свѣдущія въ наукахъ; гдѣ-же нѣтъ — по крайней мѣрѣ не тѣ учители, которые обучали учениковъ наукѣ, въ коей испытаніе производится, но обучающіе другимъ предметамъ, также директоры и смотрители»[1]).

11 декабря 1813 г. министромъ подтверждено, чтобы неукоснительно соблюдалось постановленіе *о преподаваніи въ пансіонахъ предметовъ на русскомъ языкѣ*, такъ какъ не вездѣ оно въ точности исполняется (см. выше Высочайше утвержд. записку 25 мая 1811 г.).

11-го апрѣля 1814 г. комитетъ запрещаетъ *диктованіе ученикамъ уроковъ*: «Комитетъ замѣтилъ, что нѣкоторые изъ учителей... округа вмѣсто объясненія науки, преподаваемой ученикамъ, проводятъ время *въ диктованіи собственныхъ выписокъ или прибавленій*, чрезъ что теряется время и замедляются успѣхи, каковое диктованіе противно Высочайше утвержденнымъ правиламъ педагогическаго института, коего въ § 57 сказано: «диктованіе въ классахъ уроковъ запрещается. Ибо отъ таковаго способа ученія обыкновенно происходятъ двѣ невыгоды: 1-е, что предметы наукъ по своей обширности недовольно объяснены, ни къ назначенному времени окончены быть не могутъ; 2-е, что юношество по большей части удерживаетъ въ памяти только то, что можетъ написать по диктованію, не заботясь о томъ, чтобы напрягать силы разума и стараться размышленіемъ приводить оныя въ совершенство»; почему предписываетъ вамъ, чтобы учители, преподающіе науки въ гимназіи и уѣздныхъ училищахъ, впредь въ продолженіи классовъ учебныхъ отнюдь не употребляли диктованія, но объясняли науки по книгамъ,

[1]) Сборн. распор. Т. I, стр. 175—177.

для сего изданнымъ и одобреннымъ главнымъ начальствомъ; одни учители языковъ для навыка въ правописаніи могутъ учениковъ занимать нѣкоторое время диктованіемъ»[1]).

По поводу приведеннаго распоряженія учитель *Жадановъ* доноситъ 26 апрѣля 1814 г. исправл. должность директора *Элкану*, что «какъ въ коммерческой гимназіи совершенно *не находится математическихъ и коммерческихъ книгъ*, то успѣхи учениковъ будутъ весьма сомнительны безъ диктированныхъ... имъ до сихъ поръ по объясненіи каждой лекціи нужныхъ объ оной замѣчаній, облегчавшихъ учениковъ и замѣнявшихъ неимѣніе книгъ, и что начатое имъ *чтеніе коммерческихъ наукъ должно пріостановиться, до тѣхъ поръ пока университетомъ будетъ назначенъ авторъ для руководства» по этому предмету».*

Вслѣдствіе этого комитетъ 4-го іюля 1814 г. прислалъ директору 25 экземпляровъ руководства по коммерческой наукѣ[2]).

Примѣчаніе. Жадановъ, учитель математики, случайно сдѣлался преподавателямъ *бухгалтеріи*. Элканъ, и. д. директора гимназіи, донесъ комитету 10 сентября 1813 г о томъ, что въ Одессѣ не нашлось лица, способнаго къ преподаванію правилъ бухгалтеріи и веденія коммерческихъ книгъ; совѣтъ Московскаго коммерческаго училища, къ которому обращался комитетъ по этому поводу, 27 октября 1813 г. отвѣтилъ, что въ этомъ училищѣ воспитываются купеческія и мѣщанскія дѣти, которыя, по окончаніи ученія, должны быть непремѣнно употребляемы только на купеческія дѣла. Тогда комитетъ 7 ноября 1813 г. положилъ: «какъ бухгалтерія весьма близка къ математикѣ, то предложить учителю Жаданову заняться практически и теоретически познаніемъ предметовъ коммерціи и бухгалтеріи, дабы онымъ могъ обучать учениковъ тамошней гимназіи за особое вознагражденіе»; а 9-го января 1814 года: «какъ Жадановъ обучался коммерческимъ наукамъ съ успѣхомъ въ Слободско-Украинской гимназіи, то возложить на него преподаваніе коммерческихъ наукъ въ гимназіи, впредь до опредѣленія настоящаго учителя для сихъ наукъ, съ жалованьемъ по 300 рублей въ

[1]) Дѣло унив. арх. 1811—1817 г. № 74.
[2]) Д. унив. арх. 1817 г., № 74.

годъ изъ штатной суммы»,—что и утверждено совѣтомъ университета 14 января 1814 г.

§-омъ 52 Устава учебн. завед. 5 ноября 1804 г. учителямъ гимназіи «препоручалось, подъ вѣдѣніемъ директора, вести *историческія, метеорологическія, топографическія и статистическія записки о губерніяхъ*, включая въ оныя свѣдѣнія о земледѣліи, времени посѣва и жатвы, о свойствахъ земли, употребляемыхъ при землепашествѣ орудіяхъ и другихъ предметахъ, потребныхъ къ точному познанію общаго хозяйства. Сей трудъ относится къ числу *посторонних обязанностей учителей*, за которыя они имѣютъ ожидать особенной награды, если оный достоинъ будетъ уваженія». Записки эти должны были представляться университетомъ «высшему» начальству. 19-го октября 1812 г. министромъ препровождены были въ университетъ печатныя наставленія для учителей, какъ вести самыя записки. Вѣроятно, распоряженіе это оставалось въ архивахъ неисполненнымъ. И вотъ министръ гр. А. К. Разумовскій, «желая знать, какой успѣхъ имѣла... сія мѣра, кѣмъ изъ учителей, какія ведены записки, куда онѣ поступали, кѣмъ разсмотрѣны и одобрены ли, предложилъ университету истребовать отъ кого слѣдуетъ таковыя свѣдѣнія по... округу и доставить оныя его сіятельству». Вслѣдствіе этого комитетъ предписалъ 22 января 1816 г. директору доставить такія записки комитету; если-же къ составленію ихъ еще не приступлено, то доставить объясненія, почему не исполнено это предложеніе министра и комитета.

Директоръ Флуки 12 февраля донесъ комитету, что «по выправкѣ съ дѣлами предмѣстника его Минута онъ нашелъ предписаніе комитета отъ 4 декабря 1812 г. о веденіи учителями записокъ неисполненнымъ по неимѣнію на сей предметъ наставленій, коихъ выписать отъ главнаго училищнаго правленія невозможно было *за существованіемъ въ то время* въ семъ краѣ *мороваго повѣтрія* и прекращеніемъ за оною (sic) вовсе ученія».

Слѣд. *чума* помѣшала очень полезному дѣлу. Почему-же *потомъ* не просили о высылкѣ наставленій? Очевидно, тутъ виновата была не одна чума, а и тѣ, которымъ не хотѣлось взяться за серьезный и полезный трудъ составленія записокъ, весьма необходимыхъ для всесторонняго изученія нашего отечества.

XLIX.

Свѣдѣнія объ учебно-воспитательномъ составѣ гимназіи и института.

Нѣкоторые пробѣлы вслѣдствіе отсутствія данныхъ въ архивахъ. Замѣчаніе относительно указанія на предметы изученія въ учебныхъ заведеніяхъ окончившими въ нихъ курсъ преподавателями.

Предпосылаемъ свѣдѣніямъ этимъ нѣсколько словъ.

Относительно нѣкоторыхъ лицъ служебнаго состава встрѣчаются *пробѣлы* въ тѣхъ матеріалахъ, которые имѣются въ нашихъ рукахъ.

Произошло это отъ различныхъ причинъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

Благородный институтъ (прежде—частное заведеніе Вольсея, а потомъ «пенсіонъ», находившійся подъ оффиціальнымъ покровительствомъ герцога Ришелье), до послѣдняго времени своего существованія носившій получастный характеръ, далеко не исправно доставлялъ университету свѣдѣнія о своемъ состояніи, не считая этого для себя обязательнымъ. Начальство коммерческой гимназіи, въ лицѣ того-же директора института Вольсея, также не торопилось сообщеніемъ данныхъ, даже настоятельно требуемыхъ, не по одной только канцелярской небрежности, но очень часто и намѣренно,—чтобы скрыть концы въ воду относительно многихъ обстоятельствъ изъ жизни обоихъ заведеній (припомнимъ—дѣло о *пожарѣ* въ зданіи гимназіи), или же съ цѣлью не давать хода тому, что было противно интересамъ директора-пансіоносодержателя (напримѣръ, дѣло о разрѣшеніи Гальяру открытія пансіона); замедлялись отвѣты по нужнымъ дѣламъ и ссылкою на незнаніе русскаго языка (денежные отчеты); нѣкоторыя данныя даже тщательно замалчивались (напримѣръ, о нахожденіи въ составѣ института *іезуитовъ-миссіонеровъ* въ оффиціальныхъ документахъ нигдѣ не упоминается *ни однимъ словомъ*).

Вслѣдствіе всего этого иногда довольно трудно опредѣлить вполнѣ точно время начала службы даннаго лица или окончанія ея въ учебномъ заведеніи (см., напр., въ свѣдѣніяхъ о *Гуржевѣ*). О нѣкоторыхъ только лицахъ упоминается иногда вскользь въ свѣдѣніяхъ за извѣстный годъ (въ этомъ случаѣ годъ напечатанъ у насъ *курси-*

вомъ). Въ одномъ случаѣ вовсе не поименованъ учебный предметъ, преподаваемый учителемъ *(Черемисиновымъ)*, не только въ спискахъ служащихъ, но и въ предложеніи о назначеніи его преподавателемъ.

Еще одно замѣчаніе. Въ свѣдѣніяхъ о лицахъ учебно-воспитательнаго состава мы старались собрать *всѣ данныя объ ихъ образовательномъ цензѣ*. Не считали, при этомъ, излишнимъ перечислять всѣ предметы, которые изучались ими въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ: обстоятельствомъ этимъ характеризуется тогдашняя многопредметная учебная система, стремившаяся давать учащимся возможно болѣе разнообразныхъ знаній (конечно, большею частію поверхностныхъ). Такимъ образомъ хотѣли подготовить воспитанниковъ ко всевозможнымъ поприщамъ въ жизни, не принимая во вниманіе или не понимая невозможности разумнаго усвоенія всей подавляющей массы изучаемыхъ предметовъ. Университетскій уставъ не чуждъ былъ той-же системы. Въ § 24-мъ послѣдняго подробно перечисляются всѣ предметы каждаго изъ *4-хъ факультетовъ* (отдѣленій): I. нравственныхъ и политическихъ наукъ, II. физическихъ и математическихъ, III. врачебныхъ или медицинскихъ и IV. словесныхъ. Въ §-же 112-мъ говорится: *«Между науками*, въ университетѣ преподаваемыми, *находятся такія, которымъ необходимо должны учиться всѣ желающіе быть полезными себѣ и отечеству, какой-бы роде жизни и какую службу ни избрали*, и для того *тотъ только можетъ перейти въ главное отдѣленіе наукъ*, соотвѣтствующихъ будущему состоянію, *кто прослушалъ науки пріуготовительныя»*. Въ § 113-мъ: «Студентъ, выслушавшій *курсы, для всѣхъ наукъ нужные*, и желающій оставить университетъ, *получаетъ* въ торжественномъ собраніи *аттестатъ* за подписаніемъ правленія, съ приложеніемъ печати университета. Въ аттестатѣ должно быть показано, коликое время пользовался онъ университетскими наставленіями, внесены свидѣтельства профессоровъ, у коихъ слушалъ лекціи, и свидѣтельство о его поведеніи». Далѣе въ § 114-мъ уже говорится о томъ, что «если кто изъ студентовъ *по выслушаніи пріуготовительныхъ курсовъ, въ которой нибудь изъ наукъ къ отдѣленіямъ принадлежащихъ*, до того достигнетъ, что въ состояніи будетъ предстать на испытаніе и доказать въ оной знанія, соотвѣтствующія *степенямъ*, на которыя универ-

ситетъ возводить имѣетъ право: тотъ можетъ требовать испытанія и получить степень, какую заслужилъ своими успѣхами».

Во всемъ этомъ много неопредѣленнаго,—тѣмъ болѣе что нигдѣ не указывается, *какія же именно науки должны изучать всѣ студенты, желающіе* и пр. (§ 112). Вслѣдствіе этого, вѣроятно, мы и находимъ въ аттестатахъ окончившихъ университескій курсъ иногда *предметы всевозможныхъ факультетовъ*,—что̀ имѣетъ своего рода интересъ, какъ знаменіе времени.

Сперва мы помѣщаемъ *именные списки директоровъ, учителей* (по предметамъ, ими преподаваемымъ), *надзирателей и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, служившихъ въ гимназіи и институтѣ*, съ различными статистическими выводами относительно служебнаго состава. Въ приложеніяхъ же (№ VI) – *Алфавитный списокъ* служащихъ съ возможно полными о нихъ свѣдѣніями. Думаемъ, что именные списки облегчатъ пользованіе алфавитнымъ, такъ какъ въ послѣднемъ служащіе не распредѣлены по заведеніямъ и профессіямъ, какъ въ первомъ спискѣ.

L.

Одесская коммерческая гимназія.

Служебный составъ Одесской коммерческой гимназіи во все время ея существованія.

Директора:

Вольсей Петръ Петровичъ (1804—21 февраля 1811).

Минутъ Андрей Яковлевичъ (21 февраля 1811—26 мая 1813).

Испр. долж. дир. *Элканъ* Леонъ Леоновичъ (20 мая 1813—16 1814).

Испр. должн. дир. *Жадановъ* Иванъ Даниловичъ (4 іюня 1814—10 іюля 1815).

Флуки Іосифъ Михайловичъ ($\frac{14 \text{ мая } 1814}{27 \text{ марта } 1815}$—1 января 1818).

Преподаватели:

а) *Закона Божія*:

Куницкій Петръ, протоіерей (январь 1806—іюль 1808).

ороничъ Іоаннъ, протоіерей (1808—1818[1]).

б) *Русскаго языка и словесности*:

Куницкій Петръ, протоіерей (1806—іюль 1808).

Золотаревъ Алексѣй (17 декабря 1808 — 20 февраля 1811; *умеръ* на службѣ).

Дудровичъ Иванъ Ивановичъ (21 марта 1817—1818).

Ковалевскій Александръ Ивановичъ (16 мая 1817—12 сентября 1817).

в) *Математики, физики, коммерціи и бухгалтеріи*:

Ферри Гаспаръ—мат. и физ. (16 сентября 1805—13 августа 1809).

Шлюхинъ (1806).

Яновскій Корнилій Ивановичъ (1806—1808).

Ламбири Егоръ Дмитріевичъ—ариѳм., алг. и геом. ($\frac{1 \text{ августа}}{25 \text{ ноября}}$ 1809—октябрь 1812; *умеръ* на службѣ).

Жадановъ Иванъ Даниловичъ—физико-матем. наукъ (9 августа 1813—1 января 1818), коммерц. и бухгалт. (2 января 1814—1 января 1818).

Рыбниковъ Петръ Ѳедоровичъ—ариѳм. (23 ноября 1815—13 марта 1817).

г) *Исторіи и географіи*:

Элканъ Леонъ Леоновичъ—истор., статистики и коммерческой географіи (сентябрь 1805—16 іюня 1814).

Шлюхинъ (1806).

Яновскій Корнилій Ивановичъ (*1806*—?).

Воронічъ Іоаннъ, протоіерей (апрѣль 1814—іюль 1815).

Сливицкій Алексѣй Ивановичъ (7 января 1816—12 мая 1817).

Дудровичъ Иванъ Ивановичъ (21 мая 1817—1818).

д) *Греческаго языка.*

Софіи (Совци) (янв. 1806—2 ноября 1807; *умеръ* на службѣ).

Зафира (23 ноября 1808—10 марта 1809).

---

[1]) Въ 1808, 1809 и 1812 училъ закону Божію въ одесскихъ училищахъ *приватно* (донес. Флуки 10 февраля 1817 г.); аббатъ Николь свидѣтельствуетъ (6 февраля 1818), что о. Воронічъ преподавалъ съ 1808 по 1818 г. въ одесск. училищахъ и благородномъ институтѣ.

Виза Дмитрій Константиновичъ (авг. 1809—8 апр. 1811; *умеръ*).
Макри Григорій (5 дек. 1811—6 мая 1812).
Камбуроглу (упомин. у Дегурова; 1812 ?—1813 ?).
Аргиропуло Егоръ Ѳедоровичъ (1 авг. 1813—1 янв. 1818).

е) *Французскаго языка*:

Гальяръ Антонъ Ивановичъ (янв. 1806—май 1814).
Шаберъ Антоній Петровичъ (19 авг. 1814—19 февр. 1815).
Женелли (Женелье) Филиппъ (13 авг. 1815—24 апр. 1816)
Гибаль Александръ Варѳоломеевичъ ($\frac{25 \text{ августа}}{9 \text{ октября}}$ 1816—1 января 1818).

ж) *Нѣмецкаго языка*:

Элканъ Леонъ Леоновичъ (сент. 1805—16 іюня 1816).

з) *Итальянскаго языка:*

Георги Мартынъ (1805—10 сент. 1805).
Пеццоло Жеромъ (окт. 1805—май 1808).
Феррарини Іосифъ Фабіевичъ (13 авг. 1809—12 сент. 1817).

и) *Рисованія*:

Кочневъ Левъ (17 іюля 1805—май 1806; *не вступалъ въ должн.*).
Богдановичъ (28 сент. 1806—1807) [1]).
Жуковъ Дмитрій Ѳомичъ (14 янв. 1813—1814 ?).
Рыбниковъ Петръ Ѳедоровичъ ($\frac{19 \text{ мая}}{25 \text{ іюня}}$ 1814—13 марта 1817).

і) *Уѣзднаго училища:*

Шлюхинъ—всеобщ. ист. и геогр., ариѳм. и геом. (2 янв.—26 мая 1806).
Куницкій Петръ—I-го класса (янв. 1806—іюль 1808).
Яновскій Корнилій Ивановичъ—всеобщ. ист. и части ариѳм. (іюнь 1806—24 сент. 1808).
Кучеровскій Кириллъ Ивановичъ—I-го класса, всеобщ. ист. и части ариѳм. (10 окт. 1808—1818).
Жуковъ Дмитрій Ѳомичъ (29 марта 1811—1817).

---

[1]) Вольсей донесъ 6 марта 1807 г., что уроки рисованія прекратились.

к) *Приходскаго училища*:

Вороничъ Іоаннъ (1805—21 ноября 1805).
Шлюхинъ (2 янв.—26 мая 1806).
Коропачинскій, временно (1806).
Яновскій Корнилій Ивановичъ (3 іюня 1806—24 сент. 1808).
Кучеровскій Кириллъ Ивановичъ (10 окт. 1808—1818).

л) Письмоводители:

Яновскій Корнилій Ивановичъ (12 окт. 1807—24 сент. 1808).
Криницкій Петръ (?—7 февр. 1811).
Грудницкій (1 янв. 1 февр. 1812).
Захаровъ Илья Захаровичъ (1 февр. 1812—1 іюля 1813).
Кучеровскій Кириллъ Ивановичъ (1 іюля 1813—іюль 1815).
Мамичъ Семенъ Ивановичъ (15 апр.—1 сент. 1816).
Василенко Гавріилъ Кондратьевичъ (19 дек. 1816—24 іюля 1817).
Черемисиновъ (22 іюля 1817—1 янв. 1818).

LI.

Одесскій благородный институтъ.

Служебный составъ благороднаго института во все время его существованія.

Директора и вице-директоръ:

Вольсей Петръ Петровичъ
Минутъ Андрей Яковлевичъ } см. *Од. комм. гимн.*, стр. 243.
Гуржеевъ Иванъ Ивановичъ (17 марта 1813—1814).
Сливицкій Алексѣй Ивановичъ, вице-директоръ (1814—1818).
Флуки Іосифъ Михайловичъ—см. *Од. комм. гимн.*, стр. 243.

Преподаватели:

а) *Закона Божія*: α) *Православнаго*:

Огинскій Ѳеодоръ, протоіерей *(1811, 1812)*.
Вороничъ Іоаннъ, протоіерей (1808—1818).
Сумароковъ—св. ист. въ пригот. классѣ (1816—1818).

β) *Римско-католическаго*:

Молинари Матвѣй } іезуиты-миссіонеры *(1813)* [1]).
Неизвѣстный } іезуиты-миссіонеры *(1813)* [1]).
Витри, Іисусова общества протопресвитеръ *(1814)*.
Кафассо Іозефъ, протопресвит. *(1816, 1817)*.

б) *Русскаго языка и словесности*:

Шлюхингъ (2 янв.—26 мая 1806).

Яновскій Корнилій Ивановичъ—русск. чтенія въ нижнемъ отдѣленіи (іюль 1806, 1811, 1812).

Гуржеевъ Иванъ Ивановичъ (18 іюля 1809—1813 ?).

Лосіевскій Петръ Ивановичъ (15 ноября 1809—12 марта 1817).

Огинскій Ѳеодоръ *(1811)*.

Захаровъ Илья Захарьевичъ—русск. грамм. въ двухъ меньшихъ классахъ (14 дек. 1810—19 ноября 1815 ?).

Сливицкій Алексѣй Ивановичъ—росс. ритор. (1 апр. 1814—1 янв. 1818).

Жуковъ Дмитрій Ѳомичъ, въ высш. кл. *(1815)*.

Сумароковъ—русск. грамм. во II-мъ кл. *(1816)*.

Черемисиновъ Николай Семеновичъ (авг. 1817—?).

в) *Математики и военныхъ наукъ*:

Ферри Гаспаръ—матем. (1806—13 авг. 1809).

Яновскій Корнилій Ивановичъ (іюнь 1806—?).

Бернаръ-де-Графъ Христофоръ—матем., геодез., физ., фортифик. и артилл. (1 ноября 1809—17 марта 1812; *умеръ* на службѣ).

Ламбири Егоръ Дмитріевичъ (1811—окт. 1812; *умеръ* на службѣ).

Баланъ, въ высш. клас.—матем. и артилл. (май 1813—мартъ 1815).

Посниковъ—то-же (*1813*—1816).

Жуковъ Дмитрій Ѳомичъ—ариѳм. въ I-мъ кл. (26 іюня 1814—?).

Кокораки—ариѳм. во II-мъ кл. (1814?—іюнь 1815).

---

[1]) Вѣроятно, они преподавали законъ Божій до Витри; оба помѣщены въ *вѣдом. о содержаніи института* за 1813 г.; другой іезуитъ не именованъ.

Жадановъ Иванъ Даниловичъ (10 іюля 1815—?).

Гибаль Александръ Варѳоломеевичъ, матем, приспособл. къ военн. искусству, военн. наукъ (1 янв. 1817—?).

г) *Исторіи, географіи и статистики*:

Вольсей Петръ Петровичъ, директоръ *(1806)*.

Ферри Гаспаръ, географіи (1806—13 авг. 1809).

Лосіевскій Петръ Ивановичъ (15 ноября 1809—12 марта 1817).

Захаровъ Илья Захарьевичъ, въ двухъ меньш. клас. (14 дек. 1810—19 ноября 1815).

Сливицкій Алексѣй Ивановичъ, ист., статист. и географ. (окт. 1811—1 янв. 1818).

Воронічъ Іоаннъ, протоіерей (апр. 1814—іюль 1815).

д) *Греческаго языка*:

Софци (Совци) (янв. 1806—2 ноября 1807, *умеръ* на службѣ).

Относительно конца 1807 г., 1808—1810 свѣдѣній вовсе не имѣется; въ спискахъ служащихъ 1811—1813 учитель греч. языка вовсе не упоминается.

Куропалатъ (30 ноября 1814 г. Дегуровъ объ его утвержденіи —1 авг. 1817).

е) *Латинскаго языка*:

Лосіевскій Петръ Ивановичъ (15 ноября 1809—12 марта 1817).

Петшъ Іоакимъ Валентиновичъ (1 авг. 1810—12 сент. 1817).

Коробовичъ (1814—1 мая 1815).

Сумароковъ, грамм. во II-мъ кл. и миѳолог. *(1816)*.

ж) *Французскаго языка*:

Вольсей Петръ Петровичъ (директоръ) *(1806)*.

Шабаннеръ Жанъ Фаберъ, въ высш. отдѣл. *(1811*—9 октября 1811).

Шаберъ Антоній Петровичъ, въ нижн. отдѣл. *(1811*—19 февр. 1815).

Гальяръ Антоній Ивановичъ *(1812*—17 мая 1814).

Женелли (Женелье) Филиппъ (1814—24 апр. 1816).

Гибаль Александръ Варѳоломеевичъ (9 окт. 1816—1818).

Рибадо Іосифъ Ивановичъ, въ пригот. кл. (1816—?).

з) *Нѣмецкаго языка*:

Элканъ Леонъ Леоновичъ *(1806*—16 іюня 1814).
Петцъ Іоакимъ Валентиновичъ (1 іюля 1814—12 сент. 1817).

и) *Итальянскаго языка*:

Пеццоло Жеромъ (въ панс. Вольсея 23 окт. 1805—май 1808).
Феррарини Іосифъ Фабіевичъ (13 авг. 1809—12 сент. 1817).

і) *Чистописанія (каллиграфіи)*:

Крыловъ Семенъ Матвѣевичъ *(1811—1813)*.
Криницкій Петръ (?—2 іюня 1814).
Жуковъ Дмитрій Ѳомичъ (26 іюня 1814—?).
Мустоксиди Алоизій (16 іюля 1817—1 янв. 1818).

к) *Рисованія*:

Декапралевичъ Семенъ Григорьевичъ (21 мая 1809—14 дек. 1818).

л) *Музыки*:

Рупертъ (1811—1816?).
Пахманъ Викентій Филипповичъ (1 февр. 1816—1 янв. 1818).

м) *Фехтованія*:

Габріель (1811).
Дюпонъ (1816—1 сент. 1817).
Рибадо Іосифъ Ивановичъ (10 іюля 1817—1 янв. 1818).

н) *Танцевъ*:

Ламбуле (1811—1812).
Воланжъ (1816).

о) *Приготовительнаго класса:*

Лосіевскій Петръ Ивановичъ (15 ноября 1809—12 марта 1817).

Надзиратели (инспектора):

Коропачинскій (1806) въ пансіонѣ Вольсея.
Лосіевскій Петръ Ивановичъ (15 ноября 1809—февр. 1816).
Несторъ Карпъ Филипповичъ *(1813)*.

Крыловъ Семенъ Матвѣевичъ *(1813)*.
Петцъ Іоакимъ Валентиновичъ (?—февр. 1816).
Воронцъ Петръ Дмитріевичъ (25 февр. 1815—12 марта 1817).
Палатино (1816).
Вакаръ Игнатій Романовичъ (16 февр. 1816—?).
Писецкій Иванъ Филипповичъ (февр.—1 марта 1816).
Добровольскій (1816).
Рибадо Іосифъ Ивановичъ (10 іюля 1816—10 іюля 1817).
Мустоксиди Алоизій (16 іюля 1817—1 янв. 1818).
Кола Андрей Михайловичъ (12 сент. 1817—17 авг. 1818).
Карандино Евгеній Ивановичъ (іюль *1817* — 2 янв. 1818).
Еликъ Степанъ Герасимовичъ (24 іюля 1817—1818).

Попечительная коммиссія при Одесскомъ благородномъ институтѣ:

(*1812* и *1814*-ый годы).

Предсѣдатель: главный попечитель, дюкъ *де-Ришелье (1812, 1814)*.

Члены коммиссіи: инжен. ген.-маіоръ *Ферстеръ (1812)*,
колл. сов. *Россетъ (1812)*,
комм. сов. *Рено (1812)*,
директоръ, колл. сов. *Минутъ (1812)*.
аббатъ *Николь (1814)*,
комендантъ, ген.-маіоръ *Кобле (1814)*,
колл. сов. *Кирьяковъ (1814)*,
надв. сов. *Дембровскій (1814)*,
артиллеріи поруч. Антоній *Шостакъ (1814)*,
негоціантъ Людовикъ *Пеццеръ (1814)*.

Другіе служащіе при институтѣ:

Врачъ: *Гарне (1813)*.
Врачъ: *Карузо*, Спиридонъ Анастасьевичъ (1 іюля 1814—1 янв. 1818).
Экономъ: шт.-капит. *Янушевскій* (1813).
Бухгалтеръ: *Кола*, Андрей Михайловичъ (12 сент. 1811—?).

LII.

Статистическіе выводы относительно служебнаго состава гимназіи и института. Возрастъ служащихъ при назначеніи въ гимназію и институтъ. Сословія и національности ихъ. Образовательный цензъ лицъ учебно-воспитательнаго состава. Процентъ смертности между ними.

Выводы наши будутъ касаться *возраста, сословій* и *образовательнаго ценза* лицъ учебно-воспитательнаго состава.

Возрастомъ условливается извѣстная опытность, большая или меньшая энергія въ дѣлѣ воспитанія, выработанность опредѣленныхъ взглядовъ на задачи учебно-воспитательной части и проч.

Сословіями—воспитанность, большій или меньшій кругозоръ понятій и, отчасти, принадлежность къ извѣстнымъ національностямъ.

Образовательнымъ цензомъ — извѣстная степень общаго развитія и солидность знаній.

а) *Возрастъ.*

Возрастъ мы беремъ *при поступленіи на службу* въ гимназію и благородный институтъ.

а) Изъ *директоровъ* были: одинъ — въ возрастѣ 45 лѣтъ (Флуки), два—37—38 (Минутъ и Вольсей) и одинъ—27-ми лѣтъ (Гуржеевъ).

Слѣдовательно, *средній возрастъ директоровъ* былъ 30 (29,4) лѣтъ.

б) Относительно *учителей предметовъ* свѣдѣнія имѣются изъ 45-ти только *о 25-ти;* остальныхъ возрастъ не обозначенъ.

Изъ *учителей предметовъ* было:

отъ	65	до 61	года . . .	1 (Гальяръ).
»	55	» 51	» . . .	2 (Аргиропуло, Бернаръ-де-Графъ).
»	45	» 41	» . . .	3 (Вица, Ферри, Элканъ).
»	40	» 36	лѣтъ . . .	1 (Кучеровскій).
»	35	» 31	года . . .	3 (Ламбири, Георги, Куницкій).
»	30	» 26	лѣтъ . . .	8 (Софци, Гибаль, Сливицкій, Дудровичъ, Ковалевскій, Петшъ, Гуржеевъ, Феррарини).

отъ 25 до 20 лѣтъ . . . 7 (Жадановъ, Золотаревъ, Рыбаковъ, Черемисиновъ, Жуковъ, Лосіевскій, Яновскій).

Maximum возраста (61 г.) принадлежитъ Гальяру, *minimum* (20 л.)—Яновскому.

Выражая приведенныя данныя въ процентныхъ величинахъ, мы найдемъ, что въ возрастѣ:

отъ 65—61 г.	было 4,0%	всѣхъ учителей предметовъ.
» 55—51 »	» 8,0	
» 45—41 »	» 12,0	
» 40—36 л.	» 4,0	
» 35—31 г.	» 12,0	
» 30—26 л.	» 32,0	
» 25—20 »	» 28,0	

Слѣдовательно, *большинство преподавателей* начали свою службу при обоихъ учебныхъ заведеніяхъ *въ возрастѣ 30—20 лѣтъ* (60,0%) и затѣмъ—45—41 и 35—31 г. (24%).

Средній возрастъ равняется 33,6 годамъ.

Такимъ образомъ большинство учителей составляли люди молодые, которые могли заниматься труднымъ дѣломъ воспитанія дѣтей съ большею энергіею, чѣмъ люди пожилые, ослабѣвшіе и физически и духовно; за то у первыхъ, можно предположить, было менѣе педагогической опытности, чѣмъ у послѣднихъ.

Изъ 12-ти *учителей искусствъ* данныя имѣются только о трехъ (Декапралевичѣ, Пахманѣ и Рыбниковѣ): всѣ они были люди молодые (22—24 лѣтъ). Средній возрастъ ихъ=23 года.

в) Изъ 15-ти *надзирателей* свѣдѣнія имѣются только о 4-хъ (Вакарѣ, Лосіевскомъ, Петшѣ и Писецкомъ); возрастъ ихъ колеблется между 23 и 48 годами. *Средній возрастъ* =32,5, почти равный таковому-же учителей предметовъ.

Вообще-же *средній возрастъ учебно-воспитательнаго состава* колеблется между *25-ью—30-ью годами.*

б) *Сословія*:

По отношенію къ одесскимъ учебнымъ заведеніямъ въ высшей степени интересенъ вопросовъ о *сословіяхъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ и о *національностяхъ лицъ учебно-воспитательнаго состава.*

Изъ 4-хъ *директоровъ*—всѣ дворяне; изъ нихъ одинъ—французскій и 1—греческій.

Изъ 45 *преподавателей* предметовъ свѣдѣнія имѣются о 39-ти.

Въ числѣ ихъ:

дворянъ и чиновниковъ	26,3%
изъ духовнаго сословія	26,3
иностранцевъ	47,3

Слѣдовательно *почти половина преподавателей предметовъ были иностранцы* (47,3); остальная же половина дѣлится поровну между *дворянами* и *духовными сословіями*.

Изъ 12 *учителей искусствъ* данныя имѣются о 10-ти.

Изъ нихъ дворянъ и чиновниковъ было	30,0%
» иностранцевъ	50,0
» солдатскихъ дѣтей	20,0

И здѣсь, слѣдовательно, преобладающимъ сословіемъ являются *иностранцы*,—ровно *половина* числа всѣхъ преподавателей искусствъ.

Изъ 15 *надзирателей* находимъ данныя относительно 12-ти.

Здѣсь преобладаютъ дворяне—41,6%, затѣмъ слѣдуютъ поровну—духовное сословіе, иностранцы и солдатскія дѣти (по 16,6%), и, наконецъ, купцы—8,3%.

Сводя всѣ данныя относительно сословій учебно-воспитательнаго состава, мы найдемъ, что изъ *64 лицъ* было:

дворянъ и дѣтей чиновниковъ	31,2%
духовнаго сословія	18,7
иностранцевъ	42,0
купеческаго сословія	3,1
солдатскихъ дѣтей	4,6

Преобладающимъ элементомъ, слѣдовательно, вообще *были иностранцы* (французы, греки, итальянцы, еврей — иностранноподданный), затѣмъ слѣдовали чиновники и духовные и, наконецъ, —солдатскія и купеческія дѣти.

в) *Образовательный цензъ.*

Всего важнѣе, относительно учебно-воспитательнаго состава, конечно, вопросъ объ *образовательномъ цензѣ* этихъ лицъ.

Изъ 4-хъ *директоровъ* окончили курсъ: 1—въ университетѣ (Гуржеевъ)—25%, 2—въ кадетскихъ корпусахъ (Минутъ и Флуки)—50% и 1—въ коллегіи (Вольсей)—25%.

Такимъ образомъ изъ директоровъ только *одинъ* получилъ высшее образованіе, а остальные 3—въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Изъ *29 учителей предметовъ*, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, окончило курсъ:

въ университетѣ	41,3%
» духовной академіи	3,4
» академіи художествъ	3,4
» лицеѣ	3,4
» семинаріи	13,7
» кадетскомъ корпусѣ	13,7
» училищахъ неопредѣлен. разряда [1])	13,7
имѣли свидѣтельство на званіе учителя	3,4

Отсюда слѣдуетъ, что *въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ* окончило воспитаніе *болѣе половины*—55,1%, въ среднихъ, включая сюда и заведенія неопредѣленнаго разряда,—41,3 и имѣло свидѣтельство на званіе учителя—только 3,4%.

Изъ четырехъ *учителей искусствъ* окончило курсъ:

въ университетѣ и консерваторіи	25,0%
» академіи художествъ	50,0
учились въ гимназіи.	25,0

Изъ *надзирателей* имѣются свѣдѣнія о 4-хъ.

Изъ нихъ учились:

въ университетѣ	25,0%
» семинаріи	50,0
» гимназіи (не окончивш. курсъ) .	25,0

Сводя данныя о воспитаніи всѣхъ (42) лицъ учебно-воспитательнаго состава, находимъ, что изъ нихъ окончили курсъ:

---

[1]) Аѳинское, Спартанское, Безансонское, Родосское и Константинопольское училища.

въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ . . . 52,3%
» среднихъ » » . . . 45,2
имѣли свидѣтельство на званіе учителя 2,3

Значитъ, и здѣсь первенствуютъ по численности лица *съ высшимъ образованіемъ*, а затѣмъ слѣдуютъ получившіе среднее образованіе.

Примѣчаніе. Университеты, давшіе институту и гимназіи учителей, были слѣдующіе: Харьковскій—6 человѣкъ, Московскій—3, Пражскій, Львовскій, Кенигсбергскій и Палестринскій (такого университета мы не знаемъ)—по одному.

Вообще процентныя отношенія преподавателей по образовательному цензу можно назвать довольно благопріятными для учебнаго дѣла, если принять во вниманіе условія того времени.

г) *Смертность.*

Въ заключеніе статистическихъ выводовъ относительно учебно-воспитательнаго состава гимназіи и института приведемъ еще данныя относительно *процента смертности* между преподавателями въ этотъ періодъ времени (1804—1817 гг.).

Изъ 75 лицъ учебно-воспитательнаго состава (3-хъ директоровъ, 45 учителей предметовъ, 12 учителей искусствъ и 15 надзирателей) *умерло* 5: Софци, Виза, Золотаревъ, Ламбири и Бернаръ-де-Графъ, —что составитъ по отношенію:

а) къ *общему числу* состава 6,6%
б) » числу *преподавателей вообще* . 8,7 и
» » » » *предметовъ* 11,1

Проценты, какъ видно, довольно высоки: на каждый изъ 13 годовъ приходится почти по 0,5% (0,43).

По нашему мнѣнію, такіе высокіе проценты смертности могутъ, помимо неизвѣстныхъ намъ причинъ, объясняться: а) плохою матеріальною обстановкою служащихъ, вслѣдствіе незначительности получаемаго ими вознагражденія за тяжелый педагогическій трудъ, б) непривычкою къ климату Одессы, очень перемѣнчивому и потому не особенно хорошо дѣйствующему на лицъ, переѣхавшихъ сюда изъ другихъ мѣстностей,—а большинство умершихъ не были уроженцами Одессы,—в) чумою, посѣтившею Одессу въ 1812—13 гг., и отчасти г) невоздержною жизнію (Золотаревъ).

LIII.

Бытъ преподавателей со стороны матеріальныхъ и духовныхъ потребностей. Письма Ферри и Жаданова. Арестъ Гальяра.

Интересно бы ознакомиться съ бытомъ педагоговъ въ прежней Одессѣ, съ возможностью удовлетворенія ихъ духовныхъ потребностей въ только что зарождающемся городѣ, съ ихъ матеріальной обстановкой,—словомъ со всѣмъ тѣмъ, что, давая пищу для души, давало бы въ то же время и возможность педагогу, не разбрасываясь въ погонѣ за кускомъ насущнаго хлѣба, предаться съ душевнымъ спокойствіемъ и полнымъ вниманіемъ тяжелому труду воспитанія и обученія дѣтей, сосредоточивъ всѣ свои силы въ извѣстномъ учебномъ заведеніи.

Къ сожалѣнію, свѣдѣній по данному вопросу у насъ имѣется очень не много.

Въ этомъ отношеніи представляютъ много любопытнаго письма учителей *Ферри* и *Жаданова*.

Первый изъ нихъ—человѣкъ пожилой (46 л.), давно подвизавшійся на учительскомъ поприщѣ и чуть-ли не закончившій его въ Одессѣ; второй—почти юноша (25 л.), только что начинавшій свою учительскую дѣятельность.

Ферри почелъ нужнымъ, въ письмѣ своемъ, отъ 10 сентября 1809 г., изъ Москвы къ «членамъ Харьковскаго университета», изложить причины, заставившія его просить объ увольненіи отъ службы (по всему видно, что главная изъ нихъ—неудовольствія, возникшія у него съ Вольсеемъ, о чемъ Ферри самъ проговаривается); кромѣ *дороговизны жизни въ Одессѣ*, онъ указываетъ еще на слѣдующія: а) въ Одессѣ нѣтъ ни одной *публичной библіотеки*, б) нѣтъ ни одного *книгопродавца*, черезъ котораго можно-бы пріобрѣтать необходимыя книги, в) нѣтъ возможности узнавать о вновь *выходящихъ сочиненіяхъ*, г)—о новыхъ *открытіяхъ въ наукахъ*, д) нѣтъ *мастерскихъ* для производства физическихъ инструментовъ, е) нельзя достать многихъ *предметовъ*, необходимыхъ *для опытовъ*; ж) въ Одессѣ есть всего одинъ человѣкъ, съ которымъ можно бы «бесѣдовать о физическихъ наукахъ» (къ сожалѣнію, Ферри его не называетъ), з) «человѣкъ моего званія, говоритъ Ферри, женатый и имѣющій много дѣтей, не можетъ жить въ Одессѣ при-

стойно, если не будетъ получать на свое содержаніе нѣсколько значащей суммы», и) «Многія причины побудили его *отказаться отъ уроковъ въ пансіонѣ Вольсея* (очевидно, возникли между нимъ и директоромъ какія-то неудовольствія, вслѣдствіе которыхъ Ферри, прекративъ уроки въ этомъ заведеніи, лишился *значительнаго вознагражденія*, сравнительно съ ничтожнымъ гимназическимъ); частные-же уроки были въ маломъ количествѣ и мало приносили доходу, —слѣдовательно, участь его не весьма была завидна... Если-бы и возможно было всѣми этими средствами получать достаточную сумму, то возникло бы другое неудобство: онъ былъ-бы занятъ ежедневно уроками съ утра до вечера, а это его весьма затруднило-бы и лишило возможности работать въ кабинетѣ,—что было-бы совершеннымъ наказаніемъ для человѣка его права. і) Въ Одессѣ онъ не имѣлъ-бы достаточныхъ средствъ для *напечатанія* его многихъ *сочиненій* какъ о наукахъ, такъ и о литературѣ»[1]).

Изо всего этого видно, что человѣку, серьезно занимавшемуся наукой, тогдашняя Одесса не представляла никакихъ удобствъ. Примириться съ такимъ положеніемъ дѣла, конечно, было очень трудно для преподавателя, слѣдящаго за успѣхами своей науки.

Матеріальную обстановку одесскаго учителя рисуетъ довольно рельефно другой преподаватель—*Жадановъ*—въ письмѣ къ ректору *Осиповскому* (въ октябрѣ 1813 г.[2]).

«По пріѣздѣ моемъ въ Одессу, говоритъ Жадановъ, я скоро узналъ, что жизнь моя въ оной будетъ весьма горестная...: ибо я увидѣлъ, сколь несоразмѣрно жалованье мое съ цѣнами вещей, необходимыхъ для моего прожитія. Училищнымъ комитетомъ положено мнѣ на квартиру, дрова и свѣчи 150 руб., но въ Одессѣ за

---

[1]) Вольсей, вслѣдствіе перемѣны отношеній между нимъ и Ферри, постарался отомстить ему въ аттестатѣ о службѣ въ гимназіи. Преподаватель, по словамъ Вольсея, «*оказывавшій большіе успѣхи въ изученіи русскаго языка*», учитель, которымъ гимназія «*могла тщеславиться, какъ человѣкомъ такихъ свѣдѣній и столь достойнымъ уваженія во всѣхъ частяхъ*» (въ 1805 г.), аттестуется (въ 1810 г.), хотя и приложнымъ, «но *успѣхи его по должности не такъ видны по причинѣ незнанія имъ русскаго языка*, на которомъ могъ-бы онъ болѣе объясняться; велъ же себя добропорядочно» (аттестатъ 5 февр. 1810 г.). Д. унив. арх. 1809 г. № 1.

[2]) Оба письма характеризуютъ Жаданова, какъ человѣка настойчиво добивавшагося своихъ правъ.

однѣ только стѣпы посредственной квартиры надобно заплатить 500 руб. въ годъ. Что-жъ послѣ сего остается на отопку (отопленіе), столъ и одѣяніе, на которые здѣсь мало и 1000 руб. при строгой экономіи? Я осмѣливаюсь сослаться въ справедливости словъ моихъ на бывшаго здѣсь визитаторомъ проф. Дюгура; отъ него вы освѣдомиться можете, съ какими невыгодами (неудобствами) имѣлъ онъ тогда квартиру, состоящую изъ двухъ покойченковъ (sic! очевидно — комнатокъ, покойчиковъ), платя въ сутки за оную 5 рублей. Причемъ принять еще надлежитъ во вниманіе и то, что тогда было лѣтнее время,—слѣдовательно на оную цѣну вліяніе не имѣла отопка, которая въ Херсонской безлѣсной губерніи большихъ требуетъ издержекъ. Сажень кирпичу [1]), употребляемаго здѣсь вмѣсто дровъ, стоитъ теперь 40 рублей. При такой дороговизнѣ желалъ бы я удостоиться получить наставленіе отъ училищнаго комитета, какъ довольствоваться могу тою суммою, которая опредѣлена мнѣ на квартиру. Но если сіе наставленіе состоять будетъ въ томъ, чтобы я нужду побѣждалъ трудами своими, то я на сіе предварительно скажу, что въ трудахъ моихъ не можетъ быть здѣсь никому надобности: купецъ не нуждается въ глубокихъ вычисленіяхъ, а вмѣсто ариѳметики довольствуется своими счетами. Здѣсь могутъ получить сколько нибудь выгоды только учители языковъ, наипаче — греческаго, но и сихъ такъ много, что они одинъ у другого отнимаютъ прибыль. Если отсюда никто изъ учителей не просилъ переводу, то это не потому, чтобы удерживали его какія выгоды, но для того, чтобы занмодавцы не допустили-бы его выѣхать изъ города, не отнявъ и послѣдняго, что̀ имѣетъ. Несчастный *Золотаревъ*, воспитанникъ нашего университета, былъ сему разительнымъ примѣромъ [2]). Я никакъ себя увѣрить не могу, чтобы такія невыгоды, сопряженныя здѣсь съ житьемъ *страждущаго учительства*, не были извѣстны университету, а еще и того труднѣе для меня повѣрить, чтобы онъ рѣшился оставить меня, воспитанника своего, образцомъ нищеты въ богатѣйшемъ изъ городовъ. Непостижимо также, какое средство къ продовольствію моему въ Одессѣ предвидѣлъ комитетъ, опредѣляя мнѣ на квартиру такъ мало денегъ, что за оныя можно имѣть здѣсь

[1]) *Кирпичъ кизяку, перс.* навозъ, выдѣланный для топлива брускомъ. *В. Даль*, Толковый словарь... М. 1865. Ч. II, стр. 723.

[2]) Вѣроятно, распился отъ горя,—см. выше, стр. 232.

себѣ жилье, приличное только самаго низкаго званія человѣку, а не учителю гимназіи, на котораго публика смотритъ, какъ на просвѣтителя юношества. Соображаясь съ степенью своего званія и желая поддержать публично объ оном мнѣніе, я предпочелъ гораздо выгоднѣйшимъ для себя потерять на квартиру въ три раза больше денегъ, нежели сколько получаю на оную, лишь-бы только не унизить въ глазахъ публики какъ себя, такъ и то мѣсто, коего я почитаюсь членомъ: ибо въ противномъ случаѣ какое-бы она могла имѣть уваженіе къ гимназіи, видя учителей ея, пресмыкающихся по квартирамъ въ бѣдныхъ домахъ портныхъ и сапожниковъ, или въ кухняхъ богатыхъ дворянъ и купцовъ? Она съ одного презрѣнія не захочетъ, чтобы дѣти ея получали наставленіе отъ таковыхъ нищуновъ (sic). Къ безчестію здѣшней гимназіи и къ посмѣянію учителей ея, уже были въ Одессѣ примѣры таковаго презрѣнія. Пальцами указывали на бѣднаго *Ламбири*, моего предшественника, говоря: вотъ идетъ отрепанный учитель! Страшась и для себя подобной участи, я осмѣливаюсь просить васъ предложить членамъ комитета, чтобы они благоволили положить мнѣ на квартиру и отопку оной достаточную сумму денегъ, потребовавъ прежде свѣдѣнія о цѣнахъ квартиръ отъ здѣшней полиціи. Впрочемъ увѣдомляю, что теперь средняя цѣна квартиры съ отопкою 60 р. въ мѣсяцъ. Одесскій городской комитетъ никакъ не откажется отпустить въ мѣсяцъ таковую сумму, потому что ему извѣстно, какъ велика должна быть она... Если училищному комитету неудобно будетъ согласиться на мою просьбу, то да благоволитъ давать мнѣ казенную квартиру съ отопкою и освѣщеніемъ, какъ положено уставомъ. Когда-же и въ семъ получу отказъ, то я буду просить училищный комитетъ о возвращеніи меня въ Харьковъ, прежде нежели я опутаюсь долгами, что очень скоро послѣдовать можетъ, ибо я и теперь уже часто бываю голоденъ: мнѣ не изъ чего платить по 40 рублей за столъ въ мѣсяцъ».

Училищный комитетъ по этому поводу отнесся 31 октября 1813 года въ Одесскій городской комитетъ съ просьбою объ отводѣ учителю Жаданову «пристойной» квартиры, или объ отпускѣ квартирныхъ денегъ «соразмѣрно тамошнимъ цѣнамъ».

Просьба эта городскимъ комитетомъ была удовлетворена [1]).

Тѣмъ не менѣе 19 декабря того же года Жадановъ вновь пишетъ ректору Осиповскому: «Хотя дѣлаемое мнѣ пособіе освободитъ меня отъ многихъ бѣдствій, сопряженныхъ съ чрезвычайною дороговизною квартиръ, однако оно не приведетъ меня въ состояніе жить безъ крайней трудности, потому что у меня останется еще довольно неизбѣжныхъ надобностей такихъ, коимъ жалованьемъ своимъ и въ половину удовлетворить не могу. Изъ числа оныхъ для меня весьма отяготительна отопка жилья моего, стоящая въ Одессѣ очень дорого. Я издерживаю каждую недѣлю по 5 рублей для топленія только въ поварнѣ, комната же моя остается безъ обогрѣванія и въ самые большіе морозы. Такая крайность заставляетъ меня утруждать васъ просьбою о сообщеніи одесскому городскому комитету, дабы онъ для обогрѣванія отводимой мнѣ квартиры выдавалъ достаточную сумму денегъ. Я не знаю, имѣю-ли законное право просить сего или нѣтъ, но въ нынѣшнемъ моемъ положеніи правомъ надлежитъ почесть тѣ бѣдствія, которыя меня угнетаютъ и которыя очень часто доводятъ меня до слезъ. Трудность жить въ Одессѣ для меня такъ велика, что я едва имѣю на столѣ своемъ кусокъ ржаного хлѣба, а иногда и безъ онаго бываю... Можетъ быть, вамъ покажется удивительнымъ, почему я одинъ только изъ всѣхъ учителей Одесской гимназіи жалуюсь на свое состояніе, прочіе-жъ кажутся довольными участью своею. Это происходитъ отъ того, что они получаютъ достаточное жалованье изъ здѣшнихъ пансіоновъ— мужскаго и женскаго, въ которые... приглашены для чтенія лекцій; сверхъ сего, имъ дается квартира съ отопкою и прислугою въ самомъ гимназическомъ домѣ... Я увѣренъ, что если уничтожатся эти пансіоны, то всѣ учители станутъ просить увольненія и изъ гимназіи, потому что она не можетъ сама поддержать ихъ состоянія»..

Вѣроятно, училищный комитетъ не считалъ возможнымъ вновь обращаться къ городскому комитету, и потому нашелъ другой исходъ для удовлетворенія просьбы Жаданова. 7-го ноября того-же года ему предложено было, какъ мы выше видѣли, заняться «познаніемъ предметовъ коммерціи и бухгалтеріи», чтобы преподавать ихъ

[1]) Д. канц. попеч. 1813 г., № 6.

въ гимназіи за особое вознагражденіе; а 9-го января 1814 года ему уже и поручено было временно преподавать эти предметы съ жалованьемъ по 300 р. въ годъ [1]).

Если въ письмахъ Жаданова и были, можетъ быть, нѣкоторыя преувеличенія, то все таки изъ нихъ и изъ письма Ферри бросается въ глаза тяжелое положеніе преподавателей гимназіи при тогдашней дороговизнѣ и отсутствіи всякихъ средствъ къ самоусовершенствованію въ Одессѣ. Ссылка Жаданова, какъ на важное подспорье для нѣкоторыхъ изъ учителей гимназіи, на жалованье, получаемое ими по институтамъ, вполнѣ справедлива. Изъ вѣдомости о расходахъ института за 1813-й годъ мы знаемъ, что преподаватели этого заведенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и гимназіи, получали очень солидное жалованье: *Сливицкій*—2000 р., *Шаберъ*—1200 р., *Феррарини* и *Элканъ*—по 800 р., *Яновскій* и *Гальяръ*—по 600 р. и проч. Лишеніемъ этого подспорья главнымъ образомъ объясняется и увольненіе *Ферри*.

Относительно бѣдственнаго положенія *Ламбири* у насъ не имѣется свѣдѣній; что-же касается до *Золотарева*, то о немъ мы упоминали уже выше (стр. 232).

Положеніе учителя въ глазахъ общества и администраціи было не особенно почетно, какъ показываетъ слѣдующій случай: 28 января 1814 г. Одесская градская полиція отнеслась къ испр. должн. директору Элкану о слѣдующемъ: «Содержащійся въ сей полиціи профессоръ Антонъ *Гальярдъ*, по указу правительствующаго сената, послѣдовавшему по дѣлу о причиненныхъ бывшимъ въ Брацлавскомъ повѣтѣ земскимъ коммиссаромъ *Яновымъ* и регистраторомъ *Желтовымъ* ему, Гальярду, обидахъ, оказался нездоровъ; какъ же, на основаніи онаго указа, слѣдуетъ его, Гальярда, *выдержать подъ карауломъ двѣ недѣли*, для того полиція, препровождая его къ вамъ, требуетъ, *выдержавъ его въ гимназіи, не выпуская ни куда, двѣ недѣли*, полицію увѣдомить» [2]).

Интересно, что Гальяру, *семидесятилѣтнему старику* (въ 1805-мъ году ему былъ 61 г.), *за причиненныя ему же обиды* какимъ-то коммисаромъ и регистраторомъ, пришлось быть *арестованнымъ*

[1]) Д. канц. попеч. 1813 г., № 6.
[2]) Д. унив. арх., 1811—17 г., № 66.

на двѣ недѣли. Какъ же было не заболѣть бѣдному старику при такомъ посрамленіи! Свѣжо преданіе (а тутъ даже оффиціальный документъ!), а вѣрится съ трудомъ...

Конечно, въ связи съ этимъ печальнымъ инцидентомъ явилось и прошеніе Гальяра объ *отставкѣ «за старостію и слабостію»*. Впрочемъ, онъ оставался еще въ гимназіи до 1-го мая.

LIV.

(Продолженіе). Непрочность и необезпеченность положенія учителей: Богдановичъ, Гибаль, Яновскій. Жалоба Гальяра на неисполненіе условій съ нимъ относительно вознагражденія. Рыбниковъ. Отказы учителей отъ должностей. Любопытное прошеніе Жукова.

Какъ *непрочно* бывало *положеніе учителя въ коммерческой гимназіи* видно изъ слѣдующихъ фактовъ. Приведемъ примѣра два—три:

Въ сентябрѣ 1806 г. дюкъ-де-Ришелье *своею властію* опредѣлилъ въ гимназію учителемъ рисованія какого-то *Богдановича*, съ вознагражденіемъ его за уроки изъ штатныхъ суммъ. Такъ какъ жалованья этого по штатамъ гимназіи не полагалось, то попечитель Потоцкій и воспретилъ выдачу его,—почему уроки рисованія вовсе были прекращены... И такимъ образомъ, вслѣдствіе оффиціальной ошибки Ришелье, Богдановичъ долженъ былъ остаться вовсе безъ мѣста.

Еще любопытнѣе въ этомъ отношеніи дѣло учителя *Гибаля*, вызвавшее столкновеніе двухъ властей — административной и учебной. Учитель французскаго языка *Гибаль*, занимавшійся преподаваніемъ въ Москвѣ, въ 1816 году былъ вызванъ одесскимъ начальствомъ для занятія вакантнаго мѣста въ благородномъ институтѣ. Комитетъ не согласился на это опредѣленіе, въ виду распоряженія, чтобы на нѣкоторыя должности по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія назначались *раненые офицеры.* Директоръ Флуки объяснилъ комитету, что вызовъ этотъ сдѣланъ «съ воли гр. Ланжерона», съ цѣлію не оставлять институтъ на продолжительное время вовсе безъ учителя (по случаю выѣзда прежняго преподавателя Женелли за-границу); что и отецъ и сынъ Гибали хорошо извѣстны администраціи института; что Гибалю обѣщано было право считаться на государственной службѣ. Тогда комитетъ утвердилъ Ги-

баля въ должности учителя—до опредѣленія на это мѣсто другого преподавателя (т. е., другими словами, комитетъ можетъ, когда ему будетъ угодно, уволить Гибаля, замѣнивъ его другимъ учителемъ).

Тогда принялъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ уже самъ графъ Ланжеронъ, заявившій ректору Осиповскому, что выборъ Гибаля сдѣланъ былъ съ цѣлію имѣть достойнаго преподавателя для института, въ состояніи котораго графъ принимаетъ живѣйшее участіе, и что распоряженіе о назначеніи на такія мѣста раненыхъ офицеровъ къ институту не относится.

Пререканія окончились, однако, въ пользу Гибаля, такъ какъ попечитель Потоцкій, по представленію комитета, согласился на опредѣленіе его на означенное мѣсто.

Любопытно, какимъ иногда *случайностямъ* могло подвергаться служебное поприще даже выдающихся учителей.

Корнилій Ивановичъ *Яновскій*, изъ дворянъ Малороссійской губ. (sic), Переяславскаго повѣта, окончилъ «съ преизрядным успѣхомъ курсъ Полтавской семинаріи въ 1804 г., и во время пребыванія въ заведеніи былъ пречестнаго поведенія». Вольсей въ январѣ 1806 г. донесъ, что гимназія сдѣлала очень хорошее пріобрѣтеніе въ учителѣ Яновскомъ. «Сей молодой человѣкъ разуменъ, честенъ, прилеженъ, рачителенъ и имѣетъ большое желаніе усовершенствовать себя», и что въ уѣздномъ училищѣ онъ преподаетъ всеобщую исторію и часть ариѳметики. На этомъ основаніи комитетъ утвердилъ его 12 февраля 1807 г. съ тѣмъ, чтобы служба его считалась съ 1 іюня 1806 г. Къ несчастію, Яновскій былъ сынъ священника села Рогозова и, будучи *дворяниномъ*, въ то же время считался въ *духовномъ званіи*. Вслѣдствіе этого полтавское епархіальное начальство послало жалобу оберъ-прокурору на университетъ за опредѣленіе въ учители лица, не уволеннаго изъ духовнаго званія. Университетъ сослался на Высочайше дарованную дворянству грамоту, «въ VI ст. которой изображено: «подтверждаемъ на вѣчныя времена въ потомственные роды россійскому благородному дворянству вольность и свободу». Яновскій, съ своей стороны, оправдывался тѣмъ, что: 1) воспитывался (въ семинаріи) на своемъ иждивеніи, 2) онъ—дѣйствительно дворянинъ, въ чемъ удостовѣряютъ приложенные документы, 3) «наша

св. религія не желаетъ и не можетъ желать въ свои служители, какъ только людей, самимъ Богомъ призванныхъ», 4) онъ же «не почитаетъ себя и чувствуетъ себя очень мало достойнымъ исполнять такъ важную должность» и 5) наконецъ, нѣтъ въ немъ совершенно склонности къ тому».

Столкновенія двухъ вѣдомствъ по поводу Яновскаго доводимы были до свѣдѣнія Государя и окончились тѣмъ, что комитетъ 24 сентября 1808 г., на основаніи резолюціи министра народнаго просвѣщенія, предписалъ директору «*удалить Яновскаго* изъ училищнаго вѣдомства и немедленно прекратить производимое ему жалованье».

Благодаря такимъ формальностямъ, училище потеряло въ Яновскомъ прекраснаго учителя: онъ не только отлично выполнялъ свои обязанности, но и замѣнялъ съ успѣхомъ вакантныя учительскія мѣста въ гимназіи. По словамъ Вольсея: «Одинъ только Яновскій вознаграждалъ... недостатокъ учителей въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ: онъ преподавалъ не только тѣ предметы, которые обязанъ былъ преподавать, но еще взялъ на себя обученіе предметамъ, которые частію преподавались Куницкимъ, и *все это безъ всякой платы*»[1]).

Въ 1811-мъ г. мы, однако, находимъ Яновскаго *учителемъ* русскаго языка *въ благородномъ институтѣ*. Оказывается, что *4 декабря 1810 г. онъ былъ наконецъ уволенъ изъ духовнаго званія* и могъ уже служить гдѣ угодно, безъ опасности быть удаленнымъ изъ службы безъ всякой основательной причины.

Всѣ эти факты показываютъ, съ какими препятствіями, совершенно непредвидимыми, можно было встрѣтиться въ былое время преподавателямъ, по случаю различныхъ взглядовъ и толкованій однихъ и тѣхъ же законоположеній различными учрежденіями.

Такова была жизнь учительская въ Одессѣ въ доброе старое время.

Извѣстный интересъ представляетъ также жалоба учителя *Гальяра*, поданная 2 сентября 1810 г., чрезъ директора, училищному комитету, съ косвеннымъ обвиненіемъ самого Ришелье.

---

[1]) Д. канц. попеч. 1806 г., № 9.

Вознагражденіе учителей было, какъ видно, не совсѣмъ опредѣленнымъ, о чемъ и свидѣтельствуетъ эта жалоба: «За годъ до открытія училища, его сіятельство дюкъ де-Ришелье пригласилъ меня для обученія въ предполагаемой гимназіи французскому языку, съ жалованьемъ *400 или 450, а можетъ быть и 500 р. сер.* (это суть собственныя слова (дюка?),—съ прибавленіемъ квартиры и отопленія. Послѣ того, по прошествіи долгаго времени, когда я напомнилъ это условіе его сіятельству, то онъ, не отрицая этого, сказалъ мнѣ, что *надлежало-бы забыть прошедшее.* Что касается до жалованья, то я не настаиваю, но за квартиру мнѣ слѣдуетъ за 3 года съ половиною, полагая за каждый по 200 р.,—всего 700 р., и за отопленіе за 5 лѣтъ, считая и текущій годъ. Равномѣрно слѣдуетъ мнѣ за то же время по 50 р. въ годъ, въ прибавокъ (sic) къ получаемымъ мною 350 р., поелику въ Одесской гимназіи за французскій языкъ положено 400 р. въ годъ по штату... На одномъ жалованьѣ невозможно прожить, такъ какъ мнѣ самому, безъ всякаго семейства, квартира и отопленіе обошлись за прошедшую зиму *болѣе 600 р.* Я имѣю только четырехъ пансіонеровъ, которые не могутъ довольно помочь мнѣ въ содержаніи. И такъ я въ обязанности нахожусь представить всѣ мои требованія, чтобы, наконецъ, себя поддержать. Я ожидалъ, чтобы взойти съ моею просьбою *по окончаніи экзамена*, но я *не предвижу, чтобы оный былъ въ семъ году, какъ въ прочихъ.* Я не позволяю себѣ никакого сужденія относительно того, что черезъ это ослабѣваетъ ревность учениковъ. Я замѣчу, между прочимъ, что я, вступая въ должность, назначалъ первый годъ для алфавита, а въ слѣдующіе годы полагалъ проходить другія части языка, но если дѣйствительно есть повелѣніе (чье?), то я до конца моей жизни долженъ буду мучиться однимъ алфавитомъ, при чемъ и ученики не могутъ оказать никакихъ успѣховъ».

Комитетъ 7-го октября 1810 г. отказалъ ему въ вознагражденіи за отопленіе и въ прибавкѣ жалованья; «послѣднее на томъ основаніи, что онъ, не будучи подготовленъ для чтенія французской литературы, былъ опредѣленъ для первыхъ двухъ классовъ, съ жалованьемъ 350 р. изъ штатной суммы; относительно же квартирныхъ до 1804 г. опредѣлилъ представить г. попечителю, нельзя-ли

будетъ выхлопотать изъ Одесскаго строительнаго комитета выдачи, откуда 3 учителя теперь получаютъ квартирныя деньги, ибо гимназія не имѣетъ сверхштатныхъ суммъ; директора же запросить, *почему экзаменовъ не бываетъ*, и дѣйствительно-ли Гальяръ обучаетъ и почему только *одному алфавиту*».

Вольсей 26 октября отвѣтилъ, что «*экзамены* всегда *производимы были до сего года*, но только никто изъ здѣшнихъ гражданъ не удостоивалъ (ихъ) своимъ посѣщеніемъ, хотя (о нихъ) и объявляемо было, а въ семъ году *экзамены отложены были по волѣ Ришелье*, по случаю частыхъ отлучекъ его изъ Одессы, и въ ожиданіи скораго пріѣзда въ Одессу попечителя Харьковскаго учебнаго округа; между тѣмъ директоръ сильно заболѣлъ и *по пріѣздѣ попечителя произвести экзамена не могъ*; учитель же Гальяръ обучаетъ не только азбукѣ, но и чтенію и письму; но какъ онъ низшихъ классовъ учитель и притомъ не знаетъ русскаго языка, то много успѣвать не можетъ»[1]).

Эта просьба представляетъ живой примѣръ тѣхъ *служебныхъ неурядицъ*, которыя имѣли мѣсто въ злосчастной гимназіи. Учитель приглашается съ *неопредѣленнымъ указаніемъ вознагражденія* на казенное мѣсто. Уставъ и штаты его въ этомъ случаѣ въ сторонѣ, и Гальяру обѣщаютъ одно, а даютъ другое. Онъ назначается съ самыми ограниченными знаніями въ своемъ предметѣ (совершенно не знакомъ съ французской литературой), вѣроятно, только потому, что *былъ принятъ самимъ Ришелье*[2]). *Экзаменовъ* въ заведеніи *нѣсколько времени вовсе не производится* (значитъ, и ученики не переводятся въ слѣдующіе классы),—то вслѣдствіе «отложенія ихъ» *по приказанію Ришелье*, то *по случаю болѣзни директора*—даже при посѣщеніи заведенія *попечителемъ*. Объ отсутствіи экзаменовъ говоритъ, между прочимъ, и Дюгуровъ; слѣдовательно, отговорка Вольсея, что ихъ не было *только въ этомъ году*,—чистѣйшая ложь.

Замѣчательные примѣры незаботливости о матеріальномъ положеніи преподавателя не разъ повторялись въ коммерческой гимназіи. Приводимъ нѣсколько такихъ случаевъ:

---

[1]) Д. канц. попеч. 1810 г., № 3.

[2]) Донесеніе Стойковича—по 6-му п. Д. канц. попеч. 1804 г., № 1 и 1805 № 2.

Вслѣдствіе просьбы комитета, Императорская академія художествъ назначила учителемъ рисованія въ коммерческую гимназію художника Петра *Рыбникова* въ іюнѣ 1814 г., *на условіяхъ, предъявленныхъ комитетомъ*,—а именно—съ жалованьемъ въ 300 руб., при казенной квартирѣ, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, или же съ выдачею за послѣднія по 120 р. въ годъ. Пріѣхавъ въ Одессу 1-го сентября того-же года, Рыбниковъ *не получилъ ни квартиры, ни квартирныхъ денегъ*. Обратившись по этому поводу съ просьбою къ Ришелье, онъ получилъ *отказъ*. Несчастный учитель, пріѣхавъ въ новый городъ съ семействомъ и совершенно издержавшись въ дорогѣ, находился въ самомъ отчаянномъ положеніи. 4 ноября того-же года онъ подалъ прошеніе объ исполненіи университетомъ своего обѣщанія, прибавивъ, что въ случаѣ отказа въ квартирѣ «*онъ неминуемо съ семействомъ погибнетъ*». Обстоятельства его нѣсколько улучшились, когда съ 1 февраля 1815 года онъ приглашенъ былъ учителемъ рисованія и въ институтъ. Просьба же его, обращенная въ университетъ, удовлетворена была только *въ мартѣ* того же года: ему выдано по 250 р. квартирныхъ въ годъ, со дня прибытія его на службу въ гимназію.

Такимъ образомъ, по нераспорядительности начальства, несчастный Рыбниковъ съ семьею долженъ былъ находиться въ самомъ бѣдственномъ положеніи въ продолженіи осеннихъ и зимнихъ мѣсяцевъ въ первый же годъ своего пребыванія въ совершенно незнакомомъ ему городѣ.

Тяжелое матеріальное положеніе учителей, вслѣдствіе крайне незначительнаго вознагражденія за уроки въ гимназіи,—къ чему присоединялись и другія причины,—заставляли нѣкоторыхъ преподавателей *отказываться отъ службы* при этомъ заведеніи.

Къ такимъ учителямъ принадлежали: *Георги* (въ 1805 г.), свящ. Іоаннъ *Вороничъ* (1805 г.), *Пеццоло* (1808 г.) и *Зафира* (1809).

Пеццоло заявилъ, что онъ не хочетъ связывать себя за такое умѣренное жалованье; свящ. *Вороничъ* «не нашелъ возможнымъ при-

мѣниться къ расположенію» часовъ занятій [1]); о причинахъ отказа двухъ остальныхъ преподавателей Вольсей умалчиваетъ въ своихъ донесеніяхъ. Вѣроятнѣе всего, что отказъ ихъ былъ вызванъ также невозможностью существовать на скудное гимназическое жалованье.

Между учителями приготовительныхъ отдѣленій къ гимназіи были такіе, которые считали себя нѣсколько обиженными, не числясь *собственно по гимназіи.* Къ числу ихъ принадлежалъ Д. Ѳ. *Жуковъ.* 9 ноября 1813 г. онъ обратился въ университетъ съ слѣдующимъ прошеніемъ: «Вступивъ въ Харьковскій университетъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ 15 августа 1809 г. и прослушавъ общія лекціи, (онъ) избралъ *медицинское отдѣленіе,* которое потомъ, по несклонности своей къ медицинѣ, оставилъ, почему (?) и опредѣленъ былъ *учителемъ россійской словесности въ Одесское коммерческое училище* 29 марта 1811 г. (это *несправедливо*: студентъ Жуковъ былъ назначенъ *учителемъ уѣзднаго училища);* до сихъ поръ прилагалъ особое стараніе объ усовершенствованіи познаній въ россійской словесности съ цѣлью со временемъ получить мѣсто *въ гимназіи*; нынѣ,—вслѣдствіе отличнаго исправленія должности, признаннаго самимъ училищнымъ комитетомъ, а также и потому, что всѣ учители здѣшняго коммерческаго училища, исключая его одного, пользуются правами гимназическихъ учителей, обучая тѣхъ же самыхъ учениковъ, которыхъ и онъ,—проситъ комитетъ, основываясь на § 101 устава учебн. заведеній, позволить ему принять на себя званіе учителя гимназіи словесныхъ наукъ; а дабы комитетъ могъ удостовѣриться въ удовлетворительности для этого его знаній, то онъ сможетъ представить свои сочиненія на тѣ предложенія (sic), какія будутъ ему даны».

Комитетъ, 28 ноября 1813 г., поручилъ профессорамъ назначить Жукову вопросы: по словесности россійской—2, по латинской—1 и по философіи—1, которые и отосланы къ испр. должн. директора Элкану, съ тѣмъ, чтобы Жуковъ «по онымъ вопросамъ сочинилъ разсужденія въ присутствіи его».

26 января 1817 г. Жуковъ вновь подалъ прошеніе объ опредѣленіи его «на вакантное мѣсто 2-го учителя гимназіи, которому

---

[1]) От. *Вороничъ* потомъ служилъ при гимназіи и институтѣ съ 1808-го года.

по уставу коммерческой гимназіи положено преподавать логику, философскую грамматику, нравственную философію, естественное право и права коммерческое и морское, на каковые предметы (за исключеніемъ коммерческаго и морскаго права, которыя въ университетѣ не преподаются) онъ себя приготовилъ». При этомъ прошеніи Жуковъ «представилъ свои труды рукописные изъ числа тѣхъ предметовъ, которые положены преподавать второму учителю коммерческой гимназіи, дабы училищный комитетъ могъ удостовѣриться въ его свѣдѣніяхъ». (Въ прошеніи Жуковъ поясняетъ, что профессору Дюгурову поручено было присутствовать при рѣшеніи этихъ вопросовъ, совѣтомъ комитета назначенныхъ; но это предложеніе получено въ гимназіи на имя Дюгурова, когда онъ уже выѣхалъ изъ Одессы, «почему положеніе комитета осталось безъ дѣйствія).

Представленныя имъ сочиненія были слѣдующія:

1) На чемъ основываемъ сужденія наши о вещахъ.

2) Ода на пріѣздъ въ Одессу херсонскаго военнаго губернатора ген.-отъ-инфантеріи графа Александра Ѳедоровича Ланжерона.

3) Стихи для польскаго, съ припѣвомъ «Славься, преданный Россіи, славься, доблестный герой»! или: «Славься, преданный Россіи, славься, славься, Ланжеронъ»!

4) Ода на день рожденія графа А. Ѳ. Ланжерона 30 августа 1816 г.

5) Къ юности.

Комитетъ, однако, 16 февраля 1817 г., опредѣлилъ на просимое Жуковымъ мѣсто казеннокоштнаго кандидата Ив. *Дудровича.*

Тогда Жуковъ обратился съ письмомъ, 5 мая 1817 г., къ ректору Осиповскому, жалуясь *на обиду и неблаговоленіе къ нему начальства* и прося назначить его учителемъ гимназіи, «такъ какъ теперь опять имѣется свободное мѣсто по уходѣ *Сливицкаю*, на которое могъ-бы быть назначенъ *Дудровичъ*».

Комитетъ, 18 мая, опредѣлилъ отказать Жукову и въ этой просьбѣ, такъ какъ Сливицкій уже отъ должности уволенъ, о чемъ дано знать директору Флуки 12-го мая, а вмѣсто него назначенъ къ переводу учитель Таврической гимназіи *Ковалевскій* [1]).

---

[1]) Д. канц. попеч. 1817 г., №№ 6 и 8.

Настойчивыя просьбы Жукова, конечно, были совершенно неосновательны. Онъ, какъ видно, не окончилъ полнаго университетскаго курса, пробывъ въ университетѣ всего 1 годъ и 7 мѣсяцевъ; да и самъ онъ это понималъ, прося о допущеніи къ письменному испытанію для полученія мѣста учителя гимназіи.

Интересно, какое значеніе для дѣла имѣли представленныя имъ *оды Ланжерону?* Вѣдь не задавались же онѣ ему университетомъ.

Отъ всего это вѣетъ, однако, наивною стариною, когда преподавателями задавались ученикамъ даже *стихотворныя темы* (въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ школахъ это существуетъ, кажется, и въ настоящее время), когда и самъ учитель словесности обязательно долженъ былъ кропать стихи. Вѣдь сочинялъ же ихъ по обязанности и профессоръ элоквенціи Василій Кирилловичъ Тредьяковскій! Піиты водились и въ Ришельевскомъ лицеѣ: такъ въ торжественномъ собраніи по случаю кончины герцога Ришелье, 28 августа 1822 г., вмѣстѣ съ рѣчами произносимы были и стихотворныя изліянія чувствъ адъюнктами Ковалевскимъ и Шкляревичемъ—на русскомъ языкѣ и проф. Пиллеромъ—на итальянскомъ.

LV.

(Продолженіе). Направленіе, даваемое учебно-воспитательному дѣлу директорами Вольсеемъ, Минутомъ и Флуки.

Списки служащихъ, приведенные нами, какъ и *Алфавитный указатель*, конечно, недостаточно характеризуютъ лицъ учебно-воспитательнаго состава гимназіи и института.

Но все таки изъ этихъ сухихъ служебныхъ перечней дѣятельность нѣкоторыхъ изъ педагоговъ на столько выдѣляется, что на нихъ слѣдуетъ намъ остановиться; кромѣ того, о нѣсколькихъ имѣются и другія указанія: свидѣтельство современниковъ, оффиціальная переписка, различныя распоряженія и проч.

Такъ какъ правильность и успѣшность хода учебно-воспитательнаго дѣла и извѣстный характеръ его во многомъ зависятъ отъ начальника учебнаго заведенія, то мы прежде всего останавливаемся на директорахъ этихъ учрежденій.

Со многими фактами дѣятельности ихъ мы уже познакомились изъ предъидущаго. Прибавимъ нѣкоторыя другія характеристическія ихъ особенности, или же сгруппируемъ данныя, разсѣянныя въ различныхъ мѣстахъ нашего очерка.

Изъ множества приведенныхъ фактовъ мы вправѣ заключить, что *Вольсей* трудился главнымъ образомъ исключительно *для самого себя*: все вниманіе, вся заботливость его были направлены на пансіонъ-институтъ, съ благосостояніемъ и успѣхами котораго неразрывно связаны были его денежные интересы.

На гимназію онъ не только мало обращалъ вниманія, но даже старался задерживать ея случайные успѣхи возможными съ своей стороны средствами, иногда просто-на-просто вопіющими и бросающимися въ глаза по своей беззастѣнчивости. Припомнимъ, напр., занятіе дома, назначеннаго *для гимназіи*, подъ *его пансіонъ*,—что на продолжительное время задержало открытіе первой—по невозможности гдѣ-либо помѣстить ея классы. Припомнимъ размѣщеніе послѣ пожара классовъ приходскаго и уѣзднаго училищъ въ *банѣ* и какомъ-то боковомъ флигелѣ, въ то время, когда пансіонъ не пострадалъ ничѣмъ въ этомъ отношеніи, и пр.

Вольсей задался серьезною задачею отвратить всѣми средствами отъ злополучной гимназіи родителей, помѣстившихъ въ это опальное заведеніе своихъ дѣтей: ученики сидѣли по нѣсколько лѣтъ въ однихъ и тѣхъ же классахъ, потому что не производилось экзаменовъ для перевода дѣтей въ старшія отдѣленія; количество уроковъ по предметамъ преподаванія уменьшалось до возможнаго minimum'а, вопреки уставу,—почему ученики и не могли основательно знакомиться съ своими курсами и двигаться дальше. Родители, видя, что дѣтямъ ихъ никогда не добраться до гимназическихъ классовъ и что они сидятъ на одномъ и томъ же учебномъ матеріалѣ продолжительное время, конечно, брали ихъ изъ училища, переводя, можетъ быть, въ частныя школы, никѣмъ не разрѣшенныя, значительное число которыхъ тайно ютилось въ то время въ Одессѣ.

Понятно, что, при такой обстановкѣ, гимназія не могла вызывать къ себѣ сочувствія,—а Вольсей, хитро настроивъ противъ нея родителей, оффиціально доносилъ начальству, что несочувствіе публики къ заведенію мѣшаетъ правильному ходу учебнаго дѣла. Въ

этомъ увѣрилъ онъ и прямодушно-довѣрчиваго Ришелье, который, глазами Вольсея, видѣлъ свѣтъ только въ закрытомъ, эффектно обставленномъ и хорошо содержимомъ пансіонѣ-институтѣ.

Обращеніе Вольсея, человѣка высокомѣрнаго и грубаго, по словамъ князя Долгорукаго, было довольно жестко и невѣжливо даже съ посѣтителями его же пансіона и родственниками учащихся въ немъ[1]). Можно представить поэтому, какъ онъ относился къ родителямъ-бѣднякамъ дѣтей, обучавшихся въ приготовительныхъ классахъ гимназіи!

Какое же, при такихъ обстоятельствахъ, могло быть единеніе между школою, свысока относящеюся къ семьѣ, и приниженными бѣдностію, полуграмотными родителями, съ трепетомъ идущими по приказанію къ грозному начальству въ лицѣ Вольсея?

Что такое обращеніе не было у него простою случайностью, а входило въ его воспитательную систему, видно изъ его проекта «Plan pour l'établissement &» (мы познакомили съ нимъ отчасти на стр. 42—43 этого очерка), гдѣ онъ, между прочимъ, говоритъ, что «родственники, желающіе воспользоваться благодѣяніемъ (проектированнаго имъ) училища, *обязаны являться* съ дѣтьми *къ директору на смотръ*» и пр.,—точно солдаты къ строгому отцу-командиру... Словомъ, употреблялись всевозможныя средства отбить у родителей всякую охоту отдавать дѣтей въ гимназію.

По словамъ того же кн. Долгорукаго, Вольсей «не пускалъ ни кого охотно смотрѣть внутренности училища,»—что, по мнѣнію князя, «значитъ уже безнадежность въ порядкѣ». И это въ его пансіонѣ-институтѣ! Что же было въ несчастной гимназіи?

Нѣкоторые педагогическіе пріемы и взгляды Вольсея также были чрезвычайно странны, чтобы не сказать болѣе. Приведемъ два —три примѣра. Уничтоженіе каникулъ для дѣтей, вслѣдствіе того, что пропущено было по разнымъ причинамъ нѣсколько учебнаго времени (замѣтимъ, едва-ли не *по винѣ самого Вольсея*),—совершенная педагогическая нелѣпость. Наказаніе—класть раздѣтаго мальчика на цѣлый день въ постелю, за непослушаніе и лѣнь, уже просто-на-просто отсутствіе здраваго педагогическаго такта, непониманіе дѣтской натуры и прямое преступленіе противу гигіены и

[1]) Славны бубны за горами & М. 1870 г., стр. 150.

нравственности... Въ измышленномъ разсказѣ о причинахъ его увольненія (ложь относительно *лица* наказаннаго вполнѣ очевидна, см. выше) указаніе на оригинальное наказаніе—выводить воспитанника въ вывороченномъ мундирѣ на посмѣшище предъ посторонними лицами—свидѣтельствуетъ и о непониманіи дѣтской натуры, и о жестокости безсердечнаго директора, наказывающаго, вмѣстѣ съ тѣмъ, и ни въ чемъ неповинныхъ родителей осмѣиваемаго и унижаемаго мальчика...

Желаніе заманивать дѣтей въ школу даровыми учебными пособіями и даже одежею—*на казенныя деньги*—прекрасно отпарировано комитетомъ, указавшимъ всю нелѣпость такихъ пріемовъ, и проч.

Житейская ловкость и умѣнье показать товаръ лицомъ, скрывая его недостатки,—отличительныя черты дѣятельности Вольсея. Не смотря на множество промаховъ, на вопіющія ошибки, онъ съумѣлъ показать себя и дюку де-Ришелье, и Потоцкому, а отчасти и университету, съ самой отличной стороны.

А между тѣмъ въ его служебной дѣятельности мы безпрерывно встрѣчаемся со всевозможными неурядицами и служебными проступками: замалчиваніемъ причинъ пожара, чуть не истребившаго всѣ зданія гимназіи,—не смотря на многократныя требованія комитета; оффиціальною ложью—въ дѣлѣ о пансіонѣ Гальяра[1]); различными, прямо противоположными отзывами объ одномъ и томъ же лицѣ, въ зависимости отъ личныхъ къ нему отношеній,—о Ферри, Куницкомъ и проч.;—съ недобросовѣстнымъ исполненіемъ служебныхъ обязанностей—по отношенію къ училищамъ Херсонской губерніи, а отчасти—и къ одесскимъ, и проч. и проч.: все это, конечно, говоритъ далеко не пользу Вольсея.

Если ко всему этому присоединить еще и то, что мягкій, утонченно-вѣжливый и сдержанный герц. Ришелье называетъ «набиваніемъ кармановъ червонцами», то образъ Вольсея дѣлается еще болѣе непривлекательнымъ. Не забудемъ, при этомъ, что Вольсей былъ всѣмъ обязанъ Ришелье, стоявшему за него горою, покровительствовавшему ему всѣми мѣрами, довѣрявшему ему всегда и вездѣ..

---

[1]) Въ частныхъ разсказахъ въ Бердичевѣ о томъ, что онъ былъ учителемъ великихъ князей о причинахъ своей отставки и проч.

И если этотъ добрый и великодушный герцогъ, разгадавши, наконецъ, истаго іезуита-Вольсея, отнесся къ нему съ такимъ нескрываемымъ презрѣніемъ, что даже не пожелалъ его видѣть въ Одессѣ при своемъ возвращеніи изъ Крыма,—то какимъ-же низкимъ, неблагороднымъ и безчестнымъ человѣкомъ оказывается этотъ когда-то уважаемый и любимый имъ педагогъ!

По всѣмъ этимъ причинамъ мы съ увѣренностію можемъ сказать, что уходъ Вольсея изъ Одессы былъ полезенъ для гимназіи и, можетъ быть, для пансіона-института. Но различныя обстоятельства сложились такъ неблагопріятно для обоихъ заведеній, что они еще очень долго не могли вполнѣ оправиться и прійти въ нормальное положеніе.

Кратковременность управленія директора *Минута* (менѣе $2^1/_2$ лѣтъ, изъ которыхъ почти цѣлый годъ потерянъ былъ для ученія), въ самый трудный и неудобный во всѣхъ отношеніяхъ періодъ жизни обоихъ заведеній, мало могла улучшить положеніе института, и въ особенности—гимназіи. Всѣ старанія этого, какъ видно, добросовѣстнаго, но мало подготовленнаго къ учебно-воспитательному дѣлу, директора должны были совершенно разбиться о непредвидѣнное несчастіе—чуму, посѣтившую въ 1812—1813 гг. Одессу,—вслѣдствіе чего и всѣ занятія въ гимназіи, а отчасти и въ институтѣ, были прекращены на очень продолжительное время.

Къ этому нужно прибавить многія служебныя непріятности (непріязненное отношеніе къ Минуту университета, задержку его утвержденія вслѣдствіе возникшихъ между Ришелье и университетомъ пререканій и неудовольствій и пр.)... Все это, вмѣстѣ взятое, такъ расшатало нервы далеко еще не стараго человѣка, что Минутъ, не выдержавъ всѣхъ подобныхъ передрягъ, поспѣшилъ просить объ увольненіи его по болѣзни отъ должности.

О директорѣ *Гуржеевѣ* и и. д директора *Элканѣ* мы говоримъ далѣе, какъ о *преподавателяхъ*,—такъ какъ въ директорской ихъ дѣятельности ничего особеннаго не проявлялось,—хотя оба они были, какъ увидимъ далѣе, люди очень добросовѣстные. О нѣкоторыхъ фактахъ изъ дѣятельности Элкана въ качествѣ директора мы, впрочемъ, упомянемъ далѣе.

Теперь же перейдемъ къ самому выдающемуся изъ директоровъ —*Флуки.*

Это былъ человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ очень замѣчательный. Служилъ онъ на всевозможныхъ поприщахъ: былъ и фрунтовымъ офицеромъ, и учителемъ, и морякомъ, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, служилъ по выборамъ дворянства —засѣдателемъ уѣзднаго суда и исправникомъ,—исправлялъ должность директора Таганрогской коммерческой гимназіи, разбиралъ архивы, составлялъ гидрографическія описанія, устраивалъ маяки, былъ членомъ нейтральной коммиссіи при Таганрогскомъ портѣ, составлялъ чертежи яхтамъ и учебнымъ судамъ, управлялъ карантиномъ и проч. И вездѣ его добросовѣстность и преданность дѣлу проявлялись въ полной мѣрѣ, —что не разъ засвидѣтельствовано его начальствомъ.

Ришелье, въ качествѣ начальника края, имѣлъ случай познакомиться съ неутомимою дѣятельностію Флуки и пригласилъ его на директорское мѣсто съ самыми заманчивыми для семейнаго человѣка обѣщаніями—воспитать дѣтей его въ институтѣ безмездно.

Въ какомъ положеніи Флуки принялъ оба заведенія, мы довольно подробно ознакомились изъ его донесеній и свидѣтельствъ очевидцевъ (напр., аббата Николя).

Флуки приходилось работать, не покладая рукъ. И онъ повелъ дѣло съ энергіею, ему свойственною. Но, къ сожалѣнію, старые порядки такъ въѣлись въ жизнь обоихъ заведеній, что бороться съ ними было довольно трудно,—тѣмъ болѣе, что, судя по многимъ даннымъ, сотрудники его въ дѣлѣ воспитанія, какъ видно, не вполнѣ сочувствовали стремленіямъ директора: живя въ самомъ заведеніи, учителя отказывались помогать ему въ дѣлѣ надзора за воспитанниками, въ случаѣ болѣзни кого-либо изъ надзирателей; происходили различные безпорядки въ общемъ строѣ обыденной жизни заведенія и, можетъ быть, даже въ дѣйствіяхъ на воспитанниковъ не въ особенно благопріятномъ для начальства заведенія смыслѣ (о чемъ можно заключить изъ запрещенія учителямъ посѣщать комнаты воспитанниковъ не въ урочное время). Со всѣмъ этимъ приходилось Флуки бороться разными способами, иногда даже и нѣсколько рѣзкими (предложеніе, внесенное въ коммиссію института, о выселеніи учителей изъ зданія учебнаго заведенія).

Матеріальная часть обоихъ заведеній находилась въ такомъ же упадкѣ, какъ и учебно-воспитательная. Институтъ едва влачилъ свое жалкое существованіе, обремененный долгами, вслѣдствіе несвоевременнаго взноса платы за содержаніе воспитанниковъ. Послѣднихъ содержали такъ негигіенично, что большинство дѣтей болѣло и требовало за собою особаго ухода.

Учебная часть, запущенная при Вольсеѣ, разстроенная при Минутѣ вслѣдствіе прекращенія занятій по случаю чумы, находилась также въ крайнемъ упадкѣ. Съ 1804 года, въ теченіи 7-ми лѣтъ, не было подготовлено ни одного мальчика для поступленія собственно въ гимназическіе классы. А при мало-мальски правильномъ ходѣ дѣла, въ этотъ промежутокъ времени могло бы *покончить* гимназическій *курсъ* почти два состава учащихся и быть 4 выпуска воспитанниковъ.

На дѣтей, учащихся въ приготовительныхъ классахъ гимназіи, видимо, не обращалось никакого вниманія, и многія изъ нихъ, ничему не выучившись, оставляли заведеніе для практической жизни. У другихъ не было средствъ на покупку одежды и обуви, и они въ зимнее время не могли вовсе посѣщать школу. Растолковать родителямъ всю пользу обученія никто до сихъ поръ не желалъ, чуждаясь семьи или относясь къ ней высокомѣрно и грубо.

И вотъ Флуки всѣми силами старается о сближеніи школы съ семьею, приглашая родителей почаще освѣдомляться о ходѣ ученія дѣтей, давая имъ совѣты, съ цѣлію улучшить успѣхи воспитанниковъ въ школѣ.

Затѣмъ прибѣгаетъ къ частной или общественной благотворительности на помощь бѣднымъ дѣтямъ—для пріобрѣтенія имъ одежды, обуви, учебниковъ.

Обращаетъ вниманіе на развитіе религіознаго элемента въ дѣтяхъ, ежедневно объясняя имъ по главѣ Св. писанія Новаго завѣта.

Замѣняетъ уроки отсутствующихъ преподавателей и исполняетъ даже обязанности надзирателей во время ихъ болѣзни или отсутствія.

И труды его мало-по-малу увѣнчиваются успѣхомъ.

Учебные часы распредѣляются раціональнѣе. Число уроковъ приводится по-возможности къ законной нормѣ. Безпричинныя непосѣщенія уроковъ начинаютъ прекращаться.

Все принимаетъ стройный ходъ, правильную обстановку.

Есть уже и ученики, могущіе поступить въ гимназическій классъ...

Во всемъ этомъ проявилась и забота директора о заброшенномъ заведеніи,и желаніе призвать самую семью на помощь школѣ въ ея стремленіи воспитать дѣтей, привлечь общество къ попеченію о бѣдныхъ учащихся... Словомъ, вся дѣятельность Флуки—подвигъ энергичнаго, дѣятельнаго, глубоко-религіознаго человѣка, исполняющаго съ любовію и увлеченіемъ гуманные завѣты Екатерининскаго и Александровскаго уставовъ.

Такихъ дѣятелей на педагогическомъ поприщѣ немного и въ наше время...

Но мы знаемъ, что все это, волею злаго рока, пріостанавливается; все, такъ хорошо налаженное, не получаетъ ходу, въ виду предположеннаго открытія новаго учебнаго заведенія—лицея, въ которомъ главнымъ контингентомъ будутъ воспитанники института.

Самъ Флуки получаетъ назначеніе во вновь открываемое учебно-воспитательное заведеніе въ качествѣ только второго, и уже черезъ нѣсколько временй—1-го инспектора.

LVI.

(Продолженіе). Преподаватели: Гуржеевъ, Сливицкій, Элкавъ, Сумароковъ. Случайные преподаватели: Шлюхинъ, Макри.

Прежде всего остановимся на *Гуржеевѣ*.

Какъ видно даже изъ сухаго формуляра его (см. Алфав. спис.), это была натура энергическая и даровитая. Съ 11-тилѣтняго возраста онъ уже служитъ въ повѣтовомъ судѣ—и притомъ усердно и добросовѣстно: за 4-хъ-лѣтнюю службу его награждаютъ первымъ гражданскимъ чиномъ, когда ему было всего 15—16 лѣтъ. Свѣдѣній научныхъ въ то время у него никакихъ не было: иначе—въ формулярномъ спискѣ его показано было-бы заведеніе, въ которомъ онъ обучался.

И вотъ на 15-мъ году жизни Гуржеевъ, подготовившись изъ различныхъ предметовъ въ часы, свободные отъ сухой канцелярской работы, поступаетъ въ гимназію—и, какъ видно, *въ высшій классъ*, такъ какъ уже *въ слѣдующемъ году онъ слушаетъ лекціи въ Мо-*

ковскомъ университетѣ. Университетскія занятія у Гуржеева идутъ очень успѣшно: на 21-мъ году онъ уже кандидатъ университета и получаетъ золотую медаль за свое разсужденіе.

Непосредственно послѣ окончанія курса Гуржеевъ назначается преподавателемъ въ Московскій благородный пансіонъ, куда брали учителей съ большимъ разборомъ, а въ 1809-мъ г.—переходитъ преподавателемъ въ Одесскій благородный институтъ; черезъ 4 года Ришелье назначаетъ его директоромъ этого заведенія.

Другія подробности о немъ см. въ Алфав. спискѣ.

Къ этой же категоріи преподавателей съ серьезной подготовкой къ дѣлу необходимо отнести и *Сливицкаго*, учителя института и гимназіи, а впослѣдствіи—вице-директора благороднаго института. Прослушавъ курсы въ Московскомъ университетѣ по отдѣленіямъ словесному, физико-математическому и нравственно политическому, онъ потомъ сосредоточивается на изученіи римской литературы и издаетъ въ 1808 г. Корнелія Непота съ замѣчаніями на русскомъ языкѣ. Получивъ въ слѣдующемъ году степень магистра, Сливицкій сперва занимаетъ мѣсто преподавателя всеобщей исторіи въ академической гимназіи, а въ 1811 году переходитъ въ Одесскій благородный институтъ преподавателемъ исторіи, статистики и географіи. Здѣсь онъ обращаетъ на себя вниманіе «своими способностями и примѣрными правилами нравственности», почему въ 1814 г. избирается попечительною комиссіею института въ вице-директоры этого заведенія. Сливицкій, какъ видно, былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ одесскаго отдѣленія Библейскаго общества, почему въ 1816 г. и былъ избранъ секретаремъ его. Съ 1818 г. онъ занялъ каѳедру латинской и россійской риторики въ Ришельевскомъ лицеѣ.

Замѣчательнымъ педагогомъ между институтскими преподавателями является также шт. капитанъ *Сумароковъ*. Служивъ и за-границею и въ Россіи въ разныхъ должностяхъ по военному и гражданскому вѣдомству, онъ закончилъ службу преподавательскою дѣятельностью въ институтѣ, куда приглашенъ былъ дюкомъ де-Ришелье. Не ограничиваясь своими предметами (россійской и латинской грамматикой и Св исторіею), Сумароковъ, за отсутствіемъ учителей, преподавалъ

дѣтямъ и французскій языкъ; исполнялъ и обязанности надзирателя, оставивъ свое семейство и «посвящая себя безпрерывному съ питомцами обращенію въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ». «Наставивъ ихъ въ благонравіи, пріучивъ къ опрятности и порядку», онъ всею душою предался воспитательному дѣлу: придумывалъ для дѣтей различныя игры, руководилъ ими «въ военной экзерциціи» и проч. Дѣти искренно полюбили его и обращались къ нему съ особымъ уваженіемъ. Даже по выходѣ Сумарокова въ отставку, аббатъ Николь свидѣтельствуетъ, въ 1818 г., что благодѣтельное вліяніе его «и нынѣ ощутительно на воспитанникахъ, поступавшихъ въ лицей изъ его вѣдѣнія».

Оригинальною личностію между преподавателями является *Элканъ*, преподаватель гимназіи и института. Онъ былъ еврей изъ берлинскаго купеческаго семейства. Окончивъ курсъ въ Кенигсбергскомъ университетѣ, Элканъ былъ избранъ членомъ еврейскаго литературнаго общества «Пріятели еврейской литературы». Затѣмъ онъ «вызывается» (кѣмъ—неизвѣстно) въ Петербургъ, выдерживаетъ экзаменъ на домашняго учителя; опредѣляется цензоромъ по восточнымъ языкамъ въ Ригу; по уничтоженіи этой цензуры, причисляется къ герольдіи, а съ 1804 г. назначается учителемъ въ Харьковскую гимназію. Тамъ почему-то онъ обращаетъ на себя особое вниманіе попечителя гр. Потоцкаго и по предложенію его назначается преподавателемъ исторіи, статистической и коммерческой географіи и нѣмецкаго языка въ Одесскую коммерческую гимназію съ 23 сентября 1805 г.

Такимъ образомъ *еврей-Элканъ* былъ *первымъ по времени преподавателемъ Одесской коммерческой гимназіи.* Почему Потоцкій особенно покровительствовалъ Элкану—мы не знаемъ. Послѣ ревизіи одесскихъ учебныхъ заведеній (первой по времени) профессоромъ Стойковичемъ, визитаторъ такъ отзывается объ Элканѣ: «онъ *на своихъ единовѣрцевъ, коихъ нравы весьма испорчены въ Одессѣ*, можетъ имѣть большое вліяніе и современемъ завести еврейскій пансіонъ, чѣмъ сблизитъ ихъ съ гимназіею».

Не въ этомъ-ли заключаются причины такого внимательнаго отношенія Потоцкаго къ Элкану,—тѣмъ болѣе, что правительство въ это время очень желало привлекать евреевъ въ наши школы?

Новый случай опять показалъ особенное расположеніе Потоцкаго къ Элкану.

23 ноября 1807 г. училищный комитетъ далъ знать Вольсею, что, *вслѣдствіе прошенія Элкана*, онъ опредѣленъ учителемъ нѣмецкаго языка и статистики въ Екатеринославскую гимназію.

Вслѣдъ за тѣмъ, 4 декабря, Потоцкій пишетъ къ Вольсею: «Усмотрѣвъ изъ поданнаго Элканомъ на имя мое прошенія, что онъ вслѣдствіе предписанія университета назначается... въ Екатеринославъ учителемъ нѣмецкаго языка, съ меньшимъ противъ настоящаго жалованьемъ, и что таковое *перемѣщеніе* предпринято *безъ его вѣдома и желанія*, я предписываю вашему высокоблагородію для отвращенія всякаго могущаго по сему обстоятельству произойти недоумѣнія *пріостановить исполненіе* означеннаго *предписанія университета* до прибытія моего въ Харьковъ, откуда имѣете ожидать дальнѣйшаго на сіе разрѣшенія».

Тогда же Потоцкій запрашиваетъ и комитетъ о причинахъ этого перевода Элкана. Комитетъ 6-го февраля 1808 года отвѣтилъ попечителю, что «отправлявшійся въ южныя губерніи визитаторомъ профессоръ *Рижскій* донесъ ему (комитету), что Элканъ, извѣстный комитету лично, какъ отъ директора, такъ и отъ тамошняго округа совершенно одобряется относительно поведенія; но что онъ, Элканъ, жалуясь на слабость здоровья, приписывая это одесскому климату, а также на то, что ... не получаетъ всего опредѣленнаго ему университетомъ жалованья, просилъ о переводѣ въ другую гимназію; при чемъ Рижскій объяснилъ комитету о чрезвычайной дороговизнѣ жизни въ Одессѣ и о недостаткѣ жалованья учителямъ на ихъ содержаніе, котораго, по недостатку въ гимназіи сверхштатныхъ суммъ, нельзя увеличить; вслѣдствіе этого комитетъ перевелъ его учителемъ въ Екатеринославскую гимназію»...

7-го марта 1808 года комитетъ уже увѣдомилъ Вольсея, что Элканъ «оставляется университетомъ при прежнемъ его мѣстѣ».

Такимъ образомъ недоразумѣніе по поводу перевода Элкана разрѣшилось въ его пользу,—хотя поведеніе послѣдняго въ этомъ дѣлѣ довольно странно...

Мало того, Потоцкій въ іюнѣ 1809 г. сообщаетъ комитету, что въ бытность свою въ Одессѣ, онъ разрѣшилъ употребить 150 р.

изъ экономическихъ суммъ на поправленіе квартиры Элкана, которая была въ самомъ безобразномъ состояніи: «рамы сгнили, стекла выпадаютъ, двери худы, кровля протекаетъ, печь обветшала».

Въ концѣ 1810 г. графъ, въ письмѣ къ ректору, такъ отзывается объ Элканѣ:... «Учитель (этотъ), какъ по трудолюбію, такъ и по похвальному поведенію, заслуживаетъ вниманія начальства; онъ прилежнѣе и болѣе всѣхъ другихъ учителей гимназіи занимается преподаваніемъ уроковъ въ гимназіи и институтѣ, и если успѣхъ не совершенно соотвѣтствуетъ его трудамъ, то это, конечно, не отъ его вины происходитъ. По симъ уваженіямъ, я почитаю справедливымъ, въ вознагражденіе трудовъ его и для большаго поощренія къ онымъ его сотоварищей, исходатайствовать ему чинъ, соотвѣтственный классу, въ коемъ онъ состоитъ по должности. Кажется, что *вѣра* его ни сколько не можетъ препятствовать въ такомъ его производствѣ, особливо, если взять въ разсужденіе, что и самое правительство печется нынѣ о благосостояніи его соотечественниковъ, пріучая ихъ къ трудолюбивой жизни» [1]).

На сколько Элканъ дѣйствовалъ на своихъ единовѣрцевъ относительно привлеченія ихъ къ нашимъ школамъ,—мы не имѣемъ свѣдѣній, но думаемъ, что врядъ-ли дѣятельность его въ этомъ родѣ была особенно успѣшна: по-крайней-мѣрѣ свѣдѣнія объ ученикахъ-евреяхъ въ коммерческой гимназіи имѣются только за 1806 г.

Въ 1813-мъ году Элканъ, какъ старшій изъ учителей, по представленію Минута, принялъ отъ него должность и имущество гимназіи и управлялъ ею до 1814 года.

Объ отставкѣ его и вѣроятныхъ причинахъ, ее вызвавшихъ, мы уже говорили выше. При отставкѣ Элканъ просилъ о награжденіи его чиномъ коллежскаго ассессора (чинъ этотъ въ то время давалъ потомственное дворянство). Къ этому вожделѣнному чину онъ былъ представляемъ ежегодно, съ 1810 по 1813 годъ, но безуспѣшно. На представленіе комитета въ 1814 г. министръ отвѣтилъ, что Элканъ, произведенный въ этомъ году въ титулярные совѣтники, не

---

[1]) Д. канц. попеч. 1810 г., № 1.

выслужилъ въ этомъ чинѣ и года, и притомъ онъ не изъ дворянъ, а потому и не можетъ быть удовлетворено ходатайство о представленіи его въ коллежскіе ассесоры.

Получивъ чинъ титулярнаго совѣтника, Элканъ не уплатилъ слѣдуемыхъ съ него въ казну 14 р. 83 к., которые отъ него и были потребованы. По этому поводу въ письмѣ къ Жаданову изъ Бердичева (23 ноября 1814 г.) онъ жалуется, что «университетъ слишкомъ строгъ въ дѣлахъ, къ нему не касающихся, а несправедливъ въ дѣлахъ, отъ него зависящихъ... Ежели бы онъ (Элканъ) былъ охотникъ къ спорамъ, то... отказался-бы отъ заплаты сихъ денегъ,... такъ какъ университетъ не заплатилъ ему за 14 мѣсяцевъ, въ теченіи которыхъ (онъ) исправлялъ должность директора, за что по законамъ ему слѣдуетъ по-крайней-мѣрѣ полсвина директорскаго жалованья (до 600 р.)» [1]).

Всѣ эти преподаватели выдаются изъ ряда другихъ по своей дѣятельности.

Въ противуположность имъ мы встрѣчаемся въ тѣхъ же заведеніяхъ и съ людьми, мало подготовленными къ дѣлу и попавшими на это чуждое имъ поприще совершенно случайно.

Таковъ былъ, напр., отставной маіоръ *Шлюхинъ*.

Убѣдившись, что онъ не на своемъ мѣстѣ, и потому «чувствуя, по словамъ Вольсея, «что ему отказано будетъ отъ должности, Шлюхинъ увольнился» черезъ полгода (въ 1806 г.): отставной маіоръ, очевидно, понялъ, что «моральныя качества его», за которыми слѣдили въ эти 6 мѣсяцевъ, не подходятъ къ воспитательному дѣлу.

Сюда же можно отнести и *странниковъ-педагоговъ*, волею судьбы занесенныхъ въ Одессу, какъ въ гостинницу на перепутьѣ. Таковъ былъ іеродіаконъ Синайской горы Григорій *Макри*, ѣхавшій откуда-то въ Каиръ и остановившійся въ нашемъ городѣ до открытія навигаціи. Недоставало-ли у него средствъ для жизни въ Одессѣ, или

---

[1]) Замѣчательно, что Бердичевъ былъ какою-то обѣтованною землею для отставныхъ директоровъ коммерческой гимназіи: туда удалился и первый директоръ Вольсей и основалъ тамъ учебно-воспитательное *заведеніе съ аристократическимъ характеромъ*. Не думалъ-ли и Элканъ основать тамъ *еврейскій пансіонъ*, о чемъ такъ заботился Стойковичъ относительно Одессы?

не нашелъ онъ болѣе подходящихъ для себя занятій,—но о. іеродіаконъ взялся за преподаваніе еллино-греческаго языка въ коммерческой гимназіи. Проживши въ Одессѣ зиму и начало весны, Макри въ маѣ 1812 года уѣхалъ въ Константинополь, не потрудившись даже извѣстить директора о внезапномъ своемъ отъѣздѣ, о которомъ узнали въ гимназіи только «нечаяннымъ образомъ».

Свѣдѣнія объ учащихся.

LVII.

Законоположенія и распоряженія объ учащихся. Указъ 14 марта 1808 г. Пріемъ учащихся въ гимназію и институтъ. Привлеченіе учащихся въ школы. Евреи. Раздача учебниковъ и проч. Укомплектованіе гимназіи учениками. Предположеніе о новыхъ льготахъ для воспитанниковъ института.

Изъ законоположеній и распоряженій по гимназіи и институту, относящихся къ учащимся, прежде всего необходимо упомянуть о Высочайшемъ указѣ 14 марта 1808 г., предоставляющемъ права *окончившимъ курсъ въ благородномъ институтѣ* производства въ *офицеры* послѣ пребыванія нѣсколькихъ мѣсяцевъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ.

Изъ другихъ распоряженій о воспитанникахъ мы остановимся сперва на *правилахъ пріема ихъ* въ заведеніе.

Въ іюнѣ 1807 года комитетъ, узнавъ, что въ нѣкоторыхъ училищахъ *пріемъ воспитанниковъ* производится въ теченіи всего года, — отчего въ классахъ «происходятъ... многіе *постепенные разряды* учениковъ, кои, развлекая учителя, препятствуютъ общимъ успѣхамъ» учащихся,—распорядился, чтобы пріемы въ начальныя школы для обученія чтенію и письму были не болѣе *двухъ разъ въ годъ*: при началѣ ученія, съ 1-го августа, и въ послѣднихъ числахъ декабря; въ высшіе же классы—только *однажды* въ годъ, съ 1 августа,—съ условіемъ, чтобы пріемъ продолжался не болѣе двухъ недѣль. Самые пріемы должны производиться начальниками заведеній, которые для опредѣленія въ высшіе классы должны назначить испытанія поступающимъ въ *общемъ собраніи учителей.*

Такое распоряженіе было вполнѣ разумно, не отнимая напрасно времени отъ учебныхъ мѣсяцевъ, не отвлекая учителей отъ занятій съ цѣлымъ классомъ и гарантируя правильность самыхъ пріемовъ въ училища.

При пріемѣ въ *институтъ*, по постановленію попечительной коммиссіи 11 января 1816 г., требовалось еще, чтобы: 1) представлено было свидѣтельство о лѣтахъ поступающаго; 2) чтобы *не принимались* такіе *воспитанники, которые были уже въ другихъ пансіонахъ или институтахъ*; 3) чтобы поступающіе были освидѣтельствованы докторомъ, однимъ членомъ коммиссіи и директоромъ; 4) чтобы экзаменующіеся умѣли читать и писать безошибочно по-русски; 5) чтобы родители ихъ имѣли въ Одессѣ своего «представителя», который вносилъ-бы деньги за воспитаніе, за медикаменты, доставлялъ-бы бѣлье и проч.—Гр. *Ланжеронъ не согласился* на 2, 4 и 5-й пункты.

2-й и 4-й пункты дѣйствительно были нѣсколько стѣснительны, но почему отвергнутъ 5-й пунктъ—совершенно непонятно; коммиссія же, съ своей стороны, имѣла въ виду, прежде всего, *неисправное внесеніе платы родственниками воспитанниковъ* и передачу удаляемыхъ дѣтей довѣренному лицу, если родители не жили въ Одессѣ.

Затѣмъ переходимъ къ мѣрамъ, имѣвшимъ въ виду *увеличеніе числа учащихся* (съ чѣмъ для нѣкоторыхъ заведеній связана и самая возможность ихъ существованія).

Такія распоряженія касаются прежде всего (по времени) *евреевъ*, которыхъ въ то время имѣлось въ виду мало-по-малу привлекать къ христіанскимъ училищамъ.

Извѣстно, что евреи держались тогда обособленно отъ христіанъ, вслѣдствіе религіознаго фанатизма. Цадики имѣли очень сильное вліяніе на эту въ большинствѣ невѣжественную массу, переселявшуюся въ Одессу изъ западныхъ губерній ради наживы въ бойкомъ торговомъ городѣ.

Въ іюлѣ 1806 года директоръ Вольсей доноситъ комитету, что ему «удалось, наконецъ, согласиться съ *одесскими жидами* касательно обученія ихъ дѣтей и что *многіе* изъ нихъ уже посылаютъ своихъ дѣтей въ школу, и онъ увѣренъ, что сей примѣръ будетъ

подражаемъ»[1]). Комитетъ принялъ это извѣстіе съ видимымъ удовольствіемъ и, считая пріученіе еврейскихъ дѣтей къ поступленію въ публичныя училища не маловажнымъ дѣломъ, потребовалъ отъ директора самаго обстоятельнаго донесенія о томъ, сколько именно поступило ихъ въ училище и «чему въ ономъ обучаются» (?); при чемъ предложилъ «употребить всѣ осторожности», чтобы ихъ чѣмъ-либо не отклонить отъ училища,—въ особенности же «относящимся до ихъ религіи».

Отвѣта Вольсея мы не нашли: во-первыхъ, не отвѣчать на запросы было у него дѣломъ обычнымъ (припомнимъ, молчаніе о причинахъ пожара), а во-вторыхъ, евреи, кажется, скоро оставили гимназію: за 1807—1809 точныхъ свѣдѣній объ этомъ у насъ не имѣется, а въ 1810-мъ ихъ уже въ училищѣ вовсе не было.

Правительство же въ это время очень заботилось о привлеченіи евреевъ въ наши школы: съ этой цѣлью, какъ видно, и назначенъ былъ учителемъ въ Одессу еврей Элканъ, на котораго въ этомъ отношеніи возлагали надежды и попечитель Потоцкій и визитаторъ Стойковичъ.

Вольсей думалъ привлекать учащихся даровою раздачею учебниковъ, одежды и обуви—что, какъ извѣстно, отвергнуто комитетомъ (см. стр. 74—77); кромѣ того «уговариваніемъ въ церкви родителей», чтобы они отдавали дѣтей въ школу (стр. 74) и, наконецъ, запрещеніемъ всякихъ частныхъ школъ (стр. 75—76).

Флуки, съ своей стороны, также предлагалъ (11 января 1816 г.) очень оригинальныя мѣры для увеличенія числа учащихся въ гимназіи и институтѣ.

О приглашеніи гражданъ города чрезъ духовенство по приходамъ и чрезъ полицію—отдавать дѣтей своихъ въ училище—мы уже упоминали на стр. 136-ой.

Помимо того, зная, что «Одесская коммерческая *гимназія* не имѣетъ другихъ источниковъ къ *укомплектованію себя учениками*, кромѣ своего уѣзднаго училища, и входя въ изысканіе способовъ, какъ-

---

[1]) Вольсей по обыкновенію все преувеличиваетъ, чтобы отличиться предъ комитетомъ. Изъ списковъ учениковъ видно, что въ 1806 году евреевъ изъ числа 84 учениковъ гимназіи было всего 4.

бы открыть ей болѣе средствъ къ полученію большаго числа учениковъ, а тѣмъ надежнѣе ускорить время постепеннаго открытія классовъ ея», Флуки придумалъ слѣдующую мѣру:

Нѣкоторые молодые люди изъ купеческаго и другихъ сословій, занимаясь письмоводствомъ въ купеческихъ конторахъ и другихъ мѣстахъ, изъявляютъ желаніе учиться только *нѣкоторымъ предметамъ и языкамъ* во время, свободное отъ ихъ должностныхъ занятій. Кромѣ того, греческое училище, не имѣя достаточныхъ средствъ на свое содержаніе, съ нѣкотораго времени закрыто. Если бы юношеству предоставлена была свобода обучаться по желанію только нѣкоторымъ предметамъ и языкамъ, а не всѣмъ, положеннымъ по уставу, то изъ купеческихъ конторъ и изъ греческаго училища нашлось бы довольно желающихъ посѣщать классы уѣзднаго училища. О разрѣшеніи такихъ льготъ для учащихся Флуки и просилъ комитетъ.

Не говоря о непрактичности такихъ курсовъ для молодыхъ людей въ низшемъ учебномъ заведеніи, спрашивается, какимъ же образомъ изъ подобныхъ юношей можно было-бы приготовить *контингентъ для гимназическихъ классовъ*, если они не будутъ слушать всѣхъ предметовъ курса уѣзднаго училища? Кромѣ того, такое предположеніе прямо противорѣчило предложенію комитета 29 августа 1814 года (см. ниже).

Относительно предположенія тѣмъ же директоромъ новыхъ льготъ для *воспитанниковъ института* (XIV класса или принятія ихъ въ военную службу портупей-прапорщиками, съ производствомъ черезъ полгода въ прапорщики) мы уже говорили раньше (стр. 197).

LVIII.

(Продолженіе). Ученики должны быть снабжены всѣми классными принадлежностями. Главное препятствіе къ правильному ходу ученія—нехожденіе учениковъ на уроки и опаздываніе. Мѣры противъ этого.

Заботы комитета были обращены и на то, чтобы ученикъ являлся въ заведеніе со всѣми необходимыми принадлежностями для ученія: .... «Съ принятіемъ ученика въ какой-либо классъ гимназіи или уѣзднаго училища необходимо сопряжено быть

должно, чтобы онъ снабдилъ себя всѣми для слушанія преподаванія наукъ нужными *книгами*. Учители должны доносить о томъ директору, директоръ же никакъ позволить не долженъ, чтобы ученикъ, не имѣющій необходимыхъ книгъ, посѣщалъ классы. Каждый ученикъ необходимо долженъ *учиться всему безъ исключенія*, что преподается въ гимназіи, кромѣ рисовальнаго искусства, музыки и военныхъ наукъ, обученіе коимъ можно предоставить на волю ихъ родителей. Учители должны наблюдать съ большимъ противу прежняго вниманіемъ и строгостью, дабы во время занятія ихъ съ однимъ ученикомъ прочіе слѣдовали за ихъ наставленіями, чего, безъ сомнѣнія, тогда только надѣяться можно, когда каждый ученикъ будетъ имѣть нужныя книги. Для отвращенія частаго *нехожденія* вольныхъ (приходящихъ) учениковъ, опредѣлить должно, что, кто извѣстное число часовъ не будетъ въ классѣ и о причинѣ своего отсутствія не представитъ законныхъ причинъ отъ родителей своихъ или занимающихъ ихъ мѣсто, тотъ *исключенъ будетъ изъ гимназіи*» (предложеніе 29 авг. 1814 г.).

Главнымъ препятствіемъ къ правильному ходу ученія, очевидно, служило неисправное *хожденіе учениковъ въ училище*,—вслѣдствіе чего мы встрѣчаемся съ цѣлымъ рядомъ мѣръ, направленныхъ противъ устраненія этого школьнаго зла. Явленіе это, впрочемъ, было общимъ во всѣхъ тогдашнихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ особенности же—въ *низшихъ*, гдѣ по-преимуществу учатся дѣти тѣхъ классовъ общества, которые не придаютъ особеннаго значенія правильности занятій дѣтей, не уясняя себѣ всей важности требованій школы въ этомъ направленіи.

Въ коммерческой гимназіи пропуски эти иногда происходили по особеннымъ, мѣстнымъ причинамъ и разрѣшались даже самимъ начальствомъ: такъ, по случаю *чрезвычайной грязи* въ зимнее и весеннее время въ 1806-мъ году занятія въ теченіи января—апрѣля ограничивались только утренними уроками (стр. 63).

Комитетъ старался всѣми силами бороться съ неправильнымъ посѣщеніемъ классовъ.

Такъ въ іюлѣ 1806 г., узнавъ, что *самовольныя отлучки учениковъ* въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ все таки продолжаются, комитетъ не находилъ другого средства къ прекращенію такихъ безпо-

рядковъ, какъ «*внушеніе* жителямъ городовъ *чрезъ гражданское начальство* о томъ, дабы безъ вѣдома и свидѣтельствъ учителей дѣтей своихъ изъ училища не брали»,—о чемъ и представилъ на благоусмотрѣніе попечителя. Потоцкій, соглашаясь съ мнѣніемъ комитета, «но не находя оное сообразнымъ съ училищнымъ уставомъ, предложилъ университету, что единое только противъ сего остается средство, чтобы директоры, смотрители и учители всѣхъ училищъ Харьковскаго округа старались сколько возможно внушать родителямъ учащихся, дабы они ни подъ какимъ видомъ не брали дѣтей своихъ изъ училищъ самопроизвольно до окончанія ученія, и безъ вѣдома и аттестатовъ учительскихъ, представляя имъ, что послѣ того *не будутъ* они никогда уже *приняты ни въ какое высшее училище* и найдутъ великое затрудненіе, чтобы вступить въ какой-либо родъ государственной службы».

Въ маѣ 1809 г. комитетъ въ виду того, что родители сами, «бывъ поводомъ отсутствія дѣтей своихъ, возлагаютъ причину неуспѣховъ въ наукахъ на учителей», предписываетъ, «чтобы имена тѣхъ учениковъ, кои въ теченіи года не будутъ въ училищѣ безъ законной причины одинъ мѣсяцъ, *объявлять при публичномъ испытаніи, яко нерадивыхъ*, послѣ учениковъ прилежныхъ и благонравныхъ».

Въ іюнѣ того же года, вслѣдствіе донесенія визитатора Тимковскаго, что «ученіе въ училищахъ весьма много разстроивается частымъ *опаздываніемъ и нехожденіемъ учащихся* въ классы и что многіе изъ нихъ не выучиваютъ своихъ уроковъ и дѣлаютъ шалости», комитетъ положилъ, чтобы при пріемѣ учениковъ... «во введеніи или переводѣ ихъ въ классы установленъ былъ извѣстный обрядъ, наипаче же для впечатлѣнія на нихъ объ училищныхъ обязанностяхъ, должно постановить и исполнять въ точности, чтобы ни одинъ ученикъ не былъ допускаемъ въ училище, не явясь прежде съ родителемъ или родственникомъ, или отъ ихъ довѣреннымъ, къ директору или смотрителю, которымъ будетъ внесенъ въ книгу и введенъ въ классъ; при чемъ, если родители или занимающіе ихъ мѣсто не живутъ съ ученикомъ въ городѣ, отбирать отъ нихъ свѣдѣнія, кому онъ въ такомъ случаѣ поручается, къ которому бы можно учителямъ, въ случаѣ надобности, объ ученикѣ относиться; строжайше

же наблюдать, чтобы ученикъ, по явкѣ его предписываемымъ образомъ, тотчасъ безъ всякаго замедленія или отлагательства времени, вводимъ былъ въ училище»...

Въ іюлѣ того-же года комитетъ, удостовѣрившись, что ученики *пропускаютъ уроки* не только «на одинъ день, или на недѣлю, но и на мѣсяцъ отстаютъ, директоры же и смотрители повидимому не такъ точно входятъ въ причины сихъ отсутствій», предложилъ, чтобы «по полученіи отъ учителя свѣдѣнія, что ученикъ два раза не былъ въ классѣ, тотчасъ чрезъ сторожа училищнаго узнавать точную причину отсутствія его, наблюдая притомъ, чтобы ученики не отставали отъ учебныхъ часовъ безъ воли родителей».

LIX.

(Продолженіе). Мѣры противу нехожденія, принятыя мѣстнымъ начальствомъ (Флуки). Надзоръ за поведеніемъ учащихся. Пансіонеры. Обереженіе воспитанниковъ отъ вредныхъ вліяній.

Мѣстнымъ училищнымъ начальствомъ также принимались мѣры противу нехожденія и опаздыванія учениковъ. Въ этомъ отношеніи въ особенности замѣчательны распоряженія директора *Флуки*, всегда относившагося внимательно и сердечно къ своимъ обязанностямъ.

8 ноября 1815 г. Флуки писалъ родителямъ учениковъ, что, изъ мѣсячныхъ рапортовъ учителей и изъ своихъ «личныхъ осмотровъ» онъ убѣдился, что нѣкоторые ученики «непостоянно ходятъ» въ училище, другіе «прерывисто, т. е. по нѣскольку дней», третьи опаздываютъ. Дѣти часто «оправдываются болѣзнію, исправленіемъ порученностей отъ родителей и пр.; но какъ можетъ быть и то, что дѣти, уклоняясь отъ ученія, выдумываютъ сами сіи причины и тѣмъ укрываютъ лѣность свою отъ учебнаго начальства и отъ родителей своихъ, чѣмъ погубляютъ невозвратно золотое время, отстаютъ отъ уроковъ и пребываютъ въ томъ же классѣ лишнее противъ устава учебныхъ заведеній время, на всякій курсъ положенное, то въ прекращеніе сего безпорядка онъ приглашаетъ родителей, дабы благоволили: 1-е, увѣдомлять учителей о болѣзни ихъ дѣтей и о времени продолженія оной; 2-е, при посылкѣ дѣтей въ учи-

лище всякій разъ снабжать ихъ билетомъ, или ярлычкомъ, или другимъ какимъ-либо примѣтнымъ знакомъ, который дѣти, пришедши, обязаны отдать учителю; знакъ сей для неграмотныхъ родителей долженъ быть условный съ учителемъ, а не самопроизвольный; 3-е, родители для узнанія ежемѣсячно успѣховъ и поведенія своихъ дѣтей обязаны по-крайней-мѣрѣ въ исходѣ или началѣ всякаго мѣсяца справляться у всякаго учителя объ отмѣткахъ его (ихъ) сына; таковыя отмѣтки могутъ видѣть и въ канцеляріи училища изъ ежемѣсячныхъ рапортовъ учителей, и объ исправленіи нерадивыхъ тутъ же могутъ совѣтоваться съ учителями и съ нимъ».

Зная, однако, что многіе изъ учениковъ при наступленіи осенняго времени перестали ходить въ классъ по неимѣнію одежды и обуви; что нѣкоторые изъ нихъ не имѣютъ даже насущнаго хлѣба, вслѣдствіе крайней бѣдности ихъ родителей, директоръ Флуки открылъ подписку для оказанія помощи такимъ бѣднякамъ и собралъ отъ «доброхотныхъ благотворителей» 130 р. По этому же поводу директоръ обратился 12 ноября 1815 г. и къ городскому головѣ съ просьбою о «посредствѣ» и ходатайствѣ предъ «благотворительными» согражданами, относительно продолженія этой подписки для доставленія «самонужнѣйшей» одежды и обуви бѣднымъ дѣтямъ.

О результатѣ этого ходатайства свѣдѣній у насъ не имѣется; но важно уже то, что начальство гимназіи обратило вниманіе городскаго управленія на безвыходное положеніе бѣдныхъ дѣтей, не по своей волѣ пропускавшихъ уроки, и стремилося всѣми силами помочь этому горю.

Комитетомъ обращалось также строгое вниманіе на *нравственность учащихся*.

Сюда относится прежде всего распоряженіе въ августѣ 1807 года относительно *хожденія воспитанниковъ въ церковь*. Изъ донесеній визитаторовъ комитету стало извѣстно, что въ нѣкоторыхъ училищахъ «не въ должной точности соблюдается общее установленіе, чтобы ученики... въ воскресные и прочіе табельные праздничные дни, собираясь въ училище заблаговременно и по должномъ приготовительномъ наставленіи со стороны учителей въ правилахъ богопочтенія, нравственнаго поведенія, опрятности и пріятства, въ провожаніи ихъ и въ устроенномъ порядкѣ ходили въ храмъ Божій

для слушанія литургіи и когда бываютъ молебствія». Поэтому комитетъ требуетъ, чтобы учители исполняли «толико важное установленіе для образованія нравственности юношества» въ точности «повсемѣстно и неукоснительно,.. не принуждая къ тому учениковъ не грекороссійскаго исповѣданія»; директоры наблюдали за тѣмъ; учителями велись списки «объ исполненіи сего учениками».

Чтобы начальству удобнѣе было слѣдить за нравственностію учащихся, комитетъ предлагаетъ «установленіе веденія *стороннягo и домашняго поведенія учениковъ чрезъ старшихъ и лучшихъ*» (воспитанниковъ); особенно же стараться, чтобъ ученики поступали въ *пансіонеры* или жили на квартирахъ «подъ вѣдѣніемъ» старшихъ и лучшихъ учениковъ, назначенныхъ директоромъ, «*безъ отвлеченія ихъ однако отъ собственнаго прилежанія по классамъ*».

Сверхъ того, ученики (старшіе и лучшіе?) могутъ обучать по домамъ, но только «съ вѣдѣнія» директора «и *безъ нарушенія классныхъ лекцій*».

Вмѣстѣ съ тѣмъ комитетъ требуетъ, чтобы учителя руководствовались статьями 41, 42, 44, 47 и 48 устава учебныхъ заведеній (см. гл. XLII).

Интересны требованія отъ учителей, у которыхъ живутъ *пансіонеры*: «Для сохраненія невинныхъ нравовъ, которые суевѣріемъ или другимъ какимъ заблужденіемъ и непристойностями легко развращаются, надлежитъ учителямъ остерегаться и остерегать воспитанниковъ отъ всѣхъ суевѣрныхъ, баснословныхъ и развратныхъ дѣлъ и разговоровъ; бесѣдовать съ ними, а особливо при столѣ, о такихъ предметахъ, которые могутъ расположить сердце къ добродѣтели, а душу къ благомыслію... Препоручается также учителямъ подавать воспитанникамъ своимъ наставленія вѣжливости, показывая, какъ сидѣть благопристойно, ходить, кланяться, просить учтиво и говорить ласково даже со слугами и служанками» (ст. 47 и 48).

Въ институтѣ *обереженіе воспитанниковъ* отъ внѣшнихъ вліяній доходило до странностей. Мы, напр., указывали уже на запрещеніе учителямъ безъ разрѣшенія директора даже входить въ классы въ неурочное время. Въ томъ же докладѣ дир. Флуки предлагаетъ, чтобы и «особы, имѣющія благовидныя причины видѣть воспитанниковъ или посѣтить институтъ», обращались за разрѣшеніемъ

къ директору. Родственникамъ позволяется присутствовать всякій день при получасовомъ испытаніи воспитанниковъ «въ предшедшемъ урокѣ» по утрамъ отъ 8 до $8^1/_2$, а пополудни отъ $4—4^1/_2$ часовъ. Для наблюденія тишины и спокойствія въ домѣ и «отвращенія могущихъ иногда произойти безпорядковъ», ворота института запираются на замокъ отъ $10^1/_2$ часовъ вечера до 5 часовъ утра, а ключъ хранится у директора.

LX.

(Продолженіе). Распоряженія относительно школьныхъ занятій. Правила для испытаній. Обозначеніе степени познаній учащихся. Мѣры поощренія воспитанниковъ. Отпуски. Наказанія.

Распоряженія, имѣвшія въ виду *успѣхи учащихся* при прохожденіи ими положенныхъ курсовъ, отчасти намъ извѣстны:

Уничтоженіе каникулъ въ 1806-мъ году Вольсеемъ (стр. 67).

Необходимость *объясненія* ученикамъ *преподаваемаго* (стр. 236).

Запрещеніе *диктованія уроковъ* (стр. 238).

Распоряженіе министра Разумовскаго о томъ, чтобы, на основаніи § 143 уст. уч. заведеній, подвѣдомыхъ университетамъ, во всѣхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, напр., въ греческомъ Одесскомъ и въ другихъ ему подобныхъ, *необходимо долженъ быть преподаваемъ русскій языкъ* (предложеніе комитета въ маѣ 1815 года).

Въ сентябрѣ 1816 г. комитетъ сообщилъ директору, что «многіе изъ учениковъ, поступающихъ изъ гимназіи... въ университетъ, оказываютъ на экзаменѣ малыя свѣдѣнія въ *латинскомъ языкѣ*, отчего не могутъ быть приняты въ студенты; поэтому предписывается учителямъ этого предмета, дабы они *внушали* своимъ *ученикамъ оный языкъ какъ можно болѣе* и имѣли-бы за успѣхами въ ономъ прилежный надзоръ».

Успѣхи учениковъ провѣряются, между прочимъ, на годовыхъ *испытаніяхъ*; поэтому комитетъ обратилъ вниманіе на самые способы производства ихъ.

5-го іюня 1815 г. онъ предлагаетъ директору слѣдующее:

«Комитетъ, усмотрѣвъ нѣкоторыя невыгоды въ *экзаменахъ*, производившихся до сего времени, изъ коихъ особенно то обратило на себя вниманіе, что успѣхи учениковъ, бывъ замѣчаемы одними только директорами, не давали имъ того виду, который(ымъ?) бы каждый ученикъ могъ быть удостовѣренъ, что ему воздается не иначе, какъ по достоинству и заслугамъ его,—нужнымъ находитъ сдѣлать относительно произведенія экзаменовъ распоряженіе:

1-е. Успѣхи учениковъ при испытаніи должны быть замѣчаемы не одними директорами, какъ сіе бывало до сего времени, но, во-первыхъ, директорами или занимающими его (ихъ) мѣсто; во-вторыхъ, экзаменующимъ учителемъ; въ-третьихъ, избраннымъ изъ между учителей (sic) третьимъ членомъ. Каждому изъ сихъ трехъ членовъ замѣчать, какъ предписано въ уставѣ гимназіи, положеннымъ числомъ шаровъ, и въ случаѣ неравенства принимать не иначе, какъ среднее число оныхъ.

2-е. Равнаго числа шаровъ всѣмъ учителямъ давать для замѣчанія успѣховъ учениковъ почитается невыгоднымъ по той причинѣ, что нѣкоторые изъ нихъ учатъ въ одномъ и томъ же классѣ одному предмету, нѣкоторые двумъ, а нѣкоторые даже и четыремъ, какъ учитель историческихъ наукъ во II-мъ классѣ: почему нужно, чтобы учителямъ давать произвольно опредѣленное число шаровъ для каждаго преподаваемаго ими предмета въ одномъ и томъ же классѣ порознь.

3-е. Учениковъ вызывать къ испытанію не по спискамъ, но имена ихъ должны быть написаны въ свернутыхъ равныхъ и единообразныхъ бумажкахъ, кои, перемѣшавши, должны вынимать директоръ или занимающій его мѣсто, и по объявленіи экзаменующимъ учителемъ вопроса объявлять имя ученика.

4-е (очень оригинальный пунктъ). Вопросы изъ науки должны слѣдовать *по порядку*, ибо въ противномъ случаѣ и лучшій ученикъ можетъ смѣшаться и остаться безотвѣтнымъ. Хотя же при таковомъ расположеніи вопросовъ ученики будутъ имѣть ту выгоду, что могутъ читать то, о чемъ слѣдуетъ ихъ спросить, однако, выгода сія можетъ быть имъ позволена, ибо тѣ, которые не рад ли

объ ученіи въ теченіи года, и прочитавъ, конечно, на предложенный вопросъ отвѣта не дадутъ.

5-е. Какъ въ гимназіи преподаются только науки, которыя, открывая путь къ разнороднымъ познаніямъ и учености желающимъ вступить въ благодѣтельное поприще оныхъ, полезное и необходимое для всѣхъ готовящихся къ должностямъ по разнымъ частямъ государственнаго управленія, посему нужнымъ почитается слѣдующее правило: ежели ученикъ преизрядныхъ (при изрядныхъ?) успѣхахъ въ преподаваемыхъ въ гимназіи предметахъ вообще окажется слабымъ въ одномъ какомъ-либо родѣ познаній, то таковаго не удостоивать перевода въ высшій классъ и, не оставляя рѣшительно въ томъ же классѣ, отложить рѣшеніе жребія его до окончанія вакаціоннаго времени, по истеченіи коего онъ долженъ подвергнуть себя вторичному испытанію и тогда уже, хотя за посредственные въ ономъ успѣхи, быть удостоенъ повышенія. Симъ средствомъ надѣяться можно заставить учениковъ гимназіи, не прогуливая всего вакаціоннаго времени, пріятности отдохновенія мѣшать съ пользою занятій».

Относительно *публичныхъ испытаній* директоръ Флуки предложилъ слѣдующую мѣру, одобренную гр. Ланжерономъ и коммиссіею (докладъ 23 января 1816 г.): «По плану положено производить публичныя испытанія всякіе три мѣсяца; мѣра сія отяготительна и для родителей и для прочихъ чиновниковъ, притомъ теряется не малое время отъ настоящаго курса ученія. Я бы думалъ публичныя испытанія производить по примѣру женскаго института въ іюлѣ и январѣ; а другія два въ октябрѣ и апрѣлѣ производить при директорѣ, вице-директорѣ и тѣхъ учителяхъ, которые не заняты должностью, не разстраивая курса ученія и приглашая и родителей присутствовать при ономъ(ыхъ)»...

Изъ *Вѣдомости о публичныхъ испытаніяхъ* за 1817-й годъ видно, что для означенія *степени познаній* учениковъ въ институтѣ употреблялись *баллы*, числомъ до 50 въ приготовительномъ и до 100—въ первыхъ четырехъ классахъ; кромѣ балловъ, тутъ же означались познанія учениковъ и *словами*: optime, bene (иногда еще satis bene, plus quam bene), mediocriter, male и ps, или превосходно, очень хорошо, хорошо, довольно хорошо, порядочно, из-

рядно, посредственно, весьма посредственно, слабо, очень слабо, худо и проч. Иногда во всѣхъ классахъ высшею отмѣткою считалось 50.

Для *поощренія учащихся*, комитетъ въ 1809-мъ году потребовалъ, чтобы, на основаніи § 61 устава, было введено «назначеніе ученикамъ *мѣстъ въ классѣ* и веденіе особаго списка ихъ по старшинству успѣховъ», и «превосходящіе другихъ были переводимы на высшія мѣста». Кромѣ того, въ уѣздныхъ училищахъ и первыхъ трехъ классахъ гимназіи можно выбрать изъ лучшихъ учениковъ *репетиторовъ*, которые у порученныхъ имъ 8—10 учениковъ выслушивали бы, до прихода учителя, уроки и «отмѣчали о каждомъ ученикѣ исправность или неисправность его для усмотрѣнія учителя. Сіе послѣднее поставляется только въ виду мѣстнаго училищнаго начальства,—при чемъ, однако, и учителя должны наблюдать за уроками».

Къ числу поощрительныхъ мѣръ относились еще *отпуски воспитанниковъ*.

23 января 1816 г. директоръ Флуки внесъ въ коммиссію слѣдующее предложеніе: «Отпуски положены по плану (института) въ 2 мѣсяца разъ, кромѣ 1-го января, Рождества Христова, Свѣтлаго Воскресенія и Троицына дня. Какъ мѣра сія тягостна и для воспитанниковъ и для самихъ родителей, то, по мнѣнію моему, не безполезно было бы обратить нѣкоторое снисхожденіе сей мѣры въ пользу благонравія и успѣховъ воспитанниковъ, позволивъ постоянно отпускать отличившихся благонравіемъ и успѣхами въ наукахъ чаще, нежели узаконено»... *Резолюція Ланжерона*: въ отпускахъ поступать по благоусмотрѣнію директора нѣсколько чаще, нежели въ планѣ значится».

Отпуски эти, впрочемъ, очень скоро были *отмѣнены*. Протоколъ коммиссіи по этому поводу какъ-то загадоченъ: многое въ немъ почему-то не договорено, или выражено далеко не ясно; поэтому приводимъ его буквально: 7 января 1817 г. коммиссія благороднаго института, «имѣя сужденіе, что заведенъ былъ порядокъ въ теченіе 1816 г. отпускать воспитанниковъ по домамъ два раза въ мѣсяцъ, и примѣтивъ, что *отпуски сіи вредны* самимъ *воспитанникамъ*, которые оттого получаютъ склонность къ разсѣянію; притомъ замѣчено, что они служатъ къ ослабленію плана,—приго-

ворили отпуски впредь дѣлать одинъ разъ въ мѣсяцъ и, сверхъ того, въ тѣ праздники, которые поименованы въ планѣ, и послѣ всякаго экзамена въ первое воскресенье въ вознагражденіе ихъ трудовъ. Запрещается, однако-жъ, строжайше кому-либо ночевать дома, выключая болѣзни. Запрещается также строжайше въ день отпуска быть воспитанникамъ въ городѣ долѣе 6-ти часовъ по полудни,—ибо по плану всѣ воспитанники должны быть въ сіе время дома. Рекомендуется, между прочимъ, наблюдать, чтобы воспитанники старшихъ классовъ не соединялись или не сообщались съ воспитанниками низшихъ, такъ какъ правило сіе, *по извѣстнымъ коммиссіи причинамъ*, должно быть согласно съ планомъ однимъ изъ первѣйшихъ ненарушимыхъ законовъ института».

Тогда же комитетъ опредѣляетъ и слѣдующія *наказанія учениковъ* за пропуски ихъ: «а) выговоръ учителя значительный, б) стоять у порога на нѣсколько минутъ или во весь классъ, в) лишить мѣста въ порядкѣ старшинства и посадить на заднюю скамью на день, г)—на недѣлю, д) выговоръ директора, е) посадить съ воли директора на заднюю скамью до выслуги, ж) извѣщеніе родителей о неисправности ученика, з) вторичное извѣщеніе родителей отъ директора, и) оглашеніе имени дурнаго ученика по всѣмъ классамъ, і) переводъ ученика въ низшій классъ съ оглашеніемъ во всѣхъ классахъ,—въ семъ случаѣ за извѣстіе *доносить комитету*, к) извѣщеніе родителей о необходимости исключить ученика, если онъ не исправится, л) исключеніе и оглашеніе о семъ какъ во всѣхъ классахъ, такъ и въ годовомъ собраніи,—въ семъ случаѣ *прежде представлять комитету* съ прописаніемъ сіи (?) какъ и по 10 пункту вины ученика».

Этими наказаніями восполняются исчисленныя нами (на стр. 216—217) по «Руководству учителямъ 1-го и 2-го разряда народныхъ училищъ Россійской имперіи»...

И въ послѣднихъ, какъ и въ прежнихъ, преобладаетъ чувство гуманности и снисходительности, терпимость до послѣднихъ предѣловъ возможности.

Статистическія данныя относительно учащихся.

LXI.

Общее число учащихся въ гимназіи и институтѣ. Среднія цифры и maximum и minimum числа учащихся.

Представляемъ данныя о числѣ воспитанниковъ въ Одесской *коммерческой гимназіи* и въ *пансіонѣ Вольсея*, превратившемся съ 1806 г. *въ пенсіонъ Ришелье*, а съ 1814-го въ *благородный институтъ*. Такъ какъ послѣдніе три въ сущности одно и то же учебно-воспитательное заведеніе, только подъ различными названіями, то мы для краткости будемъ называть его просто *институтомъ*. Чертою обозначаемъ неимѣніе свѣдѣній о числѣ учащихся показанное время.

		Въ гимназіи.	Въ институтѣ.
Въ 1806 году:	въ январѣ	41	—
»	апрѣлѣ	71	32
»	концѣ 1-ой половины года	84	—
Въ 1807 году:		—	—
» 1808 году:		54	76
	въ ноябрѣ	59	—
» 1809 году:	въ мартѣ	58	—
»	сентябрѣ	73	90
» 1810 году:	съ 20 дек. по 10 янв. 1811 г.	82	—
Въ 1811 году:	въ концѣ января	90	109
»	» іюня	102	110
»	» декабря	55	111
Въ 1812 году:	» мартѣ	96	108
»	сентябрѣ	92	106
»	концѣ декабря	92	—
Въ 1813 году:	» январѣ	не было учени.	97
»	мартѣ	учениковъ мало.	76
»	іюнѣ	—	66
»	августѣ	41	—
Въ 1814 году:	въ январѣ	57	—
»	маѣ	—	53
» 1815 году:	въ январѣ	49	70
»	іюлѣ	—	71
» 1816 году:	» январѣ	68	—
»	концѣ года	—	98

		Въ гимназіи.	Въ институтѣ.
Въ 1817 году:	Въ январѣ	82	—
»	1-ой половинѣ года	31	—
»	концѣ 1-ой половины	65	104
»	сентябрѣ	—	95
»	2-ой половинѣ	59	—
»	концѣ года	—	93

Взявъ *среднія цифры числа учениковъ* за каждый годъ (причемъ 0,5 и болѣе принимаемъ за единицу, а дроби менѣе 0,5 отбрасываемъ), мы найдемъ, что ихъ было:

		а) въ гимназіи.	б) въ институтѣ.
Въ 1806-мъ	году	65	32
» 1807	»	—	—
» 1808	»	57	76
» 1809	»	66	90
» 1810	»	82	—
» 1811	»	82	110
» 1812	»	60	107
» 1813	»	41	80
» 1814	»	57	53
» 1815	»	49	71
» 1816	»	68	98
» 1817	»	59	96

Такимъ образомъ средняя цифра учащихся будетъ: для *гимназіи*—62, для *института*—81 (т. е. *среднее число учениковъ гимназіи* составляетъ только 76,5% *числа воспитанниковъ института*).

Изъ этой же таблицы видно, что: а) *наибольшее число учащихся въ обоихъ заведеніяхъ* приходится на 1810—1811 годы; б) *наименьшее*: для гимназіи—на 1813-й и 1815-й годы, для института на 1806-й (начальный) и 1814-й; в) *повышеніе и пониженіе цифръ учащихся* по обоимъ заведеніямъ *идутъ почти параллельно*; исключеніемъ въ этомъ случаѣ является только 1806 и 1814-й годы: первый—слѣдующій за начальнымъ годомъ существованія обоихъ заведеній, и второй—послѣ чумнаго года,—слѣдовательно *колебаніе цифръ* въ томъ и другомъ заведеніи *вызвано одинаковыми причинами*,—а именно—*чумнымъ временемъ*, когда гимназія на нѣкоторое время даже совершенно опустѣла; г) съ *среднею цифрою числа учащихся* совпадаютъ: *въ гимназіи*—1806, 1809 и 1812 годы; а *въ институтѣ*—1813-й г.; д) *низшія цифры* уча-

щихся падаютъ, съ нѣкоторыми исключеніями, для обоихъ заведеній на 1813—1815-й гг.; е) *высшія цифры*: для гимназіи—на 1810 и 1811 гг., а для института—на 1811 и 1812 гг.

Попытаемся хотя отчасти выяснить эти колебанія цифръ.

Среднее число учащихся въ гимназіи къ таковому же въ институтѣ относится, приблизительно, какъ 3 : 4.

Это обстоятельство условливается слѣдующими причинами: хотя въ гимназіи ученіе было *безплатное*, а въ институтѣ назначалась довольно высокая *плата* за воспитанника; но во второе заведеніе стремилось больше учащихся, такъ какъ они принадлежали къ тѣмъ классамъ общества, которые болѣе понимали и цѣнили важность образованія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, желали подготовить дѣтей своихъ къ государственной службѣ, по характеру времени—преимущественно къ военной,—что институтъ и выполнялъ съ успѣхомъ, пользуясь притомъ въ этомъ отношеніи даже особыми льготами.

Другое, важное въ глазахъ привилегированныхъ классовъ общества, условіе состояло еще въ томъ, что воспитанники этого заведенія не сталкивались здѣсь съ дѣтьми низшихъ классовъ общества. Боязнь подобнаго рода имѣла мѣсто въ одесскихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и вездѣ у насъ, и въ болѣе позднее время [1]). Въ гимназію же поступали дѣти мѣщанъ, мелкихъ торговцевъ, бѣдняковъ—съ самою скромною цѣлію выучиться грамотѣ и начальной ариѳметикѣ,—дальше чего они обыкновенно и не шли.

Высшія цифры учащихся принадлежатъ 1810 и 1811-мъ годамъ (въ институтѣ—1812-му), когда оба заведенія болѣе или менѣе сформировались и ученіе приняло въ нихъ правильный ходъ; вслѣдствіе этого и общество стало довѣрчивѣе къ нимъ относиться.

Наименьшія цифры учащихся падаютъ въ гимназіи на 1813 (а въ институтѣ—на 1814-й годъ), слѣдовавшіе за чумнымъ 1812

[1]) Въ 1865-мъ году, напр., начальствующія лица Ришельевской гимназіи чуть не пострадали изъ-за обвиненія ихъ въ демократизаціи этого заведенія. Дѣло въ томъ, что въ эту гимназію, бывшую до 1865 года закрытымъ заведеніемъ, принимались исключительно дѣти привилегированныхъ сословій,—а по уставу 1863 года въ гимназію допускались дѣти всѣхъ сословій и вѣроисповѣданій,—слѣдовательно, отказать въ пріемѣ и дѣтямъ низшихъ сословій было-бы незаконно. Только энергическое заступничество попечителя А. А. Арцимовича угомонило рьяныхъ обвинителей, не останавливавшихся и предъ клеветою.

годомъ, когда закрыты были у насъ учебныя заведенія на довольно продолжительное время. Общество, какъ видно, не скоро еще успокоилось послѣ этого тяжелаго времени, что отразилось и на уменьшеніи числа воспитанниковъ въ институтѣ даже въ слѣдующіе непосредственно за чумнымъ временемъ годы (1814 и 1815).

Съ 1815 года цифры учащихся опять возвышаются для института очень правильно, такъ какъ занятія въ немъ приняли надлежащій ходъ, а для гимназіи—скачками, которые можно объяснить различными слухами о предстоящемъ преобразованіи этого заведенія. Въ этомъ же, кажется, заключается и причина, почему и въ институтѣ число учащихся, относительно повысившееся, не достигаетъ, однако, цифръ 1811 и 1812 годовъ.

LXII.

Число учащихся *по классамъ* въ гимназіи и институтѣ. Среднія цифры учащихся по классамъ въ обоихъ заведеніяхъ. Соединеніе классовъ.

Данныя по этому вопросу имѣются не за всѣ годы. Приводимъ цифры учащихся по классамъ за время, о которомъ имѣются свѣдѣнія.

По коммерческой гимназіи:

	Приходское училище.	Уѣздное училище.		Общее число.
		I-й классъ.	II-й классъ.	
Въ 1806 году: въ январѣ . . .	27	14	—	41
» апрѣлѣ . . .	47	24	—	71
» въ концѣ 1-й половины . .	48	36	—	84
» 1809 году: 6 марта	28	20	10	58
въ сентябрѣ . .	30	26	17	73
» $18^{10}/_{11}$ г.: въ дек.—январѣ	40	25	17	82
» 1811 году: въ концѣ января	47	26	17	90
въ іюнѣ	64	21	17	102
въ декабрѣ . . .	43	12	?	55
» 1812 году: въ сентябрѣ . .	65	16	11	92
» 1813 году: въ августѣ . .	16	19	6	41
» 1814 году: 1 января . . .	29	20	8	57
» 1815 » » » . . .	19	18	12	49
» 1817 году: въ январѣ . . .	41	26	15	82
въ 1-й половинѣ	34	16	15	65
» въ концѣ 1-ой половины .	?	16	15	31
во 2-ой половинѣ	31	14	14	59

Отсюда видно, что *средними цифрами* будутъ: въ приходскомъ училищѣ—38; въ уѣздномъ: для I-го класса—21, для II-го —13.

По отношенію къ общей средней цифрѣ учащихся (72) числа эти составятъ: для приходскаго училища—52,7%; для уѣзднаго училища: I-го класса 29,1, II-го—18,0.

Цифры эти и отношенія вполнѣ нормальны: чѣмъ выше классъ, тѣмъ труднѣе курсы; вслѣдствіе чего многіе изъ учащихся мало-помалу отстаютъ отъ общаго уровня класса и не двигаются впередъ. Кромѣ того, здѣсь были и другія причины: большинство родителей—торговцевъ и ремесленниковъ Одессы—довольствовалось для дѣтей своихъ простою грамотою и начальною ариѳметикою, безъ которыхъ трудно обходиться въ ихъ несложномъ быту.

Относительно *института* у насъ имѣются данныя только за 4 года (1809, 1815 –1817); тѣмъ не менѣе выводы наши будутъ довольно близки къ истинѣ, такъ какъ недостающіе годы врядъ-ли въ этомъ отношеніи представляли какія-либо особенности.

ГОДЫ:	Классы					
	I (старшій).	II	III	IV	V (младш. приготов.).	Всего.
Въ 1809: въ сентябрѣ	17	23	25	11	14	90
» 1815: въ концѣ года . . .	19	28	15	9	—	71
» 1816: тоже	30	36	23	9	—	98
» 1817: въ концѣ 1-й половины	8	21	33	31	11	104
» » » сентябрѣ	5	16	33	21	20	95
» » » концѣ года	—	17	34	22	20	93

Примѣчаніе. Старшимъ классомъ былъ сперва I-й, а потомъ —IV-ый; го избѣжаніе сбивчивости, мы вездѣ старшимъ называемъ I-й, а младшимъ—V-ый.

Такимъ образомъ *средними цифрами* будутъ: для I-го *(старшаго)* класса—18 (по отношенію къ общей цифрѣ учащихся —20,2%); для II-го—26 (29,2), для III-го—24 (26,9), для IV-го—13 (14,6) и для V-го *(младшаго)*—16 (17,9).—*Средняя годовая цифра учащихся* за эти годы=89.

Здѣсь мы встрѣчаемся съ явленіемъ, съ перваго взгляда нѣсколько непонятнымъ: младшіе классы являются малолюднѣе старшихъ.

Относительно самаго младшаго изъ нихъ эту ненормальность можно объяснить тѣмъ, что открытіе означеннаго класса (V-го, или *приготовительнаго)* было своего рода попыткою, пробнымъ камнемъ—для того, чтобы узнать расположеніе къ нему общества. Понятно, что рѣдкіе изъ родителей рѣшались отдавать въ заведеніе малютку, напр., въ возрастѣ *5-тилѣтнемъ* (что встрѣчаемъ въ институтѣ въ 1809-мъ году)! Разлучиться съ ребенкомъ въ такіе годы на нѣсколько лѣтъ (припомнимъ строгіе порядки заведенія относительно *свиданія* воспитанниковъ съ родственниками)—дѣло почти немыслимое для родителей, любящихъ своихъ дѣтей. Понятно, поэтому, что *состоятельные отцы и матери* (а такіе только и могли воспитывать дѣтей своихъ въ *дорогомъ институтѣ)* предпочитали домашнюю подготовку ребенка, не отрывая его отъ семьи въ такіе ранніе годы,—чтобы затѣмъ, уже въ болѣе старшемъ возрастѣ, опредѣлить его въ привилегированное заведеніе, дававшее оканчивающимъ въ немъ курсъ такія права, какъ институтъ.

Если наше предположеніе въ данномъ случаѣ имѣетъ значительную долю вѣроятности, то остальная группировка воспитанниковъ по классамъ будетъ вполнѣ понятна: низкая цифра учащихся въ IV-мъ классѣ является въ очевидной зависимости отъ незначительности ея въ V-мъ (младшемъ) и т. д.

Что же касается колебанія цифръ воспитанниковъ въ трехъ старшихъ классахъ, то, собственно говоря, оно представляетъ только нѣкоторую ненормальность для II и III-го классовъ,—а это могло быть и явленіемъ случайнымъ. Тѣмъ болѣе нельзя особенно останавливаться на этихъ цифрахъ, что, во первыхъ, разница между ними очень не велика (всего 2); а, во вторыхъ, повторяемъ, что у насъ данныя имѣются за очень ограниченное число лѣтъ (всего за 4 года изъ 11-ти, считая и 1805-й годъ).

Свѣдѣніями о среднихъ цифрахъ учащихся объясняются нѣкоторые факты, безъ того остававшіеся бы не совсѣмъ понятными,—напр., возможность *соединенія двухъ классовъ* на урокахъ по нѣкоторымъ предметамъ (см. урочное распредѣленіе), какъ въ уѣзд-

номъ училищѣ, такъ и въ благородномъ институтѣ. Принимая во вниманіе среднія цифры учащихся въ классахъ училища (21 и 13), вридъ-ли можно безусловно осудить эту мѣру, хотя бы въ гигіеническомъ отношеніи: 30—34 человѣка въ классѣ не составляютъ еще въ этомъ отношеніи,—да *отчасти*—и въ педагогическомъ,—особенныхъ зарудненій. При этомъ нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что соединенные классы по нѣкоторымъ предметамъ (напр., по иностраннымъ языкамъ) не были особенно многолюдны потому, что не всѣ воспитанники обучались этимъ языкамъ.

О педагогической сторонѣ этой мѣры мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ.

LXIII.

Число учащихся по *національностямъ* въ гимназіи и институтѣ. Преобладающія національности.

Мы нашли за нѣкоторые годы весьма интересный матеріалъ—цифры учащихся по *національностямъ*,—хотя этихъ данныхъ и не особенно много: по *гимназіи*—за 3, а по *институту*—всего за одинъ годъ.

		Изъ общаго числа учащихся.	Національности: Русскія	Сербы	Греки	Франц.	Итальян.	Нѣмцы	Англич.	Молдав.	Евреи
Гимназія	1806	84	63	2	12	—	2	—	—	1	4
	1810	82	67	6	6	—	—	2	—	1	—
	1817	59	54	2	1	—	—	2	—	—	—
Институтъ	1817 г.	95	72	—	13	3	1	5	1	—	—

Отсюда слѣдуетъ, что изъ общей суммы 225 учениковъ *гимназіи* (за 3 года) и изъ 95 воспитанниковъ *института* (за 1 годъ) было:

	Въ *гимназіи*:	Въ *институтѣ*:
Русскихъ . .	184 (81.1%)	72 (75,7%)
Сербовъ . . .	10 (4,4)	— —
Грековъ . . .	19 (8,4)	13 (13,6)
Французовъ . .	— —	3 (3,1)
Итальянцевъ .	2 (0,8)	1 (1,0)
Нѣмцевъ . . .	4 (1,7)	5 (5,2)
Англичанъ . .	— —	— (1,0)
Молдаванъ . .	2 (0,8)	— —
Евреевъ . . .	4 (1,7)	— —

Слѣдовательно, въ обоихъ заведеніяхъ *преобладающимъ элементомъ былъ русскій* (въ гимназіи выше, чѣмъ въ институтѣ, на 6%); затѣмъ слѣдуютъ *греки* (въ институтѣ выше на 5,4%); за ними: въ институтѣ—*нѣмцы* (5,2); въ гимназіи—*сербы* (4,4); въ институтѣ—*французы* (3,1); проценты остальныхъ національностей очень незначительны. Совершенно отсутствуютъ: въ гимназіи—*французы* и *англичане*, въ институтѣ—*сербы*, *евреи* и *молдаване*.

Утѣшительно, что оба заведенія воспитывали по-преимуществу *русскихъ* дѣтей; остальныя же національности были явленіемъ какъ бы случайнымъ *(вопреки предположеніямъ Ришелье)*: *греки* поступали въ то время, когда не было еще открыто греческаго училища, *сербы* и *молдаване*—какъ наши единовѣрцы (а первые—и какъ единоплеменники),—и всѣ они, вѣроятно, были изъ торговаго класса.

Отсутствіе *французскихъ* дѣтей въ гимназіи объясняется тѣмъ, что родители ихъ болѣе сочувствовали заведенію съ совершенно французскимъ характеромъ и съ большинствомъ соотечественниковъ въ педагогическомъ составѣ, т. е. институту. Отсутствіе *евреевъ* въ институтѣ—тѣмъ обстоятельствомъ, что въ заведеніи этомъ были только интерны, живущіе тамъ и продовольствуемые,—что для тогдашнихъ фанатичныхъ евреевъ было прямою невозможностію, какъ нарушеніе ихъ закона (боязнь трафнаго); кромѣ того, мальчики эти принадлежали къ низшимъ и бѣднымъ классамъ общества,—слѣдовательно, не подходили къ аристократическому характеру инсти-

тута. Что евреи вообще сторонились тогда отъ христіанскихъ школъ, видно и изъ того, что въ остальные годы мы вовсе не встрѣчаемъ ихъ даже въ гимназіи.

LXXIV.

Число учащихся по *вѣроисповѣданіямъ* въ институтѣ. Преобладающія вѣроисповѣданія. Данныя, на основаніи которыхъ можно сдѣлать выводъ о вѣроисповѣданіяхъ и для гимназіи.

О *вѣроисповѣданіи* учащихся въ архивахъ имѣются свѣдѣнія, какъ это ни странно, только *по институту*,—и притомъ за послѣднее время,—за 1815 и 1817-й годы.

Въ *институтѣ* было:

	Изъ общаго числа воспит.	Православныхъ.	Р.-Католиковъ.	Магометанъ.
Въ 1815-мъ году . . .	71	56	14	1
» 1817 (въ 1 полов.) .	104	90	14	—
» 1817 (во 2 полов.) .	93	81	12	—
т. е. изъ	268	227	40	1,—
что составитъ	—	84,7%	14,9	0,3

Недостатокъ данныхъ относительно *вѣроисповѣданій* по гимназіи, намъ кажется, можно, съ большою вѣроятностію, пополнить изъ вышеприведенныхъ свѣдѣній относительно *національностей* (стр. 303—304).

Принимая за *Православныхъ*—*грековъ*, *сербовъ* и *молдаванъ*, за *Р.-Католиковъ*—*итальянцевъ*, за *Лютеранъ*—*нѣмцевъ* и присоединивъ сюда *евреевъ*, несомнѣнно *Іудейскаго* закона, мы получимъ по *гимназіи* приблизительно слѣдующія цифры вѣроисповѣданій:

Изъ 225 воспитанниковъ было: Православныхъ—215 (т. е. 95,5%), Р.-Католиковъ—2 (0,8), Лютеранъ—4 (1,7), Евреевъ—4 (1,7).

Сопоставивъ данныя по обоимъ учебнымъ заведеніямъ, найдемъ, что: а) преобладающимъ вѣроисповѣданіемъ было *Православное*, (въ гимназіи выше, чѣмъ въ институтѣ на 10,8%); б) затѣмъ

слѣдуютъ: *Р.-Католическое* (въ институтѣ выше, чѣмъ въ гимназіи на 14,1%), *Лютеранское*, *Іудейское* и, наконецъ, *Магометанское* (въ институтѣ).

Всѣ эти процентныя отношенія легко объясняются: высота % *Православныхъ* понятна сама по себѣ—въ русскомъ городѣ; высота % Р.-Католиковъ въ институтѣ условливается самымъ характеромъ этого полуіезуитскаго заведенія; по тому же самому ясно и отсутствіе въ немъ *Лютеранъ*; о *евреяхъ* мы говорили выше, а одинъ *магометанинъ* (вѣроятно, крымчакъ) въ институтѣ былъ, конечно, явленіемъ совершенно случайнымъ.

LXV.

Учащіеся по *сословіямъ* въ гимназіи и институтѣ. Преобладающія сословія въ томъ и другомъ заведеніи.

Данныя по этому вопросу имѣются: по *гимназіи*—за 1806, 1809—1812, 1814, 1815 и 1817-й годы, а по *институту*—за 1809, 1811—1813 и 1815 г.

а) ***Коммерческая гимназія***:

ГОДЫ:	Общее число.	Дворяне.	Шт.-офицер.	Об.-офицер.	Духовные.	Купцы.	Мѣщане.	Разночинцы[1].	Солдаты.	Сельск. сосл.	Крѣпостные.	Иностранцы.
Въ 1806-мъ году [1]). .	84	15	17	—	1	33		—	7	2	—	5
» 1809 » . .	73	26	—	—	—	25	9	4	—	8	1	—
» 1810 » . .	82	18	10	1	1	28	13	6	3	3	—	—
» 1811 въ концѣ янв.	83	20	—	11	1	31	6	8	4	—	2	—
» » въ іюнѣ . .	102	24	2	8	1	32	22	9	2	—	2	—
» » въ декабрѣ .	55	9	—	10	—	17	7	9	1	—	2	—
» 1812 » » . .	96	26	—	15	—	25	14	9	—	1	6	—
» 1814 » » . .	57	22	—	4	—	15	9	12	—	—	1	—
» 1815 » » . .	49	15	—	9	—	10	8	7	—	—	—	—
» 1817 » » . .	59	25			—	22	2	10	—	—	—	—
Всего	740	175	29 25	57	4	205 33	84	74	17	14	14	5

[1]) Сословія 4-хъ учениковъ неизвѣстны.

[1]) Подъ *разночинцами*, по разъясненію герольдіи правит. сената, разумѣются нижніе придворные, статскіе и отставные воинскіе служители, дѣти копіистовъ, канцеляристовъ и чиновниковъ не изъ дворянъ, до коллежскаго асессора, равно дѣти священно- и церковнослужителей, уволенныхъ изъ духовнаго званія для поступленія въ службу (Сб. распоряж. Т. I, стр. 801—802).

Изъ таблицы этой видно, что въ гимназіи было дѣтей (въ порядкѣ величины процентовъ):

купцовъ и мѣщанъ.	43,7%
(въ отдѣльности же: купцовъ—28,9 и мѣщанъ—11,8%)	
дворянъ, штабъ и оберъ-офиц. дѣтей .	38,8
разночинцевъ	10,0
солдатскихъ дѣтей	2,3
сельскаго сословія	1,9
крѣпостныхъ крестьянъ	1,9
иностранцевъ	0,6
духовнаго сословія	0,5

б) *Въ институтѣ*:

ГОДЫ:	Общее число.	Княз. и граф.	Дворянъ.	Шт. офиц.	Об.-офиц.	Духовныхъ.	Купцовъ.	Мѣщанъ.	Разночинц.	Солдатъ.	Сельск. сосл.	Крестьянъ.	Иностранц.
1809	90	2	63	—	9	1	12	—	2	—	—	—	1
1811 въ январѣ . . .	109	2	77	—	10	1	13	—	5	—	—	—	1
» іюнѣ . . .	110	2	78	10	—	1	9	—	7	—	—	—	3
» декабрѣ . . .	111	3	87	—	—	1	—	—	8	—	—	—	12
1812	106	3	84	—	—	1	—	—	6	—	—	—	12
1813 въ январѣ . . .	97	2	79	—	—	—	—	—	8	—	—	—	8
» маѣ	76	2	60	—	—	—	—	—	8	—	—	—	6
1815	71	—	—	56	—	—	12	—	3	—	—	—	—
Всего	770	16	528 (56)	10	19	5	46	—	47	—	—	—	43

Слѣдовательно, изъ общей цифры 770 воспитанниковъ института было дѣтей:

дворянъ, штабъ и оберъ-офиц. . . .	81,6%
(въ томъ числѣ—княз. и граф.—2%[1])	
разночинцевъ	6,1
купцовъ	5,9
иностранцевъ.	5,5

[1]) Князья и графы всегда старательно отмѣчаются въ вѣдомостяхъ института.

Изъ сопоставленія таблицъ по гимназіи и институту найдемъ, что:

преобладающими сословіями были въ обоихъ заведеніяхъ:

дворянское и чиновн.: въ институтѣ 81,6%, въ гимназіи 38,8;
городское (купц. и мѣщ.): въ гимназіи 43,7; въ институтѣ 5,9;
(въ послѣднемъ *только купеч.*).

разночинцы: въ гимназіи . . . . 10,0; въ институтѣ 6,1
иностранцы: въ институтѣ . . 5,9; въ гимназіи 0,6;

затѣмъ *незначительные* %—исключительно въ гимназіи:

сельское и крѣпостныхъ—по 1,9%.
духовное . . . . . 0,5.

Выводы эти почти не требуютъ поясненій: въ аристократическомъ заведеніи, очевидно, должны были преобладать дворяне и чиновничій элементъ; въ гимназіи, открытой для всѣхъ сословій (не исключая сельскаго и солдатскихъ дѣтей),—городской; иностранцы, конечно, тяготѣли тоже къ полу-иностранному институту; духовное сословіе, имѣя свои спеціальныя заведенія, рѣдко отдавало дѣтей въ свѣтскія училища.

LXVI.

Учащіеся по *возрасту* въ гимназіи и институтѣ. Средній возрастъ, maximum и minimum возраста въ обоихъ заведеніяхъ. Повышеніе возрастности классовъ. Минимальность возраста въ институтѣ въ 1809 году.

Весьма любопытный и цѣнный матеріалъ встрѣтили мы въ выпискахъ изъ архивовъ относительно ***возраста учащихся***. Кстати сказать, свѣдѣній этихъ даже и въ настоящее время не имѣется о нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ особенности—о среднихъ и высшихъ, а между тѣмъ безъ этихъ данныхъ трудно рѣшаются очень важные педагогическіе вопросы,—напр., о соотвѣтствіи курсовъ учебныхъ заведеній возрасту учащихся, о возможности оставленія воспитанниковъ по нѣскольку лѣтъ въ одномъ и томъ же классѣ и проч.

Данныя эти имѣются у насъ: по *гимназіи*—за 1806, 1809, 1810 и 1817-й годы, по *институту*-же только за 1809-ый и 1817-й годы.

Приведемъ сперва цифры *средняго возраста* учениковъ гимназіи и института, а также maximum и minimum его:

	Средн. возр.	Maxim. возр.	Minim. возр.
а) по *гимназіи*:			
за 1806-й годъ	10 л. 6 м.	15 л. 4 м.	6 л. 8 м.
» 1809-й »	11 л. 1 м.	16 л. 4 м.	6 л. 8 м.
» 1810-й »	11 л. 8 м.	15 л. 8 м.	7 л. 8 м.
» 1817-й »	11 л. 5 м.	14 л. 8 м.	8 л. »
б) по *институту*:			
за 1809-й годъ	12 л. 4 м.	18 л. 5 м.	7 л. 6 м.
» 1817-й »	13 л. »	14 л. 9 м.	11 л. 7 м.

Послѣ *общихъ цифръ* приводимъ и *частныя*—*по классамъ* или *отдѣленіямъ*:

а) по *коммерческой гимназіи*:

	Приходское училище.	Уѣздное училище I-й классъ.	Уѣздное училище II-й классъ.
Въ 1806 г. Средн. возр.	9 л. 6 м.	9 л. 1 м.	13 л. 1 м.
Maximum возр.	13 л. »	13 л. »	20 л. »
Minimum возр.	6 л. »	6 л. »	8 л. »
Въ 1809 г. Средн. возр.	8 л. 6 м.	10 л. 6 м.	14 л. »
Maximum »	14 л. 6 м.(1)	14 л. »	21 л » (1)
Minimum »	5 л. » (2)	7 л. » (1)	8 л. » (1)
Въ 1810 г. Средн. возр.	9 л. 2 м.	10 л. 9 м.	13 л. 3 м.
Maximum »	16 л. » (2)	14 л. » (1)	17 л. » (1)
Minimum »	5 л. » (2)	7 л. » (1)	11 л. » (2)
Въ 1817 г. Средн. возр.	9 л. 4 м.	11 л. 1 м.	13 л. 10 м.
Maximum »	12 л. » (5)	15 л. » (1)	17 л. » (1)
Minimum »	5 л. » (1)	8 л. » (1)	11 л. » (1)
Вообще:			
Средній возр.	9 л. 1½ м.	10 л. 4 м.	13 л. 6½ м
Maximum »	13 л. 9 м.	14 л. »	18 л. 10 м.
Minimum »	5 л. 3 м.	7 л. »	9 л. 6 м.

Примѣчаніе: *Цифры въ скобкахъ* показываютъ число учащихся этого возраста въ классѣ.

б) по *благородному институту*:

Годъ.	Возрастъ.	Классы или отдѣленія V	IV	III	II	I
1809	Средній	8 л.	10 л. 6 м.	12 л.	13 л.	14 л.
	Maximum	11 » (1)	13 » (1)	15 » (1)	18 » (2)	17 » (1)
	Minimum	5 » (1)	8 » (1)	9 » (3)	9 » (1)	9 » (1)
		Приготов.	I	II	III	IV
1817	Средній	9 л.	11 л.	13 л.	15 л.	17 л.
	Maximum	11 » (1)	12 » (4)	16 » (2)	17 » (3)	18 » (1)
	Minimum	8 » (5)	9 » (1)	11 » (3)	14 » (6)	16 » (1)
Вообще:	Средній	8 л. 6 м.	10 л. 9 м.	12 л. 6 м.	14 л.	15 л. 6 м.
	Maximum	11 »	12 л. 6 м.	15 » 6 »	17 » 6 м.	17 » 6 »
	Minimum	6 » 6 м.	8 л. 6 м.	10 »	11 » 6 м.	12 » 6 »

Необходимо замѣтить, что *отдѣленія* въ институтѣ замѣнились потомъ *классами*, съ прибавленіемъ *приготовительнаго*, поэтому и въ таблицахъ нашихъ по этому заведенію сдѣлано то же измѣненіе, причемъ *V-ое* (младшее) отдѣленіе пріурочено къ *приготовительному классу*.

Для сравненія возрастности по *гимназіи* и *институту* мы беремъ только *3 младшіе класса* (или отдѣленія) послѣдняго,—хотя они по курсу нѣсколько выше гимназическихъ приготовительныхъ отдѣленій, т. е. классовъ приходскаго и уѣзднаго училищъ.

Прежде всего укажемъ на явленіе, общее для гимназіи и института: *средній возрастъ* учащихся въ каждомъ классѣ обоихъ заведеній, за немногими исключеніями, *годъ отъ году повышается*; то же замѣчается и съ *minimum*'омъ возраста; въ *maximum*'ѣ же въ томъ и другомъ заведеніи являются колебанія. Они, очевидно, зависятъ отъ немногихъ личностей, отставшихъ въ ученіи вслѣдствіе или поздняго развитія, или поздняго начала обученія (такимъ только образомъ и можно объяснить присутствіе во II-мъ классѣ уѣзднаго училища *20—21-лѣтнихъ* юношей), или же тупости, лѣни и пр. При этомъ необходимо обратить вниманіе на общій недостатокъ въ данное время въ училищахъ и домашнихъ учителяхъ, а также на семью, въ средѣ которой очень мало развито было стремленіе къ образованію, въ особенности въ такомъ бойкомъ торговомъ городѣ, какъ Одесса (на это явленіе мы уже встрѣчали выше много оффиціальныхъ указаній).

Средній возрастъ по институту вообще выше, чѣмъ по гимназіи, такъ какъ въ послѣдней мы имѣемъ дѣло только съ тремя *(низшими)* классами, а въ первомъ съ пятью и шестью классами, т. е. и со *старшими* отдѣленіями. Курсы высшихъ классовъ, какъ болѣе серьезные, требуютъ и бо́льшаго развитія учащихся, условливаемаго отчасти и бо́льшимъ возрастомъ воспитанниковъ.

Возрастность въ каждомъ классѣ гимназіи годъ отъ году возвышается; исключеній въ этомъ случаѣ очень немного (въ 1806 году—приходское и въ 1809-мъ—II-й классъ уѣзднаго училища); въ институтѣ же увеличеніе возрастности нигдѣ не нарушается.

Замѣчательна также вообще *минимальность возраста* воспитанниковъ института въ 1809-мъ году: начиная съ чисто-младенческаго—*пятилѣтняго*, она ни въ одномъ классѣ не превышаетъ *8—9 лѣтъ*, не смотря на серьезность курсовъ.

Думаемъ, что такое странное явленіе можно объяснить *только стараніями начальства наполнить классы учащимися* съ чисто-финансовою цѣлію, во вредъ учебному дѣлу. Мыслимо-ли въ самомъ дѣлѣ въ 9-лѣтнемъ возрастѣ слушать съ успѣхомъ предметы *старшихъ классовъ* (III—I.)?

Въ 1817-мъ г. возрастность minimum'а уже значительно повышается—отъ 8-ми до 16-ти лѣтъ, что́ прямо указываетъ на возможность болѣе серьезнаго усвоенія учебнаго матеріала воспитанниками.

LXVII.

Успѣхи учащихся. Отсутствіе данныхъ объ успѣшности. Значеніе въ этомъ отношеніи вѣдомостей о пройденномъ. Выводъ изъ нихъ для того и другого заведенія.

Относительно *успѣховъ учащихся* у насъ нѣтъ письменныхъ документовъ, въ родѣ экзаменныхъ списковъ и проч., которыми бы констатировалась успѣшность или неуспѣшность учащихся извѣстными отмѣтками. Думаемъ, что въ этомъ случаѣ для дѣла мало потери. Отмѣтка—дѣло относительное. Это замѣтнѣе всего при испытаніяхъ, когда экзаменныя коммиссіи состоятъ изъ нѣсколь-

кихъ лицъ. Одинъ и тотъ же ответъ экзаменующихся въ очень рѣдкихъ случаяхъ оцѣнивается *одинаково* всѣми присутствующими на испытаніи: одинъ принимаетъ мѣриломъ ответа его логичность, связность и пр.; другой — твердость знанія фактовъ и проч.; у третьяго—еще другія соображенія. Вотъ почему основываться исключительно на баллахъ въ вѣдомостяхъ,—дѣло далеко не важное.

Мы, впрочемъ, отыскали нѣкоторыя другія фактическія данныя,—опять таки только *относительно-точныя*, которыми можно отчасти воспользоваться для опредѣленія успѣшности прохожденія курсовъ учащимися. Это — *вѣдомости о пройденномъ* въ извѣстный періодъ времени.

Здѣсь передъ нами не *отдѣльные воспитанники*, а *большинство даннаго класса*, которымъ усвояется учебный матеріалъ въ опредѣленный періодъ времени. Въ этомъ случаѣ, слѣдовательно, мы уже имѣемъ дѣло съ цѣлымъ составомъ класса, который можетъ двигаться впередъ только при условіи достаточнаго усвоенія имъ извѣстнаго круга знаній, — безъ чего, конечно, нѣтъ возможности приступить къ изученію дальнѣйшаго курса.

Поэтому-то отчеты о *пройденномъ* въ извѣстное время даютъ болѣе вѣрное понятіе объ успѣшности или неуспѣшности класса, чѣмъ списки экзаменовавшихся воспитанниковъ, въ которые заносятся отмѣтки отдѣльныхъ учениковъ, но изъ которыхъ не вполнѣ видна общая успѣшность класса.

Такія свѣдѣнія у насъ имѣются по *гимназіи* — за вторую половину 1809-го, 1810-й и мѣсяцъ 1812 г., а по *институту*—за сентябрь 1809-го и за 1815-й годъ съ апрѣля мѣсяца.

Начнемъ съ низшаго отдѣленія (т. е. *приходскаго училища*) при *гимназіи*.

Пройдено (учителемъ Кирилломъ *Кучеровскимъ*): Въ *сентябрѣ*: чтеніе и письмо буквъ; изъ *ариѳметики* — познаніе чиселъ.

Въ октябрѣ: за неимѣніемъ учебныхъ книгъ, одни ученики выучивали изъ *букваря* на доскѣ до § 3 и продолжали письмо; другіе—продолжаютъ *буквы* и пишутъ оныя; имъ также показывались *цифры*.

Въ *ноябрѣ*: одни продолжаютъ *буквы и слоги* и пишутъ оные; другіе же, за неимѣніемъ учебныхъ книгъ, выучили на доскѣ съ прописки (sic): въ *букварѣ*—до § 4, въ *правилахъ для учащихся*—части I-й до пра-

вила 2-го «въ церквѣ»; въ *свящ. исторіи* періода 1-го до § 4, а также продолжали изъ прописей письмо.

Въ *декабрѣ*: одни продолжаютъ слоги и пишутъ оные; другіе въ росс. *букварѣ* выучили до § 5; въ *правилахъ для учащихся*—части 1-ой до правила 4-го; въ *свящ. исторіи* ветх. завѣта періода 1-го до § 8, и продолжаютъ изъ прописей письмо.

Отчеты за *1810-й и 1812-й* годъ мало прибавляютъ новаго къ приводимому нами, и потому мы ихъ опускаемъ.

Изъ свѣдѣній за вторую половину 1809 года видно, что за періодъ времени, самый благодарный для учителей и учениковъ *по числу учебныхъ дней* и отсутствію продолжительныхъ, какъ въ первомъ полугодіи, перерывовъ (на сырной недѣлѣ, въ великопостную седьмицу для говѣнія, въ страстную и пасхальную и пр.), пройдено:

а) *Чтеніе и письмо буквъ*,—что продолжается во всѣ 4 мѣсяца; слоги и письмо ихъ (ноябрь и декабрь);

б) познаніе *чиселъ и цифры* (сент. и окт.);

в) *св. исторія ветх. завѣта* до § 8 (ноябрь и дек.) [1]);

г) *правила для учащихся* (части I-й до правила 4-го);

д) *письмо «изъ прописей»* (ноябрь и дек.).

Понятно, что не всѣ ученики приходскаго училища ежегодно могли переходить въ I-й классъ уѣзднаго, такъ какъ многіе изъ нихъ поступали въ школу въ различные мѣсяцы,—слѣдовательно и не могли идти вровень съ учениками, бывшими въ классѣ съ самаго начала учебнаго года; что многіе изъ учащихся отставали вслѣдствіе нехожденія, лѣни, тупости и пр.; но тѣмъ не менѣе хотя *нѣсколько учениковъ* должны же были бы подготовиться къ поступленію въ I-й классъ.

Между тѣмъ пройденное за это полугодіе не даетъ возможности заключить, чтобы хотя нѣкоторые изъ воспитанниковъ были подготовлены ко времени испытанія къ I-му классу уѣзднаго училища.

Мало того: если мы обратимся къ пройденному за полугодіе 1810 года, то увидимъ, что въ этотъ періодъ времени сдѣлано было еще меньше:

«Одни читаютъ и пишутъ слоги, другіе прошли по *букварю* до § 7, въ *правилахъ для учащихся* до 2-й части и пишутъ изъ прописей русскихъ».

---

[1]) Интересно, что въ пройденномъ за 1810 годъ *св. исторіи* вовсе не упоминается, то же и въ августѣ 1812 г. (о другихъ мѣсяцахъ этого года свѣдѣній не имѣется).

Здѣсь уже нѣтъ ни *священной исторіи*, ни *познанія чиселъ*,— слѣдовательно, пройдено еще меньше прежняго.

Ни въ томъ, ни въ другомъ указаніи мы не находимъ ни сокращеннаго катихизиса, ни первыхъ дѣйствій ариѳметики, ни ученія объ обязанностяхъ, ни «наставленія о сложеніи человѣческаго тѣла» и пр.

Изъ этого необходимо заключить, что обученіе въ приходскомъ училищѣ велось довольно плохо, что программы не выполнялись и ученики, слѣдовательно, не могли быть готовы къ переходу въ уѣздное училище съ тѣми свѣдѣніями, которыя отъ нихъ требовались уставомъ.

Обратимся теперь къ *классамъ уѣзднаго училища.*

Здѣсь встрѣчаемся съ подобными же явленіями.

Въ полугодіе 1810-года было пройдено:

Въ I-мъ классѣ уѣзднаго училища:

«Изъ *русской грамматики* — до мѣстоименій и занимались нѣкоторыми упражненіями по правиламъ оной; чтеніемъ книгъ, письмомъ по диктовкѣ, чистописаніемъ и правописаніемъ.

Изъ *ариѳметики* — 1-я часть до дѣленія простыхъ чиселъ.

Въ *нѣмецкомъ языкѣ* — занимались чтеніемъ, письмомъ и диктовкою.

Въ *французскомъ языкѣ* — продолжаютъ склады».

Во *II-мъ классѣ*:

«*Русскую грамматику* повторяютъ и дополненія къ оной, занимаются упражненіями по правиламъ оной, также выбранными правилами изъ риторики и сочиненіемъ писемъ; диктуются выбранныя стихотворенія для большаго познанія и значенія словъ въ россійскомъ языкѣ и нѣкоторыя правила съ изъясненіемъ, касающіяся нравственности.

Изъ *ариѳметики*: одни прошли до фальшиваго правила, другіе—до простого дѣленія.

Изъ *географіи* занимались описаніемъ Новгородской, Олонецкой и Архангельской губерній и повторили изъ всеобщей географіи европейскую часть.

Прошли *римскую исторію* до 5 періода и повторили *греческой исторіи* 3-й періодъ.

Въ *нѣмецкомъ языкѣ*—учили разговоры, писали по диктовкѣ и получили первыя свѣдѣнія изъ грамматики.

Въ *французскомъ языкѣ*—одни продолжаютъ грамматику, другіе—разговоры, а послѣдніе—читаютъ и пишутъ.

Въ *еллино-греческомъ языкѣ*— одни прошли изъ грамматики до правила гласныхъ буквъ, другіе—до правильныхъ временъ, третьи—до союза, а послѣдніе—читаютъ и пишутъ.

Въ *итальянскомъ языкѣ*—одни упражняются въ повтореніи грамматики, въ чтеніи и письмѣ, а прочіе въ диктованіи грамматики до глаголовъ и въ чтеніи и письмѣ».

По сравненію съ уставомъ и съ распредѣленіемъ проф. Рижскаго (стр. 34—36 и 71) мы вовсе не находимъ въ классахъ уѣзднаго училища: *катихизиса и св. исторіи*, *русской исторіи* и книги *о должностяхъ человѣка*, *геометріи и технологическихъ замѣчаній*, *рисованія*. Кромѣ того, бросаются въ глаза слѣдующіе факты: во II-мъ классѣ изученіе русской географіи заключается въ описаніи только *трехъ сѣверныхъ губерній* (когда же успѣвали ученики пройти остальное?), всеобщая исторія — ограничивается греческою и римскою.

Словомъ, и въ уѣздномъ училищѣ та же неполнота курсовъ, то же невыполненіе программъ.

Обращаясь къ вопросу: кто-же виноватъ во всемъ этомъ? мы должны отвѣтить, что не одни только учителя и ученики, но и самый уставъ 1804 г...

Курсы уѣзднаго училища, очень обширные и при назначенномъ уставомъ количествѣ уроковъ, здѣсь *уменьшаются до минимальнаго числа часовъ*, вслѣдствіе прибавленія *4 иностранныхъ языковъ*, на которые уходитъ почти $^2/_3$ *учебныхъ часовъ* (37,2%).

Слѣдовательно, въ классахъ уѣзднаго училища нельзя было ожидать особенной успѣшности—даже и при болѣе добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу и учащихъ и учащихся.

Переходимъ теперь къ *пансіону Вольсея* (за сентябрь 1809-го года) и къ *благородному институту* (съ апрѣля по экзамены 1815 года):

а) пансіонъ Вольсея:

V-е отдѣленіе: «обучались началамъ чтенію и письму на *россійскомъ*, *французскомъ*, *греческомъ*, *нѣмецкомъ* и *итальянскомъ* языкахъ и первымъ началамъ *ариѳметики*».

IV-е: пройдены: *св. исторія* и *катихизисъ*, *ариѳметика* до тройнаго правила; чтеніе, письмо и диктовка на *россійскомъ*, *франц.*, *итал.*, *греч.* и *нѣмецкомъ языкахъ*.

III-е: прошли изъ *всеобщей исторіи* до § 23; «прочитано» *всеобщее землеописаніе*; изъ *ариѳметики* — до правила товарищества; занимались чтеніемъ и диктовкою на *россійскомъ* и *латинскомъ* языкахъ «съ показаніемъ грамматическихъ правилъ».

II-е: изъ *россійской грамматики* прошли до мѣстоименій; «занимались *чистописаніемъ росс., нѣм. и франц. языковъ*, и особливо на французскомъ прошли изъ *миѳологіи* до войны Троянской; изъ *всемірной исторіи* пройдено до § 73; *исторія Россіи* пройдена вся; изъ *географіи* на французскомъ языкѣ до Венгріи; *ариѳметика* Кошена».

I-е отд.: «на *росс., франц., нѣмецк., латинск., греческ. и итальянск. языкахъ*: чтеніе, диктовка, изъясненіе правилъ *грамматики* и переводы; изъ *исторіи* Шрекковой на франц. языкѣ дошли до 4-го періода; *математическая и всеобщая географія* на французскомъ языкѣ Паккертона пройдена вся; *миѳологія* на франц. яз. нѣсколько разъ прочитана; изъ *естественной исторіи* на франц. языкѣ прошли до царства животныхъ; *священная исторія и катихизисъ* пройдены; изъ математики проходятъ *геометрію*».

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній относительно того, что въ *I-мъ (старшемъ) отдѣленіи* нѣкоторые предметы являются незаконченными, напомнимъ, что курсы каждаго отдѣленія были *двухлѣтніе*.

Въ пансіонѣ, слѣд., мы встрѣчаемся уже съ другими явленіями уровни успѣшности каждаго отдѣленія, очевидно, стояли довольно высоко, если можно было пройти въ одинъ мѣсяцъ столько учебнаго матеріала. Знаніе учащимися французскаго языка было, какъ видно, на столько основательно, что многіе предметы могли проходиться на этомъ языкѣ, не въ ущербъ пониманію учащихся.

Теперь приведемъ пройденное *б*) въ *благородномъ институтѣ* съ апрѣля по іюнь—іюль 1815 года:

а) по *закону Божію*:

α) Правосл. исповѣданія: I-й классъ: катихизисъ до 7-й заповѣди; св. исторію до РождестваХристова; II-й классъ: 10 заповѣдей; β) Римско-католич.: до причастія.

б) По *русскому языку*:

I-й и II-й кл.: этимологія и правописаніе; III-й кл.: риторика.

в) По *латинскому яз.*:

I-й классъ: этимологія; II-й кл.: этимологія и переводъ изъ Appendix de Diis.

г) По *французскому яз.*:

I-й кл.: этимологія; II-й кл. — синтаксисъ, III-й и IV-й кл.—французская словесность.

д) По *греческому яз.*:

III-й классъ: этимологія и переводы.

ж) и з) *итальянскій и нѣмецкій яз.* въ IV кл.—пройденное не обозначено.

и) По *математикѣ*:

I-й кл.: до десятичныхъ дробей; II-й—2-я часть ариѳметики; III-й—вся ариѳметика, геометрія и изъ алгебры—простыя уравненія; IV-й—ариѳметика, алгебра до кубическихъ уравненій, геометрія и плоская тригонометрія, коническія сѣченія и свойства кривыхъ линій, дифференціальное и интегральное исчисленія и приложеніе ихъ къ кривымъ линіямъ, механика и приложеніе динамики къ физической астрономіи, практическая геометрія и чертежи.

і) По *географіи*:

I-й кл.: по книгѣ Отрокъ-географъ до Пруссіи; II-й—географія Россіи по Зябловскому.

к) По *исторіи*:

III-й кл.: отъ Константина Великаго до паденія Зап. Римской имперіи; IV—отъ взятія Константинополя до Вестфальскаго мира.

л) По *артиллеріи*:

IV-й кл.: 1-я часть.

м) *Рисованіе* въ I—III классѣ.

н) *Чистописаніе*—въ I классѣ.

о) *Фехтованіе*—въ IV классѣ.

п) *Музыка и танцы*.

Отсюда видно, что въ институтѣ въ теченіе короткаго періода пройдено достаточно учебнаго матеріала, что̀ свидѣтельствуетъ о подготовленности воспитанниковъ къ слушанію послѣдующихъ курсовъ. Слѣдовательно, здѣсь дѣло велось успѣшнѣе, чѣмъ въ гимназіи.

LXVIII.

Поведеніе учащихся и проступки ихъ. Воспитанникъ Зорабъ и учитель Жуковъ. Отсутствіе данныхъ относительно *санитарныхъ* условій гимназіи и института. Причины такого явленія.

Относительно общаго *поведенія* воспитанниковъ мы уже встрѣчали данныя въ письмѣ *Ферри*, а отчасти и въ засвидѣтельствованіи самого начальства.

Изъ *проступковъ* учениковъ гимназіи указываются большею частію только безпричинные пропуски уроковъ и опаздыванія.

О другихъ крупныхъ шалостяхъ свѣдѣній не сохранилось, и вообще данныя о поведеніи воспитанниковъ не вносились въ отчеты по заведенію.

То-же, конечно, относится и къ *благородному институту*.

Въ протоколахъ засѣданій попечительной коммисіи института сохранился только докладъ о проступкѣ воспитанника Зораба:

«По случаю жалобы учителя *Жукова* на воспитаника Зораба въ оказаніи ему грубости, я (говоритъ дир. Флуки) наказалъ сего, который также съ своей стороны принесъ жалобу мнѣ на Жукова въ томъ, что онъ въ азартѣ называлъ его бездѣльникомъ Какъ прежде сего неоднократно жаловались дѣти на него, Жукова, и жалобы ихъ оказывались по собственному его сознанію справедливыми, то и въ семъ разѣ я призывалъ его объясниться. Онъ съ запальчивостью мнѣ сказалъ, что точно называлъ Зораба бездѣльникомъ и что это не есть преступленіе, потому что онъ есть таковъ. Притомъ онъ сказалъ, сверхъ того, и то, что другіе учителя больше его и худшими словами бранятъ дѣтей и что онъ можетъ доказать это въ конференціи учителей, которыхъ для сего я и созывалъ; но Жуковъ хладнокровно сказалъ, что хотя точно другіе учители бранятъ дѣтей больше его, но онъ не хочетъ быть доносчикомъ. Между тѣмъ, запамятовавъ почтеніе, которымъ онъ обязанъ ко мнѣ, сдѣлалъ мнѣ грубости, послѣ которыхъ я не могу имѣть его своимъ сотрудникомъ, о чемъ коммиссіи доложить честь имѣю».

Картина, конечно, далеко не утѣшительная: брань преподавателя, вызвавшая грубость воспитанника; дерзости учителя директору, хотѣвшему удостовѣриться въ справедливости причины проступка, на которую указано было ученикомъ,— все это мало говоритъ о самообладаніи Жукова и его воспитанности.

Исторія эта, въ высшей степени щекотливая во многихъ отношеніяхъ, окончилась, впрочемъ, довольно благополучно.

Резолюція комиссіи по поводу означеннаго непріятнаго случая гласитъ:

«Принимая во уваженіе учиненное Жуковымъ признаніе въ винѣ его предъ директоромъ, коему угодно было простить его, оставить сіе дѣло» (безъ послѣдствій?).

Относительно *санитарнаго состоянія* гимназіи свѣдѣній не имѣется — и понятно, почему: въ то время школа мало обращала на нихъ вниманія вслѣдствіе незнакомства съ гигіеной и ея значеніемъ въ дѣлѣ дѣтскаго воспитанія.

Объ институтѣ имѣются только указанія въ отзывѣ абб. Николя о дѣятельности Флуки (стр. 135).

Но на основаніи этого указанія врядъ-ли можно сдѣлать общее заключеніе о санитарномъ состояніи заведенія, — тѣмъ болѣе, что оно относится къ тому періоду жизни института, когда онъ находился въ самомъ затруднительномъ матеріальномъ положеніи, вслѣдъ за отъѣздомъ Ришелье во Францію. Въ это время институтъ вошелъ въ долги вслѣдствіе неблагопріятно сложившихся различныхъ обстоятельствъ: отъѣздъ Ришелье лишилъ заведеніе покровителя, который изыскивалъ для института всевозможныя средства изъ различныхъ источниковъ (городскихъ доходовъ, Штиглицовскаго пожертвованія и пр.); члены коммиссіи, кромѣ Пеццера, «сняли съ себя всякія обязанности по заведенію»; родственники воспитанниковъ не вносили за нихъ платы или же вносили ее очень неисправно и проч.

Вслѣдствіе всего этого институтъ долженъ былъ соблюдать самую строгую экономію по всѣмъ статьямъ расходовъ: возможно, что она коснулась и стола воспитанниковъ.

Въ самомъ же «Начертаніи правилъ и пр.» мы встрѣчаемъ множество указаній на заботу о физическомъ воспитаніи дѣтей (гимнастика, плаваніе, соблюденіе чистоты и пр.), которыя, конечно, строго наблюдались въ заведеніи, чуть не ежедневно посѣщаемомъ покровителемъ и основателемъ его — дѣятельнымъ и гуманнымъ, любящимъ всею душою дѣтей, дюкомъ де-Ришелье.

ПРИЛОЖЕНІЯ

I.

Объявленіе о планѣ воспитанія въ іезуитскомъ пансіонѣ въ С.-Петербургѣ (извѣстнаго Грубера).

(Къ главамъ IV, VI, VIII, XXI, XXII).

Мы уже знаемъ, что Ришелье желалъ въ Одессѣ *пансіона на подобіе іезуитскаго въ Петербургѣ*, о подробностяхъ устройства котораго находилъ необходимымъ условиться съ отц. *Груберомъ* (стр. 31 — 32).

Священникомъ М. Морошкинымъ найденъ планъ пансіона въ архивѣ канцеляріи Петербургскаго митрополита. Это—очень интересный документъ какъ самъ по себѣ, такъ и по отношенію къ Вольсеевскимъ пансіонамъ, Благородному институту въ Одессѣ и даже Ришельевскому лицею. Основныя идеи въ уставахъ и планахъ этихъ заведеній однѣ и тѣ-же.

Не входя во всѣ подробности сравненія ихъ со своимъ прототипомъ, остановимся хотя на нѣкоторыхъ.

Вѣра и нравственность ставятся «*незыблемымъ основаніемъ для заведенія*. Евангеліе—первая книга, познаніе которой необходимо людямъ. *Наставники* училища «безпрерывно» *раскрываютъ и изъясняютъ воспитанникамъ всѣ должности человѣка-христіанина* (конечно, въ *извѣстномъ направленіи*, соотвѣтствующемъ цѣлямъ ордена). Воспитанники безпрерывно находятся *предъ глазами бдительныхъ наставниковъ*: даже *ночью* «пріемлются строжайшія предосторожности противу всякаго безчинія» (п I).—Въ заведеніи обучаютъ *всему*, что нужно молодому человѣку для *прохожденія съ честью различныхъ должностей*. Предметы преподаванія тѣ же, какъ и въ институтѣ (кромѣ военныхъ наукъ). Курсъ продолжается 8—9 лѣтъ (п. II).—Въ *первый годъ* изучается *французскій языкъ и латинскій* (III).—Изученіе *русскаго языка отодвигается на 3-й годъ* (V).—На

4-й годъ желающіе обучаются нѣмецкому и англійскому языкамъ (VI).—Въ 6-й годъ изучаются, между прочимъ, *права естественное, гражданское и политическое* (VIII).—Допущенный въ пансіонъ долженъ *поработить себя начертанному плану* (IX).—Годъ ученія оканчивается «*открытыми*» *испытаніями* (X).—Дѣтямъ *не позволяется проводить каникулы у родителей*, потому что *отлучки* дѣтей изъ училища во время воспитанія *обращаются во вредъ ихъ ученію* (XI).—Дѣти могутъ *два раза въ мѣсяцъ обѣдать* у родителей, но ни подъ какимъ предлогомъ *не ночевать внѣ пансіона* (XII).—Цѣна за пансіонъ *1000 р.* въ годъ, кромѣ издержекъ на аптеку, мытье бѣлья, книги и другихъ мелочныхъ расходовъ воспитанниковъ (XIV), и пр.

Представляемъ самое «*Обязаніе*» для сравненія и въ остальномъ съ «Подробнымъ описаніемъ пансіона»... (стр. 44 и слѣд.) и «Начертаніемъ правилъ воспитанія и пр.» (стр. 110 и слѣд.).

I. «*Вѣра и нравственность* суть *незыблемое основаніе* для всякаго правленія и человѣческаго общества, почему они и составляютъ главную цѣль христіанскаго воспитанія. *Евангеліе* есть первая книга, коей познаніе необходимо людямъ. Въ семъ то и состоитъ *особенный предметъ попеченія наставниковъ* сего *училища*. Они преподаютъ частыя и безпрерывныя наставленія для раскрытія и изъясненія всѣхъ должностей человѣка-христіанина, живущаго въ обществѣ, и внушаютъ дѣтямъ исполненіе ихъ на самомъ дѣлѣ, бдительно наблюдая за всѣмъ тѣмъ, что они исполняютъ въ разсужденіи обязанностей къ Богу и человѣкамъ. *Воспитанники безотлучно находятся предъ глазами* одного или многихъ *бдительныхъ наставниковъ*; *въ самую даже ночь пріемлются* строжайшія *предосторожности противу всякаго безчинія*».

II. «Здѣсь *обучаютъ всему, что нужно* молодому человѣку знать *для прохожденія съ честію различныхъ должностей*, къ какимъ онъ можетъ быть призванъ *въ обществѣ*; здѣсь обучаютъ *языку латинскому*, только необходимому для того, кто хочетъ снискать твердыя познанія и образовать себя по тѣмъ же образцамъ, по коимъ образовались всѣ ученые и знаменитые писатели во Франціи, Италіи, Англіи и во всѣхъ странахъ Европы. Здѣсь также обучаютъ основательно языкамъ: *французскому и русскому*, а желающихъ *нѣмецкому* и *англійскому*, *исторіи священной* и *гражданской*, древней и новой, *баснословію*, *землеописанію*, *лѣтосчисленію*, *словесности*, *риторикѣ*, *логикѣ*, *метафизикѣ*, различнымъ *отраслямъ математики*, начальнымъ основаніямъ *права естественнаго*, *гражданскаго и политическаго*. Это пространное поле, которое требуетъ и порядка, и времени. Безъ порядка не можно ничему научиться, какъ должно, а съ скороспѣшностію только поверхностно предмета касаются. Увѣрять родственниковъ, что дѣти ихъ въ 2 или 3 года могутъ познать всѣ сіи науки, значило бы об-

манывать ихъ довѣріе. На сіе посвящается 6 лѣтъ въ слѣдующемъ порядкѣ:

III. «*Первый годъ* обучаютъ дѣтей читать, *произносить и писать по французски*, всеобщему землеописанію, четыремъ простымъ правиламъ счисленія, *грамматикѣ французской и латинской* до словосочиненія. Присовокупляются учители *рисованья* и *танцованья*».

IV. «*Второй годъ* продолжаютъ обученіе начаткамъ *французскаго и латинскаго языковъ*, переводить съ одного языка на другой какого нибудь легкаго писателя, чтобы пріобычить (сіе) дѣтей дѣлать принаровку правилъ, имъ показанныхъ; обучаютъ частной *географіи* главнѣйшихъ царствъ, особливо *россійской*, священной исторіи, началамъ Богословія, сложнымъ правиламъ численія, дробямъ, тройному правилу. Учители *увеселеній* тѣ же, какъ и въ предыдущемъ году».

V. «*Третій годъ. Къ языкамъ* предыдущихъ лѣтъ *присоединяется* основательное *обученіе россійскому*; занимаютъ дѣтей переводами лучшихъ писателей, дабы образовать ихъ въ одно время и во вкусѣ и въ слогѣ. Сверхъ сего, обучаютъ ихъ въ сей третій годъ исторіи древней и римской, лѣтосчисленію, алгебрѣ и началамъ геометріи. На мѣсто учителя танцованья даютъ имъ учителя *музыки*».

VI. «*Четвертый годъ* обучаютъ стихотворенію на русскомъ и французскомъ, упражняютъ въ сочиненіи писемъ, повѣстей, басенъ на сихъ двухъ языкахъ; обучаютъ исторіи новѣйшей, преимущественно россійской, продолжаютъ геометрію даже до тригонометріи включительно; имѣютъ, какъ и въ предыдущемъ году, учителей *рисованія* и *музыки*. Желающіе обучаться *нѣмецкому* или *англійскому языкамъ* могутъ въ сей годъ начать».

VII. «*Пятый годъ* обучаютъ риторикѣ по русски и по французски, *зодчеству гражданскому и военному*; снова даютъ учителя *танцованья*; для желающихъ прибавляютъ учителя *фехтованья*, не оставляя *рисованья* и *музыки*, если успѣхъ есть въ нихъ; продолжаютъ обученіе нѣмецкому или англійскому».

VIII. «*Шестой годъ*. Обучаютъ логикѣ, метафизикѣ, опытной физикѣ, механикѣ, основаніямъ *права естественнаго, гражданскаго и политическаго*. Но невозможно, чтобы всѣ сіи науки были довольно объяснены въ теченіи одного года. И такъ желательно, чтобы воспитанники занялись философіею еще годъ, который можетъ особенно посвященъ быть на изученіе *физики* и *правоискусству*. Продолжаютъ тѣже языки и тѣже пріятныя искусства».

IX. «Чтобы быть допущеннымъ въ сей пансіонъ, надобно *поработить себя начертанному плану*. Ни одинъ воспитанникъ не будетъ изъ сего исключенъ подъ предлогомъ, что какая нибудь наука ему безполезна. Всѣ науки тѣсно между собою связаны, и кто знаетъ какую нибудь изъ нихъ, тотъ по крайней мѣрѣ много пріобрѣлъ удобности къ познанію дру-

гихъ. *Смѣло увѣрять можно, что юноша, воспитанный по сей методѣ, будетъ способенъ ко всѣмъ званіямъ*, къ какимъ можетъ стремиться молодой человѣкъ, получившій хорошее воспитаніе».

X. «Годъ ученія начинается 1-го сентября и оканчивается въ исходѣ іюля. Въ теченіи сего послѣдняго мѣсяца будетъ всегда *открытое испытаніе*, на коемъ воспитанники каждаго класса будутъ давать отчетъ въ годовомъ ученіи».

XI. «Мѣсяцъ августъ назначается для вакаціи и отдохновенія въ ученіи. *Оно непрерывается совершенно*—не бываетъ только настоящихъ классовъ. Время сіе обыкновенно посвящается на приготовленіе воспитанниковъ къ кругу наукъ, которыя они будутъ начинать, и на усовершеніе тѣхъ, кои отстали въ прежнемъ кругѣ наукъ; чаще занимаютъ ихъ пріятными искусствами, чаще водятъ ихъ прогуливаться, даютъ имъ рекреаціи, сельскія увеселенія, однимъ словомъ, все то, что можетъ оживить духъ молодого человѣка послѣ важнаго занятія, какого отъ нихъ требуютъ цѣлый годъ; тщательно избѣгаютъ всего того, что, поселяя въ нихъ много разсѣянности, отнимаетъ у нихъ охоту къ ученію. По сей-то причинѣ поставляется, какъ-бы въ *неизмѣняемое правило, не позволять воспитанникамъ проводить сіе время у своихъ родителей*. Опытъ насъ научаетъ, что *отлучка дѣтей изъ училища* въ теченіи воспитанія *обращается всегда во вредъ ихъ ученію*. И такъ несумнѣваемся, чтобы родители, кои болѣе имѣютъ на сердцѣ истинное благо своихъ чадъ, нежели минутное удовольствіе, непризнали мудрость сего правила».

XII. «Желательно, чтобы родители сами приходили видѣть дѣтей своихъ въ пансіонѣ; впрочемъ *незапрещается дѣтямъ два раза въ мѣсяцъ обѣдать у нихъ*; но никогда, ни подъ какимъ предлогомъ непотерпится, чтобы *воспитанники ночевали внѣ пансіона*. Они могутъ выходить только въ *воскресенье*, и то отслушавъ прежде литургію; всегда же возвращаться зимой въ 8, а лѣтомъ въ 9 часовъ».

XIII. «Величайшее прилагается попеченіе *о здоровьи дѣтей*, даются имъ рекреаціи и нужныя отдохновенія, содержится самая исправнѣйшая чистота, пища здоровая и избыточная, совершенно та же воспитанникамъ, какая и главнѣйшимъ изъ воспитателей; нанимается лекарь отъ дому для бдѣнія надъ здоровьемъ, для предваренія болѣзней, или для скорѣйшей помощи».

XIX. «*Цѣна за пансіонъ тысяча рублей;* за полгода всегда платится впередъ, дабы содержатели могли снабдить себя нужными припасами. Учитель танцованья, рисованья, музыки и фехтованья, лекарь и русскій священникъ получаютъ плату отъ дому. *Издержки на аптеку состоятъ на отчетъ родителей, также мытье бѣлья, книги и другіе мелочные расходы воспитанниковъ*».

XV. «Возрастъ приличнѣйшій для начатія училищнаго воспитанія полагается 9 или 10 лѣтъ; никого непринимаютъ свыше 12 и ниже 7 лѣтъ. Пріемъ воспитаниковъ бываетъ только въ мѣсяцѣ Августѣ, потому что какъ ученіе начинается 1-го Сентября, то позже поступившіе могутъ отстать отъ другихъ. Умоляются родители, чтобы, если они захотятъ взять дѣтей своихъ изъ пансіона, предварительно извѣщали, по крайней мѣрѣ за три мѣсяца, дабы можно было расположить ихъ мѣстами» [1]).

II.

Донесеніе Вольсея 28 февраля 1807 г. объ осмотрѣ училищъ Херсонской губерніи.

(Къ гл. VIII [2]).

«Имѣю честь увѣдомить училищный комитетъ Харьк. ун—та, что во исполненіе данныхъ мнѣ приказаній объѣхать Херс. губернію, дабы освѣдомиться о городахъ, кои были бы наиспособнѣйшіе имѣть публичныя училища, равно какъ и средства, какія найдутся какъ для приведенія въ дѣйство уч—щъ, такъ и поддержанія и утвержденія оныхъ, я отправился во-1-хъ въ *Тирасполь*, а оттуда въ *Дубоссары*, не могши узнать совершенно ничего, не нашедши ни въ томъ, ни въ другомъ мѣстѣ особъ, къ коимъ я имѣлъ предложеніе отъ военнаго губернатора дюка де-Ришелье. Хоть и не могъ узнать точно, но навѣрно полагаю, что Тирасполь и Дубоссары, въ разсужденіи жителей ихъ, оба имѣютъ нужду въ приходскихъ училищахъ. Тирасполь, какъ уѣздный городъ, можетъ также имѣть и уѣздное уч—ще, но я думаю, что учрежденіе онаго въ годъ (sic) можетъ быть еще и рано. Эти города имѣютъ невыгоду, которая кажется мнѣ очень важною, т. е. они чрезвычайно грязны, что даже будетъ чрезвычайнымъ препятствіемъ посѣщать классы большую часть года. Впрочемъ Тирасполь и Дубоссары не имѣютъ еще домовъ для уч—щъ. Надѣюсь черезъ нѣсколько времени дать вѣрнѣйшія свѣдѣнія объ этихъ городахъ. Изъ Дубоссаръ я поѣхалъ въ *Ольвіополь*, который такъ малозначущъ, что я почту за чудо, если можно будетъ установить тамъ приходское уч—ще. Городничій

---

[1]) О. *Морошкинъ*, Іезуиты въ Россіи, СПБ. 1870 г., т. II, стр. 122—126. Изъ арх. канц. Петерб. митрополита дѣло подъ № 637-мъ, г. 1812, относительно преподаванія Закона Божія въ іезуитскомъ институтѣ; также въ канц. об.-пр. Св. Синода, г. 1813-й, № 253, дѣло по отношенію къ митр. Новг. и С.-Пет—му на счетъ замѣченной безуспѣшности въ Законѣ Божіемъ по іезуитскому институту.

[2]) Любопытный документъ по отношенію къ исторіи образованія въ Херсонской губерніи. Вольсей, прежде всего, говоритъ, что онъ возвратился въ Одессу «послѣ продолжительнаго и небезопаснаго пути по причинѣ разлитія водъ».

обѣщалъ пригласить дворянъ сего уѣзда выстроить домъ для уч—ща и меня объ этомъ увѣдомить; онъ самъ интересуется этимъ дѣломъ, имѣя дѣтей. Отсюда я прибылъ въ *Елисаветградъ*; сей уѣздный городъ довольно знатенъ и имѣетъ гораздо болѣе средствъ, нежели Тирасполь и Дубоссары; онъ можетъ, по моему мнѣнію, имѣть приходское и уѣздное уч—ща; но какъ я увѣренъ въ невозможности учредить оба вдругъ, то я бы просилъ объ учрежденіи перваго, которое будетъ, я въ томъ увѣренъ, существовать. Мнѣ кажется, что Елисаветградъ, не взирая на его жителей, менѣе однако жъ имѣетъ способовъ, нежели думать можно, такъ какъ, кромѣ жидовъ, онъ содержитъ еще множество разныхъ сектъ старообрядцевъ, кои совершенно противостоятъ всему, относящемуся до просвѣщенія. Къ этому нужно присовокупить и то, что я здѣсь мало нашелъ сочувствія для такого важнаго предмета. Здѣсь также я нашелъ и посѣщалъ родъ пансіона, о содержателѣ коего касательно его поведенія я ничего сказать не могу,—онъ можетъ быть пречестнѣйшій человѣкъ, но, сказать правду, если бы Россія имѣла ихъ милліоны, то они не произведутъ человѣка для отечества. Имѣя повелѣніе быть въ *Вознесенскѣ-на-Бугѣ*, я посѣтилъ этотъ маленькій городокъ, обитаемый по большей части казаками и нѣсколькими жидами. Сей малозначущій городъ изъявилъ усерднѣйшее желаніе имѣть способы къ воспитанію. Я долженъ сказать въ честь начальниковъ сего города, что они живо чувствуютъ нужду сего благотворенія, что́ доказывается тѣмъ, что этотъ городъ уже цѣлый годъ содержитъ учителя. Я не преминулъ быть въ этой школѣ, имѣющей 33 ученика. И хотя оно (sic) не имѣетъ того порядка, той опрятности и вообще всѣхъ выгодъ, которыхъ строго можно требовать, однако жъ оно показалось мнѣ лучше содержимымъ, чѣмъ елисаветградское, а наиболѣе потому, что сіе уч—ще не имѣетъ смѣшенія обоего пола дѣтей, что я, считая противнымъ благопристойности и нравамъ, запретилъ, ожидая на то разрѣшенія университета; малый экзаменъ, сдѣланный въ немъ, увѣрилъ меня, что учитель не безъ способностей и что его можно опредѣлить учителемъ приходскаго уч—ща съ позволеніемъ распространять свои уроки на всѣ предметы, къ которымъ оказался бы онъ способнымъ. Я очень знаю, какіе уроки должны быть даваемы въ приходскомъ уч—щѣ, но я полагаю, что если въ такомъ маломъ городѣ, какъ Вознесенскъ, гдѣ родители не имѣютъ достатка отправить своихъ дѣтей въ уѣздное уч—ще или гимназію, сыщется случай распространять сколько можно ихъ познанія, въ такихъ наипаче мѣстахъ можно сдѣлать иногда исключеніе изъ правила. Я думаю также, что сей городъ въ пользу этого учителя что нибудь сдѣлаетъ; получая жалованье государственное и имѣя благодѣяніе отъ города, онъ будетъ болѣе прилеженъ. Человѣкъ, жертвующій всѣ дни своей жизни для воспитанія, не долженъ искать отъ того обогащенія, но долженъ имѣть покойную жизнь и имѣть возможность стяжать кусокъ хлѣба для старости,

съ тѣмъ, что будучи согбенъ бременемъ лѣтъ и обремененъ слабостію, не представлялъ-бы печальнаго и постыднаго для человѣчества зрѣлища ходить для испрошенія милостыни у воротъ тѣхъ, коихъ его попеченія возвели на честь и счастіе (этотъ учитель былъ ни кто иной, какъ бывшій польской придворной службы (служитель) чесниковичъ (?) шляхтичъ Осипъ Смоленскій, обучавшій, между прочимъ, на домахъ франц. языкъ, гражданскую и математическую географію и ариѳметику). Изъ Вознесенска я отправился въ *Херсонъ*, въ которомъ въ настоящее время ничего нельзя сдѣлать, какъ мнѣ объяснилъ херсонскій губернаторъ, потому что нѣтъ еще дома, да и не легко будетъ при теперешнихъ обстоятельствахъ собрать сумму для постройки онаго, однако-жъ согласился со мною губернаторъ, чтобы я ему прислалъ и планъ и девизъ (?), сколько оно будетъ стоить (должно сказать, что я ѣздилъ въ неудобное время, когда всѣ жертвовали для милиціи; мнѣ кажется посему, что нужно обождать до слѣдующей весны, чтобы сдѣлать второй опытъ, который, конечно, будетъ имѣть лучшій успѣхъ). Въ *Николаевѣ* узналъ я изъ разговора съ маркизомъ де-Траверсе, съ которымъ долженъ согласиться, что какъ въ семъ городѣ почти всѣ(е) военные люди, а мѣщанъ мало, то уч—ще совсѣмъ будетъ безполезно, въ особенности потому, что матросскія дѣти обязаны ходить въ училище, установленное для нихъ по приказанію правленія. И такъ изъ всего узнаннаго мною должно заключить, что можно удобно учредить приходское уч—ще въ обоихъ городахъ, въ Елисаветградѣ и Вознесенскѣ, и что можетъ быть Тирасполь и Дубоссары находятся въ такомъ-же положеніи, но пока не получилъ о семъ предметѣ свѣдѣній, не могу утвердить» [1]).

Училищный комитетъ положилъ (19 марта 1807 г.): отнестись въ войсковую Бугскаго войска канцелярію, что какъ по Высочайше конфирмованному докладу еще въ 1806 г. положено быть въ Вознесенскѣ уѣздному о двухъ учителяхъ училищу, на содержаніе котораго отпустить казенную сумму, а университетъ находитъ кромѣ того нужду въ третьемъ, который-бы приготовлялъ для уѣзднаго училища учениковъ обученіемъ предметамъ, преподаваемымъ въ приходскихъ училищахъ, на содержаніе котораго штатной суммы не назначено, то, прежде учрежденія уѣзднаго, университетъ считаетъ нужнымъ учредить предварительно приготовительный классъ, а потому просить войсковую канцелярію увѣдомить, можетъ-ли она или общество отпускать на содержаніе такого учителя 150 р. въ годъ; а также просить увѣдомить, что какъ для учрежденія уѣзднаго училища въ Вознесенскѣ необходимо имѣть приличный домъ о трехъ достаточныхъ комнатахъ для классовъ съ квартирами для трехъ учителей,

[1]) Д. канц. попеч. 1807 г., № 1, стр. 18 и 19.

наемъ которыхъ обыкновенно лежитъ на обществѣ,—имѣется-ли такой домъ, или приняты (ли) мѣры къ его устроенію, и можетъ-ли предполагаемый къ учрежденію нижній классъ имѣть удобное помѣщеніе [1]).

На это *войсковая канцелярія Буского войска* отвѣчала 10 апрѣля 1807 года, что домъ, въ коемъ нынѣ помѣщается училище, выстроенъ единственно для того и состоитъ изъ четырехъ комнатъ, да кромѣ того есть два войсковые дома; относительно-же ассигнованія на содержаніе третьяго учителя денегъ, оная канцелярія нынѣ не можетъ назначить ихъ, пока не получитъ отъ казны ассигноваться имѣющей суммы за взятый въ казну же въ Бугскихъ станицахъ питейный откупъ; войсковые-же жители, въ разсужденія окиперованія (sic) себя на службу по нынѣшнему военному дѣйствію, находятся въ самобѣднѣйшемъ положеніи [2]).

III.

Отчетъ проф. Дюгурова о его ревизіи Одесскихъ учебныхъ заведеній [3]).

(Къ гл. XIX).

«Прибывъ въ Одессу, я спрашивалъ у директора института, г. Минута, о причинахъ неуспѣха учрежденія гимназіи въ Одессѣ, и съ немалымъ удивленіемъ узналъ, что главною тому причиною есть недостатокъ учениковъ. Одесса находится далеко отъ осѣдлаго дворянства и помѣщиковъ, и тѣ охотнѣе посылаютъ дѣтей своихъ въ Екатеринославъ, чѣмъ въ Одессу. Здѣшніе-же купцы и мѣщане довольствуются обученіемъ дѣтей въ уѣздномъ училищѣ, да и то старшій классъ посѣщается лишь дѣтьми военныхъ офицеровъ во время пребыванія ихъ въ Одессѣ. Посѣтивъ г военнаго губернатора (Дюка де-Ришелье), я получилъ отъ него точно такія же объясненія изустно и на письмѣ. Вотъ сокращенный переводъ этого письменнаго отзыва:

«Г. Минутъ далъ мнѣ знать, что вы, м. г., предполагаете немедленно открыть коммерческую гимназію. Какъ ни желательно мнѣ имѣть учебное заведеніе этой степени въ Одессѣ, но опытъ прежнихъ лѣтъ доказалъ мнѣ всю его безполезность. Мнѣ кажется, что намъ должно довольствоваться существующимъ уже (уѣзднымъ) училищемъ. Почти всѣ бѣдные жители посылаютъ туда своихъ дѣтей, но лишь только они выучатся грамотѣ, то берутъ ихъ обратно для употребленія въ своей торговлѣ, или-же помѣщаютъ у дру-

---

[1]) То же дѣло, стр. 26.
[2]) Id., 52.
[3]) Восполняетъ нѣкоторыми подробностями стр. 103 и слѣд.

гихъ купцовъ. Я полагаю, что главною причиною тому есть недостатокъ въ молодыхъ людяхъ, которые бы могли заниматься торговлею или быть у нихъ прикащиками. Вы въ этомъ вскорѣ и сами убѣдитесь, и я полагаю вовсе упразднить предположенную гимназію, а къ существующему училищу присовокупить классъ, въ которомъ преподавалась-бы бухгалтерія и вообще счетная часть, къ торговлѣ относящаяся».

Пробывъ нѣсколько дней въ Одессѣ, Дегуровъ увидѣлъ, что первою причиною неуспѣховъ публичныхъ училищъ былъ институтъ, хотя и подъ особымъ попеченіемъ Ришелье, но содержимый частнымъ лицомъ и въ его пользу. Слѣдственно, интересы этого послѣдняго были рѣшительно противны успѣху и развитію уѣзднаго училища, которое можно было-бы преобразовать въ гимназію. Чтобы унизить это несчастное училище, г. Вольсей не дѣлалъ даже экзамена учащимся, а первое публичное испытаніе своихъ дѣтей одесскіе жители увидѣли уже по желанію Дегурова, послѣ увольненія перваго директора. Въ 1811 году этотъ институтъ, по желанію самого Ришелье, преобразованъ въ казенное заведеніе, съ подчиненіемъ его Харьковскому учебному начальству, по выбору котораго и былъ назначенъ директоромъ г. Минутъ [1] [2]). Но главнѣйшее препятствіе къ открытію коммерческой гимназій Дегуровъ нашелъ въ отвращеніи герцога къ публичному преподаванію въ училищахъ, какъ противнаго, по его мнѣнію, сохраненію нравственности учениковъ, и онъ готовъ былъ скорѣе уничтожить свой любимый институтъ, нежели сдѣлать его заведеніемъ открытымъ. Дегуровъ крайне этого опасался, ибо находилъ это заведеніе очень хорошимъ.

«Мнѣ кажется, писалъ далѣе Дегуровъ, что для города богатаго и цвѣтущей въ немъ торговли, въ которомъ столько уже иностранцевъ поселилось, образованіе дѣтей въ весьма посредственномъ уѣздномъ училищѣ весьма недостаточно. Я знаю очень хорошо, что торговые города мало способны сдѣлаться сѣдалищемъ музъ. Но гимназія не есть еще столь высокое учебное заведеніе, чтобы не могло укрѣпиться въ Одессѣ. Иностранцы получатъ весьма плохое понятіе о просвѣщеніи Россіи, если увидятъ въ единственномъ городѣ, который они посѣщаютъ на Черномъ морѣ, небольшую только школу, въ которой учатъ кой-какъ грамматикѣ, ариѳметикѣ и первымъ началамъ географіи и исторіи.

«Нужда въ образованіи столь явно обнаруживается въ Одессѣ, что здѣшніе греки сами образовали училище въ 1811 году, въ которомъ уже имѣется 78 учениковъ; оно имъ стоитъ 3.000 руб., хотя имѣютъ всего

---

[1]) Основатель Одесскаго института Вольсей, въ 1820 годахъ былъ въ Бердичевѣ содержателемъ и главнымъ наставникомъ дворянскаго пансіона для дѣтей мужскаго пола, и тамъ г. Скальковскій его видѣлъ въ послѣдній разъ въ 1822 году.

[2]) Свѣдѣніе относительно *избранія Минута не вѣрно* (см. стр. 92 и слѣд.).

два учителя. Нѣтъ сомнѣнія, что для дальнѣйшаго образованія греки пожелаютъ имѣть учителей и высшихъ наукъ и для того, какъ они мнѣ обѣщаютъ, будутъ имѣть особыхъ учителей; но весьма желательно, чтобы таковые были изъ здѣшней гимназіи, или-же, чтобы дѣти ихъ посылаемы были въ это заведеніе для дальнѣйшаго образованія. Тамъ-бы они были въ обществѣ русскихъ дѣтей, понемногу-бы съ ними сближались и пріобрѣтали національныя убѣжденія. Въ противномъ случаѣ, отдѣленные отъ туземцевъ, съ первыхъ дней юности, въ своихъ отдѣльныхъ заведеніяхъ, съ своимъ языкомъ и костюмомъ, греки никогда не сольются съ русскими въ одно цѣлое, или же соединятся въ весьма отдаленной будущности. То, что я сказалъ о грекахъ, можно примѣнить и къ другимъ иностранцамъ, которые заводятъ въ Одессѣ частныя училища для своихъ единоземцевъ. Одесса городъ пограничный, а такіе города должны въ особенности дѣлаться русскими. Да и можно-ли допустить, чтобы единственное училище, основанное здѣсь правительствомъ, своимъ состояніемъ и средствами было ниже всѣхъ нами здѣсь поименованныхъ. А наше уѣздное училище можетъ-ли когда нибудь превзойти ихъ».

Но Дегуровъ полагалъ, что никто лучше Ришелье не знаетъ средствъ своего города, участію котораго такъ усердно онъ занимался, и потому, согласно съ его желаніемъ, предложилъ совѣту Харьковскаго университета оставить до времени институтъ въ настоящемъ его видѣ, а открытіе коммерческой гимназіи отдалить до времени.

«Обращаюсь къ произведенному мною экзамену въ уѣздномъ училищѣ. По моей просьбѣ, герцогъ Ришелье присутствовалъ во все время испытанія и самъ спрашивалъ учениковъ. Съ удовольствіемъ замѣтивъ успѣхи дѣтей, онъ благодарилъ учителей *Элкана, Жукова* и *Камбуроглу*, за ихъ усердіе и точность въ исполненіи своего долга. Я назначилъ нѣсколько книгъ въ награду тѣмъ изъ учениковъ, которые, по свидѣтельству учителей, наиболѣе отличались своимъ прилежаніемъ, и самъ генералъ-губернаторъ вручилъ имъ эти награды. Въ училищѣ не было учителя рисованья и т. Жуковъ вызвался, для улучшенія, преподавать дѣтямъ это искусство. Я считаю это намѣреніе весьма полезнымъ для города.

«Герцогъ удержалъ меня цѣлую лишнюю недѣлю въ Одессѣ, чтобы присутствовать при публичномъ испытаніи въ его институтѣ. Это дало мнѣ пріятный случай познакомиться въ подробности съ этимъ заведеніемъ; религія, нравственность, образованіе по всѣмъ частямъ наукъ,— ничего въ немъ не забыто. Экзамены продолжались два дня утромъ и вечеромъ, и генералъ-губернаторъ постоянно при нихъ присутствовалъ, самъ дѣлая вопросы ученикамъ. Воспитанники, окончившіе курсъ наукъ и собиравшіеся къ поступленію на военную службу, были испытываемы имъ съ особенною строгостію, преимущественно въ математикѣ. Трое изъ

нихъ, казалось, наиболѣе воспользовались уроками, которые имъ преподавали въ математикѣ, приложенной къ артиллерійскому и инженерному дѣлу. Дѣвичій пансіонъ, находящійся въ другой части города, принадлежитъ тоже къ институту; въ немъ образованіе и воспитаніе столь-же хорошее, какъ и въ мужскомъ отдѣленіи; учители въ обоихъ общіе [1]).

IV

Отрывки изъ письма учителя Ферри.

(Къ гл. LIII).

Прибавляемъ еще 2—3 *выписки изъ письма Ферри*, характеризующія его взгляды, какъ педагога начала прошлаго столѣтія.

Прежде всего онъ говоритъ о *значеніи каждаго изъ предметовъ преподаванія въ коммерческой гимназіи:*

а) Въ Одесской гимназіи преподаютъ: правила *закона Божія*, научающаго человѣка воздавать Творцу своему должное благоговѣніе, споспѣшествующаго столь сильно его счастію, и который есть утѣшеніемъ (sic) въ несчастіи; *правоученіе*, которое есть защитою общества; *исторію*, которая, представляя юношеству великіе примѣры честности, великодушія, величія духа, ведетъ ихъ къ тому, чтобы полюбить добродѣтели, и, описывая имъ пороки и злодѣянія, со свойственными имъ красками вселять въ нихъ необходимое отвращеніе къ этимъ непорядкамъ; *географію*, научающую ихъ всему, что представляется важною на земной поверхности въ различныхъ отношеніяхъ; *статистику*, которая, будучи хорошо понимаема и хорошо излагаема, должна приготовить превосходныхъ правителей земель, великихъ министровъ и искусныхъ купцовъ; *ариѳметику коммерческую*, которую, если не передавать механическимъ способомъ, а причислить ее къ математикѣ, дастъ купечеству ясныя и вѣрныя понятія, никогда не истребляющіяся; *математику*, необходимо нужную во многихъ отношеніяхъ и полезную во всѣхъ прочихъ, потому что она совершенствуетъ разумъ; *физику*, которая будучи объяснена исчисленіями, химіею, опытомъ и наблюденіями, служитъ въ свою очередь свѣтильникомъ во всѣхъ ремеслахъ и поставляетъ человѣка въ сношеніе со всѣми прочими живущими тварями; наконецъ, *россійскую и французскую словесность*. Я не хулю обыкновенія въ семъ училищѣ въ томъ, что соединяютъ со всѣми вышеуказанными познаніями изученіе не только россійскаго, но еще *четырехъ другихъ иностранныхъ языковъ*, т. е.

[1]) Скальковскій: Матеріалы для исторіи образованія въ Одессѣ, Южн. Сборн. Од. 1859 г. стр. 192—195.

французскаго, нѣмецкаго, греческаго и итальянскаго; я даже былъ-бы очень доволенъ, если-бы къ нимъ присоединили изученіе *латинскаго* языка, долженствующаго показать юношеству образцовыя творенія, произведенныя Римомъ въ стихотвореѣ, краснорѣчіи и во многихъ другихъ родахъ словесности».

Затѣмъ говоритъ о *вредѣ многопредметности*: «Но признаться ли вамъ, мм. гг., что *одновременное преподаваніе этихъ разнородныхъ познаній* кажется мнѣ *противною(ымъ) предполагаемой цѣли*; эта одновременность кажется мнѣ производящею въ головѣ молодыхъ людей совершенный хаосъ; познанія, симъ образомъ сообщенныя, должны, если будетъ позволительно мнѣ такъ выразиться, взаимно сталкиваться и истребляться. Тщетно каждый профессоръ станетъ усиливаться ввести порядокъ и методъ въ образъ своего преподаванія: онъ все-таки не въ состояніи будетъ помочь общему безпорядку, происходящему отъ преподаванія такого множества наукъ, одна на другой нагроможденныхъ»... Мысли, конечно, очень вѣрныя и для нашего времени.

б) Далѣе Ферри является *истымъ французомъ* по любви къ *торжествамъ и внѣшнему блеску*, совѣтуя ими дѣйствовать на воспитанниковъ для поощренія къ занятіямъ:

«Опыты, произведенные въ Парижскомъ университетѣ, во всѣхъ французскихъ коллегіяхъ, и во многихъ другихъ училищахъ, доказали, что отличія, доставляемыя лучшимъ ученикамъ предъ прочими, публичныя и торжественныя раздачи наградъ, производимыя по окончаніи каждаго учебнаго года, весьма много поощряютъ ихъ соревнованіе. Не разсудите ли вы за благо учредить въ каждомъ классѣ *серебряный крестъ*, коимъ по окончаніи каждаго мѣсяца украшался-бы наиболѣе отличившійся ученикъ? Представимъ себѣ всѣхъ учениковъ заведенія, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ по окончаніи учебнаго года; въ этой залѣ приготовлено возвышеніе, на коемъ расположены *награды и короны* (вѣнки?); напротивъ возвышенія находятся губернаторъ, комендантъ, гражданскіе и военные чины и члены общества. Засѣданіе открывается рѣчами, произносимыми учителями россійскаго и французскаго языковъ; тогда раздаются награды; каждый разъ, когда такія раздаются, слышна музыка и новое восхищеніе производится въ тѣхъ, которые присутствуютъ на семъ праздникѣ. Увѣнчанные ученики наслаждаются истиннымъ торжествомъ, которое служитъ побужденіемъ для пріобрѣтенія такового же въ слѣдующемъ году; а для соперниковъ оно является настоящимъ побужденіемъ, чтобы заслужить таковое же отличіе»...

в) Ферри—поклонникъ *конвиктовъ*, находя, что въ нихъ только возможно удачно воспитывать юношество.

«Не должно скрывать, что желательно было бы, чтобы гимназическіе воспитанники жительство свое имѣли въ гимназіяхъ и находились бы

подъ надзоромъ усердныхъ смотрителей, коими назначаемы имъ были часы ученія, въ которые они могли-бы протверживать уроки, задаваемые въ классахъ; но воспитанники эти теперь живутъ внѣ гимназіи, и это самое уничтожаетъ всю пользу отъ классныхъ уроковъ доставляемую. Большая часть изъ нихъ, возвратясь въ родительскій домъ, забываютъ то, что имъ слѣдуетъ учить свои уроки, что имъ должно трудиться и приводить въ показанный правилами порядокъ бѣглыя ихъ мысли. Они занимаются только остающимся для нихъ до прихода въ классъ получасовымъ временемъ приготовленіемъ такихъ предметовъ, кои долженствовали бы проходить въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. Послѣ этого не удивительно, что все идетъ неладно. Дабы помочь этому, необходимо, чтобы родители, пекущіеся о доставленіи познаній своимъ дѣтямъ, чинили у себя въ домѣ то же самое, что наставники дѣлаютъ въ пансіонахъ, но какъ можно надѣяться, чтобы люди, большая часть которыхъ сами не получили никакого воспитанія, приняли немедленно эти мѣры?»...

Изъ всего этого видно, что въ большинствѣ своихъ мнѣній Ферри является сторонникомъ тѣхъ взглядовъ, которые проводились Вольсеемъ и іезуитами: стараніе вызвать *соревнованіе* между воспитанниками изъ-за наградъ,—конечно, мало способствующее ихъ дружескимъ взаимнымъ отношеніямъ; *кресты* и другіе *знаки за первенство* въ классѣ; *блестящіе акты* съ воспитанниками, украшенными вѣнками и встрѣчаемыми при выходѣ на возвышеніе маршами; наконецъ, настойчивое желаніе всѣхъ воспитанниковъ заключить въ *конвикты*, охраняя ихъ отъ дурного вліянія семьи... Все это—тотъ же пансіонъ Ришелье-Вольсея, все это—то же стараніе уловлять дѣтей въ искусно разставленныя сѣти...

Преподаватель съ такими взглядами, конечно, былъ persona grata въ заведеніи Вольсея. Но и онъ не могъ вынести Вольсеевскаго режима...

V.

Руководства и пособія, употреблявшіяся въ Коммерческой гимназіи и Благородномъ институтѣ.

(Къ гл. XL).

Руководство учителямъ I и II классовъ народныхъ училищъ. Руководства и пособія: по закону Божію, русскому языку, математикѣ, физикѣ, исторіи, географіи, естественной исторіи, технологіи, языкамъ: латинскому, греческому французскому и нѣмецкому, чистописанію, ознакомленію съ обязанностями ученика и гражданина. Замѣчанія о книгѣ «О должностяхъ человѣка и гражданина».

Прежде всего мы помѣщаемъ заглавіе *руководства для самихъ учителей*, о которомъ упоминали выше, не утратившаго своего педагогическаго достоинства, во многихъ отношеніяхъ, и въ настоящее время.

1. *Руководство учителямъ* перваго и втораго класса народныхъ училищъ Россійской имперіи, изданное по Высочайшему повелѣнію царствующія Императрицы Екатерины Вторыя. Въ СПБ. 1783 (перевед. съ нѣмецкаго Г. *Ковалевымъ*).

Въ предисловіи этой книги говорится: «Когда при всякомъ полезномъ заведеніи предписываются ... *уставы* или ... *правила*; то какъ не признать за нужное постановить *Правила воспитанію народному*, составляющему для государства весьма важный предметъ?—Легко предвидѣть человѣку безпристрастному, какія худыя слѣдствія отъ такого могутъ произойти воспитанія, которое ни на какомъ извѣстномъ и опредѣленномъ руководствѣ не основано; но, такъ сказать, само себѣ или на волю однихъ учителей оставлено»...

Книга дѣлится на четыре части: I. О способѣ учебномъ (основы саганской методы и пр.). II. Объ учебныхъ предметахъ (краткая методика отдѣльныхъ предметовъ). III. О званіи, качествахъ и поведеніи учителя (съ содержаніемъ ея мы уже познакомились въ гл. XLII). IV. Объ училищномъ порядкѣ. Сюда входятъ статьи: наказъ учителямъ, о училищной строгости (увѣщанія, предостереганія, угрозы, наказанія,—въ высшей степени разумная и гуманная статья), о часахъ ученія, объ осмотрахъ, объ открытыхъ (публичныхъ) испытаніяхъ. Далѣе слѣдуютъ *Прибавленія*: таблицы о познаніи буквъ, о складахъ, о чтеніи, о правописаніи; роспись нѣкоторыхъ почти однозвучныхъ словъ, молитвы предъ ученіемъ и послѣ ученія, расположеніе (распредѣленіе) уроковъ и часовъ занятій, образцы списковъ и проч.

Словомъ, для учителя въ этой книгѣ находились всѣ необходимыя наставленія,—цѣлый кодексъ науки воспитанія.

Въ гимназіи и институтѣ приняты были слѣдующія руководства [1]):

а) *По Закону Божію:*

2. ***Краткая Св. Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта***, изд. для народн. училищъ Россійск. Имперіи и проч. (какъ въ № 1). Въ СПБ. 1784 (сост. *Янковичемъ*).

Краткое, но весьма ясное изложеніе Св. Исторіи ветхозав. и новозавѣтной церкви. Т.

---

[1]) Относительно заглавій учебниковъ см. стр. 209-ю. Книгъ этихъ, кромѣ очень немногихъ, не имѣется ни въ одной изъ одесскихъ библіотекъ,—что нисколько не удивительно: старые учебники большею частію составляютъ библіографическую рѣдность

3. *Сокращенный Катихизисъ* для обученія юношества православному закону христіанскому, изд. при учрежденіи нар. училищъ и пр. (какъ выше). СПБ. 1784 (сост. *Янковичемъ*).

4. *Пространный Катихизисъ* для обученія юношества и пр. (составл. *Янковичемъ*). (*У Смирд.* под № 153 показано изд. 1822 г.).

Оба составлены примѣнительно къ возрасту учащихся и изложены удобопонятнымъ языкомъ. Пространный катихизисъ отличается отъ краткаго тѣмъ, что въ первомъ прибавлены свѣдѣнія изъ Св. Исторіи и объясненія и толкованія; изъ таинствъ въ краткомъ катихизисѣ объяснены только крещеніе, покаяніе и причащеніе. *Т.*

5. *Извлеченія воскресныхъ и праздничныхъ евангелій*, для употребленія и пр. Въ СПБ. 1784.

б) *По русскому языку и книги для чтенія*:

6. *Россійскій букварь* для обученія юношества чтенію, изданный и пр. СПБ. 1782 (сост. *Янковичемъ*).

Сначала знакомятся дѣти съ печатными церковными буквами, по порядку; потомъ съ гражданскими и съ рукописными. Послѣ этого слоги, слова, 4 молитвы, нравоученіе. Приложены цифры славянскія, арабскія и таблица умноженія. *Т.*

7. *Таблицы азбучныя*: а) гражд. печати, б) церковной печати (сост. *Янковичемъ*).

8. *Таблицы для складовъ*: а) гражд. печ., б) церк. печати, в) рукописныя (сост. *Янковичемъ*).

9. *Краткая россійская грамматика*, изд. и пр. СПБ. 1786.

При ней дидактическое наставленіе, какъ учитель долженъ заниматься по этой книгѣ.

10. *Россійская грамматика*, изданная главн. правл. училищъ для преподаванія въ нижнихъ учебныхъ завед., изд. 4 и 5, 1820—22 гг. (*Смирд.* № 5709) (составл. по грамм., изд. Россійскою академіею: *Воронов*, I, 198).

11. *Дѣтскій другъ*, книга для чтенія поселянъ, изд. на росс. языкѣ, съ подражаніемъ г. Рокову. 2 части. СПБ. 1797 (*Соп.*, № 3590).

в) *По математикѣ*:

12. Руководство къ *ариѳметикѣ*, для употребленія и пр. Спб. Ч. 1—1783, 2-я—1784 (сост. при Акад. наукъ).

13. Краткое руководство къ *геометріи*, изд. для нар. училищъ и пр. СПБ. 1786.

Помѣщено много задачъ. *Т.*

14. Ариѳметика *Кошена* (*въ Благ. институтѣ*).

г) *По физикѣ*:

15. Краткое руководство къ *физикѣ*, для употребленія и пр. СПБ. 1785 г.

Къ руководству прибавлена краткая астрономія.—Есть дидактическія указанія. *Т.*

д) *По исторіи*:

16. *Всемірная исторія*, изд. для нар. училищъ и пр. СПБ. части 1 и 2 я—1787, а 3-я—1800.

«Вспомянуты великія дѣла... сограждан, оказавшихъ истинную любовь къ своему отечеству, и означены богослуженіе, законы, обычая, нравы, науки, художества, торговля и все то, что возводило или низвергало благосостояніе народовъ».

17. *Всеобщая исторія*, или историческое изображеніе, представляющее взаимныя перемѣны народовъ... Соч. *Анкетилемъ*; перевед. студентами педагогич. института. 3 части СПБ. 1802—1807.

18. *Краткая Россійская исторія*, изд. въ пользу народн. учил. Россійской имперіи. СПБ. 1799.

Каждая глава раздѣлена на 2 отдѣла: 1) о государяхъ и 1) о внутреннемъ состояніи Россіи.—Приложены 3 небольшія карты. *Т.*

19. *Шрекова* всемірная исторія, 1787 г. (на франц яз.) (*въ Инст*).

е) *По географіи*:

20. Краткое *землеописаніе Россійскаго государства*, изданное для нар. училищъ и пр. СПБ. 1787.

Кромѣ географическихъ данныхъ, есть не мало статистическихъ свѣдѣній о качествѣ земли и произведеніяхъ государства, о торговлѣ, равно и этнографическихъ. *Т.*

21. *Всеобщее землеописаніе*, изд. для народн. училищъ и пр. 2 части, 1-ая—1788 и 2-я 1795 г.

Слишкомъ обширно: въ 1-й части—312, во 2-й—364 стр. *Т.*

22. *Отрокъ-географъ*, изд. Г. *Вегелиномъ* на русск. и франц. языкахъ. М. 1810 (*Соп.* № 2770: это 3-е изданіе «Новѣйшей дѣтской географіи»); употребл. въ *Институтѣ*.

23. *Географія Россійской Имперіи* (по *Зябловскому*). М. 1810 (*Соп.* № 2777).

24. Краткое руководство къ *математической географіи* и къ познанію небеснаго шара, изд. для нар. уч. Росс. имп. и пр. СПБ. 1787.

Съ дидактическимъ наставленіемъ для объясненія глобуса. *Т.*

25. Руководство къ теоріи *статистики*, профессора *Германа*.

26. *Атласъ*, изд. ко всеобщему землеописанію, для нар. уч. и проч. Ч. I. Европа. СПБ. 1790.

Интересно, что въ этомъ атласѣ, изданномъ во время 2-й турецкой войны, имени «Турція» нигдѣ не упомянуто; вмѣсто того двѣ карты турец-

кихъ владѣній въ Европѣ, озаглавленныя такъ: 1) Албанія, Янина, Ливадія, Морея и острова въ Архипелагѣ венеціанскіе и 2) Трансильванія, Буковина, Молдавія, Очаковская область, Бессарабія, Валахія, Булгарія, Романія, Македонія, Сербія, Славонія, Боснія и Рагуза. *Т.*

27. *Географія, Паккертона (на фр. яз.; въ Институтѣ).*

ж) *По естественной исторіи:*

28. Руководство къ *естественной исторіи, Блуменбаха* (перев. съ нѣм. П. П. *Наумовымъ* и А. *Терлевымъ*). 3 ч. СПБ. 1789 (*Соп.* № 9880).

з) *По технологіи:*

29. *Технологія*, изд. отъ главнаго училищъ правленія. СПБ. 1807 (*Соп.* № 11785).

и) *По латинскому языку:*

30. *Краткая грамматика латинская.* Пер. Вас. *Лебедева.* СПБ. 1779 (*Смирд.* № 5754). Изд. 9-е и 10-е, 1808—1815 г.

і) *По греческому языку:*

31. *Азбука греческая*, въ пользу росс. юношества. Изд. 3. М. 1788 (*Смирд.* № 5608).

32. *Греческая грамматика. Полежаева.* (Это вѣроятно: Грамматика (краткая) древняго греческаго языка, изд. для народныхъ училищъ. СПБ. 1787 г. (*Соп.* № 2888).

к) *По французскому языку:*

33. *Французская азбука* (у *Смирд.* №№ 5617—5624).

34. *Французская грамматика Мозана* (вѣроятно: Истинныя начала французскаго языка, почерпнутыя изъ сочиненій знаменитѣйшихъ писателей аббатомъ *Моазаномъ*; перев. съ франц. Ив. *Гильфердинга.* М. 1804 г. (*Смирд.* № 5789). У *Соп.* подъ № 2888 заглавіе нѣсколько измѣнено.

35. *Французская грамматика*, расположенная по вопросамъ и отвѣтамъ, сочиненная Март. *Соколовскимъ.* М. 1770 (*Соп.* № 3010; изд. 7-ое 1809 г.).

36. *Французская христоматія*, печат. въ унив. тип. *(для Института).* Это, вѣроятно, «Новая учебн. книга для франц. языка, содержащая въ себѣ букварь, этимологію, синтаксисъ и христоматію», изд. Вас. *Запольскимъ.* М. 1817 (*Смирд.* № 5807).

л) *По нѣмецкому языку:*

37. *Нѣмецкая азбука* (у *Смирд.* №№ 5628—5632).

38. *Нѣмецкая грамматика*, въ которой не токмо всѣ части рѣчи, или произведенія словъ, но и синтаксисъ или сочиненіе словъ, оба надлежа-

щими примѣрами объяснены *Гелтергофомъ*. Изд. 4. М. 1791, изд. 5—9, СПБ. 1604—1825 (*Смирд.* № 3817).

м) *По итальянскому языку*:

39. *Азбука италіянская*. М. 1783.

40. *Итальянская грамматика*; вѣроятно, Новая италіанская грамматика, Собралъ изъ разныхъ авторовъ и перев. Егоръ *Булатницкій*. М 1759 и 1774 г. (*Смирд.* № 5836).

н) *По чистописанію*:

41. Руководство къ *чистописанію* для юношества въ народн. училищахъ Росс. имп. и пр. СПБ. 1782.

42. *Прописи* россійскія, французскія, нѣмецкія и итальянскія.

о) *По ознакомленію воспитанниковъ съ обязанностями ученика и гражданина*:

43. *Правила для учащихся* въ народныхъ училищахъ... СПБ. 1782 (сост. *Янковичемъ*).

Правила эти читались учениками подъ руководствомъ учителя, на что опредѣлялись особые часы въ учебное время, на ряду съ другими уроками.

Въ этихъ правилахъ заключаются не только указанія на то, какъ ученики должны держать себя въ училищѣ, но и наставленія, какъ слѣдуетъ вести себя дома, въ семействѣ.

«Всѣмъ ученикамъ надлежитъ въ воскресенье и праздничные дни ходить въ церковь на литургію, при чемъ, для лучшаго порядка, учреждается, чтобы никто изъ учениковъ не ходилъ изъ дому прямо въ церковь, но чтобы всѣ, по звону, собирались къ училищѣ, и здѣсь смиренно и безмолвно ожидали времени богослуженія (стр. 7). По окончаніи богослуженія ученики должны по два въ рядъ изъ церкви возвращаться въ училище, отсюда же отъ учителя домой отпускаются; и никто да не дерзнетъ безъ вѣдома и дозволенія учительскаго изъ церкви уходить домой или куда нибудь» (стр. 10). *Т.*

44. *О должностяхъ человѣка и гражданина*. Книга къ чтенію опредѣленная въ народныхъ училищахъ Россійской имперіи, изданная по Высочайшему повелѣнію. СПБ. 1783 (у насъ имѣлось изд. 11-е. 1814 г. 16°; 4 нед. + табл. + 180; на загл. листѣ: Цѣна безъ переплета 25 коп.).

Въ виду того, что книга эта: а) въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость и б) представляетъ интересъ по своему содержанію, считаемъ необходимымъ войти въ нѣкоторыя о ней подробности.

Содержаніе ея: Вступленіе. О благополучіи вообще.

Часть I. О образованіи души. Введеніе. Главы: I. О добродѣтеляхъ человѣческихъ. II. О должностяхъ къ Богу. III. О должностяхъ къ ближ-

нему. IV. О должн. къ самому себѣ. V. О томъ, чего убѣгать долженъ добродѣтельной.

Часть II. О попеченіи о тѣлѣ. Гл. I. О здравіи. II. О благопристойности.

Часть III. О должностяхъ общественныхъ, на которыя мы отъ Бога опредѣлены. Гл. I. О союзѣ общественномъ вообще. II. О супружескомъ союзѣ. III. О союзѣ родителей и дѣтей. IV. О союзѣ господъ и слугъ. V. О союзѣ гражданскомъ: Чл. 1. О гражданскомъ союзѣ вообще, 2. О званіи и власти государей, 3. О обязательствахъ подданныхъ вообще, 4. О любви къ отечеству: а) О любви къ отечеству вообще, б) Что подъ именемъ, отечества и любви къ отечеству разумѣется, в) Отъ чего происходитъ любовь къ отечеству, г) Чѣмъ надлежитъ являть любовь къ отечеству вообще, д) Чѣмъ долженствуютъ являть любовь къ отечеству простой народъ и мѣщане, е) Чѣмъ должно являть любовь къ отечеству духовенство, дворянство и военные люди—5. О наукахъ, художествахъ, промыслахъ и рукодѣліяхъ, ко взаимному благополучію сограждан служащихъ: Вступленіе, 1. О наукахъ, 2. О художествахъ, 3. О рукодѣліяхъ и ремеслахъ, 4. О пользѣ и надобности различныхъ состояній.

Часть IV. О домоводствѣ. 1. Что есть домоводство, намѣреніе онаго и различіе, 2. Что требуется къ доброму домоводству, 3. Недостатки и погрѣшности при домоводствѣ, 4. Нѣкоторыя напоминанія домоводцамъ.

Книга эта имѣетъ цѣлую исторію.

Прежде всего необходимо замѣтить, что авторъ ея не извѣстенъ. Г. *Сухомлиновъ* говоритъ: «Составленіе этой книги приписываютъ знаменитому педагогу екатерининскихъ временъ *Янковичу-де-Мирієво*; иные считаютъ ее даже произведеніемъ самой *Императрицы* (Екатерины II). Намъ случайно удалось найти у букиниста оригиналъ этого сочиненія, съ котораго, какъ видно, и сдѣланъ нашъ переводъ въ 1783-мъ году. Представляемъ заглавіе въ томъ видѣ, какъ оно сохранилось въ нашемъ экземплярѣ [1]: Anlein... zur Rechtſchaff... oder das für die in den Trivial... nende ſlawo-ſerbiſche Jugend be... Leſe-Buch. [Гербъ Венгріи] Koſtet ungebunden 18 kr.—Mit Erlaubniß der Obern. — Ofen, gedruckt mit königl. Univerſitätsſchriften, — 1798. 16°; 261. Отсюда ясно, прежде всего, что сочинительницею этой книги никакъ не могла быть Екатерина II. Съ какой стати нѣмецкимъ педагогамъ переводить бы русское сочиненіе для своихъ школъ? Очевидно, что это уже не первое изданіе руководства, употреблявшагося въ славянскихъ школахъ Австріи и переведеннаго по иниціативѣ Янковича де-Мирієво на русскій языкъ. Подлинникъ напечатанъ на двухъ языкахъ—нѣмецкомъ и славянскомъ.

Беремъ для образца одно мѣсто (стр. 12 и 13) изъ этой книги и параллельно—русскій переводъ въ нашемъ экземплярѣ (1814 г.; стр. 1):

---

[1]) Края заглавнаго листа оборваны. Справки по нѣмецкимъ каталогамъ, имѣющимся въ Одессѣ, ни къ чему не привели: ея нѣтъ ни въ одномъ изъ нихъ. Г. Штадельмейеръ запрашивалъ о ней Лейпцигское бюро,—и оттуда не получено никакихъ свѣдѣній.

Слав. текстъ.	*Нѣмецк. текстъ.*	*Русскій переводъ.*
Всакъ человѣкъ желаетъ себѣ благополучія. И не довольно то, дабы прочіи человѣцы непщевали, яко мы благополучны есмы. Никакоже, всякъ хощетъ поистинѣ благополучнымъ быти, и сіе благополучіе не на краткое время точію, но на всегда и на безконечныя вѣки имѣетъ.	Jeder Menſch wünſchet ſich Glückſeligkeit; es iſt nicht genug, daß andere Leute von uns denken, daß wir glückſelig ſind, nein! Jedermann will in der That glückſelig ſeyn; und dieſe Glückſeligkeit begehret man nicht nur auf kurze Zeit, man begehret ſie auf immer und ewig.	Всякъ человѣкъ желаетъ себѣ благополучія, и недовольно того, чтобъ другіе о насъ думали, что мы благополучны; но всякъ хочетъ быть въ самомъ дѣлѣ благополучнымъ, и сего желаетъ не на короткое время, но навсегда и вѣчно.

Русскій переводъ не полонъ сравнительно съ подлинникомъ; напримѣръ, нѣтъ V главы — О поселянствѣ, нѣтъ во II-й главѣ статьи — О томъ, ему же ученикомъ во училищи учитися подобаетъ, и пр. Въ другія подробности относительно различія перевода отъ подлинника мы въ настоящее время не входимъ.

Въ 1819-мъ году, по предложенію митр. *Филарета*, члена главнаго правленія училищъ, книга эта, «какъ изложенная на философскихъ началахъ, всегда слабыхъ», изъята изъ употребленія въ училищахъ и замѣнена «Чтеніемъ изъ евангелистовъ». «По приказанію министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, всѣ экземпляры сей книги изъ училищъ были отобраны и чрезъ бывшаго директора Попова велѣно ихъ продать съ заплатою по 50 коп. за пудъ бумажному фабриканту, съ тѣмъ, чтобы никому оныхъ не раздавать, а употреблять единственно на бумажную мельницу». Въ 1825 г. министръ нар. просв. адмир. Шишковъ ходатайствовалъ о введеніи въ училища этой книги, какъ «содержащей въ себѣ самыя чистыя нравоученія, основанныя на выписанныхъ изъ евангелія и тутъ же приложенныхъ текстахъ, книги, заставляющей юношей въ правилахъ обуздывать свои страсти, воздерживаться отъ всякихъ пороковъ, быть добрымъ въ общежитіи человѣкомъ, вѣрнымъ подданнымъ государю и полезнымъ отечеству, книги *начертанной* сердцемъ и *рукою великой Екатерины*» (послѣднее, какъ мы видѣли, не вѣрно) [1]).

Гр. Д. *Толстой* вполнѣ справедливо говоритъ, что всѣ опредѣленія добродѣтелей и пороковъ въ этой книгѣ «весьма сжаты и малопонятны для дѣтей». Наиболѣе доступно изложены главы «о здравіи и правила благопристойности».

---

[1]) М. И. *Сухомлиновъ*. Изслѣдованія . . . Т. I, 205 и пр.. *Шишковъ*, Записки его въ Учен. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1878 г., кн. III, стр. 81.

VI.

Алфавитный списокъ лицъ, служившихъ въ Одесской коммерческой гимназіи и Благородномъ институтѣ, или имѣющихъ какія-либо отношенія къ этимъ заведеніямъ [1]).

Примѣчанія: Относительно лицъ, о которыхъ сообщались свѣдѣнія въ самой статьѣ, мы дѣлаемъ большею частью указанія только на ея страницы, дополняя данными, о которыхъ прежде не говорилось.

Аргиропуло Георгій Ѳедоровичъ,

учитель новогреческаго языка въ коммерч. гимн., съ 1-го августа 1814 года, а до того былъ учителемъ россійскаго и итальянскаго языковъ въ греческомъ приходскомъ училищѣ; отставной мичманъ; 51 года. Происходя изъ греческихъ дворянъ, Аргиропуло поступилъ въ русскую службу кадетомъ въ Греческій кадетскій корпусъ въ 1787 г.; затѣмъ откомандированъ былъ кадетомъ же въ Херсонскій морской корпусъ; откуда, сдѣлавъ двѣ кампаніи въ качествѣ гардемарина, выпущенъ мичманомъ 30 іюля 1792 г. Въ походахъ былъ на Черномъ морѣ противу турокъ въ 1790 и 1791 годахъ. Уволенный для свиданія съ родными за-границу, въ назначенный срокъ въ команду не явился, — почему и былъ исключенъ изъ службы 19 авг. 1797 г.; а по именному Его Императорскаго Величества указу 20 авг. 1801 г. считался отставнымъ мичманомъ. Въ 1817 году за отличіе произведенъ въ титулярные совѣтники. При преобразованіи гимназіи въ лицей уволенъ отъ должности съ выдачею годоваго жалованья [2]).

По увольненіи учителя французскаго языка Гальяра (въ 1814 году), испр. должн. директора Элканъ поручилъ Аргиропуло, за особое вознагражденіе, временное преподаваніе этого языка въ гимназіи; но училищный комитетъ предложилъ подвергнуть его испытанію въ знаніи французскаго языка, пригласивъ для этого учителя того же предмета въ институтѣ. Тогда Аргиропуло, оскорбившись,

---

[1]) Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы сообщаемъ свѣдѣнія о дальнѣйшей службѣ поименованныхъ здѣсь лицъ.

[2]) Д. унив. арх. 1817, № 75.

«отказался отъ испытанія и отъ должности, какъ потому, что почиталъ себя въ высшемъ достоинствѣ, служа въ Од. гимназіи, такъ и потому, что онъ былъ уже испытанъ въ Греческомъ кадетскомъ корпусѣ» [1]).

Баланъ,

учитель чистой математики и артиллеріи въ благородномъ институтѣ съ мая 1813 г.; лейтенантъ, находившійся на дѣйствительной службѣ по морскому вѣдомству. «Послужнаго списка отъ прежней его команды не доставлено». Визитаторъ проф. Дюгуровъ въ своемъ донесеніи (1814 г.) замѣчаетъ, что «какъ Баланъ состоитъ на дѣйствительной службѣ (по флоту) и не имѣетъ намѣренія оную оставить, то (визитаторъ) и не можетъ представить его для сего мѣста иначе, какъ на нѣкоторое время, какъ-бы онъ ни былъ достоинъ онаго». Въ мартѣ 1815 г. Баланъ уволнился отъ службы въ институтѣ [2]).

Бернаръ-де-Графъ (*Бернанде Гравъ*) Христофоръ,

флота капитанъ 1-го ранга; прусскаго происхожденія; изъ дворянъ; греческаго вѣроисповѣданія; 51 года (въ 1809 году); *учитель математики, геодезіи, физики, фортификаціи и артиллеріи въ благ. институтѣ* съ 1-го ноября 1809 г.; имѣетъ 3 сын. и 5 дочерей; въ С.-Петербургскомъ намѣстничествѣ Гдовскаго уѣзда имѣетъ 14 душъ крестьянъ. Съ 1764 по 1772 г. находился въ морскомъ шляхетскомъ корпусѣ; служилъ во флотѣ: по 1785 г.— въ Балтійскомъ, а съ этого времени—въ Черноморскомъ. Съ 24 мая 1803 г. по 17 октября 1803 г. находился въ гребномъ Балтійскомъ флотѣ. 17 окт. 1803 г. за слабостію здоровья отставленъ отъ службы капитаномъ 1-го ранга и за 30-лѣтнюю службу – съ половиннымъ жалованьемъ (пенсіею?). 17 марта 1812 г. умеръ [3]).

Богдановичъ,

(временный) *учитель рисованія въ гимназіи* съ 28 сентября 1806 г., опредѣленный на эту должность дюкомъ де-Ришелье, съ

[1]) Д. канц. попеч. 1814 г., № 3.
[2]) Д. канц. попеч. 1813 г. № 2; 1814, № 2; 1818, № 4.
[3]) Д. канц. попеч. 1811 г., № 4.

выдачею ему жалованья изъ штатной суммы. Попечитель Потоцкій, однако, не согласился на такое вознагражденіе, какъ не положенное по штату,—почему уроки рисованія и прекратились въ гимназіи (донес. директора 6 марта 1807 г.), а время, положенное на нихъ (4 урока), назначено на исторію и нѣмецкій языкъ [1]).

Бюте

упоминается въ книгѣ расходовъ благ. институтовъ на *1813-й годъ*, какъ *учитель* (съ окладомъ въ 1200 руб.), но мужскаго или женскаго *института* и какого именно предмета, въ вѣдомости не означено [2]).

Вакаръ Игнатій Романовичъ,

отставной маіоръ, уволенный за ранами; изъ дворянъ Витебской губ.; 32 лѣтъ (въ 1816 г.); утвержденъ гр. Ланжероном̀ъ и коммиссіею институтовъ *надзирателемъ мужск. благ. института* въ февралѣ 1816 года [3]).

Василенко Гавріилъ Кондратьевичъ,

отставной унтеръ-цейхвартеръ 12-го класса инженернаго корпуса; опредѣленъ *письмоводителемъ* 19 декабря 1816 г. Согласно прошенію, уволенъ отъ этой обязанности 24-го іюля 1817 г. [4]).

Виза (см. *Вица*).

Витри Эвераижъ,

протопресвитеръ Іисусова общества, *преподаватель закона Божія Римско-католич. исповѣданія въ благор. институтѣ*. Визитаторъ проф. Дюгуровъ какъ-то загадочно выражается относительно законоучителей института — протоіерея І. Воронича и Витри: онъ «не упомянулъ о нихъ, поелику они, *по его мнѣнію* (?), учатъ безъ жалованья». Упоминается въ *1814* году (въ спискѣ) [5]).

---

[1]) Д. канц. попеч. 1806 г., № 5.
[2]) Д. унив. арх. 1813 г., № 92.
[3]) Д. канц. попеч. 1815 г., № 7; 1816, № 4.
[4]) Д. канц. попечъ 1817 г., № 4.
[5]) Д. канц. попеч. 1814 г., № 2.

По *Морошкину* (т. II, стр. 412), Эрверанжъ Витри, бывшій командоръ Мальтійскаго ордена и казначей, сдѣлавшійся однимъ изъ жаркихъ послѣдователей Лойолы, былъ главнымъ начальникомъ или настоятелемъ всей іезуитской общины въ Крыму. Онъ основалъ свою резиденцію въ Одессѣ и былъ въ тѣсныхъ отношеніяхъ къ Ришелье

Виза (*Виза*) Дмитрій Константиновичъ,

учитель эллино-греч. языка въ *гимназіи*; 42 лѣтъ (въ 1810 году); изъ дворянъ греческой націи. Обучался въ училищахъ въ Аѳинахъ и Спартѣ греческому языку и Аристотелевой философіи. Служилъ секретаремъ при господарѣ Молдавскаго княжества Маврокордато, и по выѣздѣ въ Россію находился при немъ въ той же должности съ 1787 по 1792 г. Опредѣленъ въ корпусъ чужестранныхъ единовѣрцевъ учителемъ воспитанниковъ эллино-греческаго языка 1 сентября 1773 г. По переходѣ ихъ въ кадетскіе корпуса сухопутный и морской – отъ этой должности уволенъ 8 дек. 1803 г. Допущенъ къ должности учителя эллино-греческаго яз. въ гимназіи съ 15 апр. 1809 г; комитетомъ утвержденъ 10-го, а совѣтомъ университета—31 авг, съ производствомъ ему жалованья по 250 р. въ годъ 8 апр. 1811 г. Виза умеръ [1]).

Воланжъ,

иностранецъ, *учитель танцовальнаго искусства въ Од. благ. институтѣ* (списокъ служащихъ въ инст. 1 ноября *1816* г.) [2]).

Вольсей (*Wolsay*) Петръ Петровичъ,

первый *директоръ Од. коммерч. гимназіи* и *пенсіона Ришелье-Вольсея*, открывшій до того въ Одессѣ мужской, а позднѣе—женскій пансіоны. Свѣдѣнія о службѣ его и воспитаніи на стр. 39—40-ой.

Кѣмъ онъ вызванъ былъ въ Россію, мы не знаемъ.

Очевидно только, что онъ былъ извѣстенъ дюку де-Ришелье съ очень хорошей стороны: назначеніе его директоромъ коммерческой

---

[1]) Д. унив. арх. 1805—1810, № 15; канц. попеч. 1809, № 2.

[2]) Д. канц. попеч. 1815 г., № 7.

гимназіи врядъ-ли могло состояться безъ вѣдома и согласія Ришелье. Можно предположить, что онъ рекомендованъ былъ іезуитскою партіею, и, вѣроятнѣе всего, аббатомъ Николемъ, соучеником и другомъ Ришелье (извѣстно, что въ это время нашъ южный край, и особенно Одесса, уже намѣчены были этимъ орденомъ для его цѣлей). Оба пансіона Вольсея—мужской и женскій (въ послѣднемъ была даже, вопреки указаніямъ г. Скальковскаго, по свидѣтельству кн. И. М. Долгорукаго [1]), надзирательницею, т. е. *начальницею, жена Вольсея*)—были приняты подъ особое покровительство герцогомъ Рищелье. Первый изъ нихъ даже оффиціально названъ «Пенсіономъ, установленнымъ въ Одессѣ подъ непосредственнымъ покровительствомъ военн. губерн. Екатериносл., Херс. и Таврич. Дюка де-Ришелье, и подъ смотрѣніемъ Одесской гимназіи директора». «Пенсіонъ» этотъ, какъ мы видѣли, былъ прямою причиною самаго жалкаго существованія гимназіи, и не далъ возможности послѣдней *въ теченіи 13 лѣтъ* открыть *собственно—гимназическіе классы*.

О «планѣ» Вольсея, представленномъ университету, для пересозданія гимназіи по его собственной мѣркѣ и съ особенными цѣлями, открывающими ему возможность сразу убить это заведеніе, какъ и вообще о дѣятельности Вольсея, мы уже говорили въ главахъ III, VI—XVIII, XXVII, XXXII—XXXIV, XXXVII, XXXVIII, LIII, на стр. 270—274 и 324—327. Приведемъ только нѣкоторыя подробности, которыхъ мы мало касались.

Относительно исправленія должности директора Херсонскихъ училищъ Вольсеемъ имѣются свѣдѣнія, не совсѣмъ для него благопріятныя: онъ не оправдалъ ожиданій Ришелье и Потоцкаго—что видно изъ слѣдующаго:

13-го іюля 1809 г. училищный комитетъ донесъ попечителю Потоцкому, что «изъ многихъ доселѣ случившихся дѣлъ объ устроеніи училищъ въ Херсонской губерніи замѣчено..., что директоръ Вольсей, будучи занятъ управленіемъ гимназіи и содержимымъ имъ обширнымъ пансіономъ, *не имѣетъ столько времени, чтобы съ успѣхомъ дѣйствовать по предписаніямъ комитета*; при этомъ, имѣя въ виду надобность въ училищахъ въ Херсонской губерніи,

[1]) Кн. Долгорукій «Славны бубны и пр.», стр. 151.

положили: уволивъ Вольсея отъ должности директора училищъ Херсонской губерніи, поручить ее директору училищъ Екатеринославской губерніи *Мизко*».

Попечитель Потоцкій, «получивъ отъ комитета въ бытность свою въ Харьковѣ это представленіе, *спрашивалъ на это отъ директора Вольсея согласія* (?!),—по каковому поводу Вольсей 25-го іюля 1809 г. подалъ просьбу объ увольненіи его отъ должности директора училищъ Херсонской губерніи». Министръ, по представленію попечителя, согласился поручить эту должность *Мизко* [1]).

Уволенъ Вольсей министромъ народн. просвѣщенія 21 февраля 1811 г.

Вороничъ Іоаннъ,

протоіерей одесской соборной церкви и одесскій благочинный; изъ малороссовъ; сынъ священника; *учитель приходского училища при гимназіи*, а впослѣдствіи *законоучитель благороднаго института*; 32 лѣтъ (въ 1805 г.). «Обучался въ Екатеринославской семинаріи въ обыкновенныхъ (?) низшихъ классахъ до богословіи (sic), которой одинъ годъ въ семинаріи и 2 года въ Кіевской академіи обучался; также—ариѳметикѣ, географіи, исторіи и французскому языку». По окончаніи академіи въ 1801 г. опредѣленъ въ Екатеринославскую семинарію учителемъ низшаго класса русской и латинской грамматики; обучалъ и ариѳметикѣ и географіи. Рукоположенъ (въ діаконы?) 25 сент. 1803 г., а 28 сент. въ іереи къ одесскому собору. Съ 1808 по 1810 г. исправлялъ должность благочинническую, а 11 авг. 1813 г. произведенъ въ протоіереи къ одесскому собору и утвержденъ одесскимъ благочиннымъ.

Еще священникомъ, въ 1805 г., от. Вороничъ былъ опредѣленъ университетомъ учителемъ приходскаго училища при коммерческой гимназіи; но, по донесенію Вольсея (21 ноября 1805 г.), «не находя для себя возможнымъ примѣниться къ расположенію часовъ, означенныхъ для преподаванія въ классахъ уроковъ, отказался отъ должности».

---

[1]) Д. канц. попеч. по Херс. дир. 1809 г., № 8. — Дир. Мизко впослѣдствіи игралъ очень важную роль, какъ ревизоръ Ришельевскаго лицея.

Впослѣдствіи, съ 1808 г., от. Вороничъ преподавалъ законъ Божій въ одесскихъ училищахъ и благородныхъ институтахъ (въ институтахъ получалъ жалованья 300 руб.), а равно и въ коммерческой гимназіи (въ послѣдней, по свидѣтельству дир. Флуки, съ начала 1813 года), съ примѣрнымъ усердіемъ и успѣхомъ. По увольненіи Элкана, добровольно принялъ на себя обязанность учителя исторіи и географіи, безъ жалованья, до назначенія новаго преподавателя этихъ предметовъ; должность свою, по засвидѣтельствованію испр. должн. директора Жаданова, от. Вороничъ «исправлялъ неослабно; о таковой примѣрной его ревности Жадановымъ было доведено до свѣдѣнія университета чрезъ визитатора Дегурова»... «Сей примѣрный по поведенію, по просвѣщенію и по прилежному исполненію должности учителя закона Божія пастырь своими поученіями много содѣйствовалъ директору Флуки къ обращенію вниманія публики на училище, чрезъ что умножилось число учащихся въ оном. Сверхъ того, въ собраніи почетнѣйшихъ гражданъ Одессы, въ исходѣ ноября 1816 г., въ градской думѣ, Вороничъ содѣйствовалъ директору и почтенному градскому головѣ Протасову къ соглашенію на пожертвованіе ежегодно гимназіи и дѣвичьему народному училищу 11.500 руб. Таковые подвиги христіанскаго усердія и ревности на пользу училищъ заслуживаютъ награды фіолетовою камилавкою, къ чему и представленъ» [1]). Позднѣе (6 февр. 1818 г.), уже въ лицейскій періодъ, извѣстный абб. Николь въ представленіи своемъ попечителю говоритъ объ от. Вороничѣ, что «онъ заслуживаетъ награжденія..., какъ истинный наставникъ христіанскаго закона, преподававшій чистѣйшую вѣру ввѣреннымъ ему юношамъ въ столь долгое время»).

От. Вороничъ въ торжественныхъ случаяхъ часто произносилъ рѣчи,—напр, 12 марта 1817 г.—при открытіи Одесск. дѣвичьяго народнаго училища, 7 янв. 1818 г.—при открытіи Ришельевскаго лицея

Добавимъ, что от. Вороничъ въ лицеѣ не оставался, а перешелъ законоучителемъ въ Одесское дѣвичье народное училище [2]).

---

[1]) Донесеніе Флуки 10 февр. 1817 г.

[2]) Дѣла канц. попеч.: 1805, № 2; 1815, № 7; 1816, № 1; 1817, 8-ое дѣло къ № 71; 1818, къ № 2, II отд. 2 дѣло.

Вороничъ Петръ Дмитріевичъ,

надзиратель благор. института; 21 годъ (въ 1815 г.). Изъ духовнаго званія: образованіе получилъ въ Екатеринославской духовной семинаріи, гдѣ (съ 1 сент. 1800 г.) обучался русскому, латинскому и французскому языкамъ, риторикѣ, исторіи, географіи, ариѳметикѣ, философіи и богословію. По окончаніи курса, по его желанію, перемѣщенъ въ Кишиневскую епархію. Изъ духовнаго званія уволенъ въ 1814 г. Назначенъ надзирателемъ за воспитанниками Одес. благ. института 25 февр. 1815 г. При этой должности разновременно исполнялъ и обязанности *учителя* при томъ же заведеніи по 12 марта 1817 г. По выдержаніи экзамена, на законномъ основаніи, въ присутствіи директора и учителей Од. коммерч. гимназіи, опредѣленъ *учителемъ россійскаго яз. и св. исторіи при Од. дѣвичьемъ народн. училищѣ*. Впослѣдствіи «за похвальную и ревностную службу всемилостивѣйше пожалованъ бриллiантовымъ перстнемъ» (увѣдомленіе министра 1820 г.) [1]).

Габріель,

иностранецъ (не представившій никакихъ документовъ), *учитель фехтованія въ Од. благ. институтѣ*. Упоминается въ спискѣ служащихъ въ этомъ заведеніи 19-го авг. *1811 г.* Другихъ свѣдѣній о немъ не имѣется [2]).

Гальяръ Антонъ Ивановичъ,

61 года (въ 1805 г.); *учитель французскаго языка въ коммерч. гимназіи* и *благородномъ институтѣ*; французскій дворянинъ; учился въ Безансонѣ философіи и физикѣ, а потомъ слушалъ лекціи въ Парижѣ, у абб. Молье. Въ Россію выѣхалъ въ 1782 г. Былъ учителемъ французской грамматики въ Московскомъ университетѣ, а послѣ—и риторики въ университетскомъ пансіонѣ. Опредѣленъ въ Одесскую коммерческую гимназію учителемъ французскаго языка въ январѣ 1805 г. Женатъ и имѣетъ двухъ дочерей. Замѣчаніе о немъ дир. Вольсея въ 1805 г.: «Такого добронравія, коего нельзя требовать лучше». Гальяръ далеко не былъ знатокомъ своего предмета. Визитаторъ проф. Стойковичъ въ своемъ донесеніи 1805 года

[1]) Д. канц. попеч. 1815, № 7; 1816, № 1 и 1823, № 31.

[2]) Д. канц. попеч. 1811 г., № 4

замѣчаетъ, что *по незнанію Гальяромъ французской литературы* предметъ этотъ въ предполагаемой къ открытію гимназіи будетъ читать *Ферри*. О жалобѣ Гальяра въ училищный комитетъ относительно жалованья и квартиры—стр. 264—266. Въ 1806 г. Гальяръ просилъ комитетъ о дозволеніи женѣ его открыть пансіонъ, о чемъ мы говорили выше (стр. 79—81). Послѣ замедленной Вольсеемъ переписки по этому дѣлу, 9 февр. 1808 года университетъ увѣдомилъ объ утвержденіи пансіона Гальяра. Объ арестѣ Гальяра при полиціи и увольненіи его—стр. 261—262.

Жалованья по институту получалъ 600 руб. [1]).

Гарне,

лѣкарь при благор. институтѣ (списокъ *1813* г.); получалъ жалованья 500 руб. [2]).

Георги Мартынъ,

32 лѣтъ (въ 1805 г.); *учитель итальянскаго языка въ Од. коммерч. гимназіи*; докторъ юриспруденціи; род. въ Неаполѣ; учился въ Мессинѣ; говорилъ по-итальянски и по-французски. По замѣчанію Вольсея, «человѣкъ съ достоинствами въ разсужденіи языка и словесности итальянской и надежнаго добронравія». 10 сент. 1805 г. Вольсей доноситъ, что Георги отказался отъ должности [3]).

Гибаль, Александръ Варѳоломеевичъ (Богдановичъ),

22 лѣтъ (въ 1816 г.); *учитель франц. языка въ Од. коммерч. гимназіи и благор. институтѣ*; изъ дворянъ, сынъ коллежск. совѣтника; родился въ С.-Петербургѣ, окончилъ курсъ въ Мецскомъ лицеѣ во Франціи въ 1811 г. Въ 1813 г. выдержалъ испытаніе въ Нижегородской гимназіи изъ французскаго языка, риторики, греческой и римской исторіи, всеобщей географіи, ариѳметики, алгебры, геометріи, фортификаціи, архитектуры, черченія и рисованія, причемъ съ русскаго на французскій и съ французскаго на русскій переводилъ правильно. Занимался преподаваніемъ въ Москвѣ. Въ 1816 г. вызванъ Одесскимъ мѣстнымъ начальствомъ для преподаванія французскаго языка собственно въ благородномъ институтѣ.

---

[1]) Д. канц. попеч. 1806 г., № 1; 1810, № 3 и 1814 № 3; унив. арх. 1810, № 15.
[2]) Д. унив. арх. 1811 г., № 22.
[3]) Д. канц. попеч. 1805 г., № 2.

Относительно столкновенія по поводу его назначенія между административною и учебною частью—стр. 262—263.

Пререканія по поводу Гибаля окончились тѣмъ, что попечитель гр. Потоцкій, по представленію комитета, 9 октября 1816 г. согласился на опредѣленіе Гибаля учителемъ французскаго языка въ Од. коммерч. гимназію и благородные институты.

Одесскимъ мѣстнымъ начальствомъ Гибаль назначенъ учителемъ военныхъ наукъ въ институтѣ съ 1-го янв. 1817 г. За эту службу онъ награжденъ чиномъ коллежскаго секретаря 10 апр. 1817 года.

Съ открытіемъ Ришельевскаго лицея, Гибаль остался за штатомъ. Позднѣе—съ 22 февр. 1820 г.—онъ, по опредѣленію правленія лицея, «обучалъ военнымъ чертежамъ», вмѣсто увольнившагося Віардо. 18 апр. 1821 г. Гибаль уволенъ совѣтомъ отъ исправленія должности профессора военныхъ наукъ [1]).

Гибаль, вмѣстѣ съ *Ж. Д. Давллономъ*, *Феррарини*, *Сорономъ* и *Элканомъ*, былъ въ числѣ издателей первой одесской газеты «Messager de la Russie Méridionale, au feuille commerciale, publié avec l'autorisation du gouvernement», первый № которой вышелъ 1 апр. 1820 г. Редакція два раза пыталась выпустить газету на русскомъ языкѣ, и первый № ея, подъ названіемъ «Вѣстникъ Южной Россіи», вышелъ 1-го іюня 1821 г., подъ редакціею Гибаля; но опытъ этотъ оказался неудачнымъ (см. *Н. Лернера*, Первая одесская газета. Од. 1901, стр. 5—7).

Грудницкій,

титул. совѣтникъ, допущенъ временно къ исправленію должности *письмоводителя гимназіи* съ 1 января 1811 г., съ производствомъ ему жалованья по 100 руб. въ годъ изъ экономической суммы (въ такомъ размѣрѣ жалованье письмоводителю производилось, съ разрѣшенія комитета, еще при дир. Вольсеѣ). 1-го февр. 1812 г. Грудницкій уволенъ директоромъ [2]).

Гуржеевъ Иванъ Ивановичъ,

учитель россійскаго языка и словесности и *директоръ благороднаго института*; тит. совѣтн.; 27 лѣтъ (въ 1813 г.); изъ дво-

[1]) Д. канц. попеч. 1816 г., № 7 и 1817, д. 8 къ № 71.
[2]) Д. канц. попеч. 1811 г. № 1.

рянъ. Служилъ въ Зеньковскомъ повѣтовомъ судѣ съ 1797 по 1801 годъ; за усердную службу произведенъ въ коллежск. регистраторы 31 дек. 1802 г. Оттуда «для усовершенствованія себя въ наукахъ» перешелъ въ дворянскую гимназію Московскаго университета, гдѣ обучался закону Божію, россійскому, нѣмецк., англійскому и латинскому языкамъ, географіи, исторіи и чистой математикѣ; въ студенты поступилъ 30 авг. 1802 г.; въ университетѣ слушалъ лекціи: нѣмецкой литературы, эстетики, статистики, археологіи всеобщей исторіи, хронологіи и геральдики, натуральной исторіи и сельскаго домоводства, физики, технологіи, логики, метафизики, практической философіи и исторіи философіи, натуральнаго и римскаго права, теоріи законовъ, политики, политической экономіи и россійскаго практическаго законоискусства; въ 1807 г. получилъ степень кандидата правъ и тогда же за разсужденіе «О началахъ гражданскаго права»—золотую медаль. Въ сент. 1808 г. опредѣленъ учителемъ россійскаго синтаксиса въ университетскій благородный пансіонъ, а 18 іюля 1809 г. поступилъ учителемъ россійскаго языка и словесности въ Од. благородный институтъ, гдѣ получалъ жалованья 1500 руб. Интересно, что Ришелье 7 февр. 1812 г. далъ знать директору Минуту, что «Гуржеевъ, *по представленію его, губернатора*, и по докладу мин. нар. просвѣщенія, произведенъ изъ колл. секр. въ титул. совѣтники». Такимъ образомъ комитетъ освѣдомился отъ директора о производствѣ служащихъ подъ его вѣдѣніемъ, а не наоборотъ! 17 марта 1813 г. Гуржеевъ дюкомъ де-Ришелье назначенъ директоромъ института (по увольненіи Минута).

Куда дѣвался потомъ Гуржеевъ, свѣдѣній въ архивахъ не имѣется. Съ 14-го мая 1814 г. директоромъ института назначенъ Флуки. Въ спискѣ служащихъ, представленномъ имъ къ 1 ноября 1816 года, Гуржеевъ въ Од. благородномъ институтѣ уже вовсе не показанъ; преподаватель-же *Сливицкій* названъ вице-директоромъ института. Недоумѣніе это, намъ кажется, разрѣшается «Записками Ф. Ф. Вигеля» (изд. 1892 г.).

На стр. 96-й VI-го тома мы встрѣчаемъ слѣдующія свѣдѣнія: «У Ланжерона было два правителя канцеляріи: *Иванъ Ильичъ Гуржеевъ* и П. Г. Саражиновичъ»... У Вигеля, вѣроятно, здѣсь ошибка въ отчествѣ Гуржеева (*Ильичъ* вм. *Ивановичъ*),—что, конечно, вполнѣ возможно.

Гуржеевъ-же, очевидно, извѣстенъ былъ администраціи края съ самой отличной стороны,—иначе Ришелье не назначилъ бы его *директоромъ* въ излюбленное свое заведеніе. Гр. Воронцовъ также отзывался о Гуржеевѣ, «какъ о человѣкѣ умномъ и дѣльномъ», которому графъ поэтому и «доставилъ *почетное* и выгодное *мѣсто*». Все это только подверждаетъ наше предположеніе (слова Вигеля относятся къ 1823 г.) [1]).

Дегуровъ (Дюгуръ, Дюгуровъ) Антонъ Антоновичъ,

проф. Харьк. унив., визитаторъ Одесскихъ учебныхъ заведеній. О немъ стр. 100—105, 124—133 и 327—330.

Декапралевичъ Семенъ (Симонъ) Григорьевичъ,

учитель рисованія въ Од. благ. институтѣ; 22 лѣтъ (въ 1809 г.); изъ дворянъ Кам.-Под. губ. Поступилъ въ маѣ 1801 г. въ Дрезденскую академію художествъ, въ которой съ 1 мая 1801 по апр. 1806 г. обучался россійскому (?), французскому и итальянскому языкамъ, географіи, исторіи, чистой математикѣ, рисованію и живописи до 1806 года; въ этомъ году возвратился въ Россію и опредѣленъ училищнымъ комитетомъ въ Одес. благородный институтъ учителемъ 21-го мая 1809 г. По представленію гр. Ланжерона, награжденъ чиномъ губернскаго секретаря 12 апр. 1817 г. Холостъ. По открытіи Ришельевскаго лицея исправлялъ и тамъ ту же должность. Уволенъ по прошенію 14 дек. 1818 («принужденъ былъ взять отставку»). Жалованья по институту получалъ 1200 р. [2]).

Дембровскій,

надв. сов., *членъ попечительной коммиссіи благородн. института (1814)* [3]).

Добровольскій,

40 лѣтъ (въ 1816 г.); изъ польскаго шляхетства; отставной шт.-ротмистръ, уволенный за ранами; съ марта 1816 г. приглашенъ

---

[1]) Д. канц. попеч. 1811 г., № 4; 1813, №№ 1 и 2,
[2]) Д. канц. попеч. 1811, № 4; 1813, № 4; 1814, № 6; 1818 и № 8 д. 13.
[3]) Д. канц. попеч. 1822, № 47.

надзирателемъ въ Од. благородн. институтѣ, съ вѣдома попечительнаго комитета (упоминается въ спискѣ *1816 г.*) [1].

Дудровичъ Иванъ Ивановичъ,

27 лѣтъ (въ 1817 г.), *учитель словесности, исторіи и географіи въ Од. коммерч. гимназіи.* Изъ карпато-россовъ, духовнаго званія. По окончаніи Слободско-Украинской гимназіи поступилъ въ Харьковскій университетъ (7 іюля 1812 г.), въ которомъ изучалъ риторику, поэзію, археологію, педагогію, исторію и географію россійскую, исторію всеобщую, древнюю и новую съ ея критикой, эстетику, русскую, латинскую и нѣмецкую словесности, а въ особенности науки нравственно-политическаго отдѣленія. По испытаніи получилъ дипломъ на степень кандидата философіи 25 авг. 1815 г. Опредѣленъ учителемъ словесности въ Одес. коммерч. гимназію 21 марта 1817 г., а съ 21-го мая допущенъ директоромъ Флуки къ преподаванію исторіи и географіи до назначенія на мѣсто Сливицкаго другого учителя. Съ открытіемъ Ришельевскаго лицея, назначенъ адъюнктомъ 24 дек. 1817 г. При открытіи этого заведенія произнесъ рѣчь на латинскомъ языкѣ [2].

Дюпонъ,

учитель фехтовальнаго искусства въ Од благородн. институтѣ (списокъ служащихъ за *1816* годъ); иностранецъ. Съ 1-го сент. 1817 г., по случаю выѣзда въ Букарестъ, отказался отъ уроковъ въ институтѣ [3].

Еликъ Степанъ Герасимовичъ,

шт.-капитанъ (а потомъ титулярн. совѣтникъ), *надзиратель при воспитанникахъ Од. благородн. института* съ 24 іюля 1817 по 2 янв. 1818 г.; 51 года (въ 1817 г.); изъ солдатскихъ дѣтей. Службу началъ рядовымъ въ Старооскольскомъ пѣхотномъ полку 20 февр. 1780 г.; 16 окт. 1786 г. онъ былъ уже подпрапорщикомъ, 4 апр. 1794—сержантомъ, 21 іюля 1797—полковымъ квартирней-

---

[1]) Д. канц. попеч. 1815, № 7; 1816, № 10

[2]) Д. канц. попеч. 1816, № 1; 1817, №№ 6 и 8; 1823, № 31.

[3]) Д. канц. попеч. 1815, № 7, ун. арх. 1815, № 75.

стеромъ; съ 11 ноября 1801 г. титул. совѣтникомъ; въ 1811 г. за болѣзнію уволенъ отъ службы съ мундиромъ и съ производствомъ половиннаго жалованья за свыше 30-лѣтнюю службу. Бывалъ въ нѣсколькихъ походахъ, въ 1793, 1794, 1799, 1807, 1808 и 1809 г. Отъ должности уволенъ 2 янв. 1818 г. По препорученію главн. попечителя колонистовъ южнаго края Россіи надъ иностранными поселенцами, ген.-лейтен. Инзова, препровождалъ третью партію виртембергскихъ переселенцевъ отъ Одессы до Тифлиса съ 25 іюля по 24 окт. 1818 г. Въ сей должности утвержденъ 5 марта 1821 г.

Интересное дѣло, характеризующее этого воспитателя, возникло въ 1816-мъ году: «По изысканіи военнаго суда оказался (онъ) виновнымъ *въ истребованіи* въ 1811 г. *по фальшиво-составленнымъ имъ самимъ документамъ*, во время нахожденія его на службѣ и по отставкѣ, изъ молдавскихъ провіантскихъ магазиновъ и отъ корпуснаго коммиссіонера Рышкова провіанта и фуража на 2622 р. 67½ коп. Каковую сумму, по заключенію аудиторіата, состоявшемуся 15 мая 1816 г. и утвержденному начальствомъ главнаго штаба Его Императорскаго Величества, предоставлено взыскать на пополненіе казны, какъ съ него, Елика, такъ и съ смотрителей означенныхъ магазиновъ; впрочемъ онъ, Еликъ, отъ дальнѣйшей отвѣтственности освобожденъ по всемилостивѣйшему манифесту, изданному въ 30 день августа 1814 г.» Въ отставкѣ находился съ 12 мая 1811 по 24 іюля 1817 г. и вторично со 2 янв. 1818 по 17 сент. 1819 г. Женатъ, дѣтей нѣтъ. Впослѣдствіи былъ надзирателемъ во внутреннемъ приготовительномъ классѣ лицея. [1]).

Жадановъ Иванъ Даниловичъ,

учитель физико-математическихъ наукъ въ Одесск. коммерч. гимназіи; 25 лѣтъ (въ 1813 г.); изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей. По окончаніи курса наукъ въ Слободско-Украинской гимназіи, принятъ въ 1809 г. студентомъ въ Харьковскій университетъ, въ которомъ обучался географіи, исторіи, философіи, россійской, латинской и фран-

[1]) Д. канц. попеч. 1823 г. № 31.

цузской словесности, а въ особенности наукамъ физико-математическаго отдѣленія. Получилъ степень кандидата чистой и прикладной математики. Опредѣленъ университетомъ учителемъ математики и физики въ Одесск. коммерч. гимназію, 9 авг. 1813 г. По порученію училищнаго комитета, преподавалъ въ гимназіи коммерцію и бухгалтерію со 2 янв. 1814 по 1 янв. 1818 г. По приглашенію директора Флуки, преподавалъ *математику въ благородн. институтѣ*, съ производствомъ ему за 12 часовъ занятій 900 руб. въ годъ, съ 10 іюля 1815 г. Испр. должн. директора коммерч. гимназіи съ 4 іюня 1814 по 10 іюля 1815 г. По представленію Херсонскаго военнаго губернатора пожалованъ за отличіе въ титул. совѣтники 12 апр. 1817 г. По открытіи Ришельевскаго лицея, назначенъ въ немъ профессоромъ коммерческихъ наукъ съ 1 янв. 1818 г.

Визитаторъ проф. Дюгуровъ отзывается о Жадановѣ, какъ объ учителѣ, «прилежномъ къ своей должности и самого хорошаго поведенія».

Интересныя письма его къ ректору Харьковскаго университета съ настойчивыми просьбами, — см. на стр. 257—261.

Женелли (**Женельо**) Филиппъ,

учитель французскаго языка и литературы въ благородн. институтѣ. Утвержденъ комитетомъ учителемъ того же предмета *въ коммерческой гимназіи* 13 авг. 1815 г. 18 апр. 1816 г. подалъ просьбу объ отставкѣ для отправленія во Францію по наслѣдственнымъ дѣламъ, и съ 24 апрѣля прекратилъ свои занятія; 10 го мая 1816 г. опредѣленіемъ совѣта университета уволенъ отъ должности.

Неожиданность просьбы его объ увольненіи послужила поводомъ къ опредѣленію коммиссіи института о непремѣнномъ условіи объявленія о желаніи увольниться по крайней-мѣрѣ за 3 мѣсяца впередъ (стр. 227—228).

Дюгуровъ рекомендовалъ его и для гимназіи въ 1814 г. [2]).

Жуковъ Дмитрій Ѳомичъ,

учитель II-го класса уѣзднаго училища при Одес. коммерч. гимназіи; 23 лѣтъ (въ 1811 г.); изъ дворянъ. Окончивъ курсъ въ

[1]) Д. канц. попеч. 1813 г., № 3 и 1823 г., № 31.
[2]) Д. канц. попеч. 1814 г., № 2; 1815, № 8; 1816, № 9; арх. ун. 1816, № 75.

Слободско-Украинской гимназіи, поступилъ въ Харьковскій университетъ 17 авг. 1809 г.; обучался тамъ россійской, латинской и французской словесности, исторіи, географіи, статистикѣ, законовѣдѣнію, чистой и прикладной математикѣ. Опредѣленъ университетомъ учителемъ въ Одес. коммерч. гимназію 29 марта 1811 г. За ревностное исполненіе своихъ обязанностей получилъ признательность отъ училищнаго комитета 21 дек. 1812 г. (вслѣдствіе донесенія Дюгурова). По представленію Дюгурова, Жукову поручено было университетомъ преподаваніе *рисованія* въ уѣздномъ училищѣ 14 янв. 1813 г. Назначенъ былъ *учителемъ ариѳметики и чистописанія въ Одес. благородн. институтѣ* 26 іюня 1814 г., съ жалованьемъ по 400 р. въ годъ. По представленію директ. Флуки, Жукову поручено преподаваніе *русской грамматики въ благородн. институтѣ*, съ прибавкою жалованья по 400 р. въ годъ, — что̀ комитетомъ утверждено 19 ноября 1815 г. По представленію Херсонскаго военнаго губернатора, награжденъ за отличіе чиномъ губернскаго секретаря 12 апр. 1817 г.

По открытіи лицея, Жуковъ назначенъ учителемъ II-го класса начальнаго при этомъ заведеніи училища и утвержденъ въ должности 4 мая 1818 г.

О просьбѣ Жукова относительно назначенія его учителемъ гимназіи и о послѣдствіяхъ ея см. стр. 268—270 [1]). Кромѣ того, не лишены интереса свѣдѣнія на стр. 318—319.

Зафира,

по представленію директ. Вольсея 23 ноября 1807 г., былъ временно допущенъ къ *преподаванію греческаго языка въ коммерч. гимназіи*, а 25 марта, ходатайствуя о его утвержденіи, директоръ отзывался съ похвалой о прилежаніи и поведеніи этого преподавателя. 8 фев. 1809 г. Вольсей доноситъ, что Зафира объявилъ ему, что не можетъ болѣе преподавать въ уѣздномъ училищѣ (причины ?), а потому и прекратилъ свои занятія съ 15 января. Комитетъ 10-го марта 1809 г. положилъ: учителя Зафиру изъ списковъ исключить,

[1]) Д. канц. попеч. 1819 г. № 4; 1815, № 4; 1823, № 31.

а директора увѣдомить, что учителя и прочіе чиновники, подвѣдомые университету и состоящіе въ дѣйствительной службѣ, опредѣляются и увольняются университетомъ, а потому всякій учитель, желающій оставить должность, долженъ подать объ увольненіи его прошеніе директору, съ прописаніемъ побудительныхъ къ тому причинъ, и продолжать отправлять свою должность до полученія увольненія отъ университета [1]).

Зэхаровъ Илья Захаровичъ,

губернскій секретарь, *учитель исторіи, географіи и русской грамматики въ благородн. институтѣ*; кромѣ того, онъ исполнялъ обязанность *секретаря* при институтѣ и *письмоводителя* при гимназіи (послѣднюю съ 1 февр. 1812 г.). Изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей; обучался въ Московскомъ университетѣ; въ службу вступилъ 9 янв. 1803 г. учителемъ ариѳметики при воспитанникахъ обоего пола Московскаго воспитательнаго дома; уволенъ отъ этой должности 10 февр. 1808 г. Назначенъ учителемъ исторіи и географіи въ двухъ меньшихъ классахъ Одесск. благородн. института 14 дек. 1810 г.; кромѣ того, въ этихъ же классахъ преподавалъ и россійскую грамматику. По его словамъ (въ просьбѣ, обращенной къ попечительной коммиссіи института 20 дек. 1814 г.), онъ «преподавалъ уроки по 32 часа въ недѣлю, между тѣмъ какъ другіе учителя не занимались даже назначенныхъ 24 часовъ въ недѣлю. Но прошлаго 1813 г. 7 іюля за какимъ-то излишествомъ учителей долженъ онъ былъ оставить службу института, не получивъ даже заслуженнаго имъ за 7 дней того мѣсяца жалованья»... 30 окт. 1815 г. директоръ Флуки представилъ о томъ, что Захаровъ, получавшій жалованья 800 р. въ годъ за преподаваніе въ институтѣ (по 12 часовъ въ недѣлю), объявилъ, что «не желаетъ быть болѣе учителемъ института», а хочетъ перейти учителемъ исторіи и географіи въ гимназію; но комитетъ 7 янв. 1816 г. назначилъ на это мѣсто *Сливицкаго*. Уволенъ 19 ноября 1815 г. Жалованья получалъ въ институтѣ за уроки 800 р. и за секретарство 300 р.

---

[1]) Д. канц. попеч. 1807 г., № 3.

Интересенъ эпизодъ объ увольненіи его отъ должности письмоводителя гимназіи. 14 мая 1813 г. дир. Минутъ представилъ о томъ, что Захаровъ, «будучи обязанъ двумя должностями при Одесскомъ институтѣ (учительскою и секретарскою), не имѣлъ достаточно времени заниматься еще и письмоводствомъ по дѣламъ гимназіи»,—почему и просилъ возложить эту обязанность на *Кучеровскаго*. Комитетъ на это не согласился, потому что изъ рапорта директора не видѣлъ, чтобы Захаровъ «представилъ ему невозможность къ исправленію должности письмоводителя.» Когда же испр. должность директора Элканъ представилъ комитету собственноручную просьбу Захарова, поданную еще дирек. Минуту, тогда только училищный комитетъ, 1 іюля 1813 г., согласился на опредѣленіе письмоводителемъ Кучеровскаго [1]).

Золотаревъ Алексѣй,

учитель россійской словесности и философіи въ Одесск. коммерч. гимназіи, 24 лѣтъ (въ 1808 г.); изъ духовнаго званія Курской губерніи города Бѣлгорода. Съ 1797 по 1804 обучался въ Бѣлградской семинаріи до богословскаго класса; потомъ, по силѣ Высочайшаго повелѣнія, съ 4 сентября 1804 г., находясь въ Харьковскомъ университетѣ въ числѣ студентовъ казеннаго содержанія, обучался по 30 іюля 1808 г.: латинской словесности, французскому языку, географіи, древней исторіи, исторіи и статистикѣ Россійскаго государства, эстетикѣ, педагогіи, математикѣ, физикѣ и въ особенности россійской словесности, философіи и политической экономіи. 30 іюня 1808 г. совѣтомъ Харьковскаго университета опредѣленъ въ Богодуховское уѣздное училище учителемъ II-го класса, съ порученіемъ и должности смотрителя. 17 дек. 1808 г. тѣмъ же совѣтомъ, по рекомендаціи ректора Рижскаго, опредѣленъ въ Одесск. коммерческую гимназію учителемъ россійской словесности и философіи, съ штатнымъ жалованьемъ 550 р. и казенною квартирою, съ тѣмъ, чтобы онъ, до открытія гимназіи, обучалъ въ уѣздномъ училищѣ всѣмъ предметамъ, касающимся до россійской словесности и

[1]) Д. канц. попеч. 1811 г., №№ 1 и 4; 1815, № 4; унив. арх. Д. 1811—1817, № 65.

философіи. Женатъ. Золотаревъ, къ сожалѣнію, предавался несчастной страсти къ вину («обращался въ пьянствѣ»), нерѣдкой въ то время между педагогами, которая и погубила его. О ревизіи гр. Потоцкаго и слѣдствіяхъ ея для Золотарева см. стр. 232. Жадановъ упоминаетъ о немъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, — см. стр. 258 [1]).

Камбуроглу,

учитель греческаго языка въ комм. гимназіи (1812—1813 г. ?) —упоминается у Дюгурова,—см. стр. 329.

Карандино Евангелій Ивановичъ,

отставной флота лейтенантъ, *надзиратель* 3-го и 4-го отдѣленій Одесскаго *благороднаго института* (упоминается только въ *1817* году) [2]). См. предложеніе ему *Жилле* — стр. 198—199.

Карузо Спиридонъ Анастасьевичъ,

надворн. совѣтн.; 42 лѣтъ (въ 1814 г.); *врачъ при благородн. институтѣ*; изъ венеціанскихъ дворянъ. Вступилъ въ Венеціанскій университетъ 2 янв. 1782 г., слушалъ въ немъ медико-хирургическія науки; выпущенъ медико-хирургомъ 12 авг. 1795 г. Опредѣленъ въ службу Венеціанской республики, каковую продолжалъ по завладѣніи ея французами въ Корфинскомъ госпиталѣ до взятія Корфу русскими войсками. Въ это же время принятъ медико-хирургомъ въ русскую службу въ тотъ же госпиталь 21 февр. 1799 г. Назначенъ главнымъ медикомъ того жо госпиталя 20 дек. 1805 г. По представленію уполномоченнаго въ Корфу русскаго министра графа Моцениго, всемилостивѣйше пожалованъ въ надворн. совѣтники, съ опредѣленіемъ по воинской части въ качествѣ дивизіоннаго инспектора при госпиталѣ, 18 окт. 1807 г. Опредѣленъ въ Севастопольскій морской госпиталь главнымъ лѣкаремъ (и инспекторомъ) 16 сент 1810 г.; находился тамъ до перевода его главнымъ лѣкаремъ въ Тифлисскій госпиталь 10 февр. 1813 г. Опредѣленъ врачемъ при Одесск. благородн. институтѣ 1 іюля 1814 г.

---

[1]) Д. унив. арх. 1805—1810, № 15; канц. попеч. 1808, № 1.

[2]) Д. унив. арх. 1817 г., № 16.

Аббатъ Николь (донес. попечит. 7 дек. 1818 г.) говоритъ, что, «почитая Карузо своимъ другомъ, онъ ходатайствовалъ лично у дюка де-Ришелье о приглашеніи его въ Одессу, полагаясь совершенно на его знанія и искусство въ пользованіи.» Карузо оставался врачемъ и при Ришельевскомъ лицеѣ [1]).

Кафассо (Кофассо) Іосифъ,

іезуитъ, протопресвитеръ, *законоучитель Римско-католическ. исповѣданія въ* Одесск. благородн. *институтѣ* (упоминается въ спискѣ служащихъ въ институтѣ за *1816 и 1817 г.)* [2]). Состоялъ священникомъ-іезуитомъ при Эрверанжѣ Витри, начальникѣ іезуитской общины въ Крыму [3]). (см. Витри).

Кирьяковъ,

коллеж. совѣтн., *членъ попечит. коммиссіи благородн. института (1814)* [4]).

Кобле Ѳома Алексаандровичъ.

комендантъ, ген.-м., *членъ попечит. коммиссіи благородн. института (1814)* [4]).

Ковалевскій Александръ Ивановичъ,

титул. совѣтн.; назначенъ комитетомъ 18 мая 1817 г. *учителемъ словесныхъ наукъ Одесск. коммерч. гимназіи*; 27 лѣтъ (въ 1817 г.); изъ духовнаго званія. 3 сент. 1802 г. поступилъ въ Харьковскій коллегіумъ, гдѣ обучался: грамматикѣ, поэзіи, риторикѣ, философіи, всеобщей древней и новой исторіи и географіи, ариѳметикѣ, алгебрѣ, латинскому, нѣмецкому и французскому языкамъ. По увольненіи изъ духовнаго званія, поступилъ въ Харьковскій университетъ въ 1812 г., гдѣ слушалъ логику, психологію, нравственную философію, политическую экономію, исторію, географію и статистику Россійскаго государства, русскія древности, права: естественное,

---

[1]) Д. канц. попеч. 1823 г., № 31.
[2]) Д. канц. попеч. 1815 г., № 7.
[3]) *М. Морошкинъ*, Іезуиты въ Россіи. Т. II, стр. 414.
[4]) Д. канц. попеч. 1822 г., № 47.

российское гражданское и уголовное, риторику, эстетику съ грамматикою критики (?), поэзію. Опредѣленъ 23 дек. 1814 г. учителемъ философіи, изящныхъ наукъ и политической экономіи въ Таврическую гимназію. Переведенъ учителемъ историко-географическихъ и словесныхъ наукъ въ Одесск. коммерч. гимназію 16 мая 1817 г. Временнымъ правленіемъ Ришельевскаго лицея избранъ въ адъюнкты 12 сент. 1817 г. и утвержденъ въ этой должности, съ исполненіемъ надзирательской, 24 дек. 1817 г. [1]).

Кокораки,

колл. регистр., *преподаватель ариѳметики* во II-мъ классѣ *Од. благородн. института*; увольнился въ іюнѣ 1815 г. [2]).

Кола Андрей Михайловичъ,

надзиратель благородн. института. (12 сент. 1817—17 авг. 1818).

Коробовичъ,

подпоручикъ, *учитель латинскаго языка* въ Одесск. благор. *институтѣ*, выписанный аббатомъ Николемъ въ 1814 г.; увольнился 1 мая 1815 г., не вступая, кажется, въ должность [3]).

Коропачинскій,

инспекторъ (надзиратель) *пансіона Вольсея*; полякъ; былъ временно приглашенъ на мѣсто увольнившагося въ маѣ 1806 г. *учителя приходскаго училища Шлюхина.* Коропачинскій, какъ видно, занимался очень недолго, — такъ какъ 3-го іюля на мѣсто Шлюхина представленъ былъ *К. И. Яновскій* [4]).

Кофассо (см. **Кафассо**).

Кочневъ Левъ,

изъ отставныхъ фурьеровъ гвардіи; опредѣленъ университетомъ 17 іюля 1805 г. *учителемъ рисованія въ Одесск. коммерч. гимназію*; не вступая въ должность, въ маѣ 1806 г. перемѣщенъ на

---

[1]) Д. канц. попеч. 1817 г., № 6 и 1823, № 31.
[2]) Д. канц. попеч. 1815 г., № 4.
[3]) Д. унив. арх. 1816 г., № 75.
[4]) Д. канц. попеч. 1804 г., № 1 и 1806 г., № 8.

открывшуюся въ Новгородъ-Сѣверской гимназіи такую же должность [1]).

Криницкій Петръ,

титул. совѣтн., *учитель каллиграфіи въ* Одесск. благородн. *институтѣ*; увольнился 2 іюня 1814 г. Онъ же временно исправлялъ должность *письмоводителя гимназіи* («находился у исправленія дѣлъ (и) удалился отъ сей должности» (донес. дир. Минута 7 фев. 1811 г.) [2]).

Крыловъ Семенъ Матвѣевичъ,

учитель чистописанія въ Одесск. благородн. *институтѣ*; сынъ сержанта. 15 фев. 1800 г. поступилъ въ университетскую гимназію, въ которой обучался, во II-мъ синтаксическомъ латинскомъ классѣ, въ I-мъ синтаксическомъ нѣмецкомъ, въ синтаксическомъ россійскомъ, въ географич., ариѳметич. и въ низшемъ рисовальномъ и, не окончивъ курса, увольнился по прошенію въ 1811 г. (упоминается въ спискѣ служащихъ за *1811 — 1813* годы). Кромѣ того, онъ былъ и *инспекторомъ (надзирателемъ) института.* Жалованья получалъ — какъ учитель 500 р. и какъ надзиратель — 400,—всего 900 р. [3]).

Куницкій Петръ Семеновичъ,

протоіерей соборной церкви; 35 лѣтъ (въ 1806 г.); *учитель русскаго языка и закона Божія въ уѣздномъ училищѣ*; род. въ Молдавіи. Замѣч. дир. Вольсея: «говоритъ по-русски, по-гречески и по-латыни; *хорошее пріобрѣтеніе*», 26 авг. 1808 г. Вольсей доноситъ, что протоіер. Куницкій, находясь уже болѣе мѣсяца въ отлучкѣ, обязанъ остаться въ Молдавіи, и потому долженъ быть замѣщенъ другимъ преподавателемъ. Къ этому присоединяетъ, что «Куницкимъ *не можетъ похвалиться*». (Въ короткій періодъ времени *два противоположныхъ отзыва*!).

---

[1]) Д. канц. попеч. 1805 г., № 1.
[2]) Д. канц. попеч. 1814 г., № 1.
[3]) Д. канц. попеч. 1811 г., № 4 и унив. арх. 1811 г., № 22.

Довольно характеристиченъ слѣдующій фактъ: 15 нояб. 1807 г. комитетъ предложилъ Вольсею спросить *Куницкаго* (по рекомендаціи проф. Рижскаго): не пріймете ли онъ на себя, за особое вознагражденіе, преподаванія *греческаго языка* въ гимназіи? Вольсей, не отвѣчая ни слова на этотъ вопросъ, представляетъ 23 ноября на должность *Зафиру*—сперва для временнаго преподаванія, а въ слѣдующемъ году и къ утвержденію.

Примѣчаніе. От. Куницкій впослѣдствіи награжденъ былъ орденами св. Анны 2-ой степени съ алмазами и св. Владиміра 3-й степени и митрою (Списокъ чиновниковъ *Од. народн. дѣв. училища*; стр. 474 и 491 Циркул. по упр. Одесск. уч. окр. за 1881 годъ) [1]).

Куропалатъ,

колл. секр., *учитель еллино-греческ. языка* въ Одес. благородн. *институтѣ*. Рекомендованъ 30 ноябр. 1814 г. визитаторомъ проф Дюгуровымъ и для будущей гимназіи. Въ іюлѣ 1817 г., за старостію и слабостію здоровья, просилъ объ увольненіи отъ службы. Уволенъ 1-го августа [2]).

Кучеровскій Кириллъ Ивановичъ,

титул. сов., *учитель приходскаго училища при коммерч. гимназіи*; 40 лѣтъ (1808 г.); изъ духовнаго званія. «Окончивъ ученіе до класса философіи» въ Черниговской семинаріи, по требованію Черниговскаго генералъ-губернатора изъ этого заведенія уволенъ и опредѣленъ 10 янв. 1793 г. (учителемъ) въ Черниговское народное училище; оттуда переведенъ 6 іюля 1794 г. въ Нѣжинское народное училище. Награжденъ чиномъ XIV-го класса со старшинствомъ съ 1802 г. Училищнымъ комитетомъ переведенъ въ Одесск. коммерч. гимназію 10 окт. 1808 г. Кучеровскій только въ ноябрѣ выѣхалъ въ Одессу. По этому случаю комитетъ 4 декабря 1808 г. доносилъ попечителю, что по неприбытію Кучеровскаго «не на кого возложить его предметы, потому что *прочіе преподаватели ино-*

[1]) Д. канц. попеч. 1804 г., № 1; 1805 г., № 2, 1806, № 8 и 1808, № 2.
[2]) Д. канц. попеч. 1814, № 2 и 1815, № 7; унив. арх. 1817, № 12.

странцы (это—въ *русскомъ* учебномъ заведеніи),—отчего не только.. классъ Яновскаго (предмѣстника Кучеровскаго) остается безъ преподавателя, но и другіе предметы, которые онъ занималъ... и самое письмоводство директора, которое... Яновскій отправлялъ (sic), пріостановиться можетъ». (Фактъ въ высшей степени характеристичный для учебнаго заведенія!). Произведенъ въ коллежскіе секретари со старшинствомъ съ 1810 г., въ титулярн. совѣтники—со старш. съ 1814 г. Сверхъ учительской должности въ Нѣжинскомъ училищѣ былъ библіотекаремъ, а въ Одесск. коммерч. гимназіи — въ должности *письмоводителя* съ 1 іюля 1813 по іюль 1815 г.; уволенъ отъ этой обязанности по слабости здоровья; съ 1811 г. завѣдывалъ библіотекою гимназіи и училища по 1818 г. За ревностное исполненіе всѣхъ должностей награжденъ одобрительными аттестатами. Удостоенъ признательности *за сбереженіе 10 учениковъ во время моровой язвы.* Съ открытіемъ Ришельевскаго лицея, назначенъ учителемъ I-го класса начальнаго училища при этомъ заведеніи 9 янв. 1818 г., а 4 мая въ этой должности утвержденъ. Въ 1817 году сильно болѣлъ «отъ простуды, превратившейся впослѣдствіи въ чахотку», — почему съ 4-го апрѣля не бывалъ на урокахъ довольно продолжительное время (1 іюня, по донесенію дирек. Флуки, онъ еще не занимался въ училищѣ).

Примѣчаніе. Интересно, что, по увольненіи отъ службы изъ лицея (въ 1823 г.), Кучеровскій 21 ноября 1824 г. получилъ, по высочайшему указу, въ пенсію, за 30-лѣтнюю безпорочную службу, *полный окладъ его жалованья—1000 рублей.* [1]).

Ламбири Егоръ Дмитріевичъ,

сотникъ, *учитель ариѳметики въ гимназіи и благородн. институтѣ*; 34 лѣтъ (въ 1809 г.); грекъ, уроженецъ Тавриды. Въ службу вступилъ 9 сент. въ 1797 г. въ кадетскій корпусъ, учрежденный въ С.-Петербургѣ для чужестранныхъ единовѣрцевъ (иначе—Греческій корпусъ) кадетомъ, гдѣ обучался ариѳметикѣ, теоретической геометріи, плоской и сферической тригонометріи, алгебрѣ до

[1]) Д. канц. попеч. 1823 г., № 31.

квадратныхъ уравненій, выслушалъ навигацію и нужную для него часть астрономіи, также регулярную фортификацію, артиллерію, физику, географію, древнюю и новую исторію; сверхъ природнаго греческаго, также еллино-греческаго и россійскаго языковъ, обучался итальянскому. Въ 1793 и 1794 г.г. находился для обученія морской практикѣ на корабляхъ въ Балтійскомъ морѣ. Былъ произведенъ въ гардемарины въ 1793 г., въ мичманы—23 янв. 1803. Поступилъ «охотно» въ Кіевскую подвижную милицію сотникомъ въ 1808 г., а по расформированіи ея уволенъ отъ службы съ мундиромъ 4 іюня 1808 г. Допущенъ былъ директоромъ къ *преподаванію математики въ гимназіи* 1 авг. 1809 г., съ жалованьемъ отъ 250 до 300 р. въ годъ; утвержденъ учительскимъ совѣтомъ университета 25 ноября того же года. Женатъ, дѣтей нѣтъ. Умеръ въ первыхъ числахъ октября 1812 г. (вѣроятно, отъ чумы). — О бѣдственномъ положеніи Ламбири говоритъ Жадановъ въ своемъ письмѣ (*отрепанный учитель*),—стр. 259 [1]).

Ламбуле,

иностранецъ, *учитель танцевъ* въ Одесск. благородн. *институтѣ* (встрѣчается въ спискахъ служащихъ *1811* и *1812* г.) [2]).

Ланжеронъ Александръ Ѳедоровичъ,

графъ, назначенный 18 ноября 1815 г. на мѣсто дюка-де-Ришелье; *предсѣдатель попечительной коммиссіи Одес. благородн. института* (а потомъ временнаго правленія Ришельевскаго лицея [3]).

Лосіевскій Петръ Ивановичъ,

колл. секр., *надзиратель и учитель приготовительнаго класса и географіи въ 1-мъ классѣ Од. благородн. института,* гдѣ преподавалъ *языки латинскій и русскій*; 23 лѣтъ (въ 1809 г.); изъ духовнаго званія. Въ 1800 г. поступилъ въ Полтавскую семинарію, въ которой обучался русскому, латинск. и французск. языкамъ,

---

[1]) Д. канц. попеч. 1810 г., № 1 и 1813, № 7; унив. арх. 1810 г., № 15.
[2]) Д. канц. попеч. 1808 г., № 3; 1811, №№ 4 и 5.
[3]) Д. канц. попеч. 1817 г., къ № 71, II отд., 3-е дѣло.

риторикѣ, исторіи, географіи и чистой математикѣ; въ 1806 г. переведенъ въ Екатеринославскую семинарію, гдѣ обучался философіи и богословію. По сношенію Херсонскаго военнаго губернатора съ Екатеринославскимъ епископомъ, «отпущенъ» для занятій *надзирательской и учительской должности въ Од. благородн. институтѣ* съ 15 ноября 1809 г. Жалованья по обѣимъ должностямъ получалъ 1200 р. Изъ духовнаго званія уволенъ 20 іюня 1814 г. Въ 1816 г., вслѣдствіе просьбы, Лосіевскій уволенъ отъ должности надзирателя. 12 марта 1817 г. назначенъ учителемъ исторіи и географіи въ Од. дѣвичье народное училище. 12 марта того же года говорилъ рѣчь при открытіи этого заведенія. Получалъ: за 8 уроковъ исторіи и географіи—500 р., за 12 часовъ въ приготовительномъ классѣ — 500 р. и квартирныхъ—500 р.,—всего 1500 р. За похвальную и ревностную службу впослѣдствіи всемилостивѣйше пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ (увѣдомл. мин. Голицынымъ попечителя 21 авг. 1820 г.) [1]).

Макри Григорій,

іеродіаконъ Синайской горы, временно допущенный *учителемъ еллино-греческаго языка при коммерч. гимназіи*; уроженецъ остр. Сима, принадлежащаго къ Родосской митрополіи; изучилъ еллино-греческій языкъ въ тамошнемъ училищѣ. Отправляясь черезъ Одессу въ Каиръ, принужденъ былъ остаться на зиму въ нашемъ городѣ до открытія свободнаго судоходства. Въ знаніи еллино-греческаго языка выдано ему свидѣтельство отъ бывшихъ здѣшнихъ учителей еллино-греческ. языка. 5 дек. 1811 г. комитетомъ допущенъ временно учителемъ этого языка. 6 мая 1812 г отправился въ Царьградъ, не объявивши о намѣреніи своемъ оставить уѣздное училище.

Мамчичъ Семенъ Ивановичъ,

коллежск. регистраторъ, *письмоводитель гимназіи* съ 15 апр 1816 г. по 1 сентября того же года; увольнился по прошенію [2]).

---

[1]) Д. канц. попеч. 1816 г., № 4; 1818, къ № 2, II отд.; 1823, № 31.
[2]) Д. канц. попеч. 1811 г., № 5.
[3]) Д. канц. попеч. 1817 г., № 4.

Минутъ Андрей Яковлевичъ,

директоръ коммерч. гимназіи и *благороднаго института* 37 лѣтъ (въ 1811 г.). Окончилъ курсъ въ шляхетномъ кадетскомъ корпусѣ. Былъ въ нѣсколькихъ походахъ, между прочимъ за-границею. До назначенія ⅓ директоромъ коммерч. гимназіи и благ. института былъ смотрителемъ при Херсонскомъ военно-сиротскомъ отдѣленіи (прочія подробности см. на стр. 91—92). Предложеніемъ министра 21 февр. 1811 года Минутъ опредѣленъ директоромъ Од. комм. гимназіи. Гр. Разумовскій въ 1811 г. увѣдомилъ комитетъ о переименованіи полковника Минута, по высочайшему соизволенію, въ коллежскіе совѣтники,—о чемъ Херсонскому военному губернатору дано знать отъ правительствующаго сената указомъ 14 іюля 1811 года.

О положеніи гимназіи при Минутѣ, о чумѣ, вслѣдствіе которой прекращено было ученіе въ учебныхъ заведеніяхъ въ Одессѣ на довольно продолжительное время, и о другихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, сопровождавшихъ его директорство, а равно объ его увольненіи мы говорили выше (стр. 92—108 и 274). 26 мая 1813 года Минутъ, по прошенію, уволенъ отъ службы.

Молинари Матвѣй,

іезуитъ-миссіонеръ въ Одессѣ (вѣроятно, *преподавалъ законъ Божій Римско-католическаго исповѣданія въ благородномъ институтѣ*). Показанъ по книгѣ расходовъ этого заведенія за *1813* годъ. Получалъ съ другимъ не поименованнымъ іезуитомъ-миссіонеромъ 300 руб. въ годъ (живя, конечно, на всемъ готовомъ въ зданіи института).

Мустоксиди Алоизій,

инспекторъ, (надзиратель одной изъ дивизій (отдѣленій) *Од. благороднаго института* и *учитель чистописанія* съ 16 іюля 1817 г.; состоялъ на службѣ по 1 января 1818 г. [1]).

---

[1]) Д. унив. арх. 1818 г., № 4.

Несторъ Карпъ Филиппъ,

инспекторъ (надзиратель) *Од. благороднаго института* (упоминается въ книгѣ расходовъ этого заведенія за *1813* г.); получалъ жалованья 400 руб. въ годъ [1]).

Николь Карлъ Карловичъ,

аббатъ; каноникъ Кіевской католической церкви и всѣхъ церквей въ губерніяхъ Херсонской, Екатериносл. и Таврической начальникъ; *членъ попечительной коммиссіи Од. благороднаго института* (упоминается въ *1814* г.); 55 лѣтъ (въ этомъ же году); «изъ помѣщиковъ французской націи».

Имѣлъ большое вліяніе на учебно-воспитательную часть въ Одессѣ, составилъ «Начертаніе правилъ воспитанія въ обоихъ Одесскихъ благородныхъ институтахъ» (1814 г.) и способствовалъ преобразованію гимназіи и благороднаго института въ Ришельевскій лицей (см. стр. 143—145).

Высочайшимъ указомъ 1 мая 1817 г. назначенъ директоромъ Ришельевскаго лицея [2]).

Огинскій Ѳеодоръ,

одесскаго собора протоіерей, *учитель закона Божія и россійской словесности* (упоминается въ спискахъ служащихъ въ *Од. благородномъ институтѣ* за *1811* и *1812* г.).

Примѣчаніе. Съ августа 1814 по 1 апрѣля 1815 г. от. Ѳеодоръ Огинскій былъ законоучителемъ Екатеринославской гимназіи [3]).

Палатино,

отставной маіоръ, *надзиратель Од. благороднаго института* (упоминается въ спискахъ служащихъ за *1816* годъ) [4]).

---

[1]) Д. унив. арх. 1811 г., № 22.

[2]) Д. унив. арх. 1820 г., № 85.

[3]) Д. канц. попеч. 1811 г., № 4. Я. *Грахова*, Краткій истор.-статистич. обзоръ Екатеринославской гимназіи... Одесса 1856, стр. 59.

[4]) Д. канц. попеч. 1815 г., № 7.

Пахманъ Вакентій Филипповичъ,

учитель музыки при Од. благор. институтѣ; 23 лѣтъ (въ 1816 г.); «оберъ-офицерскій сынъ австрійской службы». Поступилъ въ Пражскій университетъ въ 1807 году и обучался въ немъ, въ продолженіи 5 лѣтъ, словеснымъ наукамъ, исторіи, математикѣ, физикѣ, философіи, правамъ: естественному, гражданскому и римскому. Въ 1812 г. опредѣленъ въ Пражскую консерваторію музыки, гдѣ обучался три года. Пріѣхалъ въ Россію въ 1815 г. Опредѣленъ учителемъ музыки въ институтъ 1 февр. 1816 г. Съ 1-го января 1818 г. назначенъ учителемъ музыки въ Ришельевскомъ лицеѣ; утвержденъ въ этой должности 2 марта 1818 г. [1]).

Примѣчаніе. Пахманъ съ 3 сент. 1828 года состоялъ адъюнктомъ при лицеѣ; преподавалъ разновременно затѣмъ латинскій языкъ и словесность, коммерческую и гражданскую бухгалтерію; при новомъ уставѣ лицея занималъ разновременно же каѳедры римскаго законовѣдѣнія, энциклопедіи и исторіи права, коммерціи; былъ цензоромъ и испр. должность предсѣдателя цензурнаго комитета и пр. Намъ самимъ въ началѣ 50-хъ годовъ довелось слушать у него римское и международное право. Уволился, за выслугою 30-ти лѣтъ, съ пенсіею, въ 1853 году [2]).

Петцъ (*Петцэ*, *Пеццэ*) Акимъ Валентиновичъ,

учитель латинскаго и нѣмецк. яз. въ Од. благор. институтѣ; 27 лѣтъ (въ 1810 г.); оберъ-офицерскій сынъ австрійской службы. Въ 1805 г. поступилъ въ Львовскій университетъ, гдѣ обучался философіи, чистой математикѣ, естественной исторіи, всеобщей исторіи и физикѣ; потомъ, бывши уже кандидатомъ богословія, выдержалъ экзаменъ на полученіе права обучать словеснымъ наукамъ 16 авг. 1809 г. Опредѣленъ въ Од. благородный институтъ *учителемъ латинскаго языка* 1 августа 1810 г. По порученію начальства преподавалъ въ томъ же заведеніи и *нѣмецкій языкъ* съ іюля 1814 г. Въ февралѣ 1816 г. уволенъ отъ надзирательской должности вслѣдствіе прошенія. За отличіе произведенъ въ губернскіе секретари

---

[1]) Д. канц. попеч. 1823 г., № 31.

[2]) І. *Михневичъ*. Ист. обз. сорокалѣтія Рищ. лицея... Од. 1857 г., стр. 90—91.

12 апр. 1817 г. Временнымъ правленіемъ Ришельевскаго лицея избранъ профессоромъ нѣмецкаго языка 12 сент. 1817 г. и утвержденъ въ этой должности 24 дек. того же года. Жалованья по институту получалъ 400 руб. [1]).

Пеццеръ Людовикъ,

одесскій негоціантъ, коммерціи совѣтникъ, датскій консулъ, *членъ попечительной коммиссіи института* (упоминается въ спискахъ *1814* г.). По свидѣтельству дир. Флуки, «заведеніе сіе (институтъ) давно бы пало» (вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій), «еслибы не поддерживаемо было великодушнымъ пособіемъ... Пеццера» [2]).

Пеццоло Жеромъ,

итальянецъ; *учитель итальянскаго языка въ Одесской коммерческой гимназіи*, «человѣкъ ученый и съ достоинствами (отзывался о немъ директоръ Вольсей, представляя его 23 октября 1805 г. на означенную должность, вмѣсто Георги), чрезъ какую перемѣну гимназія выиграетъ, если онъ будетъ утвержденъ». Утвержденіе послѣдовало, вѣроятно, не позднѣе января 1806 г., такъ какъ въ другомъ документѣ Пеццоло показанъ учителемъ съ этого времени. Служба его, однако, было непродолжительна: 12 мая 1808 г. Вольсей доноситъ, что Пеццоло *отказался продолжать службу*, «поелику его намѣреніе не было быть связану за такое умѣренное жалованье, какое есть 250 р., и желаетъ совершенно оставить Одессу». 26 мая 1808 г. Пеццоло уволенъ комитетомъ [3]).

Писецкій Иванъ Филиповичъ,

подпоручикъ; 48 лѣтъ (въ 1816 г.); *надзиратель благороднаго института;* изъ дворянъ Литовской (?) губ. Утвержденъ гр. Ланжерономъ и коммиссіею институтовъ надзирателемъ въ февралѣ 1816 г. 1 марта 1816 г. директоръ Флуки донесъ, что Писецкій,

---

[1]) Д. канц. попеч. 1823, № 31.
[2]) Д. канц. попеч. 1817 г., № 71 и 1822, № 47.
[3]) Д. канц. попеч. 1805, № 2; 1806, № 8; 1808, № 4.

«имѣя раздробленную кость лядвей и не будучи въ силахъ исполнять обязанности надзирательской, отъ оной уволенъ»[1]).

Посниковъ,

поручикъ піонернаго полка; *учитель высшей математики* и *математики, приспособленой къ военному искусству, въ Одесск. благор. институтѣ* (встрѣчается въ спискѣ служащихъ за *1813 г.*). Дюгуровъ въ 1814 г. говоритъ въ своемъ отчетѣ о визитаціи, что «Посниковъ состоитъ на дѣйствительной службѣ (военной) и не намѣренъ оставить ея, а потому можетъ преподавать въ институтѣ только временно, какъ бы онъ ни былъ достоинъ того». Съ 1 января 1817 г., вмѣсто Посникова, назначенъ другой преподаватель *(Гибаль)*... Жалованья за чертежи, военную и гражданскую архитектуру, артиллерію и геодезію (9 часовъ въ недѣлю) Посниковъ получалъ 900 р.[2]).

Потоцкій Северинъ Осиповичъ,

графъ, сенаторъ; первый *попечитель Харьковскаго учебнаго округа* (1804—25 марта 1817 г.). О дѣятельности его см. стр. 12—26 и далѣе.

Дѣйствія Потоцкаго въ сенатѣ во многомъ уясняются статьею «Императоръ Александръ Павловичъ и его дворъ въ 1804 г.» (переводъ съ французск. рукописи Саксонскаго Дрезденскаго архива д-ромъ Ѳ. Ѳ. *Шиманомъ* (Русск. Стар. 1880 г., т. XXIX, стр. 799, 804, 818—819).

Прежде всего говорится о близости Потоцкаго ко двору:

«Императоръ (Александръ I)... принимаетъ къ столу безъ приглашенія, разъ на всегда, нѣкоторыхъ сановниковъ, въ числѣ которыхъ находятся его министры и *любимые придворные*, каковы графъ Кочубей, графъ Павелъ Строгановъ, кн. Адамъ Чарторыйскій, адмир. Чичаговъ, Новосильцевъ, *Северинъ-Потоцкій*, гр. Толстой, *герц. Ришелье*, и пр.».

Въ числѣ особъ тѣснаго кружка супруги—Императрицы, кромѣ нѣсколькихъ придворныхъ дамъ, изъ мужчинъ названы, изъ лицъ,

---

[1]) Дѣло канц. попеч. 1816 г., № 4 и 10.

[2]) Дѣло канц. попеч. 1814 г., № 2.

приближенныхъ къ Императору, между прочимъ, *Северинъ-Потоцкій*, *герц. Ришелье* и др.

Затѣмъ сообщаются слѣдующія въ высшей степени интересныя свѣдѣнія о графѣ, имѣющія прямое отношеніе къ его смѣлому поступку въ сенатѣ:

«Графъ Северинъ-Потоцкій, сенаторъ и членъ комитета народнаго просвѣщенія... Не входя въ подробности его исторіи во время смутъ въ Польшѣ, мы замѣтимъ, что, какъ братъ извѣстнаго графа Игнатія Потоцкаго, онъ всегда явно склонялся къ республиканской партіи. Онъ сошелся съ тѣхъ поръ съ кн. Адамомъ Чарторыйскимъ, который, повидимому, имѣлъ вліяніе на его пріѣздъ въ Петербургъ при восшествіи на престолъ Александра I. Потоцкій поступилъ въ сенатъ и былъ принятъ въ близкомъ кружкѣ Императора и Императрицы. Онъ не скрываетъ своихъ убѣжденій, заставляющихъ его желать для Россіи основательной конституціи, и высказываетъ нѣсколько сдержанно, какъ человѣкъ придворный и богатый землевладѣлецъ, филантропическія мысли, осуществленіе которыхъ приводитъ самые цивилизованные народы къ гибельнымъ послѣдствіямъ. Согласно съ этимъ, онъ первый воспользовался на практикѣ привилегіей, данной сенату 9-ой статьей указа отъ сентября мѣсяца 1802 года, по которой этой высшей судебной инстанціи предоставлялось право дѣлать представленіе по поводу внесенія въ протоколъ и утвержденія всякаго указа, который, по его мнѣнію, представляетъ трудность въ примѣненіи или противорѣчитъ существующимъ законамъ. Эта попытка была сдѣлана въ январѣ 1803 г. по поводу вопроса о 12-тилѣтней службѣ въ войскахъ для полученія офицерскаго чина, и была первою и послѣднею въ своемъ родѣ, охладивъ въ то же время Императора къ Северину-Потоцкому, который послѣ годоваго отсутствія хотя и принятъ по-прежнему при дворѣ, но рѣже присутствуетъ на ужинахъ у царствующей Императрицы. Князь Чарторыйскій какъ будто не нуждается болѣе въ умномъ и развитомъ другѣ своемъ, или не имѣетъ на столько власти надъ Императоромъ, чтобы изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное попыткою къ ограниченію верховной власти» (818—819).

Для надлежащаго освѣщенія дѣла Потоцкаго весьма любопытны два письма В. Н. *Каразина* къ Императору въ сент. № «Русской

Старины» 1875 г., въ статьѣ *Воспит. Харьк. унив. 1820-хъ годовъ* «В. Н. Каразинъ», стр. 194—198. Изъ нея, между прочимъ, видно, что самое мнѣніе Потоцкаго редактировано было Каразинымъ по-русски съ французскаго наброска графа, не владѣвшаго свободно русскимъ языкомъ.

Изъ предыдущаго ясны и причины нѣкоторыхъ уступокъ Потоцкаго герцогу Ришелье по отношенію къ Одесскимъ учебнымъ заведеніямъ: сближеніе между этими лицами, какъ видно, послѣдовало еще въ Петербургѣ при дворѣ и затѣмъ укрѣпилось на Югѣ, гдѣ имъ пришлось опять встрѣтиться на служебномъ поприщѣ[1]).

Протасовъ Яковъ Аѳанасьевичъ,

одесскій городской голова, способствовалъ въ 1816 г. назначенію шестигласною думою 6500 р. ежегодно *на коммерческую гимназію*. Директоръ Флуки 17 марта 1817 г. прислъ дозволенія «въ награду усердія головы и въ поощреніе другихъ къ подобнымъ благотворительнымъ дѣяніямъ поставить въ гимназическомъ залѣ... *имя* его *на золотой доскѣ*, или же *портретъ* его съ надписью благотворителя». Комитетъ 3 апрѣля того же года увѣдомилъ, что онъ согласенъ, чтобы портретъ Протасова, «за его примѣрныя старанія къ учебнымъ заведеніямъ былъ поставленъ... въ гимназическомъ залѣ,.. если сей портретъ доставитъ онъ, Протасовъ»[2]).

Рено,

комм. совѣтникъ, *членъ попечительной коммиссіи благороднаго института (1812)*[3]).

Рибадо (Рибадотъ) Іосифъ Ивановичъ,

иностранецъ, *надзиратель благор. института* съ 10 іюля 1816 по 10 іюля 1817 года, *учитель фехтованія* съ 10 іюля 1817 по 1 января 1818 г.; кромѣ того, въ 1816 г. *преподавалъ французскій языкъ* въ приготовительномъ классѣ института. Получалъ въ 1816 г. жалованья: надзирательскаго — 800 р. и за уроки — 200 р.,—всего

---

[1]) Къ сожалѣнію, мы поздно познакомились съ этими статьями, почему и не могли воспользоваться ими своевременно для II-ой главы нашего труда.

[2]) Дѣло канц. попеч. 1816 г., № 1.

[3]) Дѣло канц. попеч. 1811 г., № 4.

1000 р., и какъ учитель фехтованія — также 1000 р. (23 апрѣля 1821 г. уволенъ отъ этой должности по прошенію).

Рижскій Иванъ Степановичъ,

профессоръ Харьковскаго университета, визитаторъ одесскихъ учебныхъ заведеній (стр. 68—79).

Ришелье (де), Эммануилъ Осиповичъ,

герцогъ, ген.-лейт.; Одесскій градоначальникъ, Херсонскій военный губернаторъ и начальникъ Екатеринославской и Таврической губерній; *главный попечитель Од. благор. института (1812,1814)*. Въ 1804 году представляетъ о необходимости открытія училищъ въ Одессѣ, — вслѣдствіе чего 16-го апрѣля 1804 года Высочайшее утвержденъ планъ *Од. коммерч. гимназіи*. Принимаетъ подъ свое непосредственное покровительство «*Пенсіонъ*, установленный въ г. Одессѣ 1 іюня 1805 г.» и преобразованный потомъ въ благор. институтъ. Ходатайствуетъ: а) объ *отпускѣ 50.000 р. на постройку зданія* для гимназіи послѣ пожара, — что Высочайше разрѣшено 21 апрѣля 1806 года; б) о правѣ для *воспитанниковъ, окончившихъ курсъ въ благор. институтѣ*, быть присылаемыми на казенный счетъ во 2-й кадетскій корпусъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ представляться къ производству *въ офицеры*,—что узаконено Высочайшимъ повелѣніемъ 14 марта 1808 г; в) о правѣ для *учителей института* считаться на *дѣйствительной службѣ*,—на что послѣдовалъ указъ 26 мая 1811 г. Въ 1817 г., съ Высочайшаго соизволенія, жертвуетъ свою *аренду* (3260 талеровъ въ годъ) на *поддержаніе Од. благор. института*. (Въ томъ же году жертвуетъ *15000 р.* на *библіотеку* будущаго лицея [1]).

Россетъ,

колл. совѣтн., *членъ попечительной коммиссіи благороднаго института (1812 [2])*.

Рупертъ,

иностранецъ, *обучалъ музыкѣ въ Одесск. благор. институтѣ*

[1]) Д. канц. попеч. 1815, № 7 и унив. арх 1818 г., № 4 и 1819, № 12.
[2]) Д. канц. попеч. 1811, № 4.

(встрѣчается въ спискахъ служащихъ за *1811 и 1813* годы). Получалъ жалованья 2000 р. Увольнился, вѣроятно, въ 1816 году [1]).

Рыбниковъ Петръ Ѳедоровичъ,

художникъ XII-го класса; 24 лѣтъ (въ 1814 году); *учитель рисованія и ариѳметики въ гимназіи;* оберъ-офицерскій сынъ. Поступилъ въ С.-Петербургскую академію художествъ въ 1799 году; въ академіи обучался: географіи, исторіи, ариѳметикѣ, рисовальному искусству, а въ особенности портретной живописи. «Отъ академіи произведенъ художникомъ съ чиномъ XIV класса 1 сентября 1809 г.». Харьковскимъ университетомъ опредѣленъ въ Одесскую коммерческую гимназію учителемъ рисованія 19 мая 1814 (а по другому источнику: Академія увѣдомила, 25 іюня 1814 г. что *она* опредѣлила въ эту должность Рыбникова), а 23 ноября 1815 г., кромѣ того, и учителемъ ариѳметики. Съ 1 февраля 1815 г., Рыбниковъ приглашенъ былъ попечительною коммисіею для обученія рисованія въ Одесскій дѣвичій институтъ.

О бѣдственномъ положеніи его см. стр. 267. 13 го марта 1817 года Рыбниковъ опредѣленъ учителемъ ариѳметики и рисованія во вновь открытое Одесское дѣвичье народное училище; впослѣдствіи (3 мая 1820 г.) онъ былъ вторымъ учителемъ рисованія при Ришельевскомъ лицеѣ. Женатъ. Имѣетъ 4 сыновей [2])...

Сливицкій Алексѣй Ивановичъ,

учитель исторіи, географіи и статистики, а затѣмъ и *россійской риторики* въ Одесскомъ благородномъ *институтѣ* и *всеобщей исторіи, географіи и статистики* въ коммерческой *гимназіи*; потомъ—*вице-директоръ института*; 29 лѣтъ (въ 1811 г.); изъ дворянъ. Поступилъ въ Московскій университетъ въ 1802 г., слушалъ науки по отдѣленіямъ словесному, физико-математическому и нравственно-политическому; обучался: латинскому краснорѣчію, россійской исторіи, практической философіи, всеобщей исторіи, исторіи философіи, статистикѣ, политической экономіи, римскому праву, теоріи законовъ, чистой математикѣ, физикѣ, россійскому практиче-

[1]) Д. канц. попеч. 1811 г., № 4.

[2]) Д. канц. попеч. 1814 г., № 6; 1816, № 1 и 1823, № 31.

скому законоискусству; по окончаніи же курсовъ означенныхъ наукъ занимался въ особенности латинскою словесностью, и въ 1808 г. издалъ классическую латинскую книгу Корнелія Непота съ замѣчаніями на русскомъ языкѣ. По полученіи въ 1809 г. магистра, былъ опредѣленъ университетскимъ совѣтомъ преподавателемъ всеобщей исторіи, въ академической гимназіи, гдѣ служилъ до 1811 г., т. е. до перехода на службу въ Одесскій благородный институтъ учителемъ исторіи, статистики и географіи; съ апрѣля 1814 г. преподавалъ еще россійскую риторику. 20 декабря 1813 г., произведенъ въ коллежскіе ассесоры; «при перемѣнѣ плана Одесскаго института въ 1814 г. попечительною коммиссіею онаго, во уваженіе способностей и примѣрныхъ правилъ нравственности, сдѣланъ вице-директоромъ института». 15 іюня 1816 г. избранъ *секретаремъ* Одесскаго отдѣленія *Библейскаго общества*. 24 апрѣля 1817 г., по слабости здоровья, на основаніи прошенія, комитетомъ уволенъ отъ занятій по гимназіи. Въ апрѣлѣ 1817 г. за отличіе по службѣ пожалованъ орденомъ св. Анны 3-ей степени. Жалованья по институту получалъ 2000 р. По преобразованіи института въ Ришельевскій лицей, съ 1 января 1818 г. занялъ каѳедру латинской и россійской риторики. Женатъ. При открытіи лицея 7 января 1818 г. Сливицкій произнесъ рѣчь о томъ, «что изученіе древнихъ языковъ необходимо для очищенія и обработанія языка отечественнаго. Рѣчь сія по чистому русскому произношенію и по доказательному объясненію матеріи, заслужила всеобщее одобреніе» (донес. абб. Николя попечителю 16 января 1818 г.[1]).

Совци (Софци) Михаилъ (по д. 1806 г.), Петръ (по д. 1805 г.),

учитель греческаго языка въ гимназіи и *институтѣ*; 30 лѣтъ (д. 1805 г.), 25 л. (д. 1806 г.); грекъ; родился въ Константинополѣ, учился тамъ-же; говоритъ по-гречески и немного по-русски. (Замѣч. дир. *Вольсея*: «Способенъ къ тому предмету, для коего назначенъ»). Въ должности съ января 1806 по 2 ноября 1807 г. Донося о его смерти, Вольсей говоритъ, что Софци «отличался нравственными добродѣтелями, своею ревностью и примѣрнымъ поведеніемъ»[2]).

[1]) Д. канц. попеч. 1811 г., № 4; 1813, № 2.

[2]) Д. канц. попеч. 1805 г., № 2 и 1806, № 8.

Стойковичъ, Аѳанасій Ивановичъ,

профессоръ Харьковскаго университета, визитаторъ Одесскихъ учебныхъ заведеній (гл. IX—XI).

Сумароковъ,

шт.-капитанъ, *учитель русской и латинской грамматики* въ низшемъ классѣ *и св. исторіи* въ благородномъ *институтѣ*. Увольнившись изъ тосканской службы поручикомъ, находился заграницею при русскихъ эскадрахъ волонтеромъ и «былъ употребляемъ начальниками... по разнымъ должностямъ». Возвратившись въ Россію, назначенъ былъ переводчикомъ при Черноморскомъ департаментѣ. Послѣ 10-лѣтней службы волонтеромъ на эскадрахъ, опредѣленъ въ 4-й морской полкъ подпоручикомъ. «Доброе его служеніе при эскадрахъ по разнымъ должностямъ, гдѣ онъ исполнялъ не военную, а статскую службу, засвидѣтельствовано разными аттестатами. Служба его въ 4-мъ морскомъ полку одобрена была выборомъ въ шефскіе адъютанты и порученіемъ должности полковника». При передачѣ 4-го морскаго полка въ сухопутное вѣдомство, въ 13-ю дивизію, начальникъ ея, херсонскій губернаторъ дюкъ-де-Ришелье, «почтилъ Сумарокова своимъ вниманіемъ и опредѣлилъ въ Одесскій благородный институтъ учителемъ россійской и латинской грамматики и св. исторіи. Въ этихъ должностяхъ Сумароковъ «столько о питомцахъ своихъ прилагалъ старанія, что они всегда при трехмѣсячныхъ испытаніяхъ удовлетворяли публику своими успѣхами». Когда въ институтѣ «недоставало французскаго учителя», Сумароковъ заступалъ его мѣсто, и даже «при недостаткѣ надзирателя» оставлялъ свое семейство, чтобы, въ качествѣ надзирателя, исключительно находиться при воспитанникахъ въ теченіи 9-ти мѣсяцевъ; «исправляя эту должность съ большимъ раченіемъ, умѣлъ наставить своихъ питомцевъ въ благонравіи, пріучить къ опрятности и порядку», и пр. (см. стр. 279), «такъ что заслужилъ отличное уваженіе и любовь питомцевъ своихъ». Хотя Сумароковъ и оставилъ службу при открывшемся лицеѣ, но «польза его обученія, по свидѣтельству аббата Пиколя, въ представленіи отъ 13 февраля 1818 года, и нынѣ ощутительна въ воспитанникахъ, поступившихъ въ лицей изъ его вѣдѣнія». На основаніи этого, аббатъ Николь просилъ

попечителя объ исходатайствованіи Сумарокову за 14-лѣтнюю службу чина коллежскаго ассессора. Попечитель Карнѣевъ, донося объ этомъ министру, не находилъ возможнымъ удовлетворить означенному ходатайству, такъ какъ Сумароковъ «не поступилъ вмѣстѣ съ институтомъ въ лицей и не оказалъ сему заведенію заслугъ, соотвѣтственныхъ просимому награжденію». Министръ кн. Голицынъ согласился съ мнѣніемъ Карнѣева, «тѣмъ болѣе, что министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія не можетъ ходатайствовать о награжденіи за службу, которую Сумароковъ проходилъ по военной части, и притомъ, на основаніи указа 6 августа 1812 г.[1]), онъ не имѣетъ права на полученіе означеннаго чина, для производства въ который требуется предъявленіе университетскихъ аттестатовъ о знаніяхъ своихъ».

Въ связи съ добросовѣстною службою Сумарокова, находится, какъ видно, и принятіе дюкомъ-де-Ришелье въ число кандидатовъ на первое «праздное мѣсто 18-ти воспитанниковъ, содержащихся на его счетъ», сына Сумарокова Александра (заявленіе аббата Николя въ засѣданіи 20 января 1818 г.[2]).

Феррарини Іосифъ Фабіевичъ,

губернскій секретарь, *учитель итальянскаго языка въ гимназіи и институтѣ*; 26 лѣтъ (въ 1810 году); итальянскій шляхтичъ. Обучался въ Палестринскомъ университетѣ[3]) грамматикѣ, риторикѣ и философіи. Выѣхалъ въ Россію въ 1809 году. 13 августа того же года опредѣленъ учителемъ итальянскаго языка въ Одесскую коммерческую гимназію и благородный институтъ (въ спискахъ служащихъ лицъ въ послѣднемъ встрѣчается съ *1811* года). Съ января 1816 г. учитель итальянскаго языка и словесности въ дѣвичьемъ благородномъ институтѣ. Въ 1816 году Феррарини

---

[1]) Въ предложеніи очевидная *ошибка:* указъ «о правилахъ производства въ чины по гражданской службѣ и объ испытаніяхъ въ наукахъ, для производства въ коллежскіе ассессоры и статскіе совѣтники» состоялся не въ 1812 г., а *6 августа 1809 г.* (см. Сборн. постан. по мин. нар. просв. Т. I, стр. 510—517, № 112 (23.771).

[2]) Канц. попеч. 1818 г., д. 8 къ № 2, II отд.

[3]) Очень вѣроятно, что въ формулярѣ Феррарини по ошибкѣ *университетомъ* названо какое-либо *среднее учебное заведеніе;* по-крайней-мѣрѣ университетъ съ такимъ названіемъ мы не встрѣчали.

преподавалъ также *французскій языкъ* въ приготовительномъ классѣ *института* ($4^1/_2$ часа въ недѣлю, не получая за то никакого вознагражденія, такъ какъ занималъ эти уроки временно, вмѣсто уроковъ итальянскаго языка,—до открытія IV класса). 12 апрѣля 1817 года произведенъ въ губернскіе секретари. Тогда же выбранъ въ адъюнкты Ришельевскаго лицея. Жалованья по институту въ 1813 году получалъ 800 р.[1]).

Объ участіи его въ изданіи «Messager de la Russie Méridionale» см. стр. 349.

Ферри Гаспаръ-Бонавентуръ-Тимоѳей,

учитель математики, физики и французской словесности въ коммерч. гимназіи и *математики* и части *географіи въ пансіонѣ Вольсея* (бывшій профессоръ физики въ Лиможскомъ училищѣ); 42 лѣтъ (въ 1805 г.); родился въ Марсели, обучался тамъ же. Въ службѣ съ 16 сентября 1805 года—25 іюля 1809 года. Противоположные отзывы о немъ Вольсея на стр. 56 и 257 (въ примѣчаніи). Вслѣдствіе прошенія, поданнаго въ концѣ іюня 1809-го года, Ферри уволенъ университетомъ 13 августа того же года.

Письмо Ферри «къ членамъ Харьковскаго университета», въ которомъ онъ указываетъ на причины своего увольненія, неурядицы въ гимназіи, жизнь въ Одессѣ и проч., см. на стр. 256 и 257, а взгляды его на учебное дѣло, на стр. 330—332.

Ферстеръ,

инжен.-ген.-маіоръ, *членъ попечит. коммиссіи* благороднаго *института (1812)*; производилъ въ 1804 г. исправленіе стараго зданія, предназначеннаго для гимназіи[2]).

Флуки Іосифъ Михайловичъ,

директоръ Од. комм. гимназіи и благороднаго института; колл. совѣтникъ; 45 лѣтъ (въ 1814 г.); изъ греческой націи. Въ службу вступилъ въ греческій кадетскій корпусъ кадетомъ 24 іюля 1781 г. По окончаніи курса наукъ, выпущенъ подпоручикомъ и по имен-

[1]) Д. канц. попеч. 1810 г., № 15; 1811 г., № 4; 1814, № 2; унив. арх. 1817 г. къ № 71, II отд. 3-е дѣло.

[2]) Д. канц. попеч. 1805 г., № 2; 1806, № 8 и 1809, № 1.

ному Высочайшему указу оставленъ былъ въ томъ же корпусѣ фрунтовымъ офицеромъ и учителемъ октября 11-го; въ 1787 году опредѣленъ, по прошенію, во флотъ въ должность мичмана, гдѣ, продолжая службу, произведенъ былъ въ чины: мичмана—апрѣля 23-го 1790 г., лейтенанта – ноября 2-го 1795 г. Уволенъ изъ военной службы за болѣзнію, по именному Высочайшему указу, 8-го декабря 1798 г., съ награжденіемъ чина флота капитанъ-лейтенанта. Регламентныхъ кампаній на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ сдѣлалъ 10. Въ сраженіяхъ противъ шведовъ былъ 15 іюля 1789 г. на кораблѣ «Двѣнадцать Апостоловъ», 22 и 23 мая 1790 г. въ троекратномъ сраженіи при Сескарѣ и 22 іюня при прорывѣ шведскаго флота въ Выборгской губѣ на кораблѣ «Принцъ Густавъ», гдѣ, при приближеніи непріятельскихъ брандеровъ, содѣйствовалъ въ спасеніи корабля «Принцъ Густавъ», за что и удостоенъ съ прочими Монаршаго благоволенія. Служилъ по выборамъ дворянскимъ въ Ростовскомъ уѣздномъ судѣ Екатеринославской губерніи засѣдателемъ съ 30 декабря 1799 по 20 декабря 1800 г.; по тѣмъ же выборамъ служилъ въ Ростовск. нижн. земск. судѣ земскимъ исправникомъ съ 1 января 1803 по 20 ноября того же года. Будучи исправникомъ, за *истребленіе саранчи* удостоенъ Монаршаго благоволенія. Исправлялъ должность директора Таганрогской коммерч. гимназіи съ 15 сентября 1807 по 14 апрѣля 1808 г.,—за что получилъ отъ учебнаго начальства благодарность. Въ должность чиновника, Высочайшимъ указомъ 8-го мая 1808 года, при главномъ попечителѣ купеческаго судоходства, по Азовскому морю положеннаго, вступилъ 1 февраля 1809 г. По порученію начальства разобралъ архивы Таганрогской портовой конторы, Таганрогск., Ростовск. и Азовскаго комендантскихъ канцелярій и Ростовскаго уѣзднаго и нижняго земскаго судовъ, и, собравъ все, служащее къ изъясненію исторіи сихъ городовъ и мѣстъ и все достойное любопытства, представилъ начальству. Вошелъ также въ сношенія со всѣми начальствами, прилежащими къ Азовскому морю, собралъ нужные матеріалы и сочинилъ «Гидрографическое, топографическое и статистическое описаніе Азовскаго моря и водъ, въ него впадающихъ, и окрестныхъ мѣстъ», которое и представилъ начальству. Для легчайшей нагрузки и выгрузки купеческихъ судовъ при Таганрогскомъ портѣ понто-

нами, по порученію начальства, составилъ имъ чертежи и смѣты. Начальствомъ ему было поручено, по его проекту, поданному ген. Францу Павловичу Деволану, относительно обезпеченія плаванія по Азовскому морю *устроеніемъ береговыхъ и плывучихъ* (*sic*) *маяковъ*, сдѣлать имъ планы, смѣты и штаты, кои Высочайше апробованы. Былъ посыланъ въ 1810 и 1811 г. два раза на Бѣлосарайскую косу и два раза въ Еникальскій проливъ для назначенія мѣста къ *построенію* Высочайше апробованныхъ *маяковъ*. Указомъ правительствующаго сената 19 апрѣля 1811 г. переименованъ въ коллежскіе ассесоры. Сверхъ лежавшей на немъ должности, былъ откомандированъ членомъ въ нейтральную коммиссію, учрежденную при Таганрогскомъ портѣ Высочайшимъ положеніемъ 14 дек. 1810 г., о торговлѣ на 1811 г. съ 22 апрѣля 1811 г. по 31 декабря 1812 г. Указомъ правительствующаго сената произведенъ въ надв. совѣтн. 31 декабря 1811 г. По порученію начальства сдѣлалъ *чертежи* и смѣты *яхтъ* для градоначальника и *гребныхъ судовъ* для таможни и карантина. Откомандированъ управлять *Таганрогск. портовымъ карантиномъ* съ 12 августа 1813 по 18 апрѣля 1814 г. Во время управленія карантиномъ составилъ *регламентъ* о внутреннемъ устройствѣ и управленіи его, а равно и правила для мастеровыхъ людей, обращающихся при портѣ, устроенія и починки купеч. судовъ. По приглашенію херсонскаго военнаго губернатора дюка де-Ришелье, вступилъ въ должность *директора Одесск. благороднаго института* 14 мая 1814 г. Утвержденъ директоромъ сего заведенія и Одесской *коммерч. гимназіи* 27 марта 1815 г. Изъ довѣрія къ нему начальства, производилъ строенія и починки гимназическому дому, принадлежавшему городу, съ соблюденіемъ противу утвержденныхъ смѣтъ значительныхъ для казны выгодъ, отчитуясь (sic) въ томъ одесскому строительному комитету, съ 1815 по 30 августа 1817 г., т. е. до прибытія въ Одессу помощника директора Ришельевскаго лицея *Жилле*.

Сверхъ своей должности, изъяснялъ воспитанникамъ института всякій день одну главу изъ Новаго завѣта въ теченіи двухъ лѣтъ, а ученикамъ гимназіи весьма часто праздничныя евангелія. По увольненіи учителя французскаго языка Женелли, преподавалъ сей языкъ въ классахъ благороднаго института съ 15 февраля по 16

іюля и въ классахъ гимназіи съ 16 февраля по 22 сентября 1816 года *безмездно*. По порученію начальства, составилъ *планъ ученія и штатъ Од. дѣвичьему народн. училищу*; по предписанію учебнаго начальства, открылъ его 12 марта 1817 г. По Высочайшему указу пожалованъ въ коллежскіе совѣтники 5 апрѣля 1817 г.

По отдачѣ подробнаго отчета директору лицея аббату Николю о управленіи институтомъ и гимназіею, въ коихъ было въ институтѣ до 100 воспитанниковъ, а въ гимназіи до 130 учениковъ, по сдачѣ ему сихъ заведеній съ ихъ имуществомъ по описямъ, регистрамъ и каталогамъ мебели, разную движимость, библіотекъ и физическаго кабитета и по счетнымъ книгамъ экономической гимназической суммы до 25 тыс. руб.,... временнымъ правленіемъ лицея назначенъ *вторымъ инспекторомъ* онаго 1 января 1818 г.; утвержденъ въ семъ званіи 4 мая 1818 г.; утвержденъ *первымъ инспекторомъ лицея* 14 апрѣля 1820 г. Въ теченіи его службы въ институтѣ, гимназіи и лицеѣ, во время болѣзни учащихъ и надзирателей, дабы ученіе не прекращалось и воспитанники не оставались безъ надзора, всегда занималъ мѣста первыхъ, кромѣ нѣмецкаго и латинскаго языковъ, и надзирателей. Въ надзорѣ, когда случались продолжительныя болѣзни, иногда помогали ему директоры аббатъ Николь и Реми-Жилле, раздѣляя иногда съ нимъ время надзора. Должность директора лицея исправлялъ съ 12 декабря 1821 по 1 марта 1822 г. За усердную и безпорочную службу Высочайше награжденъ 2000 десят. земли 3 марта 1819 г.

Вдовъ; имѣетъ сыновей: Михаила, 22 лѣтъ, портупей-прапорщика Крымскаго мушкатерскаго полка, Ивана 19, Дмитрія 18, Мильтіада 16 и Епаминонда 12 л. въ Ришельевскомъ лицеѣ и при отцѣ, дочь Марію 14 лѣтъ въ Московскомъ Екатерининскомъ институтѣ пансіонеркой [1]).

Флуки, по свидѣтельству доктора Карузо, страдалъ отъ геморроя ломотою въ поясницѣ и нажилъ летучій ревматизмъ, отъ котораго несвободно владѣлъ правою рукою; въ 1821 г. въ февралѣ получилъ мѣстный паралитическій ударъ, отъ котораго пришли въ

---

[1]) Д. канц. попеч. 1822 г., № 47, II отд.

разслабленіе чувственные нервы лѣваго глаза, лѣвой верхней и нижней губы и языка.

Представляя объ увольненіи Флуки отъ службы, директоръ лицея Гейнлетъ говоритъ: «Непоколебимое усердіе, ревность къ службѣ, трудолюбіе и похвальное поведеніе, отличавшія Флуки во все время прохожденія долговременной и безпорочной службы его вообще и въ особенности въ Одессѣ подъ вѣдомствомъ учебнаго начальства, обязываютъ меня ходатайствовать... объ увольненіи его отъ службы съ полнымъ пенсіономъ получаемаго имъ нынѣ жалованья»...

Послѣ этого Флуки еще нѣсколько времени служилъ при лицеѣ, при чемъ имѣлъ большія непріятности отъ гр. Витта (о чемъ будетъ сказано въ историч. очеркѣ Рим. лицея). Уволенъ былъ министромъ кн. Голицынымъ въ 1823 г. (6 октября).

О дѣятельности этого честнаго, неутомимаго и разумнаго директора см. гл. XXIII—XXVI, XXIX, XXXII, XXXIII—XXXVIII, XLIV, XLV, XLV, LV, LIX, LX.

Фонъ-Ферстеръ (см. *Ферстеръ*).

Черемисиновъ Николай Семеновичъ,

учитель Од. благ. института и письмоводитель; 24 лѣтъ (въ 1816 г.); изъ дворянъ. По окончаніи курса въ Курской гимназіи, поступилъ въ 1814 г. въ Харьковскій университетъ, въ которомъ слушалъ россійское право, логику, естеств. исторію, физику, геодезію, агрономію, технологію, исторію, географію, статистику, древности Россійскаго государства, всеобщую исторію – древнюю и новую, россійскую словесность, риторику, поэзію, эстетику съ грамматикою критики (sic), военныя науки, архитектуру, латинскую, нѣмецкую и французскую словесность. Изъ вѣдомства университета уволенъ 1 іюля 1817 г. Вступилъ въ должность письмоводителя Од. комм. гимназіи и благороднаго института 22 іюля 1817 г Назначенъ учителемъ, *какого предмета*—не сказано[1]), въ институтъ 1 августа 1817 г. Временнымъ правленіемъ лицея избранъ адъюнктомъ 12-го

[1]) Вѣроятно, *русской словесности и географіи*. Предполагаемъ это потому, что въ спискѣ 1819 г. по Од. дѣвичьему институту онъ показанъ учителемъ именно этихъ предметовъ.

сентября 1817 г. и утвержденъ въ этой должности 24 декабря того же года [1]).

Шабаннеръ *(Шабанъ)* **Жанъ Фаберъ,**

учитель французскаго языка въ высшемъ отдѣленіи *благороднаго института;* иностранецъ, французской націи, изъ Невшателя, получившій свидѣтельство 15 іюня 1807 г. на право преподаванія французскаго языка по правиламъ грамматики. 9 октября 1811 г. директоръ Минутъ доноситъ, что Шабанъ уволенъ отъ должности по прошенію [2]).

Шаберъ Антонъ Петровичъ,

учитель французскаго языка въ нижнемъ отдѣленіи благор. *института* и въ *комм. гимназіи*; коллежскій секретарь; изъ польскихъ хорунжихъ, французской націи; уроженецъ Константинопольскій. Въ службу вступилъ 9 февраля 1790 г. переводчикомъ разныхъ иностранныхъ языковъ—сначала въ штабѣ главнокомандующаго арміею, потомъ, съ 1792 г., по замиреніи,—при россійскомъ генеральномъ консулѣ въ Яссахъ, съ 1793 г.—въ Черноморскомъ правленіи и на флотѣ во время заграничныхъ плаваній, а съ 1808 года—въ Черноморскомъ департаментѣ. 8 іюля 1811 г. уволенъ по слабости здоровья отъ службы (упоминается въ спискахъ служащихъ въ *1811—12* гг.). Съ 19 августа 1814 г. приглашенъ въ Од. комм. гимназію; утвержденъ комитетомъ 20 августа 1815 года временно въ двухъ низшихъ классахъ, съ жалованьемъ по 400 р., но безъ квартиры; вслѣдствіе неполученія квартирныхъ денегъ, Шаберъ увольнился 19 февраля 1815 г. [3]).

Шлюхинъ,

отставной маіоръ; *учитель приходского училища* со 2 янв. 1806 года и *уѣзднаго*, въ которомъ преподавалъ *всеобщую исторію и географію, ариѳметику и геометрію*, частнымъ образомъ; а также въ *пансіонѣ Вольсея—русскій языкъ*; воспитывался въ кадетскомъ

---

[1]) Д. канц. попеч. 1823 г., № 31.
[2]) Д. канц. попеч. 1811, № 4.
[3]) Д. канц. попеч. 1811 г., № 4 и 1815, № 8.

корпусѣ. Увольнился въ іюлѣ 1806 г. См. о немъ стр. 57 и 282 [1]).

Шостакъ Антонъ,

артилл. поручикъ, *членъ попечит. коммиссіи* благор. *института (1814 [2])*.

Штиглицъ Николай,

колл. ассесоръ, помѣщикъ Новороссійскаго края, *пожертвовавшій* въ 1811 г. *100.000 р.* для употребленія на общую пользу города, или куда за благо признаетъ Ришелье. Сумма эта, внесенная въ продолженіи 4-хъ лѣтъ, была израсходована большею частію *на улучшенія благор. института* [3]).

Эликъ (см. *Еликъ*).

Элканъ Леонъ Леоновичъ,

учитель исторіи, географіи, статистики, коммерціи и *нѣмецкаго языка* въ Од. коммерч. *гимназіи* и *нѣмецкаго языка* въ благор. *институтѣ*; 44 лѣтъ (въ 1805 г.); изъ евреевъ; купеческаго званія города Берлина. Обучался въ берлинскихъ школахъ, а потомъ —въ Кенигсбергскомъ университетѣ «филологическимъ, философическимъ и историческимъ наукамъ, гдѣ и произведенъ въ 1782 г. студентомъ (sic). Въ 1784 г. избранъ членомъ еврейскаго литературнаго общества (общество называлось «Пріятели еврейской литературы»)—на что получилъ дипломъ. Въ 1794 г. вызванъ изъ Берлина въ С.-Петербургъ, гдѣ при лютеранскомъ училищѣ св. Петра былъ экзаменованъ въ нѣмецкомъ языкѣ, исторіи и географіи и, получа изъ онаго аттестатъ, былъ домашнимъ учителемъ. По Высочайшему повелѣнію былъ опредѣленъ въ рижскую цензуру членомъ (цензоромъ книгъ по восточнымъ языкамъ) въ 1797 г. и за усердную службу получилъ изъ кабинета при похвальномъ листѣ золотую табакерку 23 сентября 1800 г. По уничтоженіи цензуры, 9-го февраля 1802 г. причисленъ къ герольдіи. 20 апрѣля 1804 г. опре-

---

[1]) Д. канц. попеч. 1805, № 2 и 1806, № 8.
[2]) Д. унив. арх 1819 г., № 5.
[3]) Гл. XXX.

дѣленъ въ Харьковскую гимназію учителемъ географіи, исторіи и философіи, а 1 сентября 1805 г. изъ оной переведенъ былъ въ Од. коммерческую гимназію. 20 мая 1813 г. ему поручено *исправлять должность директора гимназіи*. 27 сентября того же года представленъ херсонскимъ военнымъ губернаторомъ за долговременную усердную службу къ награжденію чиномъ коллежскаго ассесора. Вдовъ (въ 1814 г.); имѣетъ двухъ сыновей (Василія и Александра) и двухъ дочерей (Сусанну и Генріетту).

7-го марта 1814 г. Элканъ подалъ прошеніе объ увольненіи по старости и слабости здоровья и уволенъ 16 іюня того же года отъ должности учителя и исправленія директорской обязанности [1]).

Объ Элканѣ вообще см. стр. 279 — 282, объ увольненіи его — 108—109.

Объ участіи его въ изданіи «Messager de la Russie Méridionale» см. стр. 349.

Яновскій Корнилій Ивановичъ,

учитель русскаго языка въ нижнемъ отдѣленіи и всеобщей исторіи и части *ариѳметики въ уѣздномъ училищѣ при комм. гимназіи*, а также *русскаго языка въ нижнемъ отдѣленіи благороднаго института*; 20 лѣтъ (въ 1806 г.); сынъ священника; дворянинъ, въ то же время по рожденію считавшійся въ духовномъ званіи. Воспитывался въ Полтавской семинаріи съ 1791 по 1811 годъ, гдѣ «обучался на латинскомъ языкѣ грамматикѣ, пінтикѣ, риторикѣ, философіи и богословію съ успѣхомъ изрядным, а также греческому и французскому языкамъ, ариѳметикѣ, исторіи и географіи; во время пребыванія въ заведеніи былъ пречестнаго поведенія». 3-го іюня 1806 г. онъ былъ допущенъ директоромъ Вольсеемъ къ должности учителя нижняго отдѣленія и къ исправленію письмоводительскихъ обязанностей,—что̀ и утверждено комитетомъ. Отзывъ о немъ Вольсея на стр. 263 и 264-ой. Гимназія въ лицѣ Яновскаго сдѣлала прекрасное пріобрѣтеніе. Къ сожалѣнію, изъ-за него послѣдовало столкновеніе между двумя вѣдомствами—духовнымъ и учебнымъ, о чемъ мы говорили выше,—см. тамъ-же.

---

[1]) Д. канц. попеч. 1808 г., № 4; 1810, № 1; 1813, № 1; 1814, № 5.

По увольненіи Яновскаго изъ духовнаго званія 4 декабря 1810 года, онъ въ январѣ 1811 г. причисленъ былъ къ канцеляріи Херсонскаго военнаго губернатора, а въ 1812 г. произведенъ въ коллежскіе регистраторы, во вниманіе къ ревностной и отличной службѣ при губернаторѣ.

Въ спискахъ служащихъ въ благор. институтѣ за 1806, 1811 и 1812 г. мы встрѣчаемъ Яновскаго преподавателемъ русскаго языка въ нижнемъ отдѣленіи. Кромѣ того, онъ былъ и письмоводителемъ гимназіи, съ утвержденія комитета 12 октября 1807 г.,—съ жалованьемъ по 100 р. въ годъ[1]).

Янушевскій,

шт.-капитанъ; *экономъ при* благородномъ *институтѣ (1813)*. Получалъ жалованья 1000 р.[2]).

ДОПОЛНЕНІЕ (къ стр. 149-ой):

Въ архивныхъ выпискахъ, имѣющихся у насъ, сохранилось нѣсколько фамилій *воспитанниковъ благороднаго института:*

а) изъ зачисленныхъ въ Ришельевскій лицей (12 сентября 1817-го года):

въ I-й классъ: *Золотовъ* Василій (Дюковскій воспитанникъ), *Хрусталевъ* Николай (Дюк.), *Булацель* Григорій;

во II-й классъ: *Троицкій* Александръ (Дюк.), *Облеуховъ* Никаноръ, *Леровичъ* Венедиктъ, *Шостакъ* Константинъ, *Ларуй* Николай;

б) поименованные въ примѣч. на стр. 201-ой:

Стекль Э. А., *Троицкій* А. Г., *Васинъ* И., *Димитріевъ*, *Степановъ*, *Зорабъ* Э.

---

[1]) Д. канц. попеч. 1806 г., № 9 и 1811 г., № 4.

[2]) Д. унив. арх. 1811 г., № 22.

СОДЕРЖАНІЕ.

Стр.

Предисловіе 1

I. Основаніе и постепенное развитіе учебно-воспитательныхъ заведеній, вошедшихъ въ составъ Ришельевскаго лицея.

I. Начало царствованія Императора Александра I. Его совѣтники. Стремленіе къ преобразованіямъ. Учрежденіе министерства народнаго просвѣщенія. 1-ый министръ народнаго просвѣщенія гр. Завадовскій. Комиссія училищъ. Предварительныя правила народнаго просвѣщенія. Обязанности попечителей округовъ. Учрежденіе учебныхъ округовъ. Первые попечители 8

II. Гр. Потоцкій—защитникъ правъ дворянства. Борьба въ сенатѣ между сторонниками Потоцкаго и Державинымъ. Ода въ честь Потоцкаго. Потоцкій, какъ членъ главнаго правленія училищъ. Потоцкій—виновникъ отпуска суммъ на учебныя заведенія отъ казны. Представленіе о необходимости визитаторовъ. Тимковскій. Карамзинъ. Рѣчь Потоцкаго при открытіи Харьковскаго университета. Мнѣнія о Потоцкомъ М. Сухомлинова и Н. Лавровскаго. Мнѣніе Шмида 12

III. Характеръ населенія Одессы въ концѣ XVIII и началѣ XIX-го вѣка. Домашнее воспитаніе. Школа Врето. Приходское училище при Католической церкви. Іезуиты. Пансіоны, основанные Вольсеемъ 27

IV. Назначеніе Ришелье градоначальникомъ Одессы. Представленіе его о необходимости открытія учебныхъ заведеній въ Одессѣ. Ришелье—сторонникъ іезуитовъ въ дѣлѣ воспитанія . . . . . ■

V. Ходъ дѣла въ министерствѣ объ открытіи учебнаго заведенія въ Одессѣ. Планъ и штаты коммерческой гимназіи. Курсы ученія въ отдѣленіяхъ ея и въ самой гимназіи. Характеръ ихъ. Штаты гимназіи 32

VI. Разочарованіе Ришелье относительно гимназіи. Его стремленіе придать ей желаемый имъ характеръ устройствомъ при ней пансіона. Открытіе гимназіи замедляется. Вольсей—директоръ гимназіи и пансіоносодержатель 37

VII. Вольсей доноситъ университету, на его запросъ, что гимназія еще не въ дѣйствіи. Пожертвованіе дворянъ Тираспольскаго уѣзда въ пользу ея. Планъ заведенія, представленный Вольсеемъ. Его особенности. Отвѣтъ комитета 41

VIII. «Пенсіонъ» Ришелье—Вольсея. Его особенности. Сравненіе его съ открываемою гимназіею. Высочайшее повелѣніе 14 марта 1808 г. относительно воспитанниковъ «пенсіона» 44

Стр.

IX. Новое донесеніе Вольсея о невозможности раньше зимы открыть гимназію. Визитаторъ Стойковичъ. Инструкція ему. Личность Стойковича 49

X. Донесеніе Стойковича по поводу ревизіи. Первые учителя и статистическіе выводы относительно педагогическаго состава 53

XI. Распоряженіе комитета по поводу донесенія Стойковича. Вольсей выходитъ сухъ изъ воды и удостоивается особеннаго благоволенія университета и попечителя. Вольсей исправляетъ должность директора училищъ Херсонской губерніи. Мнѣніе Потоцкаго о ревизіи Стойковича 58

XII. Очищеніе дома гимназіи комитетомъ и банкомъ. Начало занятій въ гимназіи. Преподаватели и ученики. Новыя бѣдствія для гимназіи—грязь и пожаръ. Тактика Вольсея по поводу пожара. Ассигнованіе 50.000 р. на постройку зданія. Возобновленіе ученія въ банѣ и боковомъ строеніи. Причины пожара остаются не выясненными 61

XIII. Уничтоженіе Вольсеемъ каникулъ. Двойственность власти. Новый визитаторъ—Рижскій. Характеристика его. Три предложенія его Вольсею по поводу ревизіи. Распредѣленіе уроковъ въ отдѣленіяхъ гимназіи. Выводы изъ предложеній Рижскаго. Особенности таблицы уроковъ 67

XIV. Вольсей медлитъ отвѣтомъ на вопросы ректора Рижскаго относительно открытія гимназическихъ классовъ. Комитетъ извѣщаетъ Вольсея о скоромъ прибытіи въ Одессу попечителя Потоцкаго. Представленіе комитета попечителю съ объясненіями по поводу донесенія Вольсея. Запросъ Вольсею о помѣщеніи женскаго училища 74

XV. Эпизодъ съ пансіономъ Гальяра. Уловки Вольсея. Утвержденіе пансіона Гальяра 79

XVI. Посѣщеніе одесскихъ учебныхъ заведеній Потоцкимъ. Дѣло съ «пенсіономъ» Вольсея—Ришелье. Потоцкій дѣйствуетъ въ духѣ Ришелье. Запоздалый отвѣтъ Вольсея Рижскому о гимназіи. Увольненіе Вольсея. Разсказъ Чайковскаго объ этомъ увольненіи, полный противорѣчій. Отзывъ о Вольсеѣ кн. Долгорукова . . . 81

XVII. Директоръ Минутъ. Полемика относительно его назначенія между университетомъ и попечителемъ. Рапортъ Минута о состояніи гимназіи 91

XVIII. Указъ 26 мая 1811 г. о служебныхъ правахъ учителей Одесскаго благороднаго института. Представленіе списка учителей института. Комитетъ проситъ разъясненія министра объ отношеніи къ институту. Отвѣтъ гр. Разумовскаго. Письмо Ришелье къ министру 95

XIX. Опредѣленіе комитета по поводу разъясненія министра. Назначеніе визитаторомъ проф. Дюгура. Личность Дюгура и его служебная карьера. Его ревизія. Отзывъ Ришелье. Опредѣленіе комитета по поводу этого отзыва. Представленіе его министру. Отвѣтъ гр. Разумовскаго. Объявленіе Ришелье. Результаты борьбы университета съ Ришелье 99

XX. Чума въ Одессѣ. Вліяніе этого бѣдствія на учебныя заведенія. Разстройство учебнаго дѣла. Увольненіе Минута. Учитель Элканъ (еврей) принимаетъ отъ Минута дѣла и имущество гимназіи, а Гуржеевъ—института. Новое доказательство расположенія Ришелье къ іезуитамъ. Увольненіе Элкана 106

XXI. Аббатъ Николь въ Одессѣ. Составленное имъ «Начертаніе правилъ воспитанія». Система воспитанія по «Начертанію». Учебные курсы. Распредѣленіе занятій 109

Стр.

XXII. (Продолженіе). Средства къ поощренію воспитанниковъ. Наказанія. Различныя постановленія. Часть экономическая. Характеристика плана. Выводы о немъ Количество уроковъ по отдѣльнымъ предметамъ въ ихъ отношеніи къ общему числу часовъ занятій 117

XXIII. Дѣло объ открытіи гимназіи принимаетъ особое направленіе. Письмо Ришелье къ Дюгурову. Сдача гимназіи Элланомъ Жаданову. Новый директоръ—Флуки. Столкновеніе между Ришелье и университетомъ. Донесеніе визитатора Дюгурова. Одобреніе дюкомъ-де-Ришелье плана Дюгурова о соединеніи гимназіи съ институтомъ 124

XXIV. Разумовскій не соглашается на соединеніе гимназіи съ институтомъ, но утверждаетъ Флуки директоромъ обоихъ заведеній, а учителей—въ ихъ должностяхъ. Соображенія Дюгурова не осуществляются. Свѣдѣнія о Флуки. Отзывъ о немъ Дюгурова и Николя. Проектъ Флуки объ улучшеніи гимназіи. Донесеніе его объ устраненіи причинъ, препятствующихъ открытію гимназіи. Предполагаемое пожертвованіе города на гимназію, съ цѣлію ускоренія ея открытія. Ходатайство о навигаціонномъ классѣ. Рапортъ по этому дѣлу Флуки. Училищный комитетъ одобряетъ предположеніе Флуки 132

XXV. Назначеніе попечителемъ Харьковскаго округа З. Я. Карнѣева. Письмо новаго министра кн. Голицына къ Карнѣеву о пріостановкѣ всякихъ распоряженій по гимназіи и институту. Причины этого. Дѣйствія абб. Николя и его проектъ. Представленіе кн. Голицынымъ Николя въ директоры лицея и Р Жилле въ его помощники. Мотивы учрежденія Ришельевскаго лицея. Его содержаніе 141

XXVI. За отсутствіемъ Николя, Флуки передаетъ гимназію и институтъ Жилле. Флуки возбуждаетъ вопросъ о частныхъ училищахъ и пансіонахъ. Жилле опасается попасть въ зависимость отъ кого-либо, кромѣ попечителя. Временное правленіе лицея и его составъ. Списки воспитанниковъ, имѣющихъ поступить въ лицей. Списокъ преподавателей лицея. Число учащихся. Открытіе лицея 7 января 1818 года 147

II. Матеріальная обстановка гимназіи и института и общія о нихъ свѣдѣнія.

Помѣщеніе гимназіи и института.

XXVII. Зданіе. Пространство, занимаемое дворомъ. Исправленіе стараго дома. Пожаръ. Исходатайствованіе герцогомъ де-Ришелье 50.000 р. на возобновленіе зданія. Размѣщеніе классовъ вслѣдствіе пожара 152

Источники содержанія и расходы гимназіи и института.

XXVIII. Штаты коммерческой гимназіи. Несвоевременность полученія суммъ гимназіею. Расходы изъ сверхштатныхъ суммъ. Употребленіе суммъ гимназіи на пансіонъ. Передержки. Двоевластіе. Отмѣна Потоцкимъ одного изъ распоряженій Ришелье. Добавочныя суммы. Затрудненія для служащихъ. Квартиры для учителей и ихъ отопленіе 154

Стр

XXIX. (Продолженіе). Сравненіе расходовъ гимназіи и института. Вице директорство въ институтѣ. Плата за пансіонеровъ. Увеличеніе ея. Вино для воспитанниковъ. Отчетность института. Коммиссія управленія институтомъ 159

Пожертвованія.

XXX. Пожертвованіе Штиглицемъ 100.000 р. Дѣло объ этой суммѣ въ комитетѣ министровъ. Запросы о пожертвованіи Штиглица. Куда ушли эти деньги? Переписка между Дажеромъ и Ришелье относительно 11.780 р. 96 к. изъ этой суммы. Пожертвованія Ришелье 163

Учебныя пособія гимназіи и института.

XXXI. Учебныя пособія гимназіи. Отсутствіе свѣдѣній объ учебныхъ пособіяхъ въ институтѣ 169

Общее состояніе Одесской коммерческой гимназіи и Благороднаго института.

XXXII. Одесская коммерческая гимназія—первое заведеніе такого рода въ Россіи. Сравненіе курсовъ ея съ общими гимназическими. Непрактичность курсовъ ея приготовительныхъ училищъ. Число въ нихъ часовыхъ уроковъ. Сравнительная таблица уроковъ по уставу 1804 г. и въ 1807 и 1816 гг. въ гимназіи. Выводъ отсюда 171

XXXIII. (Продолженіе). Число классовъ въ Одесской коммерческой гимназіи. Свѣдѣнія о ней въ различное время. Стойковичъ, Потоцкій, Рижскій, Ферри, Минутъ, Дюгуровъ, Фуки 177

XXXIV. (Продолженіе). Пансіонъ Вольсея—Ришелье и Благородный институтъ. Распредѣленіе предметовъ ученія по годамъ. Таблица уроковъ въ отдѣленіяхъ (классахъ). Выводы изъ нея. Распредѣленіе часовъ занятій. 180

XXXV. (Продолженіе). Институтъ при дир. Минутѣ. Предметы ученія. Число уроковъ по предметамъ. Выводы отсюда 183

XXXVI. (Продолженіе). Подробное изложеніе предметовъ ученія въ Благор. институтѣ. Планъ воспитанія въ немъ 185

XXXVII. (Продолженіе). Число классовъ въ пансіонѣ Вольсея—Ришелье и въ Благородномъ институтѣ въ различное время. Приготовительный классъ. Распредѣленіе часовъ занятій. Число уроковъ по различнымъ предметамъ ученія . . 189

XXXVIII. (Продолженіе). Положеніе института въ 1807 и 1810 годахъ. Права, данныя институту. Институтъ предъ преобразованіемъ его въ лицей. Предложеніе Жилле надзирателямъ 194

Стр.

Посѣщеніе гимназіи и института Высочайшими Особами и другими лицами.

XXXIX. Посѣщеніе гимназіи и института Государемъ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ, королевою Каролиною и принцемъ Леопольдомъ Бурбонскимъ. Рѣчи и привѣтствія Великому Князю Николаю Павловичу. Посѣщеніе заведеній дюкомъ де-Ришелье, митрополитомъ Гавріидомъ, епископомъ Димитріемъ, Бенитсеномъ, гр. Чапкинымъ, кн. Долгорукимъ. Ревизіи гимназіи 200

III. Учебно-воспитательная часть.

XL. Связь учебной системы Екатерининскаго и Александровскаго уставовъ. Яковичъ де-Міріево и его дѣятельность. Саганская метода и ея главныя основанія. Министерство нар. просвѣщенія. Министръ и главные чины министерства. Указаніе дидактическихъ пріемовъ въ учебникахъ 203

XLI. Надзоръ университетовъ за средними и низшими учебными заведеніями 209

XLII. Требованія, предъявляемыя къ учителямъ по Екатерининскому и Александровскому уставамъ. Добрыя качества учителя. Училищные порядки. Училищная строгость (дисциплина). Воспрещеніе всякихъ тѣлесныхъ наказаній. Гуманность уставовъ и правилъ 213

XLIII. Постановленія и распоряженія относительно учителей. Учители-иностранцы. Домашніе учителя. Права, дарованныя учителямъ Благороднаго института 217

XLIV. (Продолженіе). Избраніе надзирателей института изъ военныхъ. Учрежденіе должности вице-директора въ институтѣ. Инструкція директору, вице-директору, и общая—тому и другому 220

XLV. Продолженіе). Инструкція надзирателямъ и эконому. Условія увольненія учителей и надзирателей. Докладъ Флуки относительно удаленія учителей изъ зданія института. Распоряженіе о недопущеніи учителей въ классы безъ испрошенія разрѣшенія директора 223

XLVI (Продолженіе). Распоряженія относительно поведенія учителей. О воспрещеніи пьянства. Примѣры, иллюстрирующіе необходимость этого распоряженія. Яковъ и Алексѣй Золотаревы 229

XLII. (Продолженіе). Опаздываніе учителей и пропуски ими уроковъ. Злоупотребленія тѣлесными наказаніями 233

XLVIII. Распоряженія по учебной части. Объясненіе ученикамъ преподаваемаго. Способы преподаванія. Подтвержденіе о преподаваніи на русскомъ языкѣ. Запрещеніе диктованія уроковъ. Донесеніе по этому поводу учителя Жаданова . . 236

A. Свѣдѣнія объ учебно-воспитательномъ составѣ гимназіи и института.

XLIX. Нѣкоторые пробѣлы вслѣдствіе отсутствія данныхъ въ архивахъ. Замѣчаніе относительно указанія предметовъ, слушанныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ преподавателями гимназіи и института 241

Стр.

L. Служебный составъ Одесской коммерческой гимназіи во все время ея существованія 243

LI. Служебный составъ Благороднаго института во все время его существованія 246

Статистическіе выводы относительно служебнаго состава гимназіи и института.

LII. *Возрасть* служащихъ при назначеніи въ гимназію и институтъ. *Сословія* и *національности* ихъ. *Образовательный цензъ* лицъ учебно-воспитательнаго состава. Процентъ *смертности* между ними 251

LIII. Бытъ преподавателей со стороны матеріальныхъ и духовныхъ потребностей. Письма Ферри и Жаданова. Арестъ Гальяра 256

LIV. (Продолженіе). Непрочность и необезпеченность положенія учителей: Богдановичъ, Гибаль, Яновскій. Жалоба Гальяра на неисполненіе условій съ нимъ относительно вознагражденія. Рыбниковъ. Отказы учителей отъ должностей. Любопытное прошеніе Жукова 262

LV. (Продолженіе). Направленіе, данное учебно-воспитательному дѣлу директорами Вольсеемъ, Минутомъ и Флуки 270

LVI. (Продолженіе). Преподаватели: Гуржеевъ, Сливицкій, Элканъ, Сумароковъ. Случайные преподаватели: Шлюхинъ, Макри 277

В. Свѣдѣнія объ учащихся въ гимназіи и институтѣ.

LVII. Законоположенія и распоряженія объ учащихся. Указъ 14 марта 1808 года. Пріемъ учащихся въ гимназію и въ институтъ. Привлеченіе учащихся въ школы. Евреи. Раздача учебниковъ и пр. Укомплектованіе гимназіи учениками. Предположеніе о новыхъ льготахъ для воспитанниковъ института 283

LVIII. (Продолженіе). Ученики должны быть снабжены всѣми классными принадлежностями. Главныя препятствія къ правильному ходу ученія—нехожденіе учениковъ на уроки и опаздыванія. Мѣры противъ этого 286

LIX. (Продолженіе). Мѣры противу нехожденія, принятыя мѣстнымъ начальствомъ (Флуки). Надзоръ за поведеніемъ учащихся. Пансіонеры. Обереженіе воспитанниковъ отъ вредныхъ вліяній 289

LX. (Продолженіе). Распоряженія относительно школьныхъ занятій. Правила для испытаній. Обозначеніе степени познаній учащихся. Мѣры поощренія воспитанниковъ. Отпуски. Наказанія 292

Статистическія данныя относительно учащихся.

LXI. *Общее число учащихся* въ гимназіи и институтѣ. Среднія цифры и maximum и minimum числа учащихся 297

Стр.

LXII. Число учащихся *по классамъ* въ гимназіи и въ институтѣ. Среднія цифры учащихся по классамъ въ обоихъ заведеніяхъ. Соединеніе классовъ 300

LXIII. Число учащихся *по національностямъ* въ гимназіи и въ институтѣ. Преобладающія національности 303

LXIV. Число учащихся *по вѣроисповѣданіямъ* въ институтѣ. Преобладающія исповѣданія. Данныя, на основаніи которыхъ можно сдѣлать выводъ о вѣроисповѣданіяхъ и для гимназіи 305

LXV. Учащіеся *по сословіямъ* въ гимназіи и институтѣ. Преобладающія сословія въ томъ и другомъ заведеніи 306

LXVI. Учащіеся *по возрасту* въ гимназіи и институтѣ. Средній возрастъ, maximum и minimum возрасть въ обоихъ заведеніяхъ. Постепенное повышеніе возрастности классовъ. Минимальность возраста въ институтѣ въ 1809-мъ году . 308

LXVII. *Успѣхи* учащихся. Отсутствіе данныхъ объ успѣшности. Значеніе въ этомъ отношеніи вѣдомостей о пройденномъ. Выводы изъ нихъ для того и другого заведенія 311

LXVIII. *Поведеніе* учащихся и проступки ихъ. Воспитанникъ Зорабъ и учитель Жуковъ. Отсутствіе данныхъ относительно *санитарныхъ условій* гимназіи и института. Причины такого явленія 317

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Объявленіе о планѣ воспитанія въ іезуитскомъ пансіонѣ въ С.-Петербургѣ (извѣстнаго *Грубера*). (Къ гл. IV, VI, VIII, XXI и XXII) 320

II. Донесеніи *Вольсея* 28 февраля 1807 г. объ осмотрѣ училищъ Херсонской губерніи (къ гл. VIII) 324

III. Отчетъ проф. *Дюгурова* о его ревизіи Одесскихъ учебныхъ заведеній (къ гл. XIX) 327

IV. Отрывки изъ письма учителя *Ферри* (къ гл. LIII). 330

V. *Руководства и пособія*, употреблявшіяся въ Од. коммерч. гимназіи и Благородномъ институтѣ (къ гл. XL) 332

VI. *Алфавитный списокъ лицъ*, служившихъ въ Одесской коммерческой гимназіи и Благородномъ институтѣ, или имѣвшихъ какія-либо отношенія къ этимъ заведеніямъ 340

VII. Къ страницѣ 149-ой 386

Недосмотры, дополненія и замѣченныя опечатки.

(1-я цифра **жирнымъ шрифтомъ** означаетъ страницу, 2-ая—строку).

7, 10 *св. должно быть:* воли.—**10**, 9—10 *сн.:* состоящему (*вм.* опредѣленному).—**23**, 4 *сн.:* Опытъ—**27**, 4 *св.:* Назначеніе и пр.—*лишнее.*—**29**, 12 *св.:* прибавилось еще одно.—**37**, 4 *сн.:* автономныхъ.—**44**, 12 *сн.:* 14.—**49**, 1 *св.:* пискѣ).—**49**, 2 *св.:* 14.—**55**,

13 *св.*: отъѣзда (*вм.* пріѣзда).—62, 6 *св.*: нивелировать.—69, 3 *св.*: о себѣ.—70, 7 *св.*: присоединихъ требованіе.—72, 9 *сн.*: 5.—76, 1 *сн.*: LIV.—77, 16 *сн.*: самые.—78, 13 *св.*: фитъ.—79, 5 *сн.*: законъ Божій. 81, 5 *сн.*: ему—*лишнее*; 4 *сн.*: воспитанникамъ его.—88, 13 *сн.*: Долгорукій[1]).—95, 14 *св.*: института; привилегіяхъ.—98, 5 *сн.*: недоумѣніями.—123, 1 *сн.*: По этому.—126, 2 *сн.*: LIII.—127, 5 *сн.*: LV.—131,—6 *сн.*: двухъ огней.—157, 5 *св.*: LIII.—175, 5 *св.*: «пенсіономъ».—178, 13 *сн.*: LIII.—193, 3 *сн.*: что (*вм.* что,).—194, 1 *св.*: поэтому (*вм.* то).—195, 4 *св.*: у—*лишнее*.—205, 18 *св.*: ни.—206, 13 *сн.*: Завадовскій.—233, 8 *сн.*: бороться еще.—244, 7 *св.*: 18 мая.—246, 16 *св.*: *Черемисиновъ* и пр. переносится на конецъ стр. 250-ой.—293, 1 *сн.*: передѣли.—297, 11 *св.*: въ показаніе.—299, 15 *св.*: въ этомъ отношеніи—*лишнее*.—316, 12 *сн.*: безъ ущербъ.—336, 15 *сн.*: Ипіеі...; 18 *сн.*: (Екатерины)».—339, 1 *сн.*: Чтен. (*вм.* Учен.).—340, 4 *св.*: имѣвшихъ.—341, 5—6 *сн.*: Богдановичъ Іос. Өадд., дворян. Кіевской губ.—343, 14 *сн.*: годъ.—347, 6 *сн.*: 1806.—349, 12 *св.*: Віарда; 13 *сн.*: Гибель убитъ на дуэли въ Одессѣ въ Ботанич. саду, въ ночь подъ Свѣтлый праздникъ (по разсказамъ одесскихъ старожиловъ, высокая насыпь въ Ботанич. саду, позади нынѣшняго зданія духовной семинаріи и противъ воротъ городского сиротскаго дома, могила Гибеля).—350, 14 *сн.*: производствѣ въ чины.—366, 4 *сн.*: (надзиратель).—374, 13 *св.*: г.—378, 15 *св.*: 9 авг. (*вм.* 25 іюля).—

Мирные договоры русскихъ съ греками, заключенные въ X вѣкѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Внесенныя въ лѣтопись грамоты X вѣка по договорамъ между русскими и греками, направленнымъ преимущественно къ обезпеченію непрерывности и безопасности взаимныхъ торговыхъ сношеній, превосходятъ, своею важностью, всѣ остальные уцѣлѣвшіе отечественные памятники письменности домонгольскаго періода. Постановленія договоровъ, стремящіяся къ сочетанію русскихъ и византійскихъ интересовъ, предисловія и послѣсловія договорныхъ актовъ, представляютъ яркую картину древне-русской жизни, отражая въ себѣ ея государственный, общественный, семейный и экономическій строй, религіозный культъ и юридическіе обычаи. Среди многочисленныхъ, нерѣдко противорѣчивыхъ и запутанныхъ извѣстій о русскомъ населеніи до сближенія русскихъ съ греками и возникновеніи Русскаго государства, договоры X вѣка блестятъ путеводною звѣздою, облегчая раскрытіе тайны претворенія разрозненныхъ племенъ, усѣвшихся по бассейнамъ рѣкъ, близъ морей Балтійскаго (Варяжскаго), Чернаго (Русскаго), Азовскаго (Сурожскаго) и Каспійскаго (Хвалынскаго), въ одинъ народъ русскій, какъ гражданъ Русской земли, на славянской основѣ. Договоры освѣщаютъ исконныя, созданныя русскою жизнью, правовыя нормы до ихъ воплощенія, при Ярославѣ I, въ одинъ законодательный кодексъ русскій, подготовленный состоявшимся соглашеніемъ неладившихъ между собою сѣверныхъ чудскихъ и славянскихъ племенъ съ варягорусскими князьями о принятіи этихъ племенъ подъ свою власть для водворенія покоя и правомѣрнаго порядка. Договоры, знаменующіе весьма успѣшный опытъ состязанія русскаго народа, совокупными силами, на международной аренѣ, имѣли очень долго воспитательное вліяніе, какъ питомникъ, въ которомъ внѣдрилось и разросталось правовое сознаніе народа русскаго, въ которомъ національная государственная идея единовластія или единодержавія («прія власть Рюрикъ единъ»)[1]), при своемъ

[1]) Въ Ипат.: «всю власть». Ср.: «Всеволодъ пріимъ власть Русьскую всю» (Лавр. 197).

дальнѣйшемъ развитіи находила непоколебимую опору и въ которомъ наша дипломатія черпала образцовый матеріалъ въ сношеніяхъ съ другими государствами, съ конца XV вѣка охватившихъ почти всю Европу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, договорныя грамоты X вѣка обличаютъ варяжское происхожденіе первыхъ организаторовъ Русскаго государства—свѣтлыхъ князей и большинства пословъ «отъ рода русскаго». Туземное преданіе, соотвѣтственно скандинавскимъ сказаніямъ, приписываетъ праннуку Рюрика, внуку Игоря, сыну Святослава, Владиміру святому «отъ варягъ рожество,—сей бысть сынъ Святославль *отъ племени варяжска*» [1]), въ развитіе лѣтописнаго разсказа о *выбравшихся* изъ за-моря («избрашася») варяжскихъ князьяхъ и о занятіи или подчиненіи ими своей власти незадолго передъ тѣмъ свергнувшей съ себя ярмо чужестранцевъ всей сѣверно-русской земли («пояша по собѣ всю Русь») [2]). Внѣшняя оболочка договоровъ русскихъ съ греками, гораздо ранѣе выкованная средневѣковымъ международнымъ молотомъ, дала окраску редакціи послѣдующихъ любовныхъ соглашеній русскихъ князей съ иностранными державами, чередо-

---

[1]) В. Срезневскій: Мусинъ-Пушк. Сб., стр. 18, 68, 74. Голубинскій: Ист. русск. церкви, т. I, ч. 1, стр. 195, 214.

[2]) Въ 1154 г. Вячеславъ и Изяславъ въ посланіи къ угорскому королю Белѣ Слѣпому употребили такое выраженіе: «...*сл по насъ лла* Русская земля вся и Черные Клобуци»... (Ипат. лѣтоп. 292). Вмѣсто «пояти по собѣ» нерѣдко писали: «заяти собѣ», «взяти за себя» или «за собою». Ярославъ въ 1017 г. «грады Червенскыя *зая собѣ*» Ярославъ... «ходилъ на землю Лифлянтскую ратью и плѣнивъ ихъ и въ свое имя градъ Юрьевъ поставилъ и тое землю *взялъ за себя*» (Оболенскій и Даниловичъ: Посольск. кн. вел. княж. Литов., т. II, № 72). Основаніе Ярославомъ Юрьева, послѣ побѣды надъ западною чудью, пріурочено лѣтописью къ 1030 г. «Отступися Волока... силою еси *взялъ за себя*» (подъ 1229 г.). Витовтъ «*взя* княженіе Смоленское *за себя*» (Воскрес. лѣтоп., т. VIII, 69)—«Которыя села были за княземъ Васильемъ за Шуйскимъ, и тѣ князь великій *за себя же взялъ*» (Соф. 2 лѣтоп., т. VI, 217). Подъ 1472 г.: Князь Венедійскій... хотя ити на Турскаго царя, что въ Царьградѣ сидитъ, *взявъ за собою* хрестьянскій градъ» (Соф. 196 и друг). Подобно сему: «перя за ся» (Воскрес., т. VIII, 63),—«поимъ за се» (Тверск., т. XV, 436), «поима» (Ипат. 558), и т. д. Выраженіе «поятн за ся» или «себя» часто примѣняется и въ брачному союзу: «Хощю ти *пояти* собѣ женѣ» (подъ 955 г.), «Миндовгъ восхотѣ пояти свесть свою за ся... поя ю за ся»... (Ипат. 568). Въ 1320 г. «женяся князь Дмитрій Мих. Тверскій... приведе *за себя* изъ Литвы дщерь Гедимина князя». «Иматися, ятися» (по комъ) большею частью значитъ предаться, подчиниться: «Кіевляне *ящася по нь*», т. е. предались Игорю, «лестью» (Ипат. 229). По Гельмольду, норманны «primo omnium slavos, qui prae manibus erant, miserunt sub tributum» (Chron. slav.). По Ибрагиму ибнъ-Якубу, писавшему около 960 г., племена сѣвера завладѣли нѣкоторыми изъ славянскихъ странъ (Изв. Ал.-Бекри., 46). Патріархъ Фотій въ бесѣдахъ говоритъ о походѣ на грековъ *руси*, покорившей окрестныя племена (865—867).—Взять съ собою,—обыкновенно,—«пояти *съ собою*» (напр., Ник. т. X., 19). Возить за собою—возити *по собѣ*: «Святославъ возъ по собѣ не возяше». «По собѣ» значитъ иногда—послѣ себя, напр.: «оставлеша *по собѣ* славу послѣднему вѣку» (Ипат. 585).

вавшихся съ мироположеніями о волостяхъ въ домашнихъ спорахъ, для устроенья мира, и порядами русскихъ князей съ своими подданными. Нѣкоторыя формулы договоровъ X вѣка пережили въ Руси цѣлую вереницу столѣтій, постоянно повторяясь позднѣйшими мирными актами, жалованными и иными грамотами. Обѣщаніе вѣчной, неизмѣнной пріязни «дондеже солнце съетъ и весь миръ стоитъ»,—выраженіе двукратно повторяющееся въ договорѣ 945 г.,—передается въ латинскихъ актахъ фразой: «usque ad finem seculi» или «donec mundus steterit» (Tafel и Thomas: Font. rer. Austr. XII, LI, 116—120). Въ южно-славянскихъ памятникахъ, напр. въ грамотѣ бана Кулина 1189: «од века, одколе свѣть сталь». Въ грамотѣ кн. Мстислава Владиміровича Юрьеву монастырю: «донѣле же ся миръ стоить, молите Бога за мя» (Изв. Ак. Н., т. VIII, 339. Ср.: «докуды и міръ стоитъ», А. Юр., I, 82). Не менѣе часто помѣщается въ латинскихъ договорныхъ спискахъ угроза противодѣйствія поселяющей человѣческіе раздоры нечистой силѣ, попавшая въ договоръ Игоря 945 г.: «ненавидящаго добра враждолюбца дьявола разорити» — bonis adversans satan et pacis inimicus» (Atti di soc. Ligure di storia patria, vol. 28, стр. 459), или: «suggerente humani generis inimico» (Jirecek: Cod. dipl. Bohem., № 62). Въ договорѣ русскихъ съ Казиміромъ Польскимъ, около 1339 г., трактуется о водвореніи взаимнаго согласія и устраненіи вражды, посѣянной дьявольскимъ навожденіемъ: «discordiam a dyabolica suggestione seminatam» (Voigt.: Cod. dipl. Prus. III, № 61). Проникающая все мирное *строеніе* (ср.: «по Божью *строю*» въ Лавр. 116) взаимная любовь двухъ великихъ народовъ покоится на божественной поддержкѣ; другими словами, миръ, скрѣпленный клятвеннымъ увѣреніемъ державныхъ сторонъ, зиждется на божественномъ основаніи и нарушеніе мира навлекаетъ на виновныхъ справедливый гнѣвъ Бога Вседержителя, лишающаго ихъ своего покровительства: «Богъ любы есть, пребываяй въ любви, въ Бозѣ пребываетъ, и Богъ въ немъ пребытаетъ» (лѣтоп. подъ 1078 г.). Въ договорѣ 912 г.: «Суть, яко понеже мы ся имали о Божьи вѣрѣ [1]) (варіантъ—мирѣ) и любви (въ лат. грам. «pax et treuga Dei») главы таковы.... Хотяще о Бозѣ удержати... Мы же вѣдяхомся, иже отъ Бога суще, яко Божье *зданіе*, не преступати отъ уставленыхъ главъ мира и любви.... иже преступятъ, да имуть месть отъ Бога Вседержителя.... и да не имуть помощи отъ Бога». Подъ договорной грамотой 912 г. выставлено «лѣто *созданія* міру», совпадающее съ годомъ *отъ* сотворенія міра. Миръ всегда считался у

[1]) Ср. «приходящимъ (съ) *вѣрою* и любовью» (Лавр. 134). Грамотою Стефана Родослава отъ 1234 г., утверждается миръ «по *вѣрѣ и любви* и клетвѣ» (F. Miklosich: Monum. Serb. № 23). Въ грам. 1240 г., «да ви *«любе* и да ви хране одь зла съ правомъ *вѣромъ*» (Ib. № 32).

насъ дѣломъ богоугоднымъ и спасительнымъ: «Бога ради всхощете мира,—смиритеся Бога ради», и т. под. Кто «соблюдалъ землю Русскую», тотъ стремился къ миру. Междоусобную рать не только договорные акты, но и русскіе лѣтописцы, и церковные проповѣдники, и Владиміръ Мономахъ, въ духовной, приписываютъ наущеніямъ, уловкамъ или сѣтямъ дьявола, который, по ея выраженію,—«не хочетъ добра роду человѣческому, сваживаетъ ны». Іоаннъ Цимисхій говорилъ Святославу, упрекая князя въ нарушеніи прежняго мира съ греками, что самъ Спаситель былъ посредникомъ при его заключеніи (Левъ Діаконъ).

Возвѣщенное договорами X вѣка господство *русскаго* національнаго элемента на огромномъ протяженіи Русской земли раскрываетъ широкій горизонтъ для обозрѣнія того зачаточнаго процесса, посредствомъ котораго было вызвано къ жизни и произрастанію Русское государство. Изслѣдователь договоровъ не можетъ ограничиться безмолвнымъ созерцаніемъ этого явленія, какъ бы взглядъ его ни расходился со взглядами историковъ болѣе его искусныхъ, свѣдущихъ и проницательныхъ. По разсказу лѣтописца,—чудь, словѣне и кривичи, вытѣснивъ варяговъ, имъ почему-то ненавистныхъ, и извѣдавъ неудобства и бѣдствія, сопряженныя съ политическимъ разъединеніемъ племенъ, ихъ неустройствомъ (отсутствіемъ «наряда») и одинаковой для нихъ Правды, при своей обособленности, ведшей къ выгоднымъ для внѣшнихъ враговъ племеннымъ раздорамъ и къ тому, что каждое племя «само творило себѣ законъ», стали искать себѣ князя. «Рѣша:—сами въ себѣ, поищемъ собѣ князя» (Лавр.) [1]), т. е. мы сами въ собственной волѣ или въ своей власти ...отъ насъ зависитъ... Въ 1176 г. володимерцы выражались: «мы есмы *волная* князя прияли къ собѣ» (Лавр., Ипат.). Въ призваніи варягоруссовъ участвовали вмѣстѣ съ славянскими племенами и нѣкоторыя, примкнувшія къ союзу съ ними чудскія племена—меря, весь, мурома, вѣроятно принадлежавшія нѣкогда къ кругу тѣхъ народностей, которыя назывались kylfing'ами—колбягами въ Гардарикѣ уже при первомъ извѣстномъ ея князѣ Радбардѣ (Ратиборѣ), жившемъ приблизительно, по скандинавскимъ сагамъ, въ началѣ VIII вѣка (Ant. russes. т. I, стр. 487 и т. II, стр. 249 и др.). «Рѣша *русь*—чудь, словѣни, кривичи (и) *вся*... (Лавр., Ипат.)... *земля* наша велика и обилна... [2]), а наряда въ ней нѣтъ»... и т. д. Если принять чтеніе позд-

[1]) Въ Ипат.: «Поищемъ сами въ собѣ князя». Ср.: «намъ самимъ о собѣ поискати» (ib. 222). «Искати *въ собѣ* татя» (Русск. Правда). Предпочитаю чтеніе Лавр. списка. Князя *искали не у себя*. Въ 1229 г. новгородцы требовали отъ Ярослава Всеволодовича, чтобы онъ присягнулъ «на всей ихъ волѣ и на грамотахъ Ярославлихъ»; иначе, грозили они ему: «ты—себѣ, а мы—себѣ» (Новг., Тв.).

[2]) Подъ обильемъ понимаю *богатство* вообще. Ср. слова Рюрика Ростиславовича, сказанныя Всеволоду, которому волость далъ лѣпьшую не отъ *обилья*, т. е. изобилья волостей (Ипат. 470).

нѣйшихъ списковъ «и вси»; то дѣло не измѣняется:—«Первіи насельницы въ Новѣгородѣ словѣне, Полотьстѣ кривичи, въ Ростовѣ меря, въ Бѣлѣозерѣ весь, въ Муромѣ мурома, и тѣми *всѣми* обладаше Рюрикъ», сдѣлавшись единодержавнымъ по смерти двухъ братьевъ, послѣдовавшей спустя будто-бы два года. Приведенныя слова «русь... вся» обнимаютъ собою все то чудское и славянское народонаселеніе Русской земли, которое «поиша по собѣ» варягорусскіе князья. Внося въ свой разсказъ имя государственное и этнографическое—Руси и руси, въ смыслѣ, сложившемся послѣ призванія варягоруссовъ, но до дѣйствительнаго распространенія этого имени, лѣтописецъ естественно находился подъ вліяніемъ современнаго ему положенія вещей (ср. «нынѣ зовомая русь»). Тѣмъ не менѣе, свивая прошлое съ настоящимъ, лѣтописецъ дробитъ новгородскую Русь на составныя этническія группы. Союзныя финнскія племена еще ранѣе помѣщаются лѣтописью въ Афетовой части... гдѣ «*сѣдятъ русь*—чудь и *вси языци*», т. е. славянскіе и разновидности чуди, въ Новгородской области. Между подробно перечисленными здѣсь чудскими племенами названа первою меря, платившая дань изгнаннымъ варягамъ: «Имаху дань варязи на чюди и на словѣнехъ,—на *мери* и на всѣхъ кривичѣхъ» (859 г.). Упомянутые «вси языци» раздѣляются, въ предѣлахъ разростшагося Русскаго государства, на славянскіе и инородческіе: Се бо токмо словѣнескъ языкъ *въ Руси*: поляне, деревляне, *новгородьци*»... и т. д. «А се суть *иніи языци* иже дань даютъ *руси*»... Среди иноязычниковъ, платившихъ, во время составленія лѣтописи, дань руси,—на первомъ планѣ *чудь* (меря, весь, мурома и др.)... Въ войскѣ Олега при движеніи къ Смоленску упоминаются «чудь—меря, весь». Въ 882 г. «поиде Олегъ, поимъ воя многи: варяги, чудь, словѣни, мерю, весь, кривичи». Въ 980 г. «Володимеръ собра вои многи: варяги и словѣни, чудь и кривичи, и поиде на Рогъволода», княжившаго въ Полоцкѣ. Разсказывая объ устройствѣ Олегомъ городовъ и установленіи дани варягамъ, лѣтописецъ упоминаетъ словенъ, кривичей и мерю, безъ обозначенія ея чудской національности. Въ походѣ на грековъ 907 г. Олегъ беретъ съ собою, между прочимъ, чудь... и мерю. Въ вознагражденіе мерянъ за участіе въ походѣ городъ ихъ Ростовъ, какъ и Полоцкъ, предоставленные Рюрикомъ въ управленіе его мужамъ, получилъ «укладъ». Неоднократно указывая чудское происхожденіе мери и веси, отъ которыхъ при Владимірѣ св. нарубались лучшіе мужи для заселенія городовъ вмѣстѣ съ словенами и кривичами, лѣтописецъ, быть можетъ, имѣлъ намѣреніе предотвратить смѣшеніе читателемъ союзныхъ съ словенами и кривичами финнскихъ племенъ съ племенами чудскими, враждебными руси и ею покореннымъ впослѣдствіи. По словамъ новгородца Гуряты Роговича, занесеннымъ въ лѣтопись и подтвержденнымъ многочисленными документальными свѣдѣніями о новгородскихъ волостяхъ, *пече-*

ряне платили дань Новгороду наравнѣ съ другими отраслями заволоцкой чуди: пермью, ямью, угрою. Слѣдовательно, коль скоро, по свидѣтельству того же лѣтописца, они дань давали *руси*, то, очевидно, Новгородская область съ прибытіемъ «находниковъ» обратилась *въ русскую*. Нашъ лѣтописецъ положительно удостовѣряетъ такую перемѣну:— «Отъ тѣхъ [1]) (варяговъ) прозвася *Русская земля новогородци-ти*», т. е. народонаселеніе Ильменской страны (Holmgard, Nogardia, Ostrogard) [2]). Оно получило съ той поры смѣшанный характеръ: «Суть людье новгородьци отъ рода варяжьска, преже бо бѣша (исключительно) словѣни... [3]) первіи насельницы въ Новѣгородѣ». Къ туземному населенію привился элементъ пришлый— варягорусскій, продолжавшій приливать въ Новгородскую область еще при Ярославѣ I и удержавшійся преимущественно въ *городахъ*, какъ показываютъ нѣкоторые списки Русской Правды, замѣняющіе изгоевъ горожанами, а словенъ сельчанами, и самая лѣтопись: «и по тѣмъ *городомъ* суть находници варязи»... По сообщенію Ибрагима ибнъ-Якуба, племя сѣверное *руссы* смѣшались съ славянами и говорятъ пославянски» (Изв. Ал-Бекри, 54). Лѣтопись Переяславля-Суздальскаго (XIII в.) помѣщаетъ и Новгородъ въ перечнѣ городовъ русскихъ, получившихъ, по договорамъ съ греками, «уклады» (ст. 9). Градація привиллегированныхъ городовъ, по ихъ старшинству, идетъ, за изъятіемъ одного Любеча, отъ южныхъ къ сѣвернымъ (Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ). Изъ предпослѣднихъ двухъ первенство присвоено кривичскому городу Полоцку предъ мерянскимъ Ростовомъ. Подъ 898 г. лѣтописецъ, разсуждая о славянскомъ происхожденіи туземной руси и почти буквально повторяя сказанное имъ о новгородскихъ аборигенахъ («отъ варягъ бо *прозвашася русью*»), утверждаетъ, что и поляне днѣпровскіе—«нынѣ зовомая русь»—получили наименованіе руси отъ варягоруссовъ. Въ Софіевской и Воскресенской лѣтописяхъ, подъ 941 г., при описаніи похода Игоря на грековъ, сказано: «Посланша болгаре вѣсть къ царю, яко идуть русь на Цареградъ, людей 10 тысящь, глаголемы *отъ рода варяжьска* сущимъ». Когда Олегъ воцарился въ Кіевѣ, смѣнивъ Аскольда и Дира, совокупившихъ тамъ многихъ варяговъ и владѣвшихъ полянскою землею, «бѣша у него *словѣни* и варязи и *прочи, прозвашася русью*». Это значитъ, что имя руси, не бывшее искони домашнимъ у полянъ, покрыло всѣ туземныя племена, сосредоточенныя подъ державой Олега по занятіи имъ Кіева, включая кривичей, ко-

---

[1]) Въ Ипат. прибавлено «варягъ»; въ Лавр. просто «отъ тѣхъ». Ср. о тиверцахъ: «си вси звахуться *отъ грекъ* Великая Скуѳь».

[2]) Одинъ изъ лѣтописцевъ XV в. нарицаетъ Ильменъ «не яко озеромъ, но моремъ *русьскымъ*» (Соф. т. VI, 18).

[3]) Ср.: «и по тѣмъ городомъ (Полоцкъ, Ростовъ, Бѣлоозеро) *суть* находници варязи».

торые также помогали ему завладѣть Смоленскомъ, Любечемъ и Кіевомъ: «И бѣ обладая Олегъ полянми», ранѣе состоявшими данниками козаръ [1]) и покоренныхъ Аскольдомъ и Диромъ,—«и деревляны, и сѣверяны и радимичи». Олегу при этомъ благопріятствовали мирныя отношенія между полянами, деревлянами, сѣверянами, радимичами, вятичами и бѣлохорватами. Въ извѣстіи 944 г. пояснено, какія славянскія племена подъ именемъ руси участвовали въ походѣ на грековъ: «Игорь же, совокупивъ вои многи: (а) варяги, (б) *русь*—и поляны, и словѣни, и кривичи, и тиверцѣ»... При дальнѣйшемъ разсказѣ племена эти опять объединяются подъ именемъ руси. Въ 980 г. «Володимиръ собра вои многы, варягы, и словѣны, и чудь, и *кривичи*». Въ 1018 г. Ярославъ «совокупивъ *русь* и варягы, и *словѣны*, поиде противъ Болеславу и Святополку» (Лавр.). Словене здѣсь имѣютъ видовое по отношенію къ руси значеніе, какъ наприм. въ лѣтописномъ разсказѣ подъ 1213 г.: «Мстиславъ бѣ со всѣми князьми *Рускыми* и *Черниговскыми*» (Ипат. 490). По Новгородской и Тверской лѣтописямъ, Ярославъ, снаряжая въ 1043 г. сына своего Владиміра въ походъ на Царьградъ, далъ ему «воя многы—варягы, *русь*». Племенныя черты постепенно стушевываются [2]) и уступаютъ мѣсто административно-территоріальному дѣленію Руси по княжествамъ, или городскимъ округамъ съ тяготѣвшими къ нимъ землями. Перемѣна эта отразилась на изложеніи начальной лѣтописи и ея продолжателей... Въ составъ словенскаго языка (народонаселенія) въ Руси вводятся, между прочимъ, *волынцы* (съ тяготѣвшими къ г. Велыню землями) и *новгородцы* (съ подчиненными Новгороду славянскими землями). Въ 1170 г. на Великій Новгородъ поднялись смоляне, торопчане, муромцы, рязанцы, полочане, переяславци, ростовцы съ своими князьями, и *вся земля Русская*» (Тверск. лѣтоп. т. XV, 244, 245). Въ описаніи Липецкой битвы 1216 г., *...вся Русская земля...* и Галичская, и Кіевская, и Смоленская, и Черниговская, и *Новгородская*, и Рязанская. Въ 1228 г. Володимеръ Кіевскій «со всими князи, и куряны, и пиняны, и новогородци, и туровци, объсѣдоша Каменѣцъ» (Ипат. 503). Въ договорѣ съ греками 907 г. и сѣверные, и южные *города* одинаково

---

[1]) По словамъ Ибнъ-Фадлана, писавшаго въ первой половинѣ X в., еще въ то время языческіе руссы пополняли войско хозарскаго царя, состоя у него на жалованьи, но не были подвластны царю, образуя великій народъ. Козиры, хозары—akatziri, katziri (Географъ Равенискій) пришли изъ средней Азіи, гдѣ сохранили наименованіе кангаръ, по Конст. Порфир.—храбрѣйшая вѣтвь хозаръ (De adm. imp., гл. 38, ср. Hammer Purgstall: Gesch. d. goldn. Horde).

[2]) Проф. Ключевскій, въ Боярск. Думѣ др. Руси, проводитъ мысль, что Древлянская земля не составляла политическаго *цѣлаго*, ибо преданіе говоритъ о *многихъ* князьяхъ, которые ее распасли. Это—недоразумѣніе; лѣтопись вовсе не указываетъ на *одновременное* существованіе въ Древлянской землѣ князей равносильныхъ Малу.

считаются *русскими*, принадлежащими къ территоріи *Русскаго государства*. По договору 912 г. греки обязывались охранять потерпѣвшую крушеніе лодью *русскую*, съ какимъ бы ни было племеннымъ составомъ ея морского экипажа, и провожать ее въ *Русскую землю*... По договору 945 г. русскіе осенью должны были возвращаться «въ домы своя *въ Русь*». Въ договорахъ 912 и 945 гг. *законъ русскій* есть законъ общій *для всѣхъ* племенъ, обитавшихъ въ предѣлахъ Русскаго государства и состоявшихъ въ подданствѣ у великаго князя русскаго. Послы и гости играли роль представителей отъ всѣхъ людій *Русскія земли*, а всѣ граждане ея—*русины* или русскіе [1]), въ какомъ бы округѣ они ни проживали. Тоже самое въ Русской Правдѣ и позднѣйшихъ договорныхъ актахъ, напр., Казиміра Ягановича съ Псковомъ, *русинъ*—полочанинъ [2]) витблянинъ, смолнянинъ», и т. д. Оффиціальные акты хотя отличаютъ иногда человѣка «русскаго» отъ «новгородскаго» (Собр. Гос. Гр. и Дог. № 3), но отличіе это имѣетъ искусственный, условный характеръ, какъ и лѣтописное противоположеніе Кіевской Руси другимъ русскимъ княжествамъ, напр., «посла князь Всеволодъ Гюргевичъ тивуна своего... *въ Русь* (подъ 1195 г.); водиша ко кресту Романа (кіевскаго) *въ Руси*» (подъ 1204 г.), и т. д.

Государственное имя Руси, по прибытіи Рюрика съ братьями, проникнувъ изъ Ильменской области въ Приднѣпровье, упрочилось за Кіево-Переяславской и Черниговской землями. До исхода по крайней мѣрѣ X вѣка оно постоянно обнимало собою и Новгородскую область. Наприм., въ 976 г. Ярополкъ, назначивъ посадниковъ *въ Новгородѣ*, «бѣ володѣлъ единъ *въ Руси*». Постепенно оно стало примѣняться къ Новгородской области рѣже лѣтописью и оффиціальными актами. Впрочемъ, лѣтописецъ говоритъ, что *изъ Руси* (по Волгѣ) можно идти въ Болгары и Хвалисы... а по Двинѣ въ Варяги»,—подъ 1060 г. зоветъ *русью* псковичей и новгородцевъ, участвовавшихъ въ сѣчѣ съ сусолою, а подъ 1206 г. влагаетъ въ уста Всеволода, при посылкѣ имъ сына Константина въ Новгородъ на княженіе, слѣдующія слова: «Новгородъ Великый старѣйшинство имать княженью *во всей Русской* земли» (Лавр. 401). Чудско-славянскія племена, ввѣряя владычество надъ ними варягорусскимъ князьямъ, выговорили себѣ важныя льготы въ *мѣстномъ* управленіи: Новгородцы, «издавна свобоженые (Лавр. подъ 1173 г.), напередъ, *какъ и земля ихъ стала*, никотораго князя *государемъ себѣ* не зывали, но *господиномъ* звали» (Соф. П. 204). Потому новгородцы слыли за «дикихъ» (свободныхъ) мужей, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ подъ 1205 г., что удержали за собою право произволь-

---

[1]) «Володѣютъ козары (т. е. козарами) *русьскіе* и до днешнего дне» (Лавр).

[2]) Въ грамотѣ Гердена XIII в.: «што Руськая земля словетъ Полочькая» (К. Наперскій—Русск. Лив. акты).

наго избранія князя и неразд'ѣльные съ такимъ правомъ порядки,—«по обычаю своему изстариннему» (Новг. и Никонов. лѣтоп. подъ 1304 г.). Такой же эпитетъ «дикіе» примѣняетъ лѣтопись къ *независимымъ* половцамъ въ отличіе отъ половцевъ *русскихъ* (Лавр. 480).

Единая территорія Русской земли, задолго до раздѣла ея по Днѣпръ между Ярославомъ и Мстиславомъ въ 1026 г. широко раскинувшаяся на востокѣ и западѣ, занимала, по своему географическому положенію, Верхъ и Низъ. Въ 997 г. «Володимеру шедшю Новугороду по *верховьнѣ* воѣ»... Въ 1148 г. Ростиславъ далъ дары Изяславу «отъ *верхнихъ* земель и отъ варягъ», Изяславъ же далъ дары Ростиславу отъ Русской земли и отъ всѣхъ царскихъ земель» [1])—«Всеволодъ сбираетъ, изъ Корачева, отъ *верхнихъ* земль вои» (Ипат. 442). Въ 1196 г. «Ярославъ, княжившъ на Торжку, дани поима по всему *Верху*». (Новг. I, 23). Олегъ изъ Смоленска пошелъ въ *Низъ*. Земля *Низовская* (напр., Соф. п. 1252 г.) называется иногда, въ противоположность Верху, и Понизьемъ. Императоръ Константинъ Порфирородный также дѣлитъ русь на сѣверную (внѣшнюю) и южную, которую онъ, по ея русскому населенію, протягиваетъ отъ Херсонеса Таврическаго до истоковъ Днѣпра [2]). Господствующею надъ отдѣльными славянскими племенами русью онъ признаетъ русь, прилегающую къ среднему и южному теченію Днѣпра, различая языкъ русскій отъ славянскаго. Племена

---

[1]) Царскія земли—греческія, откуда получалась между прочимъ паволока. Въ 1146 г. Георгій одарилъ Святослава «*паволокою* и скорою» (Ипат. 240). Въ 1164 году «присла царь (греческій) дары многи Ростиславу—оксамиты и *паволоки* и вся узороч разноличная» (Ib. 357). Въ 1204 г. Ярославъ молвилъ на вѣчѣ въ Новгородѣ: «взялъ есьмъ въ корабляхъ дары—*паволоки* и овощь, а они меня абезчествовали». (Никон. и др.).

[2]) Внѣшняя Русь складывается у него изъ Смоленской, Полоцкой, Луцкой и окрестныхъ земель и связывается съ княженіемъ въ Новгородѣ Святослава. Онъ описываетъ заготовленіе кривичами, лучанами и другими подчиненными южнорусскамъ славянскими племенами лѣсного матеріала и постройку, «на горахъ» (гиры), спускавшихся изъ ближайшихъ озеръ по Днѣпру судовъ—одноперевокъ. Подъ гирами разумѣются сухопутья, а не округа, какъ толковалъ Неволинъ. Въ Тверской лѣтописи подъ 1203 г. сказано: «Придоша варязи *горою* на миръ». Въ грамотѣ Андрея Александровича 1301 г. изложено: «....даxомъ имъ (нѣмцамъ) три пути *горнiи* по своей волости и четвертый *въ рѣчкахъ*» (Наперскій: Русск. Лив. акты, 25). Въ договорѣ 1522 г. царя Василія съ нѣмцами постановлено: «Посламъ царскимъ *горою* и *водою* путь чистъ» (Оболенскій и Даниловичъ: Кн. посольск. вел. кн. Литов. т. II, № 62). «Отъ Ругодива *горою* къ Колывани купцамъ дороги не дадутъ» (Русск. Ист. Библ. т. XV, стр. 70). Императоръ Константинъ знаетъ и другое, нѣсколько испорченное славянское слово «перекладъ (перекладіумъ) у Селины, южнѣе Кіліи, древняго Licostonium'а, «qui alias Kilia dicitur» (Hurmuzaki: Doc. Rom. т. II, № 354), по объясненію Венелина,—перекладка товаровъ (Чт. М. Общ. Ист. и Др. 1874, № 6, 43), но можетъ быть и прохлада въ смыслѣ отдыха: «ловы творяше... приходя, *прохлаждашеся*» (Тверск. лѣт. 251).

славянскія продавали *руссамъ* суда; руссы посѣщали Византію, Хазарію, Черную Болгарію и иныя сосѣднія страны. Константинъ Порфирородный, говоря о князѣ *русскомъ*, княгинѣ *русской*, соединявшихъ подъ своею рукою многія племена, перечисленныя почти согласно съ нашею лѣтописью въ соч. «De administrando imperio» (гл. 9, 37, 42), въ концѣ главы, 9 понятіе о южнорусской народности ограничиваетъ сферою *правительственною*: Русскіе князья *со всѣми руссами*, въ ноябрѣ, отправляются *на полюдье*», въ отечественныхъ книжескихъ грамотахъ называемое «осеннимъ», но оно продолжалось и зимою:... «февраля въ 25 день... сущю великому князю Ростовѣ *въ полюдьи*, ...февраля въ 8 день... сущю князю великому въ Переславли *въ полюдьи*» (подъ 1190 г.). Несомнѣнно, императоръ ведетъ рѣчь о *княжескихъ дружинахъ* съ большою примѣсью *варягорусскою*, повліявшею на обособленіе имъ русскаго языка отъ славянскаго или славянорусскаго.

При сопоставленіи преданій нашей лѣтописи о возникновеніи Русскаго государства («какъ Русская земля стала есть») и племенномъ его составѣ, а также договорныхъ грамотъ X в., въ которыхъ многія имена пословъ и гостей—не славянскія, съ извѣстіями западныхъ писателей о норманнизмѣ руси, напр. Ліудпранда («Jnger rex russorum seu nortmannorum»), епископа Пруденція, Венеціанской хроникой Іоанна Діакона, и т. под. съ признаками обособленія императоромъ Константиномъ отъ славянской массы населенія правительственнаго слоя русскаго народа, необходимо варягоруссовъ выдѣлить изъ славянорускаго міра въ эпоху образованія Русскаго государства, какъ отпрыскъ норманнскій, но выросшій изъ одного и того же корня по своей *первобытной* національности [1]). Норманнскія черты варягоруссовъ можно наблюдать въ прозвищахъ Днѣпровскихъ пороговъ у Константина Порфиророднаго. Первый изъ упомянутыхъ имъ, вѣроятно, Будиловскій—Esoupy, одинаковаго значенія у русскихъ и славянъ «не спи», и нынѣ по-англійски значитъ то же (не зѣвай), что у славянъ «не спи». «Струкунъ или Струбунъ, по славянски Напрези, не менѣе легко объяснить формами англійскаго языка (глаголы

---

[1]) О смѣшеніи норманнской крови съ славянскою въ правящихъ сферахъ свидѣтельствуютъ исландскія и скандинавскія саги. Достаточно припомнить, что Рагнаръ Лодброкъ, король Даніи и Швеціи (+794) былъ внукомъ *Голмгардскаго* правителя Радбарда —Ратибора, женатаго на дочери Ивара Видфадна Одрѣ. Отъ Рагнаря Лодброка идутъ двѣ нисходящіяся линіи: одна королей датскихъ (черезъ Сигурда+820), другая королей Швеціи черезъ Сигурдова брата Біорна, къ потомству котораго принадлежитъ супруга Ярослава I Ингигерда—Ирина (см. сагу Sögubrat и генеалогич. табл. въ Ant. Russes). Замѣчательно, что норцами («норци» или «нарци еже суть словѣне») назывались и норвежцы—«Norici» въ древн. актахъ. Норцевъ или нарцевъ можно отождествить съ Тацитовыми нарисками (Narisci).

strik´и strîv), на которомъ говорили варяги въ Византіи (Кодинъ и др.). Норманнскій типъ варягоруссовъ и попытки ихъ сломить упорство древлянъ, отстаивавшихъ свою независимость, вѣроятно, и внушили Льву Діакону мысль о гибели Игоря въ *Германіи* [1]), хотя способъ казни великаго князя, повѣшеннаго будто-бы между двумя *деревьями* и разорваннаго пополамъ, есть, кажется, *символическое* изображеніе убійства его *деревлянами*. Тотъ же Левъ Діаконъ приводитъ *русское* слово «comment», имѣющее у англичанъ одинаковое значеніе съ нашимъ *вѣчемъ* (ср. слова *кметь*, *кметье*, подъ 1075 г., и *кметьство* въ Новг. I. 14).

Для рѣшенія вопроса—откуда судьба занесла руссовъ на дальній сѣверъ, еще не обнаружено достаточно непреложныхъ данныхъ. Полагаю, однако, что въ этомъ вопросѣ весьма цѣнны раннія и вполнѣ достовѣрныя историческія свидѣтельства, указывающія гнѣздо *рутеновъ*—руссовъ въ приморской Галліи, на югѣ нынѣшней Франціи (Плиній и Юлій Цезарь). Рутены, составлявшіе нѣкогда населеніе провинціи *Нарбоннской*, граничили съ авернами, на истокахъ Гароны (нынѣ Aveyron), и санктонами (нынѣ округъ Saintonge) «Eorum regio *Russia* vocatur» (Schwandtner: Script. rer. Hungar. III, XIX. 240 [2]). Можетъ быть, славянскіе послы, *высокаго роста*, прибывшіе, послѣ 15 мѣсячнаго скитанія, въ VI вѣкѣ, съ отдаленнѣйшихъ окраинъ *западнаго океана*, по поводу требованія вспомогательнаго войска противъ грековъ, но вслѣдствіе причиненныхъ имъ притѣсненій, ушедшіе затѣмъ во Фракію къ грекамъ искать защиты и получившіе отъ греческаго царя средства къ возвращенію въ отечество, вышли изъ Нарбоннской Галліи. По словамъ этихъ лицъ, народъ ихъ велъ жизнь безмятежную, предаваясь игрѣ на гусляхъ. Какая-то связь между южными рутенами и норманнами существовала въ концѣ VIII вѣка. Въ 782 г. прибыли въ Нарбоннскую Галлію Nortmanni exploratores, которыхъ Карлъ объявилъ отъявленными врагами (Pertz. II. 195 и 768). Симонъ Логофетъ и вообще продолжатели Феофана и Амартола именуютъ русь дромитами изъ рода *франковъ* По Ибнъ-Фадлану руссы носили *франкскіе* мечи. Южнѣе авернов и г. Нарбонна, на с.-в. склонѣ Пиренеевъ и раскинулся примыкающій къ морю обширный округъ Руссильонъ (Rous-

---

[1]) Тацитъ германцевъ отдѣляетъ отъ даковъ и сарматовъ (славянъ) горами, очевидно Карпатскими. По Страбону (Geogr. lib. VII) Германія простиралась до Каспійскаго моря, что повторено въ хроникѣ Регинона подъ 889 г. Скандинавскія преданія юговосточную Русь называютъ Великой Свеоніей, родиной царей скандинавскихъ (Heimskringla). Названіе Руси Германіей объясняется, кажется, своимъ происхожденіемъ Германариху, обладавшему всей южной Русью, куда во II вѣкѣ проникли готы съ береговъ Балтики: «Veneti, Antes, Sclavi, omnes Ermanici imperii serviebant» (Iordan, c. 23).

[2]) Въ грамотѣ князя Юрія II, данной г. Саноку въ 1339 году, западная Русь—«Ruthenia».

sillion), называвшійся при Каролингахъ «Ruscillionum» на югѣ отъ гг. «Ruthenis, Rutenica» существовшихъ при Меровингахъ и Каролингахъ, на востокѣ отъ Roscidavallis, не говоря уже о с. Roscinos или Ruscino на р. Орлиной, впадающій въ заливъ Rosas, у г. Rosas. Горы, тянущіяся отъ Арильяка до Валенса, назывались *Ruthenï* (Дройзена историч. карты древн. Европы; Меркаторъ, и друг.).

Преданія сѣверныхъ и западныхъ народовъ представляютъ много сходнаго съ разсказомъ нашей лѣтописи о призваніи варягорусскихъ князей. Въ описаніи путешествія Отара и Улфстейна Восточное Балтійское побережье (Ostland) есть «*великая земля*... меда и рыбы тамъ большое *обилïе*... многіе между жителями происходятъ раздоры»... (Ant. russes, II). Въ хроникѣ Видукинда приглашеніе бриттами саксовъ владычествовать надъ ними передается почти одинаковыми съ русскою лѣтописью выраженіями (Mon. Germ. hist. scr. III. 419). Въ вопросѣ о происхожденіи Руси весьма, по моему убѣжденію, важенъ связанный съ преданіями о происхожденіи *венетичей* разсказъ Константина Порфиророднаго о переходѣ лонгобардовъ (длиннобородыхъ), въ началѣ VII в., изъ Паннонiи въ Италію по приглашенію греческаго патрикія Нарзеса: «*Придите*», говорилъ онъ, «*сюда въ страну изобильную*, текущую млекомъ и медомъ, и поселитесь въ ней»... Прибывъ, *съ родами своими*, къ Беневенту и встрѣтивъ противодѣйствіе тамошнихъ жителей, они построили *Новгородъ*—Civitas nova. Подчинивъ себѣ окрестности Беневента, затѣмъ завоевавъ Лонгобардскую территорію, кромѣ нѣкоторыхъ округовъ, въ томъ числѣ *Русіаны*, Неаполя и пр., въ 749 г. раздѣлили Лонгобардію на герцогства. Власть была ввѣрена *двумъ братьямъ*—Сакону и Сикарду... *Венетичи* (Βενετιχοί) [1]), сосѣди лонгобардовъ, до заселенія острововъ назывались *енетами* (вѣроятно, *антами*)... Въ древности Венетiя была пустынна и болотиста. Венеты были *франки изъ Аквилеи и другихъ мѣстъ Франціи* и жили на материкѣ противъ Венетiи. Спасаясь отъ вторженія Атиллы, обезлюдившаго и опустошившаго всю Францію, франки изъ Аквилеи и др. городовъ своихъ, спасаясь бѣгствомъ, приходили къ низменнымъ островамъ Венетiи, обстроились тамъ и избрали себѣ вождя. Пипинъ, съ тремя братьями, которые стояли во главѣ надъ всѣми франками и *славянами*, сказалъ венетамъ: «Вы подъ моею рукою и подъ моимъ попеченіемъ, ибо вышли изъ моей области»... Венеты заключили, около 810 г., съ королемъ Пипиномъ мирный договоръ, обѣщая уплачивать ему большую дань... (De adm. imp. гл. 27 и 28). Отрасль рутеновъ Галліи (Gallia romana—Francia romana), на которыхъ, вмѣстѣ съ другими приморскими альпійскими народами, Неронъ

[1]) Ср. «венедичи» въ Словѣ о полку Игоревѣ.

распространилъ латинское право (Тацитъ—Annal., кн. XV), быть можетъ, Тацитовы Cauci или Chauci (кавки), Καυκοσι-σιοι Птоломея, вошли въ составъ Галицкой Руси и Галицкаго княжества въ горахъ Кавказійскихъ (Угорскихъ или Карпатскихъ), по сосѣдству съ древней Дакіей, дѣлившейся на двѣ половины лѣвымъ притокомъ Дуная, рѣкой Алютой (Ptolom. Georg. III, cap. 8) [1]). Въ Протогеновой надписи III вѣка, именно —декретѣ въ честь Протогена, упоминаются *галаты*, по моему мнѣнію, *галльскаго* происхожденія, угрожающіе Ольвіи въ союзѣ со скирами (Латышевъ: Inscriptiones... o. s. Pont. Eux. v. 1). Галицкіе рутены разселились до р. Топли, гдѣ анонимный, во многомъ увлекавшійся баснословными сказаніями, венгерскій лѣтописецъ кладетъ границу между уграми, рутенами (ruthenos) и поляками, приводя преданіе о соглашеніи русскихъ вождей, прибывшихъ въ Паннонію, принадлежавшую нѣкогда Атиллѣ, съ отцомъ Арпада Альмомъ (конецъ IX в.), который будто бы уступилъ имъ во владѣніе Галицкую землю [2]). Часть Панноніи—Rugiland, издавна считалась русскимъ отечествомъ «russorum patria» (Павелъ Діаконъ). Въ хроникѣ Адемара «Alba Ungria», населенная и по нашей лѣтописи бѣлыми уграми задолго до прохожденія (при Олегѣ) мимо Кіева черныхъ угровъ, отличается отъ «Ungriae Nigrae..... quae dicitur *Russia*» (Pertz: Monum. Germ. IV, 129). Съ X вѣка, по указанію самого Петрушевича, сомнѣвающагося въ славянизмѣ руговъ, Rugia означала то же, что Russia (Наук. Сб. III, 177). Обитатели ея назывались то russani, то ruzzi, какъ и въ скандинавскихъ грамотахъ новгородскіе руссы—ruzar, ruzos. Они до 900 года повиновались моравскимъ государямъ [3]).

На побережьи Балтійскаго моря, гдѣ нашъ лѣтописецъ помѣщаетъ варяжскую вѣтвь или колѣно руси, между готами и агнянами (т. е. англянами), образовались, по близости Angeln'a, области *Rosen-gau*, жители которой, въ 803 г., переведены были Карломъ Великимъ въ другія мѣста за постоянныя стачки съ норманнами (Annal. Mois. Pertz., II, 258), и

---

[1]) Вытекающая изъ восточныхъ Бескидъ р. Алюта, по надписи временъ Траяна, сближается съ горами Кавказійскими: «Alutum flumen secus mont. Caucasi» (И. Шараневичъ: Kritische Blicke in die Geschichte der Karpaten-Völker, 51). —Геродотъ въ описаніи страны, по которой проходило войско Ксеркса на пути къ Греціи, упоминаетъ область *Галлапуку* (Ib. 53). По Іорнанду, жилища *antoss* простирались до р. Алюты. Велесовъ внукъ Боянъ, видно, не безъ основанія превращаетъ руссовъ въ быстроногихъ *галицъ* (галка—на малорусскомъ нарѣчіи кавка, а самъ авторъ Слова о полку Игоревѣ облекаетъ русскихъ князей въ *латинскіе* шеломы.

[2]) Endlicher: Monum. Arpad. p. 8—13. Schwandtner, III, 14. Подробн. разб. у К. Грота: Моровія и Мадьяры, 203.

[3]) Это признаютъ какъ наши, напр. Ѳ. Мерошкинъ: Истор. крит. изслѣдов. о руссахъ и славянахъ, такъ и иностранные ученые.

Rustringen, подаренныя Людвигомъ Благочестивымъ крестному сыну своему Геріольду (Einhard, подъ 826 г.). Послѣдняя область находилась во Фризіи, по обѣимъ берегамъ р. Яды, неподалеку Вагріи, гдѣ протекаетъ р. Травна (Гельмольдъ), на югъ отъ Галлскихъ острововъ, и была подчинена князьямъ Ольденбургскимъ. Жители Рустрингіи—рустры или рустринги обрабатывали «*обширнѣйшія и плодороднѣйшія поля*». Море прорвало защищавшія ихъ земли плотины и хлынувшимъ наводненіемъ они были крайне стѣснены и обездолены (Chron. Oldenb.). Не потому-ли призывавшіе варягорусскихъ князей чудско-славянскія племена сулили имъ *свою великую и обильную землю*, предлагая переселиться (съ родами) на эту землю?.. Сѣверныхъ ругіанъ нерѣдко смѣшивали съ рустрами, повидимому распространяя географическіе предѣлы Ругіи причисленіемъ ругіанъ къ рутенамъ. У Эббо, Герборта и нѣкоторыхъ иныхъ хронистовъ руяне—ругіане, коими было подготовлено занятіе въ 911 году Нейстрійской Нормандіи знаменитымъ Роллономъ, водворились тамъ сперва въ Руянскомъ округѣ. Гельмольдъ, жившій въ Вагріи и слѣдовательно хорошо знавшій окрестныя племена, не отличаетъ руянъ отъ ранъ, въ его время занимавшихъ и островъ Рюгенъ:—«rani, qui et rugiani, сильнѣйшій народъ изъ славянъ»... (lib. 1). Населявшихъ островъ Рюгенъ ругіанъ Іорнандъ именуетъ Holm-rug'ами или ульме-ругами. Когда Оттонъ Бамбергскій собирался, для проповѣди христіанства, въ страну *руянъ* и находился въ Волинѣ, то на предложеніе епископа, обращенное къ близко знакомымъ съ мѣстностью и нравами ихъ штетинцамъ, они разсказали ему «de origine *Ruthene* gentis», о свирѣпости ихъ натуры, непостоянствѣ вѣры и грубомъ ихъ языкѣ..., не умолчали даже о томъ, что они должны бы быть подвѣдомственны архіепископу датскому (Herb. III, 30). Отозванный Лотаромъ, Оттонъ вынужденъ былъ отказаться отъ подвига озарить свѣтомъ христіанства *коренную страну славянскаго язычества* (1127 г.). Вскорѣ послѣ причиненія *рустрами* жестокой обиды епископу Гарольду въ 1155 г., *руяне*, наиболѣе упорные въ язычествѣ, приняли христіанскую вѣру, по почину князя ихъ Яроміра, въ 1168 г. (Chron. Slav., lib 1, cap. 72, lib. II, cap. XII).

Названіе «Ругія» переносилось западными писателями и на Кіевскую Русь: «Olga regina Rugorum» (Ламбертъ Ашафенб. и друг.). Въ Сборникѣ законовъ Эдуарда Исповѣдника сказано: «Эдмундъ, сынъ Эдуарда, бѣжалъ «ad regnum *dagorum*», по иной редакціи—*rugorum*, quod nos melius vocamus Russiam» (Kunik: Beruf. d. shcved. Ruodsen II, 34). Глубокіе слѣды пребыванія ...ссовъ на Балтійскомъ побережьи, между Эльбой и Одрой, запечатлѣлись въ географической номенклатурѣ. Какъ у греческихъ авторовъ руссы являются *дромитами*, такъ у западныхъ они

превращаются въ *быстрыхъ* или удалыхъ дановъ. Напр., по словамъ Равеннскаго географа, отрасли *быстроходныхъ* дановъ населяли древній полуостровъ Кимврійскій Данію (Anon. Raven. IV, cap. 13), а по Дитмару, большинство населенія Кіева, гдѣ, по нашей лѣтописи, собиралась, для торговли, «латина», состояло «ex *velocibus* danis». Наиболѣе удалыми считались даны, перебравшіеся за Двину—«juxta Dina fluvium», протекавшую «черезъ царство *гардовъ*» (Hervar- saga въ Ant. russes, т. I), а тамъ-то, у обычнаго пути «изъ Руси въ Варягы» и образовались особыя, долго боровшіяся съ нѣмцами въ XIII в. русскія княжества Герсике и Куконойсъ, состоявшія подъ рукою полоцкаго князя. Національныя туземныя прозванія сѣверныхъ народовъ, обитавшихъ на побережьяхъ Балтійскаго моря и въ Скандинавіи, сглаживались огульной характеристикой ихъ, какъ *людей*, жившихъ въ *полуночныхъ* краяхъ—Nordmanni. Въ Лобьенскихъ анналахъ за 780 г. норманны названы сѣверными людьми—Nordleudi (Pertz.: Monum. Germ. II, 195), въ грамотѣ Карла Великаго того же года—*Nordleuťe*. По качеству или достоинству тѣла греки называли русскихъ *россами* (Лиудпрандъ), такъ же какъ и сами себя они называли на своемъ *родномъ* языкѣ (Левъ Діаконъ). Качество это заключалось въ высокомъ *ростѣ*, по показанію нѣкоторыхъ греческихъ и многихъ арабскихъ писателей.

Аль-Массуди, вводя въ составъ Руси многіе народы, дробящіеся на племенныя группы, останавливается на *многочисленнѣйшемъ* племени руссовъ —*лудань* или лудаіе. По моему мнѣнію, это ничто иное, какъ средній и низшій *классы* русскаго народа—*людины*, у еврейскихъ писателей *людимъ*, противополагаемые въ договорахъ X вѣка боярамъ—«вси *людье* рустіи» (ср.: «ходиша ротѣ *люди* Игоревы»), а въ Русской Правдѣ княжимъ мужамъ: «аще будетъ *людинъ*...» [1]). Людины, въ глазахъ арабовъ, поглощали сравнительно малочисленной высшій классъ, состоявшій сначала преимущественно изъ норманновъ, въ битвахъ русскихъ князей становившихся «посредѣ дружины» княжеской (Лавр. 147), по славянорусской національности людиновъ, къ которой лишь примкнулъ элементъ варяжскій: «*людье* новгородци... преже бѣша словѣне»... Подъ классъ людиновъ подводились и купцы русскіе при описаніи ихъ путешествій въ Испанію, Италію

[1]) Ольга множество *людей* г. Искоростенъ предала работѣ мужамъ своимъ». Она молилась «за сына и за *люди* землѣ Русскія». Ярославъ въ 1034 году *людемъ* написа грамоту» (Соф.)—«Бояры, посадники, старѣйшины и *люди* (Лавр. 122). Князья «уставливали *людей*» (Ипат. 233), «творили *людемъ* нарядъ» (Лавр. 359). «Вставше *людье*, избиша бояре своя» (подъ 1030 годъ). — «Начаша тиуни грабити, *людий* продавати» (1093 г.).—«Боярѣ и *людье* добрии».—«Всѣ мои *людье* и бояре» (Ипат. 563 и 583). Въ 1305 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ «избиша *черные люди* бояръ княжь-Андрѣевыхъ ..., «князь изби всѣхъ *вѣчьниковъ*, иже избиша бояръ» (Никон. т. X, 176). Въ западнорусскихъ актахъ простолюдины русскіе—*людя* (Арх. Сб. Вил. Ком. т. I, 19). Иногда, въ видѣ исключенія, подъ людьми лѣтопись разумѣетъ всѣхъ гражданъ.

Византію, Хазарію и восточныя страны съ коммерческою цѣлью.—Арабскіе авторы сообщаютъ нѣсколько туманныя, но драгоцѣнныя свѣдѣнія о руссахъ, заурядъ развѣтвляя ихъ на три отрасли. Ибнъ-Хаукаль различаетъ русскія народности: центральную кіевскую, словенскую или новгородскую, обитавшую на нездоровомъ и болотистомъ островѣ (Holmgardia исландскихъ и скандинавскихъ сагъ, ибо holm—островъ), и *Артанскую*, съ царской резиденціей въ Артѣ, составляющую камень преткновенія для ученыхъ. Абульфеда въ гл. VII своей географіи (по изд. Рено) поясняетъ, что русская Арта простирается до владѣній греческихъ на сѣверѣ отъ нихъ. Аль-Истархи тоже придвигаетъ Артанію къ границамъ румскихъ, т. е. греческихъ владѣній. По словамъ Аль-Массуди, руссы живутъ по берегу Чернаго моря, въ Хозарской странѣ, не повинуясь (ея) царю, простираясь отъ востока на западъ, и имѣютъ въ своей землѣ серебряный рудникъ, подобный находящемуся въ горѣ Панджгиръ (вѣроятно Пятигорье). Сопоставленіе всѣхъ извѣстій объ Артаніи склоняетъ меня къ заключенію, что Арту слѣдуетъ искать на сѣверѣ отъ малоазійскихъ греческихъ владѣній, гдѣ на югъ отъ Батума, между моремъ и р. Чороком, есть Арта [1]). Вѣроятно, эти руссы способствовали образованію Тмутороканскаго княжества, или государства, по выраженію Абульфеды, уже подчиненнаго Кіеву въ ту пору, когда писалъ Массуди. Простиралось оно отъ Дона, слывшаго то славянскою, то русскою рѣкою, до Зихіи, отдѣляясь отъ нея р. Укрухомъ (Конст. Порфир.) и захватывая часть Кавказскаго побережья и Таманскій полуостровъ съ городомъ Матархой, матерью мѣстныхъ городовъ, какою, по Страбону, называлась и Пантикапея. Обычай почитать старѣйшій городъ матерью младшихъ союзныхъ городовъ существовалъ и у прибалтійскихъ славянъ. Такъ древнѣйшій изъ городовъ земли Померанской Штетинъ слылъ матерью окрестныхъ городовъ—«mater civitatum (Vita Otton. Bamb.). Послѣ того какъ Кіевъ наименовался матерью городовъ *русскихъ* при Олегѣ и по его иниціативѣ, Тмуторакань стала утрачивать свою политическую самостоятельность. Въ сосѣдствѣ съ Матархой, у Азовскаго моря (Меотіи), по Димешки, Едризи и Магреби (Frähn, Ibn. Fozl. u and. arab. Berichte), издревле обитали торговавшіе съ Востокомъ Aorsi или арсіиты, между Дономъ и Волгой до Меотійскаго и Сурожскаго морей, богатый и «ходившій въ золотѣ народъ» Спадинъ (господинъ) царь аорсовъ посылалъ однажды Босфорскому царю Фарнаку въ помощь многочисленную конницу (Страбонъ, кн. XI). Тамъ,

[1]) Обыкновенно, по ошибкѣ, полагаютъ, что Артанія примыкала къ Волжскому бассейну (племя Эрза, г. Арзамасъ и т. под.); тамъ была не Артанія, но *Арса* (въ нынѣшн. Казанск. губерн. г. Арскъ). Князья ея назывались *арскими* (Воскрес. т. VIII 276 и друг.).

кажется, поблизости нынѣшняго Ростова на Дону, находился упоминаемый еще въ актахъ исхода XII в. городъ *Русія* [1]).

Договорныя грамоты X вѣка, подлинность коихъ, заподозрѣнная нѣкогда А. Шлецеромъ, никто нынѣ не дерзаетъ отвергать, особенно послѣ авторитетнаго замѣчанія Ф. Миклосича въ его изданіи Нестеровой хроники, раскрываютъ истинныя свойства зачаточнаго государственнаго строя Русской земли, слагавшагося подъ верховною властью единодержавнаго князя, при звонѣ вѣчевыхъ колоколовъ, собиравшихъ «жителей земли на сонмища» (лѣтоп. подъ 980 г.) для обсужденія и рѣшенія, нерѣдко по волѣ великаго князя, и важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ. Въ процессѣ продолжительнаго броженія славянорусской и варяжской или варягорусской стихіи первая взяла перевѣсъ, поглотивъ послѣднюю, благодаря подавляющему численному превосходству. «*Словѣнску языку* (народу) учитель есть Павелъ, *отъ него же языка мы есмы русь*». Въ одной изъ бесѣдъ патріархъ Фотій замѣчаетъ, что русскій народъ былъ причисленъ къ *рабамъ*, т. е. къ *славянамъ*, по присвоенному имъ названію «sclavi, sclavini, servi» [2]) у западныхъ, «саклабы и сакалибы» у арабскихъ и еврейскихъ писателей, указавъ такимъ образомъ на *національность* руси, униженную по зависимому нѣкогда положенію словенороссовъ [3]). Сближеніе Руси съ греко-римскимъ міромъ оказало огромное вліяніе на весь ея патріархальный бытъ. Давно считается въ наукѣ непререкаемой истиной, что соревнованіе съ высокоцивилизованной Византійской имперіей подготовило Русь къ воспринятію выдвинутыхъ греко-римской культурой юридическихъ нормъ и къ сочетанію ихъ съ обычнымъ славянорусскимъ правомъ. Такое соревнованіе Русь могла выдержать, при національной самобытности

---

[1]) Въ 1169 году греческій царь Мануилъ дозволилъ генуэзцамъ свободное плаваніе, для торговли, во всѣхъ городахъ или земляхъ «praeter *Russiam* et Matracham» (варіантъ—«absque Rossia et Matracha»), если не получатъ особое разрѣшеніе подлежащаго правительства. То же повторено въ грамотѣ Исаака Ангела 1192 г. (Atti d. soc. Ligure di stor. patr. vol, 28, p. 352 364. Ср.: Acta et dipl. Graeca, изд. Миклосича и Миллера).—Аорсовъ надо отличать отъ *роксаловъ* или *роксоланъ*, народа *кочевавшаго* въ войлочныхъ кибиткахъ и питавшагося кобыльимъ молокомъ (Страбонъ). Въ Словѣ о полку Игоревѣ кочевники—хощеи уподобляются *сорокамъ*, быть можетъ примѣнительно къ названію сосѣднихъ съ аорсами *сираковъ*, упоминаемыхъ Тацитомъ и др.

[2]) Въ актахъ Людовика Благочестиваго и Лотаря, напр. 828 г., «servi vel sclavi». По словамъ Констант. Порфир. servi—рабы (De adm. imp. гл. 31).

[3]) Въ западной Россіи цѣлое сословіе мелкопомѣстныхъ бояръ впослѣдствіи обратилось въ рабовъ, подъ названіемъ *путныхъ*, отъ слова *путы* (въ Словѣ о полку Игоревѣ путы желѣзныя»): «cum *servis*, alias *putkmety*» (Грам. Сигизмунда I отъ 1529 года, въ рукоп. арх. Виленск. библ., № 97).

въ языкѣ, нравахъ и земскомъ строѣ, только съ примѣсью упругаго варяжскаго элемента, способствовавшаго охлажденію племенной вражды, а вмѣстѣ съ тѣмъ—политическому объединенію родственныхъ по происхожденію, а также сосѣднихъ инородческихъ племенъ, усовершенствованію ихъ исконныхъ порядковъ и развитію творческаго духа «рода русскаго». Встрѣтивъ достойныхъ по отвагѣ, закаленныхъ въ бояхъ, свѣдущихъ въ законахъ и непреклонныхъ по гордому характеру соперниковъ въ варяжскихъ князьяхъ, посѣявшихъ среди подвластнаго населенія выработанныя высшей цивилизаціей правовыя понятія, Греція въ X вѣкѣ стала обращаться къ Руси какъ къ равносильному ей[1]) и *справедливому* государству. Съ той поры греки упрочили за Русью титулъ государства *правовою*, соотвѣтственно средневѣковому идеалу, и постепенно, съ принятіемъ и распространеніемъ христіанства[2]), она перенесла на свою почву византійскія представленія о царской власти. Начало этого усвоенія слѣдуетъ отнести къ X вѣку, когда русскіе дипломаты обращались къ греческимъ императорамъ какъ къ «великимъ о Бозѣ самодержцамъ» (912 г.), «христолюбивымъ владыкамъ» (945 г.), «богодохновеннымъ» (971 г.), какъ хранителямъ божественнаго права, словомъ, такими, какими ихъ изображаетъ Эпанагога, составленная, вѣроятно, при непосредственномъ участіи патріарха Фотія. Анналистъ Саксонъ уподобляетъ столичный городъ русскаго Острогарда—Кіевъ царственному городу, великолѣпному украшенію Греціи, Константинополю, которому, по выраженію Адама Бременскаго, онъ соревновалъ («aemula sceptri Constantinopolitani»). Изъ Житія преп. Ѳеодосія Печерскаго XI в. видно, что столичный князь кіевскій поминался въ ектеніяхъ какъ «христолюбивый владыка» наравнѣ съ греческими императорами. Въ XII в. Наславъ списывалъ евангеліе *царю* Мстиславу, желая «обрѣсти милость отъ своего *царя*». По Изяславѣ Мстиславичѣ,

---

[1]) Нѣкоторые ученые придерживаются ошибочнаго мнѣнія, будто греческіе императоры относились къ русскимъ великимъ князьямъ, какъ къ рабамъ, напр. бар. М. Таубе (Принципы мира и права). Ф. Успенскій основательно замѣтилъ, что Византія находила возможнымъ вступать съ Русью въ международныя сношенія, какъ съ государствомъ *правильно* организованнымъ (Русь и Византія X в.).

[2]) Сближенію русскихъ съ греками содѣйствовало частое посѣщеніе первыми св. Аѳонской Горы. На ней очень рано возникъ монастырь *русскій* св. Пантелеймона, гдѣ постриженъ былъ Сава (Никон., т. X, подъ 1204 г.). «Изъ-старины тотъ монастырь св. Пантелеймона въ святой Горѣ строеніе бѣаше первыхъ великихъ князей русскихъ» (Воскрес., т. VIII, 233). На шлемахъ русскихъ князей, напр. Изяслава Мстиславича, красовалось изображеніе св. Пантелеймона (Ипат., 303). Монастырь Пантелеймонскій уступленъ русскимъ 1169 г. Первоначально поселились русскіе въ Ксилургійской обители. Монахи св. Горы изъ этого монастыря часто приходили къ московскимъ царямъ за милостыней (Воскр., т. VIII, 247 и 263).

котораго дружинники чтили «яко *царя* и князя своего» и которому говорили—«ты сѣди *царствуя* Кіевѣ», плакали всѣ подданные «яко по *цари* и господинѣ своемъ» (Ипат. подъ 1151 и 1164 г.); рука Андрея Боголюбскаго—рука *царская* (Лавр. 338); отецъ Даніила Галицкаго Романъ «бѣ *царь* въ Русской земли» (Ib. 536). Царемъ свѣтлымъ звали великаго князя и арабскіе писатели, присоединяя иногда домашній титулъ кагана.

Драгоцѣнны договорные акты X вѣка и въ качествѣ памятниковъ литературныхъ, какъ бы ни были они первоначально написаны—глаголицей (И. Срезневскій) [1]), или кириллицей, незадолго до ихъ появленія изобрѣтенной. Дѣловой языкъ договоровъ, несмотря на шероховатости, не имѣющій приписываемаго ему подобія съ младенческимъ лепетомъ, подвергался тщательнымъ изслѣдованіямъ филологовъ, привлекая ихъ вниманіе, между прочимъ, своеобразною смѣсью элемента церковнославянскаго съ русскимъ простонароднымъ, выхваченными изъ живой рѣчи словами и выраженіями. Первый беретъ сильный перевѣсъ надъ послѣднимъ въ договорахъ, редактированныхъ въ Византіи и на югѣ Россіи, гдѣ, по замѣчанію И. Ягича,—благодаря сношеніямъ съ южными славянами, «господство чистаго славянскаго языка продолжало быть сильнѣе и сознательнѣе, чѣмъ на далекомъ сѣверѣ, завязавшемъ очень рано сношенія съ западнымъ иноземствомъ» (Критич. замѣт. по истор. русск. яз.). Отличая, подобно императору Константину и Ибрагиму ибнъ-Якубу, славянскій языкъ отъ русскаго, какъ напр. Житіе Антонія римлянина, который «не навычь *словенску* и *русску*» обычаю и языку, отечественные памятники и преданія имѣютъ въ виду грамоту церковнославянскую кирилломеѳодіевскую,—«яже грамота есть въ Руси и въ Болгарѣхъ Дунайскихъ»,—и живой языкъ просторусскій или просторѣчіе, противополагаемое книжному изложенію (Ипат. подъ 1090 г.). Начальная лѣтопись не дѣлаетъ радикальнаго отличія между славянскимъ и русскимъ языками: «а словѣнескъ языкъ и русскый—одинъ», повторяя слова Прокопія о языкѣ антовъ и славянъ: «una est utrisque antis et slavis lingua»... Въ Паннонскомъ житіи св. Кирилла также отождествляются славянскій и русскій языки: «Пришедъ Войтѣхъ въ Мораву и въ Чехы и въ Ляхы, разруши вѣру правую и *русскую* грамоту отверже и латынскую вѣру и грамоту постави». Въ надписи на Реймскомъ евангеліи XI в.: «*русское* письмо, вѣра *русскаго* закона». Сомнѣніе могла бы возбудить извѣстная, приведенная анналистомъ Саксономъ и Козьмою Пражскимъ грамота 971 г. папы Іоанна XIII объ учрежденіи пражскаго епископства, но сомнѣніе исчезаетъ при болѣе внимательномъ ея чтеніи: «Verum tamen non

[1]) См. объ изобрѣтеніи Меѳодіемъ якобы *готическихъ* буквъ (Erben.: Regesta, подъ 1069 г.).

secundum *ritus aut sectam* (обряду или исповѣданію) Bulgariae gentis [1]), vel (либо) *ruziae aut* (или) *sclavonicae linguae*, sed unum potiorem totius ecclesiae ad placitum eligas in hoc opus clericum *latinis adprime literis* [2]) eruditum»... и т. д. Владиміръ св. ввелъ «ученіе книжное» (лѣтоп. подъ 988 г.). Греческіе книги и сборники, какъ Фотіевъ Номоканонъ, переводились, по приказанію Ярослава, на церковнославянскій языкъ: «прѣкладаше отъ грекъ на *словеньскый* языкъ и писмя» (подъ 1036). Неоспоримо вліяніе и византинизма на договорные акты X вѣка въ ихъ формѣ и складѣ, отчасти въ отдѣльныхъ рѣченіяхъ, но далеко не такое подавляющее, какое предполагалъ Н. Лавровскій, не отрицавшій, впрочемъ, наличности въ договорахъ нѣкоторыхъ свойственныхъ русскому языку особенностей, напр. тавтологіи — «ущитятся щиты», «въспятять опять» и т. п.

Текстъ договорныхъ грамотъ X вѣка дошелъ до насъ нѣсколько поврежденнымъ; однако, поврежденія, выразившіяся то въ сокращеніяхъ, то въ прибавкахъ, то въ замѣнахъ и перестановкахъ, то въ опискахъ («на день» вмѣсто «на дань» и т. под.), къ счастью, не затемнили смысла договорныхъ грамотъ, хотя и очень затруднили ихъ возстановленіе. Переписчики лѣтописей, «книжные списатели», копируя ихъ, нерѣдко для князей, какъ монахъ Лаврентій—для князя Дмитрія Константиновича, по благословенію епископа Діонисія Суздальскаго, Новгородскаго и Городского, благоговѣйно вникали въ замысловатый слогъ договоровъ, дорожили ими, какъ драгоцѣннымъ, великимъ памятникомъ и блестящимъ украшеніемъ лѣтописи, а потому, въ большинствѣ, несмотря иногда на вѣтхость, неразборчивость и слитность письма, дѣлали снимки съ нихъ весьма старательно и осторожно. Такъ монахъ Лаврентій подъ 945 годомъ написалъ «почаеть пакость», вмѣсто «по(ус)чаеть» «пакост(ит)ь странѣ его», а въ ст. о выкупѣ плѣнныхъ написалъ «не купятъ» вмѣсто «искупятъ», только единственно потому, что «умъ молодъ не дошелъ». Сильно пострадали отъ измѣненія лишь кое-какіе списки болѣе поздняго происхожденія, напр. Воскресенскій, Тверской. На нѣкоторыхъ спискахъ договоровъ 912 и 945 гг., по образцу быть можетъ существовавшихъ подлинныхъ заголовковъ, напр.: «О Корсуньстѣй странѣ», съ теченіемъ времени приставлены новые, отвѣчающіе содержанію статей заголовки: «О лодіѣ съ товаромъ»;—«О головной татьбѣ». и друг. Если Археографическая

---

[1]) Многіе, въ томъ числѣ Петрушевичъ, Голубинскій и Регель неправильно читаютъ: «Bulgariae gentis vel Ruziae» (gentis).

[2]) Письменамъ латинскимъ въ грамотѣ Іоанна VIII отъ 880 г. противополагается выраженіе ...«*literas slaviniscas*, a Constantino quondam philosopho repertas»... Въ постановленіи Сплитскаго собора 925 г., ст. 10: «ut nullus episcopus audeat... *sclavonica lingua* promoveri»... (Cod. dipl. r. Croat., Dalm. et. Slav.).

Коммиссія не поняла нѣкоторыхъ мѣстъ лѣтописи за XIII вѣкъ [1]), то еще гораздо труднѣе разоблачить ошибки въ принятомъ чтеніи договорныхъ актовъ, появившихся нѣсколькими столѣтіями ранѣе [2]). Первоисточникъ лѣтописныхъ свѣдѣній о дипломатическихъ переговорахъ русскихъ съ греками и текстѣ договорныхъ актовъ заключался, по моему мнѣнію, не въ какой либо утраченной византійской хроникѣ (Строевъ и др.), но въ архивныхъ сборникахъ документовъ по сношеніямъ русскихъ великихъ князей съ византійскими императорами, вѣрительныхъ грамотахъ или наказныхъ памятяхъ («повелѣніе» и «заповѣдь» въ догов. Олега и Игоря), содержавшихъ въ себѣ завѣты или инструкціи посламъ, съ «рѣчами» [3]) договорныхъ посольскихъ записяхъ, протоколахъ или меморіалахъ посольскихъ совѣщаній, посольскихъ отчетахъ [4]) и утвердительныхъ грамотахъ съ черновыми ихъ отпусками [5]). Подобные документы, снабженные переводами договорныхъ грамотъ, хранились нѣкогда въ Кіевѣ,—гдѣ еще въ 1147 году находились столь древнія святыни, какъ привезенная Владиміромъ св. изъ Корсуня глава св. Климента (Похвала мон. Іакова и Ипат. лѣт. 241), почему Титмаръ Мерзебургскій и даетъ Десятинной церкви, гдѣ она была положена, названіе церкви св. Климента (Chron, lib. VII), и были доступны автору кіевской лѣтописи, но погибли отъ военныхъ погромовъ и пожаровъ, какъ и истребленныя огнемъ грамоты, лежавшія, по словамъ Симона Логофета, въ Софіевской церкви Царьграда, а въ 1204 г. разграбленныя крестоносцами. Одинаковая участь постигла позднѣйшія многочисленныя грамоты. Кіевъ, Новгородъ и другіе русскіе города неоднократно подвергались опустошеніямъ и отъ случайныхъ причинъ, и отъ междо-

---

[1]) Напр. напечатано: «въ томъ же *гонѣше* Львъ събоденъ бысть... бѣ бо храбръ и во велицѣ чьсти умертъ» (Ипат. лѣтоп. 2 изд., подъ 1231 г., стр. 509) вмѣсто, какъ бы надлежало: въ томъ же «*гонѣ Шельвѣ* събоденъ бысть, бѣ бо храбръ и во велицѣ чьсти *умер(в) тв*» (ср. на 502 стр.: «а Стегутъ убьенъ бысть *Шелвомъ*»);—«супротивъ *Кострузѣ*» (Ib., стр. 556) вмѣсто ...«супротивъ, *по Струзѣ*» – острову близъ р. Стыря (А. Ю. З. Рос., т. VI, стр. 2).

[2]) Такъ Археогр. Комиссія вводитъ читателя въ заблужденіе, предлагая въ примѣч. подъ догов. 945 г., въ 3-мъ изд. Лавр. лѣтоп., подставить «по нь же» вмѣсто «поне же». Ср.: «аще хощете *поне* къ съвѣту възрѣти ми», ...то *поне* до единыя молитвы» (Измарагдъ, изд. Яковлева, 81 и 83).—«Аще еси въ животѣ не далъ милостыни, *поне* по смерти дай» (А. Ист., т. I, № 6), и т. д.

[3]) «Ать мой посолъ молвить *рѣчь* мою къ нимъ», т. е. къ кіянамъ (Ипат. 245). «Послаша (галичане) *въ рѣчехъ*» (Ib. 501).

[4]). Напр. Отчеты по русско-крымск. отнош. 1474—1505 гг., въ 41 т. Сб. Русск. Истор. Общ.

[5]) «И тому приговору списокъ *чернои*, а грамота у государя» (А. Арх. Экс. I, № 279. Опис. царск. арх. XVI в.).

усобій и частыхъ на югѣ нашествій кочевниковъ. Такъ въ 1017 г. «погорѣша церкви» (въ Кіевѣ); въ 1046 г. сгорѣлъ храмъ Софіевскій въ Новгородѣ, который позднѣе до тла спалилъ Всеславъ полоцкій; 23 и 24 Іюня 1124 г. «бысть пожаръ великъ въ Кіевѣ, яко погорѣвшю ему мало не всему, яко церквій единѣхъ погорѣло близъ 600». Жестоко пострадали кіевскія церкви отъ разгрома въ 1202 г. Въ Московскій пожаръ 1454 г. сгорѣлъ весь Кремль, церквей 13, и т. д. Въ духовной 1431 г. митрополитъ Кіевскій Фотій горько скорбитъ, что въ Кіевѣ отъ пожара «грамоты вси церковныи погорѣли» (Соф. лѣтоп., т. VI, 148). Въ 1185 г. сгорѣли во Владимірѣ 32 церкви и соборная св. Богородицы; изъ терема (ризницы) выбрасывали на дворъ «и книгы», но «все огнь взя безъ утеча» (Лавр., Ипат. и др.). Н. Ламбинъ основательно предполагаетъ, что въ кіевской соборной церкви св. Иліи, еще существовавшей въ XII в., когда составлялась начальная лѣтопись («еже есть»—подъ 945 г.), сберегались копіи донесеній византійской миссіи, послужившія матеріаломъ и для правдивыхъ повѣствованій императора Константина Порфиророднаго о Русской землѣ и народахъ въ ней обитавшихъ, и подспорьемъ для перваго нашего лѣтописца (Славяне на сѣв. Черноморьи, Ж. М. Н. Пр., 1879). Впрочемъ, съ конца X в., дипломатическіе акты могли храниться и у самихъ князей (Соловьевъ), и въ сооруженномъ при Владимірѣ греческими мастерами, соборной каменной церкви св. Богородицы, въ которой положенъ имъ Уставъ о десятинахъ, данныхъ ей отъ его имѣній и городовъ (подъ 996 г.), и въ другихъ древнѣйшихъ русскихъ церквахъ, преимущественно соборныхъ, гдѣ велись *синодики* (лѣтоп. подъ 1106 г.) и метрики, а затѣмъ въ Софіевской церкви Ярославомъ положены переведенныя съ греческаго на славянскій языкъ книги (подъ 1037 г.). Мы знаемъ, напр., что въ 1175 г., послѣ убійства Андреа Боголюбскаго, была положена въ церкви св. Богородицы во Владимірѣ Клязменскомъ «порядная грамота» между князьями (Лавр., изд. 3, 354). Даже письменныя сдѣлки частныхъ лицъ, торговыя рядницы, межевые акты и т. под. документы складывались, для сбереженія и повѣрки на случай споровъ, въ церковные лари (ст. 32 и 38 Псковск. судн. грам.[1]). Туда же прятались крестныя грамоты перемирныя. Со дня вклада исчислялся условный срокъ перемирія (Догов. Казим. Ягел. съ Псковомъ 1440 г.). Уловить историческую связь договоровъ X в. лѣтописцъ дѣйствительно могъ не только по рус-

[1]) Когда вошло въ обычай строить каменные придѣлы *банные* при церквахъ, съ колокольней, то церковные книги и акты туда прятались: «dzwonek do *bani* cerkvi Siemionowskey»... (А. Вил: Ком., т. VI, 565). Ѳремъ митрополитъ къ церкви св. Михаила въ Переяславѣ «пристрою велику створи... строенна *баня каменна*, сего же не бысть въ Руси» (Ипат. подъ 1090 г.).

скимъ, но и по разнымъ греческимъ сочиненіямъ, напр. сочиненію Георгія «О посольствахъ греческихъ императоровъ къ иностраннымъ народамъ» («De legationibus romanorum imperatorum ad exteros»), о которомъ упоминаетъ Левъ Аллацій (Розенкампфъ: Обозр. Кормчей кн., прим. 1). Недостатки письменнаго матеріала восполнялись былевыми героическими повѣствованіями, придававшими индѣ стеченію событій поэтическій колоритъ, и туземными устными преданіями. Таковы поэтическія подробности повѣствованія о походѣ 907 г., гдѣ въ Лавр. и Ипат. спискахъ встрѣчается *отрицательное уподобленіе* «...не даны суть словѣномъ прѣ...» [1]) (кропинные, которые будто-бы разорвало вѣтромъ), разсказъ объ яряемъ огнѣ, который греки пущали трубами, о жестокой расправѣ русскихъ съ греческими плѣнниками при поясненіи «елико же ратнии творятъ», почти буквально повторенномъ въ описаніи похода 941 г., и т. под. Походныя пѣсни руссовъ, которыми пользовался лѣтописецъ, имѣли форму историческаго повѣствованія, какъ и пѣсни готовъ, по характеристикѣ Іорнанда, сдѣланной въ разсказѣ о передвиженіи ихъ изъ Скандинавіи къ Черному морю чрезъ землю спаловъ (полянъ). Точные противни договорныхъ актовъ, то въ проектированныхъ наброскахъ, то въ окончательной обработкѣ, съ осколками дипломатической переписки, должны были находиться также въ Черниговѣ, Переяславѣ русскомъ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Любечѣ, получившихъ наравнѣ съ матерью городовъ русскихъ Кіевомъ, по выраженію Константина Порфиророднаго *самымъ святымъ*—Σαμβατας, «яко то то есть *старѣй* въ землѣ», отъ грековъ, по договору 907 г., *уклады*, и въ иныхъ городахъ, гдѣ проживали подчиненные Олегу князья, съ участіемъ коихъ заключался договоръ и откуда исходили «слы и гостье» (945 г.). Въ практическомъ примѣненіи позднѣйшихъ договоровъ Руси съ Греціей встрѣчалась необходимость обращаться къ предшедшимъ съ нею договорамъ, въ виду общихъ или спеціальныхъ на нихъ ссылокъ позднѣйшихъ договоровъ, или возникавшихъ между державными сторонами недоразумѣній.

Помѣщенныя въ лѣтописи условія договора 907 г. обыкновенно принимаютъ за его *отрывокъ*. Однако, допущенныя въ немъ сокращенія (вступленіе, послѣсловіе и пр.) не позволяютъ думать, чтобы лѣтописцу былъ чуждъ полный, болѣе или менѣе, свитокъ дипломатической переписки того времени. Лѣтописецъ могъ удовольствоваться извлеченіемъ изъ нея лишь казавшимся ему болѣе важнымъ и любопытнымъ по ходу описываемыхъ событій. И драгоцѣнную грамоту папы Адріана II отъ 869 г., извѣстную

[1]) Ср. въ Словѣ о полку Игоревѣ поэтич. изображеніе творчества Бояна, и въ Задонщинѣ: «аки орлы слетались... то ти были не орли слетающася»; притекали сѣрые волки, ...то ти были не сѣрые волцы»... Въ лѣтоп. подъ 1110 г.: «явися столпъ огненъ отъ земля до небеси... Се же бѣаше не огненный столпъ, но видъ ангелескъ»: —Рамбо обратилъ вниманіе на «l'imagination des chantres slavo-russes» (l'Emp. Gr. 374).

на славянскомъ (Житіе св. Меѳодія), и на латинскомъ языкѣ (во многихъ сборникахъ), нашъ лѣтописецъ, очевидно, пользовавшійся славянскимъ текстомъ *всей* грамоты, которая содержитъ въ себѣ *четыре* пункта, приводитъ, подъ 898 г., *въ извлеченіи*, именно часть 3-го пункта и весь 4-й пунктъ,—отъ парѣченія, отразившагося въ нашемъ основномъ законѣ о вѣротерпимости: «да ся исполнить книжное слово, яко въсхвалять Бога вси языци»... И позднѣе заносились въ лѣтописи отрывки или отдѣльные, болѣе существенные моменты дипломатическихъ переговоровъ (Ипат., 307, 309, Никон., т. X, 128, 129, 222 и мн. др.). Обѣтъ угорскаго короля, посланный князю Роману Даниловичу,—сознается западнорусскій лѣтописецъ, приводящій изъ него отрывки,—«за множество *весь не списахомъ*» (Ипат., 545, подъ 1254 г.). Переписчикъ лѣтописи «отъ веси (села) ростовскыхъ областей, хотя и люботруднѣ написахъ елико обрѣтохъ», но, тѣмъ не менѣе, сознается, что «множества ради *преминухъ*» (пропустилъ) Судебникъ Ярослава Владиміровича съ приложеніями (Тверск., т. XV, 142). Лишь избранныя грамоты, по усмотрѣнію лѣтописца, или по личному желанію князя, вносились въ лѣтопись цѣликомъ Такія грамоты рѣзко выдѣляются въ лѣтописномъ текстѣ. Одна изъ старѣйшихъ послѣ духовной и письма къ Олегу Святославичу Владиміра Мономаха, о наложеніи княземъ Мстиславомъ Даниловичемъ ловчей повинности на берестьянъ за ихъ крамолу, оглашенная для предостереженія склонныхъ къ смутамъ людей, во всеобщее свѣдѣніе, начинается словами: «Се *азъ*, князь Мстиславъ»... Въ концѣ пояснено: «А *списалъ есмь* въ лѣтописецъ крамолу ихъ» (Ипат. 313). Вписалъ, чрезъ составителя лѣтописи, самъ князь, ибо лѣтописецъ *отъ себя* говоритъ, напр., такъ: «о Романѣ *списахомъ* въ послѣдняя».

Посольскіе переговоры объ условіяхъ мира поглощали много времени на ихъ постатейное обсужденіе сторонами, группировку и редакціонную обработку договорнаго матеріала. Сложная процедура заключенія мира, составленія, шлифовки и обмѣна извѣстительныхъ грамотъ сопровождалась типичными обрядностями. Ходъ посольскихъ переговоровъ, а также письменная подготовка, постатейное исправленіе, усовершенствованіе слога, переводъ и облеченіе договоровъ въ ту форму, въ какой они получали ратификацію, были въ X вѣкѣ приблизительно таковы же, какими ихъ изображаютъ относящіеся къ Руси дипломатическіе акты XII—XVII вѣковъ. Въ вопросѣ о порядкѣ мирныхъ сношеній Руси съ Византіей нельзя обойтись безъ историческихъ справокъ о порядкѣ заключенія договоровъ варваровъ съ римлянами, грековъ и русскихъ съ другими народами. Уже въ первые вѣка замѣчается участіе народныхъ представителей въ мирныхъ договорахъ, причемъ наиболѣе вниманія обращалось на платежъ дани и возвращеніе плѣнныхъ. Для мирныхъ переговоровъ съ римскимъ правителемъ Панноніи Аліемъ Бассомъ князь маркоманновъ Балкомиръ

отправилъ 10 пословъ, по одному отъ каждаго изъ подвластныхъ ему племенъ. Миръ былъ скрѣпленъ ихъ клятвой (P. Patricii: Fragm. hist. graecorum, ed. Müller). Древнѣйшій изъ сохранившихся есть перепечатанный Эверсомъ договоръ между греками и персами 628 г. При заключеніи его было условлено, что результаты обоюдныхъ совѣщаній, по коимъ послѣдовало соглашеніе, излагаются на письмѣ и сообщаются отъ одной стороны другой въ равносильныхъ словахъ. Греческій текстъ переведенъ былъ на персидскій, а персидскій—на греческій языкъ. Зихъ (персидскій посолъ) передалъ Петру (греческому послу) мирныя доски, писанныя по персидски, а писанныя по гречески Петръ Зиху передалъ. Каждая сторона получила и другой, съ переводомъ, экземпляръ договора. Переводъ поручался толмачамъ, по шести съ каждой стороны. Подобныя же обрядности сопровождали заключеніе договоровъ Византіи съ Болгаріей (напр. 774 г.), когда обѣ стороны обмѣнивались мирными грамотами (Феофанъ), съ арабскими калифами [2]), съ Венеціей, Генуэй, Пизой (X—XII в. и позднѣе) и другихъ державъ между собою, а по традиціи продолжали соблюдаться въ международныхъ сношеніяхъ русскихъ князей съ иноземными державами. Отступленія отъ обычая излагать договорныя грамоты покрайней мѣрѣ на двухъ языкахъ порождали впослѣдствіи большія недоразумѣнія. Однажды Стефанъ Баторій писалъ царю Ивану Васильевичу: «...А посылаемъ тобе при семъ листе нашемъ (на русск. яз.) и препись того жъ листу нашого языкомъ латинскимъ, который мы знаемъ, кды жъ тежъ ты до насъ пишешъ языкомъ московскимъ (вѣроятно, безъ перевода), котораго мы не умеемъ ..» (Оболенскій и Даниловичъ: Кн. посольск. в. кн. Литов., т. II, № 74). И татары въ XIII в. посылали къ русскимъ князьямъ *толмачей*, разумѣющихъ русскій языкъ (Ипат. 563), которые иногда назывались толками: «съ послами и *толкы*» (Псков. I. 225). Нерѣдко послы собирались изъ отдаленныхъ мѣстъ по нѣсколько разъ для конечнаго, сообща (communiter), мирнаго постановленія. Такъ, между прочимъ, въ актѣ 1512 г. сказано, что когда царь Василій приказалъ новгородскому намѣстнику и окольничимъ и своей отчинѣ Великому Новгороду взять перемирье съ нѣмцами,—«тогды нѣмецкіе послы на конецъ перемирья не уложили, а взяли тому запись у царскаго намѣстника и окольничаго,

---

[1]) Этотъ договоръ, заключенный на 50 лѣтъ и содержащій 11 пунктовъ, помѣщенъ у Менандра почти въ полномъ объемѣ. Онъ довольно точно переведенъ С. Дестунисомъ (Византійскіе историки, изд. С.-П.-Б. Духовной Академіи, 10 томовъ).

[2]) Историки Византіи поминаютъ полученіе, въ исходѣ первой полов. X в., калифомъ отъ греческихъ императоровъ грамоты, писанной золотомъ, съ арабскимъ переводомъ серебряными буквами, предлагавшей миръ на условіи обмѣна плѣнныхъ.

какъ пригожъ перемирью быти, а ялись о томъ къ нимъ опять своихъ пословъ послати отъ 73 городовъ». (Русск. Истор. Библ. т. XV, № 6).

Процедура заключенія договоровъ *греками* съ Венеціей и Пизой вкратцѣ изложена С. Неймановъ въ изслѣдованіи по исторіи византино-венеціанскихъ отношеній при Комненахъ. По его наблюденіямъ, она состояла въ слѣдующемъ. Когда завязывались сношенія чрезъ пословъ (legati, apocrisiarii, missatici), то имъ вручались два документа—одинъ для иноземнаго государства, другой въ видѣ вѣрительной инструкціи (commissio, mandata), на основѣ которой велись переговоры и которая содержала въ себѣ программу односторонних требованій (petitio). съ ограниченнымъ полномочіемъ на уступки. Окончивъ переговоры, послы возвращались обратно, въ сопровожденіи пословъ другого договаривающагося государства, но переговоры часто затягивались, при взаимномъ обмѣнѣ предложеній. Сношенія, успѣшный результатъ коихъ всегда обезпечивался и скрѣплялся клятвеннымъ обѣщаніемъ пословъ, завершался договорнымъ письменнымъ актомъ, съ помѣщеніемъ въ немъ содержанія обоюдныхъ условій (scripta conventio). Вполнѣ согласованныя условія, послѣ подтвержденія ихъ обоюдной присягой, облекались въ освященную обычаемъ форму, за подписью пословъ и приложеніемъ ихъ печатей. Только тогда вручали греки иноземнымъ посламъ повторявшій и устанавливавшій договоръ царскій дипломъ съ золотою печатью въ знакъ ратификаціи договора царскимъ правительствомъ. С. Нейманъ, останавливаясь слегка на обрядѣ ратификаціи, приводитъ случаи выдѣленія, въ видѣ самостоятельнаго, по своей формѣ, документа, сопровождающаго заключеніе мирнаго договора, акта клятвеннаго обѣта подъ назв. promissio. (Byzantinische Zeitschrift 1892 г., изд. К. Крумбахеромъ). Опубликованныя недавно древне-генуэзскія договорныя грамоты послужили мнѣ надежнымъ пособіемъ для провѣрки комментарія С. Неймана. Онѣ бросаютъ много свѣта на обряды, неразлучные съ заключеніемъ международнаго договора и на дипломъ съ золотой буллой, нисколько, вопреки мнѣнію Неймана, не умаляющій правъ другой державы. Такъ въ одной грамотѣ Исаака Ангела 1191 г. сказано, что генуэзцы получили такой императорскій дипломъ *на все, чѣмъ императоръ и они удовольствовались, достигнувъ взаимнаго соглашенія* (Atti della societa Ligure di storia patria, vol. 28, f. II, № VIII). Наглядным образомъ измѣненія, дополненія или сокращенія проектированныхъ договорныхъ пунктовъ представляются сохранившіяся въ итальянскихъ архивахъ *меморіалы* или протоколы посольскихъ совѣщаній, напр., 1272 г. между посломъ греческимъ Огеріемъ и генуэзскими депутатами (Ib., стр. 505). На золотую печать греческихъ грамотъ обращаютъ вниманіе и наши лѣтописцы (грам. Іоанна Кантакузена 1354 г. въ Новг. IV, 62 и др.). Грамоты русскихъ царей также снабжались золотою

печатью. Златопечатная грамота (Воскр. т. VIII 57) названа «пинехрусой» въ договорномъ актѣ Святослава 971 г. Когда, въ 1491 г., послы короля римскаго Максимиліана привезли въ Москву докончальную грамоту за золотою печатью, то «великаго князя грамоту *за золотою же печатью* королю дали, да къ цѣлованью короля привели на тѣхъ грамотахъ». Въ 1514 г. вел. князь *печать свою золотую* приложилъ къ докончальной грамотѣ по заключеніи мира съ королемъ Максимиліаномъ (Воскрес., т. VIII, 222, 225, 254). Массивная золотая печать привѣшена къ договору 1562 г. Іоанна IV съ королемъ датскимъ Фридрихомъ (Снимк. съ древн. русск. печат., таблица 12. Москва 1882 г.). Золотыми печатями снабжались польскія и именуемыя шертными турецкія и татарскія грамоты. Состоявшійся международный договоръ получилъ у насъ издавна названіе *докончанія*—«миру докончанія», переносившееся книжниками и на договоры X в.; напр. въ Воскресенской лѣтописи помѣщенъ заголовокъ: «О докончаніи Ольговѣ съ греки» (т. VII, 273). При заключеніи упомянутыхъ договоровъ русскихъ съ греками не могли быть допущены отступленія отъ традиціоннаго международнаго церемоніала, служившаго залогомъ прочности мира. По недостаточному знанію русскими греческаго языка, который былъ вовсе не понятенъ и моравскимъ князьямъ Ростиславу, Святополку и Кецелу («не разумѣемъ ни греческу языку, ни латыньску» (лѣтоп. подъ 898 г.), и храброму Святославу, ведшему личные переговоры съ Цимисхіемъ о мирѣ чрезъ толмача (Левъ Діаконъ), приходилось нашимъ посольствамъ принимать большія предосторожности въ дѣлѣ изготовленія договоровъ, писавшихся «на двѣ хартіи». Договорныя грамоты 912 и 945 г. въ той окончательной редакціи, какую знаетъ лѣтопись, изготовлены несомнѣнно въ Греціи, какъ и договоръ 907 г. По своему составу онѣ имѣютъ сводный характеръ. Въ началѣ ихъ внесено предисловіе русскихъ уполномоченныхъ, касающееся ихъ роли, затѣмъ идутъ выработанныя совокупными силами дипломатовъ русскихъ и греческихъ *двусторонніе* условія. И заключительная часть, болѣе развитая въ договорной грамотѣ 945 г., почерпнута изъ сложнаго источника. Сперва подчеркивается *обоюдное* написаніе договора на двухъ хартіяхъ: «Мы же свѣщание все написахомъ (Лавр.), положихомъ (многіе сп.) на двою харатью» и, говорятъ греки, «едина харатья есть *у царства нашего*, на ней же есть крестъ и *имена наша* написана, а на другой—послы *ваши* и гостьи *ваши*». Лѣтописецъ также заявляетъ, что писались, по приказанію, «*обоихъ рѣчи* на харатью». Греческая хартія, конечно, съ переводомъ [1]), подлежала препро-

[1]) Списки договорныхъ актовъ и переводы ихъ, со славянскаго языка на иноземный и наоборотъ, излагались всегда *слово въ слово*, какъ видно изъ инструкцій посламъ (Пам. дипл. сношѳ., I, 38—42 и др.) Порядокъ переписки и перевода договоровъ опредѣляется въ многочисленныхъ наказныхъ памятяхъ.

вожденію, чрезъ греческихъ пословъ, въ Кіевъ къ Игорю и людямъ его для выполненія клятвеннаго обряда. По возвращеніи съ греческими, Игоревы послы «повѣдаша вся рѣчи царя Романа»... Такое же выраженіе «на двою харатью» помѣщено въ договорѣ 912 г. и также точно «послы Олеговы пріидоша ко Олгови и повѣдаша вся рѣчи обою царю». Потомъ въ договорѣ 945 г. говорятъ одни послы русскіе—христіане о принятой уже ими присягѣ: «Мы же кляхомся... харатьею сею»... Въ самомъ концѣ включено исходящее отъ грековъ настояніе о принятіи присяги некрещеными руссами. Лѣтописецъ удостовѣряетъ о принятіи въ Кіевѣ присяги Игоремъ, лично, вмѣстѣ съ некрещеными руссами, на холмѣ, предъ Перуномъ, а крещеными руссами въ церкви св. Ильи, съ посылкою извѣщенія греческимъ царямъ по изготовленіи утвердительной грамоты. Послѣдняя часть договорной грамоты 912 г. совпадаетъ, въ обрядовомъ отношеніи, съ заключительною частью договорной грамоты 945 г. Обѣ договорныя грамоты, начинаясь словами «равно другаго свѣщания», относятся ко времени ратификаціи мирныхъ договоровъ. Приписка къ грамотѣ 912 г. свидѣтельствуетъ, что она дана русскими послами («дахомъ») царскому величеству на утвержденіе мира. Клятва произносилась каждою стороною по тексту, изложенному въ особомъ актѣ роты (juramenti formula). У греческихъ царей находились, по свидѣтельству дошедшей до насъ грамоты 945 г., экземпляры двухъ хартій договора 945 г., одной домашней, съ изображеніемъ креста, предъ которымъ присяга произносилась царями («предлежащимъ честнымъ крестомъ», въ грамотѣ 912 г.), и именъ греческихъ пословъ: «одна есть у царства нашего, на ней же есть крестъ и имена наша написана», другой (въ спискѣ), вполнѣ отвѣчающей помѣщенной въ лѣтописи, съ именами русскихъ пословъ и гостей. Надъ обѣими хартіями, предъ выѣздомъ русскихъ пословъ изъ Греціи въ сопровожденіи греческихъ – «лучшихъ бояръ», должны были присягнуть греческіе цари. Какъ и договорная грамота 912 г., написанная въ двухъ экземплярахъ ...*царя* вашего (греческаго)... и своею рукою, врученная царскому величеству «на утвержденіе», съ тѣмъ чтобы русскому князю дано было царское извѣстіе—«извѣстии дасть» [1]), договорная грамота 945 г. въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, приноровлена къ моменту, послѣдовавшему за царской присягой. Иначе трудно было бы объяснить отсутствіе въ той грамотѣ указанія на обязанности принятія присяги царскимъ величествомъ, о чемъ въ грамотѣ 912 г. ясно говорится, какъ о фактѣ совершившемся. Доставленію, греческимъ посольствомъ, изъ Царьграда къ русскому

---

[1]) Въ догов. 912 г.: «*вдасть* елико можетъ»;—«аще *вдасть* руцѣ»;—«*отдасть*»;—«аще ли искушенія сего не *дасть* створити». Въ догов. 945 г.: «и тъ запечатаетъ и *дасть* имъ»;—«да *вдасть* и цѣну его сугубо» и т. д.

князю въ Кіевъ подлежалъ снабженный соотвѣтственнымъ предисловіемъ грековъ харатейный дубликатъ греческаго экземпляра ратификаціонной грамоты съ переводомъ. Подлинникъ оставался у хранителя хартій — chartophylax'a. «А отходячи съ посломъ царства нашего, да попровадятъ къ вел. князю Игореви и къ людемъ его, и ти, приимающе харатью ...на ней же суть *написана имена наша*»... (Лавр., Ипат. и др.). Игорь съ людьми своими долженъ былъ также выполнить обрядъ роты надъ обоими экземплярами договорныхъ хартій—русскимъ и греческимъ и прислать царямъ свою утвердительную присяжную грамоту. Подлинникъ русскаго экземпляра грамотъ 912 и 945 г., по исходнымъ моментамъ тождественныхъ, съ именами русскихъ уполномоченныхъ, оставшійся въ обоихъ случаяхъ у русскихъ пословъ, сданъ ими, послѣ соблюденія всѣхъ формальностей, въ архивъ, откуда извлеченъ лѣтописцемъ съ разными относящимися къ договорамъ документами. Итакъ, при ратификаціи договора русскихъ съ греками каждая сторона предварительно, чрезъ пословъ, а окончательно въ лицѣ своего государя, произносила обычную клятву—роту, скрѣпленную затѣмъ обѣтною или *утвердительною* грамотою, передававшеюся одною стороною другой въ видѣ извѣстія или извѣщенія. Такова грамота Святослава отъ 971 г., заключающая въ лѣтописномъ текстѣ ея, связанныя съ сущностью договора слова *клятвы самого Святослава*, подтвердившей клятву, произнесенную русскими послами при заключеніи мирнаго договора съ греками, въ ознаменованіе *ратификаціи* имъ мира (см. главу III). Этимъ-то и отличается грамота Святослава отъ грамотъ Олега и Игоря. Выраженіе лѣтописца «*обѣщася* Игорь сице створити» (утвердить договоръ клятвой) намекаетъ и на послѣдующее изготовленіе утвердительной грамоты, на что прямо указываютъ слова: «Игорь утвердивъ миръ съ греки»... Подобный порядокъ, въ главныхъ чертахъ, соблюдался у насъ въ теченіе многихъ столѣтій. Въ дневникѣ литовскихъ пословъ 1556 г. замѣчено, что русскіе бояре сообщили имъ о согласіи царя заключить перемиріе. Изготовленныя послами, по взаимному уговору, перемирныя грамоты «показали князю великому *обѣ—двѣ*. Онъ, вземши тыи грамоты,.. положилъ на мисѣ, а на тыхъ грамотахъ положилъ крестъ и сказалъ... видьте и то, же я брату своему Жикгимонту Августу.. на томъ крестъ цалую, што въ сихъ перемирныхъ грамотахъ написано, то все маю выполнити и то крѣпко держати...; потомъ крестъ цѣловалъ; по цѣлованью одну, *свою* грамоту намъ далъ, а *нашу* въ себѣ заставилъ, поотдававши намъ (вѣрющіе) листы» (Сб. кн. Оболенскаго 1838 г. № 5). Въ наказной памяти посольства отъ царя Ивана Васильевича къ польскому королю Сигизмунду Августу 1571 г., между прочимъ, изложено: «...а *которую грамоту писали послы его* (короля) на Москвѣ и печати свои,.. привѣсили, а *ту грамоту привезли къ государю* нашему, и нынѣ и той гра-

мотѣ... пригоже быть у государя нашего *по прежнимъ обычаямъ*... Королю *грамота своя* велѣть *новая написати* и печать своя къ ней привѣсити, и крестъ цѣловати предъ нами... Да какъ напишутъ грамоту съ списка... и печать свою король къ той грамотѣ велитъ привѣсити и *крестъ на обѣихъ грамотахъ*, на *царя и в. князя словѣ, которая у короля*, и на *своемъ словѣ*, которую грамоту у нихъ напишутъ, король *крестъ цѣлуетъ*»... Обѣ грамоты, чрезъ князя Ивана съ товарищами, подлежали присылкѣ царю... «И *государь нашъ свое слово—грамоту утвердилъ крестнымъ цѣлованьемъ* и далъ ее въ руки твоимъ посламъ (королевскимъ), и твои послы за тебя, государя своего, передъ государемъ нашимъ, на грамотѣ, на *твоемъ словѣ, крестъ цѣловали*, и та грамота у насъ» (Сб. Русск. Ист. Общ., т. 71. стр. 770—771). При заключеніи мира королемъ польскимъ и в. княземъ московскимъ 1635 г., когда королю предстояло, въ присутствіи пословъ русскихъ, принести присягу въ главной варшавской церкви св. Іоанна, передъ распятіемъ, которое держалъ архіепископъ Гнѣзненскій и Львовскій, послы русскіе требовали раздѣленія клятвеннаго обѣщанія на двѣ части, съ тѣмъ чтобы въ одной были упомянуты *всѣ условія, на которыя изявлено общее согласіе* (М. Бутурлинъ: Бумаги Флорент. центр. арх.).

О нашей древнѣйшей посольской метрикѣ ближайшихъ свѣдѣній мы не имѣемъ, но, пользуясь договорными актами и лѣтописнымъ повѣствованіемъ, о дипломатическихъ переговорахъ, перепискѣ, изготовленіи, ратификаціи и обмѣнѣ хартій, при окончаніи мирныхъ договоровъ между русскими и греками, можемъ правильно судить по аналогіи съ позднѣйшими мирными договорами между Русью и разными государствами, а также съ чужеземными дипломатическими актами. Договорные тексты X вѣка устраняютъ мысль о недобросовѣстномъ отступленіи отъ оригиналовъ при внесеніи въ лѣтописи и перепискѣ послѣднихъ. Порчу слѣдуетъ объяснять областными діалектическими особенностями, недосмотрами, заблужденіемъ невѣжественныхъ переписчиковъ, неразборчивостью обвѣтшалыхъ актовъ [1]), причудливостью ихъ языка, малодоступностью для переписчиковъ древнерусской юридической терминологіи, или же излишнею спѣшностью, побуждавшею «борзописцевъ» пономарей и дьячковъ дѣлать перестановки въ текстѣ, подставлять взамѣнъ подлинныхъ словъ синонимичныя, или сходныя по звукамъ, напр. «слуги» въ Радзивил. спискѣ вмѣсто «Слуды» (ср. «Слудовы Дорогожичи»),—«Бѣловѣжу», въ Суздальск. спискѣ, вмѣсто «Бѣлобережья»,—«обрященіе», въ Ипатск. спискѣ, вмѣсто «обряженіе», «заповѣдѣлъ» (Радз.) вмѣсто «увѣдѣлъ» и т. д., и даже «множества ради» со всѣмъ выпускать договоры или какой либо изъ нихъ при утомительной

[1]) Когда договорные акты 907—971 гг. заносились въ лѣтопись, то рукописи оригинальныя были уже довольно ветхи.

перепискѣ объемистаго лѣтописнаго фоліанта. Впрочемъ, съ разночтеніями необходимо обращаться крайне осмотрительно, ибо, благодаря скудости нашихъ свѣдѣній объ источникахъ начальной лѣтописи и механизмѣ ея составленія, не только нельзя ручаться, что въ нее не попали списки съ оригиналовъ *разныхъ редакцій*—подготовительной (проектированной) и окончательной, сокращенной и распространенной, односторонней и двусторонней, черновой и бѣловой, русской и греческой, но внимательное и болѣе глубокое изученіе разночтеній скорѣе должно убѣдить насъ въ безплодности попытки ученыхъ издателей и изслѣдователей подогнать разнокалиберный текстъ договорныхъ грамотъ непремѣнно подъ одну мѣрку. Въ семъ отношеніи весьма поучительна редакціонная разница въ спискахъ Смоленской торговой Правды 1229 г., дошедшей до насъ въ *восьми* экземплярахъ. Подвергнувъ списки кропотливому анализу, П. Голубовскій отмѣтилъ въ нихъ двѣ редакціи—древнѣйшую въ трехъ и позднѣйшую въ четырехъ экземплярахъ, причемъ сдѣлалъ свой выводъ о порядкѣ составленія договора и перевода договорныхъ статей съ латинскаго языка на нѣмецкій и на смоленское нарѣчіе (Ист. Смоленской земли, стр. 115, 125). Нельзя также не обратить вниманія на разночтенія во многихъ договорныхъ грамотахъ по сношеніямъ новгородцевъ съ нѣмцами, напр. въ актахъ 1269 и 1270 гг.—нѣмецкой и латинской редакціи, изъ коихъ первая считается основною (Андреевскій, Бережковъ, Куникъ—прилож. къ Ливонск. акт.). Внимательно сличая разночтенія въ текстѣ договорныхъ грамотъ X в. съ помощью синопсиса, начертаннаго Е. Тобіеномъ по спискамъ, бывшимъ въ обращеніи до 1845 г., и самыхъ лѣтописей, опубликованныхъ Академіей Наукъ, Археографическою Коммиссіею и частными лицами, я не замѣтилъ ни тѣхъ грубыхъ наслоеній въ отдѣльныхъ договорныхъ главахъ, которыя будтобы лишаютъ возможности возстановить смыслъ (В. Сергѣевичъ: Греч. и русск. право X. в., Ж. М. Н. Пр., 1882 г.), ни преднамѣреннаго искаженія договорныхъ текстовъ, разнообразныхъ, болѣе или менѣе, по лексическому свойству и отчасти по своему матеріальному составу. Вообще, замѣчаемыя отступленія отъ оригинальныхъ рукописей запечатлѣны наивною искренностью и добродушіемъ, а что наиболѣе достойно признательности, переписчики не погнушались сохранить неприкосновенными *языческія* черты договорныхъ актовъ. Только одна серія списковъ даетъ поводъ заподозрѣть поползновеніе книжниковъ, быть можетъ инстинктивное, нѣсколько сгустить христіанскій элементъ въ договорѣ 912 г., напр. замѣнить «извѣщеніе» освященіемъ. Если кое-гдѣ допущены кажущіяся произвольными глоссы, то иногда онѣ, не затемняя текста, поясняютъ его примѣнительно къ способу повѣствованія самихъ составителей договорныхъ грамотъ, и нерѣдко, по логическому смыслу, находятъ себѣ оправданіе, наводя на предположенія о пропускахъ или сокращеніяхъ въ дру-

гихъ спискахъ, либо объ особенности оригинала. Таково «имѣчное» въ Ипатск. спискѣ договора 945 г (плата за переемъ).

Попытки ученыхъ собственно по раздробленію договорнаго текста вообще и его разглавленію, не всѣми одинаково практикуемымъ, также какъ по разрѣшенію вопросовъ о порядкѣ совершенія договоровъ, ихъ взаимной связи, о системѣ правонарушеній и наказаній договорной Правды далеко не достигли желаемаго успѣха. Обнаруженіе искаженій, допущенныхъ переписчиками и происшедшихъ отъ неправильнаго чтенія текста, отъ пропусковъ и измѣненій, требуетъ весьма продолжительныхъ и кропотливыхъ повѣрочныхъ изысканій. Мучительнымъ сомнѣніямъ договорныя грамоты даютъ обильную пищу, вынуждая прибѣгать къ сопоставленіямъ по памятникамъ, изъ коихъ многіе не затронуты наукой. Трудность овладѣть языкомъ, юридическою техникою, вычерпать до дна содержаніе договорныхъ актовъ и уловить ихъ сцѣпленія, неблагодарность и малая плодотворность потраченныхъ на нихъ усилій повергли литературу ихъ въ жалкую нищету. Иностранцы, всегда поражавшіеся дивными сокровищами нашихъ старѣйшихъ договорныхъ памятниковъ, значительно помогли намъ разобраться въ нихъ, но договорный языкъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ оказался для иностранцевъ недоступнымъ. Напр., по разумѣнію Леклерка, въ договорныхъ грамотахъ послы—офицеры, гости—матросы, а по понятію В. Томсона, введеннаго въ заблужденіе Куникомъ и Гедеономъ[1]), послы заявляютъ въ договорахъ о своемъ русскомъ *происхожденіи*, что они *русскаго рода*—«declare themselves in the treaties to be of *russian birth*» (The relations between ancient Russia and Scandinavia), тогда какъ уполномоченные говорили: въ 912 г., что «они отъ рода (народа) русскаго *послани*»; въ 945 г., что они «отъ рода русскаго *сли и гостье*»... «посылаеми бываютъ *отъ нихъ* сли и гостье»... Въ 1278 г. «ятвязѣ прислаша послы своя къ Володимерови тако рекуче: ...пріѣхали есмя къ тобѣ *ото всихъ ятвязь*» (Ипат., 580). Договоры Полоцка съ нѣмцами начинались такъ: «Отъ намѣстника... и отъ всѣхъ мужъ отъ полочанъ.—Отъ князя... и ото всѣхъ мужъ полочанъ» Bunge: Urkundenbuch, т. VI, № 2931, 2981 и др.). Уполномоченнымъ русскимъ никакой не было надобности ставить на видъ свое *происхожденіе*[2]).—Политическое значеніе

---

[1]) См. сводъ мнѣній у W. Gutzeita: Erläuter. zur ält. Gesch. Russlands, отд. 3: «Wir russishen Volkes».

[2]) Происхожденіе означается обыкновенно такими выраженіями: «*суть* или *сущимъ* отъ рода варяжьска»,—«*сущимъ* отъ рода словѣньска»; «*родомъ*—сынъ угорескъ, *родомъ*—гречинъ, *родомъ*—новгородецъ» (Лавр. 131, Ипат. 356, 359 и др.) Быть *кому отъ рода*—быть съ кѣмъ въ родствѣ. «Въ лѣто 6387 умершю же Рюрикови, предасть княженіе свое Олгови, *отъ рода ему суща* вдавъ ему на руцѣ *сына своего Игоря*» (Лавр.), т. е. въ 879 г.,

договоровъ недостаточно взвѣшено и оцѣнено. Съ точки зрѣнія средневѣковой культуры они являются плодомъ государственнаго созрѣванія Руси, пріобрѣвшей, по словамъ патріарха Фотія, громкую извѣстность впервые со времени похода на Царьграда во второй половинѣ IX вѣка, когда русская сила «внезапно, подобно огромной волнѣ, нахлынула на греческіе предѣлы», и упрочили ея могущество, созданное подвигами Аскольда и Дира, вѣщаго Олега, «стараго Игоря и славнаго Святослава... мужествомъ и храбрьствомъ прослувшихъ въ странахъ многихъ» (Иларіонъ).—Подвиги эти тѣсно сопряжены съ Днѣпромъ Словутичемъ, впадающимъ «въ Понтьское море тремя жерелы, еже море словетъ Руское» (начальная лѣтопись), пробившимъ каменныя горы и нѣжно лелѣявшимъ русскія суда до непріятельскихъ твердынь и полковъ (Слово о полку Игоревѣ). Превознося храбрость россовъ въ борьбѣ съ Цимисхіемъ, Левъ Діаконъ, въ кн. VIII, замѣтилъ, что они давно стяжали славу побѣдителей надъ окрестными народами. Роль провозвѣстника русской славы игралъ національный эпосъ героическій, вдохновлявшій русскаго лѣтописца и снабжавшій его такимъ блестящимъ и богатымъ содержаніемъ, какое не могло быть заимствовано у греческихъ авторовъ, обошедшихъ презрительнымъ молчаніемъ унизительный для Византіи походъ Олега на грековъ. Основываясь на похвальныхъ пѣсняхъ, лѣтописецъ нерѣдко даетъ широкій полетъ славѣ русскаго оружія, какъ напр. по поводу пораженія половцевъ Владиміромъ Мономахомъ при потокѣ Дегея въ 1111 г.—«*до грековъ*, угровъ, ляховъ, чеховъ и до самаго Рима». При воспоминаніи, подъ 1094 г., по поводу разгрома Русской земли половцами, прежней почетной славы Руси, обрѣтенной до крещенія Владиміромъ св., скорбное чувство лѣтописца усугубляется неблагодарностью русичей за лавры, которые они стяжали, очевидно, въ походахъ *на грековъ*... «*Прославлени бывше*, не прославихомъ (Творца), *почтени бывше*, не почтохомъ (Его), *освятившеся* (т. е. крестившись), не разумѣхомъ... Кого бо тако (Богъ) почелъ есть, яко же *ны прославилъ есть и вознесъ*»? (Лавр. 218). Въ подобномъ же смыслѣ произнесъ рѣчь дружинамъ в. князь Изяславъ предъ битвой съ Владиміромъ Галицкимъ, въ 1152 г.: «Богъ *всегда* Рускы

въ которомъ умеръ Рюрикъ, онъ передалъ княженіе свое Олегу, съ родни ему (Олегу) приходившагося давъ ему (Олегу) на руки (или на попеченіе) сына своего Игоря (ср. Ипат. 212, 412, 502). По правилу 111-й ст. Русск. Правды Кар. сп.: «Оже ...*дѣти малы*.. тожмо *имъ ближний будеть*, то тому дати на рудѣ». Опекуномъ назначался родственникъ малолѣтнихъ *дѣтей*. Въ нѣкоторыхъ хронографическихъ компиляціяхъ, основанныхъ, очевидно, на преданіи, Олегъ зовется *племянникомъ* Рюрика. Поэтому можно предположить, что Олегъ приходился сестричемъ или нетіемъ Рюрику и двоюроднымъ братомъ Игорю Рюриковичу по сестрѣ Рюрика, состоявшей въ бракѣ съ однимъ изъ туземныхъ *славянскихъ* князей. Двухъ нетіевъ самого Игоря знаетъ договоръ 945 г.

землѣ и рускихъ сыновъ въ безчестьи не положилъ есть; *на всихъ мѣстѣхъ честь свою взимали суть*; нынѣ же, братье, *ревнуимы тому* вси у сихъ земляхъ и передъ чюжими языкы дай ны Богъ честь свою взяти» (Ипат. 310). Пораженіе въ битвѣ съ врагомъ считалось «великимъ безчестьемъ» (Ип. 582). Многое наводитъ меня на предположеніе, что пѣсенныя сказанія о походахъ Аскольда и Дира, Олега и особенно Игоря Рюриковича (въ Задонщинѣ Бирюковича) на грековъ послужили эпической предтечей Слова о походѣ Игоря Святославича на половцевъ въ исходѣ XII в., вмѣщавшей въ себѣ подробный пересказъ историческихъ фактовъ съ поэтическими прикрасами, получившими мѣткое названіе турусовъ («ту руссы») на колесахъ, о движеніи кораблей по сухому пути, о расшитыхъ парчею и шелкомъ парусахъ, и т. под. По возвращеніи отважныхъ князей, съ весельемъ и великою славою, изъ похода на грековъ, вѣроятно, воздавали имъ «похвалу велику, *пѣснь* славну пояху имъ», какъ позднѣе и въ случаяхъ выдающихся военныхъ подвиговъ, напр., послѣ побѣды, одержанной Александромъ Невскимъ подъ Псковомъ (Соф. и др.), по прибытіи Даніила и Василька Романовичей изъ удачныхъ походовъ на ляховъ, угровъ и ятвяговъ (Ипат. 540, 556). Замѣчательно, что въ 865 г. «св. Богородицы ризу съ пѣснѣми изнесше *въ рѣку омочиша*» [1]), а въ Словѣ о полку Игоревѣ Ярославна собиралась *омочить* бебрянъ рукавъ *въ рѣку* Каялу; добыча русичей въ битвѣ съ половцами такая же, какъ и Олега въ походѣ на Царьградъ: «паволоки и всякое узорочье». Славу Игоря Святославича воспѣвали и *греки*. Авторъ Задонщины славу русскихъ князей переноситъ *къ Царюграду*. Славная пѣснь, сочиненная о походѣ Игоря Рюриковича на грековъ, извѣстная Иларіону и популярная у «венедичей», дала, по моему мнѣнію, поводъ Венеціанской хроникѣ сказать, что Игорь возвратился «cum triumpho» (у Лиудпранда «cum confusione»).

Наиболѣе повредило успѣху въ дѣлѣ изслѣдованія договоровъ заблужденіе, искавшее всегда причину разночтеній въ изуродованіи текста переписчиками, тогда какъ ее надлежало относить въ большей степени къ подлиннымъ документамъ, по сравненіи съ сохранившимися международными документами итальянскихъ архивовъ X—XII вѣковъ и даже съ позднѣйшими сѣверныхъ архивовъ, хотя бы копенгагенскаго, кенигсбергскаго, митавско-ревельскаго [2]). Много сходныхъ текстовъ въ грамотахъ, осно-

[1]) Дьякъ Александръ, путешествовавшій въ Царьградъ 1395 г., разглагольствуетъ о чудотворной силѣ ризы св. Богородицы во Влахернѣ, объ омоченіи ея патріархомъ Сергіемъ, когда во время иконоборенія непріятель пришелъ и по морю и по сушѣ. (П. С. Л. IV. 357).

[2]) Таиъ хранятся посольскіе акты 1342—1767. Древніе акты ревельск. город. архива на русск. языкѣ помѣщены въ XV т. Русск. Ист. Библ.

ванныхъ на *одномъ и томъ же договорѣ*, можно найти и въ архивѣ Министерства Иностр. Дѣлъ. Н. Бентышъ-Каменскій, исполняя порученіе гр. Н. Румянцова по извлеченію изъ архива Коллегіи Иностр. Дѣлъ древнѣйшихъ договоровъ, писалъ: «*Ратификаціи* не разсудилъ я списывать, дабы не *повторять* содержанія трактатовъ» (Собр. Гос. Грам. и Дог. ч. V, стр. VIII). Варіанты списковъ одного и того же договора вызывали замѣшательство не только въ умахъ ученыхъ, но и въ сферѣ международной. Возьмемъ Орѣховскій договоръ 1323 г. между вел. княземъ Юріемъ Даниловичемъ и Магнусомъ Эриксомъ шведскимъ, вслѣдъ за занятіемъ упомянутымъ княземъ города на Орѣховомъ островѣ близъ истоковъ Невы, берега которой, доступные для русскихъ еще въ 1228 г., когда «новгородци стояша *в*[п] *Невѣ* нѣколико дний» (Лавр. 484), а затѣмъ въ силу договоровъ съ нѣмцами, Александра Невскаго 1242 г. (лѣтоп. Соф.) и позднѣйшихъ, напр., 1270 г. ст. I, по нашимъ лѣтописямъ, были утверждены за Русью княземъ Андреемъ Александровичемъ 1301—1302 г., съ разрушеніемъ построенной шведами у Финскаго залива Ландскроны, «городка нѣмечьскаго». Въ двухъ серіяхъ многихъ, хранящихся въ шведскихъ архивахъ списковъ того договора, въ томъ числѣ одномъ русскомъ (Прилож. къ XXI т. Зап. И. А. Н.), указаны двѣ разныхъ границы между русскими и шведскими владѣніями отъ р. Сестры и выставлены разныя даты—въ одной серіи пятница 12 августа, въ другой 6 сентября того же 1323 г.. К. Ленстремъ, въ монографіи о мирныхъ договорахъ между Россіей и Швеціей XIV стол. (Уч. Зап. Каз. Ун. 1885, кн. 2 [1]), предполагалъ здѣсь смѣшеніе договоровъ 1323 и 1338 г., придавая особое значеніе словамъ договора 1323 г.: «миръ *возобновляется*—pax reformatur» ... мы *возобновляемъ* вѣчный миръ—reformaveramus perpetuam pacem». Одинъ и тотъ же миръ, заключенный и подтвержденный *чрезъ нѣсколько недѣль*, говоритъ Ленстремъ, нельзя было назвать возобновленіемъ вѣчнаго мира. Но Ленстремъ не догадался, что возобновленный миръ есть старый миръ, заключенный якобы на 40 лѣтъ княземъ Андреемъ Александровичемъ во второй половинѣ XIII в. [2]), какъ сказано въ рукописаніи Магнуса Эриксона, взявшаго Орѣховецъ въ 1347 г. и въ томъ же

---

[1]) Ср.: Буткова: Три древн. догов. русскихъ съ шведами, Ж. М. Вн. Д. 1837 г. ч. 53; Antiquités russes и др.

[2]) Миръ былъ скоро нарушенъ. Въ 1300 г. «поставиша свѣя городъ надъ Невою, на устьи Охты рѣки, нарекоша его Вѣнецъ земли, посадивъ мужи нарочиты съ воеводою Свѣнемъ» (Новг., I и др.). Въ слѣдующемъ году Вѣнецъ отобранъ обратно кн. Андреемъ Александровичемъ.—Въ Новгор. переписныхъ книгахъ 1500 г. упоминается нѣсколько погостовъ по рѣкамъ Невѣ, Охтѣ и Мойкѣ: Погостъ Спасскій-Городенскій, въ немъ 91 деревня, изъ коихъ 39 деревень расположены по Невѣ и одна на Ѳоминѣ островѣ, при впаденіи Невы въ море: прочіе—по Охтѣ, Мойкѣ и др.

году вынужденнаго возвратить его новгородцамъ (Подр. въ Ник., т. X, 220—224). «Пріѣхавше послы велики отъ свейского короля (въ заложенный Юріемъ Данилови чемъ Орѣшекъ) и докончаше миръ вѣчный съ княземъ и Новымъ городомъ по старой пошлинѣ» (Новг., I, 73), въ другихъ лѣтописяхъ: «по старинѣ (Ник., т. X, 189, Воскрес., т. VII, 199). Разницу границъ и числъ въ договорныхъ спискахъ, датированныхъ 1323 г., только и можно объяснить нѣкоторою разницею ихъ оригинальныхъ источниковъ, зависѣвшею отъ размежеванія, по соглашенію сторонъ, спорной территоріи. Орѣховскій договоръ подтвержденъ 1339 г. въ Мурманской землѣ, въ г. Людовлѣ, по старымъ грамотамъ (Новг., I, 78, 79), уже послѣ уступки Наримунту-Глѣбу Гедиминовичу, *по правому слову*, пригородовъ новгородскихъ Ладоги (Aldejgoburg) и Орѣхового городка (нынѣ Шлиссельбургъ) съ окрестностями, а сынъ его Александръ посаженъ въ Орѣховѣ (Воскр. VII, подъ 1331, 1333, 1338 г.). Договоръ новгородцевъ съ норвежцами 1326 г., заключенный на 10 лѣтъ тоже *попрежнему* («sicut prius fuerat»), сохранился, какъ и Орѣховскій, въ нѣсколькихъ спискахъ, помѣченныхъ —одни, на нѣмецкомъ языкѣ, 3 іюня, другіе, на латинскомъ, 11 іюня. Такъ какъ послѣдній, по содержанію, есть утвердительная грамота со стороны короля Магнуса Гакона, хотя граница по *древнимъ рубежамъ* подлежала возстановленію впослѣдствіи, то первый, содержащій лишь краткій перечень мирныхъ условій, слѣдуетъ признать предварительнымъ договорнымъ протоколомъ (Собр. Гос. Гр. и Дог., т. V, № 103, Щербачевъ: Датскій арх., № 1).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Договоры русскихъ съ греками X в., для надлежащаго ихъ уразумѣнія, требуютъ послѣдовательнаго и сравнительнаго ихъ разсмотрѣнія, а также соображенія помѣщенныхъ въ нихъ ссылокъ на принятыя основанія въ связи съ лѣтописными фактами, болѣе или менѣе близкой къ договорамъ, по времени, международной практики и параллельныхъ правовыхъ воззрѣній другихъ народовъ. Общія и статейныя ссылки въ текстѣ договорныхъ грамотъ раскрываютъ намъ двѣ исходныхъ точки, два различныхъ момента дипломатическихъ сношеній русскихъ съ греками: 1, прежніе, самостоятельные или отдѣльные мирные договоры, нѣкогда между ними заключенные, и 2, обоюдные посольскіе переговоры о каждомъ отдѣльномъ мирѣ, завершающіеся его заключеніемъ или докончаніемъ по исполненіи цѣлаго ряда дипломатическихъ обрядовъ, до утвержденія договора торжественной присягой самихъ верховныхъ вождей обоихъ государствъ и обмѣна договорныхъ грамотъ. Первая группа ссылокъ либо охватываетъ прежніе договоры въ полномъ ихъ объемѣ, либо повторяетъ, то почти буквально, то въ переработкѣ, детальныя положенія или установленія ранѣе существо-

вавшихъ греко-русскихъ договоровъ, вторая — выражается въ «съвѣщаніи», характеризующемся совмѣстнымъ обсужденіемъ, согласованіемъ, и начертаніемъ мирныхъ условій послами договаривающихся сторонъ. Центральною осью, вокругъ которой вращаются наши познанія о возникновеніи мирныхъ договоровъ русскихъ съ греками, служитъ договоръ Олега 912 г., ошибочно относимый изслѣдователями къ 911 г. [1]) и содержащій въ себѣ весьма важную ссылку на прежній договоръ, которую издатели лѣтописи считаютъ «Ивановымъ писаніемъ», а Кругъ, Раковецкій, Погодинъ и Лавровскій — «киноварнымъ».

Въ договорной грамотѣ 912 г. за изложеніемъ главъ, принятыхъ, по взаимному соглашенію, на посольскомъ собраніи, включено заявленіе русскихъ пословъ: «На утверженье же и неподвиженіе быти, межи вами, хрестьяны, и русью бывшій миръ *сотворихомъ* [2]) и *ва новымъ* написаніемъ *на двою харатью*, царя *вашего* и *своею* рукою»..., т. е. А для подтвержденія и не зыблемости, между вами, христіанами, и русью бывшій миръ совершили *мы* и *вы* новымъ написаніемъ *на двою хартіяхъ* — царя *вашего* и *своею* рукою [3]). Въ древнѣйшихъ договорныхъ грамотахъ русскихъ имена писцовъ не оглашались (ср. подъ 971 г. о грам. Святослава: «нача писець писати»). Въ договорахъ грековъ съ другими державами рѣдко въ текстѣ выставлялось имя переписчика; обыкновенно имя писца, какъ въ позднѣйшихъ русскихъ грамотахъ, ставилось въ концѣ, послѣ всѣхъ подписей, напр., въ грамотѣ Федора Ростиславича 1284 г. «а Федорко писець княжь Федоровъ псалъ» (Собр. Гос. Гр. и Догов. II, № 3), съ означеніемъ иногда его должности или званія Договоръ Игоря съ греками 945 г. также сопровождался написаніемъ грамотъ каждою стороною — одной русскими, другой греками: «*Мы* же съвѣщанье все *написахомъ*»... *на двою харатью*», что лучше всего свидѣтельствуетъ о сомнительности написанія грамоты 912 г. Иваномъ, — особливо *русскаю* харатейнаго экземпляра, текстъ котораго

---

[1]) Грамота русскихъ пословъ, написанная въ сентябрѣ 912 г., какъ видно изъ даты подъ нею, основана на договорномъ соглашеніи, достигнутомъ въ томъ же году. Царь Левъ скончался 11 мая 912 г., слѣдовательно соглашеніе состоялось не позднѣе начала мая, а грамота русскихъ пословъ хотя изготовлена *по смерти Льва*, но не могла подорвать дѣйствительности соглашенія. Царь Левъ, вѣроятно, самъ не успѣлъ *утвердить* миръ, и русскимъ посламъ ничего не оставалось, какъ по передачѣ Олегу утвердительной грамоты двухъ наличныхъ греческихъ царей, вручить утвердительную грамоту вел. князя царю Александру, умершему, судя по доказательствамъ Круга, 6 іюня не 912, а 913 г.

[2]) Ср. форму: «поѣдемы»,—съ нимъ ся *бисмы*»; «въ обидѣ всѣ-мъ (мы) *остахомъ*» (Ипат. 286 и 605).

[3]) Въ Готландск. редакціи Смоленск. догов. 1229 г. «то правда есть межи *насъ съ вами*. Правда есть промежи *васъ и насъ*».

воспроизведенъ лѣтописью. Хотя въ ту эпоху появляется въ Греціи правителемъ какой-то Іоаннъ, прикомъ Лазарь, изъ духовнаго сословія, выдвинутый Александромъ, братомъ Льва Премудраго и опекуномъ Константина Порфиророднаго, предъ смертью Льва облеченный особыми правами вмѣстѣ съ патріархомъ Николаемъ и другими, но, по невозможности привлечь этого сановника и, вообще, какого бы то нибыло Ивана къ написанію договора, остается намъ отвергнуть рутинное чтеніе, замѣнивъ его болѣе отвѣчающимъ порядку заключенія договора и грамматически правильнымъ. «Ва» есть старая церковнославянская форма мѣстоимѣнія *вы* двойств. числа 2 лица. Форма «ва» употреблена потому, что миръ съ русскимъ великимъ княземъ въ 912 г. заключали два царя греческихъ Левъ и Александръ, какъ и въ 907 г.: «Царь Леонъ съ Александромъ миръ сотвориста со Олгомъ». Въ концѣ грамоты 912 г. послы русскіе говорятъ совсѣмъ не то, что разумѣлъ Лавровскій (О визант. элем. въ яз. догов., 118—121), а то, что въ обмѣнъ одинъ экземпляръ хартіи дали («дахомъ»—дали мы) *царства вашего* (греческаго) на утвержденіе «*обоему*»... Лѣтописецъ поясняетъ, что послы русскіе сообщили Олегу рѣчи *обоихъ* царей («повѣдаша вся рѣчи обою царю»), какъ сотворили миръ и урядъ положили между Греческою землею и Русскою. Первенствующую роль при заключеніи мира игралъ *одинъ* царь, которому поклялись русскіе послы («мы же кляхомся ко *царю* вашему»), послами котораго произносилась клятва, руководилось написаніе договорнаго протокола («царя вашего и своею рукою») и который удостоилъ русскихъ пословъ дарами, показалъ имъ церковныя достопримѣчательности Царьграда и отпустилъ ихъ въ свою землю съ честью великою. Въ статьѣ договора о военной помощи сказано: «сіи (русскіе, приходящіе въ Грецію съ куплею, или въ солбу ко цареви вашему) хотятъ почтить царя вашего... хотятъ остати у царя вашего» [1]). Въ началѣ договорной грамоты 912 г. послы русскіе обращаются къ *тремъ* царямъ: «Мы... иже послани отъ Олга... къ вамъ, Львови и Александру и Констянтину». Коронованному своимъ отцомъ Львомъ, по свидѣтельству Кедрина и др., Константину Порфирородному было тогда около шести лѣтъ: «Поча царствовати Костянтинъ, сынъ Леоновъ (Лавр., Ипат. подъ 913 г.). По Никонов. лѣтоп., Константинъ Порфир. «царствова *лѣтъ*

[1]) Со времени Василія I одинъ императоръ правилъ государствомъ, располагалъ арміей, флотомъ, финансами; другіе, совмѣстно царствовавшіе, носили лишь императорскій титулъ и пользовались императорскими почестями (A. Rambaud: L'empire Grec au X siécle, 32). Современникъ Романа Лакапина раввинъ Хасдаи, въ извѣстномъ письмѣ донося царю хозарскому о принужденіи царемъ греческимъ Арманусомъ, т. е. Романомъ, въ 943—944 г., живущихъ въ его государствѣ евреевъ къ принятію христіанской вѣры, упоминаетъ о *соправителѣ* Арманса.

седьми. Со Александромъ (дядей своимъ) царствова лѣто едино, и остася единъ, юнъ сый, *седми лѣтъ* точью»... (Собр. лѣтоп. т. IX, стр. XX и 25); а Александръ умеръ въ іюнѣ 913 г. (Ph. Krug: Chronol. d. Byzantier 81—93, 108—128). Въ Россіи малолѣтніе княжичи также участвовали въ дипломатическихъ актахъ ранѣе достиженія 12 лѣтняго возраста. При малолѣтствѣ Игоря въ 882 г. Олегъ, чрезъ уполномоченныхъ, велъ переговоры съ Аскольдомъ и Диромъ отъ своего имени и отъ имени *княжича*. Если въ договорной *великаго князя* Олега грамотѣ 912 г. личность пельми возмужавшаго Игоря, начавшаго княжить съ 913 г., стушевывается, сливаясь съ *другими князьями*—«всякимъ княжьемъ», то быть можетъ, потому, что его наслѣдственное право на великокняжескій столъ въ ту пору еще не вполнѣ упрочилось, или поколебалось. Въ договорной грамотѣ 945 г. помѣщенъ и посолъ трехлѣтняго Святослава Игоревича (см. гл. II), состоявшаго на воспитаніи дядьки Асмуда (Asmund). Въ слѣдующемъ году княгиня Ольга говорила древлянамъ, покушавшимся расправиться посвоему съ сыномъ ея Святославомъ: «се уже покорилися мнѣ и моему *дѣтяти*». Подъ 1177 г. имѣемъ извѣстіе о цѣлованіи креста князю и «на дѣтяхъ его» (Лавр. 360). Даніилъ Романовичъ былъ посаженъ на столѣ отца своего въ Галичѣ «тако младу сущу, яко и матери своей не позна» (Ип. 486). Въ 1213 г, когда западнорусскіе княжичи Даніилъ и Василько Романовичи состояли еще подъ опекой матери—«княжаста съ матерью своею,—прислаша князи литовьскии къ великой княгини Романовѣ и (къ) *Данилови и Василкови* миръ дающе» (Ипат. 488, 492). При совершеннолѣтіи Даніила и Василька (подъ 1238 г.) Михаилъ черниговскій велъ съ ними переговоры о мирѣ, обращаясь къ обоимъ. «Прислаша бо Михаилъ слы Данилу и Василку река: многократы согрѣших(ъ) о *ва* (относительно васъ) и многократы пакости творихъ(ъ)ти; что-ти обѣщахъ и того не створихъ»... «*Данилъ же и Василко* не помянуста зла»... (Ипат. 521 по моему исправл. чтенію). Въ 945 г. для заключенія мира послы русскіе были отряжены также къ тремъ царямъ—Роману, Константину и Стефану, *сообща* номинально отряжавшихъ греческихъ пословъ къ Игорю, но, по разсказу лѣтописца, въ дѣйствительности заключалъ миръ Романъ, и Игорь спросилъ пришедшихъ къ нему греческихъ пословъ: «глаголите, что вы казалъ (т. е. наказалъ) *царь*. И рѣша *сли цареви*: се посла ны *царь*»... Лѣтописные списки отчасти разнорѣчатъ; по однимъ, въ 912 г. греческіе послы сказали князю: «твои сли водили суть *царь* наши ротѣ», — согласно съ описаніемъ цѣлованія креста обоими царями въ 907 г., — тогда какъ по Радзивил. и сходнымъ съ нимъ спискамъ... «*царя* нашего». Кажущееся противорѣчіе въ *текстѣ* грамоты 912 г. (направленіе посольства къ *тремъ* царямъ, руководительство въ написаніи обѣтной грамоты *однимъ* царемъ, утвержденіе мира *двумя* царями — «на утвержение обоему») могло прои-

зойти, независимо малолѣтства Константинова, исключавшаго *активное* участіе его въ заключеніи договора, только потому, что Левъ умеръ въ промежуткѣ времени состоявшагося соглашенія по договору «при Львѣ и Александрѣ» и его полной ратификаціи. Тѣмъ не менѣе лѣтописецъ соединяетъ съ именемъ царя Льва отпускъ русскихъ пословъ «въ свою землю съ честью великою», какъ значится и въ Никоновскомъ сводѣ, правильно относящемъ и мирную грамоту, и смерть Льва къ 912 году [1]).

Въ предлагаемомъ мною чтеніи (вмѣсто «Ивановымъ») выраженіе «новымъ написаніемъ» знаменуетъ *обновленіе* сторонами писанныхъ условій *стараго* мира, съ сохраненіемъ силы договора 907 г. Такъ обновленъ старый миръ и при Игорѣ: «Присла Романъ и Константинъ и Стефанъ слы къ Игореви построити мира *перваго*», т. е. прежній... «*обновити* ветъхій миръ *отъ многъ* (*или многихъ*) *лѣтъ*». Такъ напр., по Кедрину, Петръ, царь болгарскій, по смерти Симеона, возобновилъ миръ съ императорами Василіемъ II и Константиномъ, заключивъ союзъ съ ними. Для сравненія приведу выдержки изъ договорныхъ грамотъ Еммануила Комнена съ венеціанами 1148 г. и Исаака Ангела съ генуэзцами 1192 г.: «Necessarium ergo ambosque (грамоты отца и дѣда) ut habeant ipsis dictionibus presente imperii nostri sermonem nunc *renovare*»... (Tafel и Thomas: Font. rer. austr. XII, I, LI). «Nos, beati civitatis et regionis Genuae, unionem... *renovaremus* ... nihil amplius *veteris nostrae concordiae* existere innuit»... Договоръ, на который генуэзцы ссылались, заключенъ 1155 г.; въ немъ утверждаются «capitula, quae tractata sunt in *aliis* conventionibus» (Atti d. soc. Ligure vol. 28, стр. 347, 424—426). Терминъ «обновленіе» свойственъ и послѣдующимъ конвенціямъ. Договоръ 1334 г. Владиміръ-Волынскаго князя Юрія II имѣетъ цѣлью «renovare» прежнія мирныя отношенія къ тевтонскому ордену (J. Voigt.: Cod. dipl. Prus. I., № 145). Въ грамотѣ 1335 г. того же князя о мирѣ съ орденомъ прежніе договоры также обновлялись: «*innovátus*, approbamus, ratificamus»... Подобныя выраженія находятся, между прочимъ: а, въ докончаньи царя великія орды Девлетъ-Гирея съ Сигизмундомъ Августомъ 1549 г.:—«хотячи *слово* свое полнити... мы тежъ *поновляючи* то, абы было паньство ведлугъ *перщого* звычаю и

---

[1]) Смѣшавъ моментъ подписанія докончальной грамоты съ моментомъ состоявшагося договора, Вилькенъ замѣтилъ, что Левъ «wenige Monate vor dem Abschlusse des Vertrages starb». По расчету С. Соловьева, русскіе послы отправились въ Грецію 911 г., а вернулись въ 912 г. (Ист. Рос., т. I, гл. 5), но отправка пословъ имѣла мѣсто, по лѣтописи, въ 912 г. Возвратившись изъ греческаго похода 907 г., а не 906, какъ у М. Погодина въ Ист. Рос. до монгольск. ига, Олегъ на *пятое* лѣто помянулъ своего коня, да и самъ Соловьевъ говоритъ, что *черезъ четыре года* Олегъ послалъ мужей своихъ въ Царьградъ

слова заховано, дали есмо листъ нашъ, золотомъ написанный, подъ золотыми нашими печатьми, брату нашому вел. королю Жигимонту Августу» (Оболенскій и Даниловичъ: Кн. посольск. в. княж. Литов. т. I, № 40); б, въ договорѣ шведскаго короля Карла IX съ послами русскими 1609 г. о подтвержденіи мира 1595 г.:—«тому мирному постановленію.., никогда и въ вѣки на вѣки не превратити и не разрывати, но всегда межъ обоихъ государей и ихъ дѣтей и наслѣдниковъ... и ихъ подданнымъ симъ *обновити* и укрѣпити, и утвердити... безо всякія хитрости нерушимо твердо держати» (А. Ист. III, № 159). Предшествовавшіе мирные договоры пересматривались вступавшими въ новый договоръ и, въ случаѣ надобности, исправлялись, измѣнялись или дополнялись сообразно текущимъ потребностямъ и обстоятельствамъ. Обновленіе мира подъ вліяніемъ хода событій не всегда допускало полное и буквальное возстановленіе прежняго мирнаго договора, имѣя задачей, по терминологіи латинскихъ грамотъ, принятой и Орѣховскимъ договоромъ, «pacis reformatio»,—ob reformandam pacem et conventionem» (Taf. и Thom.: Font. rer. Austr., t. XII, № 15, pactum Justinop. 977 г.). Большею частью прежніе мирные договоры грековъ съ другими державами подтверждались безъ измѣненія. Такъ въ 1187 г. венеціане получили отъ греческаго императора Исаака Ангела хрисовулъ, подтверждавшій мирныя грамоты его предковъ. Императоръ оставилъ въ силѣ, безъ малѣйшаго измѣненія, хрисовулъ прадѣда своего Алексѣя Комнена и стрыя (patrui), Іоанна Комнена «absque ulla diminutione» (Ib. № LXX). Безъ всякихъ нерѣдко измѣненій подтверждались старыя докончанія русскихъ съ печенѣгами, половцами, нѣмцами, уграми, поляками, камскими болгарами (1184 г.), норвежцами, шведами, литовцами и иными народами, то съ повтореніемъ прежнихъ условій, то просто съ оговоркою —«попрежнему», напр., въ договорѣ норвежцевъ съ русскими 1326 г.: «sicut prius fuerat inter predecessores nostros» (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 108). Въ Новгородской области подтвержденіе мирныхъ соглашеній съ дружественнымъ сосѣднимъ народомъ было обычнымъ при поставленіи новаго князя. Въ договорѣ Новгорода съ нѣмцами конца XII в. сказано: «А кого Богъ поставить князя, а съ тѣмъ мира потвердить, любо ли земля безъ миру станеть». Въ 1408 г. кн. Василій Дмитріевичъ и Витовтъ «взяша миръ промежь собою *по давному*» (Воскр. т. VIII. 82). Иногда назначался особый *срокъ*, по истеченіи коего договоръ считался утратившимъ силу, не будучи возстановленъ цѣликомъ или съ оговорками. Примѣромъ существенныхъ измѣненій и отмѣны нѣкоторыхъ статей прежнихъ мироположеній можетъ служить договоръ Свидригайла съ нѣмецкимъ орденомъ 1402 г., заключенный *независимо* отъ прежнихъ договоровъ и оставляющій въ силѣ мирный договоръ между двоюроднымъ братомъ Свидригайлы Александромъ-Витольдомъ и орденомъ, кромѣ двухъ статей—одной измѣнен-

ной, въ томъ смыслѣ, чтобы никто безъ дозволенія гросмейстера не поселялся въ гросмейстерскихъ владѣніяхъ, и одной отмѣненной — о земляхъ псковскихъ (А. Коцебу: Свидригайло в. кн. Литов., Прилож.).

Въ предисловіи договора 912 г. послы русскіе опираются на свое полномочіе поддержать и возвѣстить («на удержаніе и извѣщеніе») отъ многихъ лѣтъ межи крестьяны и русью *бывшую любовь*». Далѣе читаемъ въ рѣчи русскихъ пословъ: «Наша свѣтлость (т. е. наши князья Олегъ и прочіе, ему подручные) болѣ *иныхъ* хотящи еже о Бозѣ (ради Бога) удержати и извѣстити такую *любовь*[1]), *бывшую* межи хрестьяны и русью... *бывшій* миръ сотворихомъ». Въ выраженіи «болѣ инѣхъ» вижу намекъ на русскихъ *предшественниковъ* Олега, заключавшихъ мирные договоры съ греками, ибо подобное выраженіе помѣщено въ договорахъ XIV в. западнорусскаго князя Юрія II съ тевтонскимъ орденомъ. Разница та, что въ послѣднихъ предшественниками Юрія II являются предки его по восходящей линіи родства («progenitores, въ грам. 1334 г. «predecessores»), о родствѣ же столь близкомъ Олега съ его предшественниками, вступавшими въ миролюбивыя сношенія съ греками, не можетъ быть рѣчи. Въ грамотѣ 1327 г. князь Юрій II, подражая своимъ предкамъ («progenitorum»), поименованнымъ въ другихъ его грамотахъ (Романъ, Даніилъ[2]), Левъ, Юрій I и Андрей), изъявляетъ намѣреніе не умалить, но болѣе укрѣпить и упрочить миръ и любовь съ орденомъ: «potius volentes abundantius adaugere... non

---

[1]) Ср.: «да умиримся, да *любимъ* другъ друга».—Царскіе послы сказали посламъ Игоря: «Царь хощетъ миръ имѣти съ княземъ рускимъ и *любве*».—«Не преступати отъ уставленныхъ главъ мира и *любви*». Въ догов. 945 г.: «заповѣдано утвердити *любовь* межи греки и русью».—«Послаша ны створити *любовь*».—«Увѣдять ины страны каку *любовь* имѣютъ грьци съ русью». Цимисхій послалъ объявить Святославу: «хочу имѣти съ тобою миръ и *любовь*». Въ грам. Святослава 971 г.: хочю имѣти миръ и свершену *любовь*»... Между Владиміромъ св. и окольными князьями «бѣ миръ и *любовь*» (лѣтоп. подъ 996 г.). Въ 992 г. «пріидоша послы отъ Андриха Чешскаго съ *любовію* къ Владиміру» (Никон..).—«Сойтись въ *любовь*» (Новг. I. 38, 77). «Цѣловаша на всей *любви* крестъ» (Ипат. 227). Въ 1213 г. Мстиславъ Мстислав. говорилъ Даніилу: «сыну, за первую *любовь* не могу па нь (Лешка) востати» (Ib. 489). «Король Андрей не забы *любви* своея первыя, иже имѣше къ Романовой» (Ib. 486). Многіе договоры русскихъ князей начинаются словами: «А межи собою будучи *въ любви*» (XIV—XVI в.), и въ нихъ постоянно дѣлаются ссылки на любовь. Въ посланіи Вас. Вас. къ греч. импер. 1438 г.: *любовь* имѣти съ святымъ ти царствомъ» (Соф. II, т. VI, 167) и т. д. Въ литовскорусск. грамотахъ миръ обыкновенно называется *любовь*.—Посольство правилось *о любви*, о дружбѣ и *любви*—о миру, *о любви* и о вѣчномъ доканчаніи (Воскр. т. VIII, 23с, 241, 249).

[2]) О сношеніяхъ Даніила Романов. съ нѣмецкимъ орденомъ въ половинѣ XIII в. есть свѣдѣнія въ Ипат. лѣтоп. (стр. 342).

minuentes, sed pocius augentes... ut... pacisque et concordie tranquillitas possit eo ferventius augmentari». Въ упомянутой выше грамотѣ 1334 г. тотъ же князь обновляетъ и подтверждаетъ миръ, заключенный съ орденомъ предшественниками его, русскими князьями и имъ самимъ, согласно съ тѣмъ, какъ значится въ ихъ и его собственныхъ грамотахъ, ради *вящшей* крѣпости—«maiori firmitatis». Въ южнославянскихъ договорахъ проглядываетъ неменьшее усердіе правителей превзойти державныхъ своихъ предшественниковъ въ миролюбіи. Напр., договорная грамота Боснійскаго бана Тверка съ Дубровникомъ 1387 г. гласитъ: «Господинъ Стефанъ краль *вичше и боле всѣхъ своихъ прѣжнихъ* есть *любьлъ* града Дубровника» (F. Miklosich: Monum. Serb. 210).—Если въ 912 г. возобновлялся миръ очень давній, то, кромѣ договора 907 г., почти не повтореннаго, въ подробностяхъ, договоромъ 912 г., но давшаго обильный матеріалъ договору 945 г., который въ свою очередь вспоминаетъ «ветъхий миръ... отъ многъ (или многихъ) лѣтъ», то, несомнѣнно, существовали между греками и русью еще болѣе отдаленныя по времени, чѣмъ договоръ 907 г., докончанія. Нападеніе руссовъ на Византію подъ предводительствомъ Аскольда и Дира, по однимъ въ 860 или 861 г., по другимъ въ 864 или 865 г.[1]), изображаемое плодомъ нарушенія мирнаго договора, ранѣе процвѣтавшаго между греками и русью и открывавшаго русскимъ гостямъ свободный доступъ въ Византію, съ платежемъ десятины (Ибнъ-Хордадбе), имѣли, по словамъ патріарха Фотія, цѣлью отмщеніе руссами за порабощеніе и убійство служившихъ въ Византіи своихъ соплеменниковъ и неудовлетвореніе греками требованія руссовъ подвергнуть виновныхъ подобающей карѣ. Греческіе лѣтописцы сообщаютъ о склоненіи затѣмъ руссовъ къ миру императоромъ посредствомъ щедрыхъ подарковъ. Въ окружномъ посланіи епископамъ Фотій оговаривается, что по принятіи христіанства руссы стали обращаться съ греками почтительно и *дружески*. Предшедшій «ветхій» договоръ можно, кажется, пріурочить именно къ тому моменту, первичный же договоръ позволительно отодвинуть къ тридцатымъ годамъ IX в., нѣсколько предшествовавшимъ описанному Ахметомъ-эль-Катабомъ и др. вторженію норманновъ—*россовъ*[2]) въ Севилью и Португалію 844 г.). Въ 839 г., по свидѣтельству епископа Пруденція, приходили къ греческому императору Феофилу нѣкія лица, выдававшія себя за *росскихъ послов* своего ка-

[1]) Никита Пафлагонскій, Симеонъ Логоѳетъ, письмо папы Николая къ императору Михаилу, бесѣды патріарха Фотія, Слово Георгія Хартофилакса, Венеціанская хроника Іоанна Діакона и пр.

[2]) См. между проч. W. Gutzeit'a: Erläuter. z. ält. Gesch. Russl. Отд. 5 «Achmed-al Kateb Rus v. 844».

гана [1]), отправленныхъ ради дружбы—«amicitiae causa». Императоръ старался обезпечить имъ безопасное возвращеніе дальнимъ путемъ, въ обходъ варваровъ, чрезъ владѣнія франкскаго короля и отправилъ ихъ къ нему съ своимъ посольствомъ. Людовикъ Благочестивый, дознавъ, по изслѣдованіи *причины ихъ прибытія*, что они—gentis esse sveonum *exploratores*»... и т. д. (Monum. Germ. Hist. I, 434). Сжатый разсказъ Пруденція толкуютъ различно. Повидимому, лица, направленныя къ Людовику въ Ингельгеймъ греческимъ императоромъ и выдававшія себя *предъ послѣднимъ представителями русскаго народа* - qui se, id est *gentem* suam, Rhos vocari dicebant», были сами національности *норманнской*. Къ императору Феофилу уполномоченные варяжскаго происхожденія прибыли, объясняя, что они «отъ *рода* русскаго», какъ и уполномоченные варяжскаго происхожденія въ дипломатическихъ актахъ при Олегѣ и Игорѣ. Людовикъ, интересовавшійся не столько національностью пословъ, сколько *поводомъ* ихъ прибытія—«quorum *adventus causam*... diligentius investigans», убѣдился, что они суть развѣдчики изъ народа свеонскаго скорѣе, нежели искатели дружбы, такіе же, прибавлю отъ себя, какими были *норманны*, явившіеся въ 782 г. въ Нарбонскую Галлію (см. 1 главу). Незадолго до описаннаго Бертинскою лѣтописью событія 839 г., въ 826 г. Геріольдъ II съ братомъ пріѣзжалъ въ Ингельгеймъ для торжественнаго принятія св. крещенія, послѣ чего щедро былъ одаренъ Карломъ, получивъ отъ него округъ Рустрингенъ (Hriustri) во Фризіи, чрезъ которую лежалъ имъ путь (Einhard). Подъ свеоновъ западные анналисты подводятъ многія полуночныя племена. По словамъ Эингарда, «Dani siquidem et Sveones, которыхъ зовемъ норманнами, занимаютъ сѣверный берегъ (Ютландіи) и всѣ его острова». Адамъ Бременскій (XI в.) упоминаетъ о пути изъ Свеоніи въ Грецію. Этотъ путь принято сопоставлять съ путемъ «изъ варягъ въ грекы», перехваченнымъ на югѣ Россіи, въ половинѣ XII в., половцами. Уже Ф. Кругъ, согласно съ Ф. Краузе, разобравшимъ древнѣйшія папскія буллы 846, 913 и др., гдѣ упоминается о народахъ «*Sveonum* (sujonorum) *sive Danorum nec non Slavorum*», справедливо замѣтилъ, что варягоруссовъ нельзя огуломъ выводить изъ Швеціи; Бертинскою лѣтописью разумѣется одна изъ странъ, которую занимали свеовы, а не исключительно Швеція—Suecia (Forsch. in der ält. Gesch. Russl. ч. I). Несмотря на признаки очень давняго пребыванія руссовъ въ Швеціи (Rosslagen), несмотря на то, что свеи и впослѣдствіи,

---

[1]) Русскіе, по Ибнъ-Дасту, имѣли князя—кагана. Въ письмѣ Людовика къ греч императору Василію 871 г. говорится, что греки примѣняютъ титулъ *chaganus* къ царямъ аваровъ, хозаръ и *норманновъ* (Monum. Germ. III. 523). Титулъ «каганъ», связанный Иларіономъ съ княженіемъ Владиміра св., жилъ въ устахъ русскаго народа еще во второй половинѣ XI в., при Всеволодѣ Ярославичѣ (Слово о п. Игоревѣ).

особенно съ XII в., простирали свои притязанія на сѣверную Русь, нельзя принимать ихъ за варягоруссовъ. Повѣсть объ Александрѣ Невскомъ, какъ и лѣтописная космографія, дѣлитъ чужестранную силу варяжскую—скандинавскую (у грековъ Варангія) на *свеевз* и *мурманз* или нурманъ, позднѣе означавшихъ собственно норвежцевъ [1]), оставившихъ по себѣ память въ Мурманскомъ берегѣ, Мурманскомъ морѣ и т. под. Скандинавскія саги и руны заключаютъ въ себѣ кое-какіе намеки на весьма отдаленную связь Россіи съ свеонами скандинавскими, со временъ потомка *Трояна* или Тора Одина, основавшаго будто бы, по завоеваніи Гардарики, Датское и Шведское государства, согласуясь съ загадочными воспоминаніями въ Житіи Кирилла о *фульскомъ языкѣ* (вѣроятно, готскомъ) близъ Таврики, подъ которымъ разумѣютъ народъ крайняго сѣвера, преимущественно Скандинавіи (Thule, Tili). Однако, въ ходѣ событій даже такіе крупные факты, какъ бракъ Ярослава I съ дочерью шведскаго короля Олафа Ингигердой—Ириной, не даютъ, по крайней мѣрѣ въ вопросѣ о норманнизмѣ руси, перевѣса научнымъ выводамъ, какіе сдѣланы были о связи владычества варяговъ въ Новгородской землѣ и сосѣднихъ съ нею земляхъ съ приключеніями отважнаго Галоданова сына *Рорика* (хотя, по справедливому замѣчанію М. Погодина, едва ли нашего Рюрика), соединившаго, по франкскимъ лѣтописямъ, въ своихъ рукахъ всю Фризію, а по свидѣтельству саги Sögubrat, повоевавшему всю Швецію, Ютландію (Jotiam) и часть Англіи и оставившему двухъ сыновей *Рюрика* и *Тройда* (Ant. Russes I), съ наплывомъ въ Кіевъ проворныхъ *дановъ*, составлявшихъ, по Дитмару, большинство его (свободнаго) населенія, и многими другими. Матеріалъ, кроющійся въ географической номенклатурѣ, можетъ, до нѣкоторой степени, служить путеводителемъ къ отысканію слѣдовъ пребыванія пришлыхъ заморскихъ *норманновъ* среди туземнаго чудскославянскаго населенія—колбяговъ Русской Правды (см. главу IV). Таковъ, между прочимъ, *Гараль-*

---

[1]) Nörig или Noriki въ документахъ X в., Norici въ договорѣ 3 іюня 1326 г. норвежцевъ съ русскими (лѣтописные *норци*) издревле жили также на истокахъ Дуная, Дравы и Савы и дали названіе Паннонской *Норикъ* (ср. Werenher: De admir. Hung. aquis, у Швандтнера, Script. rer. Hung.). Старѣйшее норвежское поселеніе въ Лапландіи, на Мурманскомъ берегу, есть *Варлавз*. Державецъ варгавскій посылалъ за данью въ Біармію—Bermeland. Въ извѣщеніи датскимъ посламъ 1598 г. границей между Россіей и Норвегіей полагалась р. Ивгей. Варгавъ подлежалъ срытію, какъ поставленный на царской землѣ: «За Варгавомъ царевой вотчины 1000 верстъ». И по грамотѣ Мих. Федор. Варгавъ—на русской территоріи (Щербачевъ: Датскій арх. № 533 и 696). По норвежскимъ актамъ XIV в., крайняя граница Норвегіи на Востокѣ — Triaterna (три острова, Орловъ мысъ, на берегу Бѣлаго моря, до Велеага, гдѣ жили semi-корелы и semi-финны (Ant. russes, т. II, 494).

дова вымолъ въ пріобщенномъ къ Ярославовому сборнику законовъ Уставѣ о мостовыхъ, прописанный наряду съ поселеніями сосѣднихъ *изгоевъ* (выходцевъ), напоминающій и брата пресловутаго датскаго героя Рорика—Ютландскаго князя Геріольда II, крестившагося въ 826 г. въ Ингельгеймѣ и умершаго около 847 г., и прославленнаго мужа дочери Ярослава I Елисаветы, героя Гаральда (Heimskringla). При Карлѣ Великомъ, большая часть Ютландіи, примыкавшей къ древней Англіи (Angeln), населенной «агнянами»—англянами, носила названіе Rosen-gau, жители которой въ 803 г. за враждебныя въ союзѣ съ норманнами дѣйствія, были разселены имъ по окрестнымъ странамъ, съ передачей ихъ земель оботритамъ (Pertz, II. 258).

Извѣстіе Пруденція сходится съ ядромъ распространеннаго Никоновскимъ сводомъ полянскаго преданія («якоже сказаютъ») объ экспедиціи Кія къ Царьграду, съ войсками, сопровождавшейся заложеніемъ Кіевца на Дунаѣ (кажется, «Kewe» Туроча), о возвращеніи его оттуда съ великою честью и о *мирномъ* съ греками житіи. Этимъ объяснить можно, во 1-хъ, нахожденіе тавроскифовъ (руссовъ) на службѣ въ войскѣ греческаго императора около 854 г. (писатель X вѣка Генесій), во 2-хъ, безпрепятственное построеніе хозарамъ, по ихъ просьбѣ, около 833—837 г., крѣпости Саркела (Бѣловѣжа) на Дону, важнаго стратегическаго и торговаго пункта, по распоряженію императора Феофила, зятемъ его Петроною Каматиромъ (Const. porph. De adm, imp. гл. 42), когда черноморскіе и азовскіе руссы, жившіе около сѣвернаго Тавра (Кедринъ), еще зависѣли отъ власти хозарскаго кагана, которой подпали приблизительно съ половины VII и въ началѣ VIII в., съ занятіемъ хозарами Херсонеса Таврическаго, большей части Крымскаго полуострова и Фанагоріи [1]). Въ томъ же Никоновскомъ сводѣ помѣщено, подъ 876 г., положительное свидѣтельство, заимствованное изъ греческихъ манускриптовъ, что Василій Македонянинъ, вступившій на царство въ 867 г.,—«сътвори мирное устроеніе съ русы» (Собр. лѣтоп. т. IX, 13), совпадая съ извѣстіями греческихъ авторовъ, подробно пере-

[1]) Въ Житіи Кирилла говорится, что каганъ хозарскій при Михаилѣ III изъявилъ готовность *служить* царю греческому, возвративъ ему греческихъ плѣнниковъ (Чет. Мин Дм. Рост.). Сообщеніе гармонируетъ съ фактами, изложенными въ письмахъ патріарха Николая Мистика объ учрежденіи епископства въ Хозаріи (Migne: Patrologia Graeca, ч. III) Хозары, повидимому, долго продолжали пользоваться покровительствомъ греческихъ царей, являясь въ тоже время сторонниками то тѣхъ, то иныхъ русскихъ князей, и играя важную роль въ судьбахъ Тмутороканскаго княжества (ср. главу догов. X в. о Корсунской странѣ). Пріязнь грековъ къ хозарамъ упрочилась въ VIII в. брачными узами. Кагану хозарскому греки присвоивали титулъ «благороднѣйшаго и славнѣйшаго» (Конст. Порф.).

численныхъ Вилкеномъ [1]), съ повѣствованіемъ о нападеніи *росскаго* игемона и свирѣпыхъ его сподвижниковъ въ 865 г. на Пропонтиду и разграбленіи Амастриды (Житіе Георгія Амастридск.), Венеціанской хроникой Іоанна Діакона о нападеніи на Византію руссовъ, называемыхъ норманнами, на 360 судахъ, осадѣ Царьграда, опустошеніи окрестностей и возвращеніи ихъ домой cum triumpho» (Monum Germ. hist. VII, 18) или «cum glorio» (Muratori: Rer Ital. scr. XII, 181), что не противорѣчитъ и нашей лѣтописи о походѣ Аскольда и Дира, хотя потерпѣвшихъ неудачу, не столько отъ грековъ, сколько отъ бури, но навѣдшихъ на нихъ паническій трепетъ, наконецъ съ извѣстіемъ персидскихъ источниковъ о походѣ руссовъ на Табаристанъ около 870 г. (Мельгуновъ, Дорнъ и др.). Продолжатель хроники Феофана и Кедринъ свидѣтельствуютъ, что вскорѣ по удаленіи руссовъ изъ-подъ Царьграда явились туда ихъ послы съ просьбою о заключеніи мира. О договорѣ царя Василія съ руссами вспоминаетъ Копыстенскій, по Іоанну Зонарѣ:—«Царь Василій (Македонянинъ) съ народомъ роскимъ *примире учинивши*, справилъ, абы онъ въ признане вѣры христіанской пришолъ и гды ся крестити обѣцовался, архіерея имъ послалъ Михаила митрополита». (Полиподія, ч. 3, разд. 1, Русск. Ист. Библ. т. IV, кн. 1). Къ переговорамъ о мирѣ руссы были привлечены золотомъ, серебромъ и шелковыми одеждами. По заключеніи мира Василій склонилъ ихъ принять крещеніе и патріархъ послалъ имъ архіепископа (Жизнеоп. Василія) по имени Анастасія (Banduri. Imp. orient. II). Существованіе дипломатическихъ сношеній русскихъ съ греками во второй половинѣ IX в. подтверждается предполагаемой мною связью съ договорными статьями о Корсунской странѣ, съ нападеніемъ руссовъ на греческія владѣнія въ Корсунской странѣ (Житіе Стефана Сурожскаго), случившимся въ началѣ того вѣка (Макарій, Соловьевъ, Голубинскій, Васильевскій и др.), причемъ было взято русскимъ княземъ въ плѣнъ на протяженіи отъ Корсуня до Керчи множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей, впослѣдствіи отпущенныхъ на свободу, окружнымъ посланіемъ Фотія къ епископамъ въ 867 г., которое удостовѣряетъ, что русь, принявъ епископа, примкнула *съ любовью* къ кругу преданныхъ грекамъ друзей, рѣчью 882 г. пословъ Олега Аскольду и Диру въ Кіевѣ: «яко гости есмы («гость есть» въ Лавр.), идемъ въ греки отъ Олга и отъ Игоря княжича», освѣщающею оживленіе торговыхъ сношеній русскихъ съ греками, согласно съ показаніемъ Ибнъ-Хордадбе о привозѣ русскими купцами изъ дальнѣйшихъ концовъ Славоніи къ Румскому морю, при кесарѣ Василіѣ (Македонянинѣ), около 870 г., мѣховъ и мечей и о платежѣ десятины—«decimarum solutis» въ договорѣ грековъ съ персами,

[1]) Über die Verhältnisse der Russen zum Byzantinischen Reiche. IX—XII Jahrhundert, въ Зап. Берлинск. Акад. Наукъ, т. XIII, 1829 г.

(A. Гаркави, 47) и участіемъ русскихъ (700 человѣкъ) въ критскомъ походѣ грековъ 902 г. Персидскій писатель Мухаммедъ аль-Ауфи говоритъ, что *по принятіи христіанства*,—островитяне руссы, вложили мечи въ ножны, относя, впрочемъ, послѣдній фактъ къ 300 году гиджры, т. е. 912 г. (Зап. Вост. отд. П. Арх. Общ., т. IX, сообщ. Бартольда). Въ приведенномъ выше извѣстіи Бертинской лѣтописи довольно важны, на мой взглядъ, заботы императора Феофила о *безопасномъ* возвращеніи прибывшихъ, съ дружественною цѣлью, пословъ русскихъ восвояси, вѣроятно на основаніи состоявшагося незадолго передъ тѣмъ договора его съ русью; ибо въ договорѣ 945 г. условлено объ отходящей изъ Греціи руси: «да возвращаются *съ спасеніемъ* въ страну свою (въ нѣкотор. списк. и въ догов. 912 г. «поздорову»), причемъ обыкновенно выдавалась охранная грамота [1]), «опасъ» —salvamentum, salvagardia, sauf conduit, а термины дружба и любовь, какъ знаменія мира, употребляются часто безразлично. «Данила посла Лестъко во Угры и съ нимъ послалъ посолъ свой Вячеслава Лысого, рекы королеви: «язъ не помянухъ свады Романовы, тобѣ бо *друга* бѣ, клялася бо бѣста, яко оставшю въ животѣ, племени его *любовь* имѣти» (Ипат. 482 подъ 1203 г.). Въ грамотѣ Матіаса Корвина къ Іоанну III Васпльевичу сказано: «о *любви* жъ, вѣрѣ и *дружеству* твоему радуемся»... (Соб. Гос Гр. и Дог., ч. V, № 9). Въ договорномъ актѣ 1489 г. между султаномъ Баязетомъ и Казиміромъ «... ad confirmandam *amicitiam* et pacem... orator (посолъ) fecit verba... ac confirmavit *amicitiam*... litterae scriptae sunt in fidem et certitudinem (Hurmuzaki Docum. pr. la istoria Românilor, vol. II, № 280). Посольство правилось *о дружбѣ* и любви (Воскр. лѣтоп., т. VIII, 241 и др.).

Походъ Олега на грековъ ничѣмъ инымъ нельзя объяснить какъ нарушеніемъ ими прежняго договора съ русскими. Почетному для Руси миру 907 г. Олегъ былъ обязанъ не только своей доблести, или же вѣщему своему дару, но и невыгодному для Византіи стеченію событій, постепенно омрачавшемуся съ VI вѣка, несмотря на свѣтлые промежутки, приписываемые историками упругости ея военной организаціи, искусству и находчивости многихъ ея талантливыхъ правителей и полководцевъ. Въ первой половинѣ VI вѣка гуннскія племена, захватившія, между прочимъ, часть земель между Херсонесомъ и Босфоромъ (Прокопій), въ нѣсколько

[1]) Подобная опасная грамота дана была, напримѣръ, въ 1521 г. в. кн. Василіемъ Іоанновичемъ царевичу Сайдатъ-Гирею, дабы онъ «пріѣхалъ и отъѣхалъ *«безъ опасу»*. «А сія тебѣ наша грамота и *опасная*» (С. Г. Гр. и Дог. ч. V, № 94). Объ опасной грам. см. также Русск. Ист. Библ. т. 15, въ актѣ № 24 за 1523 г. Иногда опасная грамота называлась *подорожною*.—Великій князь спрашивалъ пословъ: «сами есте *по здорову* ли дорогою ѣхали? Они отвѣчали: «*здорово* есмы ѣхали». (Сб. Русск. Ист. Общ. т. 59, № 9—11).

пріемовъ опустошили азіятскія владѣнія Византіи—Анатолію, Каппадокію и союзныя области. Не успѣло пасть могущество родственныхъ гуннамъ, бросавшихся на Византію съ княземъ своимъ Заберганомъ въ 559 г., взимавшихъ огромную дань съ грековъ кутургуровъ (болгарская вѣтвь), по мирному договору пріобрѣвшихъ часть Фракіи, съ правомъ пользоваться *банями* (Прокопій), какъ затѣмъ принялись тревожить Византію засѣвшіе въ Паннониі и получавшіе отъ грековъ большую ежегодную дань кочевые авары. Съ послѣдними Византія вела войны, дорого ей стоившія, особенно въ 514 г., когда варвары осадили Царьградъ подъ предводительствомъ Виталіана, и въ 626 г., при императорѣ Ираклія, когда авары, по наущенію персидскаго царя Хозроя, купно съ славянами, со времени Юстиніана I участвовавшими въ раззореніи греческихъ владѣній, сожгли предмѣстья Царьграда. Въ соединенномъ вражескомъ войскѣ находились и тавроскифы—руссы (Никифоръ, Феофанъ, Манассія и др.) [1]. Едвали не наиболѣе чувствительный ударъ нанесенъ былъ грекамъ славянами въ 578 г. при вторженіи ихъ во Фракію и сосѣднія области, въ количествѣ около 100.000 человѣкъ. Византія напрягала всѣ свои усилія къ отвращенію бѣдъ, грозившихъ ей отъ многихъ народовъ, преимущественно же отъ западныхъ болгаръ и арабовъ, отнявшихъ у нея въ VII в. Сирію и Египетъ, а въ половинѣ VIII в.—значительную часть Италіи, и осаждавшихъ Царьградъ въ 717 г. (при императорѣ Львѣ Исаврianинѣ [2]), а также лонгобардовъ, угровъ и хозаръ, которые, пользуясь турецкими завоеваніями, распространили свое владычество на берега Чернаго моря. Съ наступленіемъ эпохи иконоборства при Львѣ III въ началѣ VIII в., съ развитіемъ внутреннихъ междоусобій и придворныхъ интригъ [3]), положеніе Византіи все болѣе и болѣе ухудшалось. Источники упоминаютъ о заключеніи греками нѣсколькихъ договоровъ съ аварами, окончательно доведенными Карломъ Великимъ до такого ничтожества, что, по словамъ нашего лѣтописца, отъ нихъ не сохранилось «ни племени, ни наслѣдка». Въ силу договоровъ, греки оставляли за собою свободу вторженія въ земли склавиновъ, чѣмъ и пользовались греческіе цари, особенно Юстиніанъ II по отношенію къ славянамъ македонскимъ, и Константинъ Копронимъ. Славяне, однако же, оказывали такое стойкое сопротивленіе византійскому господству, что тому же

---

[1]) «Князья неистовыхъ тавроскифовъ», за которыми, по Прокопію, лежали Херсонъ и Босфоръ, «покрыли все море ладьями». Ср.: «покрыли суть море корабли». О покрытіи моря кораблями говорится, при описаніи морского похода, въ сагѣ Sögubrot.

[2]) Осада была неудачна благодаря изобрѣтенному инженеромъ Каллиникомъ греческому огню.

[3]) Онѣ служили причиной лишенія царственныхъ особъ или носа, или глазъ, или цѣлой головы.

Копрониму, въ 769 г., пришлось выкупать плѣнныхъ грековъ за 25.000 штукъ шелковыхъ матерій (Никифоръ). Для огражденія терявшей одну за другой свои обширныя и богатыя провинціи имперіи со стороны сарацынъ арабовъ и персовъ, греки, подчинившіе себѣ издавна нѣкоторые народы Кавказа, вступали, по договорамъ, въ оборонительные и наступательные союзы, напр., съ грузинскими царями (De adm. imp. гл. 45 [1]). По заключеніи греками мира съ аварами въ 677 г., на смѣну аварамъ являются болгаре, переселившіеся съ береговъ Волги и занявшіе при Константинѣ Погонатѣ, въ 678—679 г., заселенныя славянами земли греческія между Чернымъ моремъ и Дунаемъ и горами Родопскими и Емскими — Балканскими, покоривъ семь славянскихъ племенъ, жившихъ въ Мизіи. По почину отважнаго своего вождя Аспаруха болгаре вовлекли Византію въ чрезвычайно упорную съ ними борьбу, длившуюся, съ перемѣннымъ счастьемъ, почти безпрерывно, нѣсколько столѣтій. Преемники Аспаруха заключили съ греками цѣлый рядъ мирныхъ договоровъ: въ 678 г. [2]), подтвержд. 686 г., въ 715 при Кормезіѣ, далѣе въ 764, 774 или 775 при князѣ Тервеліѣ (Тедерикъ, Пеллеригъ), въ 812 г., послѣ пораженія Никифора близъ Никополя при Крумѣ, затѣмъ въ 816—817 г. (Муртаго съ Львомъ Арменіномъ), въ 850, 858—860 г., послѣ пораженія и крещенія болгаръ царемъ Михаиломъ въ 864 г., подтв. въ 870 г., послѣдующіе при царѣ Симеонѣ († 927 г.), въ 889, 893, 913—915 гг., послѣ пораженія грековъ при Анхіалѣ 917 г. и взятія фракійскаго города Визы [3]), въ 924 или 925 г. Между тѣмъ возраставшая сила франковъ въ свою очередь значительно повліяла на ослабленіе Византійской имперіи. Потерявъ въ 810—812 г. почти на полстолѣтіе, по Ахенскому миру съ Карломъ Великимъ, Хорватію, едва удержавъ за собою Далматію, вынужденная навсегда отказаться отъ притязаній на Римъ и среднюю Италію, она отвсюду была окружена тѣснившими ее врагами и тяжко страдала отъ внутреннихъ неурядицъ и раздоровъ, сопровождавшихся частыми дворцовыми переворотами, отъ праздности и нерадѣнія византійскихъ императоровъ, какъ говорится въ гл. 29 De adm. imp. Примѣняя къ положенію Византіи слова русской лѣтописи, она «тмочисленными бѣдами и различными напастми много лѣта пострада» (Собр. лѣт. т. VIII, 128). Жестокій ударъ нанесъ ей завоева-

---

[1]) Воздерживаюсь отъ изложенія подробностей, которыя талантливо сгруппированы въ Истор. Византіи Г. Герцберга и его многочисленныхъ предшественниковъ.

[2]) «Мудрыя условія» договора (Конст. Порф. въ 22 гл, De adm. imp.) нарушены Юстиніаномъ II Ринотметомъ.

[3]) Изв. Арх. Инст. въ Константинопол. т. IV, 3: Житіе Маріи Новой. Въ нашей лѣтописи подъ 914 г. сказано:... «Прiиде Симеонъ болгарьскый на Царьградъ и сотворивъ миръ и прiиде восвояси».

тель Срѣдеца (Софіи), побѣдитель Никифора болгарскій царь Крумъ, пользовавшійся услугами славянъ, предложившій, послѣ побѣды надъ Михаиломъ I Рангави 22 іюня 813 г., императору Льву Армянину дополнить мирныя условія разрѣшеніемъ ему, Круму, водрузить копье въ золотыя ворота Царьграда. Тогда вокругъ царственнаго города, защищеннаго глубокимъ рвомъ и высокимъ частоколомъ, сооружена была другая стѣна. Злополучія грековъ — взятіе осаждавшимъ двукратно Царьградъ (913 и 924 г.), отъ Влахерны до золотыхъ воротъ[1]), царемъ болгарскимъ Симеономъ Адріанополя и плѣненія 50000 грековъ,—приписываются нашею лѣтописью *сварамъ* среди греческихъ воеводъ и междоусобной ихъ рати (915 г.). По взятіи болгарами Адріанополя, когда Симеонъ подступилъ къ царьградскимъ стѣнамъ, произошло свиданіе Симеона съ Романомъ Лакапинымъ (на внукѣ коего Маріи женился въ 927 г. сынъ Симеона Петръ). Договорныя сношенія продолжались 931, 963 г., вплоть до разгрома Болгаріи Цимисхіемъ и присоединенія ея къ Восточной имперіи, ознаменовавшагося внесеніемъ болгарскаго вѣнца въ церковь св. Софіи. Сопровождаясь обмѣномъ плѣнныхъ, всѣ эти договоры имѣли преимущественно *торговый* характеръ и въ большей или меньшей степени подтверждали договоръ 715 г., на который ссылался Крумъ (Феофанъ, Анастасій).—Еще въ царствованіе Феофила (826—842 г.) угры воевали съ греками, но были побѣждены (Georgius Monachus). Въ 839 году, вѣроятно, ими же былъ занятъ путь, которымъ пробрались въ Византію русскіе послы, т. е. отъ нижняго Днѣпра до Дуная. Около 856 г. они тревожили Корсунскую область, гдѣ едва не убили философа Константина (Паннонск. Житіе). Въ 862 г. они нападали на франкскія владѣнія Людовика Благочестиваго (Бертинск. хр.). Подъ 898 г. наша лѣтопись отмѣтила выдающійся эпизодъ враждебныхъ предпріятій угровъ противъ Греціи: «Начаша воевати угри на греки и поплѣниша земли Фрачьску и Макидоньску даже и до Селуня». Угры, дѣйствовавшіе еще 902 г. заодно съ греками противъ Симеона болгарскаго, нанеся ему такое пораженіе «яко едва Симеонъ въ Деръстеръ убѣжа», подготовили захватъ Солуня въ 904 г. арабами-сарацинами (I. Коменіата) и вообще содѣйствовали успѣху послѣднихъ въ 1-й половинѣ X вѣка. Съ наступленіемъ X вѣка, т. е. вскорѣ по занятіи въ Паннонiи прежнихъ жилищъ аварскихъ, сила угровъ возросла настолько (см. Annal. Fuld.), что въ 907 г. они одолѣли соединенныя войска Моймира моравскаго и Людовика нѣмецкаго, и, между 910—930 гг., при Джилѣ, уже господствовали надъ славянами на западномъ берегу Чернаго моря (Ибнъ-Даста). Радзивиловская, Тверская и нѣкоторыя другія лѣтописи отно-

[1]) «Приде Семеонъ на Царьградъ и поплѣни Фракию и Македонью и приде къ Царьграду въ силѣ велицѣ, въ гордости, и створи миръ съ Романомъ царемъ и возвратися въ свояси» (Лѣтоп. 929 г.).

сятъ къ 934 г. первое нападеніе угровъ на Царьградъ, послѣ опустошенія ими восточной Франціи и заключенія ими мира съ царемъ Романомъ въ подтвержденіе стараго мира 910 г., согласно съ показаніемъ греческихъ авторовъ о войнѣ турковъ (угровъ) съ греками около 933 г. (за годъ до пораженія ихъ императоромъ Генрихомъ), сопровождавшееся взятіемъ крѣпости Белендера, по неправильному предположенію нѣкоторыхъ,—въ Херсонской странѣ [1]), гдѣ около того же времени, судя по договорной грамотѣ 945 г., учиняли пакости ихъ родичи болгаре черные. Тогда же возставшіе князья беневентскіе, капуанскіе и салернскіе вынудили Романа Лакапина обратиться къ королю франкскому Гугону за помощью для отнятія захваченныхъ упомянутыми князьями лонгобардскихъ крѣпостей. Въ 943 г. «паки придоша угри на Царьградъ, миръ створивше съ Романомъ (на 5 лѣтъ) возвратишася въ свояси». И по греческимъ источникамъ, угры около того же времени тревожили Фракію, а въ 948 г. ихъ вожди Джила и Волосурій приняли крещеніе въ Царьградѣ, примирившись съ греками. Въ 954, 957, 961, 962 годахъ угры, несмотря на пораженіе, нанесенное имъ Оттономъ I при Аугсбургѣ въ 955 г., продолжали вторгаться въ Грецію. Печенѣги, придвинувшись къ Дунаю по дорогѣ, протореннной роксоланами [2]) во II вѣкѣ (Спартіанъ, Капитолинъ), частыми набѣгами, въ качествѣ наемщиковъ, крайне озабочивали греческихъ императоровъ, особенно въ X в., какъ разсказываетъ Константинъ Порф., вынуждая послѣднихъ покупать союзъ съ ними дорогою цѣною. Къ нимъ-то, предъ походомъ Игоря 944 г., греки посылали богатые дары для отклоненія ихъ отъ сближенія съ русскими. Однако, союзники эти оказывались весьма ненадежными, хотя и клялись въ вѣрности «по своему закону» (De adm. imp. гл. 8). Первое вторженіе печенѣговъ въ предѣлы Руси означено нашею лѣтописью подъ 915 г. Игорь заключилъ съ ними миръ, соблюдавшійся не далѣе 920 г., когда «воеваше на печенѣги», но скоро возобновленный. По словамъ императора Константина,—«россы стараются жить мирно и въ союзѣ съ вѣроломными печенѣгами, опустошающими русскія земли; печенѣги владѣютъ всею территоріею *до Руси*, до Босфора, до Херсонеса и до Серета, и до Прута. Печенѣгія простиралась отъ устьевъ Дуная до Саркела. Яковъ, сынъ Моисея изъ Тамани († 958 г.) начерталъ,

---

[1]) Ср. Хвольсона: Изв. Ибнъ-Дасты. По Абульфеду (гл. VII) Belendier—хозарская столица. Слѣдуя Массуди, Іасу—авторъ арабской христоматіи помѣщаетъ этотъ городъ на сѣверѣ отъ Кавказскихъ горъ. Другой хозарскій городъ—*Саксинъ*, куда около 1225 г. направились татары, разбитые булгарами (Ибнъ-Алатиръ, въ перев. M. Defrémery, стр. 183).

[2]) Перечисляя народы, нападавшіе на римскія подунайскія владѣнія, отъ границъ Иллиріи до Галліи, Ю. Капитолинъ упоминаетъ о роксоланахъ рядомъ съ бастарнами, аланами и певкинами (печенѣгами).

на библіи, что она «кончена имъ *въ Суидаѣ, подъ владычествомъ печенѣговъ*, покорившихъ казареевъ», т. е. хозаръ (Д. Хвольсонъ: Евр. надгробн. надп. стр. 67); которые тамъ жили и отъ которыхъ Кириллъ философъ во время пребыванія въ Херсонесѣ научился хозарскому языку (см. Кирил. легенду у Добровскаго и Шафарика). Такъ какъ печенѣги участвовали въ походѣ Игоря 944 г. и по его повелѣнію опустошали Болгарію, то интересно указаніе Константина на то, что при существованіи между императоромъ ромеевъ и печенѣгами союза россы не дерзаютъ приближаться къ Византіи ни съ военною, ни съ торговою цѣлью, и требовать за соблюденіе мира чрезмѣрныхъ вознагражденія и уступокъ (De adm. imp. гл. 2, 4, 5). Вотъ почему въ договорѣ 945 г., по настоянію грековъ, помѣщено условіе, чтобы русскіе посылали имъ вспомогательныя войска «елико хотять» и почему союзу грековъ съ русскими придается въ немъ угрожающее для третьихъ странъ значеніе: «... увѣдять ины страны каку любовь имѣютъ грьци съ русью».

Въ моемъ краткомъ очеркѣ промелькнули важнѣйшіе историческіе факты, подготовившіе почву дипломатическихъ сношеній Россіи съ Греціей въ X вѣкѣ и приведшіе къ договору Олега съ греками въ 907 г., когда еще не завершилось политическое сліяніе Кіево-Черниговской области съ Приазовскою, признавшею верховенство кіевскаго великаго князя по крайней мѣрѣ при Игорѣ, господство коего простиралось на весь Босфоръ Киммерійскій, гдѣ послѣ неудачнаго похода на грековъ онъ искалъ убѣжища (Левъ Діаконъ). Несмотря на настойчивыя и кропотливыя изысканія ученыхъ, съ Эверсомъ во главѣ, попытки развязать узелъ взаимоотношеній договоровъ X в. оказывались донынѣ (А. Димитріу: Визант. Врем. II, 534) мало успѣшными. Недостаточно ясное пониманіе договорной терминологіи и практики внушило ученымъ злополучную мысль, побуждавшую большинство ихъ низводить договоръ 907 г. лишь къ *устному* соглашенію. За немногими исключеніями, напр. Пахманъ (О судебн. доказат. 22, 23, прим. 1) и Сокольскій (Лекціи о догов. русск. съ грек., Кіевск. унив. Изв. 1870 г., 3), основательно признающіе договоръ 907 г. вполнѣ самостоятельнымъ, чего, кажется, не отвергалъ и Погодинъ, хотя древнѣйшимъ сохранившимся считалъ договоръ 912 г. (О догов. Олега, Игоря и Святослава съ греками, въ I т. Изслѣдов.), полагаютъ, что онъ санкціонированъ *письменно* нѣсколько лѣтъ спустя. Хотя лѣтописецъ, подъ 907 г., при разсказѣ о принятіи обѣими сторонами присяги и объ утвержденіи ими мира («утвердиша миръ») послѣ предварительныхъ переговоровъ о мироположеніи («Олегъ нача миръ творити»), и умалчиваетъ о *написаніи* мирныхъ условій, но уже самое утвержденіе мира клятвой Олега съ его мужами и греческихъ императоровъ—неразлучно съ начертаніемъ договора на хартіяхъ и обмѣномъ грамотъ. По заключеніи мира съ греками

Олегъ продолжалъ княжить въ Кіевѣ болѣе четырехъ лѣтъ, «миръ имѣя ко всѣмъ странамъ». Также точно и Игорь, «утвердивъ миръ со греки», княжилъ въ Кіевѣ, «миръ имѣя ко всѣмъ странамъ». Это стереотипное выраженіе взято, вѣроятно, изъ *припѣва* героической пѣсни въ честь отважныхъ русскихъ князей по поводу отдаленныхъ и опасныхъ походовъ. Различіе обстоятельствъ, непосредственно предшествовавшихъ мирнымъ договорамъ и ихъ сопровождавшихъ, должно было повліять и на порядокъ ихъ составленія, изображеннаго лѣтописцемъ согласно документамъ, находившимся въ его распоряженіи.

Въ 907 г. Олегъ стоялъ подъ стѣнами Царьграда, который греки затворили, замкнувъ, «Съсудъ» Στένον, Saevidar-sund (Heimskringla), «глаголемый узменъ» (Прилож. къ 1 изд. Лавр. л., 245), цѣпью, протянутою отъ Галаты до Влахерны (Тв. лѣтоп.)[1]. Греки очутились въ такомъ же критическомъ положеніи, въ какое (по византійскимъ лѣтописямъ) поставилъ ихъ въ 813 г. болгарскій царь Крумъ. Когда греки вели переговоры съ послѣднимъ, причемъ онъ требовалъ отъ нихъ ежегодной дани, множества паволокъ, выдачи красивѣйшихъ дѣвицъ цареградскихъ и разрѣшенія вонзить свое копье въ Золотыя ворота,—на жизнь Крума, по тайному приказу императора Льва, было сдѣлано измѣнническое покушеніе, но Крумъ спасся, отдѣлавшись раной. По разсказу нашего лѣтописца, греки пытались умертвить и Олега, только не оружіемъ, а отравой. У грековъ свѣжа была въ памяти жестокая расправа Крума, велѣвшаго разрушить до основанія всѣ церкви, монастыри, дворцы и другія сооруженія, расположенныя около *св. Мамы*, гдѣ сосредоточилось болгарское войско, и опустошить окрестности Царьграда—Силиврію, Даону, Родостъ, Апру и пр. И вотъ греки, чрезъ пословъ своихъ, умоляли Олега не губить городъ, посуливъ дань, какую онъ назначитъ. Предварительные переговоры открываются предложеніемъ грековъ. На него Олегъ отвѣчалъ *заповѣдью*, опредѣливъ

---

[1]) Въ 941 г. руссы до нанесеннаго имъ греками пораженія успѣли выжечь Золотой Рогъ (Theph. Cont.). И по нашей лѣтописи, русскіе «Судъ весь пожгоша». По словамъ Льва Діакона, Іоаннъ Цимисхій, пройдя изъ Влахернскаго храма во дворецъ, оттуда любовался огненными кораблями, стоявшими въ *заливѣ* Босфора, гдѣ *пристань тянется илибома*, до моста и впадающей рѣки». Въ 1204 г. фризи... *пришедше въ Судъ*, замки желѣзныя разбиша», приступили къ городу и начали жечь храмы... «святѣй Софѣи притворъ погорѣ, идѣ же вси патріарси написани, подруміе и до моря (Мраморнаго или Бѣлаго), а сѣмо (съ противоположной стороны) по царевъ дворъ и *до Суда* погорѣ» (Воскрсе. т. VII, 109 и др.). Еще Вилькенъ замѣтилъ, что подъ *Στένον*'омъ византійцы разумѣли не только Босфоръ (Sund), но также берегъ гавани Chrysokeras (Золотой Рогъ) на сторонѣ Галаты (Ueber d. Verhältn. d. Russen zum Byzant. Reiche, стр. 85—86). Въ Золотой Рогъ впадалась р. Варнисъ близъ Влахерны.

размѣръ дани [1]). Однако, данью греки могли лишь временно обезпечить Царьградъ отъ угрожавшаго ему разгрома. Имъ подобало надолго обезопасить всю Грецію отъ русскаго оружія, а потому они и стали домогаться мирнаго договора со включеніемъ въ него обязательства Олега, «дабы не воевалъ грецкыя земли» (въ Лавр. спискѣ—«гражанъ по пристанищамъ»). Тогда Олегъ, немного отодвинувъ войска свои отъ Царьграда, приступаетъ, посредствомъ прибывшихъ въ городъ полномочныхъ пословъ своихъ Карла [2]), Фарлава, Велемуда, Рулава и Стемида, къ заключенію мирнаго договора съ царями Львомъ и Александромъ. Содержаніе той заповѣди, которая предъявлена Олегомъ въ приступѣ къ соглашенію съ греками, вошло въ первую главу приведенныхъ условій мирнаго договора, судя по повторенію ея сущности, съ незначительнымъ лишь редакціоннымъ измѣненіемъ, вмѣсто 12 гривенъ «на человѣкъ» (въ нѣкот. сп. «на человѣка», т. е. людей,—по 40 (Тв. лѣтоп. добавл. «бойцовъ»), въ каждомъ изъ 2000 кораблей,—12 гривенъ «*на ключь*». По толкованію И. Срезневскаго, договорный ключъ означаетъ руль, но это едва ли вѣрно. Ключемъ назывался и багоръ, какъ въ Житіи Бориса и Глѣба: «... имше корабль ключи», т. е. баграми. Каждая лодья снабжена была баграми. Иначе нельзя было проходить пороги лодьями. Дѣйствуя баграми, руссы становились вокругъ лодьи—на носу, на кормѣ и посрединѣ (Конст. Порфир.). Дань въ 12 гривенъ потребована по количеству не лодей, какъ думалъ Погодинъ, а воиновъ—«дати *воемъ* на 2000 кораблей». Въ 943 г. Игорь «взем у грекъ паволоки и злато и *на вся воя*» въ количествѣ большемъ, чѣмъ дано Олегу. Въ 971 г. греки обѣщали Святославу дань ему и на дружину его «*по числу, на головы*», спрашивая: «колько васъ»? Въ 1043 г. русскіе требовали отъ грековъ по три литры золота на каждаго участвовавшаго въ походѣ соотечественника (Зонара). Норманны договаривались съ Ярославомъ I, чтобы онъ уплатилъ *каждому* изъ прибывшихъ 600 норманскихъ воиновъ

---

[1]) Лѣтопись приводитъ лишь сущность заповѣди Олега. О тонѣ заповѣдныхъ рѣчей при осадѣ городовъ даетъ нѣкоторое понятіе рѣчь посла угорскаго короля Бѣлы при осадѣ Галича въ 1229 г., быть можетъ въ пѣсенномъ пересказѣ, обличаемомъ *повтореніемъ* одного и того же, свойственнымъ героическимъ пѣснямъ и выражающимся въ возвратныхъ стихахъ (Kehrreimen), которое замѣчено мною уже подъ 882 г.: «*Похорони вои* въ лодьяхъ,—*похорони вои* свои».

[2]) Форма «Карла» не допускаетъ принять, въ договорѣ 912 г., имя «Карлы» за нарицательное,—вопреки Арцыбышеву, Бѣлевскому, Эрбену. Въ Heimskringla-saga *Карля* явился посломъ Олафа въ Упландъ и Біармію съ вѣрительными грамотами (Ant. russes, I) Всѣ эти лица могли быть земскими *воеводами*, какъ Вышата *Творимиричь* (1043 г.). Въ XIII в. часто послами назначались *тысяцкіе*, напр. Демьянъ при Даніилѣ Романовичѣ, избиравшіеся народомъ, по крайней мѣрѣ въ Новгородѣ и, въ древнѣйшее время, въ другихъ русскихъ земляхъ (Ключевскій, Дитятинъ и мн. др.).

по унціи серебра, съ прибавкой каждому начальнику лодьи [1]) полъ-унціи, а затѣмъ увеличили требованіе до *унціи золота на каждаго воина* и до полугривны золота капитану (Эймундова сага).

По словамъ Конст. Порфир., называющаго русскія лодьи однодеревками, на 10 русскихъ корабляхъ, участвовавшихъ въ итальянскомъ походѣ 935 г., находилось 415 челов. (почти по 40), и хорватскія сагины, плававшія по морскимъ побережьямъ, вмѣщали въ себѣ по 40 человѣкъ (De adm. imp. гл. 31). Къ этому типу судовъ, сходныхъ съ *челнами* (Ипат. 578), подходятъ «комары», поднимавшія, по Страбону, 25—30 человѣкъ. Ліудпрандъ свидѣтельствуетъ, что корабли руссовъ были малаго размѣра (Monum. Germ. Hist. III, 331). Такого же размѣра суда перевозили вспомогательные отряды руссовъ въ походѣ грековъ при Львѣ VI (De cerem.) [2]). Вторая приведенная глава договорной заповѣди—періодическая плата греками стипендіи («stipendium, pensio» въ акт. венец. и генуэзск.) или окладныхъ денежныхъ пошлинъ—«и потомъ даяти уклады» [3]) (въ Тв. лѣтоп. выходы»)—на русскіе города (гардарикъ или царство городовъ сканд. сагъ), въ коихъ имѣли резиденцію племенные князья, подвластные Олегу. Третья глава—о правѣ приходящихъ въ Византію русскихъ пословъ получать довольствіе, въ какомъ бы количествѣ ни захотѣли *придти*: «да *приходячи* русь слебное емлють *елико хотячи*» (ср.

---

[1]) Въ Новгородской области капитаны морскихъ ватагъ назывались встарину *ватаманами* (Бѣлозерск. грам. и др.). Въ грамотѣ кн. Андрея Александровича 1294—1304 г. сказано: «Какъ есть доканчалъ съ Новымгородомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на морс, а *ватаманъ*—Ондрей Критцкый» (А. А. Эк. I, № 1). Въ посланіи митрополита Іоны вятчанамъ, около 1452 г., на первомъ планѣ ватаманы: «а всѣмъ *ватаманамъ*»... (А. Ист. I. № 261). Терминъ ватаманъ заимствованъ, несомнѣнно, у норманновъ—waterman», какъ и слово гридь—grithman: «De potestate data regi Scociae capiendi homines vocatos *grithmen*» (Rymeri Act. Britan. т. II, подъ 1342 г.). Ср. форму grid, gridmadr. Съ XV в. ватаманъ отождествляется съ тивуномъ: «Villicus alias *cywan* seu *watman*». Онъ стоялъ во главѣ общины или громады (см. актъ 1456 г., привед. И. Шараневичемъ: Rys. wewn. stosunk. Galic. Wschodn., 31, пр. 13).

[2]) Русская Правда полагаетъ за кражу *заморской лодьи* три гривны продажи (Кар. сп. ст. 91). Заморскія лодьи, именуемыя *бусами* у многихъ славянскихъ народовъ, были приспособлены, по необходимости, для плаванія и по большимъ рѣкамъ: «Мстиславъ двухъ полоцкихъ княжичей «усажа ў три лодьи (вѣроятно, на Зап. Двинѣ) и поточи Царюгороду» (Ипат. 218). Лодьи, на которыхъ прибыли къ Олегу деревлянскіе послы, числомъ 20, по величинѣ должны были равняться заморскимъ. Въ походѣ на прикаспійскія страны руссы употребляли корабли, вмѣщавшіе до 100 человѣкъ (арабск. писат.). Новгородцы плавали на большихъ и малыхъ *учанахъ*; первые поднимали около 50 человѣкъ. Для военныхъ цѣлей у нихъ приспособлялись иногда рыбацкія суда—*лойвы*, назыв. на. югѣ *кубарами* (Ип. 341). По Волгѣ ходили «лодьи, учаны и струги» (Воскр. т. VIII, 14).

[3]) Ср. напр.: «за Бога укладати» въ поуч. Влад. Мономаха.

догов. 945 г.: «да посылають ... корабли *елико хотять*... возмутъ съли слебное»), и русскихъ гостей на полугодовое ежемѣсячное содержаніе разными жизненными припасами... Демаркаціонная черта между укладами, коимъ соотвѣтствуетъ въ правѣ Рипуарскомъ «*compositio* fisco, ut *pax* perpetua stabilisque permaneat, quam *fredum* vocant», и мѣсячнымъ, встрѣчающимся нерѣдко въ русскихъ и сербскихъ памятникахъ, какъ разновидности дани, оттѣняется поясненіемъ, что уклады, какъ и въ латинскихъ грамотахъ, были постоянными, *годовыми* [1]), а мѣсячное [2]) давалось временно, на *полугодіе—шесть мѣсяцевъ*, причемъ соблюдалось старшинство между русскими городами, получившими привиллегію на уклады: «первое на Кіевѣ, таже на Черниговѣ, Переяславѣ, Полоцкѣ, Ростовѣ, Любечѣ[3]) и прочіи грады» (ср. догов. 945), и повѣствованіемъ объ обратномъ, послѣ водруженія Олегомъ щита (въ нѣкот. сп. «щитовъ») на цареградскихъ воротахъ, тріумфальномъ плаваніи его флотиліи на вышитыхъ («испитыхъ») греками парусахъ, съ полученными дарами—золотомъ, паволоками и всякимъ узорочьемъ. Въ четвертую главу вошло право русскихъ пользоваться прѣсной, колодезной водой для омовенья: «да творить имъ *мовь* (въ лѣт. Пер.-Суздал. добавл. «въ банѣ»), елико хотять»... На привычку словенъ «творить моженье собѣ» въ банѣ начальная лѣтопись обращаетъ особое вниманіе; разсказу о ней апостола Андрея въ Римѣ очень дивились. Въ запискѣ израильтянина X в. Ибрагима ибнъ-Якуба банной избѣ посвящено нѣсколько любопытныхъ строкъ (Изв. Ал.-Бекри, 57). О посѣщеніи князьями бани неоднократно свидѣтельствуютъ лѣтописи, напр.: въ 1205 г. угорскій король Андрей схватилъ князя Романа «въ бани мыющеся» (Ипат.). Слѣдуя закоренѣлому обычаю, и Ольга «велѣ деревлянамъ *мовь* сътворити» (Новг. I и др.). Въ гл. 89 соч. Конст. Порфир. «De ceremoniis» сказано, что для персидскаго посла и его спутниковъ въ Царь-

---

[1]) Ср.: «uklad» въ польскихъ статутахъ,—положеніе, гл. уложити, отложити. Въ Похвалѣ Владиміру мон. Іакова: «дань *положи*»; и т. под. Годовые уклады платили византійцы и др. народы, напр. по миру съ арабами. Правительница Ирина, около 782 г., обязалась посылать въ Багдадъ ежегодно 70.000 золотыхъ.

[2]) Ср. «окупъ кунами *за мѣсяцъ*» (Лавр. 77).

[3]) Главный городъ участвовавшихъ въ походѣ 907 г. сѣверянъ, на Днѣпрѣ, вошедшій въ предѣлы Черниг. княжества. Родина св. Антонія и резиденція Малка, дѣда Владиміра св., по матери, Ольгиной ключницы Малуши-Малфряды (+1000 г.). Это женское имя заимствовано у готовъ. Въ концѣ V в. Ѳеодорихъ выдалъ за вандальскаго царя сестру свою *Амальфриду*. Въ догов. 907 г. русскіе города дѣлятся на два разряда: 1) Кіевъ, резиденція самого Олега, Черниговъ, Переяславъ, Любечъ, Полоцкъ, Ростовъ, и 2) прочіе грады, въ коихъ сидѣли князья, подчиненные Олегу. Можно полагать, что эти остальные города—деревлянъ, хорватовъ, дулѣбовъ, радимичей и вятичей, привлеченныхъ къ походу 907 г., гдѣ сидѣли частью туземные *славянскіе* князья (напр. Володиславъ), частью родственники Рюрика.

градѣ надлежало приготовить баню въ его домѣ или поблизости. Одинаковое съ русскими дозволеніе пользоваться прѣсной водой для мытья («lavacrum») получили нѣкогда кутургуры, а позднѣе венеціане и генуэзцы по мирнымъ договорамъ съ греками. Хрисовулъ императора Еммануила 1148 г. разрѣшалъ венеціанамъ пользоваться водяными колодцами, которые находились въ участкѣ, имъ отведенномъ около «Vigla», въ окрестностяхъ монастырей св. Николая, Паракимомена и св. Марка (Font. rer. Austr. XII, 1, № 50 и др.). Генуэзцы также занимали, до уступки имъ Галаты [1]) Михаиломъ Палеологомъ, опредѣленный договорный раіонъ. По обновленному договору съ Исаакомъ Ангеломъ 1192 г., генуэзцамъ разрѣшалось набирать воду изъ цистернъ, для домашняго употребленія, съ запрещеніемъ засаривать и загрязнять ихъ купаньемъ скота (Atti d. soc. Ligure, v. 28, стр. 426, 429).

Итакъ, мы не имѣемъ никакого ручательства въ томъ, чтобы занесенные въ лѣтопись пункты договорнаго совѣщанія и соглашенія 907 г по объему и порядку изложенія вполнѣ совпадали съ окончательной формой договора. Нѣкоторыя необходимыя принадлежности текста распространенной его редакціи не попали въ лѣтопись. Заповѣдь Олегова, письменная, предъявлена была посламъ греческимъ чрезъ пословъ русскихъ по наказной памяти, содержавшей притязанія Олега [2]). Греческіе послы, послѣ препирательства съ русскими, приняли предложенныя условія — «яшася греци», противопоставивъ Олеговымъ требованіямъ письменно же изложенныя ограниченія въ правѣ русскихъ взимать мѣсячное, если придутъ не съ торговою цѣлью, въ свободѣ дѣйствія прибывающихъ руссовъ запрещеніемъ, исходящимъ отъ великаго князя («да запретитъ князь словомъ своимъ») творить какія либо пакости въ греческихъ селеніяхъ, и самое полученіе мѣсячнаго обусловили обитаніемъ русскихъ — «да витаютъ» [3]) — до глубокой осени на предмѣстьи у монастыря св. Мамы и предварительною переписью ихъ именъ органами греческаго правительства, съ соблюденіемъ того старшинства пословъ и гостей («первое отъ г. Кіева и паки изъ Чернигова и изъ Переяслава и прочихъ градовъ»), какое опредѣлено Олегомъ для укладовъ на города (Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ не упомянуты) и предусмотрѣнныхъ греками предосторожностей посѣщенія

---

[1]) Здѣсь въ XIV в. погребены архимандритъ Митяй и митрополитъ Пименъ (Воскрес. лѣтоп. VIII, 31, 60).

[2]) Подобною заповѣдью руководились русскіе послы въ 945 г.: «и отъ тѣхъ *заповѣдано* обновили ветхый миръ»... (въ догов. 912 г.—«по повелѣнію»).

[3]) «Витать» иногда значитъ привѣтствовать пожеланіемъ здоровья, напр. въ актѣ 1556 г. «привитавши» (Сб. кн. Оболенскаго—Дневн. Литовск. пословъ). Выраженіе: «да запретитъ князь словомъ своимъ» повторено въ догов. 945 и объяснено мною ниже.

русскими Царьграда: а) чрезъ одни ворота, б) партіями не болѣе 50 человѣкъ, в) безъ оружія [1]) и г) въ сопровожденіи царева мужа [2]). Коль скоро миръ былъ заключенъ, цари Левъ и Александръ обмѣнялись съ Олегомъ клятвой и обѣтными грамотами, то отсутствіе въ лѣтописи особаго замѣчанія о согласіи русскихъ на предложенные греками ограничительные пункты само по себѣ не исключаетъ ихъ принятія, косвенно засвидѣтельствованнаго договоромъ 945 г. Точно также греки не откловили ни одного изъ главныхъ пунктовъ Олеговой заповѣди, хотя договорный текстъ не содержитъ въ себѣ повторенія условій объ укладахъ. Недостатокъ полноты лѣтописнаго изложенія мирныхъ переговоровъ 907 г. ощущается въ значительной степени, но онъ не допускаетъ, вопреки ошибочному мнѣнію С. Соловьева и др., домысловъ о безпорядочныхъ «вставкахъ и сшивкахъ» (Ист. Рос. I, глава 5, примѣч.). Нельзя вѣдь допустить, чтобы по полученіи первой заповѣди Олега греки безпрекословно предоставили русскимъ, помимо его требованія, столь важную льготу, какъ, въ особой статьѣ, безпошлинные провозъ въ Грецію и куплю-продажу товаровъ: «да творять куплю яко же имъ надобе, не платячи мыта (въ Тверск. «вины», т. е. повинности) ни въ чемъ же» (ср. догов. Игоря). Такъ и по Смоленской торговой Правдѣ 1229 г., гости латинскіе и русскіе освобождены отъ платежа *мыта*, которое взималось греками по договорамъ съ нѣкоторыми народами, напр. съ персами («decimarum solutio») [3]). Подводя итогъ мирнымъ переговорамъ 907 г., завершившимся утвержденіемъ заключеннаго мира обоюдной клятвой царей греческихъ, Льва и Александра, съ цѣлованіемъ креста, а Олега и мужей его языческой ротой, и взаимнымъ обмѣномъ обѣтныхъ грамотъ, лѣтописецъ съ особеннымъ удареніемъ разглагольствуетъ о дани—блестящемъ трофеѣ, добытомъ русскими и возвышавшемъ Русь въ глазахъ могущественныхъ ея сосѣдей. И чрезъ три столѣтія послѣ того платежъ дани имѣлъ чрезвычайно внушительное значеніе: «да увѣсть вся земля Лядьская яко *дань* платили суть ятвязи королевиҁ Да-

---

[1]) Ср. договоры Рима съ Карѳагеномъ. Въ догов. Стефана Уроша съ Рагузянами 1349 г. имъ предоставляется свобода торговли «тькмо *оружия да не кось*» (F. Miklosich. Monum. Serb. № 127).

[2]) Еще ранѣе, по приказу греческаго императора, франки толпою не смѣли посѣщать городъ, но по 5 или 6 человѣкъ—«vel quinque vel sex»... Нѣкоторые ученые упоминаютъ о сохранившейся на старой стѣнѣ, южнѣе воротъ Ени-Мевлеване-Капу, надписи царей Льва и Александра о правѣ русскихъ входить и выходить изъ города чрезъ эти ворота, надъ которыми Олегъ водрузилъ свой щитъ (A Dethier: Der Bosphor und Constantinopel, 1873 г., стр. 23).

[3]) Подробныя постановленія о мытѣ изложены, м. проч., въ тамож. грамотѣ молдавск. господаря Александра для львовскихъ и подольскихъ купцовъ 1407 г. (Я. Головацкій: Памятн., № 28).

ніилу» (Ипат. 533). Мирные переговоры русскихъ съ греками должны были длиться нѣсколько мѣсяцевъ; слѣдовательно Олегъ имѣлъ возможность собрать и подготовить въ Кіевѣ необходимые матеріалы для договора. По смыслу лѣтописнаго разсказа, послы русскіе, получившіе отъ Олега порученіе вести съ греками переговоры въ Царьградѣ, находились въ рядахъ Олеговыхъ дружинъ при осадѣ, ибо уже по утвержденіи мира и ознаменованіи побѣды «отойде отъ Царьграда».

Договоръ 907 г. впервые выдѣляетъ крупнѣйшіе городскіе центры Русскаго государства въ лѣстницѣ старшинства по полученію укладовъ, съ возвышеніемъ стольнаго Кіева надъ остальными, какъ повторено и въ договорѣ 945 г. Въ немного измѣненномъ іерархическомъ порядкѣ застаемъ мы южно-русскихъ пословъ въ Константинополѣ, когда царь Мануилъ въ 1164 г. разрѣшалъ спорные еретическіе вопросы:—«сущимъ ту у царя всѣмъ сломъ — Кыевскій солъ... Переяславскый и Черниговьскый» (Лавр. 334). Не касаясь исторіи городовъ вообще, остановлюсь на Переяславѣ-русскомъ, слѣды котораго указываетъ одна изъ грамотъ XVI вѣка въ *Переяславскомъ городищѣ*, вмѣстѣ съ Краснымъ на Трубежѣ и Бѣлогородищемъ на Днѣпрѣ (Сб. Русск. Ист. Общ. т. 71, № 12). По лѣтописи, *Переяславль*, древнѣйшая метрополія русская (см. подъ 1089 г.), созданъ Владиміромъ св. въ память побѣды надъ печенѣгами, какъ это читается и въ похвальномъ Словѣ монаха Іакова: «Переяславль заложи». Изъ договоровъ X в. и выраженія кіевской лѣтописи подъ 992 г. «идѣ нынѣ Переяславль на Трубежѣ» заключаютъ, что *древнѣйшій Переяславль* стоялъ поблизости заложеннаго Владиміромъ и нѣкогда уничтоженъ пожаромъ. По моему мнѣнію, *Переяславль* заложенъ Владиміромъ на мѣстѣ *стараго Переяслава*, ранѣе существовавшаго, у впаденія р. Лтицы въ Трубежъ (Ипат. 266), вѣроятно, въ большемъ сравнительно со старымъ размѣрѣ. Поясненіе лѣтописца: «и нарече и (его) Переяславль (въ Никон. «Переяславь»), зане *Переяславу* отрокъ отъ»[1] (а не «перея славу», какъ обыкновенно читаютъ)[2], имѣетъ слѣдующій смыслъ: Поборовшій въ рукопашномъ поединкѣ[3] гиганта печенѣжина русскій силачъ, средняго роста, *младшій*

---

[1]) Ср.: «осквернися холмъ *отъ*» (подъ 980 г.). «Въ *отъ* часъ утѣшюся о Бозѣ» (дух. Мономаха). «Въ *отъ* же день» (Лавр. 305). «Въ *отъ* годъ прибѣже». «Въ *отъ* же часъ» (Ипат. 435, 525). Мѣстоимѣнію «отъ» противуположно «ось». Напр. «градокъ *ось*» (Лавр. об. Аскольдѣ и Дирѣ, также стр. 358 и др.).

[2]) Погодинъ по этому поводу заговорилъ о *славолюбіи* князей (Изслѣдов. т. I, 45).

[3]) Судьба международнаго спора, по обычаю, упоминаемому и въ скандинавскихъ сагахъ, иногда рѣшалась единоборствомъ, которое, какъ извѣстно, Цимисхій предлагалъ Святославу.

сынъ *стараго* мужа, былъ не *отрокомъ*, вопреки предположенію, но лицомъ, достигшимъ возмужалаго возраста—*мужемъ*, ибо «печенѣзи почаша звати: нѣ ли *мужа*, се нашъ доспѣлъ... выступи *мужь* Володимерь» (котораго «*отъ дѣтьства*» никому не удавалось побороть... Володимеръ же *великимъ мужемъ* (вельможей) створи *тою* (мужа) и отца его». Отрокомъ названъ новый, залеженный Владиміромъ городъ Переяславль по отношенію къ прежнему городу Переяславу, въ качествѣ его дѣтища или отродья, подобно тому, какъ Никифоръ Фока градъ Антіоховъ Антіохію назвалъ «*отроковицей*» матери доброчадныхъ градовомъ (греческимъ) Царюградомъ» (Ник. т. IX, 129 п. 946 г.). Древнѣйшій городъ именовался *Переяславъ*, а воздвигнутый на его пепелищѣ—*Переяславль*» по отечеству (ср. въ догов. 945 г. форму «Святославль»), по непосредственному происхожденію или преемству послѣдняго отъ перваго. И дѣйствительно, лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго XIII в., подъ 907 г., и Ипатскій списокъ удержали первобытную форму «Переяславъ», буква же *л* въ Ипатск. спискѣ, подъ тѣмъ же годомъ, приписана другимъ почеркомъ между строкъ (прим. Арх. Ком. изд. 1871 г.). Новый городъ, обращенный въ исходѣ XI в. изъ деревяннаго въ каменный при Всеволодѣ Ярославичѣ, почти вездѣ называется позднѣе уже Переяславлемъ, за исключеніемъ Новгородской и Тверской лѣтописей. Въ 1089 г. «Всеволодъ Ярославичъ заложи градъ *Переяславъ* каменъ, а преже былъ древянъ, а стоялъ 97 лѣтъ». Онъ пострадалъ во время усобицъ около 1151 г. и при нашествіи Батыя въ 1239 г., когда татары сокрушили и церковь св. Михаила. Такъ устраняется мною легкомысленный упрекъ, сдѣланный нѣкоторыми, напр. Д. Иловайскимъ (Разыск. о нач: Руси, изд. 2, стр. 49 прим.) и Лясковронскимъ (Ист. Переясл. земли, 155—156) глубокомысленному и, конечно, болѣе ихъ свѣдущему въ дѣлѣ лѣтописцу, необратившему будто бы вниманія, при описаніи происхожденія Переяславля, что онъ уже упомянутъ въ договорахъ.

Миръ 912 г. оборудованъ, по верховному порученію Олега, съ участіемъ всѣхъ русскихъ пословъ—устроителей мира 907 г.: «Посла мужи свои Олегъ построити мира и положити рядъ межи русью и грекы». На заключеніе этого мира, о поводахъ коего умалчиваетъ лѣтопись, вліяли внѣшнія событія, особенно побѣды Симеона во Фракіи, Македоніи и подъ Царьградомъ. По крайней мѣрѣ въ 23 письмѣ патріарха Николая Мистика упоминается о подготовкѣ страшной коалиціи противъ болгаръ, изъ *русскихъ*, печенѣговъ, алланъ и угровъ, по договору о военной помощи [1]); а такое именно условіе и помѣщено въ договорѣ 912 г. Исполнивъ миссію, русскіе послы вернулись въ Кіевъ и разсказали Олегу о своихъ перего-

[1]) Migne: Patrologia Graeca. Письма Николая Мистика разсмотрѣны Ф. Успенскимъ: Визант. влад. на сѣв. берегу Черн. моря въ IX и X в.

ворахъ съ греческими царями, на какихъ условіяхъ заключили миръ и т. д. Русскихъ пословъ было 15, почти соразмѣрно числу подвластныхъ тогда Олегу и союзныхъ съ нимъ племенъ. Въ эту массу входили частью прикарпатскіе бѣлохорваты, дулѣбы волынскіе и еще въ 885 г. съ нимъ, враждовавшіе тиверцы. Такое совпаденіе считаю случайнымъ, основываясь на составѣ и характерѣ посольства 945 г. Сами же послы въ договорномъ актѣ 912 г. выдаютъ себя за уполномоченныхъ Олега, свѣтлыхъ князей, великихъ бояръ, пожелавшихъ заключенія мирнаго договора, и всего русскаго народа [1]). Областные князья, «державшіе княженье» у отдѣльныхъ племенъ еще до Рюрика (нач. лѣтоп.), во многихъ спискахъ, за исключеніемъ составленныхъ на основѣ Ипатскаго, названы *великими*. При обработкѣ своднаго текста договоровъ чтенію Ипатскаго «похотѣньемъ нашихъ *князь*» издатели Лаврентьевской лѣтописи предпочли чтеніе «нашихъ *великихъ князь*», сходное напр. съ Радзивил. спискомъ и оправдывающееся тѣмъ, что областные князья, сидѣвшіе въ качествѣ мѣстныхъ правителей и великокняжескихъ органовъ, въ главныхъ городахъ, занимавшіе *милые столы* (Даніилъ Заточникъ) и называвшіеся иногда въ грамотахъ *служебными*, могли, какъ и впослѣдствіи даже по договорнымъ текстамъ, пользоваться домашнимъ титуломъ великихъ князей. Великіе бояре—великіе мужи или вельможи (въ грамотѣ Святославовой просто *бояре*), выставляются въ лѣтописномъ разсказѣ о Рюрикѣ мужами *варяжскаго* происхожденія назначенными имъ на постъ городскихъ посадниковъ. Элементъ народный, выдвинутый во вступительной части договора 912 г., («по повелѣнію отъ *всѣхъ* иже суть подъ рукою его сущихъ руси»), проглядываетъ и въ требованіи русскими отъ грековъ сохраненія взаимной любви «ко княземъ свѣтлымъ рускымъ и ко *всѣмъ*, иже суть подъ рукою свѣтлаго князя» [2]). Подобное выраженіе находится, напр. въ присяжной грамотѣ смоленскаго князя Ивана Александровича, составленной «по дѣда своею докончанью и по старымъ грамотамъ... по тому докончатью, какъ... Кедименъ докончалъ съ мѣстеремь съ Ризьскимъ и съ пискупомь... и *со всѣми рижаны што подъ его рукою*» (Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II, № 8). Представители русскіе обѣщаютъ грекамъ, отъ имени своихъ вѣрителей, не допускать, насколько зависитъ отъ ихъ воли («елико наше изволеніе»),

---

[1]) Интересы всего населенія защищаются областными представителями такъ же, какъ, напр., въ XIV в. въ Галицко-Владимірской Руси. Грамота Юрія II отъ 1335 г., которою подтверждается мирный договоръ съ нѣмецкимъ орденомъ, исходила отъ князя, бояръ и вообще высшихъ чиновъ *земель*, принадлежавшихъ къ Галицко-Владимірскому княжеству, однако, Юрій II объявляетъ, что миръ утверждается имъ съ согласія и всѣхъ *людей* этихъ земель.

[2]) Ср.: «Андрей Юрьевичъ добродѣтель имѣюще ко всимъ *сущимъ подъ нимъ*» (Ипат. 337).

со стороны подвластныхъ Олегу князей никакого «соблазна» (обмана) или вины, т. е. виновности или повода къ нарушенію договора [1]).

Проектъ договорныхъ главъ въ 912 г. былъ обсужденъ и сочиненъ, безъ сомнѣнія, въ Кіевѣ, на съѣздѣ русскихъ князей при участіи областныхъ народныхъ представителей собственно отъ большихъ городовъ, въ видѣ наказной памяти посламъ, какъ и передъ заключеніемъ мира 907 г. Окончательная редакція договорныхъ статей была выработана въ Царьградѣ совокупными стараніями греческихъ и русскихъ уполномоченныхъ послѣ неизбѣжныхъ, весьма продолжительныхъ пререканій. Предисловіе и послѣсловіе договора были изложены примѣнительно къ обычнымъ у грековъ дипломатическимъ формуламъ, а потому носятъ на себѣ нѣкоторые слѣды буквальнаго заимствованія. Если предисловіе и послѣсловіе приспособлены къ стилистическимъ пріемамъ, практиковавшимся у грековъ, искушенныхъ въ горнилѣ международныхъ столкновеній и дипломатическомъ витійствѣ, то въ неменьшей мѣрѣ должна была сказаться греческая сноровка въ начертаніи договорныхъ *главъ*, требовавшемъ большого запаса опыта и знаній въ правовой сферѣ, большой ловкости въ гармоническомъ сочетаніи взаимныхъ національныхъ интересовъ на почвѣ греческихъ и русскихъ обычаевъ и законовъ и обстановки договорнаго церемоніала, безъ нарушенія въ чемъ либо должнаго уваженія къ противоположному религіозному культу. Коль скоро въ актѣ 912 г. вездѣ, за малыми изъятіями, побѣдители русскіе изображаются ораторствующими, по выраженію Тобіена, — «Russen Sieger sind als redend im Tractate ausgeführt» (стр. 15), то это доказываетъ не перевѣсъ русскихъ интересовъ надъ греческими, а лишь то, что договорная грамота, занесенная въ лѣтопись по содержанію текста статейнаго списка, послѣ обсужденія послами обѣихъ державъ, подвергнута внѣшней переработкѣ русскими послами, снабжена переводомъ, переписана на хартію для сообщенія грекамъ и подписана въ сентябрѣ. Дата мирнаго акта, независимо отъ его содержанія, обличаетъ константинопольскую редакцію договора. Послы русскіе возвратились домой въ сопровожденіи греческихъ: «царь же Леонъ пристави къ нимъ мужи свои... и тако отпусти я въ свою землю съ честью великою». Описаніе возвращенія русскихъ пословъ къ Олегу и бесѣды его съ ними сходно съ описаніемъ возвращенія посольства русскаго къ Игорю. Вѣроятно ратификація Олегомъ мира осенью 912 г., незадолго до смерти его, на пятое лѣто по возвращеніи изъ похода на гре-

---

[1]) Ср.: Романъ послѣ враждебныхъ дѣйствій противъ тестя своего Рюрика («не хотя съ нимъ любви») и понесенныхъ неудачъ «посолъ свой посла Рюрикови, покладывая на собѣ всю *вину* свою» (Ипат. 461 и 462), и примѣры въ Словарѣ др. русск. яз. И. Срѣзневскаго. Вина иногда значитъ — причина.

ковъ, съ клятвой в. князя и мужей его надъ оружіемъ, совершилась соотвѣтственно церемоніалу 907 и 945 г. Какъ подвиги болгарскіе расчистили Олегу походную тропу къ Царьграду, такъ, въ свою очередь, Олегъ растеребилъ для Симеона ширбкій путь подъ цареградскія стѣны, геройски проложенный Крумомъ.

Миру 945 г. предшествовали два похода Игоря въ Византію. Злополучный походъ 941 г. разсказанъ обстоятельно въ лѣтописяхъ: Воскресенской (т. VII, 278), сообщающей, подъ 921 г., важный фактъ о снаряженіи Игоремъ еще тогда многочисленнаго флота, достигшаго въ 941 г., по Лиудпренду, «mille et eo amplius navibus»,—въ Софіевской, Тверской и нѣкоторыхъ другихъ, преимущественно по греческимъ хронографамъ, вдесятеро увеличивающимъ число русскихъ кораблей [1]). Онъ сопровождался трехмѣсячнымъ опустошеніемъ окрестностей Царьграда—съ іюня по сентябрь. «По трехъ лѣтѣхъ смиришася» (кіевск. лѣтоп. по всѣмъ сп.). Плѣнные русскіе съ воеводой Вышатой отпущены на свободу по договору 945 г. Иниціатива переговоровъ для устроенія или обновленія прежняго («перваго»), ветхаго мира принадлежала греческому правительству, заинтересованному въ примиреніи съ Русью, между прочимъ, потому, что Грецію въ то время продолжали тѣснить угры. Приступлено къ мирнымъ переговорамъ весною въ 944 г., когда Игорь приблизился къ Дунаю и греки предложили ему дань «юже ималъ Олегъ», но въ увеличенномъ размѣрѣ. Этотъ походъ хорошо извѣстенъ былъ арабскимъ писателямъ. Аль-Массуди замѣчаетъ, что первый или главный изъ славянскихъ царей, коему подвластны многіе народы и страны, Дира (Игорь) ведетъ съ румскимъ царемъ нерѣшительныя войны, а по словамъ Аль-Истархи (943—950 г.) и Аль-Бахли, «руссы столь могущественны и многочисленны, что *наложили дань* на пограничныя области Рума» (Гаркави, Сказ. мусульм. писат. 137, 193, 277). Переговоры продолжались въ Кіевѣ, при личномъ руководствѣ Игоря. Соглашеніе, по выработанному русскими и греками статейному списку, послѣдовало уже въ Царьградѣ, куда, по порученію Игоря, съѣхались для докончанія мирнаго договора русскіе уполномоченные. Мирная грамота въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ датирована 20 апрѣля 945 г. (6453 индикт. 4, въ 3-ю седмицу по пасхѣ), тогда какъ въ большинствѣ дата отсутствуетъ или выставленъ только годъ, и самымъ текстомъ своимъ доказываетъ окончательное изготовленіе договора въ Греціи: «Да запретить князь... *приходящимъ руси здѣ* да не творятъ безчинья... *И отходящи руси отсюду*... взимаютъ отъ насъ»... «Елико хрестеянъ отъ власти нашея плѣнена приведутъ русь *ту*» (сюда, въ Грецію), а представители русскаго *купечества*

[1]) Разборъ греческихъ извѣстій—у Шлецера, Вилкена и мн. др. авторовъ.

названы *гостями*. Въ договорной грамотѣ посланные Игоремъ его мужи—«посла Игорь мужѣ своя»—изображаются представителями верховнаго князя—архонта [1]), какъ его титуловали греческіе императоры въ своихъ хрисовулахъ, старѣйшинъ или старцевъ («majores natu» по Маврикію), князей-бояръ и всѣхъ людей Русской земли, т. е. областей и народностей, сплотившихся съ русскимъ государствомъ, въ которомъ первенствующая роль, по лѣтописному извѣстію 944 г., принадлежала тогда полянамъ, словенамъ, кривичамъ и тиверцамъ, совокупно участвовавшимъ, подъ именемъ руси, въ походѣ на грековъ. Такое наименованіе примѣнили къ нимъ и корсуняне въ письмѣ къ царю Роману: «Се идуть *русь*, бещисла корабль, покрыли суть море корабли, и наяли суть къ себѣ печенѣги». Послы наши въ грамотѣ говорятъ: «Великій князь Игорь и бояре его и *людье вси рустіи* послаша ны». Уполномочіе представителямъ, по ихъ же признанію, исходитъ отъ всего русскаго народа, примыкавшаго къ городскимъ округамъ (Кіевъ, Черниговъ, Переяславъ и проч.): «Мы *отъ рода рускаго* слы и гостье» (то же въ договорѣ 912 г.). Клялись они за всѣхъ князей-бояръ и людей «отъ *страны Русскія*», въ 912 г. — «по закону *своего языка*, не преступати ни самимъ, ни иному отъ *страны своей*». Представительство пословъ и гостей *русскихъ* (ср. подъ 912 г.), имѣя двѣ точки отправленія—главы государства (Иворъ солъ Игоревъ) и обширный кругъ подданныхъ великаго князя, носитъ союзный, сосѣдній, мѣстный или смѣшанный характеръ, по единству территоріи и національныхъ интересовъ Русской земли, по цѣли водворенія мира, притомъ побочный по отношенію къ верховной власти и неодинаковый по происхожденію:—«объчии сли» [2]). Дипломаты уже не различали, какъ въ 912 г., подручныхъ Игорю князей отъ бояръ, отрижавшихъ, купно съ великимъ княземъ, пословъ и торговцевъ; «А великій *князь* русскій и *бояре* его да посылаютъ... корабли ... Иже посылаеми бываютъ *отъ нихъ* сли и гостье». Отождествленіе бояръ съ князьями всего яснѣе въ слѣдующихъ выраженіяхъ Игоревой договорной грамоты: «И великій князь вашъ Игорь и

---

[1]) Архонтами называли греки и областныхъ правителей въ Руси, которыхъ при Ольгѣ было 22, ибо столько ихъ явилось съ нею въ Византію (Const. Porph: De cerem.).

[2]) Ср.: «*общій* судъ», въ древнихъ грамотахъ, неправильно принимаемый нѣкоторыми, напр., И. Дитятинымъ (Ист. мѣстн. управл.) *за общественный*. Въ юридич. памятн: «платити *вобчи*» (Русск. Правда), «ссылка съ суда на *обчую* правду—на 10 или 20 человѣкъ». Въ лѣтоп. замѣчательно выраженіе: «А Суздаль буди намъ *обечь*, кого восхотятъ, то имъ буди князь» (Ипат. 411—415). Въ 5 § Статута короля Владислава 1433 г. установлено, чтобы замки не давались въ державу никакому княжичу и происходящему изъ княжескаго рода «albo *obcemu*» чужеземцу никакому... (Jus Polon. Bandke. 224, 234; ср. A. Grod. III. 131 XII, 276. Въ червонорусск. и южнорусск. актахъ «obczy» (A. grod. III, 131, XII, 27) и *обчіи* люди—сосѣди околичные—въ актахъ копныхъ судовъ).

боляре его и людье вси рустій послаша вы... хранити отъ Игоря и отъ всѣхъ *боляръ* и отъ всѣхъ людей.. Аще ли же кто отъ *князь*, или отъ людий рускихъ... преступитъ се»... Послы избирались, для заключенія м:ра, «отъ всякаго *княжья* и отъ всѣхъ людей». Названіе князей княжьемъ - не рѣдкость, особенно на словенорусскомъ сѣверѣ[1]). Къ нимъ могли принадлежать и присутствовавшіе на магдебургскихъ турнирахъ Генриха Птицелова, въ 937 г., вмѣстѣ съ княземъ Ругіи Венцеславомъ, князья Руси Велиміръ и Радбота (о нихъ см. Погодина, Максимовича, Васильевскаго и др.). Пересмотръ прежнихъ мирныхъ договоровъ при участіи лучшихъ провинціальныхъ людей въ самой Руси, сопряженныя съ нимъ дипломатическія сношенія (или «ссылки» позднѣйшихъ договоровъ) съ греческимъ дворомъ, съ соблюденіемъ рутиннаго церемоніала, и ратификація должны были поглощать очень много времени. Избраніе населеніемъ пословъ русскихъ земскихъ, совершавшееся въ большихъ городахъ, зависѣло отъ вольныхъ совѣщательныхъ собраній людскихъ на вѣчѣ («изволиша вѣчь» въ Лавр. п. 1262 г.) или коментѣ (χόμεντον у Льва Діакона и Кедрина), о существованіи которыхъ у славянъ свидѣтельствуетъ Прокопій (VI в.) и наша лѣтопись. «Послаша деревляне лучьшие мужи... къ Ользѣ. Рѣша деревляне: «посла ны Дерьвьска земля»... (945 г.). У сѣверныхъ славянъ издревле рѣшались на «конахъ» или «континахъ», между прочимъ, вопросы о войнѣ и мирѣ «unanimi consilio», какъ у лютичей (Thietm, Chron. VI),—«ex consilio communi, ex communi decreto» (Ebbo, Herburt). У насъ же вѣчевыя постановленія центральныхъ городовъ, какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ, «изначала» считались обязательными для пригородовъ (лѣтоп. подъ 1176 г.). Такъ, посланіе Болеслава III польскаго поморянамъ, около 1124 г., съ предложеніемъ принять христіанство, было прочтено предъ народнымъ собраніемъ, въ *континь*—«quia ibi *consiliabula* et *conventus* suos haberi soliti erant» (Herburt, II, 32). Въ Русской Правдѣ «коны» считаются, повидимому, также средоточіями народныхъ сходовъ, сборными пунктами сотенъ (*стая* ю. з. Руси, южнославянскій *станокъ*). Разсмотрѣніе внутреннихъ, домашнихъ пружинъ, двигавшихъ посольство русское отъ Кіевскаго, Черниговскаго, Переяславскаго и др. округовъ къ заключенію съ греками мирнаго союза, въ 945 г., также показываетъ, что онъ освященъ *народной волей*. При обыкновенныхъ же торговыхъ сношеніяхъ, установленныхъ договорнымъ соглашеніемъ, предупредительныя *грамоты* каждый разъ исходили отъ великаго князя, прикрывавшаго со-

---

1) «Послаша по нь митрополитъ и вся *княжья* руськая. Позвона полотьскою *княжью* и полоцяны» (Новг. I, 1920). «Святославъ возвратился Кыеву со всею *княжью*» (Лав. 37⁹). «Тысячкый же съ бояры... воротишася опять на полчище и не обрѣтоша *княжьи* своея» (Ипат. 214).

бою и княжье... «пишуче сице, яко *послахъ* корабль селико»... Кромѣ Искрусеви, посла Ольги, помѣщены въ договорѣ Коницаръ—посолъ Предславинъ и Сфандръ—посолъ жены Улѣба Изъ этого основательно выводятъ широкія права женщинъ въ областномъ управленіи при Игорѣ, что подтверждается нерѣдкими случаями княженія женщинъ въ Руси самостоятельно, или въ качествѣ опекуншъ, или по причинѣ продолжительныхъ отлучекъ мужей ихъ изъ стольныхъ городовъ. Въ пользу княгинь, по договорамъ, взимались постоянно нѣкоторыя повинности или «поклоны». Напримѣръ, посѣщавшимъ Смоленскъ нѣмецкимъ гостямъ вмѣнялось въ обязанность подносить *княгинѣ* «поставъ частины» (ст. 35 Смоленск. догов. 1229 г.). При поименномъ перечнѣ пословъ и гостей въ договорѣ Игоря, предъ именемъ Адуна [1]) поставлено слово «купець», а въ конъектурахъ—предъ именемъ Емига слово «купцы», (въ иныхъ спискахъ ошибочно «Куди»), дающія уважительный поводъ послѣдующіе 26 именъ относить, покрайней мѣрѣ частью, къ представителямъ лицъ торговаго состоянія, называвшихся: пребывавшія въ своемъ отечествѣ, въ своей землѣ, купчинами или купцами-торговцами, а въ чужихъ земляхъ—гостями [2]), какъ и у южныхъ славянъ—торговцами и гостями. Юридическіе памятники различаютъ «куплю и гостьбу», «купецкое дѣло и гостебное» (ст. 45 Русск. Пр. Кар. сп., ст. 93 Псков. Судн. Гр.). Въ Новгородѣ купцы, занимавшіеся торговлей съ чужестранцами, ходившіе въ Бирку, Регенсбургъ, Любекъ, Бременъ, Трусо и т. д., слыли за купцовъ «заморскихъ», велась ли торговля съ Греціей, съ Готландомъ, съ Швеціей, или съ Даніей, о чемъ есть въ лѣтописи извѣстія подъ 1130 и 1134 г., либо съ другими странами, Сухо-

---

[1]) У лонгобардовъ б. король Audin, ум. около 566 г. (Павелъ Діаконъ). Поляки называли русскихъ въ насмѣшку лонгобардами: «поженемъ на *великыя бороды*».. (Ипат. 534).

[2]) См. Уставъ Всеволода. (Русск. Достоп. I 81), Русскую Правду, а также ст. 102 Закон. Стефана Душана, и употребленіе слова гость въ болѣе широкомъ смыслѣ, напр., ляхи и угры считались *гостями* Изяслава (Ип. 279, 287). Князь Всеволодъ Мстиславичъ новгородскій, около 1130 г., предоставилъ пошлины попамъ св. Ивана Предтечи на Опокахъ «съ *купець* въ Руси», которые называются далѣе *гостями*. Въ Русской Правдѣ: «иного города *гость* или чюжеземець» Въ Новг. IV лѣтоп.: «и кто *купець-гостей*».. (т. IV, стр. 30). Купецъ ходилъ *гостьбою* въ чужую землю (Лавр. 474). Въ Новгородѣ Аѳоній «обрѣте человѣка гречьскія страны гостбу дѣюща, купецкій чинъ имуща» (Жит. Ант. Римл. XII в.). Новгородцы и смоляне заходили въ Суздальскую землю *гостьбою* (лѣтоп. опис. липецкой битвы). «Суздальскому гостю *гостити* въ Новгородѣ безъ рубежа» (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 15, ср. лѣтоп. изв. подъ 1225 г. и др.), Къ Андрею Боголюбскому *гость* приходилъ изъ Царягорода и отъ иныхъ странъ изъ Руской земли (Ипат. 401). Въ Новгородъ прибыли псковскіе послы, въ томъ числѣ староста *купецкой* и староста *гостебной* и докончаша перемирье на 11 лѣтъ съ 1509 г. за всю Юрьевскую державу» (Обол. и Данилов. т. II, № 70).

путная торговля въ Руси производилась по издавна проложеннымъ трактамъ — «гостинницамъ» (Русск. Пр. ст. 88, Кар. сп. и др.), на которыхъ стояли гостинные пріюты — *гостинницы*[1]). Приходскіе торговые пункты — *погосты* были вмѣстѣ съ тѣмъ центрами окольной или окружной общественной жизни. Различіе купцовъ *пошлыхъ*, принадлежавшихъ къ купеческимъ сотнямъ (Догов. Казимира съ Новгор., духовн. Климента) отъ *не пошлыхъ* въ вышеприведенномъ Уставѣ Всеволода, причисляющемъ несостоятельныхъ купцовъ къ изгоямъ, *правыхъ* отъ *неправыхъ* въ Мстиславовой грамотѣ, или *добрыхъ* и *простыхъ* въ поученіи Владиміра Мономаха, уясняется позднѣйшими актами, которые различаютъ купцовъ малыхъ, среднихъ и большихъ (витшихъ, нарочитыхъ[2]), богатыхъ, какимъ былъ купецъ родомъ торопчанинъ, постригшійся въ Печерскомъ монастырѣ (лѣтоп. подъ 1074 г.[2]). Первые вели малую торговлю (parva mercantia), «чтò *розницею* завутъ» (Догов. Полоцка съ Ригой 1407 г.). Царскій Судебникъ XVI в., въ ст. 26, оттѣняетъ купцовъ *большихъ* (купчинъ) отъ *среднихъ*. Купецкія дѣти, *купчики* (Арх. Сб. I, 162), иногда упоминаются наряду съ дѣтьми боярскими (Новг. I, 98—100)—болярцами (подъ 1015 г.) или сынами боярскими, которыхъ нѣкогда, въ Луцкѣ, Болеславъ польскій препоясалъ мечемъ (Ипат. 270). Подъ 1177 г. лѣтописецъ къ болярамъ и гридьбѣ присовокупляетъ «*пасынковъ*». Зажиточные купцы не только ссужали князей деньгами, но и пускали ихъ деньги въ торговые обороты (Русск. Пр. Кар. сп., ст. 69), пользуясь разными привиллегіями и образуя товарищества, члены которыхъ назывались «складниками». Купцы, принимавшіе всегда дѣятельное участіе въ снабженіи войскъ матеріальными средствами, были освобождены отъ дикой виры и подводной повинности, за исключеніемъ военныхъ надобностей, и пользовались особыми судебными гарантіями: «А дворяномъ твоимъ у купцъ повозовъ не имати развѣ ратной вѣсти... Купцины въ силу не судити въ волости» (Собр. Гос. Гр. и Дог. I, № 7, ср. № 10—11[3]). Отнятіе этихъ льготъ считалось важнымъ нарушеніемъ. Въ договорахъ русскихъ съ нѣмцами неприкосновенность личности «купчины» огражда-

---

[1]) «И въ гостинницы... внидутъ невозбранно» (Русск. Достоп. I, 88—103). Уставъ Владиміра о церкови. судахъ знаетъ *монастырскія* гостинницы, и т. д.

[2]) См. о закованіи и освобожденіи *нарочитыхъ* (именитыхъ) гостей нѣмецкихъ и цареградскихъ (Ник. т. X, 164).

[3]) Въ Новг. I, на стр. 30, приведено распоряженіе, поразившее современниковъ своею несправедливостью: «Повелѣша по новгородцихъ куны брати, *по купцемъ виру дикую* и *повозы возити*». Уставн. грамота короля Александра Смоленской землѣ 1505 г. упрекаетъ урядничаго Николая Родивилла, что онъ бралъ взѣстки у гостей и купцовъ и что ихъ судилъ ловчій, тогда какъ судилъ ихъ издавна намѣстникъ смоленскій съ окольничими на королевскомъ дворѣ (Сб. Муханова № 85).

лась наряду съ послами, хотя голову купца сравнительно съ головою посла цѣнили вдвое меньше (10 гривенъ серебра) Купцы издревле, занимая почетное мѣсто послѣ бояръ и огнищанъ, принимали участіе во внутреннихъ «порядахъ» по приглашенію русскихъ князей (подъ 1167 г. и др.) и продолжали раздѣлить съ послами труды въ дипломатическихъ сношеніяхъ на правахъ второразрядныхъ агентовъ. Въ свитѣ Ольги, при посѣщеніи ею Царьграда, было 44 купца (negotiatores), присутствовавшихъ на дворцовомъ церемоніалѣ съ апокрисіаріями (De cerem.) и получившихъ подарки, нѣсколько менѣе цѣнные, нежели послы перваго ранга. Мирный договоръ Смоленска съ Ригой 1229 г. утвержденъ «всѣхъ купечь печатью». Въ 1300 г. владыка Феоктистъ послалъ рижанамъ грамоту отъ себя, отъ посадниковъ, отъ тысяцкаго, отъ всего Новгорода и «отъ всѣхъ купьцъ» (Изв. Ак. Н. X, 637). При заключеніи договоровъ съ Ганзою являлись представители какъ отъ русскаго купечества, такъ и отъ «*всѣхъ купьчь* латинскаго языка» (напр. Доп. Акт. Ист. I, № 8, Русск. Ист. Библ. т. XV, № 6 и мн. др.). Дипломатическая миссія коммерсантовъ сводилась главнѣйше къ защитѣ отечественныхъ торговыхъ интересовъ. Въ многочисленныхъ договорныхъ грамотахъ XIII—XVII в. включено двустороннее условіе объ охранѣ и безпрепятственномъ пропускѣ пословъ и гостей, а также о томъ, чтобы ихъ «не порубати», т. е. не сажать въ порубъ—погребъ или дыбу [1]). Въ 1495 г. вел. князь велѣлъ имати въ Новгородѣ гостей нѣмецкихъ за чиненіе многихъ обидъ «великого князя гостемъ» (Воскр. т. VIII). Отправляясь въ чужія страны, купцы запасались оружіемъ и, въ случаѣ необходимости, примыкали къ военнымъ дружинамъ (Генрихъ Латышъ). Русскіе купцы, торговавшіе съ Греціею, назывались *гречниками*. Когда половцы, «шедше въ пороги начаша пакостити гречникамъ, Мстиславъ Изяславичъ молвидъ братьѣ, что половци пакостятъ «гречнику *нашему*» (Ипат. 360, 370). Греки привозили свои товары въ устьямъ Днѣпра: «Давидъ зая *греки* въ Олешьи и зая у нихъ имѣнье» (Ипат. 144). Долги по забору греческихъ и прочихъ иностранныхъ товаровъ въ кредитъ пользовались въ Руси преимущественнымъ удовлетвореніемъ (ст. 69 Русск. Пр. Кар. сп.). Двойственность терминовъ въ договорѣ 945 г. для означенія русскихъ торговцевъ: «Мы... *гостье*... и объчии сли .. *купець*» обличаетъ туземную подкладку договора, оформленнаго въ Византіи, гдѣ русскіе купцы являлись уже гостями. Сравнительно съ перворазрядными, позднѣе «великими» послами, гости получали менѣе роскошные подарки и довольствіе, причемъ снабжались не золотыми, какъ первые, но серебряными печатями, въ доказательство самоличности и прибытія въ Грецію безъ задней мысли, миролюбиво, по желанію русскаго правительства. Печати пословъ

[1]) «*Порубу* не быти ни въ чемъ ни обѣ сторонѣ.... Хотя бы и былъ споръ объ отчинахъ, *посла и гостя* въ томъ *не порубати*» (Обол. и Давид. т. II, № 69).

и гостей прилагались, въ оттискахъ, къ дипломатическимъ актамъ въ доказательство достовѣрности послѣднихъ и имѣли вполнѣ оффиціальный характеръ. Менандръ, описывая заключеніе греками договора съ персами, свидѣтельствуетъ, что грамоты были запечатаны *перстнями* посланниковъ. Печати въ видѣ перстней, которые «ношаху», должны были выдаваться изъ великокняжеской канцеляріи, ибо и греческіе послы получали печати отъ императорскаго двора. Извѣстно, напр., что греческій императоръ далъ херсонитамъ *золотые перстни* съ его изображеніемъ для приложенія ихъ оттисковъ къ бумагамъ на его имя и для предъявленія послами, коимъ поручалась доставка бумагъ ко двору, въ удостовѣреніе подлинности таковыхъ (De adm. imp. гл. 53). По договору грековъ съ дунайскими болгарами 715 г., негоціантовъ въ обѣихъ странахъ надлежало снабжать поручительными предписаніями и печатями—«per graeserpta et signacula commendari».. Въ силу торговаго договора, заключеннаго Владиміромъ св. съ волжскими болгарами 1006 г., русскимъ и болгарамъ предоставлено свободно торговать по Волгѣ и Окѣ, съ выдачею для сего тѣмъ и другимъ *печатей* (Татищевъ). Договоръ 945 г. устанавливаетъ строжайшій контроль надъ русскими торговцами со стороны греческихъ властей. Всѣхъ прибывавшихъ въ Грецію русскихъ греки обязывали, подъ страхомъ задержанія, предъявлять грамоты о числѣ отправленныхъ судовъ въ доказательство того, что «съ миромъ приходятъ»; по порученію вел. князя и бояръ—блюстителей общенароднаго блага. Снабженіе купцовъ подобными письменными свидѣтельствами вошло у насъ въ торговую практику, которой придерживались и литовскіе князья [1]). Русскіе купцы и позднѣе часто отправлялись ко дворамъ иностранныхъ державъ въ качествѣ уполномоченныхъ. Въ 1001 г. «посла Володимеръ *гостей* своихъ аки *въ послѣхъ* въ Римъ». Много вѣковъ спустя торговыя сношенія продолжали регулироваться русскими князьями. Въ 1497 г. съ посломъ Михайломъ Плещеевымъ къ турецкому царю Баязету «о дружбѣ и любви... многихъ *гостей* изъ Москвы отпустили»... Въ 1550 г. вел. князь съ посломъ своимъ, назначеннымъ провожать крымскаго посла,—«отпустилъ многихъ *гостей* московскихъ», и т. д. (Воскр. лѣтоп. т. VIII, 233, 238).

Итакъ, судя по договорамъ X в., въ промежутокъ около 32 лѣтъ по смерти Олега произошелъ во внутреннемъ государственномъ строѣ Руси, продолжавшемъ носить теократическій оттѣнокъ, если не рѣзкій переломъ, о чемъ не можетъ быть рѣчи, то значительный успѣхъ въ регистраціи международныхъ отношеній параллельно съ признаками ослабленія автономіи областныхъ подручныхъ князей—«княжья», постепенно умаляющейся,

[1]) Напр. грам. Кейстута: «А кто пойдетъ съ сею грамотою черезъ Дорогичинъ, черезъ Мельникъ и черезъ Берестие до Лучьска, торговать изъ Торуня, пусть, князь Кестутий, не велю ихъ занимати» (Изв. А. Н., X, в. 7).

какъ и у южныхъ славянъ власть жупановъ съ половины X в.. При Игорѣ явственнѣе обрисовывается элементъ демократическій, который въ договорѣ Олега 912 г. нѣсколько заслоняется князьями-боярами, хотя и въ немъ слы и гости—по повелѣнію отъ всѣхъ... отъ всего *рода* русскаго, государственный пульсъ котораго бился въ Кіевѣ. Договорная хартія 945 г. испещрена именами не только мѣстныхъ правителей, но и депутатовъ отъ купечества, съ примѣсью именъ славянскихъ къ именамъ варяжскимъ, которыя принадлежали, вѣроятно, руководителямъ внѣшней торговли Руси. Въ сочиненіи заповѣди, по словамъ договорной грамоты, участвуютъ всѣ люди Русской земли: «*и отъ тыхъ заповѣдано* обновити ветъхий миръ навсегда съ царями, съ боярствомъ греческимъ и со всѣми людьми греческими». Какъ бы нибыло, но этотъ мирный договоръ оказался прочнѣе предъидущихъ, долго не подвергаясь радикальнымъ измѣненіямъ при подтвержденіи его, когда угасали вспышки раздоровъ между греками и русскими при Владимірѣ св. и Ярославѣ I-мъ, по лѣтописной поговоркѣ «миръ стоитъ до рати, а рать—до мира». 31 мая 946 г., т. е. вскорѣ по заключеніи Игоремъ мирнаго договора, при торжественномъ пріемѣ царями Константиномъ и Романомъ пословъ эмира тарсійскаго стояли на дворцовомъ посту тѣлохранителей крещеные россы, вооруженные мечами и щитами, съ знаменами въ рукахъ. Въ 949—952 г., когда писалъ императоръ Константинъ соч. «De adm. imp. (гл. 29 и 45), миръ соблюдался и россы при днѣпровскіе, прибывая въ Византію, принимали участіе въ упоминаемыхъ греческими авторами походахъ грековъ на критянъ около 949, 931, а также въ извѣстномъ и арабамъ сицилійскомъ походѣ грековъ 964 г. (Нуваиръ), еще при жизни Ольги. Большая твердость мира 945 г. могла зависѣть и отъ наличности въ томъ договорѣ христіанскаго зерна, питавшаго самый языкъ его, болѣе стройный, чѣмъ въ договорѣ 912 г., но по систематизаціи матеріала договоръ 945 г. значительно уступаетъ договору 912 г. Желаніе вдовы Игоря Ольги († 969 г.) укрѣпить любовь русскихъ къ грекамъ, совпадавшее, по свидѣтельству кіевской лѣтописи и монаха Іакова, съ ея намѣреніемъ принять крещеніе, вызвало, осенью 957 г., какъ полагаетъ большинство нашихъ историковъ [1]), поѣздку ея, въ сопровожденіи сильной флотиліи, съ блестящей и многолюдной посольской свитой, въ Царьградъ, гдѣ,—разсказываетъ лѣтописецъ (Ипат. и Радз. сп.),—императоръ Константинъ Порфирородный, сынъ Льва Премудраго, по просьбѣ Ольги, лично воспринялъ ее отъ купели, а по разсказу греческаго вѣнценосца, была устроена двукратно (9 сентября и 18 октября) торжественная

[1]) Ср. Krug: Chronol. d. Byzant. 280; Wilken: Über. d. Verhältn. d. Russen zum Byzant. Reiche 109, и др.

встрѣча во дворцѣ вел. княгинѣ, ея родственницамъ, посламъ русскаго княжья, русскимъ гостямъ, переводчикамъ, ея духовному отцу—пресвитеру Григорію и слугамъ (De ceremoniis aulae byzantinae). Ольга, получивъ драгоцѣнныя подношенія—«царь дасть ей дары многи, злато и сребро, паволоки и съсуды разноличныя»,—въ томъ числѣ великое блюдо, пожертвованное ею св. Софіи цареградской (Путеш. Антонія архіеп. Новг.), «*иде съ миромъ* въ свою землю». Такъ и въ текстѣ договора: «*оже съ миромъ приходятъ*», а въ 1239 г. татары изъ Чернигова пришли въ Кіевъ «*съ миромъ*, смирившимся со Мстиславомъ, и съ Володиміромъ, и съ Даніломъ» (Соф. лѣтоп.). Едва-ли договоръ 945 г. не получилъ оффиціальнаго подтвержденія во дни посѣщенія Ольгою Царьграда. На такую мысль наводитъ продолжительность пребыванія ея въ Царьградѣ, самый составъ ея свиты и извлеченное лѣтописью, повидимому, изъ протоколовъ посольскихъ переговоровъ (по Никон., чрезъ посла Косомѣра) обѣщаніе ея царю, на основаніи условія Игорева договора (о военномъ пособіи), «прислать вой многа въ помощь», которое она будто-бы упрямилась исполнить, доколѣ кумъ ея не постоитъ у нея въ Почайнѣ, какъ она постояла у него «въ «Суду». Тѣмъ не менѣе, арабскій поэтъ Аль-Мутанаби, писавшій около 955 г., сложилъ стихъ, упоминающій о нападеніи соединенныхъ отрядовъ Рума (грековъ) и Руса на крѣпость Хадатъ (А. Гаркави: Сказ. мусульм., пис., XV): Итакъ Ольга ѣздила въ Царьградъ не изъ простого любопытства, какъ полагаетъ Голубинскій, отвергающій принятіе ею *тогда* крещенія, (Ист. русск. цер. I, 1, 67), а для обновленія мира при непосредственномъ сближеніи съ греческимъ дворомъ, и, можетъ быть, съ религіозною цѣлью.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Въ договорѣ 945 г. есть самостоятельная статья о Корсунской странѣ и черныхъ болгарахъ. Греки обѣщаютъ русскому князю оказывать военную помощь, какая понадобится въ случаѣ предпріятія имъ военныхъ дѣйствій въ земляхъ, сопредѣльныхъ Корсунской странѣ: А что касается Корсунской страны, то сколько есть городовъ на той части, да не имѣютъ или не имѣете (на нихъ) права («волости») князья русскіе. (Когда) воюете на тѣхъ странахъ,—и та страна не покоряется вамъ,—тогда, если попроситъ воиновъ у насъ князь русскій, съ тѣмъ чтобы воевать,—дадимъ ему, сколько ему будетъ потребно. Русскіе взаимно обязываются посылать грекамъ, по письменному требованію ихъ правительства, вспомогательныя войска въ достаточномъ количествѣ противъ враговъ Греціи и не допускать черныхъ болгаръ ко вторженію въ ея владѣнія. Запрещеніе «князьямъ русскимъ» (Ипат., Рада. и др., въ Лавр. «князю») воевать Корсунскую страну («велимъ») нѣкоторые историки, подобно Н. Ламбину, приводятъ

въ связь съ обособленностью Приазовской Руси, усматривая въ такомъ запретѣ слѣдъ какого-то очень стараго договора грековъ съ окрестными русскими князьями (О Тмутор. Руси), съ чѣмъ нельзя не согласиться, ибо Корсунская страна подпала нѣкогда подъ власть таврскифовъ и освобождена отъ нихъ полководцемъ Митридатомъ и Евпаторомъ Діафантомъ (Херсонск. надпись, въ XII т. Зап. Одесск. Общ. Ист. и Др.). Трудно разсѣять мракъ, окутывающій древнѣйшую судьбу разноплеменнаго Тмутороканскаго княжества, слившагося въ половинѣ XI в. настолько съ Кіевомъ, что по смерти Ростислава тмутороканскіе граждане, чрезъ епископа Никона, умоляли вел. кн. Святослава отпустить къ нимъ на княженіе сына своего Глѣба (Житіе Ѳеодосія). Изъ лѣтописнаго сообщенія подъ 1066 г. мы узнаемъ, что сидѣвшіе тамъ русскіе князья обнаруживали неуклонное стремленіе подчинить себѣ сосѣднія земли не только восточныя, но и западныя, на которыя Византія простирала свое владычество, пока наконецъ и Тмутороканская область и Корсунь не сдѣлались добычей половцевъ въ 1096 г. при Всеволодѣ Ярославичѣ (Тверск. лѣт.), что подтверждается лѣтописнымъ повѣствованіемъ—о походѣ половцевъ на грековъ «съ Девгеньевичемъ» въ 1095 г. Когда князь Ростиславъ Владиміровичъ подворился въ Тмуторокани, собирая дань у побѣжденныхъ Святославомъ Игоревичемъ касоговъ и *у инѣхъ страна*, то греки измѣнически подослали къ нему корсунскаго правителя—«к. тепана» [1]), которымъ русскій князь и былъ отравленъ въ разгарѣ пиршества. За Ростислава отомстили мятежные корсунцы, побивъ каменьями ненавистнаго имъ правителя. Очевидно, пріязненное сближеніе руссовъ съ херсонитами возникло задолго до половины X в.. Херсониты часто возмущались противъ греческихъ императоровъ и испытывали на себѣ жестокое ихъ мщеніе, какъ напр., свергнутаго съ престола Юстиніана Ринотмета. По словамъ Константина Порфир., въ случаѣ возстанія херсонитовъ противъ греческой власти, имъ угрожало прекращеніе доступа къ нимъ изъ окраинъ Понта кораблей съ хлѣбомъ, виномъ и иными припасами (De adm. imp. гл. 53). Херсониты посѣщали русскія земли, откуда возвращались, переправляясь чрезъ Днѣпръ около мѣста, назыв. Кракій-скимъ перевозомъ (Ib. гл. 9). Наши договоры X в. предусматриваютъ безпрестанныя стычки херсонитовъ съ русскими рыболовами близъ днѣпровскихъ устьевъ [2]), по сосѣдству съ Олешьемъ, (нынѣ Алешки), на итальянскихъ картахъ Висконти и Барбаро «Ellexe, Elice», древняя Илея, однимъ изъ главныхъ пунктовъ хлѣбной торговли, которую вели съ сосѣ-

---

[1]) Ср. «capitanatus», въ грам. XII в. «catepanitium» у Taf. и Thom.: Font. rer. Austr. XII, 262.

[2]) «Черное море богато рыбой, въ безчисленномъ множествѣ плывущей оттуда въ Византію» (Тацитъ: Annal. lib. XII, § 65).

дями жители Приднѣпровья—борисфениты еще во времена Геродота, гдѣ были захвачены «греки» Давидомъ Игоревичемъ и откуда, въ 1164 г., возвратился посолъ княжескій Гурята, отряженный Ростиславомъ къ греческому царю по поводу поставленія Клима митрополитомъ, а въ 1213 г., на лодьяхъ, къ нижнему Днѣстру привозили рыбы и вино (Ипат. 144, 346, 491). Добываніе херсонитами соли у Некропильскаго залива (De adm. imp. гл. 42) свидѣтельствуетъ, что Перекопъ былъ однимъ изъ крайнихъ пунктовъ *соляного пути*, по которому русскіе купцы отправлялись за солью въ Крымъ (Рубруквисъ) къ Геническимъ озерамъ, гдѣ нѣкогда херсониты добывали соль (Конст. Порфир.), и одно развѣтвленіе котораго доходило до Хаджибея (нынѣ Одесса), судя по позднѣйшимъ договорнымъ актамъ о разрѣшеніи русскимъ безпрепятственно «до Качибея по соль ѣздити и брать» [1]). Усиленная забота грековъ объ охранѣ корсунскихъ владѣній вызывалась тѣмъ, что имъ грозила опасность не только отъ руси, но и отъ черныхъ болгаръ.

Вопросъ о *черныхъ* болгарахъ и ихъ вторженіяхъ въ Корсунскую страну представляется запутаннымъ по причинѣ разночтеній лѣтописныхъ сводовъ и отсутствія вполнѣ точныхъ указаній на географическое положеніе Черной Болгаріи, извѣстной лишь изъ упомянутаго договора и соч. «De administrando imperio» [2]). «А о сихъ оже то приходять чернии болгаре, воюють въ странѣ Корсуньстѣй, и велимъ князю рускому да ихъ не поусчаетъ накост(ит)ь странѣ той» (Лавр.). Предпочитая это изложеніе Ипатскому тексту, значительно испорченному, мы устраняемъ и всякія сомнѣнія относительно довольно яснаго смысла статьи. Черная Болгарія — восточная часть древней Болгаріи, населенная преимущественно гунно-болгарскими племенами котраговъ или кутургуровъ [3]) и прилегающая къ низовьямъ Волги и къ р. Кубани (Куфисъ), съ IX вѣка въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ руссами (Ліудпрандъ) и Тмутороканскою областью, обни-

---

[1]) «А которые соленики приходять по соль до Качибіева» (Обол. и Данилов.: Кн. посольск. в. кн. Литов. I, № 19 и 40). Ссылки на этотъ актъ нѣтъ у А. Маркевича: Городъ Качибей или Гаджибей, предшеств. гор. Одессы По договору 1540 г Сигизмунда I съ ханомъ С. Гиреемъ... «Купцы коруны Польской и в. княж: Литовскаго маютъ добровольно въ Качибіевѣ соль брати и мыта подлугъ давнаго обычая заплатити, до Кіева и до Луцка и до иншихъ городовъ соль привозити. Купцамъ панства нашего... вольно пріити и торговать до Перекопа и до Кафы» (А. З. Рос. II, № 220). Изъ Качибея въ 1415 г. король Ягайло послалъ хлѣбъ греческому императору (Длугошъ, гл. XI).

[2]) Статья, касающаяся корсунскихъ интересовъ, весьма подробно изслѣдована Н. Ламбинымъ, но не такъ-то удачно возстановлена (о Тмуторок. Руси).

[3]) Не менѣе сильная вѣтвь болгаръ—утургуры въ VI в. разрушили Фанагорію и захватили Таврическій полуостровъ отъ Босфора до Херсонеса (Прокопій) и въ лицѣ князя своего Гордаса, принявшаго крещеніе, заключили договоръ съ Юстиніаномъ I-мъ обязавшись защищать сопредѣльныя греческія владѣнія (Феофанъ, Анастасій, Кедринъ).

мавшею обширную территорію въ видѣ *особаго государства* (Абульфеда, гл. VII, по Рено), и Хозаріей, населеніе коей дѣлилось на хозаръ черныхъ и бѣлыхъ. Черная Болгарія, по выраженію Константина Порфиророднаго (около 952 г.), *могла воевать* послѣднюю и съ нею имѣли частыя сношенія днѣпровскіе руссы, проникая туда морскимъ путемъ (De adm. imp. гл. 12 и 43). Такъ какъ узы *могли воевать* хозаръ, потому что *граничили съ ними* (Ib. гл. 10), то и Черная Болгарія граничила съ Хозаріей. Черною называлась древняя Болгарія, вѣроятно, по своей зависимости отъ наложившихъ нѣкогда на нее дань хозаръ (Феофанъ, ср. Прокопія). Быть можетъ, убійство Аскольдова сына болгарами (Никонов.) имѣетъ связь съ давней попыткой руссовъ подчинить себѣ восточную Болгарію, какъ справедливо полагалъ Ключевскій (Боярск. Дума древн. Руси). До 945 г. Черная Болгарія, очевидно, примкнула тѣсно къ Руси и состояла подъ властью русскаго в. князя; иначе нельзя понимать рѣзкое договорное *вельніе* ему преградить доступъ къ Корсунской странѣ черными болгарамъ, приходившимъ туда съ враждебными цѣлями. Нѣкоторые арабскіе писатели знаютъ черныхъ болгаръ подъ именемъ бургаръ; другіе, какъ Ибнъ-Даста, называютъ ихъ также булгарами, получавшими товары отъ руссовъ, и помѣщаютъ въ низовьяхъ *Черной* рѣки—Волги, она жъ Итиль, (съ которой Ядризи сближаетъ названіе Черной Куманіи), по сосѣдству съ руссами, хозарами и буртасами (бартами), на югъ отъ *серебряныхъ* болгаръ нашей лѣтописи, упоминаемыхъ и въ Похвалѣ Владиміру монаха Якова». О бургарахъ мусульманскіе авторы сообщаютъ то же, что Игоревъ договоръ и императоръ Константинъ о черныхъ болгарахъ. Въ бургарахъ нельзя не узнать черныхъ болгаръ, ибо, имѣя прямыя торговыя сношенія съ руссами, жившими въ хозарской странѣ и около нея, бургары нападали на византійскія владѣнія и вели войну съ хозарами (Массуди, Казвинъ, Ал.-Бекри). Самое переселеніе болгаръ на Дунай, гдѣ арабы помѣщаютъ Великую Болгарію, наша лѣтопись ведетъ «отъ страны козаръ». Тяготѣніе черныхъ болгаръ къ руссамъ началось не позже 943 года, времени второго похода руссовъ на Прикаспійскую область, гораздо болѣе удачнаго, чѣмъ походъ на нее 913—914 г. (Якутъ, Абульфеда и др.), когда бургары, воспользовавшись пораженіемъ руссовъ, истребили остатки ихъ дружинъ. При Святославѣ уже все юговосточное Приволжье сливалось съ Русскимъ государствомъ. Очень возможно, что черные болгаре вошли въ пеструю массу тѣхъ иногородцевъ, въ томъ числѣ переяславскихъ торковъ, которую лѣтопись знаетъ подъ именемъ *черныхъ* клобуковъ [1]). Между ними были и *турпѣи*, упоми-

[1]) Нѣкоторые производятъ это названіе отъ избраннаго Аббасидами чернаго цвѣта одежды и чалмы, въ которыя облекались волжскіе болгаре по принятіи магометанской вѣры (П. Кеппенъ: О волжскихъ болгахъ). Прикаспійскихъ и волжскихъ болгаръ лѣтописецъ дѣлитъ на двѣ отрасли: *хвалисовъ* и собственно *болгаръ*, производя всѣхъ ихъ отъ дочери Лота (Лавр. 226).

наемые лѣтописью подъ 1150 г., вѣроятно Страбоновы *Tarpeles*, въ окрестностяхъ Меотіи, берега которой, по его показанію, населяли земледѣльцы, распадавшіеся на разные роды. Роль черныхъ болгаръ въ XII в. играли переяславскіе торки, участвовавшіе въ походѣ руссовъ въ концѣ того вѣка на корсунцевъ за ограбленіе русскихъ кораблей, побѣдѣ надъ ними и заключенія съ ними мира (Татищевъ, т. II, 211).

Придерживаясь намѣченной мною программы — начертанія внѣшней исторіи договоровъ русскихъ съ греками X в. и анализа ихъ состава по содержанію и лексическимъ особенностямъ, предварительно подробнаго разбора чисто юридическаго ихъ существа—договорной Правды, сдѣлаю бѣглый обзоръ звѣньевъ той цѣпи, которая соединяетъ договоры, и разовью свой взглядъ на процедуру созиданія каждаго договора въ отдѣльности. По содержанію своему договоры 907 и 945 г., какъ мною было замѣчено, весьма сходны. Однѣ положенія уставленныхъ главъ мира и любви перваго повторены почти буквально послѣднимъ, другія—съ варіаціями и дополненіями, соображенными съ договоромъ 912 г. О путевой субсидіи, объ оснащеніи лодей при возвращеніи русскихъ изъ Греціи повторено въ 945 г. со ссылкою на прежнія установленія: «яко же уставлено есть первое» [1]). Выговоренное договоромъ 907 г. право приходящихъ въ Грецію русскихъ пользоваться вдоволь баней—«да творять имъ мовь (въ иныхъ спискахъ—«мовницы») елико хотять» не затрогивается договоромъ 945 г. (о немъ умалчиваетъ и договоръ 912 г.) но, очевидно, проживая застѣнами Царьграда, русскіе безъ цистернъ для мытья никогда обойтись не могли.—Если при оцѣнкѣ договоровъ исходить изъ средневѣкового международнаго обихода, то ихъ пробѣлы или недочеты не позволяютъ заключать о крутыхъ переворотахъ въ договорныхъ условіяхъ. Отдѣльныя постановленія договоровъ, съ теченіемъ времени повидимому исчезнувшія, воскресаютъ въ преобразованномъ видѣ, иногда съ приращеніями, иногда съ урѣзками и передѣлками. Недомолвки въ повторныхъ изліяніяхъ международной любви далеко не исключали продолженія дѣйствія давнихъ дружественныхъ обязательствъ, скрѣпленныхъ клятвеннымъ увѣреніемъ вѣчнаго мира, хотя бы въ новомъ договорѣ о нихъ умалчивалось, говорилось глухо или мелькомъ, и въ этомъ отношеніи возраженія, сдѣланныя Эверсу изслѣдователями, полагавшими, какъ Сокольскій, что статьи 912 г. и ихъ подробности, не вошедшія въ договоръ 945 г., были отмѣнены (О догов. русск. съ грек., стр. 5), оказываются слишкомъ поспѣшными. Прежнія льготы, въ новый договоръ невключенныя, попадали, впрочемъ, неизбѣжно въ зависимость отъ произвола предоставившей ихъ державы, несмотря на

[1]) Ср. въ латинскихъ грамотахъ: «erat antiquitus institutum».

обѣщаніе соблюденія «елико по силѣ» постояннаго мира. Тяжеловатый, топорный и въ высшей степени лаконическій слогъ нѣкоторыхъ главъ договорныхъ, мѣстами косвенно отражающихъ въ себѣ, въ разнообразной окраскѣ, давнія условія дружбы, иногда затрудняетъ уловить ихъ аналогію. Приведу нѣсколько наглядныхъ примѣровъ. Договоръ 945 г. намекаетъ на мѣсячное довольствіе будто на что-то ранѣе извѣстное и совершенно безспорное: «возмутъ мѣсячное *свое*». Подраздѣленіе полагавшихся въ мѣсячное довольствіе припасовъ—«хлѣбъ, вино, мясо, рыбы, овощь» и продолжительность его срока—шесть мѣсяцевъ въ году—опредѣлены договоромъ 907 г. Полугодичный срокъ довольствія удержанъ договоромъ Игоря, согласуясь съ запретомъ для русскихъ *зимовать* у св. Мамы по догов. 907 г., а также, по догов. 945 г., и въ устьѣ Днѣпра Бѣлобережьи, «ни» у св. Елферья,—не названный по имени Страбоновъ *островъ съ портомъ* противъ устья Борисфена, «insula» s. Aetheri» по Конст. Порфирор., гдѣ недавно выкопано множество древнегреческихъ сосудовъ: «егда придетъ *осень*, да идутъ въ домы своя въ Русь». Бѣлобережье правильно принимаютъ за островъ Березань, особливо, мнѣ кажется, потому, что въ Ипатскомъ спискѣ Бѣлобережье—*Бѣлобережань* [1]). Насколько важна была упомянутая льгота, видно изъ того, что въ 941 г. руссы вынуждены были возвратиться изъ Греціи за недостаткомъ продовольствія (Theophil cont. и др.).—Сравнивая договоръ 945 г. съ предшедшими договорами, многіе недоисиваются въ нихъ указанія на право вел. князя и его бояръ посылать въ Грецію «корабли елико хотятъ, съ послы своими и съ гостьми», относя добавленную къ этому ссылку «якоже имъ *уставлено* есть» къ какому либо недошедшему до насъ договору, тогда какъ, въ дѣйствительности, (см. II гл.) и договоръ 907 г. указываетъ на неограниченное право русскаго правительства отряжать въ Грецію пословъ и гостей: «да *приходячи*

---

[1]) По словамъ импер. Константина, отъ острова св. Георгія—Хортицы, гдѣ 300 лѣтъ спусти собирались на лодьяхъ, русскіе князья противъ татаръ, до остр. св. Елферія—Березани путешествіе руссовъ было продолжительно. Достигнувъ *того* острова (Хортицы), руссы отдыхаютъ тамъ два или три дня, совершая жертвоприношенія, оснащая свои однодеревки парусами, мачтами... Оттуда (отъ Хортицы) они далѣе плывутъ по р. Днѣпру (Δανάκρι) и, добравшись благополучно (до о. Березани), тамъ опять отдыхаютъ. При благопріятной же погодѣ они, выйдя на берегъ, шли къ т. наз. *Бѣлой* рѣкѣ... (ср. Балава у Массуди) и направлялись къ Селинѣ, рукаву Дуная. Рѣка Бѣлая, по моему убѣжденію,—*Бѣлогрудовское* гирло Днѣпра. Морское побережье между Днѣпромъ и Днѣстромъ у Константина—*Золотой* берегъ, названіе донынѣ удержавшееся близъ Одессы, у Большефонтанскаго мыса. Въ XVI в. Бѣлобережьемъ называлось и среднее теченіе Днѣпра около устьевъ Сулы (См. документальныя ссылки, сдѣланныя Грушевскимъ въ Очеркѣ ист. Кіевской земли, стр. 33, прим. 6).

русь слебное» («хлѣбное» нѣкот. сп.) емлють «*велико хотячи*», независимо отъ числа направляемыхъ въ Грецію русскихъ кораблей. *Установленіемъ*, заимствованнымъ изъ ранѣе заключеннаго договора—«яко же *уставлено есть преже*», оказывается и положеніе 945 г. о цѣнѣ въ двѣ паволоки за бѣжавшаго челядина русскаго (см. IV главу). Платежъ паволоками соображенъ съ спеціальнымъ тарифомъ подлежавшихъ вывозу греческихъ паволокъ, стѣснительному для всѣхъ посѣщавшихъ Грецію иностранцевъ (болгарскій догов. 715 г. и свидѣт. Ліудпранда). Паволоки—«румскій дибаджъ» у Ибнъ Фадлана (920—930 г.)—разрѣшалось, по договору 945 г., каждому русскому покупать лишь на 50 золотыхъ—«да не имѣютъ волости купити паволокъ лише по 50 золотникъ», съ тѣмъ чтобы на купленные предметы налагались клейма царевымъ мужемъ: «и отъ тѣхъ паволокъ аще кто крьнеть [1]), да показываеть цареву мужу; и (онъ) тъе (вар. «то») запечатаетъ и дасть имъ» [2]). Подобное торговое ограниченіе, по отпуску продаваемаго товара, мнѣ удалось найти въ договорѣ грековъ съ венеціанами 1147 г.: «habet veneticus medium metrum et rubum apud se, et cum ipso vendat usque ad *quinquaginta libras*». (Taf. и Thom. Font. rer. Austr. XII, № 49).

Приступаю ко второй группѣ ссылокъ, свойственныхъ каждому отдѣльному мирному договору русскихъ съ греками и объединяющихъ предварительные переговоры о мирѣ съ ихъ непосредственнымъ матеріальнымъ послѣдствіемъ, коль скоро они вѣнчались успѣхомъ. Группа эта сводится къ типичному выраженію въ началѣ каждой мирной грамоты: «Равно другаго *свѣщания*», послужившему однимъ изъ поводовъ вмѣненія составителямъ русскаго текста мирныхъ грамотъ слѣпой подражательности греческимъ образцамъ при изложеніи договорныхъ формулъ, въ коихъ наши лингвисты, историки и правовѣды усматриваютъ буквальный переводъ, очень неискусный и даже невѣжественный, съ греческаго. Большинство ученыхъ, напр., Пахманъ въ диссертаціи «О судебныхъ доказательствахъ (стр. 22 прим.), Тобіенъ (Die ältesten Tractate Russland's, стр. 23—26) и Погодинъ (Изслѣд. т. I, 126), приведенное выраженіе неправильно переводятъ: «по примѣру *прежняго* договора». У Лавровскаго же оно имѣетъ слѣдующій смыслъ: «*списокъ* съ другой *договорной грамоты*» (О виз. элем.

---

[1]) Примѣры употребленія этого глагола, приведенные въ Словарѣ др.-русск. яз. И. Срезневскаго, дополню выраженіемъ «взяти изъ бусы *черезъ край* въ лодью» (Обол. и Доним. т. II, № 69).

[2]) Издатели Лавр. лѣтоп. едвали правильно дѣлятъ тъе на тъ ѐ; ср.: «да возвратять ѐ (его, т. е. челядина) опять»... «да наслѣдить ѐ». Такая усѣченная форма употребляется вмѣсто «его», иногда же вмѣсто глагола «есть».

яз. догов. русск. съ гр., стр. 52, 59, 121). Авторъ придаетъ съвѣщанію узкое значеніе изготовленной грамоты и усиливается опровергнуть воззрѣніе Карамзина, Эверса, Соловьева и нѣкот. другихъ на вступительную фразу, какъ на *предварительное соглашеніе*, прибавлю, преданное письму. Взглядъ Лавровскаго, подкрѣпленный неосторожно истолкованными имъ выдержками изъ Кормчей, страдаетъ большими недостатками. Въ дѣйствительности мирное совѣщаніе имѣетъ широкій смыслъ. Оно отъ корня своего—переговоровъ переносится въ договорный текстъ, а затѣмъ въ грамоты, подлежащія обмѣну между сторонами, воплощаясь въ принятыхъ условіяхъ: «И таковое *написаніе* дахомъ на утвержение обоему пребывати *таковому свѣщанию*... на утверженіе и на извѣщение межи нами бывающаго мира» (912 г.). «Мы же *свѣщание* все (въ Лавр. и Соф. «свѣщаниемъ») *написахомъ на двою харатью*... на роту идуть хранити *истину*, яко мы *свѣщахомъ*, *написахомъ* на харатью» (945 г.)—«Игорь *глагола* съ ними (греческими послами) о мирѣ... «велѣша *глаголати*, *писати* обоихъ рѣчи на харатью». Святославъ клялся Цимисхію на договорныхъ хартіяхъ соблюдать все то, въ чемъ поклялись русскіе послы: «и утверженю *на свѣщаньѣ* семь роту свою»,—да схранимъ «правая *свѣщанья*». Это нисколько не помѣшало Лавровскому отвергнуть, безъ надлежащей справки съ историческими фактами и средневѣковыми дипломатическими обрядами, всякую связь «свѣщаній» внѣ тѣхъ рамокъ, въ которыя онъ вставляетъ двѣ равнаго содержанія грамоты—греческую и русскую. Плодомъ увлеченія Лавровскаго явился такой неточный, хотя заманчивый для многихъ (м. проч. Владим. Буданова) переводъ заголовка знаменитаго Святославова мирнаго акта «Равно другаго съвѣщанья» и т. д.: *списокъ* съ другой договорной грамоты, находящейся и у Святослава, и у Свѣнельда, и у *Іоанна*.. Съ помощью классическихъ руководствъ, *бывшее свѣщаніе* обращается ученымъ авторомъ въ *находящійся* (*у обыхъ сторонъ*) *списокъ* (стр. 53—60, 93). При обмѣнѣ договорныхъ грамотъ, въ которыхъ каждая держава излагала содержаніе договора, съ одностороннимъ своимъ вступленіемъ и послѣсловіемъ, такія грамоты не могли быть вполнѣ равны между собою. Равны были въ нихъ лишь принятыя по соглашенію, мирныя условія. Лавровскій игнорировалъ и уравненіе съ *происходившимъ* въ 912 г. совѣщаніемъ («равно съвѣщания *бывшаю*»)... Подлинный смыслъ весьма важнаго въ древнерусскомъ дипломатическомъ языкѣ термина «съвѣщание» наилучше раскрывается сличеніемъ аналогичныхъ терминовъ въ отечественныхъ и иностранныхъ памятникахъ съ отдаленнѣйшихъ временъ [1]).

---

[1]) Въ лѣтописномъ разсказѣ: «Свѣщаша русь, идоша вооружившеся на греки» (941 г.), послѣ обхода ее 40 тысячнымъ греческимъ войскомъ съ македонскими и фригійскими полками.—«Умыкаху жены себѣ, съ нею же кто *свѣщашеся*».—«Ярославъ съ епископы своими русскими *свѣщавше*» (о поставленіи Иларіона митрополитомъ). По словамъ

Соглашеніе или сговоръ, уговоръ послові исходитъ какъ-бы отъ самихъ договаривающихся державъ, въ западно-русскихъ актахъ «сгода, умова, смолва, у римлянъ sponsio [1]). Въ актахъ XVI в. замѣчается склонность къ замѣнѣ съвѣщанія сговоромъ: «Въ обычаѣ моя добрыхъ государей послы ѣздятъ и дѣла межъ ихъ дѣлаютъ по *сговору* на обѣ стороны. Отъ прародителей нашихъ... отъ королей польскихъ послы ѣздили и дѣла великія дѣлывались на обѣ стороны, *уговоря*. Да какъ придутъ на добрый *конецъ*... и они дѣло сдѣлавъ, безъ зацѣпки прочь поидуть, а которые дѣла не придутъ на *добров согласіе*, и они, не сдѣлавъ дѣла, прочь поидуть» (Соловьевъ: Ист. Рос. т. V, гл. 3, перегов. съ Герберштейномъ). Въ письмѣ императора Максимиліана I-го къ в. кн. Василію Іоанновичу отъ 1509 г. упоминается извѣщеніе г. Любека и иныхъ 72 союзныхъ городовъ ганзейскихъ, что жильцы и купцы этихъ городовъ «отъ древняго нѣкоего обычаа и *согласіа* въ старину межъ предковъ вашихъ и тѣхъ обществъ учиненнаго и знаменіемъ крестнымъ утвержденнаго, свободнѣ имѣли товары и благаа своя въ градахъ или въ подвластіе Новгородское возити и туто и индѣ по государству вашему торговли межь собою творити» (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 56). Приведу еще типичную грамоту изъ переписки Іоанна Грознаго съ Сигизмундомъ Августомъ 1556 г., редакти-

---

самого Иларіона, князь «съ епископы снимаяся часто *совѣщавшеся*, како... законъ уставити».—«Се есть совѣтъ золъ, иже *сѣщеваютъ* на кровопролитье».—«Не ими, княже, вѣры братьи нашю, суть ея *сѣщали* (съ) черниговскими князи» (Лавр. 13, 465, 980; Никон. т. IX, 83).—«Игорь *сѣча* съ Лавромъ бѣжати».—Володимеръ пришедъ *сѣчався* съ Олговичи». «*Сѣщашася* перельстити князя своего». Въ 1159 г. «съвѣтъ золъ *сѣщаша* на князя своего полочане».—«*Сѣщано* есть, яко убьену ти быти» (Ипат. 231, 438, 508). Въ 1097 г. «Свя тополкъ *сѣтъ* створи съ ляхы, обѣщая помощь на Давида» (Лавр. 259). То же на юридическомъ языкѣ, напр.—«*совѣщати* цѣну» (Русск. Достоп. II. 164, Догов. Новг. съ Казиміромъ ст. 10). Въ Коричей: «По волѣ и *совѣщанію* (обоюдному соглашенію) разрѣшити бракъ». Договоръ купли-продажи характеризуется въ ней двумя моментами—*совѣщаніемъ* и *кончаніемъ*, т. е. предварительнымъ соглашеніемъ и окончательнымъ заключеніемъ, завершеніемъ договора. Одинаковое понятіе соединяютъ съ совѣщаніемъ южнославянскіе памятники; напр. въ Законѣ царя Юстиніана о записаніи, по списку у Р. Губе, ст. 18: «Аще два земледѣлателя между собою *сѣщаетасе* замѣнити нивіе»... (О знач. римск. и римск.-визант. элем. у южн. слав., прихож.) Въ Воскрес. лѣтоп., ставится на видъ нарушеніе совѣщанія епископомъ Варсоноѳіемъ: «Преступи свое *сѣщаніе*» (т. VIII, 258). Договоры, какъ между народами, такъ и между князьями всегда опираются на предварительное взаимное соглашеніе, напр. при заключеніи мира персовъ съ греками были утверждены условія, на которыя *согласились* послы персидскіе и греческіе (Менандръ). Въ договорѣ 1389 г. «яко же уставлено и *сглашено быстъ* се промежи насъ» (А. Ист. I, № 252).

[1]) Наука строго различаетъ *sponsiones*—взаимныя соглашенія дипломатическихъ агентовъ, отъ *foedera*, *pactiones* (Laurent: Hist du droit des gens. II. 194—196).

рованную подъ вліяніемъ лѣтописи и содержащую въ себѣ, подобно многимъ грамотамъ, воспоминаніе о Рюрикѣ,—«иже былъ господиномъ у Великомъ Новеграде,... Владимірѣ Святославичѣ, иже крести Рускую землю и тытулъ царскаго именованья на себя положилъ,... о внукѣ его Владимірѣ Всеволодовичѣ Мономахѣ, иже тытуломъ царскаго именованья вѣнчанъ бысть *съ прошеніемъ мира* греческаго царя Костянтина Манамаха»[1]). Въ обращеніи къ Сигизмунду Грозный между прочимъ писалъ: «А што еси, братъ нашъ, приказывалъ намъ своими послы, што хочетъ зъ нами *совѣтъ* учинити... и намъ бы съ тобою... *добрую смолву и миръ вѣчный* учинити... Учинилъ бы еси съ нами *совѣтъ*... и похочешь ли... й нынѣ съ нами любовънаго *согласія и миру вѣчнаго*» (Обол. и Данилов.: Кн. посольск. в. княж. Литов. т. I № 78). Въ дневникѣ литовскихъ пословъ того же года сказано, что русскіе бояре сообщили имъ о согласіи царя заключить перемиріе на шесть лѣтъ и «*змовившися* съ нами, велѣли грамоты перемирныя писати» (Сб. кн. Оболенск. 1838 г., № 5). Въ 1667 г., предъ утвержденіемъ Андрусовскаго договора одинъ изъ пословъ потребовалъ, до присяги, дополнительнаго *совѣщанія* по нѣкоторымъ неяснымъ статьямъ договора. Церемоніалъ совершался тогда болѣе или менѣе по правиламъ греческаго двора. Врученныя королю пергаментныя вѣрительныя грамоты были «по греческому обычаю» свернуты въ трубку. Въ подробномъ разсказѣ о путешествіи польскихъ пословъ въ Московію упомянуто, что, въ довершеніе всѣхъ церемоній, посламъ поднесли кубки «по древнегреческому обычаю» (М. Бутурлинъ: Бумаги Флорент. центр. арх.).—При большемъ разнообразіи дипломатической терминологіи, порядокъ дипломатическихъ переговоровъ о заключеніи мира Россіи съ иными державами къ XVI—XVIII в. въ существенныхъ чертахъ оставался тотъ же, что и въ X вѣкѣ при заключеніи мирныхъ договоровъ съ греками. Вступительная часть и конецъ договорной грамоты 912 г. въ достаточной мѣрѣ обнаруживаютъ отсутствіе внѣшней связи посольскаго совѣщанія—«равно другаго съвѣ-

[1]) Грамота Алексѣя Комнена, при которой будто бы онъ прислалъ Владиміру Мономаху царскія регаліи, признаваемая большинствомъ историковъ подложною, а Болтинымъ подлинною, приводится обыкновенно, напр. въ Никонов. лѣтоп. Толстовск. сп. подъ 1114 г., въ крайне сжатомъ, отрывочномъ видѣ, а въ древней лѣтописи, имѣвшейся у Болтина и, кажется, погибшей, она почти цѣликомъ изложена: «Алексій Комненъ, милостію Божіей царь и самодержецъ греческій» и т. д. (Примѣч. къ Ист. Рос. Леклерка, т. I, стр. 250). Если тою и нѣкоторыми сходными лѣтописями приписывается Владиміру *отказъ* отъ предложенной ему чести—«Володимеръ царскаго титула не восхотѣлъ воспріяти», то непонятно,—къ чему служило бы измышленіе самой грамоты, по редакціи очень выдержанной. Возможно, что гдѣ-либо отысканъ греческій экземпляръ грамоты уже послѣ окончанія лѣтописнаго свода Сильвестромъ.

щания, *бывшаго* при тѣхъ же царяхъ—Лва и Александра»—(Лавр., Ипат., въ Радз. Львѣ и Александрѣ) съ *давнимъ* миромъ и тождество совѣщанія съ *предварительнымъ*, *изложеннымъ на письмѣ соглашеніемъ*, достигнутымъ взаимнымъ обсужденіемъ державами, чрезъ своихъ пословъ, условій *того же* договора, въ коемъ дѣлается ссылка на совѣщаніе. Выраженіе «при царѣхъ Лва и Александра», обнаруживающее само по себѣ истинный смыслъ другого совѣщанія, какъ и выраженіе догов. 945 г.: «Равно другаго съвѣщания, бывшаго при цари Романѣ и Костянтинѣ и Стефанѣ», доказываетъ *присутствіе* царей Льва и Александра на совѣщаніи, въ лицѣ своихъ представителей—пословъ. Предлогъ «при», употребляемый, по И. Срезневскому, въ *шести* разныхъ значеніяхъ, допускаетъ въ данномъ случаѣ выборъ лишь одного изъ двухъ значеній: а, *во время*, какъ это обыкновенно принимаютъ, и б, *въ присутствіи, при бытности* или *при участіи* [1]), какъ это принимается мною по соображеніи съ актомъ Святослава 971 г. Тамъ тексту утвердит. грамоты вел. князя, писаной *при Феофилѣ синкелѣ*, предшествуетъ ссылка на совѣщаніе, «бывшее *при Святославѣ* и *при Свѣнельдѣ*, которая, очевидно, разумѣетъ не періодъ времени, но *участіе* Святослава и Свѣнельда, хотя бы въ разные моменты, въ совѣщательныхъ переговорахъ о мирѣ, перваго не только чрезъ пословъ, но и лично съ Цимисхіемъ.

Ходъ мирныхъ сношеній и достиженіе конечной ихъ цѣли—согласіенія сторонъ—«concordia» или «symphonia» (Taf. и Thom. XII № 40), на почвѣ мирныхъ условій обозначается въ латинскихъ грамотахъ различными вспомогательными терминами: «colloquutio (въ догов. 803 г. у Bernard'a—Rec. d. traités.), consilium (971 г. [2]), colloquium, conferentia. «Conventio seu compositio facto», convenientia или conniventia, tractatio [3]). У творца науки международнаго права Гуго Гроція: «pactum seu pactio est *consentio* duorum vel plurium in idem placitum» Lib. II, cap. XI, c. 1—4).

---

[1]) См. въ поуч. Владиміра Мономаха: «Мировъ есмъ створилъ съ половечьскыми князи безъ одиного 20, и *при отцѣ* и кромѣ отца»... (Лавр.) и оговорку заболѣвшаго князя Владиміра Васильковича къ завѣщанію его въ пользу Мстислава о передачѣ послѣднему всей своей земли и городовъ: «а се ти даю *при царихъ* и *при его рядцихъ*», т. е. въ бытность царей (Телебуги съ подручникомъ Алгуемъ) и въ присутствіи рядцевъ Телебуги (Ипат. 591).

[2]) Отсюда «consiliabula».—«pace consiliata» или «consiliati pacis» (Акты венец. и генуэзск.).

[3]) Tractare conventionem», «tractare et conventare»,—«conventio a nuntiis facta... ad tractatum pacis specialiter deputatis»... tractarunt et concordaverunt»,—«cum eis *collatum* fuit» (Акты генуэзск.). «In colloquium convenire» (Kod. dipl. kat. Krakow. № 13, подъ 1224 г.).—«Capitula pertractata», иногда «conditionibus compositis».

Въ договорѣ персовъ съ греками терминомъ «конвенція» обозначается обоюдное соглашеніе сторонъ. По словамъ хроники Ebbo (III, 13), уполномоченные Болеслава III Кривоустаго и поморскаго князя Вратислава — «tractare ceperunt» объ условіяхъ мира. На третій день, при посредничествѣ Оттона Бамбергскаго «reconsiliati pacis oscula libant»... Иностранные термины договорной практики—не рѣдкость въ русскихъ актахъ уже XV—XVI в.: «Если бы в. князь московскій о пріязнь съ королемъ шведскимъ *трактовати* хотелъ».. (Обол. и Данилов.: Кн. пос. в. княж. Литов. т. II). Трактатъ въ смыслѣ переговоровъ объ условіяхъ мира близко подходитъ къ «съвѣщанію», однако, сличеніе занесенныхъ въ Кормчую юридическихъ нормъ съ источниками — Эклогой Льва Исаврянина и Константина Копронима 739 — 741 г. и Прохирономъ Василія Македонянина 870—878 г., въ переводѣ на славянскій языкъ, убѣждаетъ меня, что съвѣщанію, какъ достигнутому соглашенію, статейный текстъ коего переносился цѣликомъ въ договорный протоколъ, наиболѣе отвѣчаетъ конвенція—conventio или pactio, подлежавшая всецѣло утвержденію присягой, а глаголъ «съвѣщатися» латинскому «convenire»: Аще будетъ совѣщаніе—«si convenit». Мѣсто заключенія мира между Болеславомъ II польскимъ и княземъ Изяславомъ въ 1070 г.—«locus *conventionis*». (Мартынъ Галлъ). Въ мирной грамотѣ Исаака Ангела съ венеціанами 1189 г. сказано: «Quippe et nuntii ad nostram clementiam missi sunt (такіе-то) *conventionem* suam, quam imperio nostro et Romanie fuerunt *ioramento corroboratam* equidem offerentes et que ipsis promissa sunt per chrysobulum exigentes»... (Taf. и Thom.: Font rer. Austr. XII, № 84, 207). Въ 1199 г. послы венеціанскіе, опираясь на письменное порученіе своего князя, говорили: convenimus et pacti sumus et quod concessit et commissit nobis nobil. dux Venetie et nos super animam suam iuremus, quod et ipse ea que a nobis pacta sunt et conventa, iurabit et homines Venetie iurare faciet» (Ib. I, № 85).—«Равно» въ дипломатическихъ актахъ всегда значитъ—*одинаково*, напр., въ актѣ 1488 г.: «Хотѣли смотрѣти, если мое писмо *равно* царевѣ грамотѣ» (Пам. диплом. сношен. древн. Рос. съ держ. иностр. I, 5). То же въ частныхъ договорахъ: «А се памяти взяты у насъ по себе *ровно*», т. е. по содержанію своему одинаковые (Мейчикъ: Грам. XIV—XV в., 60). Подъ *другимъ* съвѣщаніемъ надо разумѣть предварительное соглашеніе по тому же предмету, происходившее и состоявшееся («бывшее») и занесенное въ особый протоколъ или актъ. Для повѣрки моего вывода вступительную фразу договорныхъ грамотъ не мѣшаетъ сопоставить съ разсказомъ Длугоша о примиреніи Болеслава Храбраго съ Владиміромъ святымъ, которое Нарушевичъ (Hist. nar. Pol., т. I) отнесъ къ 992—993 г.: «Boleslaus amicitiam ruthenicam intelligens rei publicae plurimum *convenire*, foedus Wladimiro duci Russiae concesit et *sub aequis conditionibus* secum jure jurando firma-

vit». Этимъ договоромъ подтверждался миръ, заключенный, по Татищеву, Владиміромъ съ отцомъ Болеслава Мешкомъ.

Принятіе сторонами условій мира сводится къ уряду, какъ успѣшному результату *ряда* или *порядa*. Въ 912 г. «посла мужи свои Олегъ построити мира и положити *рядъ* (въ Ипат. «ряды») межю русью и грекы»... «А о головахъ *урядимся* сице» — «*Урядъ* положиша межи Грецкою землею и Рускою». «Възметъ *уряженое* его» [1]). Договоръ 945 г. во вступительной части своей содержитъ доказательство изготовленія мирныхъ статей на совѣщательномъ собраніи пословъ: «Суть... яко понеже *мы ся имали* (т. е. соималися)... главы таковыа». Въ договорѣ 1609 г. шведскіе послы говорятъ: «Мы съ русскими послы *соединилися* и утвердилися» (А. Ист. III, № 159). Мирныя условія для улаженія и внутреннихъ безпорядковъ обсуж-

---

[1]) Ср. «уряженье» въ Уст. Владим. о церк. судахъ. Въ 1096 г. Святополкъ и Владиміръ Мономахъ звали Олега въ Кіевъ на «совѣтъ» съ цѣлью «порядъ» положити о Русьстѣй земли». Въ 1169 г. половцы предлагали Глѣбу Георгіевичу *порядъ* съ ними положити о всемъ и утвердиться межи собою ротой: «внидемъ въ роту къ тобѣ, а ты къ намъ» (Лавр. 339, 340). Въ томъ же году Мстиславъ, придя въ Кіевъ, «взямъ *рядъ* съ братьею, съ дружиною и кіяны» (Воскрес.). «Ать *рядъ* учинимъ предъ мужи отець нашихъ» (подъ 1096 г.). Владиміръ Мономахъ писалъ Олегу: «Послалъ солъ свой или попа и грамоты напиши съ правдою, а о се *ся ряди*... съ братомъ твоимъ *рядимся всее*... а не поможетъ, *урядимся* безъ тебе». Въ 1139 г. «посла Вячеславъ и Ярославъ... послы свои къ Всеволоду, съ рѣчьми *рядитися*» (Ипат. 290). «Давидъ и Рюрикъ *ряды* вся уконча въ Руской земли» (Ib. 459). Подъ 1203 г. въ Треполѣ «князья восхотѣша *рядъ* положити межи собою» (Никон.). Въ 1217 г.: «снемщимся имъ (князьямъ) всѣмъ на *порядѣ* (Лавр. 418). Въ 1224 г. «князья *рядъ* положиша» (Тав.). Въ 1231 г., «Мирославъ створи миръ съ королемъ... *рядомъ* же дасть Белзъ и Червенъ Олександру». Въ 1262 г. на снемѣ въ Тернавѣ русскіе князья и лядскіе «положиша *рядъ* межи собою о землю Рускую и Лядскую, утвердившеся крестомъ честнымъ» (Ипат. 510, 567). «Ярославъ *уряди* сыны свои быти въ любви». Въ 1229 г. смольняне съ нѣмцами «*оурядили* такъ миръ». Въ 16 ст. Смоленской Правды: «промежи собою *оурядятся*». Въ догов. Мих. Ярославича съ Новгородомъ 1305 г.: «А *ряду* въ Новгородской волости тобѣ, княже, и твоимъ судиямъ не посужяти» (Собр. Г. Гр. и Дог. № 6). Въ Судебникѣ 1468 г.: «Казиміръ съ поспольствомъ согадавши, *урядили есмо* такъ». О рядахъ см. также Соловьева Ист. Рос. т. 2, гл. 1, Сергѣевича, Юридич. Древн. и др.—Въ Псковской судной грамотѣ актъ, содержащій письменныя условія,— *рядница* или *порядня* (ст. 15, 32, 39, 101), какъ и въ Псковской лѣтописи: «рукописанья и *рядницы* посужать» (стр. 209). Во многихъ лѣтописныхъ спискахъ подъ 1175 г.: весь *порядъ* положиша у св. Богородицы». Глаголъ рядити имѣетъ часто значеніе распоряженія: Въ Словѣ о полку Игоревѣ: «грады *рядяше*». Въ догов. Новгорода съ княземъ Тверскимъ Яросл. Ярославичемъ 1265 г.: «ти Новгорода не *рядити*, ни волости ти не раздавати» (Собр. Гос. Гр. и Дог. № 2).

дались на сеймѣ, сонмѣ, снемѣ или съѣздѣ [1]). На сеймахъ обыкновенно послѣ совѣщанія происходилъ обмѣнъ договорныхъ списковъ («записьми розмѣнялися» въ догов. 1609 г.), а иногда и возвращались сторонами старыя грамоты. Такъ въ догов. Ольгерда и братіи съ Казиміромъ, около 1366 г., сказано: «а грамоты давные *воротыты* межи собою, а отъ того быти порожнымъ, а коли дастъ Богъ будетъ *сильмъ*, тогда новые грамоты дамы межи собою» (Кн. пос. метр. в. кн. Лит. изд. Оболенск. и Данил.). Сообщеніями о договорныхъ сеймахъ по сношеніямъ русскихъ князей съ польскими, мазовецкими, литовскими князьями, угорскими королями и т. д., до конца XIII в., особенно богата Ипатская лѣтопись. Естественно, что вопросы, подлежавшіе вѣдѣнію сеймовыхъ совѣщательныхъ собраній, вызывали весьма продолжительныя препирательства. Въ 913 г. заключенъ миръ Симеономъ болгарскимъ съ греками.. «*multis verbis mutatis*».—Post conuiuium pacis conditionibus compositis».. (Stritter: Memor. popul. т. II, ч. I, 983 г.). Въ древнихъ генуэзскихъ договорныхъ грамотахъ удостовѣряется достиженіе соглашенія послами, назначавшимися «ad tractatum pacis», «post *multam tractationem*» (Atti d. soc. Ligure, vol 28, стр. 428). Въ актахъ конца XV в. встрѣчаются такія же поясненія: «quia sunt *multa* inter nos, reges, *tractanda et concludenda*; «post *multos* cum sua maiestate *tractatus*»; ... «tractarunt et concordaverunt» (Hurmuzaki: Docum. pr. la stor. Româ. nilor, v. II, № 106, 356, 358 [2]). Подтвердительный торговый договоръ англійскаго короля Филиппа и королевы Маріи съ Іоанномъ Грознымъ 1557 г. состоялся «doppo *molti ragionamenti* et conferentie».. (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 114). И въ позднѣйшихъ дипломатическихъ сношеніяхъ нарѣчіе «многажды» или «многижда», для означенія продолжительности переговоровъ, затяжки сношеній, повторяется иногда нѣсколько разъ въ одномъ и томъ же актѣ, какъ напр. въ извѣщеніи, отправленномъ новгородскимъ воеводой Мих. Скопинымъ-Шуйскимъ въ 1608 г. ругодинскому (нарвскому) державцу Шейдингу отъ имени царя Василія Іоанновича (Собр. русск. пам. арх. гр. Делагарди). Вотъ почему «многажды» въ Олеговомъ договорѣ 912 г. нельзя приплетать къ «*бывшей* любви», какъ это сдѣлано въ 3-мъ изданіи Лаврентьевской лѣтописи. «Многажды», несомнѣнно, относится къ послѣдующему (ср. Радзивил.), указывая на *многократное обсужденіе* мирныхъ условій. «Многажды право судихомъ»... Позднѣе послы

---

[1]) *Сяшася* Любечи на устроенье мира. «Дюрдій... поиде на *снемь* Каневу»... «*Сяшася* въ Лутавѣ... уладився» (подъ 1159 г.). Въ 1160 г. *снимася* Ростиславъ съ Святославомъ Олговичемъ»... «Бѣ же *сѣздъ* его на великую любовь» (Ипат. 345 г.). «Учиниша *снемъ*... и взяша миръ межи собою» (Лавр. 462). Въ Новгородскихъ лѣтописяхъ—«*сойтись* въ любовь», («Beliebung» въ догов. Новгор. съ Ганзою).

[2]) Ср. Dogiel.: Cod. dipl. regn. Polon. I., Monum Polon. Hist. и др. сб.

употребляли подобное же выраженіе: «*разсудили гораздо*» (Обол. и Данил., I. № 53 [1]). Разсужденіе признается русскими послами чистосердечнымъ, откровеннымъ и *правдивымъ*, истекающимъ изъ требованій справедливости. Въ договорныхъ грамотахъ правдивость или искренность пріязни противополагаемая «съблазну—обману или хитрости [2]), всегда выставляется залогомъ прочности мира. Отсюда «*правая* любовь, *правая* съвѣщанья», какъ въ лѣтописномъ разсказѣ: «посолъ не изнеслъ *слова права* намъ»,—«наю *слово право* будеть къ вама», рядъ *правый* (Ипат. 371, 460, 553). Посадники новгородскіе, схваченные *на миру* въ 1331 г., дали *слово правое* Наримунту Гедиминовичу и дѣтямъ его въ отнину и въ дѣдину» (Ник. X, 204), и въ позднѣйшихъ грамотахъ, напр. отъ 1388 г., «вѣрность *правая* и неизрушистая *слюбили*» (Arch. Sanguschk. т. I, № 18).

Реальнымъ продуктомъ мирнаго соглашенія сторонъ являлось *слово*. Взаимныя договорныя обязательства выражались въ словѣ, изложенномъ на письмѣ и утвержденномъ присягой: «не точію *просто словесе*, нъ и *писаніемъ* и клятвою твердою.. любовь утвердити и извѣстити».. (см. разночтенія въ этомъ мѣстѣ догов. гр. 912 г.: «словесемъ, словесенъ» и пр.). Простота здѣсь противополагается также обману или хитрости, какъ напр. въ выраженіи: «не бѣ въ немъ *лсти*, но *простъ* мужъ умомъ» (Лавр. 196). Въ древнихъ договорахъ грековъ съ Венеціей, Генуэй и другими державами совокупность условій успѣшныхъ мирныхъ переговоровъ носитъ техническое названіе—«verbum» или «sermo», а харатейная докончальная грамота—«chrisovulum-verbum» или «chrisovulum-sermo»—«грамота-слово», или «слово-грамота». Совпадая, по своему содержанію, «слово» и «слово-грамота» допускаютъ лишь внѣшнее, теоретическое между ними различіе, зависящее отъ различія моментовъ—до или послѣ изложенія въ видѣ *извѣстительной* грамоты, а потому подъ договорнымъ словомъ разумѣется въ актахъ слово-грамота. Таково «слово» князя полоцкаго Изяслава литовскому князю Войшелку (К. Наперскій: Русск. Лив. акт. стр. 13), и т. под. Въ 1542 г., по прочтеніи грамотъ «князь великій велѣлъ грамоты сложити вмѣстѣ, королево *слово-грамоту* подъ исподъ, а свое *слово* наверхъ, да велѣлъ ихъ положити на блюдо, да на *грамотахъ* велѣлъ положити крестъ»... Другіе примѣры, кромѣ приведенныхъ во II главѣ: «А се *грамота* королево *слово*».. «И *грамоту* королево *слово* подали царю».—«Да велѣлъ царь и великій князь *грамоту*, свое *слово* чести дьяку», и т. д. [3]).

---

[1]) Здѣсь «разсужденіе» примыкаетъ, по своему лексич. значенію, къ «думѣ»: «*думаша* Кіяне . . . яко же на *думу* сходятся» и т. под. Въ догов. подъ 1402 г.: «взять любовь *по думѣ*» (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 36).

[2]) «Безъ *соблазна* люди управливати» (Ипат. 607).

[3]) Сб. Русск. Ист. Общ. т. 59, № 9 и 11, стр. 167, № 19 и 28—V, 32—VI. Обол. и Данилов. Кн. пос. в. княж. Литов. т. I, № 40 и 78.

«Слово», имѣвшее нѣсколько значеній, между прочимъ, значеніе *приказа*, употребляется лѣтописью и актовыми, въ томъ числѣ дипломатическими памятниками, большею частью въ смыслѣ договорнаго *условія* или *обязательства*, независимо степени его *сложности* [1]) по входившимъ въ него предметамъ. Юридическіе акты новгородскіе, псковскіе и тверскіе видоизмѣняютъ «слово» въ «пословицу» (Псков. судн. гр. ст. 47 и др. Собр. Гр. I, № 28). Александръ тверской 1327 г. выѣхалъ изъ Пскова «*пословно* съ псковичи» (Псковск. лѣтоп.). Иногда «слово» замѣняется «говоркой» (А. Юр. № 409). «Срѣченое слово» сокращается въ «*срѣчку*», напр. ст. 10 догов. Новгорода съ Казиміромъ польскимъ. «Король яко *срекз* годъ како поити» (Ипат. 308). Заявленіе пословъ русскихъ о желаніи ихъ свѣтлыхъ князей поддержать и возвѣстить бывшую между русскими и греками любовь не только просто *словомъ*, но и писаніемъ, нѣсколько далѣе—«*исповѣданіемъ* и написаніемъ» [2]), для возвѣщенія греческому царю, въ существѣ своемъ аналогично съ выраженіемъ въ договорѣ 912 г. «извѣсти и (онъ) дасть *нашимъ словомъ*», т. е. по нашему условію, послѣ того какъ мирная грамота была вручена греческому правительству русскими послами: «И таковое написаніе *дахомъ* царства вашего... на утвержденіе и извѣщеніе» (ср. «возвѣстити князю вашему»). Изъ этого, однако, нельзя заключать, чтобы въ двукратно повторенномъ договорами (907 г. и 945 г.) выраженіи: «да запретить князь *словомъ* своимъ (и)приходящимъ руси здѣ, да не творять па-

---

[1]) «Изяславъ двоича (с)ступилъ *слова* своего» (Ипат. 298).—«Ни по думѣ, ни *по слову* съ нимъ;—«клятвою кленшимися аще не премѣнить *слова* своего» (Воскр. т VII, Ипат. 537). «Аже будеть промежю вами *слово*» (Новг. IV, 101).—«Хотячи *слово* свое полнити абы было паньство ведлугъ першого звычаю и *слова* заховано»—«Межъ васъ крѣпкая правда и *слово* было».—«*Слово* доброе межъ васъ было».—«*Слово* то стонти промежь Ченгысовыхъ царевыхъ дѣтей».—«Устоить въ своемъ *словѣ*».—«Только въ своемъ *словѣ* неустоимъ», (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 6, 10, 14, 86).—«Олгердъ по сорченному *слову* и *уроку* совокупи литвы много и варяги и поиде на помощь къ Мамаю царю» (Русск. Ист. Сб. III. 32, 33). «Ольгердъ 1372 г.—«*по слову*,. съ княземъ.. хотя ити ратью къ Москвѣ» (Новг. IV).—«А на тѣхъ, господине, на всѣхъ странахъ цѣловалъ еси... крестъ... молвя такое свое крѣпкое *слово*, чтобы тому было неподвижно, по любви, въ правду, безо всякіе хитрости» (А. Ист. I, № 40). «У меня было съ тобою *слово*... о той торговли; «коли бы ты по *слову* учинилъ; по *слову* нашему такъ не учинилъ, какъ у меня съ тобою *слово* было объ соли, соли мнѣ не отдалъ по *слову* нашему» (Русск. Ист. Библ. т. XV, № 128, 129). Въ грамотѣ в. кн. Василія Іоанновича датскому королю Іоанну 1507 г. сказано: «ad nos venit nuntius... cum vestris credentialibus litteris et *verbis*» о братской дружбѣ и союзѣ (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 111). Въ заголовкахъ шертныхъ грамотъ крымскихъ хановъ XV—XVII в. нерѣдко стоитъ: «... слово наше». (Изв. Таврич. Арх. Ком., № 9—11).

[2]) Въ договорѣ Карломана 803 г. съ Никифоромъ: «non solum in literis, sed etiam in verbis». (Bernard: Rec. des traités).

кости (или безчинья), въ селѣх[1])..., *слово княжеское* относилось къ общему содержанію договорныхъ главъ: Князю вмѣнялось въ обязанность запретить *своимъ приказомъ* пріѣзжимъ русскимъ производить безчинства въ Греціи въ случаѣ отправки имъ туда торговаго флота. Когда послы, по прибытіи изъ Царьграда въ Кіевъ, «повѣдаша» (возвѣстили) вся *рѣчи* царя Романа великому князю русскому, греческіе послы говорили Игорю: «твои сли водили суть царѣ наши ротѣ, и насъ (цари) послаша ротѣ водить тебе и мужь твоихъ». По принятіи присяги Игоремъ и мужами его присяжный дипломъ его, слово-грамота, былъ возвѣщенъ.[2]) послами царю Роману: «повѣдаша вся *рѣчи* Игоревы и *любовь* яже къ грекомъ». Договорныя главы 912 г. направлены къ укрѣпленію «*бывшей любви* между греками и русскими *отъ многихъ лѣтъ*» и къ продолженію ея въ послѣдующія лѣта и всегда—«на съхраненіе прочихъ и всегда лѣтъ».. Подобно сему лѣтопись Галицко-Волынская ссылается на прежнее любовное единеніе угорскаго короля Андрея съ Романомъ: «Король Андрей не забы *любви* своея *первыя* иже имѣаще къ Романови, и Мстислава съ королемъ польскимъ въ отвѣтѣ Мстислава Данилу, убѣждавшему его пойти на Лешка: «сыну, за *первую любовь* не могу на нь востати» (Ипат. 486, 489). Здѣсь, очевидно, разумѣется старый, самостоятельный *мирный договоръ*. Потому «первое слово» въ договорной грамотѣ (912 г.) нельзя разсматривать отдѣльно отъ бывшей *много лѣтъ* назадъ между греками и русью любви (таже грамота), какъ первую статью договора—inprimi, или же какъ взаимное соглашеніе на предварительномъ совѣщаніи, которое подготовило вошедшія въ договоръ главы при совмѣстномъ обсужденіи послами: «*Суть* яко *понеже мы ся имали* о Божьи вѣрѣ и о любви главы таковыа (въ

---

[1]) Ср. напр.: «аще бы человѣкомъ Богъ рекъ на небо столбъ дѣлати, то *повелѣлъ бы* семъ Богъ *словомъ*»..., (Лавр. подъ 986 г.). «Юрьи же не пойде по отнѣ *словѣ*».—«Мстиславъ прия Конрада... подъ свою руку по братню *слову* по Володимѣрову», говоря: «а что ми *велишь*, а азъ... тебя слушаю» (Ипат. 587 и 597). Въ Русской Правдѣ «княже слово»—княжье приказаніе. Душевныя грамоты строго запрещаютъ нарушать *слово* завѣщателя. Въ Ипат. и Погодинск. спискахъ догов. 907 г. стоитъ *людемъ* своимъ, по Лавр. въ догов. 945 г. *словомъ* своимъ (ср. «по устаў»). И. Срезневскій неправильно прочелъ *словомъ* въ смыслѣ *послами* своимъ, буквально придерживаясь нѣкоторыхъ списковъ, гдѣ стоитъ *посломъ* (ср. посолникъ, посолъ въ Ипат. 245, 553, а также «Симеонъ», «Деревстеръ»).

[2]) Ср. напр. *извѣстимся* (Ипат. 244), «*извѣстеваше*» (т. VIII Воскр., 101). «Пріяста *извѣщеніе*» (Ник. т. X, 37). Въ грам. 1562 г.: «съ умилнымъ посланіемъ *извѣстити* послали есмя» (Сб. Р. Ист. Об. т. 71, № 5). Грамотой 1449 г. в. кн. Василій Васильевичъ съ своею молодшею братьею «чинятъ знаменито (извѣщаютъ)... дали запись королю Казиміру... што взяли съ нимъ братство и любовь и вѣчное докончанье». (А. З. Рос. I, № 60). «Докончаніе.... вел. кн. Василій Васильевичъ... *извѣстилъ*» (А. Ист. I, № 40).

Ипат. «таковыя»). По первому (прежнему) убо слову да умиримся». Въ 912 г. возстановлялся миръ *первый*—прежній (ср. подъ 945 г.: «построити мира *перваго*». Одна статья договорной Правды 912 г. излагается по *уряду*, хотя состоявшемуся, но какъ бы и *имѣющему* состояться (окончательно): «А о головахъ *урядимся* сице»..., въ чемъ отражается признакъ редактированія ея на предварительномъ посольскомъ совѣщаніи о договорѣ. Иное толкованіе «перваго слова» шло бы въ разрѣзъ съ истиннымъ смысломъ «слова» въ началѣ и въ концѣ грамоты, относящагося ко всему ея договорному содержанію.

Обращаясь къ истолкованію Святославова акта 971 г., неточно именуемаго изслѣдователями и нѣкоторыми лѣтописцами мирнымъ *договоромъ*, считаю необходимымъ сперва разоблачить заблужденіе принимающихъ Переяславецъ дунайскій за среду Русской земли. Около 967 г. Святославъ Игоревичъ началъ княжить въ Переяславцѣ на Дунаѣ, по взятіи 80 болгарскихъ городовъ: «сѣде, княжа *ту*, въ Переяславци, емля дань на грьцѣхъ», что согласно съ показаніемъ Ибнъ-Хаукаля о походѣ руссовъ на Румъ—восточную Римскую имперію,—отнесеннымъ къ 967 г. Вѣроятно, лѣтопись разумѣетъ укрѣпленія, воздвигнутыя на Дунаѣ Юстиніаномъ въ VI вѣкѣ (Прокопій). Судьба этихъ городовъ была превратна. Русское владычество надъ ними возстановилъ Владиміръ Мономахъ въ 1116 г. Тяготѣніе упомянутыхъ болгарскихъ городовъ къ Руси со времени заложенія Кіевца, быть можетъ, и внушило Василько Ростиславичу смѣлый замыселъ: «перенти болгары дунайскіе и поселити ихъ у себя» (лѣтоп. подъ 1097 г.). Около той же поры княженія Святослава взята была изъ какого-то монастыря черница-гречанка, отданная за Ярополка «красоты ради лица ея» (лѣтоп. подъ 977 г.). Изрѣченіе Святослава: «не любо ми есть въ *Кіевѣ* быти, хочю жити въ *Переяславци* на Дунаи,—яко *тъ* есть *середа*[1]) земли моей, яко *тую* вся благая сходятся», наши историки понимаютъ превратно, ошибочно относя «то» къ Переяславцу,—подставляя Переяславецъ на мѣсто Кіева, по системѣ нѣкоего волхва, пророчившаго, что Русская земля ста-

---

[1]) Въ Силезіи одинъ городъ назывался по славянски также Середою: «Михаилъ въ 1238 г. приде ко мѣсту немѣцкому именемъ *Середа*» (Szroda, Sroda).—«Jus tentonicum novi fori, quod *sredzkie* vulgariter nominatur» (см. цит. у Реппеля: Geschichte Polens т. I, 577). Въ Польшѣ древній г. Середа—Серадзь. «Идоша на *Середь* земли Лядьское» (Ип. 227). Въ Болгаріи—Средецъ: «Проявися етеру роусину въ градѣ Средѣчьстѣмь», сказано въ Минологіи Конст. Мокисскаго IX в. (И. Срезневскій, Свѣд. и зам. о малоизв. пам.), —«Сардикія, еже есть *Средець* яко среда обоихъ земль—греческ. и римск.» (Ник. т. IX, 45). Іерусалимъ всегда считался *средою* земли (Голубиная книга). С. Соловьевъ пришелъ къ курьезному выводу, что Святославъ считалъ *своею* землею только *одну Болгарію* (Ист. Рос., т. I, гл. VI).

нетъ на мѣстѣ Греческой и наоборотъ, тогда какъ средой Русской земли остался Кіевъ, а блага матеріальныя сходились тутъ—въ Переяславцѣ, (ср.: «сѣде княжа *ту*, въ Переяславци»), ибо сюда *изъ Руси* доставлялись медъ, воскъ и челядь, да и самъ Святославъ, сознавая превосходство непріятельскаго войска и стѣсненное свое положеніе подъ Доростоломъ, молвилъ дружинѣ: «*Русская земля далече,... поиду въ Русь*, приведу больше дружины... изнова *изъ Руси*, совокупивши вои множайша, поидемъ Царюгороду», кіевляне же такъ упрекали его: «ты, княже, *чюжея земли* ищеши и блюдеши, а своея ся охабивъ». Какимъ чудомъ Переяславецъ могъ сдѣлаться средою Русской земли, если самъ Святославъ и кіевляне признавали этотъ городъ лежащимъ за предѣлами коренной территоріи Русскаго государства и если пѣвецъ Слова о полку Игоревѣ стоны отъ туги *кіевлянъ* и черниговцевъ уподобилъ жирной печали, протекавшей *средь* земли Русской?—Грамотѣ Святослава предшествуетъ лѣтописное повѣствованіе, нисколько не противорѣчащее свидѣтельству Льва Діакона, а кое-гдѣ (напр., воззваніе Святослава къ войску—«да не посрамимъ земли Русскія, поляжемъ костію ту» [1]), и т. д.), вполнѣ съ нимъ тождественное, о *двукратныхъ* переговорахъ русскихъ пословъ съ императоромъ Цимисхіемъ предъ самымъ заключеніемъ мира послѣ понесенныхъ неудачъ. «И посла слы ко цареви въ Деревьстръ (Durostolum—Силистрію), бѣ бо ту царь, рька сице: хочю имѣти миръ съ тобою твердъ и любовь». Это переговоры прелиминарные. Послы—лѣпшіе мужи были отправлены Святославомъ и его дружиною («послаша лѣпшіи мужи къ цареви») отъ имени вел. князя и вручили царю грамоту, съ выраженіемъ такого желанія: «хочю имѣти любовь съ царемъ греческимъ *свершену* прочая вся лѣта». Въ утвердительной грамотѣ 971 г. воспроизведены, съ добавленіемъ, *рѣчи Святослава*, сообщенныя его послами Цимисхію при передачѣ княжеской грамоты. Вѣроятно, Святославовы послы присягнули, за великаго князя и всю Русь, въ Доростолѣ, а при докончаніи мира, по личномъ свиданіи его съ Цимисхіемъ, клятва, по обряду ратификаціи мира, была повторена Святославомъ, назвавшимъ себя въ текстѣ утвердительной грамоты, изъ скромности и по обычаю, не великимъ, какъ въ заголовкѣ, означающемъ титулъ *великаго* князя сообразно съ титуломъ *великаго* царя, а просто княземъ русскимъ: «Азъ, Святославъ, князь Руский... и *утвер-*

---

[1]) Оно повторено воеводой Вышатой въ 1043 г. и повторялось русскими князьями предъ вступленіемъ въ бой; напр., Мстиславъ и Всеволодъ начали «укрѣпляти новгородци и смолняны: «братія.. станемъ крѣпко, не озираимся назадъ, побѣгше не уйти»... (1216 г., Троицк. сп. и др.).

[2]) Начало дипломатическихъ сношеній А. Черткобъ относитъ ко времени занятія русскими Македоніи (Описс. войны Святослава. стр. 221).

жаю роту на свѣщаньѣ семъ». Затѣмъ грамота вручена Цимисхію, чрезъ пословъ, въ обмѣнъ на его хрисовулъ. Лѣтописцу, хорошо знавшему опустошенные Святославомъ города («яже стоять пусты до днешнего дне»), знакомы были и выдающіеся эпизоды мирныхъ переговоровъ между Святославомъ и Цимисхіемъ, изъ источниковъ преимущественно устныхъ, былевыхъ разсказовъ и славной пѣсни о Святославѣ Храбромъ, сочиненной подъ впечатлѣніемъ быстро достигнутыхъ Святославомъ успѣховъ, удостовѣренныхъ лѣтописцемъ: «за маломъ бо бѣ не дошелъ Царяграда». Пѣсенный складъ отразился на лѣтописномъ изложеніи, напр., въ свойственныхъ припѣвамъ повтореніяхъ: «и *бысть сѣча велика,* одолѣваху болгаре... и *бысть сѣча велика* и одолѣ Святославъ» (подъ 971 г.). Выговоривъ дань въ пользу русскихъ и получивъ цѣнные дары отъ грековъ, Святославъ возвратился въ Переяславецъ *«съ похвалою великою»*. Подобно способу описанія походовъ Олега и Игоря поэтическій складъ кое-гдѣ прорывается въ лѣтописномъ разсказѣ о переговорахъ Святослава съ Цимисхіемъ при повтореніи одного и того же: *«И созва царь боляре своя* въ полату», а нѣсколько далѣе: «Они же придоша къ царю и *созва царь боляры,* рѣша же послании».. (Лавр. 69). Славная пѣснь въ честь храбраго Святослава, памятная Бояну (Слово о полку Игоревѣ), обаятельно вліяла и на пресвитера, потомъ митрополита, Иларіона, восторгавшагося тѣмъ, что подвиги Святослава, какъ и стараго Игоря, прослыли во многихъ странахъ и продолжаютъ поминаться и слыть.., и на Даніила Заточника [1]), и на лѣтописцевъ (Ипат. 545 и 548). Характеренъ традиціонный приступъ къ мирнымъ переговорамъ. Послѣ объявленія грекамъ: «хощу на вы ити и взяти градъ вашъ», греки предложили Святославу дань, дабы не ходилъ къ Царюгороду, куда онъ направилъ свои стяги:—«поиде Святославъ ко Царюгороду, воюя и грады разбивая»... Возвратившись въ Переяславецъ съ торжествомъ, Святославъ взялъ окупъ («имашетъ же и, т. е. *они*) за убитыхъ русичей въ вознагражденіе «рода», т. е. народа—«яко родъ его (окупъ) возметъ», и получилъ дары. О требованіи Святославомъ при первой отправкѣ къ нему пословъ греческимъ императоромъ огромнаго выкупа за взятые имъ города и плѣнныхъ упоминаетъ и Левъ Діаконъ. Едва ли окупъ назначался, вопреки мнѣнію нашихъ историковъ и юристовъ, *исключительно для родственниковъ* павшихъ въ битвахъ Святослава съ греками русскихъ воиновъ. Убитыхъ было множество и разысканіе ихъ родичей на обширномъ пространствѣ русскихъ областей не-

[1]) Онъ приводитъ отрывокъ рѣчи Святослава предъ дружинами: «намъ ли отъ града погибнути, или граду отъ насъ плѣнену быти»... Слова эти повторилъ Псковскій лѣтописецъ подъ 1474 г.: «Яко же рече князь Святославъ Игоревичъ, идый въ 10000 на грекы: «не вѣдомо ны есть,—или возмемъ, или главы своя положимъ» (т. IV, 248).

рѣдко встрѣчало бы неопреодолимыя затрудненія. Вспомнимъ, что и у норманновъ за убитыхъ «precium est exsolutum», а впослѣдствіи, псковичи брали въ видѣ контрибуціи серебро на нѣмцахъ «*за головы убіенныхъ*».. (Лѣтоп. т. IV, 191). Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ положеніе Святослава стало критическимъ. Потерявъ въ битвахъ подъ Аркадіополемъ, на пути къ Переяславцу и подъ Доростоломъ цвѣтъ своихъ полковъ, уменьшившихся на $^2/_3$, возставивъ противъ себя болгаръ жестокой расправой съ плѣнными, узнавъ о враждебномъ настроеніи противъ него печенѣговъ, страдая отъ полученной раны и запертый со всѣхъ сторонъ греками, Святославъ подумалъ съ дружиной и убѣдилъ ее въ неотложной необходимости заключенія мира для избѣжанія угрожавшей имъ гибели [1]), ибо въ теченіе зимы 970 г. Цимисхій успѣлъ собрать многочисленную конницу и разослать по Дунаю корабли съ убійственнымъ греческимъ огнемъ (Левъ Діаконъ, Кедринъ). Чрезъ пословъ своихъ Святославъ повелъ съ Цимисхіемъ рѣчь объ условіяхъ мира. Византійскіе источники, обстоятельно описывая переговоры русскихъ съ греками по прекращеніи военныхъ дѣйствій, сообщаютъ объ отправкѣ Святославомъ, въ исходѣ іюля 971 г., когда истощились и силы русскихъ, и запасы продовольствія, пословъ къ Цимисхію съ предложеніемъ принять его, Святослава, въ кругъ своихъ друзей и союзниковъ и съ обѣщаніемъ уступить грекамъ Доростолъ, освободить плѣнныхъ и возвратиться изъ Мизіи въ свое отечество, при взаимной со стороны грековъ гарантіи безопаснаго выхода русскихъ судовъ, безпрепятственнаго привоза русскими въ предѣлы имперіи хлѣба и прочихъ товаровъ и пріязненнаго, попрежнему, пріема въ Византіи русскихъ купцовъ. Всѣ эти статейные пункты императоръ одобрилъ и приказалъ, по взаимному уговору, снабдить продовольствіемъ по двѣ мѣры на каждаго изъ 22000 русскихъ воиновъ, оставшихся въ живыхъ изъ 60000, хотя, по разсказу лѣтописи нашей, остатокъ былъ вдвое преувеличенъ русскими. По принятіи греками мирныхъ условій, Святославъ просилъ допустить его къ «colloquium'у» съ императоромъ и, лично побесѣдовавъ съ нимъ о мирѣ, причемъ не вылѣзалъ изъ лодьи, удалился, въ исполненіе договора отдалъ плѣнныхъ грековъ, очистилъ Доростолъ и поспѣшилъ съ остатками своихъ дружинъ въ обратный путь. Цимисхій предупредилъ будто-бы печенѣговъ, чтобы они не переправлялись чрезъ Дунай для опустошенія Болгаріи и не мѣшали возвращенію русскихъ въ отечество. По нашей лѣтописи, переяславцы увѣдомили печенѣговъ, что Святославъ возвращается въ Русь,—«вземъ .. полонъ бесчисленъ». Надо полагать, что плѣнные эти были *болгаре*, ибо, по Кедрину, русскіе плѣнили 20000 союзныхъ грекамъ

[1]) «Створимъ миръ съ царемъ, се бо ны ся по дань яли и то буде довольно намъ»

воиновъ. Мирными переговорами руководили и главное участіе при написаніи грамотъ принимали: съ русской стороны Свѣнелдъ, а съ греческой,— по тексту обязательственнаго акта и по византійскимъ источникамъ, синкелъ Феофилъ: «... писано при Фефелѣ синкелѣ». «Obiit eam legationem Euchaitarum summus pontifex *Theofilus*». (Stritter—Memor. popul. т. II, ч. 2, стр. 1007). Съ приведенными событіями связываютъ—загадочную записку готскаго топарха о *разрывѣ* греками *мира* съ варварами, подвластными царствовавшему *на сѣверѣ отъ Дуная* [1]), о войнѣ, сопровождавшей прекращеніе греками дружескихъ съ нимъ отношеній, и о предложеніи *новаго мира* варварами послѣ опустошенія ими болѣе 10 городовъ и 500 селеній, о присоединеніи къ тому властителю *сосѣдей*, обитавшихъ на Истрѣ и имѣвшихъ *сходные съ варварами обычаи*. Топархъ, повидимому, изъ Корсунскихъ климатъ, спѣшилъ съ военнымъ отрядомъ «*къ Монкастру*» (нынѣ Аккерманъ), который оказался разрушеннымъ. По заключеніи мира, судя по разсказу топарха, грекамъ возвращены Климаты, именно тѣ сѣверныя части Корсунской страны, въ которыя вторгались союзныя дружины Святослава (около 967 г.), обязавшагося, по договору съ греками, не воевать страну Корсунскую и не наводить на нее «иного языка». Варварскій народъ характеризуется въ запискѣ топарха тѣми же чертами, какъ и русскій у Фотія и Льва Діакона. Походъ былъ вызванъ дипломатическими сношеніями Святослава съ предшественникомъ Іоанна Цимисхія, воцарившимся 963 г. полководцемъ Никифоромъ. Чрезъ патрикія Калокира Никифоръ поручилъ раздать русскимъ 1500 фунтовъ золота, съ уговоромъ не простирать притязаній на Мизію (древнюю часть Македоніи), принадлежащую римлянамъ, а ограничиться походомъ на вступившихъ въ союзъ съ уграми болгаръ и помочь ему, Никифору, упрочиться на престолѣ. Этимъ воспользовался Святославъ для подчиненія своей власти, при помощи угровъ, значительной части Болгаріи вмѣсто возвращенія ея грекамъ по настоянію Никифора. Почти одновременно Никифоръ отрядилъ посольство къ мизянамъ, во главѣ съ Еротикомъ и тѣмъ же *Феофиломъ*. Въ 968 г., по завладѣніи Святославомъ Мизіей и занятіи г. Филиппополя, Никифоръ заключилъ съ царемъ болгарскимъ Петромъ мирный союзъ, обѣщая вытѣснить русскихъ изъ Болгаріи. 30 янв. 969 г. умеръ Петръ; русскіе временно очистили

[1]) Присоединяясь къ мнѣнію Васильевскаго (Ж. М. Н. Пр. 1876 г., ч. 185), нахожу соображенія Успенскаго въ статьѣ «О византійскихъ владѣніяхъ на берегу Чернаго моря IX и X в.»; побудившія послѣдняго пріурочить описанныя топархомъ событія къ 904 г., недостаточно убѣдительными.

Болгарію и ушли спасать Кіевъ отъ печенѣговъ. На болгарскій престолъ возведенъ сынъ Петра Борисъ; Святославъ возвратился и продолжалъ войну. Инициатива возобновленія мирныхъ переговоровъ съ русскими исходила отъ Іоанна Цимисхія, вступившаго на престолъ въ декабрѣ 969 г., когда былъ убитъ Никифоръ [1]). Чрезвычайно важенъ разсказъ Льва Діакона о *вторичной* посылкѣ Цимисхіемъ пословъ къ великому князю и о содержаніи врученной имъ вѣрительной грамоты, послѣ вторичнаго занятія Святославомъ Преславы и угрозы его взять Царьградъ, съ началомъ наступательныхъ дѣйствій, которымъ предшествовало объявленіе Святославомъ войны. «Уповая на провидѣніе, управляющее вселенною, и повинуясь божественнымъ законамъ, мы не должны произвольно разрывать *мира непоколебимо до насъ дошедшаго отъ предковъ нашихъ*, въ которомъ самъ Всевышній былъ посредникомъ». Совѣтуя русскимъ покинуть непринадлежащую имъ по праву землю, Іоаннъ укорялъ ихъ въ нарушеніи мира: «Вы сдѣлались виновниками *разрыва нашего союза*», причемъ угрожалъ изгнаніемъ изъ занятой страны и напоминалъ пораженіе, понесенное отцомъ Святослава Игоремъ: «Полагаю,—ты не забылъ еще злополучія отца твоего, Игоря, который, презрѣвъ договорную клятву, съ великимъ ополченіемъ, на 10000 судовъ, подступилъ къ Царьграду, но едва съ 10 лодьями успѣлъ убѣжать въ Босфоръ Киммерійскій»... Дипломатическія сношенія Святослава съ Цимисхіемъ ознаменовались символическимъ обрядомъ *поцѣлуя*. По разсказу нашего лѣтописца, когда греческіе послы принесли «мечъ и ино оружье» Святославу въ знакъ покорности [2]), то князь, принявъ подарки, «нача хвалити и *любити* и *целовати* царя» (Лавр. 69, въ Радз. добавл. «яко самого царя»).. Поцѣлуй—osculum quod pacis vocant» (Дюканжъ), обычный встарину между врагами, прекращавшими кровавую распрю, служилъ удостовѣреніемъ искренности любовнаго примиренія. Мы знаемъ, что около 1070 г. Болеславъ Высокій далъ въ знакъ взаимнаго улаженія поцѣлуй мира русскому князю Изяславу—«pacis osculum satis preciosum», взявъ его за бороду (Мартынъ Галлъ и Кадлубекъ). «Вячеславъ рече мужеви своему: «поѣди къ брату Гюргеви, брата отъ мене *цѣлуй*» (Ипат. 297). Когда вражда прекращалась между князьями, то они любезно *цѣловались* (Ib. 241), и, вообще, открытый поцѣлуй считался знакомъ ихъ дружбы, напр. въ 1111 г. Владиміръ съ Святополкомъ «цѣло-

---

[1]) Надпись на гробницѣ Никифора Фоки вызвана успѣхами Святослава: «Возстань, царь... на насъ устремляются русскіе во всеоружіи; скиѳскій народъ въ бѣшеномъ порывѣ расточитъ убійства и разорятъ твой городъ».. (Ф. Успенскій: Русь и Византія въ X в.).

[2]) Въ половинѣ XIII в. «Герьбортъ присла Данилови мечь и покореніе свое» (Ипат. 548).

вастася». Условія мира между княземъ польскимъ Болеславомъ III Кривоустымъ (1102—1139) и княземъ Вратиславомъ поморскимъ скрѣплены были, въ присутствіи вождей и сановниковъ, «*взаимными поцѣлуемъ любви*». Далѣе въ хронику занесено, что послы штетинцевъ приняли отъ Вратислава «*поцѣлуй мира*» (Ebbo, III, 1323 г.). Генрихъ Латышъ, описывая, подъ 1209 г., мирные переговоры рижскаго епископа Альберта съ русскимъ княземъ Всеволодомъ (rex de Gercike) послѣ сожженія Герсике (на З. Двинѣ) и плѣненія его жены, сообщаетъ, что епископъ *обнялъ* (облобызалъ) просившаго мира князя, предложивъ ему, между прочимъ, принести свое княжество въ даръ церкви св. Маріи, съ тѣмъ чтобы оно было ему возвращено. Князь склонился на условія и обѣщалъ впредь полную преданность церкви св. Маріи. Ввѣривъ свое княжество церкви, онъ получилъ его обратно въ ленъ при торжественномъ вручении ему трехъ знаменъ, вмѣстѣ съ супругой своей и со всѣми русскими плѣнниками [1]). Обычай цѣлованія при заключеніи мира соблюдался и впослѣдствіи. Петръ Великій и курфюрстъ Бранденбургскій, позднѣе король Прусскій, вступая между собою въ оборонительный и наступательный союзъ, «подали другъ другу руки, *цѣловались* и клятвами утвердили договоръ (Сб. Моск. Гос. Арх. М. И. Д., вып. I, 85). Заключеніе мира выражалось, кромѣ того, [свойственными каждой національности символами. У болгаръ былъ обычай дарить въ знакъ примиренія по парѣ рабовъ, соколовъ и собакъ (De adm. imp. гл. 32). Печенѣжскій князь въ знакъ примиренія съ кіевлянами далъ воеводѣ ихъ Претичу коня, саблю и стрѣлы, и получилъ отъ Претича брони, щитъ и мечъ (Лѣтоп. подъ 968 г.).

Введеніе къ Святославовой грамотѣ 971 г. и ея форма свидѣтельствуютъ, что она выдана Цимисхію въ силу договорнаго съ нимъ соглашенія, будучи равна своимъ постатейнымъ содержаніемъ «съвѣщанію», происходившему «при Святославѣ великѣмъ князи русстѣмъ и при Свѣналдѣ [2]), при Феофилѣ синкелѣ». Написана грамота въ Доростолѣ, въ іюлѣ того года, греческіе же источники относятъ посольство Святослава

---

[1]) Грамота Альберта напечатана Догелемъ, Бунге (Urkundenbuch), Нарушевичемъ и др.

[2]) Свѣнелдъ — «отецъ Мстишинъ» (подъ 945 г.), т. е. молодого Мстислава, убитаго княземъ Олегомъ Святославичемъ, занимавшій постъ воеводы еще при Игорѣ, участвовавшій въ походѣ Ольги съ сыномъ на деревлянъ. Имя сына Свѣнелдова не могло быть *Лютъ*. Подъ 975 г. слово *лютъ* приложено къ звѣриному лову, а не къ Свѣнелдичу. Редакторы 3 изд. Лавр., лѣтоп. дѣльно замѣтили, что надлежало бы сказать «Люту», ошибочно усмотрѣвъ здѣсь описку. Слѣдуетъ читать: «*Лова* дѣющю Свѣналдичу, именемъ *лютъ*». Когда Олегъ спросилъ—кто гонитъ звѣрей, ему отвѣтили: «Свѣналдичъ»..

къ Цимисхію съ предложеніемъ мира къ 25 іюля, т. е. ко дню непосредственно послѣдовавшему за неудачной для русскаго князя битвой съ греками подъ Доростоломъ, въ которой онъ былъ раненъ, и послѣ убійства одного изъ передовыхъ богатырей Святославовыхъ Икмора. Наша лѣтопись, разсказавъ о прибытіи посольства в. князя въ Доростолъ, когда состоялось вѣчевое рѣшеніе заключить миръ, не приводитъ текста самаго договора, но выраженіе «и повѣдаша цареви» (лѣпшіе мужи), кажется, разумѣетъ сообщеніе царю *мирныхъ условій* [1]). Сохранилась въ итальянскихъ архивахъ весьма полезная для сравненія харатейная грамота венеціанская (promissionis carta), написанная полатыни въ томъ же 971 году, того же мѣсяца и индикта, и отправленная къ греческимъ царямъ, съ такимъ вступленіемъ: «Во имя Бога и Спасителя нашего Іисуса Христа, въ царствованіе господина Іоанна, великаго императора, во 2-й годъ царствованія его, мѣсяца іюля, индикта 14-го». Въ ней говорится, что къ венеціанамъ приходили послы отъ императоровъ *Іоанна, Василія и Константина* для объясненій по поводу помощи республики сарацинамъ кораблями и оружіемъ, сопровождавшихся страшными угрозами императорскимъ словомъ. Венеціане, по совѣщаніи, на которомъ присутствовалъ многочисленный народъ—бо́льшіе, средніе и меньшіе, и представители высшаго духовенства, единодушно обязывались, за себя и своихъ наслѣдниковъ, предъ своимъ княземъ Петромъ и его преемниками, не оказывать поддержки сарацинамъ, ни оружіемъ, ни чѣмъ либо инымъ, подъ страхомъ или наложенія пени во сто либръ золота, или, при неуплатѣ, смертной казни виновныхъ (Tafel и Thomas: Font. rer. Austr. XII, № 14). Разсматриваемая, вошедшая въ наши лѣтописи оригинальная грамота Святослава, адресованная къ Іоанну Цимисхію, но обращенная также и къ сыновьямъ императора Романа II Василію и Константину, какъ и венеціанская грамота, есть не списокъ самаго договора, но актъ, называвшійся у иностранцевъ «promissio, promissionis carta, confirmationis litteras, chrisovulum-verbum», у русскихъ—обѣтомъ, обѣтнымъ словомъ, утвердительною или докончальною грамотою-словомъ. Святославъ отъ своего лица и отъ всѣхъ своихъ подданныхъ выражалъ желаніе состоять до конца жизни въ

---

[1]) Страннымъ представляется разсказъ лѣтописца, что «царь повелѣ писцю писати вся рѣчи Святославлѣ» по глаголу посла. Если это и такъ происходило, то, вопреки разсказу, не при написаніи утвердительной грамоты Святослава, которое не допускало вмѣшательство царя.—Подъ 945 г. лѣтописецъ говоритъ, предъ изложеніемъ утвердительной грамоты Игоря: «Приведоша руския слы и велѣша глаголати и писати *обоихъ* рѣчи *на харатьи*».

мирѣ и *совершенной* любви «со всякимь (вар. «всякомъ»)—великимъ царемъ гречьскимъ, съ Василіемъ и Костянтиномъ, и съ богодохновенными цари и со всѣми людьми гречьскими». *Великій* царь—Іоаннъ Цимисхій. Сыновья Романа II Василій (13 л.) и Константинъ (10 л.), царствовавшіе въ Царьградѣ въ 971 г. и по удостовѣренію Воскресенской лѣтописи (т. VII, 289), отодвигаются на второй планъ по ихъ малолѣтству. Значеніе обѣтныхъ грамотъ достаточно ясно опредѣляется нижеприводимыми мною данными. Таможенная грамота 1134 г. «князя отъ стола Галичского Иванка Ростиславича Берладскаго» о льготахъ купцамъ месемврійскимъ (приморскаго города Месемвріи) по платежу мыта заканчивается словами: «а на томъ *обѣтъ*». Она дана въ исполненіе какого-то договора торговаго и обращена къ месемврійскому купечеству—«свѣдѣціу купцемъ да не платѣтъ мыта»... (Текстъ возстановленъ Петрушевичемъ). Изъ мирныхъ сношеній въ XI в. русскихъ князей съ уграми укажу на обѣщаніе русскими вѣрности королю Владиславу въ 1093 г., вторгнувшемуся въ ихъ предѣлы изъ мести за подстрекательство половцевъ къ вторженію въ его владѣнія: «Rutheni... *promiserunt* regi fidelitatem» (Turocz). Въ 1189 г. угорскій король говорилъ Святославу Всеволодовичу: «чимъ ти ся есмь *обѣщалъ*, то-ти исполню, яко-ти есть крестъ цѣловалъ» (Ипат. 446). Въ 1252 г. король угорскій Бела IV соперничалъ съ Оттокаромъ чешскимъ изъ-за Рагузіи и Штиріи и, подъ предлогомъ передачи ихъ сыну короля русскаго Даніила Роману, устроилъ бракъ племянницы убитаго въ 1246 г. Фридриха II бабенбергскаго, дочери старшаго брата его, герцога Генриха (dux Medlicensis) Гертруды съ Романомъ, заключивъ съ нимъ договоръ. «И створи тъ *обѣтъ*, его же за множество весь не списахомъ», извиняется лѣтописецъ... «Створи король *обѣтъ великъ* и не исправи его въ Романови... *обѣщався* ему и не помогашеть ему... бѣ бо *клятвою клялся* о Бозѣ великою къ Романови и княгинѣ его, яко добывшу ему землѣ нѣмецкая дати ему всю Романови»... Герцогъ Генрихъ отклонялъ Романа отъ союза съ Бѣлою: «Остави короля угорьскаго, яко ужика ми еси и своякъ, земля Нѣмецькая раздѣлена будеть съ тобою» [1]). Приэтомъ приводится ссылка на договорное обязательство: «Правдою *обѣщахся* отцю си королеви угорьскому, грѣхъ не исполнити обѣта»... «Княгиня *посла* бо ко королеви угорскому вся *словеса*,

---

[1]) Слова «ужика ми и своякъ» (Ипат. 554), ранѣе приведенныя съ ничтожнымъ измѣненіемъ (стр. 545)—«ужика ми и сватъ еси», исходили изъ устъ угорскаго короля. Герцогъ повторяетъ то, что сказалъ Бела, точно такъ же какъ Гертруда повторила его слова, обращенныя къ *ея отцу*: «Княгини же уразумѣвши лесть его, и рече—«яко сына ми (Романа) поими *ко дщери*»,—а нынѣ городовъ нашихъ хощетъ»..

ими же *обѣщеваштеся ему* герцюкъ».. (Ипат. 544, 554, 555 [1]). Подобное обѣщаніе дали жители г. Люблина Даніилу и Василько Романовичамъ соотвѣтственно *завѣту* послѣднихъ не помогать князю своему: «Они же *обѣщашася* то створити». Когда въ 1255 г. папа предлагалъ Даніилу, чрезъ легата Опизу, принять вѣнецъ королевства, князь уклончиво отвѣтилъ: «како могу пріяти вѣнець б съ помощи твое»? Опиза же приде нѣнець нося, *обѣщевался*, яко помощь имѣти ти отъ папы» (Ib. 548). Разбитые Даніиломъ ятвяги «послаша послы своя и дѣти свои и дань даша и *обѣщеваху* работѣ быти ему» (Ib. 529 и 553). Въ 1287 г. Мстиславъ «*обычася* принять князя мазовецкаго Конрада подъ свою руку», написалъ обѣтную грамоту, *обѣщая* ему помогать на ляховъ (Ib. 597 и 598). Миро-положеніе съ нѣмцами новгородскаго князя Ярослава Владиміровича, въ исходѣ XII в., есть ничто иное, какъ утвердительная грамота. Въ ней онъ заявляетъ, что сгадавъ съ посадникомъ, тысяцкимъ и всѣми новгородцами, *утвердили* старый миръ съ нѣмцами—«*утвердихомъ* мира старого». Утвержденъ былъ договоръ, подготовленный посольскими сношеніями, сообразно съ условіями *стараго* мира [2]) (см. въ догов. «старыя куны, старыя гривны») предшественниковъ князя Ярослава Владиміровича съ нѣмцами — «кого Богъ поставить князя а съ тѣмъ мира потвердити»,—притомъ письменнаго, а не устнаго, вопреки М. Бережкову (Торговля Руси съ Ганзой, 79—80), принимающему, вмѣстѣ съ И. Срезневскимъ, грамоту за *проектъ*.

---

[1]) Подробности этихъ сношеній и комментарій къ нимъ см. у Шараневича: Die Hypatios «Chronic als Quellen-Beitrag zur österreichische Geschichte». Почтенный профессоръ ошибся, полагая, что Оттокаръ отговаривалъ Романа отъ союза съ Белой, не угадавъ о какомъ герцогѣ говорится въ лѣтописи. Очевидно, герцогъ Генрихъ былъ непосредственно заинтересованъ въ наслѣдствѣ.

[2]) Предъидущія дипломатическія сношенія съ нѣмцами упоминаются въ Новг. 1-й лѣтоп. подъ 1180 г.: «ни съла въдаша варягомъ, въ пустиша я *безъ мира*». Подъ 1201 г. сказано: «На осень придоша варязи (готландцы) горою на миръ и *даша имъ миръ* на всей волѣ своей». Возстановленіе стараго мира новгородцевъ съ нѣмцами составляетъ предметъ многихъ грамотъ, напр. въ 1262 и 1263 г. «миръ докончахомъ на сей правдѣ... на *старый миръ*.—А се старая наша правда на чемъ цѣловали отци ваши и наши крестъ, — а гдѣ ся тяжа родить, ту ю кончати» (Изв. А. Н. VI, 166). Другіе договоры новгородцевъ съ нѣмцами и Готландомъ XIII в., хранящіеся въ сводномъ спискѣ Любекскаго архива, изданные Дрейеромъ, Лербергомъ, Тобіеномъ, Наперскимъ, Андреевскимъ (переводъ Карамзина, т. III, прим. 203), оставляютъ неприкосновенными права, коими издавна пользовались ганзейскіе гости у новгородцевъ и наоборотъ, и подтверждаютъ древнюю Правду. Таковы же мирные договоры полочанъ и витеблянъ съ нѣмцами, напр. грамота 1264 г. кн. Герденія, убитаго псковичанами въ 1267 г.: «А *старому миру* стояти князя Герденя князь тыихъ, кто по немъ будетъ»; или кн. Ианслава полоцкаго 1265 г.: «Любовь имѣти какъ было при *первыхъ* князьяхъ полочьскыхъ» (К. Наперскій: Русск. Лив. акты).

Таково же значеніе докончальныхъ или утвердительныхъ грамотъ [1]) и отношеніе ихъ къ договорамъ въ позднѣйшей дипломатической перепискѣ. Напр. въ 1509 г. по заключеніи мира в. князя Василія Ивановича съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ.. «*грамоты докончальныя* написаша»... Сигизмундъ предъ послами крестъ цѣловалъ къ вел. князю на докончальныхъ грамотахъ... «да и *грамоту докончальную* къ вел. князю отъ короля привезоша за его печатью» (Воскр. т. VIII, 250).—15 апр. 1609 г. Михаилъ Шуйскій вручилъ уполномоченнымъ шведскаго короля «утвержденную грамоту», въ подкрѣпленіе договора 1595 г, «*на томъ, что договорилися.* А вел. государю Василію Ивановичу... тотъ договоръ (по коему записьми розмѣнялися), что договорились, всѣ тѣ статьи, что въ записи писаны, держати крѣпко и ничѣмъ не нарушивать и стояти въ томъ навѣкъ *неподвижно.* А я... даю имъ на тотъ договоръ сю *утвержденную грамоту* Новгородцкаго государства за печатью и за своею приписью. А вел. государю Василію Ивановичу... Карла короля воеводамъ или инымъ королевинымъ полномочнымъ, какъ придутъ, дать своя царская грамота, за своею царскою печатью» (А. Ист. II, № 159). Обѣтныя грамоты у иностранцевъ, неменѣе явственно выдѣляются, по формѣ своей, изъ договоровъ. Таковы, напр., promissio норманна Богемунда 1108 г., promissio пизанцевъ, сопровождавшіяся выдачею греческими императорами золотой буллы,—для Пизы въ 1111 г., согласно съ разсказомъ Анны Комненъ. Amicus de Murta, договорившись, по уполномочію генуэзцевъ, о мирѣ съ Мануиломъ Комненомъ, послалъ сходный по редакціи съ Святославовымъ дипломъ греческому императору, а генуэзцы получили отъ него въ обмѣнъ хрисовулъ, перечисляющій предоставленныя имъ торговыя привиллегіи, и т. д. (Atti di soc. Ligure, v. 28, стр. 349—351). Константинъ Порфир. сообщаетъ, что куропалатъ ивировъ,—сосѣднихъ съ прикавказской Фазіаной,—въ подтвержденіе притязаній своихъ на Фазіану (у р. Аракса), прислалъ ему, Константину, копію золотой буллы императора Романа о подчиненіи куропалата, какъ клятвенно онъ удостовѣрилъ оное собственноручною подписью, «съ обязательствомъ пребывать въ вѣрности нашему величеству и бороться съ нашими врагами, а друзей охранять».. (De adm. imp. гл. 45). Обмѣнъ утвердительныхъ грамотъ, по заключеніи договора, составляетъ у всѣхъ государствъ неизбѣжный, вѣками освященный обрядъ провозглашенія международной пріязни. Для образца кстати отмѣчу изъ дипломатической практики XIII в. южнославянскую грамоту 1238 г.: «*обетованіе* и писание кѣ межу ни (нами) есть... право и верьно сьмо дерьжали» (Miklosich: Monum. Serb. № 25), и на обмѣнъ въ 1277 г. хартій между

[1]) Къ нимъ П. Голубовскій причисляетъ м. пр. грамоты смоленскихъ князей Ѳедора Ростислав. 1284 г. и Ивана Александровича полов. XIV в. (Ист. Смол. земли, 126).

Рудольфомъ и Оттокаромъ [1]). Особеннаго вниманія нашего заслуживаетъ Пражскій договоръ, состоявшійся въ іюлѣ 1271 г. между чехами и уграми, такъ какъ въ него вступили, въ качествѣ сторонниковъ угорскаго короля Стефана V, сына Белы IV, западнорусскіе князья — зять Стефана, женатый на сестрѣ его Констанціи, Левъ Даніловичъ, братъ послѣдняго Мстиславъ, братъ Даніила Романовича Василько и сынъ Василька Владиміръ [2]). Изъ актовъ сношеній русскихъ съ тевтонскимъ орденомъ въ XIII в. интересно *обязательство* его отъ 1254 г., въ силу договора, оказывать военную помощь Даніилу Романовичу (Rzycz. et Muczk: Cod. dipl. Pol., t. III, p. 63—64). Въ грам. 1326 г. магистру тевтонскаго ордена западнорусскій князь Юрій II говоритъ: «*Obligamur* in his omnibus secundum quod est pertractatum» (Voigt: Cop. dipl. Prus. № 118). Въ грамотѣ 1334 г. Юрій II желаетъ и *обѣщаетъ* («promittimus») навсегда нерушимо сохранить миръ и любовь съ магистромъ Людеромъ.—Пятью грамотами, данными 26 іюня

---

[1]) Pertz. Mon. IV. Boczek: Cod. dipl. Morav. IV. Jirecek: Cod. jur. Bohem. № 67.

[2]) «Leo—gener Stephani regis—ruthenorum dux, Mitislaus—frater ejusdem».. Далѣе: «Wasul, filius Wasulae ducis ruthenorum, aliique fideles». Обыкновенно читали «et Wasul—filius Wasulae» (Нарушевичъ, Иречекъ и др.), подозрѣвая ошибку въ имени *Владиміра* Васильковича или приписывая ему, какъ И. Шарановичъ, еще другое имя—Василія (Die Hypathios Chronik, 89). Едвали, однако, не ошибаются сами комментаторы. Wasul—несомнѣнно Василько Романовичъ, умершій въ концѣ того же 1271 г.; filius Wasulae—Владиміръ-Іоаннъ (ср. надпись на Румянцовск. помоканонѣ № 3, л. 530: «Списанъ бысть низемъ Владиміромъ, *сыномъ Василковымъ*»...); другого сына у Василька не было, вслѣдствіе чего, вѣроятно, редакторы и не выставили его имя. Вообще въ латинскихъ грамотахъ не рѣдкость подобныя именныя недомолвки, напр. въ договорѣ герцога Самбора померанскаго съ нѣмцами 1263 г. упоминаются походы въ Ленчицкую землю, предпринятые лишскими князьями «ac per *filium* Danielis regis Rusie»... (Voigt. Cod. dipl. Prus. т. I, № 145). Хранящійся въ Ватиканскомъ архивѣ списокъ договорнаго акта 1271 г. исходитъ отъ Оттокара и оглашается соотвѣтственно «извѣщенію» нашихъ договоровъ X. в. Съ цѣлью обновленія мира, прерваннаго продолжительными войнами, и на попраніе врага человѣческаго рода (ср. въ догов. 915 г.—«враждолюбца дьявола разорити»), Оттокаръ далъ посламъ полномочіе (мандатъ), чтобы, собравшись на совѣщаніе («convenientes») съ прелатами и баронами угорскими, уполномоченными угорскаго короля, могли обсудить, установить и докончать все возможное къ обновленію мира:—«что мы сами, при личномъ съ королемъ соглашеніи, могли бы установить и докончать». Затѣмъ излагаются условія, принятыя послами на совмѣстномъ засѣданіи («considentes») касательно обмѣна хартій, выдачи обезпечительныхъ грамотъ дружественнымъ государствамъ, а также статьи частнаго и публичнаго международнаго права. Включенъ и такой пунктъ, въ силу котораго, для вящшихъ единенія и любви, Оттокаръ и Стефанъ, по изволенію («juxta placitum») и клятвенному установленію пословъ сторонъ, отрѣшаются отъ общенія и дружбы съ нѣкоторыми правительствами (H. Jirecek: Cod. jur. Bohem. № 62). Пріязненныя отношенія Льва Даниловича къ чехамъ, съ которыми нѣкогда воевалъ отецъ его Даніилъ, продолжались до исхода XIII в.. Въ 1291 г. «Левъ ѣха въ чехы на снемъ ко королеви, *зане любовь* держаше къ нимъ велику, и докончавъ съ нимъ миръ до своего живота» (Ипат.).

1315 г., въ Краковѣ, король Владиславъ Локотокъ *обязуется* быть вѣрнымъ союзникомъ королей датскаго, норвежскаго и шведскаго и князей руянскаго, мекленбургскаго и вендскаго противъ маркграфа бранденбургскаго, принимая это обязательство и за своихъ внуковъ, *князей русскихъ*» (Опис. рукоп. Рум. музея, 81). Обѣтныя грамоты князя Юрія II хранятся въ Кенигсбергскомъ городскомъ архивѣ, гдѣ онѣ обозрѣвались мною вмѣстѣ съ проф. И. Линниченко. Весьма видное мѣсто въ ряду договорныхъ обязательствъ занимаютъ грамоты литовскорусскихъ князей, напр. грамота второй полов. XIV в. вел. князя Дмитрія-Ольгерда (Arch. Sang. т. I, № 1). Нѣкій «dominus Lochka, dux ruthenorum», въ 1338 г. выдалъ, въ Вышеградѣ, обѣтную грамоту Карлу венгерскому (Турочъ). Такова же грамота 1386 г. смоленскаго князя Юрія Святославича, данная Владиславу Ягайлѣ съ обязательствами, принятыми на себя первымъ и по отношенію къ Скиргайлѣ (Arch. Sang. I, № 4), присяжная грамота гольшанскаго князя Іоанна Ольгимунтовича 1400 (А. З. Рос. I, 28) и мн. др. Въ 1412 г. Сигизмундъ венгерскій *обѣщалъ* Владиславу польскому и Александру-Витольду, в. кн. литовскому, пребывать съ ними во взаимной любви и братствѣ, какъ это *обѣщали* Владиславъ и Витольдъ [1]). Обѣтныя докончальныя грамоты обыкновенно опираются на взаимную любовь и вѣчное докончаніе (Пам. дипл. сношѣ. I, 38, 39). По церковнымъ дѣламъ онѣ исходили нерѣдко отъ духовенства. Такъ митрополитъ Кипріянъ и архіепископъ ростовскій Феодоръ грамотою 1389 г. «*обычиваются*... даютъ *обѣты* согласно съ тѣмъ, какъ установлено и съглашено бысть промежи ихъ, ближнему царя греч. нотарію Діерминефту» (А. Ист. I, № 252).

Поясненіе лѣтописца—«*Створивъ* же *миръ* Святославъ съ греки, поиде» и греческіе источники (Левъ Діаконъ, Кедринъ, Зонара) подтверждаютъ, что письменное удостовѣреніе Святослава Игоревича въ Доростолѣ было вспомогательнымъ актомъ, обѣтною грамотою, которая подлежала сообщенію Цимисхію чрезъ посольское «повѣданіе», какъ царю Роману — грамота Игоря, и условія которой болѣе или менѣе подробно излагаетъ Левъ Діаконъ. Соотвѣтственно предварительному соглашенію о возстановленіи *прежнихъ* дружескихъ сношеній, договоромъ Святослава съ греками возобновлялся въ главныхъ чертахъ договоръ 945 г., несмотря на крайне неблагопріятно сложившіяся для русскаго князя обстоятельства, едва ли позволявшія ему твердо опереться на весь народъ свой въ лицѣ принявшихъ присягу за всю русь, ибо сообщеніе съ Кіевомъ было затруднено. Совер-

[1]) Въ грамотѣ, между прочимъ, приводится соглашеніе объ уступленной Владиславу части земли русской, по раздѣлу Буковины и Молдавіи. Берладь и Килія отходили къ Сигизмунду, Ясскій Торгъ и Фейерваръ или Бѣлгородъ (нынѣ Аккерманъ) къ Владиславу (Cod. dipl. regn. Pol. et m. duc. Litw.).

шеніе такого мирнаго договора разумѣетъ и наша лѣтопись, не приведя его неотысканнаго, вѣроятно, текста, но ограничившись, «по нужѣ», сообщеніемъ уцѣлѣвшаго односторонняго обязательства Святослава вѣчно и неизмѣнно пребывать въ мирѣ и любви съ греческими царями, не поднимать оружія на Грецію и подвластныя ей владѣнія,—«ни на власть Корсуньскую», а также на Болгарію, и воздерживаться отъ подстрекательства другихъ народовъ къ походу на Грецію: «ни́ языка *иного приведу* на страну вашю» [1]).. Клятва Святослава двукратно упоминается въ его утвердительной грамотѣ,—предварительная, какъ событіе прошедшее, и окончательная: «яко же *кляхся* и *утвержаю* на свѣщаньѣ семь *роту свою*... яко же *кляхся* къ царемъ гречьскимъ и со мною бояре и русь вся, да схранимъ правая свѣщанья»... Святославъ подтвердилъ клятву, учиненную за него и всю русь послами исполнять ту конвенцію, на которую дѣлается ссылка въ заголовкѣ грамоты и приписке къ ней: «Равно другого свѣщанья, бывшаго при в. князѣ Святославѣ»... и т. д.—«Се же имѣйте *воистину якоже створихомъ*»,—т. е. въ удостовѣреніе *заключеннаю нами мира*,—«*нынѣ къ вамъ написахомъ*» [2]) на харатьи сей, своими печатьми запечатахомъ». Послѣдняя приписка исходитъ *отъ пословъ*, препроводившихъ Цимисхію обязательство Святослава, согласованное съ мирнымъ договоромъ. Въ выраженіи «Се же имѣйте (въ нѣкот. списк. «имѣете») во истину, якоже сотворихомъ», истина, несомнѣнно, обнимаетъ мирныя условія, какъ и въ договорѣ Игоря: «и ти»,—т. е. Игорь и люди его,—«приимающе харатью, на роту идуть хранити *истину* [3]) яко мы *свѣщахомъ*, написахомъ на харатью сю, на ней же суть имяна наша написана». Выраженіе «хранити *правая свѣщанья*» тѣсно связано съ выраженіемъ «хранити *истину* яко мы *свѣщахомъ*». Обѣтъ Святослава покоится на нелицемѣрномъ свѣщаньи, предшествовавшемъ мирному докончанью и въ него перенесенному («равно другаго свѣщанья»). Постатейное существо этого именно мирнаго свѣщанья, перенесенное въ докончальную грамоту,—скрѣпляется Святославомъ: «и утверждаю на *свѣщаньѣ семь* роту свою: хочю имѣти миръ и

---

[1]) Подобное обязательство--въ первомъ договорѣ римлянъ съ карѳагенянами. Ср. сказанное Изяславомъ въ 1150 г.: «язъ *сожю* угры и всѣ земли (на тѣхъ) кто ми ворогъ» (Ипат. 285). Нѣмцѣ и Русь, *иноплеменники* и ляхи».. (Ib. 558). При вторженіи Святослава въ Болгарію ему помогали угры и печенѣги.

[2]) Неправильно читаютъ: «яко же створихомъ нынѣ къ вамъ».. Такъ безграмотно не писали бы дипломаты въ X в.

[3]) «Стоять въ хрестьномъ цѣлованьи со всею правдою *истиньною*». Правда же *истина* съ нимъ ходяше», «правдою оболченъ, *истиною обитъ*» (Ипат. 605—607).

свершену любовь».. [1]). Рота—клятвенная формула, какъ и въ сербскихъ актахъ—«ротисмо се и присегаемо;—ротихь се на светомъ евангелию хрьстову» (F. Miklosich: Monum. Serb. 256, 307). Мирный договоръ расчленяется надвое въ обѣтной грамотѣ («правая свѣщанья») для устраненія сомнѣнія въ томъ, что подтвержденіе клятвы обнимаетъ оба момента совершенія мирнаго договора—и предварительный, и окончательный. Ссылка въ словахъ: «Аще ли отъ тѣхъ самѣхъ *прежереченыихъ* не съхранимъ».. относится не къ совокупности лицъ, долженствовавшихъ блюсти договоръ, (въ актѣ 945 г.: «хранити отъ... всѣхъ боляръ и отъ всѣхъ людий»), но къ приведеннымъ въ грамотѣ договорнымъ условіямъ. Такъ напр. и въ грамотѣ императора римскаго Максимиліана къ Іоанну III Васильевичу 1491 г.: «А на тѣхъ на всѣхъ на *прежрьченныхъ* рѣчахъ крѣпости... изъ истинны и сердечныи любви хочю свою правду свершити и всѣ прежписанные рѣчи докончати по сей грамотѣ, на которой есмя крестъ цѣловали» (Собр. Гос. Грам. и Дог. ч. V, № 14). Переговоры, непосредственно предшествовавшіе изготовленію утвердительной грамоты Святослава, въ лѣтописной передачѣ не вполнѣ иллюстрируютъ ея текстъ, вслѣдствіе чего необходимо допустить поэтическую скомканность лѣтописнаго разсказа [2]), добросовѣстнаго и правдиваго, но ненашедшаго себѣ достаточно плодовитой почвы въ архивномъ матеріалѣ. Быть можетъ, лѣтописецъ располагалъ только черновымъ, привезеннымъ Свѣнелдомъ въ Кіевъ эскизомъ русскаго текста грамоты, въ томъ видѣ какъ онъ составленъ въ Доростолѣ, при печальной обстановкѣ, живо изображенной въ лѣтописи. Договоръ представлялся весьма невыгоднымъ для Руси и оскорблялъ ея національную гордость. Съ отчаянья Святославъ медлилъ возвращеніемъ въ Кіевъ. Не принявъ благоразумный совѣтъ Свѣнелда пробраться туда въ обходъ печенѣговъ сухопутьемъ, онъ избралъ опасный путь, на лодьяхъ, къ днѣпровскимъ порогамъ.

---

[1]) Ср. въ грам. 1560 г.: «Чтобы межъ государей *совершенная любовь утвердилася* и покой хрестьянскій навѣки» (Сб. Русск. Ист. Общ. т. 71, № 1). Въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ актахъ прямо говорится, что послы цѣлуютъ крестъ за великаго князя; напр. въ Памяти посламъ Юрью и Василью XV в.: «И какъ поцѣлуетъ крестъ король (Максиміліанъ) на той грамотѣ (докончальной), и Юрью и Василью къ нему крестъ цѣловати за вел. князя доколѣ князь вел. самъ цѣлуетъ крестъ къ королю предъ его послами» (Пом. дипл. сношѣ. I, 41).

[2]) Н. Костомаровъ сильно ошибался, говоря, что наши первые лѣтописцы, писавшіе о событіяхъ въ ихъ отечествѣ IX и X вѣковъ, за исключеніемъ письменныхъ *греческихъ* извѣстій, не имѣли другихъ источниковъ, кромѣ изустныхъ народныхъ преданій, которыя, по своему свойству, подвергались вымысламъ и измѣненіямъ (Русск. Ист. въ жизнеоп., т. I, стр. 1).

Договоры 907, 912 и 945 г. русскіе скрѣпили: первые два языческою, третій—частью языческою, частью христіанскою клятвою. Какою клятвою удостовѣренъ договоръ Цимисхія съ Святославомъ, возражавшимъ своей матери Ольгѣ на убѣжденіе креститься: «како азъ хочю инъ законъ прияти единъ, а дружина сему смѣятися начнуть?» Коль скоро Святославъ не препятствовалъ подданнымъ своимъ принимать крещеніе, то освященіе того договора и христіанской ротой было бы вполнѣ естественно. Судя по религіозно-назидательному, въ христіанскомъ духѣ, тону пріема, оказаннаго въ 912 г. русскимъ посламъ въ Царьградѣ («царь Леонъ учаще я къ вѣрѣ своей»), они всѣ были язычники, и въ самой договорной грамотѣ того года противополагаются христіанамъ грекамъ, хотя часть южно-руссовъ, несомнѣнно, была крещена во второй половинѣ IX вѣка. Въ 945 г. присяжная формула дробится: «Мы же, елико насъ хрестилися есмы», заявляютъ русскіе послы и гости въ текстѣ договорной грамоты,—«клянхомся церковью святаго Ильѣ въ сборнѣй церкви, предлежащимъ честнымъ крестомъ и харатьею сею»... О клятвѣ *некрещеныхъ пословъ и гостей въ Царьградѣ* не упоминаетъ грамота, но они должны были ее произнести тамъ, какъ въ 907 и въ 912 г. Послы и гости поклялись за себя и за всѣхъ русскихъ—крещеныхъ и некрещеныхъ («не преступати ни намъ, ни иному отъ страны нашея»). Е. Голубинскій, В. Сергѣевичъ, А. Димитріу и мн. др., по недоразумѣнію, переносятъ мѣсто клятвы русскихъ представителей въ *цареградскую* церковь св. Ильи. С. Гедеоновъ, Н. Барсовъ и др. хотя принимаютъ названную въ грамотѣ церковь св. Ильи за кіевскую[1]), но утверждаютъ, что присяга въ ней-то и принималась послами и гостями. Оба мнѣнія противорѣчатъ тексту грамоты. Клялись русскіе представители *въ Царьградѣ*, по ихъ заявленію, не въ церкви св. Ильи, а *церковью св. Ильи, въ соборной великой церкви св. Софіи*, каковою цареградскій Софіевскій храмъ, послужившій прототипомъ кіевской Софіи, заложенной Ярославомъ, слылъ у грековъ и русскихъ. Такъ какъ въ немъ происходилъ вселенскій соборъ при патріархѣ Фотіѣ въ 879 г., то его и называли иногда соборною вселенскою церковью[2]). Клятва *церковью* св. Ильи, предъ честнымъ крестомъ, предполагающая соблюденіе каноническаго закона, произнесена русскими христіанскими послами и гостями для того,

[1]) Стояла «надъ Ручаемъ» (Лавр.), «надъ Ручьемъ» (Ипат.).—«Въ 1105 г. погорѣша въ Кіевѣ хоромы отъ *Ручія*, мимо Сланно, до святого Иліи» (Новг., Тв.).

[2]) Іоаннъ Цимисхій, возвратившись въ Царьградъ послѣ войны съ Святославомъ, «принесъ молсніе въ *великомъ* храмѣ Премудрости Божіей» (Левъ Діаконъ). Взять благословеніе отъ св. Софіи и патріарха значило «быть священу патріархомъ и *великимъ соборомъ* Костянтиноградa» (Ипат. 345). Въ 1238 г. отъ нашествія татаръ Новгородъ «заступи св. Софіа *соборная* и апостольская церкви». (Троицк. лѣтоп. т. I, стр. 225). Въ грамотѣ Константинопольскаго патріарха Антонія 1393 г. читаемъ: «Собравшись съ митрополитами на поставленіе. и господина Фотѣя въ *соборной вселенской* церкви Константинограда на превысочайшій престолъ русныя митрополіи.. сами взбрахомъ его» (А. Ист. т.

чтобы придать болѣе вѣса присягѣ ручательствомъ своею центральною національною святынею, первымъ православнымъ соборнымъ храмомъ кіевскимъ, который возникъ въ пору разрушенія капищъ или ропатей (Иларіонъ) и былъ свидѣтелемъ, если не самаго крещенія принявшихъ христіанство уполномоченныхъ русскихъ, то покрайней мѣрѣ присяги Игоря и людей его въ Кіевѣ по заключеніи мирнаго договора. По условію, «отходяче посломъ царства нашего, да допровадятъ къ вел. кн. русскому Игореви и къ людемъ его и ти, пріимающе харатью, на роту идуть».. Дѣйствительно, вслѣдъ за возвращеніемъ русскихъ уполномоченныхъ въ Кіевъ, «хрестьяную русь водиша ротѣ въ церкви св. Ильѣ, се бо бѣ *сборная* церкви, мнози бо бѣша *варязи* хрестьяне». Слова пояснительныя буквально заимствованы изъ Рембертовой «Vita Ansgarii», гдѣ онѣ отнесены къ жителямъ *Шлезвига*—«Multi namque ibi antea erant christiani» (Pertz. II, 709), а христіанство въ тѣхъ странахъ возникло, когда учреждено было, въ 834 г., утвержденное папой Григоріемъ IV, архіепископство Гамбургское, къ которому принадлежали земли датчанъ, шведовъ, норвежцевъ, эстляндцевъ и иныхъ сѣверовосточныхъ народовъ. Отсюда обнаруживается, что между христіанами кіевскими преобладали лица *варяжскаго* происхожденія [1]). Неудивительно, что и большинство уполномоченныхъ русскихъ въ 945 г. были варяги. Какъ въ Царьградѣ, такъ и въ Кіевѣ обрядъ присяги христіанской совершенъ въ главной—*соборной* церкви, съ подобающей важности самого договора торжественностью. Въ христіанскомъ религіозномъ культѣ русскихъ пророкъ Илья, коего огненное восхожденіе на небо всегда, со введеніемъ христіанства, праздновалось 20 іюля (Лавр.

I, № 254). Митрополитъ кіевскій Фотій въ окружномъ посланіи писалъ: «Сборная и апостольская церкви Костянтинограда... Кіевскія и всея Руси митрополіи поизначальнаго чина и пошлины, строятъ поученіе и бреженіе и посылаетъ единаго митрополита Кіеву и всей Руси» (Ib. № 19). Въ 1438 г. вел. кн. Василій Васильевичъ писалъ греческому царю: «Владиміръ назвалъ св. Софію святою великою *соборною* и апостольскою церковью царствующаго града, Премудрости Божія» (Соф. 2 лѣтоп. т. IV, 163). Въ 1448 г. онъ же писалъ царю Константину Палеологу: «Церковь наша русская, святѣйшіи митрополіи русскія, святыя Божія *вселенскія соборныя* апостольскія церкви Премудрости Божія святыя Софіи Цареградскія благословенія требуетъ и ищетъ» (А. Ист. т. I, ср. № 262). Въ пространномъ посланіи 1437 г. Исидоръ, архіепископъ кіевскій и всея Руси, говоритъ, что Русь подлежитъ «*соборной* церкви Константинопольстей» (Воскр. т. VIII, 106). Авторъ сказанія о взятіи Царьграда въ 1453 г. Махметомъ Амуратовымъ сыномъ называетъ св. Софію просто *великою* церковью Премудрости Божіей (Воскр. т. VIII, 125, 137). Подъ 1472 г. записано: «Князь венедійскій... хотя ити на турского царя, что въ Царьградѣ сидитъ, взявъ за собою хрестьянскій градъ и церковь *великую* Софею въ мизгитъ (мечетъ) учини, иже созда Юстиніанъ великій царь» (Соф. II, т. VI, 196).

[1]) Одинъ изъ нихъ Олма поставилъ церковь св. Николы на Аскольдовой могилѣ. Служившій долго при Владиміре св. Олавъ Тригвій получилъ имя Olaus'a (См. саги о немъ въ Ant. rus. I, 409).

подъ 1217 г.), сталъ вытѣснять Перуна и Волоса. Объ этомъ поворотѣ, происшедшемъ несмотря на противодѣйствіе приверженцевъ попа Богомила, даютъ ясное понятіе разные апокрифы вродѣ бесѣды св. Андрея съ Епифаніемъ. Переходная ступень отъ Перуна и Волоса къ св. Ильѣ отчасти раскрывается сѣвернымъ названіемъ славянскаго языческаго божества Юломъ. Въ сказаніи объ Оттонѣ Бамбергскомъ, сообщающемъ много интереснаго о прибалтійскихъ *рутенахъ*, приводится увѣщаніе епископомъ волинцевъ прекратить поклоненіе *Юлу* и его коню (хрон. Ebbo). Надо полагать, что подъ Юломъ (Julius) кроется Волосъ [1]). Такимъ образомъ христіанская клятва, въ корнѣ, сходилась бы съ языческою — Волосомъ. Обращеніе къ главному отечественному храму, при произнесеніи, по разнымъ случаямъ, клятвы, практиковалось и позднѣе. Напр., въ 1219 г. новгородскій посадникъ «Тверьдославъ, *позря на св. Софію*, рече: аще буду виноватъ, да буду ту́ мертвъ, буду ли правъ, ты мя, Господи, оправи» (Тверск. т. XV. 328) Въ отличіе отъ договорной грамоты 912 г. формула роты нехристіанской цѣликомъ приведена въ договорномъ актѣ 945 г., гдѣ въ предисловіи и послѣсловіи она искусно сочетается съ клятвою христіанскою: «Елико ихъ крещенье (въ Ипат. «священіе») приняли суть, отъ страны Рускыя, да примуть месть отъ Бога Вседержителя, осуженье на погибель и въ сій вѣкъ и въ будущій. И елико ихъ есть *не хрещено*, да не имуть помощи отъ бога *ни* [2]) отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими и да посѣчени будуть мечи своими, и отъ стрѣлъ, и отъ иного оружья своего, и да будуть раби въ сій вѣкъ и въ будущій». Такъ формулирована клятва въ предисловіи.— И въ концѣ договорной грамоты формула присяги приведена сперва христіанская, потомъ языческая. Язычникамъ надлежало поклясться богомъ Перуномъ — «да будетъ клятъ отъ бога и (онъ) отъ Перуна. Подобная клятва была произнесена нѣкогда аварскимъ каганомъ надъ обнаженнымъ мечемъ: «Если нарушу клятву, да погибнемъ отъ меча я самъ и мой народъ; пусть поразитъ насъ Богъ молніей, пусть небо, горы и лѣса обрушатся на наши головы» (подробн. м. проч. у Гиббона). Нехристіанская клятва сопровождалась наступленіемъ ногами на мечи (Генрихъ Латышъ, гл. XVI). Преступившаго присяжный обѣтъ, освященный цѣлованіемъ креста, христіанское заклятіе одинаково обрекало

---

[1]) По преданію, сообщенному Давидомъ Хитреемъ, гибель Юлина побудила *рутеновъ* переселиться въ Русь, гдѣ они и основали «ducatum Wulinenzem». Поклоненіе коню (англ. horse) совпадаетъ съ почитаніемъ *Хорса*.

[2]) Ср. напр. отзывъ короля угорскаго Андрея о городѣ Владимірѣ-Волынскомъ, подобнаго которому онъ «не изобрѣтохъ *ни* въ нѣмецкыхъ странахъ» (Ипат.), Различное употребл. этого отрицат. союза см. въ Словарѣ др. русск. яз. И. Срезневск., стр. 443—445.— Въ догов. 945 г.: «*ни* у св. Елферья».

на смерть и постоянныя муки въ жизни загробной; за преступленіе Божьей правды и истины, по словамъ пророка,—«*оружіе* вы поимъ» (Воскрес. т. VIII, 102).—«Да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавше его, аще ли преступять, то и сдѣ пріимуть казнь и на преидущемъ вѣцѣ казнь вѣчную» (Ипат. 121). За обиду церковнаго суда виновные, по древнему его Уставу,—«да будуть прокляты въ сій вѣкѣ и въ будущій» и т. д.. Формула присяги мѣнялась по обстоятельствамъ времени и мѣста, но внутреннее ея значеніе оставалось всегда одно и тоже—Божья месть за нарушеніе клятвы: «Побій мя Богъ въ души и въ тѣлѣ».—«А не учнуть правити крестного цѣлованья, ино на того Богъ... и моръ и голодъ и огонь и *мечь*».—«Кляти и прокляти въ сей вѣкъ и будущій, и душа его да буди въ огони и съ сотоною и съ бѣсы» [1]) — Встарину обращалось дипломатами большое вниманіе на способъ цѣлованія креста. Такъ русское посольство царя Ивана Васильевича требовало отъ польскаго короля Сигизмунда Августа, дабы онъ на мирныхъ грамотахъ «самый крестъ цѣловалъ прямо губами, а не въ подножье и не мимо креста, да и *не носомъ*» (Сб. Русск. Ист. Общ. т. 71, № 25). Мы видимъ, что нарушителямъ договорной клятвы X в. угрожала месть отъ Бога Вседержителя; виновные, по языческой формулѣ, лишались помощи верховнаго божества Перуна, гибель отъ стрѣлъ и иного оружья своего, посѣченіе собственными мечами. Стрѣлы и иное оружье—смертоносныя орудія Перуна, впослѣдствіи превращенныя нашими книжниками въ «стрѣлы дьявола – миродержьца князя вѣка сего» (Лавр. 207), но народное повѣрье объ огненныхъ стрѣлахъ, пускаемыхъ грознымъ Перуномъ, оказалось весьма живучимъ, проникнувъ во многіе памятники письменности, въ томъ числѣ и въ лѣтопись: «Пріиде стрѣлка изъ грому» (Соф. II, 33). «Убила на Завеличьи стрѣлка громомъ отъ войскихъ» (Псковск. 312). Иногда происхожденіе пожара народное воображеніе относило къ «Перунову запаленію» (Сб. Муханова, № 94).—Преступившій присягу, сказано въ языческой ротѣ договора 945 г., «изъ князей или изъ людей русскихъ, христіанинъ или не христіанинъ, пусть будетъ заколотъ собственнымъ оружіемъ, достоинъ будетъ умереть посредствомъ собственнаго оружія, и пусть будетъ клятъ отъ бога *онъ* — отъ Перуна», — старѣйшаго бога (Густ. лѣтоп.), творца молніи и грома (Прокопій), верховнаго и всемогущаго божества славянъ (Гельмольдъ), обрушавшаго свой грозный гнѣвъ на руссовъ ударами молніи (Ибнъ-Фадланъ). Въ 941 г. русскіе изъза того и не одолѣли грековъ, что послѣдніе трубами пускали въ нихъ

---

[1]) Я. Головацкій: Памятн. древн. письм. Обол. и Данилов. т. II, № 70. Ревизія пущъ, изд. Виленск. Ком. 294). По Гельмольду, —«jurare apud slavos quasi perjurare est ob vindicem deorum suam». Король угорскій говорилъ Владиміру Галицкому, когда послѣдній поцѣловалъ крестъ: «не будешь живъ, если преступишь клятву» (Ипат.).

огонь, ожигавшій ихъ «яко молонья» [1]). Пѣвцы долго потомъ повторяли уподобленіе огненныхъ орудій, которыми выжигали непріятельскую землю, съ молніей: Ляхомъ... сулицами мечюще и *головнями яко молонья*» (Ипат. 538, 539). Въ существѣ клятва договора соотвѣтствуетъ Исаиному пророчеству, истолкованному Златоустомъ: «Азъ предамы вы *на оружіе* и вси *заколеніемъ* падете». Въ лѣтописи: «Оружіе ихъ (грѣшниковъ) внидетъ въ сердце ихъ» (Лавр. 233). «Почто плачь и *клятву на ся влечеши*», вопрошаетъ Серапіонъ въ поуч. XIII в., или безсмертенъ еси, не чаеши ли суда Божія», т. е. смерти? Воины Святослава, не надѣявшіеся на свое спасеніе, лишали себя жизни для избѣжанія позорной участи сдѣлаться рабами своихъ побѣдителей (Левъ Діаконъ). Вообще, быть скованнымъ почиталось варварами величайшимъ позоромъ (Тацитъ). Рабство посмертное, по представленію лѣтописца, постигло Святополка окаяннаго: «по смерти вѣчно мучимъ есть и *связанъ*» (Ипат. 102). При утвержденіи договора 945 г. Игорь съ мужами клялся на холмѣ «иде стояше Перунъ». По дальнѣйшему лѣтописному разсказу (подъ 980 г.), кумиры *другихъ* языческихъ боговъ—Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокоши (изъ нихъ *Дажьбогъ* въ Хожденіи Богородицы по мукамъ замѣненъ *Волосомъ*), были поставлены въ Кіевѣ Владиміромъ Святославичемъ, но въ Новгородѣ дядя его Добрыня поставилъ, надъ Волховомъ, одного кумира Перуна, низвергнутаго въ 991 г. архіепископомъ Іоакимомъ. Клявшіеся соблюдать договоръ некрещеные руссы должны были положить, и въ самомъ дѣлѣ клали, на землю вмѣстѣ съ оружіемъ золотые обручи («полагаютъ обручѣ»,—«покладоша золото»), о которыхъ упоминаетъ, согласно съ Светоніемъ, Страбонъ (lib. XI), говоря о донскихъ *аорсахъ*, «по богатству ходившихъ въ золотѣ», и писавшій около 912 г. Ибнъ-Даста, какъ о ручномъ украшеніи мужчинъ у *руссовъ*. Вотъ почему, мнѣ кажется, что когда «ходи Игорь ротѣ и люди его, елико поганыхъ руси» [2]), клявшіеся присоединяли къ имени Перуна и имя Волоса. Въ грамотѣ Святославовой 971 г. рота изложена нѣсколько иначе: «да имѣемъ клятву отъ Бога и—въ него же вѣруемъ (т. е. и того, въ котораго вѣруемъ),—въ Перуна и *въ Волоса* «скотья бога, и да будемъ золоти (желты) яко золото [3]), и своимъ оружьемъ да иссѣчены будемъ» (ср. Радз.). Христіанская клятва, по послѣдствіямъ нарушенія договора, и тутъ

---

[1]) Ср. «живые шероширы» и «возжи (возженные) стрикусы» въ Сл. о полку Игоревѣ.

[2]) На роту шли, конечно, не всѣ люди, но въ лицѣ избранныхъ *мужей*. Имъ надлежало дать обѣщаніе хранить договоръ «отъ Игоря и отъ всѣхъ бояръ и отъ всѣхъ людій страны Русскые».

[3]) Изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня (Буслаевъ: «О вліяніи христіанства на славянскій яз.). Въ Лавр.: «да будемъ колоти».

сливается съ языческою, какъ въ договорной грамотѣ Игоря: «крещенъ или не крещенъ, да не имуть помощи отъ Бога»..., не дѣлая рѣзкаго разграниченія христіанъ отъ не христіанъ, по Іоакимовой же лѣтописи, въ дружинахъ Святослава были и христіане. Въ предъидущихъ двухъ договорахъ русскихъ съ греками вполнѣ безразлично для христіанъ и язычниковъ превозносится *божественная* природа мира. Въ 907 г. и, вѣроятно, въ 912 г. руссы клялись двумя божествами языческими—Перуномъ и Волосомъ, особенно чтившимся, чаще подъ именемъ Велеса, въ Ростовской и, кажется, Тмутороканской областяхъ [1]), а въ 945 г. богомъ Перуномъ По удостовѣренію лѣтописца, русскіе послы клялись въ 907 г. за Олега и иныхъ, а потомъ, конечно, и самъ Олегъ, *по русскому закону*, оружьемъ своимъ и Перуномъ, богомъ своимъ [2]), и Волосомъ, скотьимъ богомъ, источникомъ всякаго обилья и матеріальныхъ благъ, покровителемъ торговли (Ибнъ-Даста, Ибнъ-Фадланъ). Въ 912 г.—послы, по ихъ выраженію, «кленшеся оружьемъ своимъ... по закону и по покону языка нашего», т. е. по вѣрѣ и по правилу народа русскаго [3]). Князьямъ и посламъ русскимъ варяго-русскаго происхожденія вполнѣ приличествовало присягать за всѣхъ русскихъ по ротѣ, усвоенной племенами славянскаго типа, составлявшими ядро населенія Русскаго государства. Притомъ Перунъ и Волосъ, причисляемые и Густынскою лѣтописью къ богамъ русскимъ (т. II, 256, 257), почти только номинально отличались, по ихъ выдающимся свойствамъ, отъ боговъ некрещеныхъ норманновъ Одина и Тора. Послѣднее имя переносится скандинавскими сагами на родоначальника норманскихъ королей Трояна или Тора (Эдда, см. Ant. rus. I), памятнаго у насъ не только по произведеніямъ литературнымъ (Слово о полку Игоревѣ, «Хожд. Богородицы по мукамъ»), но и по названію рѣкъ (Торъ и Торецъ). Символическое значеніе клятвы надъ золотомъ толкуютъ разно, но несомнѣнно, что золото почиталось твореньемъ Волоса, справедливо отождествляемаго большинствомъ ученыхъ съ солнцемъ—Дажьбогомъ [4]) и названнаго Ипатскою лѣтописью золотымъ или златоноснымъ: «Овии бо глаголаху, яко *златомъ Власомъ* поверзена есть перкви *отъ небесе* и *тьмѣ* же утвержена» (стр. 479, подъ 1200 г.). Власіемъ именуется Волосъ и въ Тверской лѣтописи

---

[1]) Житіе Авраамія + 1010 г., надпись на крестѣ, даннымъ Аврамію «побѣдити идола Велеса при князѣ Владимірѣ», и Слово о полку Игоревѣ.

[2]) «Жряху ему новгородци яко богу» (лѣтоп. подъ 980 г.).

[3]) Ср.: грам. 912 г.: «любовь утвердити по вѣрѣ и по закону нашему», – «толцѣмъ же прибудеть по закону»; подъ 1229 и 1247 г.: «иного *языка не русскаго*»—буди ты старѣй всѣмъ княземъ *въ русскомъ языцѣ*».

[4]) Слич. догов. выраж.: «Дондеже *солнце* сьяетъ, и весь миръ стоитъ»... Отъ солнца заимствовала свѣтъ свой и русская «*свѣтлость*», т. е. князья.

(стр. 39), и въ двустишіи Іоанна Геометра (Васильевскій: Русск. византотрывки), и въ народной поговоркѣ: «Егоръ на Власъ—всему богатству глазъ». Моленіе русскихъ торговцевъ въ Итилѣ о направленіе къ нимъ покупателей съ золотыми и серебряными деньгами (Изв. мусульм. писат.) обращено было очевидно къ Волосу. Геродотъ упоминаетъ о священномъ *золотѣ*, палладіумѣ скифской народности, ниспосланномъ съ неба, благоговѣйно хранимомъ царями скифскими и чествуемомъ въ народѣ періодическими жертвоприношеніями. Кажется мнѣ, какую-то связь съ Волосомъ имѣетъ и «звѣзда хвостатая»—(комета), си же звѣзда нарѣчается *власатая*» (Ипат. 570), т. е., быть можетъ, ведущая свое происхожденіе отъ Волоса [1]). Въ припискѣ къ договору 945 г. греки убѣждали Игоря блюсти договоръ для отвращенія гибельныхъ послѣдствій нарушенія клятвы «*будеть* достойно своимъ оружьемъ умерети,—и да *будеть* клятъ»..., обращаясь къ нему съ такимъ внушеніемъ: да аще *будеть*,—*добрѣ* (хорошо) Игорь великій князь *да хранитъ* си любовь правую». Полнымъ доказательствомъ правильности моего чтенія, идущаго наперекоръ принятому—«да аще будеть добрѣ»—служитъ выраженіе Ипатской лѣтописи подъ 1162 г. Князь Андрей просилъ разрѣшенія у епископа Леона ѣсть мясо въ среду и пятокъ; епископъ же повелѣлъ ему «толко одну недѣлю порозную ѣсти мяса въ среду и въ пятокъ, а прочего *добрѣ хранити*»..

Святославъ, принимавшій еще дитятей, чрезъ посла своего Вуефаста, участіе въ договорѣ 945 г., который самъ обновилъ въ 971 г., утвердивъ присягой,—палъ, по кіевскому преданію, жертвою клятвопреступленія, какъ и Игорь. Лѣтописецъ кіевскій не безъ задней мысли нравственнаго поученія сближаетъ произнесенную Святославомъ присягу: «да будемъ *золоти* яко золото се... да умремъ» съ остановкою его *на зиму* («озимѣкъ»), вопреки договорамъ съ греками, въ днѣпровскомъ Бѣлобережьи или Лукоморьи (по арх. сп.). Ближайшей причиной впаденія Святослава въ бѣду послужило нарушеніе имъ клятвы; но, «творя норовы погаиьскія», онъ заслуживалъ Божьей кары, въ представленіи лѣтописца, и за ослушаніе своей матери Ольги принятъ крещеніе (подъ 955 г.), и за ругательство надъ христіанами, какъ «ругашеся христіаномъ и нѣкій вельми сильный князь, сидѣвшій въ Вислѣхъ, крестившійся «нудми», по предсказанію Меѳодія, за отказомъ креститься добровольно. Наряду съ братолюбіемъ и другими священными завѣтами прародителей, отступленіе отъ которыхъ навлекало на виновнаго справедливый гнѣвъ Божій (судьба окаяннаго Святополка и т. под.), послушаніе матери и впослѣдствіи ставилось въ непремѣнную обязанность

[1]) Что касается формы «Велесъ», то она образовалась подъ вліяніемъ ветхозавѣтнаго преданія объ *Уелѣ*, замыслившемъ пѣсни и гусли (Тверск. 86 и др.), почему пѣснотворецъ Боянъ—внукъ *Велесовъ* (Сл. о п. Игоревѣ).

русскимъ князьямъ. Въ духовной вел. князя Дмитрія Ивановича 1389 г. нѣсколько разъ повторено: «а матере своее слушайте». Послѣ жестокихъ мукъ, испытанныхъ въ Бѣлобережьи отъ голода («зубовъ гладныхъ»), ниспосланнаго богомъ Волосомъ, когда истощились запасы взятаго у грековъ брашна, питаясь кониной, покупавшейся чрезвычайно дорогой цѣной, едва лишь успѣлъ Святославъ съ остаткомъ войска, при наступленіи весны, войти въ Днѣпръ, какъ лишенный помощи и Перуна, былъ вѣроломно убитъ печенѣгами, съ коими мирный союзъ заключенъ имъ въ 968 г. «И убиша Святослава, и взяша голову его и во лбѣ его здѣлаша чашю, оковавше лобъ его *золотомъ*». Такой же варварскій обычай былъ примѣненъ въ 811 г. болгарскимъ царемъ Крумомъ, повелѣвшимъ сдѣлать пировую чашу съ металлическимъ окладомъ, по болгарскимъ преданіямъ—золотомъ (у Паисія—«оковали ю со *злато*») изъ черепа павшаго съ нимъ въ бою Никифора (Кедринъ). Смертъ, въ возмездіе за нарушеніе клятвы, часто, по Божьему суду, постигала князей, напр. галицкаго князя Владиміра Ярославича въ полов. XII в.. Святославъ храбрый погибъ молодымъ. При началѣ своего княженія, въ походѣ на деревлянъ 946 г., брошенное имъ копье, пролетѣвъ сквозь уши, попало подъ ноги его коня, «бѣ бо вельми дѣтескъ». Если вѣрить Константину Порфир., то въ малолѣтнемъ возрастѣ Святославъ княжилъ въ Новгородѣ (De adm. imp.). Къ 964 г., повидимому, Святославъ вполнѣ возмужалъ. Подъ 942 г., которымъ Ипатская лѣтопись ошибочно отмѣчаетъ смерть Симеона болгарскаго († 927 г.), въ Воскресенск. и нѣкот. др. спискахъ, вѣроятно на основ. метрической записи, сказано: «Въ се же лѣто родися Святославъ у Игоря». По той же Воскрес. и др. лѣтописямъ, Святославъ княжилъ всего 28 лѣтъ. Нѣкоторые своды, а за ними Тверской, даютъ Святославу въ 945 г. 15 лѣтъ [1]). Полагаю вмѣстѣ съ Соловьевымъ, что Святославъ дѣйствительно родился въ 942 г., что въ 946 г. ему было около 4-хъ лѣтъ (Ник. т. X. 19, 23 [2]), и что онъ умеръ 32 лѣтъ [3]).

---

[1]) Это не было бы вѣрно, еслибы даже годъ его рожденія совпадалъ съ годомъ смерти Симеона.

[2]) Ср.: «Данилу же тогда дѣтьску сущу, якоже можаше на конѣ ѣздити» (Ипат. 488).—Василій Ивановичъ, умирая 1534 г., вручилъ царскій скипетръ сыну Іоанну, когда послѣднему наступилъ *четвертый* годъ (Воскр. т. VIII).

[3]) Отъ смерти Святослава Игоревича до смерти Ярослава Владиміровича лѣтописецъ считаетъ 85 лѣтъ. Однако, если взять число лѣтъ отъ кончины Святослава (972) до кончины Ярослава (1054), то выйдетъ всего 82 года. Думаю, что игуменъ Сильвестръ въ хронологическомъ распредѣленіи событій, доведенномъ до смерти Святополка-Михаила, руководился, между прочимъ, Похвалой монаха Іакова, по которой Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ въ *осьмое* лѣто по смерти отца своего Святослава, именно 11 іюня 6486, т. е. въ

Мирный договоръ 971 г. былъ, по смерти Святослава, подтвержденъ, вѣроятно съ дополненіями, въ 978 г. сыномъ его Ярополкомъ вскорѣ послѣ посольскихъ сношеній руссовъ («ruscorum») съ императоромъ Оттономъ въ Кведлинбургѣ, происходившихъ около 973 г., совмѣстно съ греческими послами (Pertz. т. III, 63), и совпадающихъ съ посольствомъ къ нему отъ датскаго Геріольда (A. Altakens.). «Того же лѣта пріидоша послы отъ греческаго царя (Василія) къ Ярополку и *взяша миръ и любовь* и яшася ему по дань, яко же и *отцу* его и *дѣду* его» (Собр. лѣтоп. т. IX, 39). Въ началѣ княженія Владиміра Святославича до успѣшнаго похода его на Корсунь, около 989 г.,—по словамъ монаха Іакова, на третье лѣто по крещеніи,—завоеванный имъ и возвращенный потомъ грекамъ «за вѣно царицы дѣля Анны», тетки Оттона III, которую братья ея Василій и Константинъ принудили будто-бы ѣхать въ Корсунь для вступленія съ Владиміромъ въ бракъ «да ся бы болма на крестьянскій законъ направилъ» (мон Іаковъ) [1]),—мирныя отношенія русскихъ къ грекамъ продолжались по старому. Въ 980 г., расправляясь съ крамольной партіей варяговъ, возбудившихъ къ себѣ народную ненависть насиліемъ и поборами, и стремясь къ переселенію ихъ въ Грецію послѣ убійства Ярополка и наглаго ихъ требованія отъ кіевлянъ дани по двѣ гривны съ человѣка, Владиміръ отправилъ съ послами дружеское предупрежденіе царю Василію: «Вотъ идутъ къ тебѣ варяги, не позволяй держать ихъ въ Царьградѣ, нето учинятъ тебѣ тамъ такія же пакости, какъ и здѣсь, но расточи ихъ по разнымъ мѣстностямъ, а сюда не пускай ни единаго». Вообще переговоры Владиміра съ царями Василіемъ и Константиномъ Романовичами изложены довольно подробно въ лѣтописи нашей, проливая свѣтъ на обыденный порядокъ дипломатическихъ сношеній Руси съ Греціей въ концѣ X столѣтія. Лѣтопись приводитъ содержаніе грамотъ Владиміра—одну съ угрозой взять Царьградъ въ случаѣ отказа отдать за него сестру царей Анну и оповѣщеніе отъ нихъ, начинающееся словами:... «не достоитъ хрестьяномъ за поганыя даяти», съ увѣщаніемъ креститься; затѣмъ отвѣтъ Владиміра съ изъявленіемъ готовности принять крещеніе, и наконецъ обѣщаніе царей прислать Анну, если Владиміръ крестится. Все это было продолженіемъ сношеній съ императорами, предпринятыхъ въ 987 г. и

---

978 г.. Тогда, при отнесеніи смерти Святослава къ 970 г., выходило бы 37 лѣтъ Владимірова княженія (Ярополкъ 8 л., Владиміръ 37 л., Ярославъ 40 л.=85 л.). Несогласіе погодныхъ записей съ основнымъ хронологическимъ перечнемъ можно объяснить недосмотромъ Сильвестра или его продолжателей.

[1]) Принужденіе сопровождалось такимъ увѣщаніемъ: «Греческую землю избавивъ отъ лютыя рати, видиши ли колько зла створиша русь грекомъ, и нынѣ, аще не идеши, то же имуть створити намъ».

сопровождавшихся испытаніемъ вѣры. Б лть можетъ, къ означенному времени примыкаетъ показаніе Ибнъ-анъ-Надима о посольствѣ владѣтеля кавказскаго къ царю руссовъ (А. Гарк: Сказ. мус. пис. № 18), а также персидскаго писателя Мухамеда-ай-Ауфи объ отправленіи русскимъ царемъ Буладиміромъ четырехъ пословъ изъ своихъ родственниковъ къ хорезмашу, о полученіи ими почетныхъ подарковъ и отряженіи имъ къ русскимъ одного изъ имамовъ поучать ихъ правиламъ ислама [1]). Тогда переговоры съ царями къ желанному соглашенію не привели, иначе Владиміру не представлялось бы уважительнаго повода двинуться на Корсунь. Греческіе и армянскіе историки сообщаютъ, что въ исходѣ X в. Владиміръ посылалъ въ Грецію шеститысячное вспомогательное ополченіе. Возстаніе Варды Фоки было подавлено императоромъ Василіемъ II при участіи вспомогательныхъ русскихъ дружинъ (Пселлъ, Скилица [2]). Къ этому моменту пріурочиваетъ лѣтопись посѣщеніе Византіи десятью выборными русскими послами для ближайшаго ознакомленія съ греческимъ богослуженіемъ и приходъ къ Владиміру легатовъ отъ папы съ пресловутымъ заявленіемъ: «земля твоя—яко и земля наша, а вѣра ваша—не яко вѣра наша» (986 г.), и такой, приводимый нашими византинистами (Васильевскій, Успенскій и др.) разсказъ арабскаго писателя: «Когда царю Василію угрожала опасность, то, по недостатку собственныхъ силъ, нужда заставила его послать съ просьбою о помощи къ царю враговъ своихъ—руссовъ, который склонился на просьбу, и *заключили они между собою договоръ* о свойствѣ и женился русскій царь на сестрѣ царя Василія, поставивъ условіемъ крещеніе его самого и его народа». Лѣтописное выраженіе: «живяше Владиміръ *по строенью* дѣдню и отню» разумѣетъ, кажется, въ особенности, строенье *мирное*.

Исторія дипломатическихъ сношеній Россіи съ Византіей въ X вѣкѣ обрывается на глухомъ извѣстіи Никоновскаго свода о приходѣ, около 988—990 г., греческихъ уполномоченныхъ къ Владиміру св.. Послѣ крещенія... «многи послы приходиша изъ грекъ отъ царей со многою честью и зъ дары и *съ любовію*» (стр. 57) «Того же лѣта 990 пріидоша отъ греческихъ царей послы *о любви*». Мирный договоръ открылъ Владиміру, между прочимъ, возможность навербовать въ Греціи мастеровъ для сооруженія кіевской церкви св. Богородицы. Миру съ греками предшествовало

---

[1]) Сообщ. Бартольда въ IX т. Зап. восточн. отд. Имп. Арх. Общ.. Изъ еврейской приписки къ пятикнижію оказывается, что Владиміръ дѣйствительно посылалъ изъ Кіева («князь Рошъ Мешехъ изъ г. Ціобъ») къ хозарскому царю Давиду по дѣламъ вѣры (Д. Хвольсонъ: Евр. надгробн. надп. въ Крыму, 75).

[2]) Въ византійскомъ трактатѣ по стратегіи упоминается о какомъ-то *русскомъ* отрядѣ при греческ. императорѣ около того времени (Визант. Врем. т. VII, в. 1—4).

заключеніе Владиміромъ договоровъ съ Болеславомъ польскимъ, Стефаномъ угорскимъ, Андрихомъ чешскимъ: «И бѣ живя Володиміръ съ князи околними миромъ... и бѣ *мирз* межи ими и *любы*». О пріѣздѣ къ Владиміру пословъ отъ князей чешскаго и ляшскаго сохранилась подъ 992 г. запись въ Никоновскомъ сводѣ, согласная съ приведеннымъ мною свидѣтельствомъ Длугоша. По словамъ Иларіона, — «единодержецъ Владиміръ покоривъ подъ ся *иныя окрузныя страны миромъ*».. Любовныя узы, связывавшія Русь съ Греціей, не разрывались и въ первой половинѣ XI вѣка, до 1043 г. По Кедрину, Зонарѣ и др., миръ, въ силу договора и родства греческаго царскаго дома съ русскимъ княземъ, возстановившій право русскихъ вести торговлю съ греками, длился весьма долго, пока не былъ прерванъ въ томъ году, на три года, убійствомъ въ Царьградѣ русскаго мужа, которое вызвало несчастный походъ русскихъ къ Царьграду. Однако, сближеніе ихъ съ греками бросило уже столь глубокіе корни, что въ 1069 г., на вѣчѣ, кіевляне рѣшили въ случаѣ, если Изяславъ отдастъ ихъ ляхамъ на разореніе, то они зажгутъ градъ свой и *ступятъ въ землю греческую*.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Правда, составляющая главный предметъ договоровъ 912 и 945 г., есть, по времени, первый сохранившійся оффиціальный источникъ нашихъ познаній о русскомъ правѣ. Въ дѣлахъ между русскими и греками каждая договаривающаяся держава опиралась не только на обоюдную, договорную Правду (законъ грекорусскій), но и на свою собственную, національную Правду, ограждавшую, подъ защитой верховной власти, интересы подданныхъ личные и имущественные. Договоры отъ начала до конца проникнуты правовымъ характеромъ. Къ достиженію «*правой* любви» вело «*правое*» или правовое обсужденіе договорныхъ статей («право судихомъ»), выражавшееся въ «*правомъ* свѣщаніи». Корни греческой Правды хорошо извѣстны. Первообразъ Правды Русской или Роськой—«закона русскаго» свѣтскаго донынѣ не удалось раскрыть ученымъ. По моему убѣжденію, такимъ первообразомъ послужила Правда *варяго-словенская*. Лѣтописецъ нашъ выставляетъ отсутствіе Правды у обитателей великой и обильной земли, прослывшей Русскою,—«не бѣ въ нихъ Правды»—однимъ изъ побудительныхъ поводовъ приглашенія варяжскихъ князей [1]). Съ ихъ прибытіемъ

[1]) Норманнская теорія до послѣдняго времени сильно поддерживается многими учеными. Къ ихъ лагерю примкнулъ Н. Рожковъ въ «Обзорѣ русской ист. съ соціологич. точки зрѣнія». По его мнѣнію,—«мотивы, вызвавшіе появленіе варяговъ, имена пришельцевъ, данныя о ихъ завоеваніяхъ, сомнѣнія возбудить не могутъ... варяговъ—русь надо считать *норманнами*» (стр. 71 и 72).

туземныя союзныя племена, вошедшія въ составъ Русскаго государства, приняли Правду *договорную*, сдѣлавшуюся для нихъ обязательною чрезъ примѣненіе въ судебной практикѣ по княжескому приказу и ограничившую господство племеннаго самосуда и произвола, а вмѣстѣ съ тѣмъ развитіе внутреннихъ раздоровъ, слѣды которыхъ запечатлѣлись въ 16 ст. Псковской судной грамоты: «по грѣхамъ на кого *родъ ополчится*».. Правда варяго-словенская легла также въ основаніе договоровъ Новгорода съ нѣмцами, восходящихъ къ XI вѣку, какъ можно предполагать по сохранившимся спискамъ договора конца XII вѣка,—времени новгородскаго князя Ярослава Владиміровича, подтвердившаго *старый миръ* съ ними на началахъ изложенной въ договорѣ Правды. Лѣтописное преданіе содержитъ ясные слѣды дипломатическихъ сношеній съ варягами союзныхъ чудскославянскихъ племенъ для установленія, по добровольному договору, правового порядка верховною властью иноземнаго князя, «иже бы судилъ (въ нѣкоторыхъ спискахъ «рядилъ») по *ряду*, по *праву*» [1]). Іоакимовская лѣтопись знаетъ заключеніе старѣйшиною словенъ Гостомысломъ, послѣ одержанныхъ надъ ними побѣдъ, *мира* съ варягами.—Упомянутое добровольное соглашеніе на почвѣ *правовой* представляется наиболѣе могучимъ двигателемъ въ образованіи Русскаго государства. Подлинный текстъ договора съ варягами враждовавшихъ между собою племенъ, имѣвшихъ своихъ правителей, но не имѣвшихъ, до его заключенія, обязательной для себя, единой руководящей Правды, не дошелъ до насъ, но съ нимъ знакомятъ лѣтописные его отголоски, статьи Ярославовой Правды, въ связи съ договорами между новгородцами и нѣмцами, стремящіяся объединить національные правовые обычаи тѣхъ племенъ и заморскихъ варяговъ, коимъ лѣтопись приписываетъ *русское* происхожденіе, а также скандинавскія саги (Еймундова и др.). Знаменательно въ высшей степени извѣстіе большинства лѣтописей подъ 882 г., что изъ Новгорода, по установленію Олега, платилась варягамъ дань—300 гривенъ, «мира дѣля» [2]); т. е. ради соблюденія или

---

[1]) «... судити имъ (князю и посаднику) взирая въ Правду.:. судити *право* по крестному цѣлованью» (Псков. судн. грам.).—«А судить имъ (посаднику, намѣстнику, тысяцкому) «*право*» (Новг. судн. грам.). «Право» - справедливо: «Да аще мя просите *право*» (Лѣтоп. п. 946 г.). «Давидъ глаголаше.. *право* судите» (Ипат. 94). «Нѣю слово *право* будетъ» (Ib. 371). Лѣтописецъ, подъ 1015 г., по поводу убійства Святослава Святополкомъ Окаяннымъ, приписываетъ праву божественное происхожденіе: «Аще бо кая земля управится предъ Богомъ,—поставляетъ ей цесаря или князя *праведна*, любяща судъ и *правду*, и властеля (Богъ) устрояетъ и судію *правящаго* (творящаго правый) судъ».. (Лавр. 136). Князья давали обѣты *правосудствовать* (Воскр. 1103 г.).

[2]) Бояринъ Володиславъ погибъ изъ-за присвоенія себѣ княжеской власти, «*княженія дѣля*». Дѣти его остались безъ призрѣнія со стороны князей, «того ради» (Ипат. 489).

для сохраненія мира, до смерти Ярослава 1-го, въ Никон.: «дани устави по всей Русстѣй землѣ, словеномъ, кривичамъ, мерянамъ дань даяти варягомъ... еже и нынѣ дають». Русская Правда, увѣковѣчившая имя единодержавнаго русскаго законодателя, и упомянутый договоръ съ нѣмцами уравниваютъ: первая — (послѣ перечисленія состояній русиновъ) права *изгоя* [1]) (выходца) и *словенина*, второй — *варяга* (иноземца) и *русина* (туземца), съ подчиненіемъ варяговъ во всѣхъ ихъ похожденіяхъ на территоріи Русскаго государства мѣстному русскому закону, какъ нѣкогда подчинялъ и эдиктъ Ротара пришельцевъ—varegang'овъ мѣстному лонгобардскому закону. По скандинавскимъ сказаніямъ, главенство надъ полночною или верхнею Русью было предоставлено Ярославу 1-му въ качествѣ конунга, съ тѣмъ чтобы полоцкая и сосѣднія области, *съ данью*, оставались подъ владычествомъ Эймунда. Наша лѣтопись вспоминаетъ, подъ 980 г., полоцкаго князя Рогволода, «пришедшаго изъ-за моря и имѣвшаго волость свою въ Полоцкѣ», который Рюрикомъ былъ данъ въ управленіе одному изъ своихъ мужей (862). Коренныя начала,—«поконы», написанной въ Кіевѣ, но дарованной Ярославомъ сперва новгородцамъ Русской Правды, съ ея терминами, заимствованными отъ нѣмцевъ (вира—werhrgeld, поле—kampf или kamp, и т. д.), по духу, по формѣ, по классификаціи преступленій и по языку, во многомъ тождественны съ нормами частнаго международнаго права и ихъ воспроизведеніемъ въ договорахъ русскихъ съ греками X в..

Положенія договорной Правды 912 и 945 г., составляющія юридическое существо договоровъ, ихъ «истину» (актъ 945 г.) [2]), можно, для упрощенія, подраздѣлить на три основныхъ отдѣла, смотря по тому, какую ка-

---

[1]) Готское usgaujа (Морошкинъ). На языкѣ иллирійскомъ izhajati—выходить (Иванишевъ). *Выходиться*—выходиться, въ смыслѣ возстановленія способности передвиженія (Акт. Гроди. земск. суда, изд. Виленск. Арх. Ком., т. XVII, стр. 240 и 291). Въ древнемъ Уставѣ о мостовыхъ изгои—варяги, давшіе названіе одной изъ улицъ Новгорода (Варяжская,—Варяжская), гдѣ стоялъ Нѣмецкій дворъ (Новг. I, 1229 г.). Въ законахъ лонгобардскаго короля Ротара, VII в., (cap. 390) постановлено: «Omnes *wargangi*, qui *ex exteris finibus* in regni nostri finibus *advenerint*, seque sub scuto potestatis nostrae subdiderint, legibus nostris Longobardorum vivere debeant, nisi legem suam a pietate nostra meruerint».

[2]) Слова истина и правда или справедливость употребляются часто безразлично, напр.: «судя судъ истиненъ»,—«истинный судъ правды» (лѣтопись подъ 1212 г. и т. VI, 162). Въ 43 ст. Смоленскаго догов. съ нѣмцами «правый коупьчъ»—истинный купецъ. Ср.: «стоять въ крестномъ цѣлованьи со всею *правдою истиньною* нелицемѣрно;—*правда и истина* съ нимъ ходяста;—*правдою* оболчень, *истиною* обить». (Ипат. 605–607).

тегорію правовыхъ нормъ онѣ затрогиваютъ: уголовную, гражданскую, или государственную. — Договоръ 912 г. системѣ преступленій и наказаній предпосылаетъ систему доказательствъ, къ которой, въ процессуальной сферѣ, примыкаютъ правила международной подсудности, вмѣстѣ съ правилами о выдачѣ преступниковъ и утраченныхъ или бѣглыхъ челядиновъ. Большое государственное значеніе придаютъ договоры выкупу плѣнныхъ, составляющему предметъ нѣсколькихъ статей договорной Правды. Статья о доказательствахъ приспособлена спеціально къ случаямъ *смертоубійства*, а не ко всѣмъ видамъ *проказъ*[1])—злодѣяній, предусмотрѣнныхъ договоромъ 912 г. Нѣкоторые виды проказъ, по своимъ особенностямъ и по указаніямъ въ договорахъ 912 и 945 г., не терпятъ примѣненія системы доказательствъ головной проказы. Тѣмъ не менѣе весьма легко смѣшать въ мирномъ актѣ 912 г. «главы» съ «головами»: «Суть... *главы* таковыя», то есть capitula sequuntur[2]). Въ концѣ договорной грамоты русскіе клянутси, слѣдуя покону и закону народа своего, «не преступати... отъ уставленыхъ *главъ* (въ Ипат. «глаголовъ») мира и любве»—pacis et concordiae. Главы начинаются положеніемъ объ убійствѣ: «А о *головахъ* (Лавр., Ипат.) [3]) урядимся сице».. Затѣмъ излагаются дополнительныя главы или статьи о правовыхъ отношеніяхъ, опирающіяся на принципіальной главѣ о взаимномъ сохраненіи, *по прежнему договору*, искренняго и полнаго любовнаго единенія русскихъ съ греками.

Упомянутая глава о доказательствахъ смертоубійства предшествуетъ третьей главѣ договора 912 г., предоставляющей ограниченную свободу родственникамъ убитаго въ отмщеніи смертельной обиды. Правила о доказательствахъ убійства не повторены въ договорѣ 945 г., но въ немъ помѣщено особое правило о порядкѣ удостовѣренія несостоятельности подлежащаго денежному взысканію за нанесеніе ударовъ. Предлагаю свой переводъ, съ комментаріемъ, главы второй договора 912 г. на современный

---

[1]) Иногда проказа—зло, злополучіе, чаще — злодѣяніе. Ср.: «Иже си ключитъ *проказа*;—«аще-ли ключиться тако же *проказа*»;—«аще-ли ключится *проказа* нѣкака»... Въ латинскихъ грамотахъ проказа—pestilentia. Это объективный элементъ преступленія, обиды; субъективный его элементъ есть грѣхъ: «явится *свершеніе*» (дог. Олега);—«да того дѣля *грѣха* заплатитъ»,.. (дог. Игоря). Понятіе о немъ внушено русскимъ подъ вліяніемъ христіанства, ставившаго на первый планъ нравственное нарушеніе закона, подлежавшее очищенію посредствомъ *епитиміи*.

[2]) Въ договорѣ 847 г. у Bernard'a: Requeil des traités d. 536–1700 г.; здѣсь собраны древнѣйшіе трактаты, которыхъ нѣтъ у Dumont'a: Corps universel dipl. du droit des gens, только съ 800 г., и Rymer'a: Foedera, conventiones, съ 1101 г., и т. д.

[3]) Въ 3-мъ изд. Лавр. лѣтоп. Арх. Коммиссія неудачно замѣнила головы главами, какъ въ Радз.: «А во *главахъ* урядили сице».

языкъ: Сколь (преступленіе) явно будетъ (при) доказательствѣ чрезъ свидѣтелей, да имѣютъ (судьи) вѣрное (подтвержденіе правдивости) таковыхъ въ свидѣтельствѣ; если же ему (свидѣтельству) начнутъ не вѣрить, то да не клянется сторона та, которая ищетъ, (вопреки) недовѣрію; пусть, когда (она) клянется по вѣрѣ своей, и будетъ (примѣнено) наказаніе, смотря потому какъ обнаружится («и будеть казнь якоже явится») [1] преступленіе,—за это («о семъ»). Глава начинается словами: «Елико явѣ будеть *показаніи явленьми*». Въ одной изъ статей договора 912 г.—«*покажется* отъ челядина»—въ смыслѣ *докажется* относительно челядина, по жалобѣ русскихъ на утрату его, ибо одного свидѣтельства челядина найденнаго было бы едва-ли достаточно для возвращенія его хозяину во всѣхъ перечисленныхъ статьею случаяхъ утраты челядина, посредствомъ кражи, побѣга, принудительной продажи. По договору 945 г., утрата бѣжавшаго отъ русскихъ гостей, послѣ прибытія ихъ въ Грецію, и не найденнаго челядина доказывалась ими своей присягой. Въ законѣ Винодольскомъ, какъ и въ Кормчей—въ статьяхъ, извлеченныхъ изъ Градскихъ и др. законовъ, о *явленіи* истины послухами, показать значитъ *доказать* преступленіе или прегрѣшеніе (ст. 23, 27, 28, 30, 47, 52, 53, 60). Тоже въ иныхъ статутахъ (В. Ягичъ: Законъ Винод., прим. 36). Судъ Божій надъ Святополкомъ Окаяннымъ «*показываше явъ* посланая пагубная рана» (Ипат. 102). Явленые—обыкновенно свидѣтели послухи, выставленные или выведенные для обнаруженія истины, которая чрезъ нихъ являлась. По ст. 30 византійскихъ законовъ Эклоги, постановленіямъ Прохирона «Объ иновѣріи», сперва свидѣтели даютъ показаніе безъ клятвы, затѣмъ подтверждаютъ его клятвой, а въ Законѣ Юстиніана «О записаніи», между прочимъ, установлено «если свидѣтели не свѣдокоуютъ вьси еднако, да се не вѣруютъ» (А. Павловъ: Кн. законныя; Кормч. и др.). Въ Законѣ судномъ людемъ, занесенномъ во многіе списки лѣтописи, устраняются изъ числа достовѣрныхъ доказательствъ показанія ближайшихъ родственниковъ тяжущагося, и т. п. По Русской Правдѣ, различающей видоковъ отъ послуховъ не очевидцевъ, достовѣрными свидѣтелями могутъ, напр., быть только люди свободные: «холопу вѣры не яти». Въ нашемъ древнемъ процессѣ *явное* или явленое—открытое, противополагаемое тайному, заочному, скрытному образу дѣйствій, только и можетъ носить на себѣ признаки несомнѣнной достовѣрности [2].—Въ договорѣ 912 г. рѣчь собственно идетъ о клятвѣ не свидѣ-

---

[1]) «Не подобаетъ судити о чародѣяніи дондеже *явится грѣхъ*» (Кормчая). «Аще *обличится* грѣхъ» (Запов. св. отецъ, ст. 83),—«*изличивъ*, казнити по винѣ,... а *доличатъ* коего головника» (ст. 8 и 96 Псков. суд. гр.).

[2]) По Уставной грамотѣ жителямъ Кіевской области 1507 г., явное обвиненіе лишь послѣ судебнаго разбирательства могло повести къ наказанію оговореннаго: «А хто кого

телей, но истца, какъ стороны или партіи (pars), *участвующей* въ начатомъ ею судебнымъ порядкомъ преслѣдованіи и домогающейся раскрытія преступленія всѣми зависящими отъ нея мѣрами:—«да не клянется *часть* та, иже ищетъ».. Искъ уголовный есть тяжа, возбужденная противъ кого-либо по иниціативѣ правительственной, у русскихъ—вел. князья въ случаѣ убійства, напр., членовъ посольства («да не изыщеться смерть ихъ отъ князя вашего», въ догов. 945 г.), или жалобой потерпѣвшаго, въ формѣ объявленія (proclamatio). Держаться тяжи — придерживаться иска: «да *держится тяжи*, дондеже (убійца) обрящется» (догов. Олега), «да ищютъ его (убійцу), дондеже обрящется» (догов. Игоря). Истцу, по дѣламъ объ убійствѣ, запрещалась присяга, когда «явленіе», сводившееся къ заявленію, подкрѣпленному свидѣтелями, (ср. 20 и 33 ст. Псковск. судн. гр.), а иногда и вещественными уликами, не внушало судьямъ достаточнаго довѣрія по какимъ либо причинамъ. Выраженіе «о тацѣхъ» ни къ чему иному нельзя, мнѣ кажется, примѣнить, какъ только къ «явленымъ». «Вѣрное» содержитъ въ себѣ намекъ на присяжное удостовѣреніе. Терминъ этотъ (часто «вѣра»), въ значеніи клятвеннаго обряда, удержался во многихъ позднѣйшихъ памятникахъ [1]). Религіозный смыслъ «вѣрнаго» сквозитъ въ выраженіи: «егда клянется по вѣрѣ своей», предполагающемъ, что о вѣрномъ—присягѣ говорится раньше и что въ основѣ «вѣрнаго» кроется обращеніе къ божеству. Тѣсная сплоченность стороны истцовой съ ея послухами помощниками, въ первобытномъ процессѣ, не даетъ простора опроверженію, что совмѣстно съ истцомъ принимали присягу и его свидѣтели, хотя о присягѣ свидѣтелей договоръ прямо не упоминаетъ. По русскому обычаю, присягѣ истца съ его помощниками, готовыми неуклонно отстаивать его правдивость и доброе имя, придавалось нерѣдко значеніе непреложнаго доказательства. По Русской Правдѣ, поклепъ въ убійствѣ считался имовѣрнымъ при подтвержденіи его семью лучшими мужами послухами—«то ти (тебѣ) имоутъ вѣру»... (ст. 15 Кар. сп. [2]). Для согла-

---

обадитъ, а любо обмовитъ тайно ль, *явно ль*, ино того ни одною виною не казнити... оли жъ поставити на явномъ суду (обвинителя и отвѣтчика) и, досмотрѣвъ межи ними, право вчинити».—Въ 1097 г. князья Владиміръ, Давидъ и Олегъ, по поводу ослѣпленія Василька, говорили Святополку: «аще ти бы вина какая была на нь, обличилъ бы... и упрѣвъ бы и, створилъ ему, а нынѣ *яви* вину его, оже ему се створилъ еси» (Лавр. 253).

[1]) Напр., въ Уставн. грам. г. Шуѣ 1606 г.:—«присуживати *вѣру*—крестное цѣлованье» (А. Арх. Э., II, 52).

[2]) Въ рецензіи на превосходный трудъ Бруннера о судѣ присяжныхъ Hettier замѣчаетъ, что если Русское государство основано норманнами, что весьма вѣроятно, то это установленіе отъ нихъ и заимствовано. (De l'enquête franque et des origines du jury).

сованія русскаго и болѣе утонченнаго, греческаго способовъ раскрытія истины въ важнѣйшихъ дѣлахъ уголовныхъ присяга истца, какъ «части», принята договоромъ въ качествѣ вспомогательнаго и рѣшающаго доказательства лишь въ случаяхъ вѣроятности совершенія обвиняемымъ преступленія, благодаря представленію обвинителемъ вѣскихъ доводовъ или уликъ, склонявшихъ убѣжденіе судей въ его пользу. Отрицательное «не» (клянется) помѣщено въ древнѣйшихъ, наиболѣе исправныхъ лѣтописныхъ сводахъ, и устраненіе его, по Радзивиловскому и подобнымъ спискамъ, допускаемое многими учеными, исказило бы разсматриваемую статью, редактированную съ достаточною полнотою и ясностью, несмотря на свойственное древнерусскому лаконическому языку опущеніе предлоговъ. Къ договорной системѣ доказательствъ по смертоубійству весьма близко примыкаетъ практиковавшійся въ древнѣйшемъ польскомъ правѣ способъ доказательства смертоубійства «(O glowe»), по которому, если оговорившій нѣсколькихъ лицъ въ душегубствѣ *сам присягалъ*, то оговоренные всѣ признавались виновными и подвергались наказанію. Казиміръ Великій установилъ: чтобы признавался виновнымъ только одинъ оговоренный въ непосредственномъ убійствѣ, когда оговоръ подтвержденъ *клятвою того, кто его оговариваетъ*. Однако, если другіе, которые могли быть *пособниками* убійства, такъ рекутъ: «тотъ убилъ съ помощью только тѣхъ, то тогда (другіе), буде имѣютъ доскональныхъ свидѣтелей, освобождаются, а буде не могутъ имѣть, признаются виновными» (разд. Стат. 64). Сопоставленіе стародавняго правила, измѣненнаго Казиміромъ, съ раздѣломъ 69 Статута приводитъ меня къ заключенію, что въ Польшѣ одного оговора въ убійствѣ, при готовности обвинителя подтвердить оговоръ своей присягой, было недостаточно для изобличенія въ убійствѣ, ибо служебникъ получалъ вознагражденіе лишь послѣ того, какъ убійство *докажется свидѣтельствомъ*. Очевидно, оговорившій подкрѣплялъ оговоръ своею присягою, при помощи свидѣтелей. По Винодольскому закону, обвинитель принималъ присягу, когда у него были *свидѣтели*. Чешско-моравское право, по дѣламъ объ убійствѣ въ пути, на присягу условно уполномочиваетъ также обвинителя. По Статуту Оттона 1237 г., въ подобныхъ случаяхъ къ общему правилу «zok (совъ или истецъ) aliquem accuset nisi *certo* sub *testimonio*»... присоединялось требованіе, чтобы «ille *quis accusat* et dominus *debet jurare* super sancta sanctorum» (J. Jirecek: Cod. jur. Bohem. 70, 71). Во всѣхъ средневѣковыхъ законодательствахъ можно подмѣтить однообразную черту, заключающуюся въ томъ, что *изобличенный* въ убійствѣ, разбоѣ, или кражѣ, не смѣлъ оправдываться [1]). Непреложнымъ доказатель-

[1]) Къ такому же выводу пришелъ А. Кенигсонъ въ обстоятельномъ Очеркѣ происхожденія и развитія суда присяжныхъ: «при очевидныхъ правонарушеніяхъ не дава-

ствомъ виновности служило достовѣрное или имовѣрное *свидѣтельство*. Такъ, по Кульмскому праву: «is sy (обвиняемый) denne das her yn hanthaftiger tat geuangen sy, so mag her *nicht entschuldigen werden*, ab der cleger uf yn *das tzuget*» (E. Leman: Das alte Kulmische Recht, 60 [1]). Въ случаяхъ похищенія имущества, по русскому выраженію—«въ поклепѣ оже не будеть лица», обвиняемаго брали на испытаніе то́ горячимъ желѣзомъ, то водой, или же ему давалась очистительная присяга съ опредѣленнымъ количествомъ послуховъ (Laband: Magdeburger Rechtsquellen, 64, 66; Русская Правда и др. законодат. сб.). При распространеніи нѣмецкаго права въ чешско-моравскихъ земляхъ съ XII в., роковое значеніе имѣла очень часто присяга *семи* достовѣрныхъ мужей, какъ по Закону судному и по Русской Правдѣ, дозволяющей обвиняемому въ убійствѣ оправдываться двумя свидѣтелями, кажется, тогда, когда у обвинителя не было семи имовѣрныхъ свидѣтелей. По ст. 152 закона Стефана Душана: «И ако кто *поище* соудомь гоусара (разбойника) и татя, а *не боудѣ обличенїа*, да имь есть оправданіе железо». И польское право, подобно южнославянскому, по болѣе важнымъ дѣламъ, обвиняемому дозволяло свести съ себя вину при отсутствіи ясныхъ ея доказательствъ (ст. 43—48 Казим. Стат. и др.). По болѣе гнуснымъ и опаснымъ преступленіямъ, напримѣръ, поджога, Псковская судная грамота допускаетъ присягу отвѣтчика, когда «кто на комъ оучнетъ [2]) сочить, а *долѣки никаковы не будеть*» (ст. 116). Иной принципъ проводится, по крайней мѣрѣ по нашему праву, въ дѣлахъ «*гражданскихъ*», особливо при взысканіи, обращенномъ чужеземцемъ къ чужеземцу. Въ нихъ отвѣтчикъ, по состязательному началу, пользуется не только равноправностью съ истцомъ, нерѣдко достигаемой посредствомъ *жребія*, но и преимущественнымъ правомъ принятія присяги. (Русск. Правда, Судебники, Псков. гр., Договорн. грам. и др.). Такое различіе слѣдуетъ приписать преобладанію въ дѣлахъ уголовныхъ интереса *публичнаго* надъ индивидуальнымъ. Можно предполагать, что въ тяжбахъ русскихъ съ греками, какъ и по договорамъ новгородцевъ, смольнянъ и полочанъ съ нѣмцами,

---

лось очистительной присяги обвиняемому». Одинаковаго мнѣнія—иностранные ученые, напр., P. Дарестъ (Etudes d'histoire du droit), E. Glasson (Hist. du droit et des instit. de la France), и т. д.

[1]) По славянскимъ законодательствамъ, отъ пойманнаго съ *поличнымъ* обвиняемаго не принималось оправданій, за рѣдкими изъятіями.

[2]) Отъ глагола оучати, оучинати происходитъ «оучанъ»—вчинаніе Новг. судн. грам., сопровождающійся крестнымъ цѣлованіемъ и противополагаемый *окончанію* дѣла или суда (ст. 19, 20 и др.). Въ Смоленской Правдѣ: «а что боудеть докончано, того не «починати» (ст. 33). Въ Судебникѣ 1550 г., «дѣло по суду кончати» (ст 67); и т. д.

а также по Русской Правдѣ [1]), суды предпочитали въ подлежащихъ спорахъ между иноплеменниками свидѣтельство лицъ *смѣшанной* національности..

Постановленія договоровъ 912 и 945 г. объ убійствѣ, выдвинутомъ въ договорѣ 912 г., при перечнѣ правонарушеній, на первый планъ, одни считаютъ чисто славянскими (Бѣляевъ, Иванишевъ), другіе полагаютъ, что греки, назначивъ за него въ договорахъ смертную казнь, вовсе не соображались съ русскими народными обычаями (Сергѣевичъ), третьи усматриваютъ въ этихъ постановленіяхъ стремленіе примирить византійскія понятія о смертной казни за лишеніе жизни съ русскимъ обычаемъ мести (Владимірскій-Будановъ). Первыя два мнѣнія отвергаю потому, что, по договору 945 года, *русскій*, виновный въ убійствѣ кого либо изъ гребцовъ потерпѣвшей крушеніе *греческой* лодьи, подвергался дѣйствію *закона русскаго и греческаго*, а законом русскимъ и греческимъ представляется законъ *международный*, установленный, по нормамъ русскаго и греческаго правъ, предшедшимъ взаимнымъ соглашеніемъ русскихъ и грековъ 912 г.. Договоръ, тогда заключенный, предусматриваетъ *убійство*, біеніе и взятіе вещей греками при крушеніи *русской* лодьи: «аще ключится *кому* отъ тоя лодья въ ней убьену быти, или бьену быти *отъ насъ, руси*»..., т. е. изъ насъ, русскихъ, какъ и въ началѣ статьи:.. «обрящются тамо иже *отъ насъ, руси*», т. е. изъ насъ, русскихъ [2]), «или взяти что любо, да повиньни будуть тѣ створшіи прежереченною епитемьею отъ тѣхъ» [3]), т. е. совершившіе... изъ тѣхъ (грековъ). Соловьевъ и др. превратно переводили выраженіе «отъ руси»—*русью*. Очевидно статья эта дополнена въ договорѣ 945 г. случаями нарушенія *русью* правъ личныхъ, или имущественныхъ *греческихъ* мореплавателей: «Аще обрящутъ *русь* кубару *гречьскую* вывержену»... Такъ какъ ссылка договора 912 г. на вышесказанное въ немъ

---

[1]) «*Полная видока*»— не семь свидѣтелей, какъ многіе полагаютъ, но двусторонніе, сполные, выставляемые обѣими сторонами, въ равномъ числѣ, какъ по ст. 13 Смоленской Правды. У южныхъ славянъ, напр. у сербовъ, для дѣлъ съ иноплеменниками составъ поротниковъ образовывался наполовину изъ туземцевъ, наполовину изъ иноземцевъ (Майковъ: Присяжн. судъ у южныхъ славянъ). Въ Законникѣ Стефана Душана постановлено: «иновѣрьцѣмь я трьговьцемь поротди половина срьбли, а половина инна дроужина»... (ст. 155).

[2]) Ср.: въ догов. 945 г.: «посылаеми бываютъ *отъ нихъ* сли и гостье». «Аще ли кто *отъ* людій царства нашего»; «Да аще кто *отъ* руси, или *отъ* грекъ створить криво».—«Аще ли кто покусится *отъ* руси взяти что».. «и *отъ тѣхъ* (русскихъ) паволокъ аще *кто* крьнеть»... «да возметь *отъ него* золотника два».

[3]) Выраженіе «отъ тѣхъ» (Лавр., Ипат.) ошибочно отрѣзываютъ отъ статьи о кораблекрушеніи и приставляютъ къ слѣдующей статьѣ о плѣнныхъ, съ которой оно не вяжется и въ которой есть соотвѣтственное выраженіе «отъ тѣхъ грекъ»...

наказаніе—«вышереченную эпитемью» обнимаетъ вмѣстѣ съ убійствомъ и преступное взятіе изъ лодьи чужого имущества, причемъ наказаніе за *кражу* русскими у грековъ или греками у русскихъ договоромъ 945 г. полагается *по закону гречьскому, по уставу* [1]), *и по Закону русскому*», а подъ уставомъ разумѣется прежнее *договорное установленіе*, какъ въ ст. 1-й «яко же имъ уставлено», въ ст. 3-й и послѣдующихъ «яко же *уставлено* есть преже, по Лавр. сп., и «пѣрвое» по Ипатск. сп. [2]) въ (догов. 912 г.: «не преступати... отъ *уставленныхъ* главъ мира и любве»), то отсюда вывожу, что статья о кораблекрушеніи въ актѣ 945 г. имѣетъ въ виду отвѣтственность по закону русскому и греческому, установленную въ 912 г. Третье мнѣніе вполнѣ отвѣчаетъ моему анализу договорнаго сплетенія русскаго и греческаго законовъ, подтверждаясь и всѣмъ дальнѣйшимъ моимъ разборомъ системы преступленій и наказаній по договорамъ Олега и Игоря, во многомъ существенно расходящимся съ выводами по тому же предмету юристовъ Д. Мейчика (Юр. Вѣстн. 1875 г., кн. 2 и 3), Гальперина (Очерк. первоб. права) и др.

По договору Олега 912 г., убійца предавался смерти на мѣстѣ совершенія убійства: «да умретъ, *идъ-же* аще створитъ убійство». Такъ и въ лѣтописномъ разсказѣ объ Олеговомъ конѣ: «Олегъ пріидѣ *на мѣсто, идъже* бѣша лежаще кости его» (Лавр. 912 г.). Въ ст. 15 древняго Закона о казнѣхъ: «Именитіи разбойници, *въ мѣстѣхъ, идъ-же* бродили, *тамо* и повѣшени боудуть; достойно бо яко отъ видѣнія оубояться начинающе таковыя дѣлати, еще же и нѣкое оутѣшеніе боудеть племенникомъ оубиваемыхъ тамо» (Павловъ: Кн. закон., 65). Тоже самое въ Кормчей: «На рочитіи [3]) разбойници *на мѣстѣхъ, на нихъ же разбой творяху*, повѣшени

---

[1]) Чтеніе Ипат. и Радзивил.: «по устуву грецкому» нельзя принять.

[2]) Ср. лѣтоп. выраженіе подъ 1019 г.: «Ярославъ давъ... Правду и *уставъ* (Правды) списавъ»,... (Новг., Соф.) и подъ 1209 г.: «Новгородци получили *уставъ* старыхъ князей отъ вел. князя Всеволода» (Лавр. 466), и подъ 1213 г.: «по первому *уставу* и закону греческихъ царей и князей русскихъ» (т. X стр. 64). Даніилъ, хотя *уставити* землю, поѣхалъ въ Бакоту и Каліусъ. Мстисловъ *уставилъ* ловчую повинность на берестьянъ (Ипат. 527 и 613). «Правда *оустављена* Русской земли»... «яко же *оустављ* Изяславъ»... «*уставили* до третьяго рѣзу», и т. д. Уставѣ въ нашихъ договорахъ соотвѣтствуетъ международному установленію. Напр.: Pactum Justinopolitanum венеціанъ съ греками 977 г. подтверждаетъ прежнюю конвенцію: «per hanc presentem conventionem et *constitutionem*»... (Tafel. и Thomas: Font. rer. Austr. XII, I, 32). Въ догов. 1568 г. Сигизмунда Августа съ турецкимъ султаномъ: «А купцы, водле *уставы* и постановенья нашого, мыто отдавши...» (Оболенскій и Даниловичъ: Кн. посольск. в. княж. Литов., т. 1).

[3]) Интересна замѣна, въ первой редакціи, слова *нарочитый* словомъ *именитый*. Таковыми въ дѣйствительности были т. наз. *нарочитіи люди*, напр. «нарочитіи гости» (Ник. т. X, 164), «нарочитая чядь» (988 г.). Въ ст. 5 закона Конрада: «*Natoc*, quod-

да будуть» (гл. 48, гр. 3). Въ выпискахъ изъ зак. царей Леона и Константина: «Разбиваяй и присѣданія творя и убивая, *на немъ же мьсть ятъ будеть*, да востокнутъ его на древо». Греко-римскій законъ (Прохиронъ, tit. 39, cap. 11, 16) разрѣшалъ убивать злодѣя помимо суда, въ необходимой оборонѣ, лицу, жизни коего угрожала неминуемая опасность отъ нападенія. «Разбойника лѣть есть комуждо убивати безбѣдно» (безнаказанно). Иже нашедшаго на нь убіетъ, внегда хощетъ самъ отъ него *убіенъ* быти, безъ вины есть» (Кормч. гл. 48, гр. 3, ст. 16, 39 и др.). По Юстиніанову Закону о казнѣхъ, совпадающему съ объясненіемъ Ульпіана о безнаказанности убійства ночного вора: «si parcere ei sine periculo suo non potuit»,—«Аще кто *въ ночи* крадущаго убіетъ, тогда не повиненъ будеть, внегда немощно ему безъ своея бѣды оставити оного» (Павловъ: Кн. закон. 63, ср. Башилова—Судебн. стр. 18). По договорамъ Новгорода съ Ганзою XII—XV в., при оборонѣ отъ насильственныхъ дѣйствій дозволялось потерпѣвшему расправиться съ преступникомъ на мѣстѣ преступленія [1]). По ст. 71 зак. Винодольскаго, если застанутъ разбойника *ночью* у себя на шкодѣ, не смогутъ поймать его живого и жаловаться на него и убьютъ, то убившіе освобождаются отъ отвѣтственности. Согласно съ этимъ и всѣ южно-славянскіе кодексы, рѣзко отличая убійство волею и *нужею или неволею*, за которое, по выраженію Синтагмы Матвѣя Властаря, «прощеніе даваетсе», устанавливаютъ безнаказанность вынужденнаго убійства, когда потерпѣвшему угрожала неотразимая опасность. Опасность эта усугубляется въ ночное время, принимаемое въ соображеніе Закономъ судным: «Аще въ подкопаньи застанется тать (до восхода солнца), тый язвенъ умретъ, нѣсть ему убоя», а также Русской Правдой, оставлявшей безнаказанными «муки» за «прихоженіе нощное» и убійство вора, если нельзя было додержать его *до свѣта* [2]). Въ особенности опасность велика,

---

latine vocatur *accusatio furum vel nocturnorum*» (H. Jireček: Slovansco pravo w Cechach a na Morave, 247). Это нашъ *поклепъ—нареканіе*: «оже хощетъ истецъ *нарекати* тако» (Русск. Пр., ст. 99). Два волхва... «*нарекаста* лучшиѣ жены» (Лѣтоп. подъ 1071 г.). Съ нареканіемъ не трудно смѣшать нареченіе, означающее не только наименованіе, но иногда и назначеніе: Мстиславъ посылаетъ на ляховъ, *нарекъ* Чюдина воеводу» (Ипат. 614). Весьма интересно, по языку, слѣдующее мѣсто лѣтописи подъ 1015 г.: «Ярославъ, шедъ *нарокомъ* (ошибочно читаютъ «на Рокомо»)... позва къ собѣ *нарочитые* мужи, иже бяху иссѣкли варягы».

[1]) Въ Брюннскомъ правѣ: «vim vi repellendo, id est notwernde» (Boczec, Dipl., III, 22, 23).

[2]) По разд. 88 Казимірова Статута: «Когда бы какой либо кметь или слуга хлѣбъ, кому либо принадлежащій, на полѣ *ночной порою* бралъ или крадъ, тогда, если бы его тотъ убилъ, чей хлѣбъ, за то вовсе не отвѣчаетъ; но когда бы тотъ злодѣй того, чей хлѣбъ, ранилъ, либо убилъ, тогда за раны долженъ его достойно вознаградить, а за голову—дѣтей».

когда преступникъ обнаруживаетъ попытку къ сопротивленію (Зак. XII табл., VIII, 11, 12; ср. Исходъ, XII, 2. Полицій Статутъ и т. п.). Въ договорѣ Олега право потерпѣвшаго убить вора прекращается, когда воръ «связанъ будетъ», также какъ и въ Русской Правдѣ: «Ожели убьють, а люди боудуть видѣли *связана*[1]), то платити въ немъ» (Акад. ст. 38), по другой редакціи—«платити въ томъ 12 гривенъ» (Кар. ст. 37). Договоръ 912 г. не вмѣняетъ въ вину убійство вора, когда, будучи застигнутъ при кражѣ, онъ не сдается и «*приготовится*», не къ побѣгу, какъ думалъ напр. Мейчикъ, и не къ кражѣ, какъ не логично полагали Станиславскій, Гальпернъ и нѣкоторые др., но *къ сопротивленію* потерпѣвшему (Эверсъ, Хлѣбниковъ и мн. др.). Такое толкованіе подтверждается статьями договоровъ 912 и 945 г., по коимъ подвергнутыхъ задержанію подозрительныхъ лицъ изъ пріѣзжавшихъ въ Грецію руссовъ можно было безнаказанно убивать въ случаѣ ихъ сопротивленія: «аще ли руку не дадятъ и *противятся*[2]), да убіены будуть, и да не изыщется смерть ихъ отъ князя вашего». Если «въдасть руцѣ украдый», то крадущаго нельзя уже было убить[3]). Къ такимъ сопротивляющимся злодѣямъ законъ Вратислава 1039 г. примѣняетъ выраженіе—«si sunt rebelles». Побѣгъ имовитаго убійцы, по договору 912 г., сопровождается отобраніемъ части имущества его, принадлежащаго ему по закону, въ пользу ближнихъ убитаго, съ предоставленіемъ такой же части того имущества женѣ убійцы[4]):... и жена убившаго пусть имѣетъ (часть), «толцѣмъ же»[5]), т. е. со столькимъ же (имуществомъ)

---

[1]) Ср. эдиктъ Ротара о вторгнувшемся въ домъ и не давшемъ себя *связать* злодѣѣ. Въ Кормчей: «убити хотять *противящеся* имъ».

[2]) Ср. въ договорѣ 945 г. «хотѣти вои на *противящаяся* намъ».

[3]) По Литовск. Стат., дозволялось убить преступника, захваченнаго на мѣстѣ преступленія, при его *сопротивленіи*. Ср. Улож. Алекс. Мих.: вора можно убить, когда онъ начнетъ «*драться* и изымати себи не дасть».

[4]) Ср. Русск. Пр.: «Головничество а то самому головнику... заплатити изъ дроужины *своею частью*.· «Аще жена сядеть по мужѣ, то дати ей *часть*», и ст. 89 Псковск. грам. о пожизненномъ кормленіи жены отчиной или животомъ умершаго безъ рукописанія мужа.—Уставной грамотой Кіевской области 1507 г. подтвержд но «жены и дѣтей» подлежащаго казни преступника «въ имѣньи не рушити». В. Сергѣевичъ, поддерживая свое возраженіе Неволину, ошибочно утверждаетъ, что статья не столько ограждаетъ права русскихъ женщинъ, сколько греческихъ (Лекціи и изслѣдов. по древн. ист. русск. права 277, также: Греческ. и русск. право въ догов. съ грек.). Заслуживаетъ вниманія старѣйшій переводъ Левска, одобренный Болтинымъ въ Примѣч. на Истор. Леклерка (т. I, 69): «Жена убійцы получаетъ другую часть имѣнія, которая, по силѣ закона, долженствуетъ ей принадлежать».

[5]) Въ грам. Мстислава Давилов. 1289 г.: «в *потолку* (повинности) со всякого ста» (Ипат. 613), Ср.; «*въ толко* (вар. «толико») продань будеть» (дог. 945 г.).

пребудетъ по закону. Арабскій писатель Ахмедъ ибнъ-Фадланъ (X в.) сообщаетъ, что $^1/_3$ имущества *богатаго* преступника русскаго, приговореннаго къ смерти, отдавалась его *семьѣ* (А. Гаркави: Сказ. мусульм. писат., 96). Многія законодательства не заботятся о распредѣленіи отбираемаго имущества убійцы, напр. въ Улож. Борживоя II чешскаго 1101 г.: «Si quis alium occidit, omnibus spoliatur», H. Jirecek: Cod. jur. Bohem., № 15), но и правила разверстки имущества убійцы, и вообще тяжкаго преступника, съ опредѣленіемъ женской доли, встрѣчаются нерѣдко. Заслуживаетъ вниманія, между прочимъ, венгерскій законъ Андрея II, изд. въ XIII в., о правѣ жены присужденнаго къ смертной казни на полученіе своего приданаго, грамота Владислава польскаго 1388 г., по которой *половина* имущества *казненнаго* вора, за удовлетвореніемъ потерпѣвшаго, отчислялась его женѣ, или дѣтямъ, или ближикамъ: «aliam furis *medietatem* (bonorum) pro furis *uxore*, vel ipsius pueris, aut affinibus relinquat» (J. Bandtke—Jus Polonicum., 192, 193 арт. 3). По договору Новгорода съ нѣмцами 1270 г., одна *половина* имущества убійцы шла законнымъ его наслѣдникамъ, другая—истцу (ст. 40). Нѣсколько позднѣе нѣмцы ссылались на такое договорное правило: «кто разбой учинилъ, тому дати вина по его дѣлу, а товаръ его свободенъ своему племени». (Изв. Ак. Наукъ т. X, 634—636). При побѣгѣ состоятельнаго злодѣя, какъ и послѣ казни его, прежде всего удовлетворялись тѣ ближніе, кому причиненъ вредъ, о переходѣ же, при побѣгѣ, его имущества къ нимъ и къ женѣ убійцы могла бы быть рѣчь лишь при увѣренности, внушенной тщетной погоней, что онъ не возвратится. Отдача достоянія скрывшагося и убѣжавшаго убійцы истцамъ на удовлетвореніе иска вошла въ обычай и въ западнорусскихъ земляхъ. Такъ въ 1435 г. староста галицкій Михаилъ Бучацкій и земляне уложили, чтобы при побѣгѣ злодѣя, если онъ не возвратится, тогда «тому истцеви (который пойдетъ за своимъ злодѣемъ горячимъ пытомъ), маетъ панъ того села заплатити имѣньемъ того збѣглого человѣка» (Act. grod. и ziem. XII, p. 425), а по первому Литовскому Статуту, разд. VII, арт. 3: «если бы тотъ кгвалтовникъ, убивши кого, втекъ зъ земли прочь, тогды зъ имѣня его маетъ плачена быти убитого голова». По договору Игоря, убійца «да *держимъ* будетъ отъ ближнихъ убьенаго, да убьютъ и»... (ср: «полоняникъ *держимъ есть*» и зак. Винод. ст. 29, 31). При побѣгѣ убійцы имущество *его*, въ причитающейся долѣ, получаютъ ближніе убитаго[1]); а если убійца не состоятеленъ, то, согласно съ Олеговымъ договоромъ, по коему бѣжавшій убійца «держится тяжи, дондеже обрящется,

[1]) Въ догов. Игоря «да возмутъ»..., съ умолчаніемъ о правѣ жены на законную долю имущества, которое остается, повидимому, неприкосновеннымъ.

яко да умретъ»,—«да *ищуть* его, дондеже обрящется; аще ли обрящется, да убъенъ будеть»[1]). Послѣднее постановленіе есть развитіе и переработка постановленій Олегова договора объ убійствѣ, съ употребленіемъ одного и того же глагола «держати», заключающаго въ себѣ понятіе *преслѣдованія*, направленнаго къ *задержанію* убійцы. Договоръ Игоря поясняетъ, что экзекуція надъ убійцей, *тотчасъ же застигнутымъ*, принадлежитъ задержавшимъ его ближнимъ убитаго, коимъ злодѣя предоставляется немедленно лишить жизни на мѣстѣ преступленія: «и да убьютъ и». Коль скоро родственникамъ убитаго удавалось задержать убійцу чрезъ болѣе или менѣе продолжительный промежутокъ времени послѣ преступленія (длящаяся тяжа), то, естественно, что, при отсутствіи примиренія съ убійцей путемъ выкупа, позднѣе называемаго «смирнымъ» или «смирщиной», «части той, иже ищетъ», надлежало уже обратиться въ судъ посредствомъ жалобы—reclamatio, съ предъявленіемъ доказательствъ виновности задержаннаго, указанныхъ во второй главѣ договора 912 г.[2]). Всякое убійство, какими бы оно ни было вызвано побужденіями, всегда порождало вмѣшательство органовъ власти. Такъ капитуляріи Карла Великаго 802 г. и Людовика Благочестиваго 819 г. и законы Gragas обязывали мстителя немедленно заявить о совершонномъ имъ убійствѣ подлежащему правителю. По Саксонскому Зеркалу, убившій вора, или разбойника, даже на мѣстѣ преступленія, въ случаѣ жалобы на убившаго ближнихъ убитаго, обязанъ былъ семью свидѣтелями подтвердить виновность убитаго, иначе жалобщикъ могъ требовать поединка (kampf) съ убійцей, а при убійствѣ въ необхо-

---

[1]) Древнѣйшій слѣдъ этого обычая—въ сагѣ Олафа, убившаго Клеркона (Русск. Ист. Сб. т. IV, 41 и Ant. russes).

[2]) М. Владимірскій-Буденовъ, говоря, что при Игорѣ греки потребовали, чтобы *месть* совершалась родственниками убитаго *послѣ суда*, ссылается на ст. догов. 945 г., по которой руссы ни за какое преступленіе не вправѣ налагать наказаніе на грека; онъ получаетъ наказаніе *по приговору* греческаго суда, съ выдачею его будтобы въ подлежащихъ случаяхъ русскимъ для исполненія надъ нимъ *кровавой мести* (Обз. Ист. Русск. Права). Толкованіе, раздѣляемое многими юристами, не подтверждается текстомъ статьи: «не имате волости *казнити* я, но повелѣньемъ царства нашего *да пріиметъ*» (казнь). Подъ казнью въ договорныхъ актахъ разумѣется *наказаніе*, назначавшееся *по суду*, за преступленія, вслѣдствіе предъявленнаго обвинительнаго иска (ср. ст. 912 г. *о казни* за убійство и въ др. статьяхъ выраж.: «*показненъ* будетъ» и исключающее понятіе о *мести*, въ предѣлахъ *Византіи*, какъ о *самосудѣ*, настолько, насколько послѣдній несовмѣстимъ съ *самообороной*. Месть *родственниковъ* убитаго распространялась лишь на территорію *Русскаго государства*, гдѣ, по церк. Уст. св. Владиміра и по Закону судному, месть, какъ и въ Польшѣ (см изслѣд. Павинскаго) называлась *враждою* или врожбою, особенно въ западныхъ окраинахъ (ср. faida quod est inimicitia, въ зак. Ротара).

дымой оборонѣ—для пріобрѣтенія права на полученіе wehrgeld'a (кн. I, гл. 64, кн. II гл. 14) и для избѣжанія преслѣдованія самого родственниками убитаго имъ. С. Шпилевскій, разбирая мнѣнія ученыхъ и соглашаясь съ И. Калачовымъ, пришелъ къ основательному заключенію, что по нашимъ договорамъ преимущественное право мести принадлежало *ближайшему* родственнику [1]) убитаго, но въ осуществленіи мести ему пособляли и другіе родственники (Союзъ родств. защ. у древн. герм. и слав., стр. 63). По договору Игоря, никакое злодѣяніе («проказа нѣкака») грековъ, состоящихъ подъ верховною юрисдикціей («властью») царскою, т. е. когда оно совершено *на греческой территоріи*, не подлежало наказанію русскими, но разсматривалось и наказывалось по велѣнію царскаго правительства. Судъ отправлялъ «in regali curia» такъ называемый «cancellarius vie», а въ отсутствіи послѣдняго, заступавшій его мѣсто вельможный логаріастъ или логофетъ [2]). Этому цареву мужу нашими договорами даны большія полномочія, между прочимъ, по надзору за русскими, входившими въ Царьградъ, чрезъ городскія ворота, для торговли. Онъ вѣдалъ дѣла о всякихъ столкновеніяхъ и спорахъ по торговлѣ между греками и русскими: «да аще кто отъ руси, или отъ грекъ створить криво, да оправляеть то» [3]).

---

[1]) Ближайшіе родственники такъ перечислены въ 1-й ст. Русской Правды древнѣйшихъ списковъ: «мститъ брату (убитаго) брата, либо отцу (убитаго), или сыну (убитаго), либо брату чаду (сыну брата убитаго), или сыну сестры (убитаго).

[2]) «Apud magnum logariastam». Въ хрисовулѣ императоровъ Василія и Константина венеціанскимъ купцамъ о свободной торговлѣ сказано: «jubemus ut per solum logotheta... navigia de istis veneticis et ipsi venetici scrutentur et pensentur et judicentur secundum quod ab antiquo fuit concludendo, et quibus judicium forsitan inter illos aut cum aliis crescentur scrutari et judicare pro ipso solo logotheta»... (Tafel и Thomas: Font. rer. Austr. XII, № 16, 24, 276, 316). По договору импер. Мануила Комнена и генуэзской коммуной 1169 г. условлено: «De offensionibus.. quas fortasse ianuenses fecerint in terris domini imperatoris grecis vel *aliis gentibus* que non sunt ianuenses debent judicari in curia domini imperatoris sicut venetici et cetere latine gentes» («Atti d. soc. Ligure di storia patria, vol. 28, f. II, № III. 358).

[3]) Въ лѣтоп. подъ 1078 г.: «Изяславъ *кривого* ненавидя, люби правду». Подъ 1289 г.: «кровь будетъ на виноватомъ, кто будеть *криво* учинилъ» (Ипат. 612). Въ поученіи Владиміра Мономаха: «*люди оправляти*»—то же, что судить *по праву*; тамъ же: «*оправить* вдовицу». Въ южнославянскихъ грамотахъ *кривина* судомъ *поправлялась*. Въ латинскихъ грамотахъ оправить судебнымъ порядкомъ—«corrigere». Въ книжныхъ послѣсловіяхъ, напр. евангелія 1164 г.: «Аже вы гдѣ *криво*, а исправивше, чьтете-же» (Востоковъ: Опис. рукоп. Рум. муз.). Часто глаголъ «оправити» употребляется въ смыслѣ оправдать; оправливаться оправдываться (Ипат. 366) Въ Псковской судной грамотѣ: «виноватаго не оправити» (ст. 59). И. Срезневскій различалъ три формы: оправити, оправливати и оправляти (Словарь др. русск. яз., стр. 690 и 691). О значеніи глагола оправити» см также у П. Мрочекъ Дроздовскаго: Изслѣд. Русск. Пр., в. II, 3–6).

Ему же ввѣрено было исполненіе функцій таможеннаго начальника по осмотру и клейменію купленныхъ русскими паволокъ, дабы онѣ не вывозились въ количествѣ большемъ положеннаго. Договоры Олега и Игоря, какъ мы видѣли, стремятся предупредить всякое, внѣ крайней въ томъ необходимости, самоуправство русскихъ въ Греціи, требуя отъ великаго князя положительнаго запрещенія его посламъ и купцамъ творить тамъ какія либо безчинства. Гость русскій, во время пребыванія въ Греціи утратившій челядина, обязанъ былъ, для возстановленія своего нарушеннаго права, жаловаться греческому правительству и подчиняться неизбѣжной процедурѣ повѣрки жалобы (догов. 945 г.).

Статьи Олегова договора 912 г. о посягательствѣ на тѣлесную неприкосновенность нанесеніемъ побоевъ, ранъ и увѣчій порождаютъ лексикологическія недоразумѣнія: «Аще ли ударить мечемъ, или *бьеть* кацѣмъ любо ссудомъ»... (Лавр., Ипат.). Въ иныхъ спискахъ вмѣсто «бьеть»—«убьеть» (Радз. и сходн. съ нимъ). И то, и другое чтеніе можетъ быть принято безъ ущерба для основного смысла статьи. Глаголъ «убити» вообще означаетъ или лишеніе жизни—душегубство, или же, подобно глаголу «бити», —причиненіе побоевъ [1]). Въ спискахъ Русской Правды замѣтно колебаніе между «бити» и «убити» въ томъ же значеніи (ст. 16 Акад. и 76 Кар.). Тоже самое въ Судебникахъ, гдѣ «убитого» даютъ на поруки, и иныхъ законодательныхъ сборникахъ. Въ литовскорусскомъ памятникѣ XIV в. читаемъ: «Если бы христіанинъ жида *убилъ*, жебы *крови не розлилъ*, образжонному маетъ дссыть учинити, яко шляхтичу». (А. Вил. Ком. т. V, 134). Для отличія убіенія, какъ душегубства, отъ простыхъ побоевъ нерѣдко къ глаголу «убити» прибавлялось «до смерти», какъ напр. въ Законѣ о казнѣхъ: «Иже мечемъ оударить кого, аще до *смерти* оубіеть, мечемъ казненъ будеть» (ст. 63). Въ Смоленской Правдѣ: «Того Богъ не дай, ажбы промѣжю нами бой былъ, а любо человѣка *аубіють до смерти*»... Впрочемъ, убіеніе до смерти» не всегда предполагаетъ полное прекращеніе жизни, напр.: «*кричь* живыхъ и *до смерти убіеныхъ*» (Соф. 1216 г.). Выраженіе «оубить до смерти» удержано и Уложеніемъ Алексѣя Михайловича. Въ статьяхъ договоровъ 912 и 945 г. о лишеніи жизни мы встрѣчаемъ форму «убійство» или «убой», какъ въ лѣтописномъ разсказѣ подъ 907 г.: «Олегъ много *убийство* сътвори»... Однако, Олеговъ договоръ, какъ и лѣтопись (Святославъ бралъ дань на «убьеныя»), и Русская Правда («отложиша *убьение* за голову»), употребляетъ и форму убіеніе въ смыслѣ душегубства, различая его отъ біенія въ статьѣ объ аваріи: «Аще ли ключится кому отъ тоя лодья въ ней *убьену* быти, или *бьену* быти». (Лав., Ипат., Воскр.

[1]) Въ ст. 26 Уст. Яросл. Владиміров. о церковныхъ судахъ: «бой, убійство и душегубство»..

и т. п. списки). Смертельный исходъ насильственныхъ дѣйствій, хотя бы и безъ прямого умысла на лишеніе жизни, обращаетъ ихъ въ душегубство. Въ Русской Правдѣ: «потнеть ли на смерть, а вира»... [1]) Разбираемая статья Олегова договора изложена въ редакціи весьма сходной съ редакціей ст. 3-й Акад. списка Русской Правды, которая начинается такими же словами; «Аще ли кто ударить».. и завершается выраженіемъ: «то тоу конець».—Нерѣдко ударъ предполагаетъ причиненіе поврежденія или раны, даже опасной для жизни. Въ договорѣ новгородцевъ съ нѣмцами 1195 г.: «Оже *оударить*—6 гривенъ *за рану*». Въ Уставной Двинской грамотѣ 1397 г.: «А кто кого *до крови ударитъ*, или на немъ *синевы* будуть»... (ср. «*кровавъ* или *синь*» во 2-й ст. Акад. и 24 ст. Кар. сп. Русской Правды) Договоры X в. не различаютъ свойства ударовъ, полагая за нихъ одно наказаніе—пеню въ пять литръ серебра, но строгость пени сама по себѣ можетъ возводить удары на степень серьезнаго разстройства здоровья причиненіемъ раны или увѣчья, какъ и въ ст. 5 догов. новгородцевъ съ нѣмцами XII в. Редакторы договора 945 г., исключивъ слово «біеніе», употребленное въ договорѣ 912 года, подробнѣе перечислили орудія преступленія, добавивъ къ мечу *копье*. Мечъ и копье приводятся для примѣра, но виновный одинаково отвѣчалъ за членовредительный ударъ (percussio) всякимъ орудіемъ, называющимся разно, тѣ *сосудомъ* (Ипат., Радз. и др. сп.), какъ и въ Кормчей («Сосуды ими же сотворися смерть»), то *оружіемъ* [2]) (Лавр. и подобн.), подъ которое Юстиніановъ законъ о казнѣхъ подводитъ и *палицы* (ст. 24, 64 изд. Павлова). Въ договорной статьѣ о нанесеніи ударовъ есть указаніе на *законъ русскій*, съ умолчаніемъ о законѣ греческомъ, дающее поводъ ученымъ распространяться о перевѣсѣ въ ней перваго надъ послѣднимъ. Не могу допустить, чтобы въ договорахъ 912 и 945 г., вопреки повороту политическихъ событій не столько къ торжеству Руси, сколько къ торжеству Греціи, при Игорѣ, потерпѣвшемъ отъ нея пораженіе, *размѣръ* пени за удары и послѣдствія несостоя-

---

[1]) По 11 ст. Уст. Двин. грам. XIV в., нанесеніе смертельнаго удара хозяиномъ своимъ холопу или рабѣ—«кто осподарь *огрѣшится*, т. е. согрѣшитъ (ср. въ договорахъ: Олега—«явится съгрѣшеніе», Игоря—«да того дѣля *грѣха*»), ударить своего холопа или робу»—не вмѣняется въ вину, если, конечно, холопъ или раба заслужили побои (Русск. Пр.). Въ лѣтописи ударамъ придается также грѣховный характеръ: Единъ (волхвъ). *грѣшивъ* (ушибнулъ) Яня топоромъ, Янь же, оборотя топоромъ, и ударя тыльемъ»... (Ипат. подъ 1071 г.). Въ томъ и въ другомъ случаѣ огрѣшеніе сводится къ ошибкѣ—промаху. Овчарь Святополковъ хотѣлъ ударить Василька въ око,—«и *сгрѣшися* ока и перерѣза ему лице... и посемъ удари и въ око и изя зѣницю, и посемъ—въ другое око» (Лавр. 251).

[2]) Ср. «*сосуды* ратные и градные» (Ипат. 532). «Полагаютъ мечѣ и прочая *оружья*..; заколенъ будеть своимъ *оружьемъ*», и о входѣ въ городъ «безъ *оружья*» (догов).

тельности виновнаго опредѣлялись всегда по чужестранному закону *для грековъ*, отвѣтственность коихъ договоръ 945 г. приравниваетъ къ отвѣтственности русскихъ,—«Ци аще ударить *русинъ* грьчина или *грьчинъ* русина»,—воспроизводя съ большею въ этомъ отношеніи полнотою ту же статью договора 912 г., гдѣ совершающіе преступленіе не различаются по національностямъ. Мнимое подавленіе русскимъ закономъ грекоримскаго по наиболѣе часто случавшимся преступленіямъ ничѣмъ не подтверждается, а, напротивъ, опровергается другими договорными статьями, не только не приносящими грекоримскаго права въ жертву русскому праву, но, какъ мы видѣли, стремящимися ихъ объединить и уравнять. Счетъ на *литры* самъ по себѣ идетъ въ разрѣзъ съ древнерусскимъ денежнымъ счетомъ, принятымъ въ договорѣ 907 г.: «по 12 *гривенъ* на ключъ» [1]), и замѣна русской монетной единицы греческою не улаживалась бы съ исключеніемъ примѣненія греческаго закона въ дѣлахъ о нанесеніи ударовъ. За то же преступленіе, сопровождавшееся увѣчьемъ руки, ноги, или какого нибудь сустава (въ договорѣ 912 г., по Лавр. списку, «аще ли ударить мечемъ, или убьеть,—въ Ипат. бьетъ,—кацѣмъ любо съсудомъ» [2]), въ Смоленской Правдѣ 1229 г., по ст. 3-й, полагалась пеня во столько гривенъ серебра, во сколько литръ по договорамъ Олега и Игоря. Вообще размѣръ пени въ пять серебряныхъ литръ, почти совпадающій съ количествомъ гривенъ, положенныхъ въ пеню за однородныя преступленія въ договорахъ новгородцевъ съ нѣмцами [3]), не позволяетъ признавать соотвѣтствіе ея только съ русскимъ обычаемъ и несоотвѣтствіе съ обычаемъ или закономъ грече-

---

[1]) См. разысканія Заблоцкаго, Казанскаго, Круга, Прозоровскаго, Шодаура, Погодина, Мрочекъ-Дроздовскаго. Предполагаютъ, что въ X—XI в. кіевская гривна вѣсила менѣе полуфунта, около 36 золотниковъ, тогда какъ вѣсъ греческой литры серебряной былъ вдвое больше (А. Черепнинъ: О кіевскихъ денежныхъ гривнахъ; Труды XI Арх. съѣзда въ Кіевѣ, т. II, отд. 2, стр. 38—61). Новгородская гривна равнялась 48 золотникамъ. Такими гривнами, вѣроятно, платилась дань варягамъ при Олегѣ (300 гривенъ). Измѣненія денежной системы всегда затрудняли ученыхъ. У насъ она усложнялась счетомъ на куны ветхія и новыя. Вотъ два примѣра, приведенныхъ И. Срезневскимъ:—«За гривну серебра—по 4 гривны кунами или пенязи» (XI в.).—«А за гривну серебра—полъ осмы ($7^1/_2$) гривны кунъ». (Допол. ст. къ Русск. Пр: «О безчестьи»). Фунтъ пенязей серебра (марка или гривна) у венедовъ (славянъ), по Саксонскому Зеркалу (art. XLV), содержалъ въ себѣ 20 шиллинговъ, называвшихся въ Руси щелягами, которые долго были ходячей въ ней монетой.

[2]) Далѣе: «... за то удареніе или убьеніе да вдасть»... въ Лавр. и Ипат., въ иныхъ «біеніе»... Позднѣе, даже въ XV в., за percussio часто суды присуждали пеню въ 5 марокъ (Act. grod и Ziem. т. XII, 60).

[3]) По Русской Правдѣ—12 гривенъ. По Уст. Ярослава Владим. о церк. суд. «за сромъ добрыхъ людей *пять гривенъ серебра*».

скимъ. Вопросъ о томъ,—какую именно сферу обнимаетъ примѣненіе закона русскаго въ дѣлахъ о причиненіи ударовъ, рѣшается мною по соображеніи договора 912 г. съ договоромъ 945 г.. По договору 912 г., біеніе вообще (удареніе или убіеніе), какъ сказано выше, облагается пеней въ 5 литръ серебра, которую долженъ дать виновный—«да вдасть». Вслѣдъ затѣмъ помѣщено выраженіе—«по закону русскому», далѣе же говорится о несостоятельности виновнаго. На основаніи того же договора, за біеніе кого либо изъ гребцовъ потерпѣвшей крушеніе лодьи полагается такое же наказаніе. По договору 945 г., «кто *изъ русскихъ* грека убьеть (или бьетъ)[1]), или поработитъ, воспользовавшись крушеніемъ лодьи, или возметъ что либо у него,—повиненъ закону *русскому и греческому*[2]). Тотъ же договоръ біеніе облагаетъ пеней, одинаковой съ назначенной въ договорѣ 912 года (5 литръ серебра); затѣмъ повторяетъ выраженіе—«по закону русскому». Если за біеніе при крушеніи лодьи положено наказаніе по закону русскому *и греческому*, то въ другихъ случаяхъ, очевидно, за біеніе не могло бы быть въ томъ же самомъ договорѣ назначено наказаніе по одному закону *русскому* и въ Россіи, и *въ Греціи*. Слѣдовательно, выраженіе въ договорѣ 912 г. «по закону русскому» относится не къ размѣру пени, каковой могъ быть согласованъ и съ греческимъ закономъ, а къ порядку ея платежа («да вдасть»), будучи внесено, по иниціативѣ русскихъ пословъ, въ видѣ *особаго* изъятія изъ смѣшанныхъ русско-византійскихъ правовыхъ институцій договорной Правды, для примѣненія по дѣламъ, возникающимъ въ русскомъ государствѣ[3]). Сличеніе русскаго права съ византійскимъ въ отношеніи послѣдствій несостоятельности показываетъ, что вторая половина разбираемой статьи составлена примѣнительно къ русскому обычаю. По грекоримскому праву, несостоятельность присужденнаго къ пенѣ влекла за собою, кромѣ тѣлеснаго наказанія, часто заточеніе и изгнаніе (Proch. tit. 39, cap. 54; Eccl. tit. 17, cap. 11; Кн. законовъ и Кормчая). Соединеніе этихъ двухъ мѣръ, повидимому, противорѣчитъ рус-

---

[1]) Подъ словомъ «убьеть» разумѣется здѣсь и смертоубійство, и причиненіе побоевъ, ибо въ догов. 912 г.: «убьеть, или бьеть».

[2]) Ср. Второзаконіе, XXIV, 7. Если обнаружится, что кто либо укралъ кого либо изъ братьи своей, поработилъ его и продалъ, то такой воръ предастся смерти.

[3]) *Общее* изъятіе изъ смѣшанныхъ правовыхъ установленій, не допускающихъ отступленія при примѣненіи ихъ *и въ Россіи, и въ Греціи*, предполагаетъ дѣйствіе *и тамъ, и здѣсь своего національнаго закона* настолько, насколько онъ не покрывается смѣшанными договорными установленіями. Таковы *законы* о собственности и распоряженіи ею, на которые прямо ссылается приведенная статья договора 912 г. о распредѣленіи имущества пивитаго убійцы между ближними убитаго и женою убійцы и о владѣніи ею подлежащею долею того имущества.

скому обычаю. По закону Ярослава, холопъ, ударившій свободнаго мужа, подлежалъ битью («оуставилъ оубити», по ст. 16 Акад. сп.—«да *бьютъ* его»). Сыновья Ярослава установили одно изъ двухъ: «или бити *развязавше*, или взяти гривна коунъ за соромъ» (ст. 76 Кар., Софіевск. и др. сп.). Послѣ битья виновный увольнялся изъ подъ стражи. Поэтому выраженіе договоровъ 912 и 945 г.г.—«по закону русскому» употреблено, полагаю, не въ смыслѣ поглощенія русскимъ закономъ греческаго закона въ отношеніи опредѣленія *количества* вознагражденія за нанесеніе удара грекомъ русскому и наоборотъ, въ Россіи или въ *Греціи*, но въ предвидѣніи тѣхъ случаевъ несостоятельности виновнаго, когда преступленіе совершено *на русской территоріи* грекомъ или русскимъ, причемъ, по русскому закону, какъ сказано въ договорахъ, виновный отвѣчалъ въ платежѣ пени всѣмъ своимъ достояніемъ, а если его не хватало на покрытіе взысканія и никто не могъ помочь ему въ платежѣ, то *отпускался* на свободу («пущенъ будетъ») послѣ клятвы, *по своей вѣрѣ*, о недоимкѣ по оставшемуся долгу—«о прочѣ (о процѣ), яко никако иному помѫщи ему» (догов. Олега)—«яко не имѣя ничто же» (догов. Игоря [1]). Русская Правда знаетъ споры по взысканію прочаго долга: «Аще гдѣ възыщеть на дроузѣ *прочѣ*...», или: «Аще кто взыщеть *коуны* на друзѣ» (ст. 14 Ак., 44 Кар. сп.), предоставляя разрѣшать ихъ изводомъ предъ 12 присяжными послухами. Но тамъ рѣчь идетъ о взысканіи остатка неуплаченнаго долга при *запирательствѣ* отвѣтчика, (ср. ст. 10 догов. Новг. съ нѣмц. XII в. [2]). Помощь виновному

---

[1]) Статья Олегова договора оканчивается словами: «да пребываеть тяжа *оттолѣ* невзискаема о семъ». Ср.: «начаша *оттолѣ* быти безъ льсти» (Ипат. 228). «*Оттолѣ* нача работати руская земля татаромъ» (Новг. IV. 33).

[2]) Въ объяснительномъ словарѣ П. Мрочекъ-Дроздовскаго - «проче» значитъ *впредь* (Изслѣдов. Русск. Пр. в. II, 250), но текстъ 97 ст. Русской Правды Кар. сп. не подтверждаетъ его объясненіе: «Аже кто зажьжеть гоумно, то—на потокъ и на грабежь домъ его; *прежде* пагоубу расплативши, а *въ прочь* (въ остальномъ) князю; поточити тако-же, оже кто дворъ зажжеть». Читаютъ неудачно: «а въ процѣ князю поточити». Сначала удовлетворялись убытки потерпѣвшаго, все же остальное имущество поджигателя шло въ княжескую казну. Въ Новгор. судн. грам.: «истцю *убытки* подойметь». Въ ст. 69 Русск. Правды Кар. сп. о долгѣ: «... княжи коуны *переже* взяти, а *проко*—въ дѣлѣ» (раздѣлѣ). Въ той же ст.: «отдати *первое* гостеви коуны, а домачнымъ что *ся останеть*». Въ ст. о сводѣ: «а истцу ждати *прока*». Въ ст. о закупѣ, по Синод. сп.: при продажѣ господиномъ закупа, самовольно взявшаго чужое имущество, господинъ «отдасть же *переди* (за то) что боудеть чужего взялъ, а *прокъ* ему (господину) самому взяти себѣ»;—«въ процѣ», «о процѣ»—тоже, что: въ прокѣ, о прокѣ. Однако, *проче* имѣетъ значеніе не только указанное И. Срезневскимъ въ Словарѣ древн. русск. яз., на стр. 1607; въ юридическихъ памятникахъ иногда «проче»=въ прочемъ. Такъ въ лѣтоп.: «*прочее* и смерть горькую прия» (Лав. 200). Новгородецъ Климентъ въ XIII в. завѣщалъ что *останется* изъ своего имущества игумену Варламу и всей братіи, кланяясь имъ «проче». Предоставивъ полу-

въ платежѣ могла быть оказана не только его семейными, но и посторонними, напр. при нахожденіи у послѣднихъ имущества виновнаго, или же изъ состраданія. Наши лѣтописцы ставятъ въ большую заслугу князьямъ *искупъ должныхъ* (Ипат. 602 и др.). Означенное постановленіе напоминаетъ обрядъ «chrenechruda»» закона Салическаго, отмѣненный Хильдебертомъ. Если всего достоянія преступника—убійцы, которое обращено на возмѣщеніе положеннаго взысканія, оказывалось недостаточнымъ, то онъ выставлялъ 12 присяжныхъ послуховъ въ доказательство того, что у него никакого болѣе имущества не осталось. Помощниками преступника въ платежѣ являлись отецъ, мать, братъ и другіе ближайшіе его родственники (Lex. Sal., LXI, 1, 2). Въ грекоримскомъ правѣ искъ объ удовлетвореніи долга сводился къ формулѣ «actio in quod facere potest», причемъ кредиторъ старался побудить родныхъ должника помочь послѣднему, если ему за неплатежъ угрожало личное задержаніе. Должникъ отвѣчалъ всѣми своими имущественными средствами (facultates), въ чемъ бы таковыя ни заключались (res corporales и incorporales).. Вопреки русскому закону о снятіи съ должника портовъ «въ нихъ же ходитъ», византійскіе сборники и схоліасты считали неподлежащею аресту за долги носимую одежду [1]). И по нашимъ исконнымъ обычаямъ, всякая помощь нуждающемуся въ ней ожидалась имъ и исходила прежде всего отъ ближайшихъ его родственниковъ. Они помогали обоимъ тяжущимся, когда дѣло рѣшалось поединкомъ (Ибнъ-Даста). Они же являлись мстителями по Русской Правдѣ, договорамъ и лѣтописнымъ сказаніямъ. Князь Вячеславъ Изяславовичъ говорилъ угорскому королю: «ты нама еси тако учинилъ, яко можеть такъ

ченіе розданныхъ въ кредитъ денегъ. Климентъ говоритъ въ концѣ: «ли кто *начнеть ся запирати*, то ты, Варламе, исправи» (ср. выраж. Русск. Правды). При толкованіи договорной статьи слѣдуетъ обратить вниманіе и на ст. 76 Псков. грам. о предоставленіи государю (хозяину) продать за его покруту живота бѣжавшаго съ села за рубежъ изорника и взыскивать съ него, по явкѣ, *остатокъ* своей покруты. По Губнымъ грамотамъ: «*достоль* татиныхъ животовъ», за удовлетвореніемъ потерпѣвшихъ, отдавалось намѣстникамъ и тіунамъ (С. Шумаковъ: Губн. и Земск. грам. 135). См. также разсказъ о томъ, какъ «Левъ князь послалъ Семена своего Дядьковича съ *прочими* рѣчми» (Ипат. 612).

[1]) Ср. Е. Ефимова: Посильная отвѣтственность должника. Пихно: Истор. очеркъ гражд. взысканій, и др. О выкупѣ родственниками постановлено и въ одной статьѣ Церковнаго Устава Ярославова о лишеніи жизни женщиною незаконно прижитаго ребенка: «обличивше пояти ю въ домъ церковный, а чимъ ю паки *родъ окупить*», въ Переяславск. спискѣ: «оликъ родъ выкупитъ». По англосакс. закон. Эдуарда Гудруна, убійца послѣ обѣщанія уплаты wergeld'a» долженъ былъ искать соотвѣтственнаго поручительства 12 родственниковъ. Помощь родственниковъ въ платежѣ виры установлена ютландскими и другими древнѣйшими законодательствами (Wilda: Das Strafrecht der Germanen). Помощь эта обыкновенно оказывалась по степенямъ родства. О ней упоминаетъ уже Тацитъ (De Germ. c. 21)

брата роженый *брату* своему, или *сына отцю*, яко же ты нама *помогль*» (Ипат. 291). По закону Винодольскому: «Ако убигне (убійца), имаю нега *ближики* осудъ платити пол, а пол нега реди (наслѣдники), ако є има». Законникъ Стефана Душана опредѣляетъ порядокъ платежа за преступника ближайшими его родными (ст. 51). Въ червонорусскихъ актахъ, какъ и въ Русской Правдѣ, помощь членовъ верви головнику въ платежѣ виры, плата истцовыхъ убытковъ за отвѣтчика третьимъ лицомъ сохранила названіе помочи. Если панъ отказывался *помочь* суду въ уплатѣ истцовыхъ убытковъ имѣньемъ своего скрывшагося послѣ злодѣянія человѣка, то самъ уплачивалъ *помочь* (Грам. Мих. Бучацкаго, 1435 г., Act. grod., XII, p. 425 [1]). Итакъ, отобраніе имущества виновнаго, со снятіемъ съ него портовъ, замѣняло излюбленныя греками заточеніе и ссылку [2]), при совершеніи преступленія *въ Руси* грекомъ противъ русскаго, или русскимъ противъ грека. Договоры, можетъ быть, имѣли въ виду и круговую поруку верви за русскаго на русской территоріи, какъ по Русской Правдѣ, при платежѣ дикой виры за вложившагося въ нее. Очевидно, послѣдствія несостоятельности, указанныя договорами въ главѣ о нанесеніи ударовъ, существенно отличающіяся отъ послѣдствій неимовитости убійцы, распространялись на случаи несостоятельности осужденнаго по дѣламъ о похищеніи имущества, не сопровождавшемся убійствомъ хозяина. Самая редакція договорной статьи обличаетъ ея русскую закваску: «Ци аще ударить» (въ догов. Игоря, по мног. спискамъ),... да (заплатитъ) како можеть, втолько же проданъ будеть, яко да и порты, въ нихъ же ходить, да и то съ него сняти»; по догов. Олега—«да соиметь съ себе и ты самыя порты своя, въ нихъ же ходнть»... [3]) По Псковской судной грамотѣ,

---

[1]) Весьма подробныя постановленія о платежной помощи преступнику его *домашними* содержатся въ литовско-русскомъ законодательствѣ, уясняющемъ, между прочимъ, и выраженіе: «тако пущенъ будетъ»:—«А кому татя выдадутъ... а усхочетъ на немъ заплату побрати, а его *пустити*»... (ст. 12 Судебн. Казим. Ягел. XV в.). Ср. лѣтоп. подъ 1043 г.: «миру бывшю *пущень* бысть Вышата въ Русь». Помощь ближнихъ въ дѣлахъ судебныхъ достаточно характеризуется актомъ 1378 г., въ которомъ изложено, что нѣкая женщина явилась въ судъ «съ дѣтьми своими, и съ зятемъ, и съ внучаты, и со всѣмъ родомъ-племенемъ своимъ» (Akt. grod. и Ziemsk. II, 9). Неудивительно, что Новгор. судн. грамота допускаетъ въ судъ только двухъ понятыхъ (ятцевъ),—«а инымъ *на пособье* не итти къ суду ни къ росказу» (ст. 41).

[2]) По Губнымъ грамотамъ: «которымъ (преступникамъ) платить нѣчимъ, и тѣхъ ссылать въ Сибирь» (С. Шумаковъ: Губн. и Земск. грам., 133).

[3]) Ср.: «кто вдасть *порть*, *въ немъ же ходивъ*, *церкви*» (ст. 86 Уст. митр. Георгія). Въ догов. 912 г.: «да вдасть, слико можеть».. Отсюда, кажется, *продажа* Русской Правды, означающая обращеніе въ продажу, при несостоятельности осужденнаго, его наличнаго имущества на уплату или для выкупа пени, первоначально шедшей въ пользу потерпѣвшихъ, а позднѣе—въ княжескую казну.

даже съ мертваго поединщика снимался доспѣхъ: «ино ему взять, чего сачилъ на исцы, а на трупу кунъ не имати, толка ему *доспѣхъ сняти*» (ст. 37). Доспѣхъ же есть особый видъ портища—одѣяніе военное, *походное*. Въ Правдѣ Ярославовой доспѣхъ названъ портомъ—«изломитъ портъ».. Обычай снимать порты съ убитыхъ, даже во время кулачныхъ боевъ, засвидѣтельсвованъ митрополитомъ русскимъ Кирилломъ: «бьющеся дрькольемь до самыя смерти и *взимающе отъ убиваемыхъ порты*» (Русск. Достоп. I, 114). Согласно договорной статьѣ, послѣдствіе несостоятельности нанесшаго ударъ («кто кого оударить») какимъ либо орудіемъ, опредѣлено 2-мъ отдѣломъ 3 ст. Русской Правды по Акад. сп.: «аще сего не постигнуть то платити ему, то тоу конець». По моему разумѣнію: если сего не достигнутъ, чтобы онъ то́ заплатилъ (12 гривенъ), то здѣсь конецъ дѣлу, т. е. судебная власть принимала мѣры ко взысканію; при безуспѣшности же ихъ, виновный освобождался судомъ и потерпѣвшему предоставлялось вѣдаться самому съ обидчикомъ [1]).

Перехожу къ отдѣлу о преступленіяхъ противъ чужого имущества. Договоры разграничиваютъ кражу (furtum) отъ самовольнаго взятія чужой вещи. Договоръ 912 г. обставляетъ второе преступленіе условіями, отвѣчающими и разбою [2]) Русской Правды, когда онъ не сопровождается лишеніемъ жизни, и понятію грабежа другихъ памятниковъ, наприм. Псковской судной грамоты: «А *возметъ* (кредиторъ) что за свой долгъ *силою*, ино быти ему оу *грабежу*» (ст. 67, ср. ст. 48 о *снятіи* портища въ посулѣ). Для обозначенія насильственныхъ дѣйствій существовалъ въ сѣверной Руси болѣе краткій терминъ «сбой», напр. «холопи *сбои*» (Новг. I. 81), отъ глагола «сбивати», употр. въ Новгородской судной грамотѣ (ст. 5). Въ Никон. лѣт.: «*збойчатые* и лукавые люди» (т. X, 213). Въ чешско-моравскомъ правѣ «выбой». Терминъ «сбой» въ Польшѣ означалъ открытое, насильственное отнятіе имущества: «*Spolium* publicum, quod *sboy* dicitur» (Hube: Prawo Pol. XIII w. 150). «Zboy» встрѣчается въ Вислицкомъ Статутѣ Казиміра (разд. 123 и др.). Грабежъ часто называется лупомъ, лупленіемъ, т. е. обдираніемъ. Лѣтописецъ говоритъ: «законъ бяше въ ляхохъ таковъ: челяди не имати, ни бити, но *лупяхуть*» (Ипат. 582);—«добрыя жены и дѣвица видяще надъ собою *лупленіе* отъ татаръ».. (лѣтоп., т. IV, 68, 69). Кромѣ того, читаемъ въ лѣтописяхъ: «людии *полупита*,—

---

[1]) Арабскій писатель Ибнъ-Даста упоминаетъ о поединкѣ тяжущихся руссовъ при ихъ недовольствѣ княжескимъ приговоромъ (А. Гаркави: Сказ. мусульм. писат. 269).

[2]) «Разбойници *избиваютъ*.... по злобѣ и имѣніа желанію» (Рус. Достоп. I, 67). Псковская судная грамота разумѣетъ подъ разбоемъ взятіе чужого имущества, сопровождавшееся *боемъ*. «Розбойники *разбиваютъ*» (Губныя грамоты). «Сумежныя брани и деревенскія драки» въ разбой не ставились.

«ятровь свою *облупи*», и т. под. Лупу подвергались и мертвые: «мертвыхъ во гробѣхъ *лупящеи* (Павловъ: О казнѣхъ, 72). Въ червонорусскихъ актахъ грабежъ—отнятіе, обираніе: «*necz*, alias *grabycz*» (Act. grod., т. XII, p. 138). И въ кражѣ, и въ грабежѣ, договоры русскихъ съ греками не дѣлаютъ существеннаго различія между *покушеніемъ* на осуществленіе злого намѣренія, переходящимъ въ дѣйствіе, и *совершеніемъ* задуманнаго преступленія, но сливаютъ ихъ при назначеніи наказанія, по пріемамъ римскаго и древнегерманскаго правъ. Это раскрывается изъ слѣдующихъ выраженій Олегова договора 912 г, по моему чтенію, примѣняемыхъ къ застигнутому потерпѣвшимъ, во время самаго учиненія кражи, съ поличнымъ, которое еще не успѣлъ унести и скрыть или сбыть (furtum manifestum—«татба съ поличнымъ» Новгор. суд. грам.), сдавшемуся—«аще вѣдасть («руцѣ свои» по Радз.) «украдый» (ср. «вдасть ему руку» Ип. 540) или покорившемуся и связанному вору: «да отдасть тое, еже *смъ створити и створить*, триичи о семъ (ср. въ ст. о головахъ: «и будетъ казнь... о семъ»); т. е. долженъ возмѣстить то, что осмѣлился (дерзнулъ) совершить и совершитъ, втройнѣ за сіе. Глаголъ «отдати» въ значеніи возвращенія покупной цѣны плѣнника встрѣчается въ томъ же договорѣ, а въ значеніи вознагражденія потерпѣвшаго господиномъ за то, «что боудетъ взялъ» незаконно его закупъ, употребленъ статьею 75 Русской Правды, замѣняющей отдачу *платой* татьбы и продажи въ ст. 88 (Кар. сп.). Въ Судебникѣ XV в. Казиміра Ягеллона: «платити *татбу* истцу и *вину*» (ст. 17). Въ Уставной Смоленской грамотѣ: «Поличное *отдать* назадъ истцу, который приведетъ татя съ поличнымъ» (Собр. Гос. Гр. и Дог, № 148). «Татиное беремя *опять отдати* тому, у кого што украдено» (Сб. Муханова, № 85 [1]). Далѣе въ договорѣ 912 г. сказано: «Аще кто отъ хрестьянъ или отъ руси *мученья образомъ* [2]) *искусъ начнеть творити* и на-

---

[1]) При ненахожденіи украденнаго - «пакы лица не будеть»—примѣнялось правило объ оцѣнкѣ, изложенное въ ст. 41 и др. Русской Правды, Кар. сп.. По Уставн. Губн. грам.: «вы бы на татѣ доправя истцовы иски *отдавали* истцемъ, а въ *продажѣ* тотъ тать намѣстнику и волостелемъ и ихъ тіунамъ» (С. Шумаковъ: Губн. и Земск. грам., стр. 135).

[2]) «Мученья образомъ»—посредствомъ мученья. Образъ—способъ, средство. Ср. въ Русской Правдѣ: «кымъ любо *образомъ* не ожжется».—«Побоями *оумучи*» (О казнѣхъ, ст. 66). «Смердъ *оумучать*» (Русск. Пр. Ак. сп.). «Ни *мучить*, ни бить» (Псков. грам., ст. 27). Въ лѣтописяхъ и юридич. актахъ часто «примучить»—принудить: «А никоторая злая воля *примучени*» (Arch. Sang. I, № IX. Вотъ поразительный примѣръ жестокихъ истязаній: Попа Патрикѣя «емше начаша *мучити*.. многи *муки* претерпѣ, на сковрадѣ пекоша и, и за ногти щепы биша, и ногы прорѣзавъ, ужа вѣдергавъ, по хвостѣ у конь волочиша, и тако въ той *муцѣ* скончася» (Воскр. т. VIII, 85, п. 1410 г.).

силье явѣ, или *взъметь* что любо *дружне*, да въспятить *троиче»* (въ нѣкот. сп. «трииче» (ср. «*потройчи* мече каменьемъ», Ипат. 563), т. е., если кто изъ христьянъ, или изъ русскихъ мучительнымъ образомъ (посредствомъ мученья—физическаго принужденія, притѣсненія, или истязанія) попытку (пробу или покушеніе) учнетъ совершать и насилье явно (для взятія) или возметъ что либо дружеское (другому принадлежащее) [1]), то да возвратитъ втройнѣ. Здѣсь необходимо оговориться. Въ нѣкоторыхъ спискахъ (Ипат. и т. п.) стоитъ «дружинне», что напрасно предпочитаютъ Н. Лавровскій (О Визант. элем.. въ яз. догов., 124, 125), Тальбергъ (Насильств. похищ. Ж. М. Н. Пр. 1879 г. ч. 206, 24), М. Владимірскій-Будановъ, усматривающій въ дружинномъ похищеніи разбой (Обз. ист. русск. пр., 259). Подтвержденіемъ того, что искусъ [2]), вопреки толкованію И. Срезневскаго, разумѣвшаго подъ нимъ, въ изслѣдованіи о договорахъ, идею пиратства, правильно принятъ мною за tentatio (первое значеніе искуса по его-же Словарю древне-русск. языка (ср. «кушатися», Ипат. 300), и что покушеніе, въ договорной Правдѣ, какъ продуктъ воли, карается лишь при достиженіи преступной цѣли посредствомъ совершенія задуманнаго, служитъ параллельная статья договора Игоря: «Аще ли кто *покусится* (попробуетъ, попытается) отъ руси взяти что отъ людий царства нашего, иже то *створить*, покажненъ будеть вельми: аще ли *взялъ* будеть, да *заплатить сугубо*; и аще *створить* грьчинъ русину, да пріиметъ ту же казнь» (наказаніе). Тройному взысканію Олегова договора соотвѣтствуетъ *triplum* древненѣмецкаго права за подобныя же преступленія (rapina) въ Капитуляріяхъ Карла Великаго, lib. VI, и Людовика Благочестиваго 826 г., cap. 1. Lex Bajuvariorum (tit. VIII, § 11) обязываетъ виновнаго за похищеніе изъ публичныхъ мѣстъ отдать втройнѣ: «ter niun geldum componat, hoc est ter novem [3]) reddat». Впрочемъ, и римскому праву не чуждо взысканіе

---

[1]) Въ Законѣ судномъ: «положеніе *дружне*; украдъ, да дасть сугубь *другу*». Въ Русской Правдѣ: «аще взыщеть на *дроузѣ*», «платити изъ *дроужины* свою часть». Въ Смоленской Правдѣ: «кто бьеть *дроуга* дѣревѣмъ,—аще кто *дроуга* ранить». Въ Псковск. грам.: «за *друга* не тягаться» (ст. 69). Въ Зак. Стефана Душана: «Кто провади *дружняго* человѣка оу тоуждую землю» (ст. 93).

[2]) Искусъ, какъ попытка, совпадаетъ, по значенію, съ *искушеніемъ* въ догов. 912 г., имѣющемъ разные оттѣнки. Ср: requisitio, alias *pythane*, въ Полицкомъ и др. ю. слав. законахъ и въ Статутѣ Мазовецкаго князя Конрада 1421 г. Въ русск. копномъ правѣ—*опытъ*. Въ лѣтописи—*испытаніе*: «Янь, испытавъ, чья есть смерда».. (подъ 1071 г.). Мстиславъ кіевскую чадь безъ вины погубилъ, «не испытавъ». Въ Лавр. пропущенъ глаголъ «начнеть» (творити), очевидно, по недосмотру.

[3]) Тройную девятину. Въ девятину, при Меровингахъ и Каролингахъ, включалось *девять частей* пени, остававшихся за отчисленіемъ *десятины* въ пользу церкви, какъ

тройной цѣны похищеннаго. Такому взысканію подвергался, по иску furti concepti, домохозяинъ—«мѣстникъ», у котораго при обыскѣ обнаруживалась украденная вещь, или же, по иску furti oblati, тотъ, кто ее подложилъ (Зак. XII таблицъ [1]). Правило о тройномъ вознагражденіи получило широкое распространеніе въ древней Руси; оно узаконено, между прочимъ, ярлыкомъ Узбека 1315 г.: «что̀ *возмуть* (въ видѣ запрещенныхъ поборовъ), и они отдадутъ назадъ *третицею*» (Собр. Гос. Грам. и Догов., № 7). Если устранить превратныя сужденія о системѣ и деталяхъ договорной Правды X в., въ томъ числѣ предположеніе нѣкоторыхъ, напр. Станиславскаго, что объ одномъ наказаніи за взятіе чужого имущества («покажненъ будетъ *вельми*:—аще ли взялъ будетъ, да *заплатить сугубо*»), договоръ Игоря *умалчиваетъ* (Юрид. Сб. Мейера, 167), то окажется, что потытка или покушеніе измѣряется и облагается соотвѣтственнымъ съ виною наказаніемъ по одинаковому съ совершеніемъ преступленія масштабу, приложенному, по Олегову договору, и къ взятію чужого имущества у людей потерпѣвшей крушеніе лодьи: «аще ли ключится *кому* (у кого) *отъ тоя лодьи... взяти* что любо, да повинни будуть то̀ *створшіи прежереченною епитемьею*» [2]) (тройному взысканію), буде, очевидно, взятіе было *открытое*, или же не вполнѣ осуществившееся преступное намѣреніе воплотилось въ сопровождавшейся насиліемъ попыткѣ взять чужое имущество [3]).

Развитіе и согласованіе съ договоромъ 912 г. въ договорѣ 945 г. системы наказаній за разнаго рода обиды примѣнительно къ русскимъ и греческимъ обычаямъ и законамъ, вытекаетъ изъ стремленія достигнуть

«съ суда — девять частей князю, а десятая—церкви» по церковному Уставу Владиміра св. (списокъ Кормчей XIII в.) и по Русской Правдѣ, принявшей *условныя* девятину и десятину.

[1]) Наши изслѣдователи договоровъ X в., говоря, что за furtum *manifestum* у римлянъ полагалось *четверное* взысканіе, упускаютъ изъ виду не только законъ XII таблицъ, предоставлявшій потерпѣвшему широкую власть надъ явнымъ воромъ, но и слова Гая, что «ante poenam quadrupli явная кража считалась *капитальнымъ* (уголовнымъ) преступленіемъ». Четверное взысканіе за нее, какъ утверждаютъ лучшіе знатоки римскаго права, было установлено позднѣе, преторскимъ эдиктомъ, уполномочивавшимъ и на искъ furti prohibiti—in quadruplum противъ того, кто препятствовалъ производству у него обыска, и на искъ furti non exhibiti противъ того, кто отказывался выдать обнаруженную у него краденую вещь.

[2]) Въ латинскихъ грамотахъ, напр. гл. V догов. 1271 г., уравниваются также «graviora *attentata* sive *facta*» (Boczek: Dipl. IV, 52). «Епитимія—реніе *запрещеніе*» (Прав. св. Василія въ древн. Кормчей).

[3]) По ученію римскихъ юристовъ,—«quamvis qui rapuit, fur improbus esse videtur. Julianus scribit—eum qui *vi* rapit, furem esse improbiorem». Начиная съ претора Лукулла (76 г.), вошедъ въ практику actio *vi* bonorum raptorum—in quadruplum (Гай).

возможно полной гармоніи между ними и равновѣсія правъ договаривающихся сторонъ. Вообще, замѣчу кстати, конвенціи 912 г. и 945 г., представляющія стройное цѣлое, чуждое противорѣчій, гораздо болѣе связаны правовымъ единствомъ, чѣмъ многіе думаютъ, но единство разновременной договорной Правды двухъ національностей сводится къ основнымъ руководящимъ началамъ и признакамъ, не достигая, по необходимости, вызывавшейся правовыми особенностями каждой изъ этихъ національностей, абсолютной ассимиляціи частностей, свойственныхъ грекоримскому и русскому правамъ въ отдѣльности и искусно выгороженныхъ греческими и русскими дипломатами при помощи изрѣченій, нерѣдко обнимающихъ цѣлую совокупность правовыхъ нормъ, процессуальныхъ обрядовъ и условій наказуемости. Несмотря на то, Правда договоровъ русскихъ съ греками не только по своему составу, но и по опредѣленію послѣдствій преступныхъ дѣяній, гораздо богаче договоровъ грековъ съ венеціанами, генуэзцами и другими народностями, гдѣ господствуетъ упрощенная формула: «puniantur per potestatem secundum jura legum et secundum qualitatem delicti». (Atti d. soc. Ligure, vol. 28, 501 [1]).

Всѣ изслѣдователи нашихъ договоровъ *сугубое* (двойное) вознагражденіе по преступленіямъ противъ собственности, принятое договоромъ 945 г., признаютъ измѣненіемъ *тройного* вознагражденія, назначеннаго договоромъ 912 г. Послѣ тщательнаго изученія договорной Правды X в. мною обнаружено, что измѣненія количества вознагражденія за похищеніе и самовольное взятіе чужого имущества договоръ Игоря, обновившій старый миръ съ греками, не вноситъ, но дополняетъ прежній договоръ 912 г., предусматривая кражу не явную—furtum *nec manifestum*, облагаемую двойной пеней (poena dupli) по закону XII таблицъ, одинаково съ самовольнымъ взятіемъ чужого имущества безъ признаковъ разбоя или грабежа съ насиліемъ, раздробляя притомъ удовлетвореніе потерпѣвшихъ на вознагражденіе въ видѣ возвращенія похищеннаго или его стоимости по принадлежности и наказаніе виновнаго сообразно съ цѣною похищеннаго. Какъ по закону XII таблицъ, воръ nec manifestus приговаривался *duplione* damnum decidere и удовлетворить потерпѣвшаго за украденную вещь, такъ и по аттическому праву, воръ долженъ былъ отдать обокраденному уворованную вещь или ея цѣну, а кромѣ того, уплатить *двойную* ея цѣну (Telfy: Corp. jur. att.). Возвращеніе украденнаго и уплата двойной его стоимости

[1]) Въ договорахъ между греками и генуэзцами съ XII в. объ отвѣтственности за преступное взятіе чужого имущества при кораблекрушеніи трактуется обыкновенно такъ: «.. si navigium genuense a quocumque loco veniens in Romaniam periclitetur et contigerit ut aliquid ex iis, quae in ipso sunt, ablatum fuerit a quocumque, fiat de his vindicta a majestate mea et restauratio hujusmodi rerum».. (Ib. № II, 351).

потерпѣвшему свойственны византійскому праву, по которому за первую кражу виновный, *сверхъ возвращенія украденнаго* или его равноцѣнности, приговаривался къ платежу *двойной* стоимости похищеннаго (Eccl. tit 17, cap. 11; Proch. tit 39, cap. 54). Законъ царей Льва и Константина, въ славянскомъ переводѣ, помѣщенномъ въ Кормчей, гласитъ: «Каждый... аще свободенъ есть и *можетъ*,—на *оустроеніе* оукраденнаго, посемъ *сугубу* оукраденнаго *цѣну* да подасть; аще ли *неимовитъ* есть, да біенъ боудеть и заточенъ (варіантъ—«въ заточеніе да *пущенъ* будетъ»). «Аще богати и свободни суть, да *возвративше* украденное, и *сугубицею толико же да вздадять татьбу* потерпѣвшему». По другой редакціи: «*изъ количеству оукраденнаго* и *сугубу* отдадятъ татьбу пострадавшему», какъ изложено въ выпискахъ изъ новыхъ заповѣдей царя Юстиніана (Кормч. гл. 44, ср. Павлова, Кн. закон., 71). По договору 945 г.: «да приметъ туже *казнь*», независимо отъ обязанности возвратить взятую вещь хозяину, какъ и по 12 ст. Русск. Правды Акад. сп. и 29 ст. Карамз. сп., кромѣ возмѣщенія *убытка* въ видѣ возвращенія самовольно взятаго или его стоимости, уплачивается виновнымъ *за обиду* пеня, иногда вдвое, напр. за украденную лодью—30 рѣзанъ, а продажи 60 рѣзанъ (ср. ст. 91 Карамз. «лицемъ воротити»). Въ 43 ст. Русск. Правды за кражу, учиненную холопомъ, постановлено, согласно съ нашими договорами, «*двойчи* платити къ истцу *за обиду*», конечно сверхъ возвращенія поличнаго или его стоимости, реальной, либо урочной, смотря по обстоятельствамъ [1]). Въ древнемъ Законѣ земледѣльческомъ есть нѣсколько статей о *двойномъ* вознагражденіи за нарушеніе чужой собственности, кромѣ отдачи незаконно взятаго и присвоеннаго имущества (ст. 59, 60, 63, 67). По Юстиніанову закону, даже тотъ, кто «раздѣлитъ землю криво, да въдасть *двое*».. (R. Hube: Знач. правъ римск. и римсковизант. у народ. слав.). Двойное вознагражденіе за укра-

---

[1]) Примѣненіе закона *русскаго* въ ст. догов. 945 г. о кражѣ ставитъ изслѣдователя въ необходимость обратиться къ Русской Правдѣ, языкъ которой мѣстами темнѣе языка договорнаго. Въ ней неоднократно упоминается о *поличномъ и о томъ, что съ нимъ погибло* (ст. 30, 33, 36, 40 Кар. сп.). Особенно важна послѣдняя статья: «... а у него же погыбло, *оже будеть лице*, лицемъ поемлеть, а за лѣто възметь по полугривнѣ». Три гривны за княжаго коня, а за иныхъ—двѣ гривны (ст. 41) уплачивалось въ случаѣ отсутствія лица, какъ при кражѣ хлѣба изъ гумна или ямы по ст. 40 и лодьи по ст. 91 (ср ст. 29, соотв. ст. 12 Академ. сп.). Размѣръ платы за гибель назывался урокомъ: «... за нагоубу гривна *оурокъ* платити» (ст. 98 Кар.), по своему *условному* характеру, какъ «*уреченые* уроки» относительно раздѣла плѣнныхъ въ Судебникѣ царя Константина и уроки, полагавшіеся въ вознагражденіе судебнымъ органамъ, рабочимъ, мостившимъ мосты, и т. под., т. е. елико *оуречено*» (Лѣтоп. Переясл.—Суздал. подъ 907 г.), или же въ пользу церквей и на другія надобности: «Ярославъ даваxъ имъ имѣнія своего *урокъ*» (Лавр. 149) Ольга уставила *уроки* въ Деревской землѣ, и т. д.

денное полагается и по Синтагмѣ Петра Властаря XIV в., составленной примѣнительно къ греко-римскому законодательству (см. изслѣдов. о ней Н. Ильинскаго). Въ судебныхъ книгахъ Привислинскаго края (акты 1348 и 1394 г.) мы находимъ, независимо отъ возвращенія украденнаго, «*duplex* poena furticia», обложеніе «*duabus* marcis racione dampni» (R. Hube: Prawo polsk. XIV w., стр. 279). Изъ древнихъ узаконеній, между прочимъ и Закона суднаго, дѣйствовавшаго, по крайней мѣрѣ отчасти, въ Руси при Владимірѣ св., ветхозавѣтная *сугубина*, полагавшаяся по тому Закону и въ наказаніе татю, съ отдачею истцу противъ указной цѣны, проникла въ Судебники и въ Уложеніе Алекс. Мих. (гл. X, ст. 210). Въ старѣйшихъ южнославянскихъ законодательствахъ, составляющихъ смѣсь грекоримскихъ правовыхъ нормъ съ мѣстными обычаями, преобладаетъ всюду двойное взысканіе—*двоина* или *дупла* (duplum) въ пользу потерпѣвшихъ отъ подобныхъ преступленій. Таковы Юстиніановъ законъ о записаніи, уставы Виподольскій, Сплетскій, Корчскій и др. (Monum Slav. и Monum. hist. juridica). Наряду съ этимъ излагаются постановленія о личбѣ, т. е. *мичь* или поличномъ. Литовско-русское законодательство переименовало «duplum» въ совитое вознагражденіе: «*совито* або водвое» (Лит. Стат. 1588 г., XI 28).

По договору Игоря, воръ долженъ возвратить не только наличностью все украденное, но и цѣну его, если оно не было отыскано. Похищенное подлежало возврату всецѣло, какъ и снесенное челядиномъ: «да вспятять и опять, и еже что̀ принеслъ будеть,—все цѣло» [1]). Цѣна давалась и за обиду потерпѣвшаго, въ наказаніе вора, при неявной кражѣ, всегда сугубая—двойная, независимо отъ возврата поличнаго, или его стоимости, въ возмѣщеніе убытка: «достойно есть да возворотить е́ (что̀ украдено) не точью едино, но и *цѣну его*; аще украденое обрящется, *продаемо* [2]) (най-

[1]) Уложеніе Алекс. Мих. повторяетъ выраженіе договора: «отдати истцу *все въ цѣлѣ*» (гл. X, ст. 210). Если не найдена была лишь часть похищеннаго, то приплачивалась ея стоимость.

[2]) Во всѣхъ лѣтописныхъ спискахъ, исключая Лавр. и нѣкот. сходн., гдѣ «предаемо», стоитъ «продаемо». Ср.: «се *продаеми* бываютъ»... Нельзя «продаемое» не считать проданнымъ или сбытымъ (ср. «по нужи *продана* будетъ»), ибо въ противномъ случаѣ полагалось бы *тройное* наказаніе и не было бы соотвѣтствія съ *наказаніемъ* за незаконное взятіе чужого имущества («показненъ будетъ вельми»), заключающемся въ *сугубомъ платежѣ* («да заплатитъ сугубо»), конечно, *цѣны* взятаго, причемъ обязанность возвращенія поличнаго, *если оно не отобрано*, или его стоимости, сама собою разумѣется. Когда украденъ, или же подвергнутъ принудительной *продажѣ* челядинъ русскій, то онъ *возвращался* хозяину («да ищутъ... обрѣтаемое да имутъ е́»), но укравшій челядина, кромѣ того, подлежалъ общему *наказанію*, положенному за кражу.—По римскому праву, при *продажѣ* чужой вещи собственникъ ея, посредствомъ actio auctoritatis, могъ взыскать съ продавца *двойную* стоимость вещи.

дется, будучи продаваемымъ), «да вдасть и *цьну его сугубо* (въ Ипат. «сугубу»), и тъ *показнень* будеть по закону гречьскому, по уставу, и по закону русскому». Такимъ образомъ постановленіе Олегова договора о тройномъ вознагражденіи потерпѣвшаго также имѣетъ, отрицаемый Влад.-Будановымъ, по недоразумѣнію (Обз. ист. русск. пр. 258), характеръ наказанія, размѣръ коего не измѣнился отобраніемъ того, «иже будеть погубилъ» потерпѣвшій—«паче убо да възметь свое».

Стремленіе къ обобщенію и согласованію индивидуальныхъ и публичныхъ интересовъ на почвѣ національнаго права державы, въ предѣлахъ которой совершено преступленіе, сказалось, между прочимъ, въ статьѣ договора 912 г. о кражѣ, побѣгѣ, принудительной продажѣ и укрывательствѣ челядина русскаго, изъ которой выдѣлено въ договорѣ 945 г. бѣгство русскаго челядина, съ назначеніемъ цѣны его въ томъ случаѣ, если онъ не найденъ. По первому договору, гости русскіе, утратившіе челядина, искали его въ Греціи при содѣйствіи греческихъ органовъ власти. «Аще ли кто искушенія сего не дасть створити мѣстникъ,—да погубитъ правду свою» [1]). Погубленіе заподозрѣннымъ въ укрывательствѣ челядина обывателемъ своей правды за препятствованіе къ производству у него обыска,—навлекаемое имъ на себя возмездіе,—есть эквивалентъ утраты гостемъ челядина. Отвѣтственности укрыватель челядина подлежалъ по законамъ своей страны. Считающіе мѣстника мстителемъ [2]), какъ Эверсъ, Владимірскій-Будановъ и др., заблуждаются. Нельзя не согласиться съ Срезневскимъ, Соловьевымъ, Бѣляевымъ, Сергѣевичемъ, что мѣстникъ (откуда помѣстникъ, помѣщикъ, ср. намѣстникъ и мѣстичъ)—мѣстный домохозяинъ, ибо въ Судебникѣ царя Константина (Законъ судный) мѣстникъ упоминается въ томъ же значеніи, а по правамъ Рипуарскому, Бургундскому и Салическому, домохозяинъ, укрыватель утраченнаго признается воромъ. Укрывательство челядина вошло и въ Русскую Правду. Къ сожалѣнію, статью 10 Акад. сп. (ст. 27 Карамз.)—«Аще ли челядинъ съкрыется любо *оу варяга, любо оу колбяга*», превратно толкуютъ въ смыслѣ укрывательства челядина *варягомъ* или *колбягомъ* [3]). Наоборотъ, статья разумѣетъ по-

---

[1]) По Псковскому законодательству, препятствовавшій произвести у себя обыскъ для обнаруженія краденныхъ вещей признавался виновнымъ въ татьбѣ, какъ и тотъ, у кого, по оговору, найдено поличное (ст. 57 и 60).

[2]) Въ догов. Новгорода съ польскимъ королемъ Казиміромъ, XV в., месть—отмѣстъ или отместка: «а *отмьста* кунъ не имати» (ст. 1); въ Псковской судной грамотѣ: «судомъ не *мститься*» (ст. 3).

[3]) М. Владимірскій-Будановъ неизвѣстно почему колбягами считаетъ восточныхъ инородцевъ (Обз. ист. русск. пр., 265). Если слово «колъбягъ» славянскаго корня, то оно, кажется, въ тѣсной связи съ простонароднымъ словомъ *колоба* — кругъ, округъ, откуда

бѣгъ челядина, *принадлежащаго варягу* или *колбягу*, являющимся здѣсь *пострадавшими*,—«изымати *ему свой челядинъ*» [1]). Достаточно въ доказательство привести, напр., ст. Закона суднаго «о мачехахъ, *крыющихъ* имѣніе *оу чюжей чади*», съ угрозой мачихѣ лишеніемъ того, «его же будетъ крыла». Мачиха, скрывающая имѣніе, *принадлежащее чужимъ дѣтямъ*, лишается сокрытаго ею, т. е. оно отъ нея отбирается. Извращеніе статьи Русск. Правды объ укрывательствѣ произошло отъ недостаточнаго пониманія духа и особенностей древнерусскаго языка.

Одна статья договора 912 г. посвящена праву наслѣдованія, безъ духовнаго завѣщанія и по духовному завѣщанію, послѣ умершихъ въ Греціи русскихъ, состоящихъ на службѣ («работающихъ») у греческаго («хрестьянскаго») *царя* и, слѣдовательно, ему подчиненныхъ въ качествѣ пришлыхъ добровольцевъ, поступившихъ въ ряды его войска, которыхъ необходимо отличать отъ плѣнныхъ, порабощенныхъ *греками* [2]): «Аще ли обрящутся русь *работающе у грекъ*, аще суть *плѣнници*».. , подлежавшіе, по договору 945 г., выкупу за опредѣленную плату. Въ договорѣ 912 г. условлено, что когда предстоитъ грекамъ война, то приходящіе въ Грецію русскіе, сколько бы ихъ ни было, если въ удовлетвореніе военныхъ потребностей захотятъ *почтить* («почестити») *царя* и *у него* остаться (на службѣ)

географич. назв. «Колбяжичи», и съ глагол. «колобоить», употребительномъ въ сѣверной Россіи,—т. е. говорить *околичности*, нести *околесицу* (ср. Дополн. къ Опыту областн. великорусск. Словаря, изд. Акад. Наукъ, стр. 84). Патріархъ Фотій говоритъ о подчиненіи руссамъ *окружного* населенія. По Димешки, *келябіи* живутъ на берегахъ Варяжскаго моря (Frähn: Ibn-Foszlan's Berichte, 192—194). Въ скандинавскихъ сагахъ: «Kyblingar, Kilpingar, Kylfingar», торговавшіе съ финнами. Исландскій аббатъ Николай (XII в.) пишетъ, что на сѣверѣ лежитъ земля «Kylvingarum, quam vocamus regnum Gardarum»; а въ географич. соч. Хаука Эрлендзона (XIV в.): «Russia, quam nos Gardarikiam appellamus» (Ant. Russes).

[1]) Ср.: «аще кто челядина пояти хочетъ» (ст. 15 Анад.);—«свой челядинъ пояти, а оному платити» (ст. 37). По договорамъ 912 и 945 г: «Аще *ускочитъ* челядинъ».—«Ускочи Игорь *у половець*»., т. е. отъ половцевъ (Лавр. подъ 1186 г.). А *оу кого* стулится должникъ въ записи (ст. 93 Пск. суди. гр.), т. е. *отъ котораго* спрячется или укроется,—уклонится отъ платежа.

[2]) «Отъ *людій* царства нашего ускочитъ челядинъ нашъ къ вамъ». Плѣнъ, въ X в. и позднѣе, былъ источникомъ рабства, противъ чего возставалъ 3-й Латеранскій соборъ 1179 г. и церковные проповѣдники. По словамъ императора Маврикія, у славянъ плѣнные... «in servitute tenentur», но «ablata mercede, velent dein reverti ad suos aut manere apud ipsos».. По Ибнъ-Дасту (около 912 г.), руссы обращали плѣнныхъ въ рабство. Клятва пословъ Игоря «да будуть *раби*... да будетъ *рабъ*» предполагаетъ взятіе въ плѣнъ. Примѣръ работы въ смыслѣ службы: князья болоховскіе «обѣщашася (Даніилу Романовичу) *работы* быти» (Ипат. 527).

(«и хотять остати *у царя*»),—«своею волею да будуть», т. е. пусть располагаютъ (собою) по своей волѣ [1]). Не повторяя извѣстныхъ фактовъ, касающихся почетной службы варяговъ у греческихъ императоровъ, отмѣчу лишь, что когда крестоносцы захватили Царьградъ въ 1204 г., то изгнали изъ города варяговъ,—«иже бяхуть *ся остали*» (Воскр. лѣт. т. VII); въ оставшихся дружинахъ были, вѣроятно, и русскіе. Упомянутый договоръ охраняетъ имущественныя права отсутствующихъ наслѣдниковъ послѣ умершихъ въ Греціи на службѣ у царя русскихъ, возлагая на греческое правительство заботу о возвратѣ *не завѣщаннаго* ими имущества, кому слѣдуетъ, чрезъ посредство забирающихъ товаръ русскихъ,—разныхъ лицъ, приходящихъ въ Грецію и въ ней подолгу остающихся («удолжающихъ») [2]). Первая половина статьи трактуетъ объ умершихъ *безъ завѣщанія*: «Аще кто умреть, не урядивъ своего имѣнья, ци и *своихъ* не имать, да възвратить имѣнье къ *малымъ* (въ нѣкот. сп.: «къ милымъ») *ближикамъ* въ Русь». Подъ «своими» часто разумѣютъ нисходящихъ, а подъ «малыми ближиками»—боковыхъ родственниковъ (напр. Владим.-Будановъ—Обзоръ ист русск. пр., стр. 407, Ключевскій—Боярская дума древн. Руси, гл. V), тогда какъ ближніе убитаго, и нисходящіе, и боковые, по договорамъ, расправляются, въ качествѣ мстителей, съ убійцей и получаютъ часть его имущества [3]). В. Никольскій, въ диссертаціи «О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русскомъ правѣ», подвергъ статью весьма подробному разбору и все-таки не далъ вполнѣ удовлетворительнаго комментарія, пренебрегши актами, на которые обратилъ вниманіе А. Неклюдовъ, хотя, къ сожалѣнію, безъ связи съ договоромъ 912 г., въ изслѣдованіи о зауморщинѣ (Начало снош. Россіи съ Турціей, Сб Моск. Гл. Арх. М. И. Д.). Въ 1492 г. вел. князь Іоаннъ III Васильевичъ вступилъ въ сношенія съ турецкимъ султаномъ Баязетомъ по поводу притѣсненія русскихъ гостей»

---

[1]) Ср. ст. 68 Русской Правды Кар. сп: «ждутъ ли ему, продадутъ ли его, *своя имѣ воля*». Такъ и въ Смоленской Правдѣ взаимная военная помощь нѣмцевъ и русскихъ зависитъ отъ ихъ воли: «аже самъ хочеть, тотъ ѣдеть»....

[2]) Ср. «удолжися остои въ градѣ» (Лавр. 124). Къ такимъ удолжающимъ принадлежали напр. руссы, принимавшіе участіе въ критской экспедиціи грековъ 949 г., на семи вспомогательныхъ судахъ, дѣйствовавшихъ въ Диррахіи и Далмаціи: «Russorum erant viri 584, quibus si accensentur 45 pueri seu servi in castris servientes, erant russi universi 629». J. Strittter: Memoriae popul., т. II, 972 и 973).

[3]) М. Владимірскій-Будановъ, утверждая, что къ боковымъ родственникамъ, по Русской Правдѣ, не могло переходить имущество наслѣдодателя, ни по завѣщанію, ни по закону (Обзоръ, 410), въ примѣч. къ ст. 13 договора Игоря поясняетъ, что общественная власть удовлетворяетъ родственника—*наслѣдника* убитаго (Христ. по ист. русск. права). Нельзя, однако, допустить, чтобы законъ Ярославовъ «мстить брату брата» былъ чуждъ руси X в.

отправлявшихся съ торговою цѣлью въ занятыя турками греческія земли. «Нигдѣ», писалъ вел. князь, «такая сила не чинится надъ нашими гостьми, какъ въ салтановѣ землѣ: разболится человѣкъ да учнетъ товаръ свой давати *брату своему, или племяннику, или съ товарищомъ своимъ учнетъ посылати къ женѣ своей да къ дѣтямъ*, и они еще у живаго у него товаръ его отъимутъ, а товарищовъ его къ нему не припустятъ. И мы нынѣ, на сей веснѣ, тѣхъ дѣля дѣлъ своихъ гостей въ Азовъ и въ Кафу [1]) не отпустили... Еще нашихъ гостей будетъ *человѣкъ пять или шесть въ одномъ котлѣ* и одинъ человѣкъ изъ нихъ разболится какою болестью, да еще онъ живъ... а они отъ него всѣхъ его товарищовъ отошлютъ, а у тѣхъ... товаръ запечатаютъ, а какъ тотъ человѣкъ умретъ и они у всѣхъ у нихъ товаръ возмутъ, а назовутъ тотъ товаръ того мертваго человѣка»... Въ грамотѣ Баязета отъ 1497 г. приводится твѣтъ по содержанію рѣчей русскаго посла: «А кой дей отъ твоихъ гостей умретъ, а свой животъ кому прикажетъ, а мои дей зауморщики того живота тѣмъ приказникомъ не даютъ»... Возражая на это, Баязетъ ссылается на принимаемыя его зауморщиками охранительныя мѣры. Товаръ больного описываютъ, «доколѣ оможется», выздоровѣвшему товаръ возвращаютъ; товаръ умершаго отдаютъ на сохраненіе «дотолѣ, хто по тотъ животъ приѣдетъ, а какой человѣкъ больной, не будетъ у него *никово* (Неклюдовъ прибавилъ—«изъ своихъ», чего нѣтъ въ текстѣ), а вѣсхочетъ духовную писати на чье имя заочи, кого воименуетъ, кадый ему духовную напишетъ, и онъ умретъ»... Употребивъ часть имущества на похороны, «остатокъ жывота взявъ, блюдутъ, доколѣ тотъ его *приказчикъ* приѣдетъ, на чье имя писалъ... и они ему исъ тово живота дадутъ половину по обыску, а другую половину дадутъ зауморщикомъ... А коего твоего человѣка не станетъ *въ нашей землѣ*, гдѣ ни будетъ, а *тутъ у него будетъ братъ, или племянникъ*... приди къ кадыю да ему скажися,—братъ-ли, или племянникъ, и свидѣтелей на себя постави, и они правду Божію дадутъ, да животъ возмутъ». При отсутствіи подлѣ умершаго родныхъ, имущество сохраняется въ теченіе года,—«или

---

[1]) Въ 1476 г. «турове взяша Кафу (нынѣ Феодосія) и гостей московскихъ много побиша, а иныхъ поимаша, а иныхъ пограбивъ, на окунъ подаваша» (Воскрес. т. VIII, 181). Гости московскіе отправлялись великимъ княземъ въ Крымъ, а позднѣе въ Царьградъ, съ послами. Въ 1497 г. Иванъ Васильевичъ послалъ пословъ своихъ въ Крымъ, къ царю Менглигирѣю, князи Ивана Звѣнца, а въ Царьградъ, къ султану Баязету, Михаила Плещеева, «и съ ними *многыхъ гостей* съ Москвы отпустилъ» (Ib. стр. 233). Споры о зауморщинѣ продолжались до 1501 г., когда гости жаловались великому князю, что имъ «сила чинится въ судѣ .. къ Кафѣ: чего станетъ искать русинъ на бусурманинѣ, или хто изъ русскихъ умретъ, и если у русскихъ не будетъ свидѣтеля бусурманина, то сколько бы ни было свидѣтелей русскихъ, судьи имъ не вѣрятъ и русиновъ обвиняютъ въ судѣ и въ *зауморкахъ*»... (С. Соловьевъ: Ист. Рос., т. V, гл. IV).

кто пріѣдетъ о томъ статкѣ... кадый обыскавъ, ему тотъ животъ отдастъ. А если у больного *не будетъ съ нимъ роду его ни племени, а языкъ его говоритъ, и онъ себѣ пишетъ духовную на имя сыну ли, или брату* [1]), *или племяннику, кто будетъ у него на Руси*, и духовную бы писалъ собѣ передъ добрыми людьми». Пріѣзжему имущество отдавалось по повѣркѣ... «А который человѣкъ въ моей землѣ умретъ, а брата у него *тутo* не будетъ, ни племяни, и язъ тѣ дѣла приказалъ своимъ людемъ беречи... а его самого похоронити и по немъ поправити, какъ се будетъ его приказъ въ духовной» (Собр. Гос. Гр. и Догов. ч. V, № 22, 23, 34). Турки, въ 1453 г., завоевавъ Царьградъ и затѣмъ окрестныя земли, столкнулись съ обрядами, соблюдавшимися тамъ искони греками по отношенію къ имуществу умершихъ русскихъ гостей. Нарушеніе турками освященныхъ договоромъ стародавнихъ правилъ вызвало протестъ вел. князя Іоанна Васильевича, имѣющій для насъ, въ связи съ попыткой султана оправдать турецкое правительство, очень важное значеніе, косвенно помогая разъяснить договорную статью о наслѣдованіи. Если умершій *безъ завѣщанія* не имѣлъ подъ рукою никого изъ своихъ (родныхъ) [2]), кому бы наслѣдственное имущество могло быть поручено или передано, то оно *возвращалось* къ его *малымъ ближикамъ* въ Русь, при содѣйствіи греческаго правительства, принимавшаго охранительныя мѣры [3]). Такъ и по ст. 111 и 115 Русской Правды Кар. сп., имущество умершаго подлежало *возвращенію* опекунами

---

[1]) Ср. изданную И. Срезневскимъ духовную новгородца Климента, XIII в.: «Того дѣля написахъ, занъ да не было *у мене, брата, ни сыну*».. Всѣ читаютъ: «не было у мене брата, ни сыну». Дѣло въ томъ, что самъ завѣщатель, «рабъ Божій, постригшись въ чернецы, поступилъ въ среду монашеской *братіи*, къ которой обращено завѣщаніе и въ пользу которой оно составлено, называя *себя* братомъ. Въ концѣ онъ угрожаетъ нарушителямъ завѣщанія стать предъ Богомъ не съ нимъ однимъ, завѣщателемъ, но со всѣмъ *его племенемъ*. Въ посланіи къ Мстиславу, подъ 1287 г., Владиміръ Васильковичъ заявлялъ:.. «а *ни* у мене дѣтей, а даю тобѣ... землю свою всю и городы, по своемъ животѣ» (Ипат. 591).

[2]) Въ статьѣ не упомянуто—*здѣ* именно умершій «своихъ не имать», но точно также и въ 84 ст. Псковской грамоты: «А которой изорникъ поумретъ оу государи на сели, а *не будетъ оу него* (т. е. въ селѣ) ни жены, ни дѣтей, ни брата, ни племени»,—государю (хозяину) предоставляется попродать изорничъ животъ въ возмѣщеніе своей покруты,.. «а потомъ(ъ) *у племени изорничи ни брату* не сочить живота изорнича». Читаютъ—«потому» неправильно.

[3]) Когда нельзя было призвать къ опекѣ ближайшаго родственника (tutela legitima), опека назначалась правительствомъ (tutela dativa). Договоръ предполагаетъ существованіе малолѣтнихъ наслѣдниковъ на родинѣ умершаго въ Греціи безъ завѣщанія и, слѣдовательно, не сдѣлавшаго распоряженія объ опекѣ, возможнаго въ случаѣ оставленія умершимъ завѣщанія (tutela testamentaria).

законнымъ наслѣдникамъ. Порядокъ наслѣдованія членовъ рода въ договорной статьѣ не указанъ. Онъ зависѣлъ отъ мѣстныхъ національныхъ обычаевъ и обстоятельствъ каждаго даннаго случая. *Свои* въ договорѣ—домашніе, близніе или родственники. То же самое въ законѣ XII таблицъ о наслѣдованіи. *Sui*, по толкованію Гая,—*domestici*. Въ 941 г. русскіе «повѣдаху кождо *своимъ*» о гибельномъ дѣйствіи греческаго огня. Подъ 980 г., въ лѣтописномъ разсказѣ о добродѣтельной женѣ читаемъ: «не печется мужъ ея о *дому своемъ*... вси *свои* ея одѣни будуть»... Въ Измарагдѣ (изд. Яковлева) сказано: «Егда милостыню твориши,.. ближнихъ бо роду своего не презри; первые *домашняя своя и родъ свой* безъ печали створи».. *Свои* могли быть и дѣти, и иные родственники: «Аще кто роздѣлитъ домъ *дѣтемъ своимъ*, на томъ же стояти; паки ли безъ ряду умреть, то всѣмъ дѣтемъ»... (Ст. 103 Русск. Пр. Карамз. сп.). «*Свой* ми еси *сестричичъ*» (Ипат. 233), и т. под. За своихъ можно было мстить. Въ 1071 г. Янъ, мужъ в. кн. Святослава, вопрошалъ: «ци кому (изъ) васъ *родиха* убьенъ отъ сего (волхва)? Они же рѣша: мнѣ *мати*, а другому *сестра*, и иному *родиче*. Онъ же рече имъ: мьстите *своихъ*». И. Срезневскій и многіе другіе предпочитаютъ эпитетъ «къ *малымъ*» [1])—«милымъ» ближикамъ (Рада. и сходн. съ нимъ сп.). Второе чтеніе, хотя отвѣчаетъ естественному чувству привязанности и любви между родными (эпитетъ «милый» былъ очень употребителенъ и вполнѣ умѣстенъ [2]), однако, нельзя отвергать существованія въ погибшихъ старѣйшихъ спискахъ договоровъ выраженія «малымъ ближикамъ», откуда оно проникло въ наиболѣе сохранившіеся списки, почему Н. Хлѣбниковъ основательно принялъ это чтеніе (Общ. и Госуд. въ домон-

---

[1]) «Виждь своего *малаго*», восклицалъ Иларіонъ въ мысленномъ обращеніи къ умершему кн. Владиміру, разумѣя его малолѣтняго сына Георгія-Ярослава. «Игорь *малъ* бѣ—дѣтескъ вельми» (Ник., т. IX. 15). «Аще боудуть въ домоу дѣти *малы*»... (Русск. Правда). «А што будуть *малыи* дѣти, ниже 7 годовъ» (Судебн. Казим. Ягел. XV в.) Вел. князь Всеволодъ молвилъ новгородцамъ: «сынъ мой, а вашъ князь—*малъ*, а даю вы сынъ свой старѣйшій» (Соф. подъ 1205 г.). Въ словарѣ И. Срезневскаго единственный примѣръ: «Князь еще *малъ* бяше» (Новг. 1, подъ 1264 г.). По достиженіи 12 лѣтняго возраста, дѣти, по крайней мѣрѣ княжескія, допускались къ самостоятельной присягѣ. По догов. можайскаго князя Ивана Андреевича съ вел. кн. Василіемъ Васильевичемъ и его дѣтьми 1448 г., послѣднія имѣли *сами* крестъ цѣловать къ нему, Ивану, когда имъ «исполнятся... по *двенатцати лѣтъ*» (Собр. Гос. Грам. и Догов., № 68).

[2]) «Ярославъ... не бѣ вѣдалъ такого встанья на сына своего *милого* Олександра» (Лавр. 455). «Всеволодъ ѣха по *милое* свое дочери». Конрадъ Мазовецкій въ 1281 г. обращался къ русскимъ дружинамъ, какъ къ милой братіи: «братья моя *милая*, руси, потягнете за одно сердце». «Княгини моя *мила*... *миловаста* ю (пріемыша Изяслову) аки свою дщерь» (Ипат. 443, 584, 593), и т. п.

гольскій періодъ). Въ концѣ концовъ необходимо, по моему мнѣнію, упразднить вопросъ о тождествѣ малыхъ съ *отдаленными* родственниками и склониться къ совершенно новому выводу: о принятіи греческими властями мѣръ къ охранѣ и возвращенію имущества умершаго безъ завѣщанія въ Греціи русскаго, въ Русь для своевременной передачи малымъ, т. е. *малолѣтнимъ* его родственникамъ, при наличности на родинѣ умершаго *малыхъ* дѣтей или иныхъ близкихъ и при отсутствіи около умершаго возмужалыхъ ближиковъ [1]), которые могли бы сами позаботиться о наслѣдственномъ имуществѣ, *распорядиться* имъ, либо *взять* его, какъ, непосредственно, или чрезъ *душеприкизчиковъ*, можетъ взять тотъ, кому отказано имѣніе по завѣщанію умершаго—«*взяметь* уряженое его... отъ *взимающихъ* куплю руси» [2])... Слово «малый» ни въ нашихъ, ни въ иныхъ славянскихъ юридическихъ памятникахъ никогда не прилагается въ смыслѣ, приданномъ ему Срезневскимъ, *незначительнаго* (по кровной связи) родственника (Словарь древнерусск. языка). Его взгляду противорѣчатъ и примѣры, приведенные имъ подъ словомъ *ближикъ* или ближика, означающимъ всякое близкое родство, безъ подраздѣленія его на *большее* или *меньшее*, которые дополню двумя выдержками въ подкрѣпленіе моего взгляда на малыхъ ближиковъ: По ст. 29 Юстиніанова закона, приведеннаго Губе въ славянскомъ переводѣ (О знач. правъ римск. и римсковизант. у слав.): «Аще кто ухватитъ мужа съ своею женою или *дщерью*, или *инако ближикою*»... По ст. 31 Зак. Винодольскаго, за убійство кметя уплачивалось 100 либръ «*ближикамъ* онага, ки се убиенъ». Половину берутъ «*дитце* убиеного, ако има дитцу, а други пол него *ближика*», т. е. *остальные ближики*». Итакъ юридическіе памятники включаютъ дѣтей въ кругъ ближиковъ, иногда формально выдѣляя ихъ изъ общей массы ближиковъ, *ближнихъ*, что одно и тоже [3]). Въ

---

[1]) И. Бѣляевъ перевелъ: «не будетъ имѣть *при себѣ* своихъ» (Лекціи по ист. Русск. законод., стр. 71), а Н. Хлѣбниковъ.. «*при себѣ* ближнихъ» (Общ. и госуд. въ до монг. пер. стр. 115).

[2]) Конструкція статьи такова, что легко принять «взимающихъ куплю... различныхъ ходящихъ въ Грекы»... за наслѣдодателей, но о нихъ во множественномъ числѣ говорится только въ заголовкѣ—«о работающихъ»..., въ самомъ же текстѣ статьи наслѣдодатоль упоминается въ *единственномъ* числѣ: «*кто* умреть.... *створить* обряженіе... уряженое *его*, кому будеть *писалъ*»... Роль посредниковъ между завѣщателемъ и наслѣдникомъ играли *забиравшіе* въ Греціи товаръ русскіе гости, предполагаемые *душеприказчики*. Вмѣстѣ съ товаромъ они привозили въ Русь наслѣдственное имущество, а отъ нихъ *получалъ*, прямо или чрезъ опекуновъ, тотъ, кому оно отказано. Выраженіе «таковый възметь... кому будеть писалъ наслѣдити имѣнье да наслѣдить е», предлагаю перевести такъ: тотъ возметъ... кому писалъ наслѣдовать имѣнье, съ тѣмъ чтобы *унаслѣдовалъ*, т. е. осуществилъ наслѣдственное право согласно волѣ завѣщателя.

[3]) См. договорн. ст. объ убійствѣ, позднѣйшіе юридич. акты и богатый Словарь Срезневскаго.

договоры, заключенные между греками и венеціанами съ X вѣка, вошли постановленія объ охранѣ наслѣдственнаго имущества умиравшихъ въ Греціи венеціанъ. Договоръ 977 г. ссылается на обоюдное установленіе объ имуществѣ умершаго въ Греціи венеціанца. По договору 1123 г., въ случаѣ смерти съ языкомъ (завѣщаніемъ) и безъ языка, имущество, умершаго препровождается въ распоряженіе венеціанъ: «si veneticus ordinatus, vel *inordinatus*, quod nos *sine lingua* dicimus, obierit, res sue in potestatem veneticorum reducantur». Въ привиллегіи, данной венеціанамъ императоромъ Алексѣемъ III въ 1199 г., приводится ихъ просьба оградить имущество скончавшагося на греческой территоріи венеціанца отъ самоуправныхъ захватовъ мѣстными державцами и обезпечить распредѣленіе наслѣдственнаго имущества согласно волѣ умершаго, или его *душеприказчиками*, если онъ умеръ, составивъ завѣщаніе, или *тѣми изъ венеціанъ, которые въ то время тамъ обрѣтутся*. Императоръ уважилъ просьбу и выдалъ по этому поводу особый хрисовулъ. Наконецъ, грамотою императоръ Левъ II, подтверждая силу завѣщаній венеціанъ, умершихъ въ Греціи, и объ оставленіи наслѣдственнаго имущества *въ рукахъ венеціанца, или кого либо иного* при отсутствіи на мѣстѣ венеціанца, все равно—оставилъ или неоставилъ умершій завѣщаніе, повелѣваетъ имущество умершаго передавать всецѣло, для охраны, *архіепископу*, съ тѣмъ чтобы потомъ оно возвращалось по принадлежности дипломатическимъ путемъ (Tafel и Thomas: Font. rer. Austr. в. XII, № 15, 49, 85, 94). Въ приведенныхъ актахъ духовное завѣщаніе разсматривается, какъ «ordinatio», соотвѣтствующее уряженію или обряженію—завѣщательному обряду Олегова договора, пользовавшемуся такимъ же покровительствомъ у грековъ, какимъ пользовались у римлянъ духовныя завѣщанія иностранцевъ (Ulp. 20 § 14). Оно называется языкомъ (lingua), какъ *изустное* объявленіе воли, не только въ Правдѣ Ярослава и его преемниковъ («аще умретъ *безъ языка*» и т. д.), въ письмѣ Владиміра Мономаха къ Олегу («Черниговъ *языкомъ* братьѣ пожаловахъ») и другихъ русскихъ памятникахъ, но и у южныхъ славянъ, напр. въ хрисовулѣ Стефана Родослава 1234 г. (P. Safarik: Pom. drewn. pism. 18), въ мирномъ договорѣ Дубровника съ царемъ болгарскимъ Михаиломъ Асѣномъ 1253 г. Изъ послѣдняго видно, что правительство договаривающейся стороны принимало подъ свою охрану имущество умершаго въ его владѣніяхъ чужеземца, когда съ умершимъ не было *товарищей*, передававшихъ имущество наслѣдникамъ: «Аще ключить сьмьрть некому человѣку или купьцу отъ твоего св. ти царства, или человѣку или купьцу Петра высокого севастократора въ княжство Дубровьско, или *съ езикомъ* или *безъ езика*, и да будеть *безъ дружине*, да весь добитькъ онога мьрьца чинимо написати, и егда тво св. царьство за ихъ пошлеть свое книге (грамоту), да дамо»... и т. д. (F. Miklosich: Monum. Serb., № 11). Изустное

объявленіе воли переходило въ *память*, обыкновенно излагавшуюся *письменно*, какъ и посольская память. Почти всегда завѣщаніе называлось *словомъ*, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы завѣщательное слово не предавалось письму. Всѣ извѣстныя намъ завѣщанія—*слова* облечены въ письменную форму [1]), которая была даже обязательна по договору 912 г.: «возметъ уряженое его, кому будетъ *писалъ* наслѣдити имѣнье его»; поэтому завѣщаніе представляется изустною грамотою или памятью [2]), какъ напр. духовная князя Ивана Глинскаго 1586 г.: «душя моя устроити и дочеришкомъ промыслити и людишка надѣлити по сей моей *изустной грамотѣ*» (Н. Лихачевъ: Сб. актовъ, в. I, № 191). Исключительно словесныя духовныя завѣщанія, «чтобы и рукописанія не было», знаетъ Псковск. судн. грам. (ст. 100) и узаконяетъ ихъ.

Обезпеченіе союзныхъ торговыхъ интересовъ и правъ договаривающимися государствами простиралось на лодьи, потерпѣвшія крушеніе или бѣдствіе (naufragium). Русскіе и греки обязались, по договору 912 г., въ статьѣ седьмой, взаимно содѣйствовать возвращенію такой лодьи въ свою страну и сбереженію ея груза. Подобная же статья находится въ договорахъ грековъ съ венеціанами, генуэзцами и иными державами. Такое же, въ сущности, обязательство, неоднократно повторялось въ договорахъ сѣвернорусскихъ княжествъ съ Ганзою и вошло, между прочимъ, въ довольно сходной сравнительно съ договорами X вѣка редакціи, съ нѣкоторыми варіаціями, въ торговый договоръ Смоленска съ нѣмцами 1229 г. Въ упомянутой статьѣ ярко отразилась совмѣстная совѣщательная работа пословъ русскихъ и греческихъ. Въ ней разглагольствуютъ и русскіе, и греки. Обязательство русскихъ, коимъ начинается и заканчивается статья, *пространнѣе* обязательства грековъ, помѣщеннаго въ серединѣ статьи и сводящагося къ препровожденію ими потерпѣвшей крушеніе русской товарной лодьи *въ Русскую землю* и непрепятствованію продажи груза той лодьи. Вторая половина статьи налегаетъ на усердную заботливость русскихъ о цѣлости продажнаго греческаго груза и о доставкѣ его въ Грецію. Мѣсто крушенія есть *чужая земля*, куда бурей выбрасывается лодья (по догов. 945 г.: «вывержена на коемъ любо мѣстѣ»), для грековъ земля Русская—побережья Чернаго, Азовскаго, Каспійскаго и Балтійскаго морей, для рус-

---

[1]) Владиміръ Васильковичъ объявилъ Мстиславу *словесно* свою предсмертную волю, а послѣ продолжительныхъ съ нимъ переговоровъ велѣлъ написать *духовную грамоту* (Ипат. 593, 594). «А *пишу* вамъ се *слово* того дѣля», говоритъ Семенъ Іоанновичъ въ духовной 1353 г.,—«чтобы не перестала *память* родителей нашихъ и наша и свѣча бы не угасла» (Собр. Гос. Гр. и Дог. № 24).

[2]) Изустною памятью назывался и предсмертный разсказъ о какихъ либо важныхъ событіяхъ, записанныхъ со словъ умирающаго Такова изустная память 1626 г. инока Іоны (А. Истор. т. III, № 141).

скихъ земля Греческая, съ Корсунскою страною, свобода которой гарантируется спеціальною статьею того договора, причемъ принимается въ соображеніе и ставится непремѣннымъ условіемъ препровожденія бѣдствующей лодьи въ свою страну *близость* мѣста крушенія въ чужой территоріи отъ своей территоріи, русской, или греческой. Подъ «чужую землю» отнюдь нельзя подводить землю третьяго народа или государства, ибо въ Смоленскомъ договорѣ съ нѣмцами, въ договорахъ грековъ съ венеціанами, пизанцами и генуэзцами X—XII в. и позднѣйшихъ нашихъ договорахъ мѣсто разбитія судна—челна или корабля не переносится за границы областей дружественной державы [1]). Помощь оказывается выброшенной бурею на берегъ греческой лодьѣ, если обрѣтутся тамъ русскіе: «обрящуться тамо иже отъ насъ, руси, да аще кто,—идеть снабдѣти лодью съ рухломъ своимъ (т. е. оснастить съ ея грузомъ) и отсылати паны на землю хрестьянскую». Трудовая помощь («спотружаемся гребцемъ тои лодьи») тѣми, кто тамъ окажется, подавалась настолько, насколько она вызывалась недостаточностью у постигнутыхъ несчастьемъ отъ бури собственныхъ силъ и средствъ для спасанія лодьи и отправки ее въ отечество. И по Смоленскому договору, затонувшій товаръ извлекался на берегъ *своею* дружиною,—тѣхъ, у кого разбилось судно, другая сторона привлекалась къ сотрудничеству «аже надобѣ ему *болше* помъчи» (ст. 44). Въ договорахъ Новгорода съ Ганзою говорится, что при кораблекрушеніи никто не смѣетъ причинять какое либо зло пострадавшимъ, а, напротивъ, каждый долженъ оказывать имъ всякое зависящее отъ него покровительство и пособіе (см. м. пр. А. Лерберга: Изслѣд. къ объясн. др. русск. ист., стр.

---

[1]) Въ грамотахъ 1140 и 1153 г. Раймунда и Райнальда Антіох.: «si naufragium in *terra mea* seu in *terra baronum meorum* passi fuerint de rebus suis nihil perdant salve quanto melius possint et navem et omnia sua recolligant».. (Font. rer. Austr. XII, № 46, 55). Въ догов. 1495 г. между датскимъ королемъ Іоанномъ и в. кн. Іоанномъ Васильевичемъ условлено: «Если случайно которые изъ нашихъ подданныхъ, застигнутые бурею на морѣ, причалятъ *къ берегамъ его государства*, или которые изъ подданныхъ его—*къ берегамъ нашего владѣнія*, таковыхъ обоюдно мы и онъ, наши и его приставы и смотрители, должны не только оставлять неприкосновенными пожитки и товары, но и оказывать имъ возможную помощь безъ всякой мзды и притѣсненія»... (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 110). Въ грамотѣ царя Ѳеодора Іоанновича 1584 г. купцу Говарду съ товарищами о свободной торговлѣ въ Россіи сказано: «.. а придетъ Англинскіе земли гостемъ и купцомъ на море которое изнеможенье—разобьетъ корабль и принесетъ тотъ корабль къ которому мѣсту *нашея земли* и мы животы ихъ велимъ сыскати въ правду»... (Ib. № 141). По Столбовскому договору 1617 г., между русскими и шведами, условлено: если корабли или суда подданныхъ обоихъ государствъ разобьетъ бурею и принесетъ къ берегу или *Соленаго моря*, или *Ладожскаго озера*, то ихъ отпускать безъ замѣшки со всѣмъ имѣніемъ, которое сберегутъ, а прибрежнымъ людямъ имъ помогать и беречь ихъ имѣніе (С. Соловьевъ: Ист. Рос., т. IX, гл. 1).

210, 211). Такое же правило помѣщено въ договорахъ грековъ съ латинянами XI—XIII в. Выраженіе «допровадимъ съ куплею ихъ (товаромъ) *поздорову-ти*»[1]) имѣетъ въ виду защиту въ «страшныхъ», опасныхъ мѣстахъ отъ непогоды и разбойническихъ нападеній кочевниковъ на морскихъ и рѣчныхъ побережьяхъ, состоявшихъ подъ владычествомъ вел. князя русскаго: «аще таковая лодья отъ буря или бороненія (препятствія) земного боронима (обороняема будучи), не можетъ възборонитися (побороть препятствіе къ возвращенію) въ своя си мѣста»...[2]).

Изслѣдованіе договорной Правды X в. закончу разборомъ составленныхъ примѣнительно къ византійскому законодательству и славянорусскимъ обычаямъ (Маврикій и др.) постановленій о выкупѣ плѣнныхъ и о содѣйствіи одного государства другому къ выдачѣ преступниковъ. Правила о выкупѣ и освобожденія плѣнныхъ, по моему чтенію и буквальному переводу, излагаются такъ въ договорѣ 912 г.: 1) Если плѣнникъ обѣихъ странъ содержится, *русскими, или греками, будучи проданъ въ иную*[3]) *страну* (греческую, или русскую), если обрѣтется (плѣнникъ) русскій или грекъ, да выкупятъ его (въ Лавр. ошибочно—«не купятъ»), и возвратятъ выкупленное (или по выкупѣ—«искупленное») лицо (въ нѣкот. сп. ошибочн. «лицемъ») въ свою страну, и возмутъ *цѣну его* покупщики («купящіи»), или полагается (Радз. «вмѣняется»), въ возмѣщеніе покупки, на уплату («или мнится[4]) въ куплю на дачу») *челядинная цѣна*. 2) Также, если вой-

---

[1]) Въ ст.—«допровадимъ» и «да проводимъ». Ср: «одва *препровадиша* рѣку Лютую.—Кто ми *допровадить* рать мою домовь.—Рогволодъ изъ Полоцка *допроводи* Святослава до Смоленска» (Ипат. 359, 485, 577). Въ путевыхъ запискахъ своихъ Аѳанасій замѣчаетъ, что морскимъ бурномъ судно «разбило о берегъ,.. Василей *поздорову* пришелъ, а мы пограблены», и что по Индѣйскому морю «не пройти никакому костяку (ср. kosten –костяи во многихъ юридич. актахъ); кто ... не увидитъ, тотъ *поздорову* не проидетъ моремъ» (Лѣтоп. т. VI, 331, 338).

[2]) Тацитъ приводитъ одинъ случай гибели римскихъ кораблей отъ бури у береговъ Крымскаго полуострова еще въ 1-мъ столѣтіи, когда они возвращались домой послѣ пораженія Босфорскаго царя Митридата. «Корабли выброшены были на берега Тавриды и окружены варварами, которые убили префекта когорты и многихъ центуріоновъ (Annal. lib. XII, 17).

[3]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ—«ону», т. е. другую. *Иная* страна, одна изъ «обою страну», противополагаемая «своей странѣ», для грековъ Русская, для русскихъ Греческая (ср. въ др. ст.—«страна Русская, страна Греческая»), но отнюдь не третья страна, откуда договорный выкупъ плѣнныхъ былъ бы не мыслимъ,—хотя однажды договоръ 945 г. называетъ третьи страны иными: «... да увѣдятъ *иныя страны* каку любовь имѣютъ греци съ русью» (ср. 26 ст. Смоленск. Правды).

[4]) «Мнится»—отъ глагола мнѣти— полагать (ср. Лавр. 398 и др., а также Словарь Срезневск., т. II, 228—230, гдѣ договорное выраженіе пропущено.

скомъ захваченъ будетъ (кто либо) изъ тѣхъ (содержащихся въ иной странѣ) *грековъ*, также да возвратится въ свою страну и отдана будетъ *цѣна его*, какъ сказано, какъ сдѣлана покупка («яко же есть купля»). Два правила: а) о выкупѣ *русскихъ и греческихъ* плѣнныхъ, попавшихъ, *но продажъ* тѣхъ или другихъ, *въ союзную страну*, и б) о выкупѣ у русскихъ *греками* плѣнныхъ своихъ соотечественниковъ, непосредственно взятыхъ *на войнѣ* договаривающихся сторонъ и пребывающихъ въ Руси, соединяются учеными напрасно въ одну статью; по смыслу подлинника и по принятой договорами системѣ разглавленія, при сопоставленіи этихъ правилъ съ соотвѣтственнымъ постановленіемъ договора 945 г., необходимо раздѣлить ихъ на двѣ статьи. 3) Множество [1]) изъ какой либо страны (третьей) приходятъ *въ Русь* (плѣнниковъ разныхъ національностей) и продаются христіанамъ, притомъ-же («еще-же») *изъ грековъ* плѣнныхъ множество изъ какой либо страны приходятъ *въ Русь*; вотъ этимъ быть продаваемымъ («се продаеми бываютъ») по 20 золотыхъ («золота»), и пусть возвращаются *въ Грецію*, т. е. продажная при выкупѣ цѣна каждаго изъ сихъ грековъ за освобожденіе и возвращеніе въ Грецію исчисляется въ 20 «aureos» или «златицъ» (Никон.). [2]) Такъ какъ греки вели безпрерывныя войны, то и ихъ плѣнники въ большомъ количествѣ продавались по разнымъ странамъ, откуда перепродавались въ Россію. Игорь, въ ознаменованіе любви къ грекамъ, возвѣщенной миромъ 945 г, одарилъ ихъ пословъ, вѣроятно, тою *челядью* греческою, которая содержалась у него въ плѣну. Такую же челядь, препровождавшуюся для продажи изъ Руси въ Царьградъ, разумѣли: и Ольга въ обѣщаніи своемъ послу Цимисхія Косомѣру прислать царю «*челядь*, воскъ, скору и воевъ въ помощь» (Ник. т. IX, 30), и Святославъ,

---

[1]) Ср.: «отъ русскаго плѣка *множайшихъ* порази и устроеннѣмь огнемъ *множайшее* корабле пожеже» (Лавр. изд. I, прилож., 245).

[2]) Цѣна эта имѣетъ основаніе въ римскомъ законодательствѣ. Источники приведены у Ф. Круга (Zur Münzkunde Russland's.—Критич. разысканія о древне русск. монетахъ, стр. 117 — 119). Не предпринимая нумизматическихъ изысканій, мы можемъ легко составить себѣ понятіе о договорномъ золотникѣ — золотомъ, если обратимся къ закону судному («Судебникъ царя Константина»). Въ главѣ этого законодат. сборника «О дѣвицѣ» постановлено, что лишившій ее невинности долженъ дать ей за посрамленіе *литру злата* (Законъ Юстиніана), «сирѣчь златицъ 72 стляя», т. е. солидовъ (около 1050 франковъ). Памятникъ, приводимый мною ниже, считаетъ литру золотую также равной 72 золотникамъ, т. е. золотымъ монетамъ. Златицы назывались стлязями въ XI—XII в. (И. Срезневскій: Словарь). Кругъ, Рейске и др. полагаютъ, что золотникъ или solidus составлялъ 74-ю долю фунта. Золотую монету имѣетъ въ виду и ограниченіе, по договору 945 г., права каждаго русскаго покупать парчу не болѣе какъ на 50 золотниковъ. Въ торговомъ оборотѣ Россіи XVII в. былъ въ ходу обмѣнъ товаровъ на *литры пряденаго золота* «по семи рублей литра» (Русск. Ист. Библ. т. XV, № 116, 127).

когда сидѣлъ въ Дунайскомъ Переяславцѣ по занятіи 80 болгарскихъ городовъ, и императоръ Константинъ Порфирородный въ описаніи пути русскихъ торговцевъ въ Грецію. Обремененные товарами, они возили съ собою и скованныхъ невольниковъ. Между челядью, которая, по словамъ Святослава, привозилась изъ Руси въ Болгарію и которою «ополонялись» русскія дружины, вѣроятно, не мало было грековъ, какъ и между тою, которая привозилась русскими, вмѣстѣ съ мѣхами, въ Итиль на устье Волги, въ Хозарію и Булгарію (Ибнъ-Даста, Якутъ и Ибнъ-Хаукаль). Въ Царьградѣ, куда издревле привозили, для сбыта, невольниковъ съ береговъ Понта (Полибій), плѣнные продавались русскими купцами на базарѣ. Въ одномъ памятникѣ сказано: «и вземъ литру злата – 72 золотникъ—и доѣха до *торгу*, идѣ-же русьтіи купци приходяще, челядь продають». (Москвит. 1845 г., № 12). Этихъ-то русскихъ купцовъ и разумѣлъ дьякъ Игнатій, говоря, что по прибытіи его съ митрополитомъ Пименомъ въ Царьградъ (1389 г.), «пріидоша къ намъ русь, живущая тамо» [1]). По Страбону, торговцы, приходившіе чрезъ Босфоръ Киммерійскій, гдѣ центральными торговыми мѣстами были портовые города Фанагорія и Пантикапея, забирали плѣнныхъ, мѣха и др. товары, которые обмѣнивали на матеріи, вина и проч. Босфоряне плѣнныхъ возили на лодьяхъ и охотно предоставляли выкупать роднымъ. Греки обыкновенно уплачивали выкупную цѣну плѣнныхъ шелковыми или парчевыми матеріями и одеждами, за которыя, напримѣръ, въ 768 г., было выкуплено около 2500 плѣнныхъ христіанъ (Nicephi., Бон. изд., стр. 86). Славянскихъ плѣнниковъ греки покупали преимущественно на морской пристани *Кархъ*, куда привозились они «въ Румскую землю» мадьярами (Ибнъ-Даста, по Хвольсону, стр. 25—27). Вѣроятно, между этими плѣнными были и русскіе.

Правила Олегова договора о выкупѣ плѣнныхъ и о челядинной цѣнѣ не подверглись коренному измѣненію въ договорѣ Игоря, а только дополнены и поясснены: въ отношеніи плѣнныхъ, *приведенныхъ* для продажи въ дружественную *страну, гдѣ выкупъ производился*, выкупа взятыхъ греками на войнѣ русскихъ плѣнныхъ и оцѣнки купленнаго греками *русскаго* плѣнника, съ точнымъ притомъ опредѣленіемъ цѣны утраченнаго русскаго челядина. Нѣкоторые, заодно съ Владимірскимъ-Будановымъ, вопреки принятому Соловьевымъ правильному чтенію, ошибочно думаютъ, что по договору 945 г. цѣна *русскихъ* плѣнныхъ уменьшена вполовину противъ гре-

[1]) Изъ кабальной грамоты 1389 г. видно, что русскіе купцы, торговавшіе въ Кафѣ и «Грецкой землѣ», пользовались большимъ кредитомъ (А. Ист. I, № 252). Кромѣ купцовъ, въ Царьградѣ проживали русскіе списатели священныхъ книгъ, которыхъ встрѣтилъ Стефанъ новгородецъ, около полов. XIV в., въ Студійскомъ монастырѣ (Сахаровъ: Сказ. рус. нар., т. II). О торгов. сношѣ. Руси съ Византіей см. W. Heyd: Gesch. d. Levantehandels, I. 65—77.

ческихъ плѣнныхъ. Въ статьѣ рѣчь идетъ не о русскихъ, но о *греческихъ* плѣнныхъ: «Елико *христьянъ* отъ власти нашея (государства нашего) пленена приведуть русь *ту́* (т. е. приведутъ руссы *сюда*, въ Грецію, на продажу), аще будеть уноша [1]), или дѣвица добра (красиван) [2]), да вдадять златникъ 10 и поимуть и», и т. д. Затѣмъ трактуется о выкупѣ *русью* «по 10 золотниковъ» (aureos) плѣнныхъ своихъ соотечественниковъ, состоящихъ въ рабскомъ услуженіи («работающихъ») у грековъ [3]). Въ послѣднемъ постановленіи, какъ и въ договорѣ 912 г., различаются двѣ категоріи русскихъ плѣнныхъ: а) взятыхъ на войнѣ греками и б) купленныхъ греками. Это обнаруживается выраженіемъ «аще купилъ будеть гречинъ»; въ такомъ случаѣ ему предоставляется взять цѣну «елико же далъ будеть на немъ» [4]); значитъ, въ число работающихъ входятъ и не купленные, захваченные на войнѣ. Постановленіе договора 912 г. о *челядинной цѣнѣ*, изъемлющее платежъ за плѣнника изъ зависимости отъ покупной его стоимости, для лица отъ коего онъ выкупается, есть принятое договаривающимися державами отступленіе отъ основного правила о такой зависимости, связанное съ постановленіемъ объ утратѣ и платномъ возвращеніи *бѣжавшихъ челядиновъ*, распространявшимся, быть можетъ, и на тѣхъ преступно порабощенныхъ, которые подверглись принудительной продажѣ—«по нужи проданъ будеть» [5]). За послѣднихъ, согласно обычаю, одинаково могла пола-

---

[1]) «Аще кто унъ, сирѣчь 17 лѣтъ» (Павловъ: Кн. закон., стр. 60).

[2]) «Оскверняюще или растлѣвающе *благообразныхъ* женъ и *добрыхъ* дѣвицъ» (А. Ист. т. I, № 159).

[3]) Ольга значительную часть плѣнныхъ древлянъ «*работъ* предасть мужемъ своимъ». Припомнимъ двукратно приведенный лѣтописью разсказъ о бѣдствіяхъ, какія терпѣли отъ кочевниковъ русскіе плѣнники: «... ови ведуться *полонени... купленi быхомъ... не пора ботахомъ*» и т. д. (подъ 1096 и 1185 г.); ср. въ догов. 945 г. «ли человѣка *поработитъ*».. Константинъ Порф., въ гл. 4-й De adm. imp., говоритъ, что печенѣги, при нападеніи на Русь, *порабощали* русскихъ женъ и дѣтей. То же самое говорилъ Владиміръ Мономахъ о половцахъ: «... на весну... пріѣхавъ половчинъ ударить смерда (пахаря) стрѣлою и *поиметь*.. и жену его и дѣти его» (Ипат. 191).

[4]) Подобное же постановленіе вошло, напр., въ договоръ 1568 г. между польскимъ королемъ Сигизмундомъ Августомъ и турецкимъ султаномъ: «... до сихъ часовъ которой полонъ былъ заведенъ до паньства нашого, тогды у кого тотъ полонъ найденъ будеть, не маеть за него больше и окупу дати, *только тое жъ за што онъ будеть купилъ*, и маеть за него справедливе присягънути—естьли онъ будеть за него только далъ» (Обол. и Данилов.: Кн. пос. в. кн. Лит., т. I).

[5]) Принудительную продажу челядиновъ надо соображать съ постановленіями Русской Правды о холопствѣ обельномъ: «Оже коупить *хотяй* (ошибочно раздѣляютъ на «хоти и») до полугривне... а когату дасть *передъ самыми холопомъ*» (Синод. сп.). Покупка холопа за низкую цѣну обращала его въ *полное* рабство только тогда, когда онъ *добро-*

гаться въ платежъ неподвижная выкупная цѣна, не исчисленная въ догов. 912 г. и равнявшаяся двумъ паволокамъ (имперіаламъ) за бѣжавшаго и не отысканнаго челядина русскаго по договору 945 г., коимъ предусматривается сокрытіе отъ русскихъ гостей обреченнаго, очевидно, на продажу челядина, по прибытіи ихъ въ Грецію и поселеніи ихъ у св. Мамы: «*понеже* (послѣ того какъ) придуть въ страну царстія нашего» [1]). Упомянутая выкупная цѣна за подростковъ, старцевъ (5 золотниковъ) и не вполнѣ подходящихъ, по возрасту, къ отборному, наиболѣе дорогому разряду плѣнной челяди средовѣчей (8 золотниковъ), простиралась, несомнѣнно, также на русскихъ плѣнниковъ. Возвышеніе выкупной цѣны плѣнныхъ, попавшихъ въ Русь изъ *третьей* страны (20 золотыхъ по догов. 912 г.), являясь мѣрой, направленной къ облегченію участи перепродаваемыхъ въ отдаленныя страны или «въ поганыя» (см. посл. митр. Іоанна II въ Русск. Достоп., I) могло зависѣть и оттого, что покупщика такого плѣнника считалось несправедливымъ лишать, при обязательномъ выкупѣ, выгоды, на которую покупщикъ, естественно, не вправѣ уже былъ расчитывать, пріобрѣтая плѣнника, приведеннаго для продажи непосредственно изъ *дружественнаго* государства. Кто выкупается на свободу, да вдасть цѣну, ю же вдали на немь, потомъ же свободенъ» (Поуч. въ Изв. А. Н. X. 645). Притомъ, возвращеніе перепроданныхъ въ третью страну плѣнныхъ встрѣчало, какъ и впослѣдствіи, трудно преодолимыя препятствія, и содѣйствіе освобожденію ихъ вмѣнялось въ большую заслугу (Кормчая и Поученія). Въ 1255 г. чешскій король Премыславъ, озабочиваясь возвращеніемъ плѣнныхъ, взятыхъ при наѣздѣ угровъ, поляковъ и русскихъ на землю Опавскую и находившихся въ Польшѣ, вынужденъ былъ обратиться въ содѣйствію краковскаго епископа Прандоты съ цѣлью выкупа ихъ у угровъ, русиновъ и кумановъ—половцевъ (Niemcewich: Zbior pam. I, 309). Для правильнаго соображенія размѣра челядинной цѣны и условій выкупа въ догов. 912 и 945 г., укажу, во 1-хъ, на мирный договоръ конца V вѣка Атиллы съ императоромъ Феодосіемъ, по которому за каждаго плѣннаго, безъ выкупа бѣжавшаго римлянина полагалось 12 золотыхъ, при невозвращеніи плѣн-

---

вольно соглашался на его продажу и при немъ вручался за него покупщикомъ продавцу задатокъ не менѣе ногаты. Предлагаю сопоставить выраженіе 17 ст. Русск. Пр. Кар. сп.: «.. дати ему исправа желѣзо *изъ неволи, до полугривнѣ злата*».. «Изъ неволи» есть договорное «нехотяй». Ср. ст. 73 той же Правды о запрещеніи насильственной продажи закупа, введенія его «въ купу» (купчую) и т. д.

[1]) Въ догов. 912 г.: «*понеже* мы ся имали». Чтеніе: по нь же, въ 3-мъ изд. Лавр. лѣтоп., весьма неудачно. Ср.: «И *понеже* они *пріидоше* и близь Фара быше».. (Лавр. изд. I, прилож., стр. 245). Въ догов. 945 г.:.. «взимаютъ отъ насъ цѣну свою, яко же уставлено есть преже, двѣ паволоки за челядинъ».

ника его господиномъ (Прискъ), во 2-хъ, на очень важную статью Судебника людемъ царя Константина «О полону», повторяющуюся въ Кормчей. «Если кто отъ ратныхъ купитъ плѣнника по своей цѣнѣ, то плѣнникъ освобождается при отдачѣ *той же цѣны* за его выкупъ; плѣннику предоставляется наняться въ работу за условленную плату; когда онъ отработаетъ выкупную плату, то отпускается на свободу». Правило это проповѣдуется въ древнихъ поученіяхъ: «кто выкупается на свободу да вдасть цѣну, ю же вдали на немь, потомъ же свободенъ» (Изв. А. Н. X. 645). Развивая прежнія постановленія, по существеннымъ началамъ выкупа плѣнныхъ, договоръ 945 г. присоединяетъ къ постановленію о выкупѣ *греками* плѣнныхъ грековъ, взятыхъ русскими *на войнѣ* и находящихся въ Россіи, постановленіе о выкупѣ *русскими* такихъ же плѣнныхъ изъ русскихъ, захваченныхъ греками и находящихся въ Греціи, а также объ удостовѣреніи размѣра уплаченной *греком* цѣны за купленнаго имъ *въ Греціи* русскаго плѣнника *присяной*, которая допускалась и для удостовѣренія *русскими* цѣны, данной за плѣннаго грека (догов. 912 г.). Независимо отъ выкупа, плѣнные, по позднѣйшимъ договорамъ между русью и греками, или иными народами, какъ и по договорамъ грековъ съ болгарами и латинянами съ IX в., *безвозмездно возвращались* на извѣстныхъ условіяхъ, либо *обмѣнивались* по окончаніи войнъ русскихъ съ греками, нѣмцами, ляхами, уграми, шведами, литовцами и др. народами [1]). Послѣ неудачнаго похода

---

[1]) По заключеніи брака внуки Романа Лакапина съ Петромъ болгарскимъ было возвращено изъ болгарскаго плѣна множество грековъ (De adm. imp. гл. 13). Такъ и болгаре возвратили плѣнныхъ грековъ по договору при Мортагонѣ (Const. Porph: De vita Basilii и Кедринъ). Около 1043 г. Казиміръ польскій, вступая въ бракъ съ сестрою Ярослава Маріей, далъ за вѣно людей 800, еже бѣ *полониль* Болеславъ, побѣдивъ Ярослава. Владиміръ Мономахъ выпускалъ, примиряясь съ половцами, ихъ князей изъ оковъ (Поученіе). Въ 1250 г. Даніилъ Романовичъ, при заключеніи съ угорскимъ королемъ мира, обусловленнаго бракомъ сына Льва съ Винькой, возвратилъ плѣненныхъ угорскихъ бояръ (Ипат.). Постановленія объ отпускѣ плѣнныхъ, безъ выкупа или съ выкупомъ, встрѣчаются въ русскихъ договорныхъ актахъ съ XIII в. Въ договорѣ Новгорода съ кн. тверскимъ Ярославомъ Ярославичемъ 1270 г. сказано: «А про *полонъ*, кто где заточенъ... то исправи» (Соб. Гос. Гр. и Дог. № 3.—См. также ссылки у Б. Чичерина: Несвободн. сост. въ др. Руси). Въ Никон. лѣтоп., подъ 1243 г., (какъ и въ Соф.) отмѣченъ слѣдующій фактъ: «Прислаша нѣмци съ поклономъ въ Новгородъ, глаголюще.... что есмя поимали въ полонъ людей вашихъ, а тѣми ся *розмѣнимъ*; мы вашихъ отпустимъ, а вы нашихъ отпустите, и псковскій полонъ пустимъ... и умирившася и полонъ весь отпустиша обоихъ» (т. X. 128, 129). Обычное выраженіе—«пустити на искупъ» (Лавр. 482), уладиться на искупъ» (Ипат. 452). Плѣнные называются челядью: «Володимеръ умирися (съ Конрад. Мазов.), и *челядь* ему вороти што была рать повоевала» (Ib. 581). Въ 1509 г. изъ Литвы приходили къ Вас. Ив. послы «о панехъ», которые на бою поиманы, чтобы ихъ отпу-

«а грековъ Владиміра Ярославича въ 1043 г., плѣненные греками 6000 русскихъ, съ воеводой Вышатой, были ими возвращены: «миру бывшю пущенъ бысть Вышата къ Ярославу *съ инѣми* въ Русь [1]). Въ лѣтописи занесено, кромѣ приведеннаго мною, много случаевъ освобожденія плѣнныхъ, считавшагося, по Исаиному пророчеству, дѣломъ богоугоднымъ (Ипат. 577).

Въ договорныхъ постановленіяхъ о выдачѣ *преступниковъ* проводится принципъ *территоріальности*—jus territorii, о подвѣдомственности каждаго законамъ государства, гдѣ онъ пребываетъ, удержанный Карломъ Великимъ въ его капитуляріяхъ, напр, 797 г. (обѣщаніе саксонцамъ выдавать ихъ бѣглыхъ злодѣевъ). По этому коренному принципу, право преслѣдованія, суда и наказанія преступленій принадлежитъ государству, въ которомъ возникло преступленіе: гдѣ «тяжа родилась, ту́ ю кончати, притомъ, по своей Правдѣ, какъ постановлено, напримѣръ, въ договорахъ русскихъ съ нѣмцами XII, XIII в. и поляками (Договоры Новгорода и Пскова съ Казиміромъ), безъ пересуда дѣла въ чужомъ государствѣ. По древненѣмецкому праву, если тяжущійся происходилъ изъ *вендской* (славянской) страны, то жалобщикъ представлялъ доказательства на языкѣ той народности, къ которой принадлежалъ *отвѣтчикъ* (A. Daniels: Dat buk vichbelde recht) [2]) Изъятія допускались въ силу договоровъ и особыхъ льготъ, дарованныхъ нѣкоторымъ національностямъ, переселившимся изъ своего отечества и водворившимся въ другомъ государствѣ. Таковъ, приведенный мною законъ Ротара. Такъ, въ XI в. чехи, при князѣ Вратиславѣ, предоставили посе-

---

стилъ» (Воскр. т. VIII, 250). Въ силу Столбовскаго договора между царемъ Михаиломъ Ѳедор. и шведами 1617 г.—«полоняники съ обѣ стороны» подлежали освобожденію безъ окупа (Арх. гр. Делагарди) и т. д. Начиная свою поверхностную диссертацію о плѣнныхъ съ XIV в., А. Лохвицкій отмѣтилъ нѣкоторые случаи возвращенія плѣнныхъ безъ выкупа.

[1]) Изъ нихъ многіе были ослѣплены—«слѣпиша руси много». Въ 941 г., когда греческія войска разбили ополченіе Игоря, всѣ плѣнные русскіе были обезглавлены (Іоаннъ Дьяконъ). По разсказу мусульманскихъ писателей, и русскіе, въ походѣ 943 г. на прикаспійскія страны, умерщвляли тѣхъ плѣнниковъ, за которыхъ не была дана выкупная сумма по 20 драхмъ, а по словамъ Льва Діакона, плѣнныхъ грековъ, мужчинъ и женщинъ Святославъ велѣлъ предать сожженію.

[2]) До IX в. выборъ закона для примѣненія въ дѣлахъ судебныхъ иногда обусловливался *происхожденіемъ* отвѣтчика, напр. по праву Рипуарскому, привлеченный къ суду отвѣтствовалъ по закону той страны «ubi natus fuit». (Дм. Никольскій: О выдачѣ преступниковъ). Саксонское Зерцало установило отвѣтственность каждаго по своему праву, за нѣкоторыми изъятіями (Art. 33, кн. III). По Русской Правдѣ, варяги судились русскимъ судомъ. Въ XVI в. территоріальная подсудность опредѣлялась, напр., такъ: «А жити бъ русскимъ людемъ въ Аглинской землѣ, агличаномъ на Руси—по земскому суду, какъ въ которой землѣ обычай ведетца» (Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. V, № 136). Въ договорахъ

лившимся на ихъ землѣ тевтонцамъ судиться по нѣмецкому праву; даже пришлецъ изъ какой бы ни было земли, поселившійся съ тевтонцами въ Пражскомъ предградьѣ, «legem et constitutionem Theutonicorum habeat» (Jirecek: Cod. jur. Boh. 30). Выдача не столь важныхъ преступниковъ, по договорамъ русскихъ съ греками, не практиковалась, если не брать въ расчетъ условленную договорами 912 и 945 г. взаимную выдачу челядиновъ, *бѣжавшихъ* отъ русскихъ, или отъ грековъ, безъ сноса чужихъ вещей, подлежавшихъ возврату съ бѣглымъ челядиномъ. Договоръ 912 г. установилъ взаимную выдачу *злодѣевъ*, причинившихъ весьма значительный вредъ частнымъ лицамъ, или государству, своими «проказами», къ каковымъ, начиная съ декрета Хильдеберта 595 г. «de furibus et malefactoribus», не принадлежали заурядные, мелочные проступки. Злодѣй русскій, татъ, разбойникъ, совершившій преступленіе въ Руси и скрывшійся на греческой территоріи для избѣжанія строгаго наказанія, («князь мечъ носитъ въ месть *злодѣямъ*», сказано въ лѣтоп. подъ 1212 г.), въ случаѣ не возвращенія добровольнаго, вслѣдъ за предъявленіемъ оффиціальнаго требованія задерживался и, посредствомъ принудительныхъ мѣръ, возвращался въ Русь греками, по жалобѣ русскихъ греческому правительству: «Аще злодѣй не възвратится въ Русь (въ нѣкоторыхъ спискахъ «не» пропущено) [1]), да жалуютъ русь хрестьянскому царству, и ятъ будетъ тако-

XIV—XV в. не мало наблюдается отступленій отъ основного правила подсудности. Напр., по догов. Полоцка съ нѣмецкимъ орденомъ 1405 г.: «А извинится нашъ полочанинъ у Ризе, ино его нѣмьцемь у Ризе не казнити, отпустити его у Верхъ; ино его тамъ свои полочане казнять». Точно также нѣмецъ, совершившій преступленіе въ Полоцкѣ, отпускался въ Ригу —«ино его свои тамъ судять по своему праву» (Наперскій: Русск.-Лив. акты). Въ догов. Полоцка съ Ригою 1407 г. постановлено: «Аще полочянинъ что преступитъ у Ризѣ, ино имъ того до Полоцка послать, ино его тамъ полочине судятъ по своему праву; также нѣмецкій купецъ что проступитъ у Полоцку, ино его послать къ Ризѣ, ино его тамъ судитъ по ризьскому праву» (А. Арх. Эксп. I, № 16). Часто учреждались, по договорамъ, пограничные смѣшанные или обчіи суды изъ лицъ, назначенныхъ договаривающимися державами для рѣшенія дѣлъ между ихъ подданными, причемъ иногда, по договору, къ отвѣтчику примѣнялось право той національности, къ которой онъ принадлежалъ.

[1]) Въ Радзивил.: «возвратится изъ Руси». В. Сокольскій (О догов. русск. съ грек.) вмѣстѣ съ И. Бѣляевымъ читалъ: «Аще злодѣй възвратится»..., дѣлая произвольное переложеніе:—если преступникъ будетъ подлежать выдачѣ». Впрочемъ, слѣдуетъ отдать В. Сокольскому справедливость, что онъ слова: «Си же вся»... правильно отнесъ къ статьѣ о выдачѣ злодѣевъ, тогда какъ иногіе, по недоразумѣнію, относятъ ихъ ко всему договору. Не вполнѣ ясное, но несомнѣнное разграниченіе выдачи «избѣговъ», по доброй ихъ волѣ и по принужденію, замѣчается иною, напр., въ договорн. грамотѣ литовскихъ князей съ польскимъ королемъ Казиміромъ и мазовецкими князьями, полов. XIV в: «А за избѣга—можемъ его добыти и выдати; аже его не можемъ добыти, можемъ его *искати* съ обою сторону»... (Я. Головацкій: Памятн.. яз. русск. XIV—XV в., № 1).

вый и возвращенъ будетъ нехотяй въ Русь. Си же вся (т. е. требованіе выдачи, задержаніе и возвращеніе, русскимъ правительствомъ, совершившихъ въ Греціи преступленіе и бѣжавшихъ въ Русь грековъ)—да створять русь грекомъ, идѣ же аще ключится таково». Выдача злодѣевъ представлялась и тогда такимъ же, какъ нынѣ, актомъ взаимной помощи одного государства другому (Мартенсъ: Современ. междунар. право, II, 419, 420). По договору 945 г., судьба подозрительнаго русскаго, пришедшаго въ Грецію безъ предупредительной *княжеской грамоты* и задержаннаго греческими властями, но бѣжавшаго въ Русь, поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія великаго князя и *бояръ*. Онъ предоставлялся въ ихъ произвольное распоряженіе; «яко имъ любо, тако сътворять». Вѣсть о задержаніи его посылалась великому князю, хотя бы задержанный и оказалъ *преданность* греческой власти («предани будуть»), имѣвшей право, въ предѣлахъ Византіи, лишить жизни *сопротивляющагося* по непріязни. Постановленіе иначе нельзя объяснить, какъ тѣмъ, что русскій, прибывшій въ Грецію безъ предварительнаго оповѣщенія (княжеской грамоты), могъ быть признанъ нарушителемъ запрещенія русскимъ посѣщать Грецію помимо вѣдома великаго князя; но приходъ его могъ быть и оправданъ какими либо особо уважительными причинами.

Такова знаменитая Правда договоровъ русскихъ съ греками, которую, выражаясь языкомъ Смоленской Правды XIII в., въ примѣненіи къ подлежащимъ главамъ, долженъ былъ «взяти грекъ у Русской земли, а русинъ—у Греческой земли». Наука русскаго права, въ лицѣ своихъ представителей, легко собьется съ труднаго, но спасительнаго пути его *постепеннаго* развитія, если въ своемъ поступательномъ движеніи, пренебрегая началами Правды, которая, по сознанію самихъ грековъ, стяжала Россіи, въ X в., подъ сѣнью великокняжеской власти, славу *справедливаго* государства, будетъ отворачиваться отъ сохраненныхъ лѣтописью безсмертныхъ правовыхъ останковъ того отдаленнаго времени, какъ отъ разложившагося трупа. *Духъ* Правды договорной грекорусской живетъ донынѣ въ обычаяхъ русскаго народа и многихъ отрасляхъ нашего современнаго законодательства, а потому глубокое изученіе, обстоятельное и безпристрастное объясненіе ея, по сравнительному методу, въ связи съ важнѣйшими историческими фактами, можетъ быть смѣло положено въ фундаментъ отечественнаго правовѣдѣнія.

А. В. Лонгиновъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава первая (стр. 395—430). Общая характеристика занесенныхъ въ лѣтопись договорныхъ грамотъ X вѣка. Религіозная основа мирныхъ договоровъ. Русскій національный элементъ договоровъ. Значеніе ихъ въ вопросѣ о возникновеніи и развитіи Русскаго государства. Сопоставленіе договорнаго матеріала съ лѣтописнымъ разсказомъ о призваніи чудско-славянскими племенами варяго-русскихъ князей и съ преданіями разныхъ народовъ. Оцѣнка свѣдѣній, сообщаемыхъ о руси императоромъ Константиномъ Порфиророднымъ и арабскими писателями. Родство варяго-руссовъ съ рутенами Галліи. Вліяніе на Русь греко-римской культуры. Важность договорныхъ грамотъ, какъ памятниковъ литературныхъ. Взглядъ лѣтописца на договорную практику въ X в.. Процедура заключенія договоровъ русскихъ съ греками. Обозрѣніе текста договорныхъ актовъ. Причины разночтеній въ ихъ спискахъ.

Глава вторая (стр. 430—466). Исходные моменты дипломатическихъ сношеній русскихъ съ греками по ссылкамъ въ договорныхъ грамотахъ. Обновленіе договоромъ 912 г. ветхаго мира русскихъ съ греками. Первоначальный мирный договоръ между ними. Борьба Византіи за независимость. Событія, предшествовавшія походу Олега на грековъ и подготовившія почву договоровъ 907 и 912 г. Составъ и форма договора 907 г. Русскіе городскіе центры. Сношенія Игоря съ греками, приведшія къ договору 945 г. Участіе русскаго княжья и народа, чрезъ своихъ представителей, при заключеніи договоровъ. Поѣздка Ольги въ Царьградъ и подтвержденіе ею договора съ греками.

Глава третья (стр. 466—508). Постановленія договора 945 г о Корсунской странѣ и черныхъ болгарахъ. Историческая связь договоровъ 907, 912 и 945 г. Смыслъ договорнаго выраженія: «равно другаго съвѣщанья» и древнерусскихъ терминовъ: «урядъ»,—«слово»,—«извѣщеніе». Мирные переговоры Святослава Храбраго съ императоромъ Іоанномъ Цимисхіемъ 971 г. Среда земли Русской. Записка готскаго топарха. Символическій обрядъ поцѣлуя. Статьи договора Святослава съ Цимисхіемъ. Значеніе грамоты Святослава. Языческая и христіанская клятва руссовъ при заклю-

ченіи договоровъ 907, 912, 945 и 971 г. Смерть Святослава. Подтвержденіе договора 971 г. Ярополкомъ. Мирныя сношенія Владиміра св. съ греческими царями.

Глава четвертая (стр. 508—555). Правда варяго-словенская, какъ первообразъ Правды договоровъ русскихъ съ греками. Система преступленій и наказаній договорной Правды греко-русской. Смертоубійство. Доказательства и условія наказуемости убійства. Раздѣлъ имущества убійцы между ближними убитаго и женою убійцы. Причиненіе побоевъ, ранъ, увѣчій и истязаній. Русскій законъ о послѣдствіяхъ несостоятельности виновнаго. Кража. Разбой. Грабежъ. Покушеніе на преступленіе и совершеніе преступленія. Вознагражденіе потерпѣвшихъ. Побѣгъ, похищеніе, продажа и укрывательство челядиновъ. Право наслѣдованія послѣ русскихъ, умершихъ въ Греціи безъ завѣщанія и по составленіи завѣщанія. Выкупъ плѣнныхъ. Челядинная цѣна. Выдача преступниковъ.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
398	(Лавр.) [2])	(Лавр.) [1])
—	князі искалъ	князя искали
402	Ягановичъ	Ягайловича
403	дѣлитъ русь	дѣлитъ Русь
—	налолокою	паволокою
404	нисходящіяся	нисходящія
419	по шести съ каждой стороны	по шести съ каждой стороны [1])
428	такъ позднѣе и	такъ и позднѣе
430	лѣтописнымъ	лѣтописными
433	(см. гл. II.)	(см гл. III)
439	норминнизмѣ	норманнизмѣ
445	Благочестиваго	Нѣмецкаго
458	Ліудпренду	Ліудпранду
460	[2]) Послашѣ по нь	[1]) Послашѣ по нь
461	Искрусеви	Искусеви
462	(лѣтоп. подъ 1074 г. [2])	(лѣтоп. подъ 1074 г.) [2])
477	ioramento	ioramento
—	couvenimus	convenimus
517	уступу	уставу
523	аубіють	убіють
530	полупита	полупиша
543	наслѣдодатоль	наслѣдодатель

16 ч. ср. Сегодня благодаря Бога окончилъ переводъ изъ Гильденштедта. Продолжаю выписки изъ Сѣв. Пчелы (пропускаю эти обширныя выписки). Цѣлый день прекрасная солнечная погода; но всѣ эти дни замѣтно, что съ 12 ч. поднимается сильный вѣтеръ.

17 ч. четв. Сегодня исполнился годъ моей Ксеничкѣ Молю, Всевышній, ниспошли всѣ блага на это драгоцѣнное для меня твореніе.

Мы имѣли Revue Etrangère за прошедшій годъ. Я люблю выписывать то, что мнѣ болѣе нравится изъ прочитаннаго мною, и потому, гдѣ же лучше можно помѣщать это, какъ не въ дневникѣ, по мѣрѣ прочтенія (выписки изъ R. E.). Оставляю выписки на время, потому что мнѣ пришло въ голову написать статью: «Журналы и газеты въ деревнѣ». Я писалъ ее, а между тѣмъ мнѣ принесли отъ Дудникова №№ 25, 26, 27 Сѣв. Пчелы. Прекрасный весенній день; необыкновенная теплота и тишина въ воздухѣ. Поутру —3°, въ полд. +6°, ввеч. +4°.

18 ч. пят. Почти весь день прогулялъ; такъ хорошо и такъ весенне! Потомъ писалъ письма въ Одессу: 1) Къ М. М. Кирьякову, 2) къ кн. Вас. Серг. Голицыну, прося его, если возможно, прислать мнѣ журналъ Des Debats изъ клуба [1]), 3) къ А. Г. Тройницкому, съ препровожденіемъ статьи вчерашней [2]). Поутру +3°, въ полд. +8°, ввеч. +6°. Туманъ до полудня, а тамъ прекрасный солнечный день.

---

[1]) Очевидно, одинъ изъ директоровъ (англійскаго) клуба; упоминается и въ числѣ членовъ Имп. Общ. Сельск. Хоз. Ю. Россіи.

[2]) Письмо это слѣдующее:

18-го Февраля 1838. с. Березуевка.

Не имѣя подъ рукою Свода Законовъ, я не могу, подобно Карамзину, сослаться на *такую то* статью и послать адресъ мой издателю или типографщику, а потому и препровождаю къ Вамъ, почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ! при письмѣ, долженствующемъ напомнить о моемъ существованіи, статью: О журналахъ и газетахъ въ деревнѣ. Если Вы найдете ее достойною занять уголокъ въ фельетонѣ О. В., то съ Богомъ; прикажите тиснуть и пришлите мнѣ на особомъ листочкѣ (если это возможно!); а) только не забудьте, а то—*ужъ эти мнѣ влюбленные!* б) Въ случаѣ же невозможности напечатать ее, потрудитесь сказать мнѣ словечко. Это выведетъ меня изъ недоразумѣнія и вмѣстѣ доставитъ удовольствіе прочитать какую нибудь вѣсточку отъ Васъ. По старой памяти и привязанности, все тянетъ къ Одесскому Вѣстнику! За неимѣніемъ важнѣйшихъ извѣстій, сообщаю Вамъ слѣдующее: на дняхъ я окончилъ переводъ одного отрывка съ нѣмецкаго, именно: изъ дневника Академика Гильденштедта, который ѣздилъ путешествовать, какъ Вы знаете, по Высочайшему повелѣнію Екатерины II-й; онъ былъ въ нашемъ краю въ 1774-мъ году и обозрѣлъ ее (его) со всею строгостью нѣмецкою. Я перевелъ ту часть, гдѣ онъ описываетъ *Елисаветградскую провинцію*; надобно удивляться трудолюбію, и вмѣстѣ неустрашимости этого ученаго. Весьма часто встрѣчаешь въ его дневникѣ, что за нѣсколько дней до прибытія его въ какое нибудь мѣсто Запорожцы увели изъ него всѣхъ жителей. Въ такомъ случаѣ нѣмецъ довольствуется общимъ обозрѣніемъ, а не пристально гербаризируетъ. Я непремѣнно намѣренъ издать брошюру, съ прибавленіемъ разныхъ статисти-

19 ч. субб. Выписки изъ Сѣвер. Пчелы (Пропускаю ихъ. При извѣстіи о смерти поэта Полежаева замѣчено: «я былъ съ нимъ вмѣстѣ въ Московскомъ университетѣ; онъ много обѣщалъ своими пламенными дарованіями». Далѣе слѣдуютъ обширныя выписки изъ Revue Etrangère). Поутру $+1^1/_2{}^0$, въ полд. $+8^0$, ввеч. $+7^0$; поутру туманъ до полдня, тамъ маленькій вѣтерокъ; ввечеру пасмурно.

20 ч. воскр. Поутру я отправилъ назадъ въ Черняковку тѣхъ лошадей, которыя привезли Пр. Ник., и писалъ къ сестрѣ Лелѣ. Мы получили письмо отъ Люб. Ник. изъ Одессы; М. М. припискою извѣщаетъ меня о томъ, что Фундуклей назначенъ вице-губернаторомъ въ Житомиръ, Нечай въ Каменецъ Подольскъ, а Сафоновъ въ Екатеринославъ. Послалъ Ильенку

ческихъ и, *отчасти*, историческихъ примѣчаній. Я говорю *отчасти*, потому что откупъ по этой отрасли не окончился еще срокомъ (какъ увѣряетъ Павелъ Тимоѳѣевичъ). в) Впрочемъ появленіе дневника Гильденштедта выведетъ на чистую воду многіе промахи дѣписателей. А не дурно бы заглядывать въ книги, составляемыя *добросовѣстно*. Сочиненіе Гильденштедта, о которомъ я Вамъ говорю, издано уже послѣ смерти его *Палласомъ*. Надобно читать всѣ предисловія, оговорки и т. п. предохранительныя мѣры, предпринятыя при изданіи. А не то, что... *пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ*. Я намѣренъ также приложить къ переводу и краткое жизнеописаніе Гильденштедта и карту его путешествій по Елисаветградской провинціи. Скажите мнѣ пожалуйста, почтеннѣйшій Александръ Григорьевичъ, куда надобно адресоваться съ представленіемъ карты: кажется, для этого существуютъ какія то *формальности*. При изданіи брошюрки я много надѣюсь на помощь Кирьякова, который знаетъ отлично нашу Херсонскую губернію. Но довольно о брошюрѣ... дѣлъ не весьма занимательномъ для Васъ. Въ деревенской жизни есть одна манія, невольно пріобрѣтаемая, именно: думать, что всѣ не только могутъ, но должны заниматься тѣмъ, что насъ занимаетъ преимущественно. Какъ то легко забываешь объ этомъ водоворотѣ дѣлъ, мыслей, событій... гдѣ всякая частность вливается въ общую массу и дѣлается незамѣтною точкою. Это, кстати вспомянутое, обстоятельство лишаетъ Васъ цѣлаго трактата о журналахъ; при томъ, съ другой стороны, не говорю ничего о пихъ, чтобы Вы не подумали, что я хочу поддержать характеръ статьи моей.

Во всякомъ случаѣ кланяюсь Вамъ земно, потрудитесь передать мое искренее уваженіе Николаю Григорьевичу. Что его писаніе о Кавказѣ? г) или, по обыкновенію, откладываетъ день ото дня.

Прощайте, многоуважаемый Александръ Григорьевичъ! Будьте здоровы.

Всею душою Вамъ преданный
Григорій Соколовъ.

У насъ совершенная весна; что-то у васъ? Непонятна такая ранняя весна.

Къ этому письму присоединяю слѣдующія примѣчанія, сдѣланныя Г. А. Тройницкимъ:

а) Статья напечатана въ фельетонѣ О. В. 1838 г. 9 марта, № 20.

б) А. Гр. Тройницкій былъ въ то время женихомъ Елис. Павл. Домбровской, на которой женился 10 іюля 1838 г. (его первая жена; она умерла въ маѣ слѣдующаго года).

в) Морозовъ; см. о немъ въ Р. Стар. 1897 г. № 1, стр. 146—147.

г) Н. Гр. Тр--кій лѣтомъ 1836 г. ѣздилъ на Кавказъ.

въ Николаевъ за разными покупками. Дудниковъ прислалъ мнѣ 3 номера Сѣверн. Пчелы (Слѣдуютъ выписки изъ нея и изъ Rev. Etr.). Поутру + 6°, въ полд. + 10°, ввеч. + 6°. Поутру маленькій дождь, пошелъ съ полночи, потомъ довольно большой вѣтеръ, а ввечеру туманъ. Ввечеру услыхалъ, что у насъ въ деревнѣ началъ падать скотъ; у мужиковъ довольно сильно, а у насъ въ господскомъ скоту заболѣли волъ и теленокъ, которые сдохли ночью.

21 ч. пон. Послалъ Петрушку въ Николаевъ за разными лѣкарствами для скота, а Ваську въ Ковалевку за человѣкомъ, который умѣетъ пускать кровь. Загатили греблю и поставили мостъ (выписки). Поутру +4°, въ полд. + 2. Съ полночи молнія; поутру дальніе удары грома, туманъ, ввечеру маленькій дождь и началъ дуть сѣверный вѣтеръ.

22 ч. вт. Ввечеру Петрушка возвратился изъ Николаева и привезъ письма изъ Одессы: отъ Мих Мих., Люб. Ник. и Julie; послѣдняя описываетъ разные праздники въ Одессѣ на масляницѣ и между прочимъ маскарадъ у Исленьева [1]) (Выписки). Поутру —4°, въ полд. —3°, ввеч. —8°. Сильный вѣтеръ сѣверный, поутру снѣгъ прорывался. Непонятный переходъ отъ жары къ холоду.

23 ч. ср. Поутру возвратился Ильенко съ лѣкарствами и различными покупками изъ Николаева. Лореръ прислалъ мнѣ нѣсколько нумеровъ Rev. Etr.; также онъ прислалъ коновала, который и пустилъ кровь больному скоту, а между тѣмъ ему приготовляютъ лѣкарства (Выписки). Поутру —10°, въ полд. —3½°, ввеч. —6°; солнечный день. Пускали кровь больному скоту; овцы опять стали сильно падать отъ холода.

24 ч. четв. (Выписки). Лореръ мнѣ прислалъ первый № Библіотеки для Чтенія на 1838 г. Поутру —7½°, въ полд. —3½°, ввеч. —4°. Пасмурно; весь день прорывался снѣгъ.

25 ч. пят. Я писалъ письма въ Одессу къ М. М. Кирьякову, къ Julie; въ Херсонъ къ Дм. Ив. Манькову, котораго просилъ: 1) о перемѣнѣ контракта на этапный домъ; 2) о справкѣ на счетъ подряда постройки этапнаго дома; 3) о томъ, что будетъ стоить въ Херсонѣ сохъ дубовыхъ или сосновыхъ подъ верхнія балки, толщины по три четверти и 2 вершка, а въ длину 3 саж., 16 штукъ, площаковъ на поперечную связь, толщиною въ двѣ четверти 2 вершка, а въ длину 4 саж., числомъ 3, кроквъ трехмѣрныхъ 92, латъ 200, шелевокъ для 4 воротъ 25 паръ, драни 1000, шелевокъ почему можно купить пару?; 4) Нельзя-ли прислать копію съ контракта этапнаго дома; 5) кому посылать третичныя этапныя вѣдомости? Въ С.-Петербургъ Андр Ѳеод. Заблоцкому (адресъ его: подлѣ Михайловскаго театра въ д. Палибиной или въ V Отд. Собств. Е. В. Канцеляріи); я посылаю ему 5 руб. на высылку мнѣ басней Крылова, также прошу его

[1]) Кажется, тогда откупщикъ въ Одессѣ.

справиться, есть-ли въ Петербургѣ у нѣмецкаго книгопродавца исторія Карла XII и исторія философіи Риттера? Поутру —4°, въ полд. —½°, ввеч. —1°. Цѣлый день сильный вѣтеръ.

26 ч. субб. Вышли подводы въ Николаевъ съ 150-ю пудами ржаной муки (Выписки). Сегодня ввечеру Ксенія родила дочь Юлію въ 11 ч. 45 м. Благодаря Богу благополучно. Она страдала всего часа три. Тотчасъ же въ полночь писалъ объ этомъ Мих. Мих. Поутру —5°, въ полд. —1°, ввеч. —3°; солнечный день, весьма сильный сѣверный вѣтеръ.

27 ч. воскр. Поутру былъ у меня Никол. Петр. Новицкій, служащій въ Бобринецкомъ судѣ; онъ пріѣзжалъ покупать валаховъ (Выписки). Сегодня священникъ служилъ молебенъ и святилъ воду надъ скотомъ. Ксенія брала молитву. Тетенькѣ Варв. Мих. Тимченковой исполнилось 71 годъ. Поутру —4°, въ полд. —1°, ввеч. —1°; сильный вѣтеръ.

28 ч. пон. Получилъ письмо отъ сестры Лели, которая сбирается ѣхать въ Одессу и заѣдетъ къ намъ въ деревню. Поутру пріѣхалъ нѣмецъ овчарь, Лоренцъ Редингеръ; онъ имѣетъ свидѣтельство отъ овчаря Гликстальскаго округа, колоніи Бергдорфа, Фридриха Ланга, въ томъ что колонистъ колоніи Рорбаха, Березанскаго уѣзда [1]), учился у него овцеводству; также свидѣтельство отъ конторы Кіевск. губ. Звенигородск. у. съ Лопухиныхъ имѣнія Калигорки въ томъ, что онъ опытенъ въ своемъ дѣлѣ и рачителенъ. Я договорился съ нимъ и принялъ его въ главные овчари въ Бервицевку; да поможетъ Господь и благословитъ! Поутру—7°, въ полд. —1°, ввеч. —4°; сильный вѣтеръ; солнечный день.

Мартъ 1 ч. вт. Нѣмецъ поѣхалъ сегодня чуть свѣтъ въ Николаевъ за лѣкарствами для овецъ (Выписки). Поутру —7½°, въ полд. —0°, ввеч. —2°; вѣтеръ.

2 ч. ср. Сегодня возвратился Андрюшка изъ Николаева, гдѣ продалъ 150 пуд. ржаной муки по 75 к. за пудъ; онъ привезъ мнѣ письма: отъ сестры Кати изъ Москвы отъ 3 февр. и отъ повѣренного Шабельского Виттана, который требуетъ, чтобы немедленно я выслалъ вѣрителю его патентъ на званіе члена Общ. С. Хоз. Ю. Россіи за подписью гр. Воронцова и всѣхъ членовъ; забавное требованіе. Я писалъ въ Одессу М. М. Кирьякову и къ брату Александру. Мнѣ привезли со станціи первый № Художественной газеты и изъ почтамта печатное объявленіе объ открытіи въ С.-Петербургѣ въ 1838 г. публичной конторы иногороднихъ комиссій Братьевъ Бонча-Богдановскихъ и К°; С.-Петербургскому почтамту сообщено объ учрежденіи конторы, а слѣдовательно оному извѣстно и о мѣстѣ учрежденія. Эта контора довольно полезное учрежденіе для ино-

[1]) Колоніи Гликсталь и Бергдорфъ Тирасп. у., Херс. губ. Колонія Рорбахъ теперь Одесск. у., но была Березовскаго (а не Березанскаго) у.; Березовка нынѣ заштатный городъ Ананьевскаго у., Херс. г.

городнихъ. Жидъ изъ Касперовки [1]) купилъ у насъ кожи павшихъ овецъ: 65 большихъ по 90 коп., 172 маленькихъ по 60 коп. и бракованныхъ 28 по 30 к. Поутру —$6^1/_2{}^0$, въ полд. —1^0, ввеч. —2^0; солнечный день; небольшой вѣтеръ.

3 ч. четв. Сегодня день рожденія Ксеніи. Поутру управитель нашъ Антонъ Мильчутскій поѣхалъ въ г. Бобринецъ для справокъ насчетъ лѣса строевого, который находится для продажи у Новицкаго; также послалъ Андрюшку въ Черняковку съ письмами къ сестрѣ Лелѣ и къ дядѣ М. А. Соколову, въ которыхъ прошу ихъ крестить Юличку; также Андрюшка долженъ привезть съ Елисаветградской ярмарки различныя покупки (огромныя выписки). Нѣмецъ Ридингеръ возвратился изъ Николаева, искупивши для овецъ можжевельника 15 ф. по 40 к., галуну 3 ф. по 50 к., селитры 2 ф. по 80 к., антимонію 2 ф. по 1 р. 50 к., бѣлаго шпигинару 2 п. 30 ф. по 22 р. пудъ, камусу 2 ф. по 5 р. 10 к., чистаго дегтю 23 ф. по 20 к., кремортартару ф. по 2 р. 40 к., 2 бутыли—5 р. 10 к. Ввечеру заражалъ воздухъ въ кабинетѣ повѣренный, пріѣзжавшій печатать водку. Поу.—6^0, въ полд. 0^0, ввеч.—1^0. Солнечный день; маленькій вѣтеръ.

4 ч. пят. Еще сегодня поутру былъ одолженъ визитомъ повѣреннаго (выписки). Послѣ обѣда и ѣздилъ много верхомъ, былъ на большой дорогѣ, также присутствовалъ при томъ, какъ овцамъ давали лѣкарство. Ввечеру возвратился Антонъ изъ Бобринца ни съ чѣмъ, потому что лѣсъ Новицкаго никуда не годится. Писалъ къ Н. А. Кирьякову въ Николаевъ. Поутру—1^0, въ полд. $+3^0$, ввеч. 0. Пасмурно.

5 ч. суб. Продолжаю выписки изъ Библіотеки для чтенія. Выписки. Здѣсь отмѣтимъ: «всякій останавливался на своемъ вѣку предъ балкономъ балагана, на которомъ отличается паяцъ. Однажды я самъ слышалъ, какъ Пушкинъ подъ Новинскимъ громко говорилъ, что онъ любитъ паяцовъ, потому что они его смѣшатъ». Поутру—1^0, въ полд. $+5^0$, ввеч. $+2$. Пасмурно; вѣтеръ, а ввечеру маленькій дождь съ снѣгомъ

6 ч. воскр. Сегодня Антонъ ѣздилъ въ близъ лежащее имѣніе граф. Браницкой Христофоровку [2]), чтобы промѣнять тамъ на винокуренномъ заводѣ 400 пуд. ржаной муки, которую мы приготовили для собственнаго завода, который не можетъ идти по причинѣ порчи; но такъ какъ даютъ дешево, то и оставили эту продажу. Ночью выпалъ довольно большой снѣгъ. Громоклея стала мѣстами въ третій разъ; сегодня-же ледъ разошелся, потому что тепло (выписки). Ввечеру поймали дезертира въ лѣсу. Поу. $+2^0$, въ полд. $+3^0$, ввеч. $+4^0$. Днемъ шелъ дождь довольно большой; ввечеру туманъ.

---

[1]) Село Херс. у., на р. Бугѣ

[2]) Херс. уч., на р. Ингулѣ.

7 ч. пон. Опять началъ скотъ заболѣвать, а то затихло было въ послѣдніе дни. Атаманъ меня перепугалъ, прибѣжавши сказать, что отара испанскихъ овецъ вся потонула; на повѣрку вышло, что десятка два гирлаковъ (т. е. немощныхъ, больныхъ овецъ) упали съ берега крутого въ рѣку, но не всѣ погибли. Исправляли дорогу отъ моста. Поу. + 4°, въ полд. + 5½°, ввеч. + 3°. Пасмурно, вѣтеръ и по временамъ мелкій дождь

8 ч. вт. (Выписки). Писалъ къ М. М. Кирьякову въ Одессу. Вчера жена вышла первый разъ въ гостиную. Поу. + 1°, въ полд. + 5°, ввеч. + 3°. Поутру было пасмурно, вѣтеръ и по временамъ дождь маленькій, а съ полдня прекрасный солнечный день

9 ч. ср. Получилъ письмо изъ Одессы, въ которомъ Мих. Мих. пишетъ (впрочемъ уже не въ первый разъ), что Левшинъ [1]) проситъ прислать ему написанную мною статью для собираемой имъ статистики Одессы. Въ 18-мъ нумерѣ Од Вѣстн. есть, что мнѣ дали подарокъ. Мих. Мих. прислалъ также полученное имъ письмо отъ кузины жены моей Наталіи Дмитріевны княгини Корсини [2]) изъ Флоренціи; она пишетъ, что мужъ ея грандъ испанскій и имперскій графъ. Это письмо въ нѣкоторомъ отношеніи возбудило во мнѣ разныя непріязненныя чувства, которыя сильно взволновали меня. Сегодня посадилъ апельсиныя зерна. Поу. 0, въ полд. + 0°, ввеч. + 4°. Солнечный день, вѣтеръ.

19 ч. четв Сегодня поутру получилъ я письмо отъ М. М Кирьякова, который поздравляетъ меня съ рожденіемъ Юліи; также пишетъ, что Левшинъ скоро уѣзжаетъ изъ Одессы; Мих. Мих. зоветъ меня въ Одессу. Также письмо отъ Градовскаго. Изъ Одессы мнѣ прислали изъ клуба Journal des Débats за декабрь 1837 года, чему я весьма много обрадовался. Я исправлялъ сегодня статью объ общественной жизни въ Одессѣ и пр. Послѣ обѣда ѣздилъ познакомиться съ сосѣдомъ Павл. Ст. Дудниковымъ. Поу. + 4°, въ полд. + 9°, ввеч. + 5°. Съ утра пасмурно, потомъ солнечный день, вѣтеръ.

11 ч. пятн. Началъ переписывать свою статью. Послѣ обѣда ѣздилъ съ Антономъ осматривать поля. Выставили окна Ввечеру пріѣхалъ Андрюшка изъ Черняковки съ разными покупками; онъ привезъ письма отъ сестры Лели, отъ Паризо и отъ Frères Ventre со счетомъ изъ Одессы. Поу. + 3°, въ полд. + 10°, ввеч. + 6. Солнечный день, вѣтеръ.

2 ч субб. Писалъ въ Одессу къ М. М. Кирьякову, А. И. Левшину и къ братьямъ Ventre. Сегодня отправились восемь подводъ въ Николаевъ съ 150 пуд. ржаной и 150 пуд. пшеничной муки. Ввечеру писалъ къ Е. П. Досаргъ въ Николаевъ. Послѣ обѣда ѣздилъ осматривать другую

---

[1]) Алексѣй Иракліевичъ, бывшій Одесскій градоначальникъ.

[2]) Урожденная Акацатова.

половину полей. Озимые хлѣба плохи. Поу. + 3°, въ полд. + 12, ввеч + 7°. Солнечный день; днемъ доходило даже до +19° въ тѣни.

13 ч. воскр. Поутру Антонъ съ Андрюшкой отправились въ Николаевъ за различными покупками. Послѣ обѣда получилъ 20-й № Од. Вѣстн., гдѣ помѣщена моя статья «Журналы и газеты въ деревнѣ»; также 2-ой № Художественной газеты и 20-й № журнала Русскій земледѣлецъ. Были письма изъ Одессы отъ Julie. Поу. + 2½°, въ полд. + 13½°, ввеч. + 6°. Солнечный день, маленькій вѣтеръ.

14 ч. пон. Начинаю выписки изъ Journal des Débats (выписки). Поу. + 3°, въ полд. + 12°, ввеч. + 10°. Пасмурно, по временамъ прорывался маленькій дождь.

15 ч. вт. Сегодня поутру вышли рала въ поле (выписки). Возвратились изъ Николаева Антонъ и Андрюшка; они продали: пшеничную муку по 1 р. 10 к., а ржаную по 70 к. Послѣ обѣда ѣздилъ смотрѣть, какъ ралятъ. Поу. + 4°, въ полд. + 5°, ввеч. + 1°. Пасмурно, потомъ дождь, а ввечеру дождь съ снѣгомъ пополамъ.

16 ч. ср. Сегодня засѣяли арнауткою три восьмерика, на каждый восьмерикъ по 6⅓ четверти; послѣ обѣда я самъ ѣздилъ сѣять ту арнаутку, что самъ и выбиралъ; поу. + 1°, въ полд. + 3°, ввеч. + 2°. Поутру маленькій дождь пополамъ со снѣгомъ; цѣлый день пасмурно и вѣтеръ.

17 чет. (Выписки). 16-ого ч. (я забылъ записать) писалъ: 1) въ газетную С.-Петерб. почтамта экспедицію съ требованіемъ высылки газетъ; 2) Ф. Беллизару, книгопродавцу въ Петербургѣ, также съ требованіемъ высылки Revue Etsangère и съ запросомъ, что стоятъ: Le génie d'une femme, par Brissot, Latréaumont, par Eugère Sue, Histoire de la musique, par M. Stafford, La musique mise a la portée de tout le monde, par M. Fetis? 3) Всеволодову также съ запросомъ, отчего онъ не высылаетъ выписанный мною курсъ скотоводства? и 4) къ М. Г. Павлову въ Москву съ испрашиваніемъ первого № Русскаго земледѣльца; также просилъ его посовѣтывать мнѣ какое-бы лучшее сочиненіе по части сельскаго хозяйства перевести на русскій языкъ. Слѣдовательно, вся моя переписка въ тотъ день была требовательная.

Послѣ обѣда сегодня получилъ письмо отъ М. М. Кирьякова изъ Одессы, въ которомъ онъ пишетъ мнѣ, что Государь простилъ Левшина, но ходатайству графа; а надъ прочими карантинными чиновниками наряжена военно-судная коммиссія, подъ предсѣдательствомъ ген. маіора Русинова изъ здѣшняго коменданта, князя Дм. Гагарина и Никол. Ант. Хорвата; надъ Аккерманскимъ мѣщаниномъ, который пытался пробраться сквозь цѣпь карантинную, исполненъ приговоръ: его прогнали сквозь тысячный строй и записали въ солдаты. Мурзакевичу поручено описать Одесскій Музей. Я получилъ также письмо отъ Манькова, который увѣ-

домлячъ меня о различныхъ цѣнахъ на лѣсъ въ Херсонѣ и о томъ, что по смѣтѣ земскихъ повинностей положено на каждый этапъ до 35 т. рублей, а въ томъ числѣ и въ Бервицевкѣ. Поу. 0, въ полд. + 5°, ввеч. + 3°. Солнечный день, къ вечеру пасмурно и маленькій вѣтеръ.

18 ч. пят. Сегодня поутру кончилъ переводить статью Сильвестра де Саси изъ J. des D., начатую вчера. Я рѣшился ежедневно переводить что-нибудь и такъ на первый разъ перевелъ разборъ книги: Histoire monarchique et constitutionele de la Révolution française, par Eugéne Labaume; въ этомъ разборѣ С. де Саси мастерски обозрѣлъ, какъ должно писать исторію французской революціи и что значитъ la majorité et la minorité. Получилъ 10 №№ Сенатскихъ Вѣдомостей и 3-ій № Художественной газеты. Посѣялъ еще осмерикъ арнаутки. Поу. + 4°, въ полд. + 6°, ввеч. + 2°. Пасмурно, сильный вѣтеръ съ дождемъ.

19 ч. субб. Писалъ сегодня въ Петербургъ къ издателю Худож. газеты Кукольнику и къ М. М. Кирьякову. Поу. 0, въ полд. + 7°, ввеч. + 2°. Солнечный день и весьма сильный вѣтеръ.

20 ч. воскр. Получилъ письмо отъ М. М. Кирьякова, въ которомъ извѣщаетъ о томъ, что гр. М. С. получилъ лестный рескриптъ за окончаніе чумы, а Ст. Сафоновъ Владиміра 3-ей ст. Послѣ обѣда ѣздилъ кататься до самаго кургана, что на Лобановой горѣ. Перевелъ разборъ книги Vie de Grègoire VII, par M. de Videullien. Поу. + 0°, въ полд. + 9°, ввеч. + 3°. Туманъ, потомъ прекрасный солнечный день, а ввечеру пасмурно и весьма сильный вѣтеръ.

21 ч. пон. Я забылъ списать въ J. des D. отъ 5 декабря слѣдующее (выписки). Сегодня получилъ письмо отъ сестры изъ Вознесенска: она пишетъ, что хочетъ къ намъ заѣхать, а Паризо отправился въ Каменецъ-Подольскъ, Тульчинъ, Бѣльцы и Леово осматривать госпитали, по приказанію Клейнмихеля. Поу. 0, въ полд. + 4°, ввеч. 0. Солнечный день и весьма сильный вѣтеръ.

22 ч. вт. Сегодня перевелъ статью Ж. Жанена объ А. Жоанно; она написана умно и съ большимъ чувствомъ. Послѣ обѣда пріѣхала къ намъ сестра Катя съ маленькимъ сыномъ Мишею. Поу. — 3°, въ полд. + 2°, ввеч. — 2°. Солнечный день, вѣтеръ.

23 ч. ср. Я писалъ сегодня: къ теткѣ Е. А. Топильской въ Москву, къ Вильяму Вагнеру въ Одесскій англійскій магазинъ [1]) о ножницахъ для стрижки овецъ, къ маклеру Тибо о продажѣ шерсти и къ М. М. Кирьякову въ Одессу. Я послалъ эти письма на Лорерову станцію, съ тѣмъ чтобы ихъ по обыкновенію отослали въ Николаевъ; но С. В. Сафоновъ проѣзжалъ въ то время на обратномъ пути изъ С. Петербурга и взялъ

[1]) Существуетъ и въ настоящее время.

эти письма съ собой въ Одессу. Онъ писалъ ко мнѣ. Сегодня посѣяли 9 четвертей арнаутки. Поу. — 4°, въ полд. + 4°, ввеч. О. Солнце, потомъ пасмурно и снѣгъ нѣсколько разъ начиналъ падать.

24 ч. четв. Я провожалъ сестру Катю въ Николаевъ до большой дороги, потомъ поѣхалъ на ст. Лорерову, гдѣ и видѣлся съ самимъ Лореромъ и Дудниковымъ. Отъ Лорера привезъ 2 ой № Библ. для Чт. Ввечеру мы рано легли спать, какъ вдругъ неожиданно пріѣхали: сестра Лёля, Петръ Ѳедоровичъ со всѣми дѣтьми, т. е. Катей, Сашей, Костей, Лизой и Наташей; они направляются въ Одессу. Поу. О, въ полд. + 7, ввеч. + 4°. Солнечный день, сильный вѣтеръ.

25 ч. пятн. Благовѣщенье. Поутру мы гуляли въ лѣсу и по деревнѣ; послѣ я читалъ громко Литерат. Лѣтопись изъ 2 № Библ. для Чт.; эта статья довольно забавна. Поу. + 3°, въ полд. + 7°, ввеч. + 4°. Солнечный день, маленькій вѣтеръ.

26 ч. субб. Сегодня крестили Юлію. Воспріемниками были дядя М. А. Соколовъ съ Ю. М. Кирьяковой и М. М. Кирьяковъ съ Е. И. Лобри. Послѣ завтрака Лобри уѣхали въ Лобріевку [1]) и я провожалъ ихъ до ст. Лѣкарской. Поу. + 1°, въ полд + 10°, ввеч. + 6°. Солнце и маленькій вѣтеръ, а ввечеру пасмурно и тихо.

На этихъ дняхъ, а именно въ четвергъ, я видѣлъ въ степи журавлей, аисты также прилетали, а въ субботу ввечеру даже жуки летали.

27 ч. Вербное Воскресеніе (выписки). Я получилъ № Сенатскихъ Вѣдомостей и письмо къ сестрѣ Лелѣ съ надписью: «скоропоспѣшно нужное». Лореръ прислалъ мнѣ 2-ой № Сына Отечества: прекрасный и презанимательный журналъ. Я ловилъ рыбу, потомъ ѣздилъ кататься на большую дорогу. Ввечеру писалъ къ сестрѣ Лелѣ въ Николаевъ съ препровожденіемъ письма на ея имя, также съ письмомъ къ М. М. Кирьякову; писалъ къ почтмейстеру Флендлеру, чтобы справиться о причинѣ неполученія писемъ изъ Одессы уже третью почту, и съ этими письмами отправилъ Ваську, а къ сестрѣ Катѣ писалъ въ Вознесенскъ чрезъ посредство шт. ротм. Колбе въ Еланцѣ [2]): онъ всегда пересылаетъ мои письма, отправляемыя въ Ново-Святское [3]). Катю увѣдомлялъ о пріѣздѣ Лели и просилъ ее отправить наши письма къ Наденькѣ Кантакузиной. Поу. + 6°, въ полд. + 11°, ввеч. + 4°. Солнечный день, маленькій вѣтеръ.

28 ч. пон. Отправилъ Савку Литвиненка въ Херсонъ за лентуками (большими мѣшками), оставленными тамъ въ прошломъ году при доставкѣ на мойку проданной шерсти. Писалъ къ Манькову, которому отправилъ $1^1/_2$ четверти пшеничной муки, 1 четв. ржаной, 4 п. пшена и кувшинъ

[1]) Деревня на р. Ингулѣ, Херсонск. у.

[2]) Село Елисаветгр. у., на р. Гниломъ Еланцѣ

[3]) Село того-же у., на р. Громоклеѣ.

масла; также писалъ къ Moulins, мастеру и хозяину мойки. Совсѣмъ неожиданно пріѣхали къ намъ мой двоюродный братъ М. И. Топильскій (кол. асс. совѣтн. Тверск. губ. правленія, прикомандированный къ Од. Воен. губернатору гр. А. П. Толстому) и братъ Александръ. Я воспитывался съ Топильскимъ въ Моск. университетѣ; пріѣздъ его весьма обрадовалъ меня Мы съ нимъ не видѣлись съ 1827 г. и онъ обновилъ въ памяти моей едва-ли не лучшіе годы жизни нашей. Окончаніе учебнаго существованія,—это время, когда умственная сторона человѣка начинаетъ развиваться и набрасываетъ какой-то волшебный отблескъ на всѣ окружающіе предметы, есть эпоха, которая никогда не подвергается гнету забвенья; чѣмъ далѣе идешь жизненнымъ путемъ, чѣмъ гуще становится то, что называется въ свѣтѣ опытностью, тѣмъ съ большимъ восхищеніемъ оглядываешься назадъ, чтобы полюбоваться плѣнительною точкой отправленія. Сколько утопій, безвозвратно рушенныхъ! сколько разочарованій, съ быстротой молніи слѣдующихъ одно за другимъ! Поневолѣ иногда вздохнешь отъ глубины душевной, не о дѣтствѣ, но о той порѣ, когда впервые почувствовалъ себя человѣкомъ! — Посѣяли арнаутки 3 четв. 2 мѣрки. Поу + 4°, въ полд + 13°, ввеч. + 7°. Солнце, потомъ пасмурно.

29 ч. вт. Топильскій мнѣ читалъ кое-какія написанныя имъ дѣловыя бумаги: если онъ не ослабнетъ духомъ — онъ будетъ значительнымъ и весьма полезнымъ человѣкомъ [1]). Мы много ходили и много бесѣдовали о различныхъ предметахъ; въ 8 ч. послѣ обѣда они поѣхали въ Елисаветградъ. Посѣяли арнаутки 12 четв. 3½ м., картофельнаго овса 1 четв. 1½ м., льну 8 четв. Поу. + 6°, въ полд. + 13°, ввеч. + 9°. Солнце, потомъ пасмурно.

30 ч. ср. Поутру получилъ письма: отъ М. М. Кирьякова изъ Одессы; Онъ все не здоровъ и въ предыдущемъ письмѣ, полученномъ черезъ братапишетъ опять, что хлопочетъ объ отпускѣ къ карлсбадскимъ водамъ; отъ души жаль этого благороднаго во всѣхъ отношеніяхъ и умнаго человѣка. Julie пишетъ также ко мнѣ весьма милое письмо. Отъ сестеръ письма изъ Николаева. Отвѣтъ отъ Флендлера, николаевскаго почтмейстера. Получилъ Од. Вѣст., въ 23 № котораго помѣщенъ весьма лестный рескриптъ Государя Императора къ гр. Мих. Сем. Воронцову, по случаю извѣстія объ окончаніи чумы въ Одессѣ. Этотъ рескриптъ обрадовалъ меня болѣе, нежели собственное награжденіе. Кстати, Топильскій привезъ бумагу отъ графа, который увѣдомляетъ меня о всемилостивѣйше пожалованномъ мнѣ подаркѣ.

---

[1]) Предсказаніе, вполнѣ оправдавшееся: М. И. Топильскій хоть и дослужился до высокихъ чиновъ, но извѣстенъ болѣе всего своею личною близостью къ гр. В. Н. Панину въ бытность его министромъ юстиціи.

Въ письмахъ изъ Одессы говорятъ о разныхъ сплетняхъ презрительныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ обидныхъ. Сегодня выставили пчелъ на чистый воздухъ. У насъ было въ темникѣ 157 ульевъ, изъ которыхъ погибли зимою 4 улья. Жена вышла на воздухъ первый разъ послѣ родовъ. Погода тихая, прекрасная (выписки). Послѣ обѣда ѣздилъ въ степь смотрѣть посѣвы; кажется, не подвержено ни малѣйшему сомнѣнію, что озимая пшеница совершенно пропала. Это происходитъ оттого, что вѣтры сильные согнали весь снѣгъ и морозы уничтожили всходы. Поу. + 4°, въ полд. + 12°, ввеч. + 8°. Солнце, тихо.

31 ч. четв. Проснувшись, я былъ обрадованъ маленькимъ тихимъ дождемъ, совершенно благотворнымъ, въ особенности для посѣвовъ (выписки). Послѣ обѣда ѣздилъ на большую дорогу до кургановъ. Ввечеру писалъ въ Одессу къ М. М. Кирьякову и къ С. В. Сафонову. Отослалъ къ Флендлеру 20 р асс. за корресподенцію 2-хъ мѣсяцевъ. Отправивши Петрушку, читалъ громко всѣмъ своимъ 12 страстныхъ евангелій. Поу. + 6°, въ полд. + 6°, ввеч. + 1°. Поутру пасмурно и маленькій теплый дождь потомъ солнце и вѣтерокъ, ввечеру пасмурно и тихо.

Апрѣль 1 ч. пят. (Выписки). Послѣ обѣда ѣздилъ на ст. Лорерову на встрѣчу брату Александру; такъ какъ Елисаветградская почта не приходила еще,—то я писалъ къ М. М. Кирьякову въ Одессу. По книгѣ станціонной видно, что проѣхалъ *состоящій въ должности иркутскаго гражданскаго губернатора д. с. с. Левшинъ*. Лореръ пришелъ ко мнѣ на станцію и завелъ къ себѣ, гдѣ я пилъ чай. Вечеръ былъ превосходный. Поу. + 5°, въ полд. + 9°, ввеч. + 5°. Солнечный день, весьма тихо.

2 ч. суб. Поутру перевелъ фельетонъ J. des D. объ изданіи Trésor de numismatique et glyptique. Братъ Александръ пріѣхалъ и привезъ мнѣ со станціи Сен. Вѣд., 4 ый № Худож. Газ. и наконецъ вмѣстѣ 7 №№ R. Etr. Послѣ обѣда раздавали пасхи разнымъ лицамъ. Поу. + 4°, въ полд. + 10°, ввеч. + 6°; солнце, потомъ къ вечеру пасмурно и дождь. Петрушка возвратился изъ Николаева, а Савка изъ Херсона.

3 ч. воскр. Праздникъ Свѣтлаго Христова Воскресенія. Христосъ Воскресе! Мы съ братомъ Александромъ играли въ бостонъ вдвоемъ. Поу. + 3°, въ полд. + 4°, ввеч. + 5°. Почти цѣлый день дождь.

4 ч. пон. Получили письма изъ Одессы: отъ М. М. Кирьякова и Julie. Пишутъ, что въ Общ. С. Х. Ю. Россіи нѣсколько членовъ вздумали предложить отдать ферму въ вѣчное владѣніе Испару [1]); предложеніе это сдѣлано Демолемъ [2]); по моему мнѣнію, это весьма шарлатанскій поступокъ и Общество не имѣло права уступать въ собственность земли, дарованной для опытовъ Обществу; но, несмотря, что гр. М. С. защищалъ мнѣніе

[1]) Извѣстный хозяинъ.

[2]) Тоже.

Демоля, многіе члены, какъ-то гр. Толстой [1]), Стурдза, Левшинъ, Рубо и многіе другіе объявили рѣшительное несогласіе. Чѣмъ-то окончится это преніе? Между тѣмъ, какъ того и должно ожидать — это дѣло (именно по своей мерзости) встрѣтило сильного поборника въ Ф. М. Г. Опять играли въ бостонъ съ братомъ. Мужики приходили христосоваться со мною Поу. + 5°, въ полд. + 6°, ввеч. + 3°. Дождь и сильный вѣтеръ.

5 ч. вт. Были у насъ Лореръ и Дудниковъ. Мы съ братомъ играли въ бостонъ и въ вистъ. Поу. + °3, въ полд. + 10°, ввеч. + 6°; солнечный день, сильный вѣтеръ; потомъ къ вечеру пасмурно и цѣлую ночь дождь.

6 ч. ср. Послѣ обѣда съ братомъ отправились къ Лореру; на дорогѣ, подлѣ деревни Хмѣльницкихъ, встрѣтили М. И. Топильскаго. У Лорера я узналъ, что Николаевская питейная ковтора подала на насъ прошеніе въ Херс. Нижн. Земск. Судъ въ томъ, что *якобы* (невольно употребляю крючкотворное выраженіе) мы имѣемъ въ нашемъ подвалѣ незапечатанную водку. Возвратившись домой, я тотчасъ же писалъ къ Манькову въ Херсонъ и, отправилъ нарочнаго, чтобы узнать навѣрное. Поу. + 6°, въ полд. + 10°, ввеч. + °. Пасмурно, вѣтеръ.

7 ч. четв. Тавровали лошадей. Послѣ обѣда пріѣхали къ намъ кн. А. Н. Кантакузинъ съ женою. Поу. + 7°, въ полд. + 14°, ввеч. + 8°, Солнце, сильный вѣтеръ.

8 ч. пятн. Рано поутру я получилъ извѣстіе отъ Лорера, что Херсонскій Губернаторъ Викт. Як. Рославецъ ночевалъ у него и желаетъ видѣться со мною; я тотчасъ-же отправился къ Лореру, гдѣ и видѣлся съ губернаторомъ и обѣдалъ съ нимъ. Викт. Як. былъ весьма привѣтливъ и ласковъ со мною; онъ ни мало не перемѣнился и совершенно таковъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ и въ то время, когда я былъ знакомъ съ нимъ и видѣлись почти каждый день въ Одессѣ. Жаль, что здоровье его плохо. Больно было слышать, съ какимъ хладнокровіемъ онъ говорилъ о своей болѣзни. Я знаю, говорилъ онъ, что доктора меня обманываютъ; у меня аневризмъ и я привыкъ къ идеѣ, что могу тотчасъ-же упасть и умереть. Несмотря на свое слабое здоровье, онъ, какъ видно, много занимается своею должностью, добросовѣстно и съ усердіемъ; но климатъ херсонскій убійственъ для него. Пообѣдавши онъ отправился въ Бобринецъ и въ Александрію, а потомъ поѣдетъ осматривать устраиваемую вновь почтовую дорогу изъ Елисаветграда прямо на Вознесенскъ. Возвратившись домой, и много глулялъ пѣшкомъ съ братомъ, Кантакузинымъ и Топильскимъ; ходили въ лѣсу. Поу. + 7°, въ полд. + 12 °, ввеч. + 7°. Солнечный день, сильный вѣтеръ.

---

[1]) Толстой — гр. Михаилъ Димитріевичъ, извѣстный хозяинъ. Стурдза, Александръ Скарлатовичъ — также; тоже и Рубо; о Левшинѣ было говорено выше.

9 ч. субб. Послѣ ранняго обѣда Топильскій и братъ отправились въ Одессу. Я писалъ съ ними къ М. М. Кирьякову, къ сестрѣ Лелѣ и отослалъ въ клубъ Journal des Débats. Послѣ прогуливались съ Кантакузинами, съ женою и съ тетенькою. Далъ Алексѣю для посѣва 4 гарнца картофельнаго овса. Поу. + 7°, въ полд. + 15°, ввеч. + 9. Солнечный день. Женѣ вышло 6 недѣль послѣ родовъ.

10 ч. воскр. Получилъ письма изъ Одессы отъ Мих. Мих. и отъ Ст. Вас. Сафонова. Мих. Мих. пишетъ ко мнѣ, что представлено за чуму къ орденамъ до четырехсотъ чиновниковъ. Алекс. Орлаю вышелъ въ отпускъ въ чужіе края; его лошади, экипажи вышли уже изъ Одессы въ Вѣну. Завтракъ у гр. Воронцова на первый день праздника чрезвычайно блистателенъ. Сафоновъ пишетъ ко мнѣ весьма откровенно: онъ жалуется на то, что многіе въ Одессѣ завидуютъ и громко вопіютъ противъ него за его отправленіе къ Государю Императору съ извѣстіемъ о прекращеніи чумы и за полученную имъ награду. Признаюсь, непонятны мнѣ эти завистливые клики — изъ всѣхъ проповѣдниковъ, гремѣвшихъ противъ, едвали нашелся-бы одинъ, кто отказался-бы отъ порученности проскакать въ С.-Петербургъ съ такимъ-же порученіемъ. Что касается да меня, то я всегда говорю и говорилъ, что Сафоновъ весьма обязательный и на все доброе готовый человѣкъ. Кантакузины уѣхали послѣ ранняго завтрака. Жена ѣздила въ церковь брать молитву и возвратясь привезла множество фіалокъ. Я сбиралъ громаду (т. е. сдѣлалъ мірскую сходку, какъ называютъ въ Россіи) и дѣлалъ мужикамъ различныя хозяйственныя увѣщанія. Получилъ письма отъ сестеръ изъ Одессы. Леля прислала намъ двѣсти апельсиновъ и сто лимоновъ. Посланный изъ Херсона возвратился и Маньковъ отвѣчалъ мнѣ, что точно подано прошеніе на насъ отъ питейной конторы и что слѣдствіе поручено какому-то Вьюнову, засѣдателю корчемныхъ дѣлъ, родному брату Херсонск. губернск. прокурора Никол. Ѳом. Вьюнова, который прежде служилъ въ штатѣ Новоросс. и Бесс. генер. губернатора. Послѣ обѣда объѣзжалъ съ Антономъ поля по сю сторону. Осматривалъ криницу (т. е. источникъ воды), способную для водопоя воловъ, работающихъ въ полѣ. Послалъ съ садовникомъ Никитою 4 гарнца картофельнаго овса Викт. Петр. Скаржинскому и просилъ у него различныхъ растеній. Поу. + 8°, въ полд. + 17°, ввеч + 10°. Солнечный день и сильный вѣтеръ.

11 ч. пон. Поутру ходилъ осматривать разныя хозяйственныя работы и былъ доволенъ. Послѣ обѣда ѣздилъ осматривать дачу Рышковатую, куда намѣренъ перевести часть овецъ, табунъ и рогатый скотъ. Поу. + 10°, въ полд. + 16°, ввеч. + 11°. Солнечный день, весьма сильный вѣтеръ.

12 ч. вторн. Поутру перевелъ съ нѣмецкаго жизнь академика Гильденштедта. Послѣ обѣда снова ходилъ осмотрѣть работы. Ленъ взошелъ

прекрасно. Въ добрый часъ! Поу. + 10°, въ полд. + 13½°, ввеч. + 11½°. Пасмурно, сильный вѣтеръ.

13 ч. ср. Всталъ въ 6 ч. и тотчасъ-же отправился съ Антономъ въ лѣсъ, гдѣ самъ назначилъ срубить 16 деревьевъ на сохи для клуни, которую предполагаемъ построить. Послѣ обѣда ѣздилъ къ Дудникову, гдѣ познакомился съ сосѣдомъ нашимъ Никорою; отвезъ Дудникову 1½ гарнца картофельнаго овса. Отъ него проѣхалъ къ Лореру; онъ далъ мнѣ пробѣжать путешествіе Мармонта и просилъ отвезти Норму Рославцу (за неимѣніемъ важнѣйшихъ, довольно важное происшествіе, которое заношу въ памятникъ и не могу не улыбнуться). Поу. + 9°, въ полд. + 13, ввеч. + 9°. Пасмурно, сильный вѣтеръ; ввечеру маленькій дождь, продожавшійся весьма короткое время.

14 ч. Поутру пробѣгалъ путешествіе Мармонта (на полѣ выписано точное названіе книги [1]); его описаніе Новороссійскаго края можно выразить въ нѣсколькихъ словахъ—замѣтки человѣка, скакавшаго на *русскихъ* курьерскихъ и слѣдовательно: 1) утомленнаго, 2) вѣрящаго на слово гр. Витту [2]), который представляется ему во всемъ блескѣ геніальности, и 3) восхищающагося блистательнымъ пріемомъ, сдѣланнымъ ему въ Россіи, чего онъ никакъ не ожидалъ. Я самъ видѣлъ его въ Елисаветградѣ; онъ осматривалъ собранныя тамъ войска; странно было видѣть человѣка во фракѣ, осматривавшаго войска и которому отдаютъ всѣ воинскія почести; наши глаза, привыкшіе къ мундиру, были поражены этимъ зрѣлищемъ; что-же солдаты? Они не могли постичь, что все видѣнное ими, этотъ *енералъ* во фракѣ, для котораго ихъ довольно муштровали. — не сонъ. Впрочемъ, во взглядѣ Мармонта, когда онъ проѣзжалъ ряды, сейчасъ замѣтно было, что этотъ человѣкъ привыкъ смотрѣть прямо въ глаза человѣку; его взоръ чрезвычайно выразителенъ. Не могу утерпѣть, чтобы не выписать его сужденія о гр. Виттѣ: «Je trouvai également à Odessa le general en chef, comte de Vitt, commendant des troupes et inspecteur des colonies militaires de cavalerie. C'est à son esprit éclairé, positif et étendu, à son jugement exquis et à sa prodigieuse activité, que l'on doit la création des colonies. Il a rendu par là un service immense à l'empire de Russie, car cette institution admirable offre tout à la fois des très grands avantages au souverain № et à la population». Разсказывая о своемъ путешествіи по Южному берегу, онъ говоритъ объ Оріандѣ гр. Витта: «La maison du comte de Vitt est charmante, quoique modeste, ou y trouve l'empreinte de l'esprit de son possesseur tout y est d'abord utile et bien entendu: elle offre

[1]) Voyage du M. le maréchal Duc de Ragouse en Hongrie, en Transilvanie, dans la Russie Méridionale, en Crimée et sur les bords de la mer d'Azoff, à Constantinople et sur quelques parties d'Asie Mineure, en Syrie, en Palestine et en Egypte. Bruxelle. 1837.

[2]) Иванъ Осиповичъ, инспекторъ всей поселенной кавалеріи.

les commodités d'une habitation, qui serait déjà ancienne etc.». Нельзя не замѣтить, что домъ въ Оріандѣ построенъ не гр. Виттомъ, а Сабанскою, которая теперь вышла замужъ за Ст. Христоф. Чирковича. На стр. 206 Маршалъ говоритъ о генералахъ, которые его принимали: «ils ont tous été si bons et si empressés pour moi que je trouve un charme particulier à rappeler leurs noms et à leus exprimer ma reconnaissance». Весьма похвальна эта черта въ характерѣ герцога Рагузскаго и, вѣроятно, лица, которыя имѣли съ нимъ дѣло, были-бы весьма довольны его внимательнымъ воспоминаньемъ, — если-бъ только они могли узнать себя въ его повѣствованіи; напримѣръ, кто догадается, что Chabosky значитъ Шабельскій, Sachkaroff—Лашкаревъ, Raborensky—Заборинскій и т. п. Есть фамиліи, которыя до того исковерканы, что никто на свѣтѣ не узнаетъ, о комъ идетъ рѣчь; я не говорю уже о названіяхъ тѣхъ мѣстъ, которыя онъ осматривалъ,—тамъ рѣшительно ни одно не сохранило своего настоящаго. Не такъ проѣзжалъ Гильденштедтъ по нашему краю: его разсказъ о совершенномъ имъ путешествіи по Новороссійскому краю въ 1774 г. сохранилъ всю свѣжесть и совѣстливую точность. Когда-нибудь на досугѣ поговорю подробнѣе о путешествіи Мармонта.

Получили письмо изъ Одессы; Мих. Мих. не пишетъ ко мнѣ, предполагая, что я уже выѣхалъ въ Одессу. Извѣщаютъ о смерти Дмитрія Львовича Нарышкина [1]). Послѣ обѣда ходилъ пѣшкомъ въ лѣсъ, а послѣ ѣздилъ на большую дорогу. Поу. $+5^0$, въ полд. $+12^1/_2{}^0$, ввеч. $+7^0$. Солнечный день, вѣтеръ.

15 ч. пятн. Утро провелъ въ читаньи полученной газеты. Послѣ обѣда ѣздилъ на большую дорогу. Пріѣхалъ Никита садовникъ и привезъ мнѣ отъ Скаржинскаго [2]) слѣдующія растенія (перечисляются). Поу. $+5^0$, въ полд. $+7^0$, ввеч. $+7^1/_2{}^0$. Поутру солнце, потомъ облачно, весьма пасмурно, довольно сильный вѣтеръ и, наконецъ, передъ вечеромъ тихо и частый дождь.

16 ч. субб. Цѣлое утро разбивалъ я самъ съ Антономъ клуню на 20 саж. длины и 8 с. ширины; въ то время шелъ маленькій теплый дождь. Послѣ обѣда я съ Ксеніей ѣздили кататься на большую дорогу.

17 ч. воскр. Поутру ѣздилъ къ Лореру, который снабдилъ меня коляской для поѣздки въ Одессу. Получилъ отвѣтъ весьма любезный отъ Кукольника. Послѣ обѣда сзывалъ громаду, потомъ дѣлалъ различныя хозяйственныя распоряженія, а ввечеру прогуливались съ женою. Вечеръ превосходный.

---

[1]) Мужъ знаменитой Маріи Антон. Нарышкиной.

[2]) Викторъ Петровичъ, извѣстный хозяинъ, владѣлецъ селъ Трикраты, Мигея и др. Елисаветгр. уѣзда.

18 ч. пон. Выѣхалъ въ Одессу въ 3 ч. поутру на своихъ до ст. Вейландовки. Въ Николаевъ пріѣхалъ часовъ въ 9 и остановился у Кирьяковыхъ, которые, по обыкновенію, приняли меня весьма радушно. Въ Николаевѣ я, противу чаянія, пробылъ часовъ 5; мнѣ нужно было взять подорожную; причемъ случилось довольно досадное происшествіе. Какой-то секретарь полиціи требовалъ у меня документа на званіе чиновника штата Нов. и Бесс. Ген. губернатора и титулярнаго совѣтника: «полиція не можетъ выдать вамъ свидѣтельства, потому что она не увѣрена въ вашемъ званіи и вы, легко можетъ быть, какой-нибудь самозванецъ». И такъ я принужденъ былъ ѣхать къ и. д. Никол. ген. губернатора генер. лейт. Тулубьеву, который подписалъ своимъ удостовѣреніемъ, что я не самозванецъ. Потомъ ѣздилъ къ управляющему питейной конторой, потолковать съ нимъ о дѣлѣ корчемномъ, которое взводитъ откупъ на Бервицевку; управляющій, человѣкъ весьма вѣжливый, выслушавъ меня, просилъ оставить ему краткую записку о сущности дѣла и обѣщалъ прекратить его миролюбно. Позавтракавши плотно у Кирьяковыхъ, я отправился въ дальнѣйшій путь. Переправляясь черезъ Бугъ, я сильно страдалъ отъ нестерпимаго жару. Ночью, часу въ первомъ, я пріѣхалъ въ Дофиновку [1]), послѣднюю станцію, гдѣ и ночевалъ.

19 ч. вторн. Рано поутру поднялся я, чтобъ пріѣхать какъ можно ранѣе въ Одессу и застать М. М. Кирьякова, который долженъ былъ выѣхать въ тотъ день въ деревню. Проѣхавши прямо къ Кирьяковымъ, засталъ ихъ спящими; отъ нихъ поѣхалъ къ сестрѣ Лобри, гдѣ тоже всѣ спали. Я очень люблю Одессу, привыкъ къ ней, какъ къ родной, имѣю многихъ друзей, расположенныхъ ко мнѣ.... но, въ нынѣшній пріѣздъ я не чувствовалъ себя веселымъ; такъ сильно перемѣняютъ насъ семейство — эта волшебная неразрывная цѣпь — и привычка: не успѣлъ выѣхать въ Одессу, я уже думалъ объ оставленной мной деревнѣ, или, вѣрнѣй, о тѣхъ, кого я оставилъ въ деревнѣ. Сдѣлалъ нѣсколько визитовъ, какъ-то: въ канцелярію, къ Фундуклею, кн. В Голицыну, кн. А. Гагарину [2]), Подолинскому (Андр. Ив.) [3]), Пущинымъ, Дембровскимъ, Хорватамъ [4]); обѣдалъ у Кирьяковыхъ, а вечеръ сидѣлъ у сестры Лели. Я остановился въ квартирѣ брата Александра въ Петербургской гостиницѣ на Бульварѣ [5]).

20 ч. ср. Былъ съ Мих. Мих. у Вице-президента Общ. С. Х. Ю. Р. Александра Скарлатовича Стурдзы, который принялъ меня весьма хорошо;

---

[1]) Село Одесск. у., при Черн. морѣ.

[2]) Адъютантъ гр. Воронцова.

[3]) Поэтъ; въ то время помощникъ Окружн. Почтъ Инспектора VII Округа.

[4]) Все это представители мѣстной аристократіи.

[5]) Она находится и теперь на томъ же мѣстѣ.

СМѢСЬ.

Татарскія народныя повѣрія и соотвѣтствующія имъ параллели въ сказаніяхъ другихъ народовъ.

Въ одномъ изъ рукописныхъ сборниковъ, принадлежащихъ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей, подъ № $\frac{\text{XII}}{81a}$ находятся матеріалы, сообщенные бывшимъ, нынѣ покойнымъ членомъ Общества Е. Шевелевымъ, касающіеся народныхъ татарскихъ повѣрій. Находя эти матеріалы довольно интересными, я счелъ вполнѣ справедливымъ воспользоваться ими, давъ имъ подобающее объясненіе и поставивъ ихъ въ связь съ сказаніями другихъ народовъ.

I. Происхожденіе горъ.

Въ то время, когда еще земля была покрыта водою и непроницаемый мракъ облекалъ её, Господь Богъ взялъ съ собою Ангела Ивлиса (sic), приблизился съ нимъ къ морю и велѣлъ ему, погрузившись въ воду, достать со дна морского песку. Ивлисъ исполнилъ приказаніе Господне, нырнулъ и, взявши песку, подалъ ему. Богъ повелѣлъ сдѣлать тоже въ другой и третій разъ. Ивлисъ, погружаясь въ послѣдній разъ въ морскую пучину и недоумѣвая, къ чему-бы Богу нуженъ былъ песокъ, вздумалъ спрятать одну песчинку въ ротъ. Когда-же подалъ въ третій разъ со дна морскаго песку, то Господь Богъ началъ бросать песокъ сперва къ Востоку, потомъ къ Полудню, Западу и наконецъ къ Полуночи. Вдругъ по мановенію Господню, къ изумленію Ивлиса, начала по верху водъ простираться земля и въ то-же время Ивлисъ почувствовалъ у себя во рту необыкновенное движеніе: спрятанная имъ песчинка стала быстро расширяться и загромоздила ему ротъ до такой степени, что когда обратился къ нему Господь и началъ спрашивать, что съ нимъ дѣлается? онъ не въ состояніи былъ ничего говорить и только знаками, изъясняя причину случившагося съ нимъ приключенія, просилъ освободить его отъ бѣды. Господь, разсмѣявшись, повелѣлъ ему плевать на землю, и вотъ изъ этого бренія произошли горы.

Это сказаніе представляетъ собою не что иное, какъ космогоническій миѳъ дуалистическаго характера о созданіи земли. Академикъ А. Н. Веселовскій, собравшій богатую и интересную литературу, касающуюся дуалистическихъ повѣрій о мірозданіи [1]), придаетъ громадное значеніе Богомильской ереси въ вопросѣ пропаганды и распространенія этихъ дуалистическихъ сказаній и даже въ вопросѣ передѣлокъ и окраски этой ересью космогоническихъ сказаній; въ то-же время онъ признаетъ, что исконно-славянскій характеръ дуалистическаго миѳа о мірозданіи долженъ быть оставленъ подъ сильнымъ сомнѣніемъ [2]). Однако все-же А. Н. Веселовскій находитъ болѣе правильнымъ разсмотрѣніе космогоническихъ сказаній начинать съ отреченной богомильской литературы и лишь затѣмъ переходитъ къ многочисленнымъ сказаніямъ славянскимъ, русскимъ и русско-инородческимъ. Высказавшись съ своей стороны по вопросу о дуализмѣ [3]), я въ данномъ случаѣ прибавлю слѣдующее: Въ вопросѣ о дуализмѣ и дуалистическихъ воззрѣніяхъ въ народныхъ сказаніяхъ необходимо различать три стороны дѣла: 1) народную основу всѣхъ этихъ сказаній, скрывающуюся въ туманѣ временъ; 2) болѣе или менѣе позднюю передѣлку этихъ народныхъ сказаній, соединенную съ извѣстной тенденціей или нѣтъ, и наконецъ 3) распространеніе этихъ передѣланныхъ сказаній. Въ богатой сокровищницѣ народнаго духа найдется множество всяческихъ элементовъ, и примптивныхъ и культурно-наслоенныхъ или подвергнувшихся позднѣйшей разработкѣ. Въ частности—по отношенію къ вопросу о передѣлкѣ народныхъ дуалистическихъ понятій и сказаній надо замѣтить, что эта передѣлка началась гораздо ранѣе Богомиловъ. Идеальный дуализмъ выработала изъ народныхъ началъ философія. Она-то главнымъ образомъ и постаралась установить два начала—доброе и злое, и показать отношеніе этихъ началъ между собою и къ міру. Этимъ принципіальнымъ обоснованіемъ двухъ началъ впослѣдствіи и воспользовались различныя секты для своихъ цѣлей и сообразно своимъ различнымъ толкамъ и вносили разныя поправки въ народные мотивы, отчего и образовалось множество варіантовъ одного и того-же народнаго сказанія. Что касается того обстоятельства, что Богомильская секта была, по словамъ А. Н. Веселовскаго, пропагандирующая и заподозрѣна была въ приверженности къ «баснямъ» [4]), то это не даетъ еще права всю массу народныхъ дуалистическихъ сказаній, какъ славянскихъ, русскихъ и русско-инородческихъ, выводить непремѣнно отъ Богомиловъ. Къ Богомиламъ мы въ данномъ случаѣ обращаемся по необходи-

---

[1]) А. Н. Веселовскаго. Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XI. Сборникъ Ак. Наукъ, тт. 46 и 53.

[2]) Ibid, т. 46, стр. 33.

[3]) О мнимомъ дуализмѣ въ миѳологіи Славянъ.

[4]) Ibid, стр. 34.

мости, какъ болѣе близкому къ намъ историческому термину, болѣе намъ извѣстному и документально выясненному. Но это не исключаетъ, конечно, возможности и другихъ вліяній и другой обработки дуалистическихъ сказаній болѣе ранняго времени, обязанной другимъ ученіямъ, бывшимъ гораздо ранѣе Богомильства. Самая распространенность этихъ сказаній объясняется не стремленіемъ Богомильства къ пропагандѣ своего ученія, какъ думаетъ академикъ А. Н. Веселовскій, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ о непосредственномъ вліяніи Богомиловъ не можетъ быть и рѣчи, а тѣми народными началами, какія лежатъ въ основѣ этихъ сказаній—съ одной стороны, а съ другой—распространеніемъ христіанства среди разныхъ народностей, которое, помимо всякихъ сектантскихъ вліяній, само способствовало созданію дуалистическихъ сказаній, поддерживаемое, конечно, народнымъ міросозерцаніемъ. Что касается того обстоятельства, что въ разсматриваемомъ сказаніи частный мотивъ о созданіи горъ замѣнилъ собою общій мотивъ—о созданіи земли, то это объясняется, по всей вѣроятности, приспособленіемъ сказанія къ характеру той мѣстности, гдѣ нашло оно себѣ пріютъ.

II. Сотвореніе первыхъ людей.

О сотвореніи Адама татары разсказываютъ различно. Одни утверждаютъ, что Богъ послалъ Ангеловъ принести ему семь горстей земли и при томъ разныхъ цвѣтовъ для отличія народныхъ поколѣній. Изъ этой земли Ангелы сдѣлали броніе, изъ котораго Богъ вылѣпилъ человѣка и поставилъ его сохнуть на сорокъ лѣтъ. Надобно замѣтить, что Ангелы не совсѣмъ были довольны слѣпкомъ этого новаго творенія и въ особенности Ивлисъ, который предвидѣлъ, что Господь преднамѣревалъ это созданіе сдѣлать выше его, и потому въ изліяніи ненависти толкнулъ съ презрѣніемъ слѣпокъ Адама, отъ чего онъ издалъ нѣкоторый звукъ[1]). Послѣ этого Господь вдохнулъ въ него душу разумную и поселилъ въ раю, гдѣ въ послѣдствіи изъ ребра его создалъ Евву. Другіе опять говорятъ, что всѣ люди, кромѣ Адама и Христа Спасителя, созданы изъ сгустившейся крови; что-же касается до Адама, то онъ вылѣпленъ Богомъ изъ нѣкотораго рода красной глины[2]), и ростомъ своимъ превосходилъ самыя высокія пальмы, при чемъ утверждаютъ, что на островѣ Серендибѣ (Цейлонѣ), на одной горѣ, называемой Ребунъ, и донынѣ видѣнъ слѣдъ его ступни, которая длиною простирается болѣе *двухъ локтей*.

---

[1]) Говорятъ, что этотъ звукъ выражалъ слово *Алла*, одно изъ именъ Бога. Прим. Е. Шевелева.

[2]) Это сказаніе, вѣроятно, перешло къ Магометанамъ изъ Еврейскаго-Саддукейскаго ученія. Они также полагаютъ, что Адамъ созданъ изъ красной земли. См. Іосифа Флавія. Т. I, кн. I, ст. 2. Прим. Е. Шевелева.

Здѣсь приведены двѣ версіи сказанія о созданіи Адама. По общемусульманскимъ сказаніямъ о созданіи Адама говорится, что четыре высшихъ Ангела: Гавріилъ, Михаилъ, Издрафиль и Азраиль должны были принесть отъ четырехъ концовъ свѣта земли, изъ которой Богъ создалъ его тѣло; для сердца и головы была взята земля изъ Мекки и Медины, именно съ того мѣста, гдѣ позже было святая *кааба и гробъ Магомета*[1]). Относительно недовольства твореніемъ человѣка въ мусульманскихъ сказаніяхъ читаемъ: послѣ созданія Адама, когда собрались Ангелы, Богъ приказалъ имъ поклониться Адаму, какъ совершеннѣйшему, свободнѣйшему, черезъ божественное дуновеніе ожившему существу. Издрафиль повиновался тотчасъ, вслѣдствіе чего Богъ вручилъ ему книгу судьбы; ему послѣдовали другіе Ангелы; только Иблисъ не повиновался и съ гордостью сказалъ: какъ созданный изъ огня Ангелъ долженъ поклониться человѣку, созданному изъ земли? Вслѣдствіе чего онъ былъ исключенъ изъ среды Ангеловъ и ему воспрещенъ входъ въ рай[2]). Въ талмудическихъ сказаніяхъ о созданіи Адама (въ Tractat Sanhedrin, fol. 38, col. 1—2) мы находимъ слѣдующее: Равви Мейеръ говоритъ, что земля, изъ которой созданъ Адамъ, собрана была изъ всѣхъ концовъ свѣта. (Псал. 136, v. 16). Равви Ошайа говоритъ: тѣло перваго человѣка взято изъ Вавилона, его голова изъ земли Израильской, его члены изъ прочихъ земель. Въ 11-й гл. ученій Равви Елисея говорится, что Богъ взялъ изъ четырехъ угловъ свѣта земли, изъ которой и былъ созданъ Адамъ[3]).

Въ нашемъ сказаніи также замѣтенъ дуализмъ, который выразился въ томъ, что бреніе для слѣпка Адама дѣлаютъ Ангелы, недовольные при этомъ твореніемъ человѣка.

Переходимъ къ другой версіи сказанія о созданіи Адама.

Сказанія о созданіи Адама изъ красной глины[4]), по всей вѣроятности, возникли на почвѣ объясненія имени перваго человѣка—Адама. Нѣкоторые объясняютъ имя Адамъ по начальнымъ еврейскимъ буквамъ: *pulvis, sanguis и rebellis.* У Іосифа Флавія Адамъ значитъ: *πυῤῥος*—красный, огненнаго цвѣта. У Евсевія—Адамъ=*γηγενής*—происшедшій изъ земли (VII, p. 307, и XI, p. 516). У другихъ комментаторовъ Адамъ значитъ: *γῆ*=земля, *ἄνθρωπος*, *ἐρυθρὰ γῆ*=красная земля, *γῆ σαρκουμένη*=земля, превращенная въ плоть,

---

[1]) Weil. Biblische Legenden der Muselmänner p. 12—13.

[2]) Ibid, p. 15—16.

[3]) Eisenmengers. Entdecktes Judenthum. T. I, S. 365.

[4]) Сказаніе о созданіи всѣхъ людей изъ сгустившейся крови основывается на XCVI гл. Корана, именуемой «*сгущенная кровь*», которая начинается такъ: «прочитывай алъ-Коранъ во имя Господа твоего, создавшаго всѣ вещи; создавшаго человѣка изъ сгущенной крови». Въ комментаріи къ этому мѣсту сказано: Всѣ люди созданы изъ сгустившейся крови, кромѣ Адама и Еввы, а также Богочеловѣка Іисуса Христа» (См. Алъ-Коранъ. Г. Сейля. Переводъ А. Колмакова, ч. II, стр. 285. Прим., стр. 181.

γῆ ἐρχομένη=одушевленная (ходящая) земля, *αἷμα, χοῦς*,=перстъ, *μαρτυρία*=свидѣтельство и *ομοίωσις*=подобіе [1]). О ростѣ Адама въ Bibliotheca rabbinica Bartoloccii (t. II, p. 65) читаемъ: Вначалѣ Адамъ созданъ былъ такимъ, что голова его касалась неба. Когда увидали его служебные Ангелы, то убоялись и, вознесшись къ Богу въ его высшее обиталище, сказали: Господь міра: двѣ власти суть въ мірѣ. Тогда Богъ положилъ руку свою на главу Адама и уменьшилъ ростъ его до 1000 локтей. Другіе раввины уменьшаютъ его ростъ до 900 и даже до 300 или до 200 локтей [2]). Относительно слѣдовъ Адама на о—вѣ Цейлонѣ Фабрицій сообщаетъ слѣдующее: на о—вѣ Цейлонѣ, который Магометанами называется *Sarandib*, есть гора, называемая Pico de Adam. На этой горѣ указываютъ слѣды Адама, который по изгнаніи изъ рая будто-бы убѣжалъ на эту гору. На этой-то горѣ указываютъ не только слѣды его ступни, но и слѣды его земного образа громадной величины [3]).

III. Происхожденіе чертей.

О происхожденіи этихъ духовъ Татары разсказываютъ, будто-бы по сотвореніи Адама Ивлисъ, обратясь къ Богу и исчисляя предъ нимъ свои заслуги, просилъ, чтобы онъ далъ ему способность сотворить и для себя хоть одного слугу. Господь, проникая гордыню Ивлиса, согласился и повелѣлъ ему идти къ морю и, обмочивши два пальца въ воду, стряхнуть наземь. Ивлисъ, отошедши отъ лица Божія, исполнилъ сказанное ему и къ изумленію увидѣлъ, что предъ нимъ явился духъ. Пользуясь этимъ даромъ, онъ попытался въ другой и третій разъ повторить опытъ, и такимъ образомъ произвелъ цѣлые легіоны духовъ, одинъ другого безобразнѣе. Возгордясь мнимымъ своимъ ополченіемъ и силою, Ивлисъ вздумалъ, забывши благость Божію, возстать противъ него и воздвигнуть для себя престолъ. Господь въ гнѣвѣ повелѣлъ Архангелу Михаилу мечемъ изгнать Ивлиса и подчиненныхъ ему духовъ съ неба. Михаилъ силою своего меча низвергъ ихъ оттуда и они нѣсколько лѣтъ падали съ небесной высоты и попадали: иной въ бездну, иной въ болото, иной въ морскую пучину или непроходимыя дебри, гдѣ гнѣздится и донынѣ, стараясь вредить людямъ.

Въ апокрифической статьѣ о созданіи міра говорится о томъ, что Богъ нашелъ Сатану плавающимъ на морѣ Тиверіадскомъ, въ видѣ гоголя,

---

[1]) Fabricii. Cod. Pseud. Veteri Testamenti. V. I, p. 49—50.
[2]) Migne. Diction. des Apocryphes, t. II, p. 45.
[3]) Fabricii. Cod. Pseud. Vet. Testam., V. I. p. 30.

и приказалъ ему нырнуть въ море и вынести земли и камня. Вынесенный камень Богъ разламываетъ на двѣ части и изъ лѣвой руки даетъ половину камня Сатанѣ. Изъ оставшейся половины камня въ правой рукѣ Богъ творитъ безплотныхъ и безсмертныхъ Ангеловъ. Сатана-же набилъ изъ камня безчисленную бѣсовскую силу боговъ плотныхъ. Создавши безчисленный сонмъ боговъ, Сатана выставилъ на видъ Саваоѳу, что у него силы больше и что онъ подобенъ Вышнему. Богъ возвелъ его въ архангелы и взялъ его на небеса. Сатана-же возгордился мыслію и задумалъ поставить свой престолъ надъ звѣздами на воздухѣ. Господь, проникая его гордыню, приказалъ Архангелу Михаилу свергнуть его съ неба. Сначала Михаилъ ничего не могъ подѣлать съ Сатаной и даже былъ опаленъ имъ, и лишь посвященный отъ Господа въ схиму онъ низвергъ Сатану съ неба со всѣми его бѣсовскими силами въ преисподнюю. Три дня и три ночи, какъ *дождевыя капли*, низвергалась бѣсовская сила во адъ кромѣшный. И сказалъ Господь трижды: аминь, и затворились небеса. Сила же бѣсовская, повисшая на воздухѣ, повелѣніемъ Божіимъ пала на землю и здѣсь-же на землѣ сокрушилась [1]).

Почти до буквальности сходное съ татарскимъ сказаніемъ мы находимъ у малороссовъ: Богъ сказалъ чорту, чтобы онъ омочилъ палецъ въ морѣ и бросилъ-бы каплю воды за себя, не осматриваясь назадъ. Чортъ это слѣлалъ, но не выдержалъ: посмотрѣлъ и увидѣлъ подобнаго себѣ чорта. Сталъ онъ дальше продолжать этотъ опытъ, и чертей явилось безчисленное множество [2]).

Какъ южно-русское, такъ и татарское сказаніе о созданіи чертей отъ капель моря, по всей вѣроятности, находится въ зависимости отъ апокрифическаго сказанія, гдѣ мы находимъ Тиверіадское море, какъ мѣсто творенія, и сравненіе низвергнутой бѣсовской силы съ *каплями падающаго дождя*. Но, можетъ быть, въ основу сказанія о происхожденіи чертей положена мысль о безчисленности бѣсовской силы, подобной каплямъ морской воды

IV. О падающихъ звѣздахъ.

О падающихъ звѣздахъ Татары думаютъ, будто-бы Ангелы, стоящіе на стражѣ у свѣтилъ небесныхъ, когда завидятъ діавола, дерзающаго подходить близко къ небу, то, чтобы прогнать его, бросаютъ въ него этими огненными шарами.

---

[1]) См. мой Анализъ стиха о Голуб. книгѣ, стр. 238—239.

[2]) Чубинскаго. Труды Этногр. Стат. Экспедиціи. Т. I, стр. 191, 113. Ср. А. Веселовскаго, Разысканія, XI, стр. 55, 58.

По этому сказанію Ангелы являются стражами у свѣтилъ небесныхъ. Въ апокрифическомъ «*Маломъ Бытіи*» говорится, между прочимъ, о томъ, что въ 1-й день Богъ создалъ духовъ, служащихъ предъ нимъ, и ангеловъ стихій, какъ-то: ангеловъ огня, грома и молніи, ангеловъ утренней и вечерней зари (гл. I, стр. 233—34). Въ индексѣ запрещенныхъ книгъ упоминается сказаніе о томъ, какъ «*триста ангелов солнце воротять*». Въ апокрифической статьѣ: «*о всей твари*» читаемъ: сл҃нца-же снимаю вѣнецъ и въскладаетъ. т҃. аггли. а громнымъ коломъ воротатъ. т҃. аггъ. сице-же и лѣна и звѣзды и вѣтри» [1]). То же мы находимъ и въ апокрифическомъ сказаніи о созданіи міра [2])

Что касается народныхъ сказаній о падающихъ звѣздахъ, то мы снова у тѣхъ-же южно-руссовъ находимъ много однороднаго. Такъ въ Луцкомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, о падающихъ звѣздахъ одни говорятъ, что это ангелы прогоняютъ съ неба злыхъ духовъ, а другіе, что, когда умираетъ, человѣкъ, то и звѣзда его падаетъ, такъ какъ каждый человѣкъ имѣетъ свою звѣзду, которая со смертью его угасаетъ [3]). Въ Подольской губерніи о падающихъ звѣздахъ вѣрятъ, что это Богъ свергаетъ сатану съ неба Произнесенное при этомъ слово: аминь—вгоняетъ чорта на столько саженъ въ землю, сколько разъ произнесено слово: аминь. Въ другомъ мѣстѣ той-же Подольской губерніи народъ видитъ въ падающихъ звѣздахъ свѣчи злыхъ духовъ, которыя дьяволъ силится всѣми силами поставить на небѣ между свѣчами Божьими. Ангелы сбрасываютъ съ неба эти дьявольскія свѣчи [4]).

V. О страшномъ судѣ.

Предъ наступленіемъ послѣдняго дня, послѣ перваго звука трубы, послѣдуетъ колебаніе земли, отъ чего она изъ нѣдръ своихъ извергнетъ не только всѣ сокровища, отъ вѣка въ ней сохраняющіяся, но и кости умершихъ людей, звѣрей и прочихъ животныхъ, и въ то-же время, получивъ даръ слова, повѣдаетъ всѣ преступленія грѣшниковъ и, когда Нелицемѣрный Судія осудитъ ихъ на вѣчную казнь, 70,000 Ангеловъ 70,000-ми канатовъ притянутъ къ судилищу адъ, въ отверстую пасть коего Ангелъ столкнетъ всѣхъ грѣшниковъ.

---

[1]) Тихонравова. Пам. Отр. Литер. Т. II, стр. 349.
[2]) Мочульскій. Апокр. сказаніе о созданіи міра, стр. 8.
[3]) Чубинскаго. Труды Этнографическо-Статистической Экспедиціи, т. I, стр. 16.
[4]) Ibid, стр. 16.

О потрясеніи и колебаніи земли послѣ перваго звука трубы говорится, какъ въ каноническомъ, такъ и въ апокрифическомъ Апокалипсисѣ. Въ апокрифическомъ Апокалипсисѣ мы читаемъ: «тогда послѫ аггели моѫ и вьзмѫть рогь ѡвень лежьщь на ѡблацѣхь небесныхь, низыдѫ вьнеждоу и вьстрѫбыть Михаиль (и) Гаѵриль вь рогь ѡвень, ꙗкоже рече пророкь Давидь. глась трѫбы рожаниѫ ѹслышит сѧ до коньца вьселениѫ, ѡть гласа же того потрѧсет сѧ вса земла, ꙗкоже рече апостоль Павель вь послѣдьнѣе трѫбление вьстрѫбыть трѫба и мрьтвы вьстанѫть неистлѣньныи ѡть вѣка до нынѣ ѹмрьшихь прѣжде а дроѵзы прѣжде коньчиныи... Тогда повелѫ. д. мь вѣтромь изыити и развѣѫть весь прахь на лици всеѫ земле и ѹбѣлит сѧ земла ꙗко и снѣгь, и бѫдеть вса земла ꙗко и харьтиа, не имѫщи скврьныи ни хльма ни гори ни крѣменїꙗ; и бѫдеть вса земла ѡть вьстока до запада равьна ꙗко и трьпеза и бѣла ꙗко снѣгь. И разьгорит сѧ срьдьце всеѫ земле и вьзьпиеть земла кь господоу господи дѣвоѫ есьмь прѣдь тобоѫ и нѣсть на мьнѣ грѣха [1]). Подъ вліяніемъ подобнаго рода Апокалипсисовъ и образовался «*плачъ земли*» о грѣхахъ людскихъ и объ оскверненіи ея.

Въ талмудѣ въ кн. Othioth (или Osios), fol. 17, col 3) Равви Аккива говоритъ: Богъ возьметъ въ свои руки громадную трубу, которая имѣетъ 1000 локтей въ длину, и дунетъ въ нее, и голосъ ея пройдетъ отъ одного конца свѣта до другого. При первомъ звукѣ весь свѣтъ прійдетъ въ движеніе [2]).

Въ Мусульманскомъ сказаніи земля исповѣдуетъ Богу преступленія грѣшниковъ. Послѣ суда 70,000 Ангеловъ 70,000-ми канатами притянутъ къ судилищу *адъ*, въ отверстую пасть коего Ангелы столкнутъ всѣхъ грѣшниковъ.

Здѣсь представленіе ада совершенно конкретное, согласно такому-же конкретному представленію у Мусульманъ рая. По христіанскимъ представленіямъ адъ изображается не только въ видѣ Апокалипсическаго звѣря или змѣя съ разинутою пастью, но и получаетъ графическую форму неправильнаго многоугольника, напоминающаго пропасть. Онъ окрашенъ обыкновенно въ темный цвѣтъ, что, по словамъ Проф. Н. В. Покровскаго, согласно съ древнѣйшими представленіями объ адѣ [3]). Кромѣ того адъ представляется здѣсь съ отверстою пастью. Можетъ быть здѣсь произошло соединеніе нѣсколькихъ представленій, а именно—соединеніе библейско-апокалипсическаго представленія въ видѣ звѣря, змѣя или дракона съ разинутой пастью съ графическимъ представленіемъ въ видѣ пропасти. Впрочемъ въ христіанскомъ искусствѣ извѣстно представленіе ада въ видѣ простой челюсти чудовищнаго змѣя или звѣря, иногда изрыгающей пламя и наполненной демонами и людьми [4]).

---

[1]) Starine, kn. V, str. 75—76.

[2]) Eisenmengers, op. c. t. II, s. 930.

[3]) Н. Покровскаго. Евангеліе въ памятникахъ иконографіи, стр. 415.

[4]) Ibid, стр. 417.

VI. О пѣніи пѣтуха.

Татары о пѣніи пѣтуха имѣютъ вѣрованіе, что на первомъ небѣ находится Ангелъ, имѣющій видъ пѣтуха чрезвычайной величины и неописанной бѣлизны, который каждое утро своимъ пѣніемъ прославляетъ Бога. Голосъ этого пѣтуха такъ громокъ, что досягаетъ земли, гдѣ слышатъ его всѣ земныя твари, кромѣ людей, и когда пѣніе его сдѣлается слышнымъ, тогда всѣ пѣтухи присоединяютъ свои голоса и начинаютъ пѣть. Также вѣрятъ, что колдуны и люди, занимающіеся продажею хлѣба, дабы возвысилась цѣна, стараются лѣтомъ всѣмъ пѣтухамъ рѣзать хвосты и тѣмъ отвращаютъ дождь, а потому, дабы помѣшать колдовству, Татары во время бездождія и засухи стараются истреблять пѣтуховъ. Кромѣ этого страдающіе разными болѣзнями, въ началѣ весны, посредствомъ бѣлыхъ пѣтуховъ и куръ стараются передать свою болѣзнь другому и вотъ какъ это дѣлаютъ: берутъ пѣтуха или курицу и, связавши имъ ноги, бьютъ больного нѣсколько разъ по спинѣ, а потомъ отправляютъ для продажи на базаръ, гдѣ отдаютъ за ту цѣну, которую предложитъ покупщикъ. Такихъ куръ Татары называютъ *хахылиаз* и вѣрятъ, будто-бы этимъ способомъ больной можетъ избавиться отъ своего недуга.

Въ Коранѣ упоминается Ангелъ Гавріилъ, высшій изъ всѣхъ ангеловъ, въ качествѣ посланника. Его ноги стоятъ на землѣ, въ то время, какъ голова находится въ небѣ; его крылья распростерты отъ утра до захода солнца; его зубы блестятъ, какъ утро; его волоса кораловаго цвѣта; его ноги красны, какъ утро; его крылья зелены; когда онъ издаетъ голосъ, то Бени-Ѳемудъ отъ страха дѣлается мертвымъ [1]). Академикъ А. Н. Веселовскій приводитъ мусульманское сказаніе о томъ, что у Бога есть бѣлый пѣтухъ; у него одно крыло простерто на востокъ, другое на западъ, голова подъ престоломъ славы, ноги въ преисподней. Ежедневно рано утромъ онъ возвѣщаетъ своимъ пѣніемъ время для молитвы и слышатъ его всѣ жители неба и земли, кромѣ тѣхъ, кто отягченъ грѣхомъ. Ему отвѣчаютъ всѣ пѣтухи на землѣ. Но когда настанетъ день воскресенія, Господь скажетъ ему: собери твои крылья и не пой, чтобы всѣ жители неба и земли, кромѣ отягченныхъ грѣхомъ, узнали, что насталъ день судный [2]). Съ этимъ сказаніемъ о бѣломъ пѣтухѣ можно сопоставить исполинскую птицу талмудическихъ сказаній, которая стоитъ въ морѣ по колѣна, голова до неба,

---

[1]) Roskoff. Geschichte des Teufels, p. 87.

[2]) А. Н. Веселовскаго. Сказаніе о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 216,

а вода въ томъ мѣстѣ такъ глубока, что опущенный въ неё топоръ черезъ 7 лѣтъ еще не дошелъ до дна [1]). Отраженіе этихъ сказаній мы находимъ въ апокрифической литературѣ, въ народныхъ сказаніяхъ славянъ и русскихъ. Такъ ср. статью «о всей твари» и затѣмъ сказаніе въ стихѣ о Голубинной книгѣ—о Страфиль-птицѣ [2]).

Далѣе—въ нашемъ сказаніи говорится, что колдуны для отвращенія дождя рѣжутъ пѣтухамъ хвосты. Возможно, что это преданіе возникло на почвѣ талмудическихъ, апокрифическихъ и затѣмъ мусульманскихъ сказаній. Въ апокрифической статьѣ «*о всей твари*» мы читаемъ, между прочимъ, что, когда солнце омывается въ Окіанѣ, тогда окіанъ всколебается и начнутъ волны кура бити по перью. Тогда этотъ *курь*, почувствовавъ воду, кричитъ кукореку, что значитъ: свѣтодавче Господи, дай-же свѣтъ мірови. Вмѣстѣ съ пѣніемъ кура и пробужденіемъ природы, по народнымъ воззрѣніямъ, исчезаетъ нечистая сила представителями которой и являются колдуны. Вотъ почему они и рѣжутъ хвостъ пѣтухамъ, чтобы замедлить пробужденіе природы, а вмѣстѣ съ тѣмъ продлить дѣйствія нечистой силы. Съ другой стороны, возможна въ данномъ сказаніи примѣсь миѳологическаго характера. Въ примитивныхъ сказаніяхъ народовъ пѣтухъ—символъ весенняго возрожденія солнца, приносящаго вмѣстѣ съ тѣмъ оплодотвореніе земли въ видѣ дождя. Отсюда народныя сказанія приводятъ въ связь пѣтуха съ дождемъ и изобиліемъ. Что касается того мотива въ данномъ сказаніи, что посредствомъ пѣтуховъ и куръ передаютъ болѣзни другому, то въ этомъ мотивѣ мы имѣемъ дѣло съ представленіемъ о пѣтухѣ, какъ жертвенномъ приношеніи, сначала въ честь божества (нарождающагося солнца), а затѣмъ, какъ искупительной жертвы за грѣхи людскіе. Послѣднее представленіе мусульманами могло быть заимствовано у Іудеевъ, которые и до сихъ поръ въ первые дни новолѣтія (въ Сентябрѣ) рѣжутъ куръ и пѣтуховъ, какъ искупительную жертву за грѣхи. Такія жертвы сначала сжигались, а впослѣдствіи отдавались жрецамъ или бѣднымъ. Вмѣстѣ съ жертвой передавались и грѣхи жертвователя.

VII. О кербагарѣ.

Такъ называютъ Татары барана, рождающагося съ особенными признаками, а именно: кербагаръ волосомъ бываетъ рыжій и вокругъ тѣла проходитъ у него черная кайма. Такого барана, если онъ будетъ въ стадѣ, тотчасъ рѣжутъ, а если оставляютъ, то не далѣе 21-го числа Мая, потому что въ ночь противъ этого числа, какъ говорятъ они, съ неба падаетъ

---

[1]) А. Н. Веселовскаго, l. c. стр. 216.

[2]) Ibid, стр. 215, а также см. мой Анализъ, стр. 145—146.

огненный шаръ, котораго никто не можетъ видѣть, кромѣ кербагара, и коль скоро онъ его завидитъ, то начинаетъ бросаться во всѣ стороны и тѣмъ пугаетъ все стадо. Отъ этого испуга у овецъ, по словамъ татаръ, дѣлаются наросты и раны въ печени, отъ чего онѣ издыхаютъ. Для этого пастухи не только стараются истреблять кербагаровъ, но въ ту роковую, по ихъ мнѣнію, ночь вовсе не спятъ изъ опасенія несчастія для своихъ стадъ.

Сказаніе о рыжемъ баранѣ съ черной каймой вокругъ тѣла, который въ ночь на 21-е Мая видитъ огненный шаръ, падающій съ неба и наводящій на него ужасный страхъ, по всей вѣроятности, возникло на почвѣ народныхъ и при томъ—дуалистическихъ сказаній. По этимъ сказаніямъ, діаволъ въ pendant къ твореніямъ Божіимъ, творитъ и свои [1]). Но, судя по подробностямъ сказанія, въ немъ сосредоточено много первобытныхъ-миѳическихъ чертъ. Баранъ—олицетвореніе движущихся облаковъ; съ черной каймой –дождевое облако. Огненный шаръ, ниспадающій въ ночь подъ 21-е Мая,—молнія, скрытая въ весеннемъ облакѣ—тучѣ Она-же, сопровождаясь дождемъ, очищаетъ облака и уничтожаетъ тучи.

VIII. Происхожденіе колючки.

О происхожденіи этого растенія разсказываютъ такъ: Нѣкогда былъ одинъ царь, который имѣлъ совершенно плѣшивую голову. Этотъ недостатокъ онъ старался скрывать отъ всѣхъ его окружающихъ, такъ что никто о томъ, кромѣ его брадобрѣя, не зналъ. Но и ему подъ смертною казнью приказано было хранить это въ тайнѣ. Надобно замѣтить, что брадобрѣй былъ отъ природы словоохотливъ и нетерпѣливъ, и потому ввѣренная ему тайна до того его мучила, что онъ не имѣлъ ни дня, ни ночи покоя. Наконецъ, не могши далѣе выдержать, онъ, вышедши въ поле, раскопалъ въ землѣ небольшую ямку и повѣрилъ землѣ извѣстную ему тайну, сказавши: «Падышанынъ Башитасъ! тасъ! тасъ»! «у царя голова плѣшивая, плѣшивая, плѣшивая»! Поступивши такимъ образомъ, брадобрѣй сталъ покойнѣе и не опасался, чтобы о поступкѣ его было узнано; но вышло иначе. Однажды царь, выѣхавши на охоту, приблизился случайно къ тому мѣсту, гдѣ брадобрѣй повѣрилъ землѣ завѣтную тайну. Тамъ выросла довольно высокая колючка, которая, едва приблизился царь, колеблемая вѣтромъ, начала довольно ясно издавать звуки: тазъ! тазъ! тазъ!—плѣшивый, плѣшивый, плѣшивый! Царь изумился такому неожиданному

---

[1]) А. Н. Веселовскаго. Разысканія XI, т. 46 стр. 22, 63, 75, 77, 97; т. 53, стр. 215.

открытію его тайны, о которой, какъ сказано, никто не зналъ, кромѣ брадобрѣя. Призвавши его, царь началъ допрашивать, не открывалъ ли онъ кому того, что онъ зналъ о головѣ его? Устрашенный брадобрѣй признался въ своемъ поступкѣ, который, по мнѣнію Татаръ, послужилъ причиной появленія колючки.

Подъ именемъ колючки разумѣется одинъ изъ видовъ цѣпкаго репейника (carduus, cirsium). Болѣе широкимъ понятіемъ для этой породы будетъ названіе—*чертополохъ* (трава, которою можно всполошить чертей), который носитъ названіе: *дѣдовикъ* (т. е. трава, посвященная Дѣду-Перуну), *бодякъ* (можетъ быть отъ глагола—бодать-колоть), *волчецъ*, *иголчатка*. По народнымъ разсказамъ—чертополохъ прогоняетъ колдуновъ и чертей, оберегаетъ домашній скотъ, врачуетъ болѣзни и унимаетъ дѣвичью зазнобу. Кромѣ того названіе чертополохъ присваивается Перунову цвѣту, который, по народнымъ воззрѣніямъ также разитъ демоновъ, побѣждаетъ ихъ и заставляетъ въ страхѣ и трепетѣ разбѣгаться въ разныя стороны [1]). Всѣ эти названія и соединенныя съ ними народныя сказанія показываютъ, что они возникли на основѣ древнихъ миѳическихъ преданій. Перуновъ цвѣтъ, какъ показываетъ само названіе, есть цвѣтъ Громовника, т. е. молнія. Молнія, разсѣкающая темныя тучи, уничтожаетъ тьму, или, иначе, раскрываетъ тайны божества, а вслѣдъ за уничтоженіемъ грозовыхъ тучъ появляется на горизонтѣ само божество—солнце или мѣсяцъ,—которое оказывается, по народнымъ воззрѣніямъ, плѣшивымъ [2]).

IX. Дюзъ-Табанъ (Косолапа).

Подъ этимъ названіемъ разумѣются такіе люди обоего пола, у которыхъ ножная плесня безъ всякой выемки и совершенно плоска. Ихъ почитаютъ какъ-бы спутниками всякаго несчастія въ томъ домѣ, куда они прійдутъ на житье. Эта примѣта существуетъ не только у Татаръ, но и у Турокъ, которые, покупая невольницъ, въ особенности обращаютъ вниманіе на этотъ предметъ. И для того, дабы испытать расположеніе ножной ступни, они посыпаютъ полъ тонкимъ слоемъ муки и заставляютъ невольницу пройти по ней. Ежели на посыпанной мукѣ отпечатаются только передняя часть ступни и пята, то такую женщину они охотно покупаютъ;

---

[1]) Аѳанасьева. Поэтич. воззрѣнія на природу, т. II, стр. 415. Чертополохъ (Холмская Русь) употребляется какъ средство отъ испуга. См. Чубинскаго. Труды Эти. Стат. Экспедиціи. Т. I и II, стр. 80.

[2]) Худякова. Загадки, стр. 49; Садовникова. Загадки, стр. 228.

ежели-же на слѣду видна будетъ вся ступня, то ни за что въ свѣтѣ турокъ не согласится принять такую въ свой домъ. Этому примѣру слѣдуютъ и татары, а потому Дюзъ-Табаны у нихъ въ большомъ презрѣніи.

Сказаніе о Дюзъ-Табанѣ возникло, по моему мнѣнію, также на почвѣ дуалистическихъ народныхъ сказаній о созданіи міра. Извѣстны сказанія у многихъ народовъ о томъ, какъ Архангелъ отнимаетъ у чорта солнце, похищенное имъ съ неба, или какъ пророкъ Илія отнимаетъ у чорта громъ или молнію, которыми чортъ сталъ злоупотреблять на землѣ, и какъ чортъ, преслѣдуя ихъ, у самаго входа въ небо, отрываетъ изъ подъ ступни кусокъ мяса, гдѣ теперь у насъ выемъ подъ пятой. Архангелъ или Илія жалуются Господу, а Господь ихъ успокаиваетъ тѣмъ, что такъ будетъ у всѣхъ людей [1]). По этимъ сказаніямъ, объясняющимъ выемъ у ступни ногъ, выходитъ, что онъ произошелъ хотя и по винѣ чорта, но Богомъ узаконенъ. Отсюда косолапость—отсутствіе выемки—указываетъ на особую породу, сродную діавольской, такъ какъ чортъ, какъ виновникъ этого, самъ былъ очевидно косолапъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ косолапость является признакомъ несчастія, такъ какъ эта черта сродна діавольской породѣ.

X. Локманъ.

Объ этомъ человѣкѣ Татары имѣютъ самое высокое понятіе. По ихъ словамъ, онъ былъ племянникомъ Іова, жилъ многія столѣтія, отличался великимъ умомъ, мудростью, краснорѣчіемъ и обладалъ даромъ врачевства въ высокой степени. Но при всѣхъ этихъ талантахъ былъ неимовѣрно безобразенъ: лицо имѣлъ смуглое, курчавые волосы, толстыя губы, горбатъ, малаго роста и косолапъ. Относительно состоянія—былъ невольникомъ и получилъ отъ своего господина свободу за то, что съѣлъ горькую дыню, которую тотъ ему подалъ. Когда господинъ спросилъ Локмана, какъ могъ онъ рѣшиться съѣсть такой непріятный плодъ, онъ отвѣчалъ: получивши изъ рукъ моего господина столько благодѣяній, могъ ли не принять хоть одинъ разъ съ благодарностью и непріятное! Словомъ, объ этомъ Локманѣ такъ много разсказываютъ относительно остроумныхъ его изрѣченій, что видно большое сходство между нимъ и Езопомъ. Говорятъ, будто-бы Локманъ чудесный даръ врачевства получилъ случайно, наѣвшись похлебки, проготовленной изъ змѣй. Впрочемъ—высокое уваженіе маго-

---

[1]) А. Н. Веселовскаго, ор. с. т. 46, стр. 78—81; т. 53, стр. 217.

метанъ къ памяти этого человѣка видно изъ того, что въ нхнемъ Алкоранѣ 34 я глава называется его именемъ, т. е. Локманъ

Сказаніе о мудромъ Локманѣ своимъ распространеніемъ въ устахъ Татаръ обязано Корану, гдѣ его именемъ называется 31-я глава, а не 34-я, какъ значится здѣсь [1]). Сказаніе заимствовано изъ арабскихъ комментаріевъ на эту главу [2]). Судя по тѣмъ чертамъ, какими рисуется здѣсь Локманъ, онъ имѣетъ дѣйствительно много общаго съ тѣмъ, что Максимъ Планудій говоритъ объ Езопѣ. Но въ Лохманѣ есть еще иныя черты, на которыхъ должно остановиться. По нашему сказанію, Локманъ племянникъ Іова, а по сказаніямъ арабскихъ писателей, Лохманъ былъ сынъ Баура, сына или внука сестры или тетки Іова. По сказаніямъ тѣхъ-же арабскихъ писателей—онъ жилъ долгіе вѣка и даже до временъ Давида, съ которымъ онъ разговаривалъ въ Палестинѣ. И такъ его происхожденіе отодвигается къ болѣе древнему времени. Съ другой стороны, къ личности Локмана примѣшивается баснословная черта о чудесномъ дарѣ врачевства. Все это вмѣстѣ, по нашему мнѣнію, предполагаетъ въ Локманѣ болѣе древнюю основу, приближающую его къ Индійскому Викрамадитьѣ, къ Талмудическому Асмодею и т. д.

XI. Янъ-Тора или Канаанъ.

Татары говорятъ, что у Ноя, кромѣ трехъ сыновей: Сима, Хама и Афета, былъ еще пасынокъ Канаанъ, который своимъ ростомъ превышалъ горы. Однажды Ной, смотря на него, захотѣлъ извѣдать, такую-ли онъ имѣетъ силу, какъ и ростъ, и для того послалъ его, чтобы онъ принесъ ему изъ лѣсу дерево. Канаанъ отправился въ лѣсъ и, ходивши долгое время, не находилъ такого дерева, которое могъ-бы принести своему отчиму, потому что самые высокіе дубы казались ему ничтожными тростинками. Наконецъ, соскучившись отъ долгой ходьбы, онъ рѣшился выдернуть одно, которое показалось ему нѣсколько потолще другихъ, и принесши бросилъ его за дворомъ. Когда-же Ной спросилъ его, принесъ-ли онъ дерево? Канаанъ отвѣчалъ, что онъ исходилъ почти всѣ лѣса, не встрѣтилъ ни одного порядочнаго дерева; все встрѣчались ему ничтожныя тычинки и что, наконецъ, принужденъ былъ онъ выдернуть и принести ту изъ нихъ, которая казалась ему потолще прочихъ. Ной вышелъ посмотрѣть и что же это было? Кедръ необычайной величины и толщины съ корнемъ и вѣтвями. Изъ

---

[1]) Алъ-Коранъ Магомедовъ, Георгія Сейля. Пер. Ал. Колмакова. Ч. II, стр. 122.
[2]) Ibid. См. прим. къ гл. 31. Ч. II, стр. 86—87.

этого дерева Ной передъ потопомъ по повелѣнію Божію выстроилъ ковчегъ, въ который вошелъ самъ съ своимъ семействомъ и животными, которыхъ Богъ собралъ къ Ною, и когда онъ бралъ ихъ, то всегда правая рука его падала на мужскій полъ, а лѣвая на женскій. Когда-же Канаанъ также хотѣлъ войти въ ковчегъ, то Ной его не пустилъ, говоря, что онъ и безъ того можетъ избѣжать опасности, судя по его росту. И такъ, когда вода потопила всю землю и стала выше горъ, то Канаанъ принужденъ былъ бродить цѣлый годъ по поясъ въ водѣ и, наклоняясь, ловилъ руками рыбу для утоленія голода.

По мусульманскимъ сказаніямъ—всемірный потопъ пережилъ только великанъ Ауди, сынъ Анака [1]). Въ талмудѣ въ кн. Мидрашъ, Fol. 14, говорится, что кромѣ Ноя спасся еще Огъ, царь Башанскій, такъ какъ онъ сильно вцѣпился за балку ковчега и поклялся Ною, что онъ и его потомки будутъ ему рабами. Ной продѣлалъ для него въ ковчегѣ дыру и черезъ нее подавалъ ему каждый день пищу, вотъ почему и говорятъ, что изъ всѣхъ гигантовъ остался въ живыхъ одинъ только Огъ, царь Башанскій [2]). Писатели іудейскіе и греческіе упоминаютъ о Канаанѣ, сынѣ Эноса, внукѣ Ноя, гробница котораго указывается на одномъ изъ о—въ Индіи, и который до потопа владѣлъ всей землей и преисполненъ былъ всякой премудрости; онъ повелѣвалъ духами и демонами. Онъ-же своей премудростью проразумѣлъ о всемірномъ потопѣ во времена Ноя и все, что было изобрѣтено, записалъ на каменныхъ таблицахъ, которыя сохранились до сего дня [3]). О Каинанѣ, сынѣ Арфаксада,—въ хроникѣ Joel'я говорится, что послѣ потопа Каинанъ, сынъ Арфаксада, написалъ астрономію [4]). У Синкела (въ Chronographiae, p. 80) читаемъ: Въ лѣто 2585 Каинанъ, гуляя въ полѣ, нашелъ письмена Гигантовъ (У Гоара—писанные памятники о Гигантахъ и скрылъ ихъ у себя [5]).

XII. Муратъ-Реизъ.

Татары вообще питаютъ особенное уваженіе къ нѣкоторымъ святымъ, прославленнымъ христіанскою Церковію, и изъ нихъ въ особенности почи-

---

[1]) Weil. Biblische Legenden Musälmänner, S. 45.
[2]) Ibid, S 45 (Прим.).
[3]) Fabricii. Cod. Pseud. Vet. Testamenti, T. II, p. 159.
[4]) Ibid, p. 309—311.
[5]) Ibid, p. 311. О гигантахъ см. Слѣды народной библіи, стр. 105—106,

таютъ Св. Николая, Великомученника Георгія и Димитрія, коимъ даютъ свои имена, напр. Св. Николая именуютъ Муратъ-Реизомъ, Георгія—Кадырлезомъ, Димитрія—Хасымомъ. Муратъ—Реиза они почитаютъ великимъ помощникомъ на морѣ и разсказываютъ о чудотвореніяхъ его много занимательныхъ случаевъ, изъ коихъ приведемъ здѣсь нѣсколько.

Одно судно, носимое долгое время по морю, наконецъ коё-какъ съ изломанными мачтами и порванными снастями вошло въ Константинопольскій проливъ. Буря все еще не переставала свирѣпствовать и судно, оставленное на произволъ волнъ въ виду Константинополя начинало тонуть отъ сильной течи, оказавшейся въ рангоутѣ корабля. Отчаявшійся шкиперъ, видя непзбѣжную гибель своего корабля, призывалъ на помощь Муратъ-Реиза. Въ это время шла по набережной одна бѣдная вдова, имѣвшая пятерыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Она на заработанныя деньги купила нѣсколько окъ муки, которую несла на головѣ въ деревянной чашкѣ. Вдругъ сильнымъ порывомъ вѣтра сорвало съ головы ея чашку и унесло муку. Бѣдная женщина въ слезахъ роптала на судьбу, лишившую ее возможности накормить голодавшихъ въ домѣ дѣтей, нѣсколько времени сидѣвшихъ безъ пищи. Но въ то самое время, какъ вдова горевала о своей потерѣ, идучи съ порожнею чашкою, на утопавшемъ кораблѣ къ изумленію шкипера и матросовъ мгновенно течь остановилась и они дружно принялись отливать воду изъ корабля и прежде наступленія вечера благополучно бросили якорь у пристани. Ночью явился во снѣ шкиперу сѣдовласый старецъ въ сіяніи небеснаго свѣта и говоритъ: послушай! Я Муратъ-Реизъ! Завтрашній день, лишь только проснешься, ступай въ Истамбулъ и въ такой-то улицѣ отыщи такой-то домикъ; тамъ живетъ бѣдная вдова съ пятерыми дѣтьми; отнеси ей три ока серебра и два кувшина масла, потому, что я вчера занялъ у нея послѣднюю муку, чтобы остановить течь въ твоемъ кораблѣ. Проснувшійся шкиперъ, пораженный этимъ сновидѣніемъ, поспѣшилъ исполнить заповѣданное ему и, пришедши ко вдовѣ, узналъ дѣйствительно о случившемся съ нею наканунѣ. Впослѣдствіи, когда занялся онъ починкою корабля, къ удивленію нашелъ въ подводной части дыру, образовавшуюся отъ выпавшаго изъ доски сука; она залѣплена была тѣстомъ.

Другой корабль также былъ увлеченъ бурею въ водоворотъ и находился на краю погибели. Шкиперъ и матросы, употреблявшіе всѣ усилія вырваться изъ этого опаснаго положенія, выбившись изъ силъ, рѣшились предаться на произволъ судьбы и въ этомъ крайнемъ положеніи молили о помощи Муратъ-Реиза. И въ то время, когда корабль вращало во всѣ стороны, къ изумленію погибавшихъ вынырнулъ изъ воды необычайной величины китъ, у котораго въ хвостѣ замѣтили воткнутый трезубецъ съ крюкомъ на концѣ. Шкиперъ, видя въ этомъ невидимое дѣйствіе Муратъ-

Реизе, велѣлъ немедленно зацѣпить корабельный канатъ за тотъ крюкъ. Китъ поплылъ и вытащилъ за собою судно въ открытое море.

Упоминаемыя здѣсь чудеса Св Николая слишкомъ легендарны и мнѣ неудалось найти ихъ ни въ Греческомъ житіи Св. Николая, изданномъ Минемъ въ Patrologiae Curs Compl t. 116, p. 317—356, ни въ славянскихъ и русскихъ спискахъ полнаго житія Св. Николая, изданныхъ Обществомъ Люб. Др. Письменности (См. Житіе Николая Чудотворца по р—си XVI в., принадлежащей Моск. Публичному и Рум. Музею, Спб. 1882) и Арх. Леонидомъ въ Пам Др. Письменности (Житіе и Чудеса Св. Николая Мурликійскаго и Похвала ему, Спб. 1882). Нѣтъ ихъ и въ Четьи-Минеяхъ Макарія и Д. Ростовскаго. Да и судя по слишкомъ легендарному характеру этихъ чудесъ—врядъ-ли и можно найти подобныя чудеса въ житіяхъ Св. Николая, освященныхъ и признаваемыхъ церковью.

XIII. Заговоръ отъ сглазу (призора).

Татары, какъ и большая часть простого народа другихъ націй, вѣрятъ, что есть такіе люди, которые, если пристально на что нибудь посмотрятъ, то могутъ своимъ зрѣніемъ причинить вредъ, и въ особенности малолѣтнимъ дѣтямъ, красивымъ женщинамъ, также сильнымъ и ловкимъ мужчинамъ, даже лошадямъ и скоту. Для этого они не только носятъ разные привѣски, состоящіе изъ зашитой въ трехъугольный мѣшечекъ молитвы дува, но и въ случаѣ, если кому случится занемочь отъ призора, берутъ ножикъ съ черною рукояткою и, прикасаясь клинкомъ его ко лбу, плечамъ, груди и затылку болящаго, дуютъ въ лице ему, потомъ облизываютъ языкомъ, каждый разъ сплевывая на полъ и дѣлая различныя кривлянья, при чемъ шепчутъ слѣдующую молитву: Во имя всемилостиваго Бога я прибѣгаю къ моему Господу утромъ, чтобъ избавилъ меня отъ бѣдъ, которыми окруженъ, отъ созданныхъ имъ тварей [1]), отъ бѣдъ, которыя въ ночи происходятъ [2]), и отъ бѣдъ, женщинами причиняемыхъ, которыя дуютъ на узлы [3]), и отъ завистливаго, когда онъ завидуетъ. Эту молитву произно-

---

[1]) По изъясненію ученыхъ Магометанъ, подъ этими тварями надобно разумѣть огонь, землетрясеніе, ядъ, а также и развратныя склонности, внушаемыя діяволомъ. Прим. Е. Шевелева.

[2]) Возмущающія духъ сновидѣнія и грезы. Прим. Е. Шевелева.

[3]) Подъ этимъ разумѣется колдовство нѣкоторыхъ женщинъ, которыя, желая испортить мужчину, завязываютъ на веревочкѣ одиннадцать узловъ, бросаютъ въ колодезь. Это то-же, что и у насъ между простымъ народомъ называется порчею свадьбы. Прим. Е. Шевелева.

сятъ въ теченіи трехъ дней постоянно утромъ и вечеромъ и увѣряютъ, что самый злой призоръ отъ этого проходитъ.

По мнѣнію турокъ—злой человѣкъ можетъ всякого сглазить и результатомъ этого бываетъ потеря богатства, красоты, болѣзнь или смерть. Сглазъ по турецки назаръ. По словамъ Проф. Н. Ѳ. Сумцова, слово назаръ происходитъ, вѣроятно, отъ славянскаго—назирать, назоръ [1]). Отъ сглазу въ Турціи употребляютъ разные талисманы, амулеты, чеснокъ, окуриванія травами, кабаньи клыки, заячьи головы, рубины, голубое стекло, сердоликъ, страусовыя яйца. Въ Турціи голубыхъ и сѣрыхъ глазъ боятся болѣе темныхъ; люди съ рыжими волосами считаются особенно подозрительными. Восточные народы живутъ въ постоянномъ страхѣ дурнаго глаза (Народы Турціи, II, 144—147 [2]). Кавказскіе горцы-евреи сглазу приписываютъ всякую нечаянную болѣзнь, оморокъ, ударъ. Какъ въ Малороссіи слизываютъ лицо отъ сглазу, такъ и на Кавказѣ у евреевъ сглазившій долженъ смазать своей слюной лицо больного [3]). По мнѣнію Проф. Н. Ѳ. Сумцова, источникъ вѣрованій въ сглазъ скрывается въ простѣйшей демонологіи. Злой человѣкъ преисполненъ маленькими вредными демонами, съ его взглядомъ демоны переходятъ на тотъ предметъ, на который онъ посмотрѣлъ. Такъ въ древности была объяснена чарующая сила взгляда, возбуждающая чувства любви, страха, ненависти, злобы, ободряющая и усыпляющая, сила, обнаруживающаяся нынѣ въ гипнотизмѣ, и не объясненная вполнѣ современной наукой. Древній человѣкъ благоговѣлъ передъ этой силой, боялся ея, какъ живого, демоническаго существа [4]). Что касается наговариванія узловъ, то турки чрезвычайно боятся заколдованныхъ узловъ, «*buya bohcha*» [5]). Заколдованный узелъ бываетъ изъ разныхъ предметовъ: волосъ ушей, земли вмѣстѣ съ лоскуткомъ одежды намѣченной жертвы, завязанныхъ въ тряпку. Въ любую женщину можетъ быть брошенъ заколдованный узелъ, и ея любовь къ мужу или его къ ней исчезнетъ. Говорятъ, что послѣ смерти султана Абдулъ-Меджида въ его диванѣ было найдено около 50 заколдованныхъ узловъ, подброшенныхъ въ разное время женами его, желавшими сохранить надъ нимъ свою власть (Народы Турціи, II, 143) [6]).

---

[1]) Проф. Н. Ѳ. Сумцова. Культурныя переживанія. К. 1890, стр. 233.
[2]) Ibid, стр. 233.
[3]) Ibid, стр. 233.
[4]) Ibid, стр. 234.
[5]) Ibid, стр. 260.
[6]) Ibid, стр. 260.

Наузы изстари играли большую роль въ русской жизни [1]). Въ Великороссіи особенно боятся наузовъ на свадьбахъ. Завязываніе узловъ съ наговорами обычно также у Поляковъ. Въ Петрковской и Кѣлецкой губерніи знахарь насылаетъ болѣзнь или смерть на человѣка, завязывая на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ сидѣлъ, 9 узловъ на ниткѣ, вынутой изъ сорочки покойника, и приговаривая: «завязываю тебя (имярекъ) во имя чорта, всемогущаго и проклятаго дьявола, на смерть (или на мѣсяцъ болѣзни), чтобы тебѣ былъ больно и нудно. Аминь» [2]).

В. Мочульскій.

---

[1]) Аѳанасьева. Поэтич. воззрѣія слав. т. 3, стр. 429 - 439.
[2]) Н. Ѳ. Сумцова, l. c., стр 262.

340 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

28-го Января 1902 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены: *Л. Ф. Брунъ*, *А. Е. Егоровъ*, *П. А. Ивановъ*, *А. А. Кочубинскій*, *Н. И. Ленцъ*, *И. А. Линниченко*, *В. Н. Мочульскій*, *М. Ѳ. Никоновъ*, *А. А. Павловскій*, *Г. И. Перетятковичъ*, *М. Г. Попруженко*, *С. А. Селивановъ*, *Е. Н. Щепкинъ* и членъ-корреспондентъ *В. Н. Никифоровъ*.

Слушали:

I. Увѣдомленіе, по Высочайшему повелѣнію, за Министра Народнаго Просвѣщенія Товарища Министра Сенатора Ив. Мѣщанинова, отъ 28-го ноября 1901 г. за № 32727 г., Предсѣдателю Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей о томъ, что Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Министра Народнаго Просвѣщенія въ 24-й день сего ноября Всемилостивѣйше соизволилъ благосклонно принять экземпляры отчета Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за 1900 годъ и XXIII томъ Записокъ названнаго Общества.

Постановили: Занести въ журналъ настоящаго засѣданія.

II. Увѣдомленіе г. Министра Народнаго Просвѣщенія отъ 5 декабря 1901 г. за № 33569 г. Предсѣдателю Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей о томъ, что Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ, которому г. Министромъ были представлены экземпляры отчета Общества за 1900 годъ и XXIII т. Записокъ Общества, поручилъ ему благодарить Общество за поднесеніе.

Постановили: Занести въ журналъ настоящаго засѣданія.

III. Ходатайство штаба Очаковской крѣпости отъ 13 ноября 1901 г. о доставкѣ на непродолжительный срокъ Записокъ Общества и извѣщеніе его-же отъ 19 ноября 1901 г. за № 1939, что штабу необходимы Записки тт. I—IX и XV.

Записки эти были доставлены штабу и имъ возвращены, при отношеніи отъ 22 декабря 1901 г. за № 2208, съ благодарностью.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Ходатайство того-же штаба отъ 11 ноября 1901 г. за № 1892 о разрѣшеніи художнику Файнштейну скопировать для штаба портретъ Императрицы Екатерины II, находящійся въ музеѣ Общества.

Разрѣшеніе это было дано и работа уже окончена.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Благодарность отъ Одесскаго Консульства Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки отъ 12/25 ноября 1901 г. за № 683 за доставленныя для Публичной библіотеки въ Нью-Іоркѣ изданія Общества.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Докладъ г. Хранителя музея о предметахъ древности, поступившихъ въ музей Общества за время отъ 22 ноября 1901 г. по 28 января 1902 г.

Поступили въ музей:

А. 1) Пожертвованная госпожей С. К. Тепляковой мѣдная серьга съ вставленными синими стеклышками, найденная въ 1849 году въ Венгріи, въ курганѣ.

2) Заслуж. орд. профессоромъ д. ч. Г. И. Перетятковичемъ: старинные нюренбергскіе карманные серебряные часы.

Б. 1) Пріобрѣтено у Ер. Запорожскаго:

а) 2 фибулы «digitées» т. наз. готскаго стиля съ вставленными красными камнями; позолоченная бронза; б) 2 красноглиняныхъ кувшина и краснолаковая тарелочка, внутри штемпель: нога; всѣ вещи изъ Керчи.

2) а) Глиняная миска съ крышкой; сѣрая глина покрыта бѣлой краской и на ней нарисованы розовой краской орнаменты; краска плохо держится, потому что въ ней нѣтъ связывающаго вещества. Сосудъ этотъ любопытный образецъ той техники, которая пока извѣстна только по находкамъ въ Керчи и въ Ольвіи. б) Глиняный кувшинъ; на желтомъ фонѣ бурые орнаменты и бѣлыя крылатыя фигурки. Работа поздняго времени (II вѣка до Р. Х.).

Постановили: Передать вещи въ музей Общества и благодарить жертвователей.

VII. Отношеніе Одесскаго Городского Головы отъ 22-го января 1901 г. за № 212 слѣдующаго содержанія:

Посланецъ Тибетскаго Далай-Ламы Старшій Цанитъ Хамбо Доржіевъ, въ память его пребыванія въ Одессѣ и посѣщенія Музея Общества Исторіи и Древностей, прислалъ мнѣ, для передачи въ даръ Музею, слѣдующія вещи:

№ 1. Тибетскую старинную *саблю*.

№ 2. *Пуддань*—сосудъ, употребляемый при богослуженіяхъ (въ него наливается вода).

№ 3. *Джиблукз*—сосудъ для наливанія воды, которою полощутъ ротъ высшіе духовные сановники.

№ 4. *Куджз*—курительныя свѣчи (пачка въ 50 шт.), употребляемыя во дворцѣ Далай-Ламы.

№ 5. Тибетское бѣлое сукно (цѣльный кусокъ) старинной выдѣлки.

и № 6. Четыре цѣльныхъ различныхъ тибетскихъ монетъ и три куска отъ нихъ, употребляемые какъ серебряныя мелкія монеты.

О полученіи всѣхъ этихъ предметовъ прошу прислать увѣдомленіе.

Посланникъ Х. Доржіевъ извиняется, что посылаетъ на первый разъ тѣ только предметы, которые находятся у него подъ рукою (въ С.-Петербургѣ), и обѣщаетъ, по пріѣздѣ въ Тибетъ въ Лхассу, прислать болѣе интересные и цѣнные.

Городской Голова *П. Зеленый.*

Всѣ указанныя здѣсь вещи въ музей доставлены.

Постановили: Благодарить г. Хамбо Дорджіева, а вещи хранить въ музеѣ Общества.

VIII. Докладъ г. Хранителя музея, что г. секретаремъ Общества принесенъ въ даръ фотографическій портретъ бывшаго секретаря Общества профессора Вл. Ал. Яковлева.

Постановили: Присоединить къ собранію портретовъ, находящихся въ музеѣ.

IX. Докладъ секретаря Общества о книгахъ, поступившихъ въ Общество за время отъ 22 ноября 1901 г. по 28 января 1902 г.; причемъ И. Ѳ. Токмаковымъ доставлено 10 своихъ сочиненій съ обѣщаніемъ и впредь доставлять таковыя и съ просьбою выслать ему Записки Общества: вышедшія послѣ 1897 года:

1) Записки Императорской Академіи Наукъ, т. IV. № 8, 9; т. V. № 1, 2, 3. Спб. 1901 г.

2) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. XV. № 1, 2, 3. Спб. 1901 г.

3) Журналы засѣданій Совѣта Императорскаго С.-Петербургскаго Университета за 1900 г. № 56. Спб. 1901 г.

4) Списокъ книгъ, пріобрѣтенныхъ библіотекою Императорскаго С.-Петербургскаго Университета въ 1901 г. Спб. 1901.

5) Записки историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, часть LX, LXI. Спб. 1901 г.

6) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, кн. 10, 11 и 12—1901 г. Казань. 1901.

7) Годичный актъ въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 5 ноября 1901 г. (Прилож. къ Учен. Запискамъ Казанск. Университета за 1901 г., ноябрь. Казань. 1091 г.

8) Мусульманскій Сонникъ. Н. Г. Малицкій. Казань 1902. (Прилож къ Учен. Запискамъ Казанскаго Университета за 1901 г., декабрь).

9) Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета. № 6, 7, 8. 1901. Юрьевъ. 1901.

10) Варшавскія Университетскія Извѣстія, т. VI, VII, VIII. Варшава. 1901 г.

11) Извѣстія Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ, т. XIX. Нѣжинъ. 1901 г.

12) Лѣтопись занятій Археологической Коммиссіи 1895—1899 г., вып. XII и за 1900 г., вып. XIII. Спб. 1901.

13) Посольство Кунраада фонъ-Кленка къ Царямъ Алексѣю Михайловичу и Ѳедору Алексѣевичу. Спб. 1900 г.

14) Указатель къ актамъ юридическимъ, изданнымъ подъ редакціею Н. В. Калачова. Спб. 1901 г.

15) Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изданное по Высочайшему Повелѣнію Археографическою Коммиссіею, т. XII. Спб. 1901 г.

16) Памятники славяно-русской письменности, изданные Археографическою Коммиссіею. Великіе Минеи Четіи. Декабрь, дни 1—5. Москва 1901 г.

17) Памятники древней письменности и искусства:

а) Страсти Христовы въ Западно-Русскомъ спискѣ XV в. Н. М. Тупикова. 1901. Спб.

б) Письма Сильвестра Медвѣдева. С. Н. Браиловскаго. Спб. 1901.

в) Финифтяники въ г. Ростовѣ. Ярославской губ. А. Титовъ. Спб. 1901.

г) Памяти Л. Н. Майкова. Н. Чечулинъ. Спб. 1901.

д) О древне-русскихъ пѣвческихъ нотаціяхъ. Ст. Смоленскій. Спб. 1901 г.

е) Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1899—1900. Спб. 1901.

18) Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Кн. 12. Москва. 1901.

19) Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, т. XII, №№ 3, 4, 5. Спб. 1901.

20) Православный Палестинскій Сборникъ, т. XVII, вып. II, к. 2, 3, 4. Спб. 1897, т. XVIII, вып. III. Спб. 1901 г., т. XIX, вып. I. Спб. 1901 г.

21) Византійскій Временникъ, т. VII, вып. 3 и 4. Спб. 1900.

22) Книга бытія моего. Епископа Порфирія Успенскаго, т. VI, VII. Спб. 1900—1901.

23) Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Кн. XXII, вып. 3. Тифлисъ. 1901.

24) Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. XIV, № 5.

25) Записки Крымскаго Горнаго Клуба, № 10, 11 и 12. Одесса. 1901 г.

26) Каталогъ Одесской Городской Публичной библіотеки. Т. I. Одесса. 1901 г.

27) Отчетъ о дѣятельности Севастопольской морской офицерской библіотеки за 1899—1900 гг.

28) Краткое обозрѣніе рукописей Кіево-Софійской библіотеки. Н. Петрова (отъ автора). Кіевъ. 1901 г.

29) Замѣтка о Молодинскомъ кладѣ 1878 г. Ю. Б. Иверсена. Спб. 1900 г.

30) Б. В. Фармаковскій: «Гера Поликлета» (отъ автора). Спб. 1901 г.

31) Кошевые атаманы Черноморскаго казачьяго войска XVIII столѣтія. П. П. Короленко. Спб. 1901 г. (отъ автора).

32) Горскіе поселенцы въ Черноморіи. П. П. Короленко. Екатеринодаръ. 1901 г. (тоже)

33) Генуэзско-татарскіе монеты города Каффы. О. Ф. Ретовскій. Симферополь. 1901 г. (отъ автора).

34) Die Münzen der Gireï. I. Heft. O. Retowski. Moskau. 1901 (отъ автора).

35) Историко-статистическое и археологическое описаніе города Богородска (Московской губ.). Н. Ѳ. Токмаковъ. Москва. 1899.

36) Историко-статистическое и археологическое описаніе села Александрова (Подольскаго уѣзда, Москов. губ.). И Ѳ. Токмаковъ. Москва. 1899 г.

37) Историко-статистическое и археологическое описаніе села Ижевскаго (Спасскаго уѣзда, Рязанской губ.). И. Ѳ. Токмаковъ. Москва. 1899.

38) Историко-статистическое и археологическое описаніе села Всѣхсвятскаго, Московской губерн. и уѣзда, съ 1398—1898 г. И. Ѳ. Токмаковъ. Москва 1898 г.

39) Краткій историческій очеркъ Ущельской пустыни (Мезенскаго уѣзда, Архангельской губ.). И. Ѳ. Токмаковъ. Архангельскъ. 1899 г.

40) Къ предстоящему столѣтію 1802 г.—24 апр. 1902. Историко-статистическое описаніе города Егорьевска (Рязанской губ.). И. Ѳ. Токмаковъ. Москва. 1901 г.

41) Городъ Богучаръ Воронежской губерніи и его уѣздъ. И. Ѳ. Токмаковъ. Москва. 1900 г.

42) Историко-статистическое и археологическое описаніе села Брынькова (Рузскаго уѣзда, Московской губ.). И. Ѳ. Токмаковъ. Москва. 1901.

43) Историко-статистическое описаніе села Писцова (Нерехтскаго уѣзда, Костромской губ.). И. Ѳ. Токмаковъ. Москва. 1901 г.

44) Историко-статистическое и археологическое описаніе селъ Дарвина-Никольскаго и Назарьева (Звенигородскаго уѣзда, Московской губ.). И. Ѳ. Токмаковъ. Москва 1901 г. (№№ 35—44 отъ автора).

45) «Міръ Божій». Научно-популярный журналъ для самообразованія. Содержаніе за десятилѣтіе 1892—1901 г. Спб. 1901 г.

46) Sitzungsberichte der Alterthumforschenden Gesellchaft zu Pernau 1899—Juli 1901. Pernau. 1901.

47) Suomen Muinais-muistoyhdistyksen Arkakoiüskirja Finska Forn minnesföreningens tidskrift. XXI. Helsinki. 1901.

48) Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Кік. X, кн. VI, т. XLIV.

49) Збірник Фільольогічної секциї Наукового Товариства імени Шевченка. Т. IV. Львів. 1901.

50) Етнографічний Збірник. Т. X, у Львові 1901 г.

51) Збірник Математично-природописно-лікарскої секциї Наукового Товариства імени Шевченка. Т. VII, вып. II, у Львові. 1901.

52) Проф. Др. Петро Стебельский. Австрийский процес карний, вып. I, у Львові 1901 г.

53) Научно-литературный сборникъ. Періодическое изданіе «Галицко-русской Матицы», ред. Б. А Дѣдицкаго. Т. I, кн. I. 1901 г. Львовъ. 1901.

54) Kwartalnik historyczny. Rocznik XV, Zeszyt IV. 1901, we Lwowie 1901.

55) Cechy Predhistorické. Dr. J. Z Pic. Svazek. 2. v Praze. 1901.

56) Vestnik slovanske Filologie a Starozitnosti. Rocnik I. Praha. 1901.

57) Vjestnik kr. hrvatsko-slavonsko-dalmatinskog zemalyskog arkiva. Godina IV. Svezak I. Zagreb. 1902.

58) Bullettino di Archeologia e Storia Dalmata. Anno XXIV. Spalato. 1901.

59) Über ein Bildnis des Perikles in den Königlichen Museen. Berlin. 1901.

60) Kongl. Vitterhets Historie ocn. Antiqvitetsakademiens Manadsblad. 1896. Stockholm. 1901.

61) Annual Report of the Smithsonian Institution 1897. u. s. National Museum. Washington city 1901.

62) Annual Report of the Smithsonian Institution 1899, 1899. Wachington city. 1901.

Постановили: Книги передать въ библіотеку Общества, а предложеніе И. Ѳ. Токмакова препроводить на заключеніе Совѣта.

X. Извѣщеніе отъ хранителя Аккерманской крѣпости чл. корр. Ѳ. М. Кречуна отъ 8 ноября 1901 г. за № 419, что кладоискатели К. Ивановъ, І. Гейстъ и др., производя раскопки, нашли и очистили въ г. Аккерманѣ по Крѣпостной площади колодезь, довольно глубокій, обдѣланный правильно камнемъ. При очисткѣ колодезя найдены, повидимому, надгробныя съ турецкими надписями мраморныя плиты, колонки и головки къ колонкамъ. Все это будетъ храниться у него, г. Кречуна, впредь до особаго по сему распоряженія Общества

Совѣтъ полагаетъ, что подобныя находки въ г. Аккерманѣ должны тамъ и сохраняться, причемъ впослѣдствіи при Аккерманской крѣпости можетъ образоваться особый музей.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

XI. Извѣщеніе того-же чл. корр. Ѳ. М. Кречуна отъ 8 ноября 1901 г. за № 420, что у него имѣлись слѣдующія, принадлежащія Обществу деньги: 1) 18 рублей, полученные отъ г. Варшавскаго за мѣсто, занятое подъ складъ керосина; 2) 30 рублей, полученные отъ г. Литвина въ счетъ платы за содержаніе пороха въ одной изъ башенъ крѣпости; 3) 80 р., полученные отъ г. Муза за складъ керосина; но изъ нихъ 10 р. уплочено за исправленіе стѣнъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ складъ, и 4) 42 р., полученные за проданные 6 к. саж. камня. Изъ этихъ денегъ имъ истрачено на мелкіе расходы еще 4 р. и у него оставалось 156 рублей.

Совѣтъ полагаетъ, что деньги, получаемыя отъ эксплоатаціи Аккерманской крѣпости, должны быть препровождаемы въ Общество для расходованія ихъ на Аккерманскую крѣпость.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

XII. Предложеніе Финляндскаго Общества Древностей въ Гельсингфорсѣ (Suomen Muinaismuistoyhdistys. Helsinki), отъ 14 декабря 1901 г. № 51, обмѣниваться изданіями.

Совѣтъ считаетъ возможнымъ согласиться на такой обмѣнъ, начиная съ изданій послѣдняго года.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

XIII. Ходатайство Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 21 ноября 1901 г. слѣдующаго содержанія:

21-го октября въ Тифлисѣ открыто Кавказское Отдѣленіе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества и членамъ онаго весьма важно было-бы составить библіотеку историко-археологическаго характера, которая помогла-бы имъ не только поближе изучить все то, что касается до исторіи и древностей Кавказа, мусульманскаго Востока, побережья Чернаго моря и Закаспійскаго края, но и дала-бы имъ возможность сравнительнаго изученія и вообще ознакомила-бы ихъ съ тѣмъ, что дѣлается въ Россіи по части изученія древностей и ихъ разработки. Образованіе подобной библіотеки еще тѣмъ необходимѣе, что въ Тифлисѣ имѣется пока только одна городская библіотека, условія открытія которой настолько неудобны, что она не можетъ оказывать существенной пользы людямъ, желающимъ посвятить наукѣ часы, свободные отъ служебныхъ занятій.

На основаніи всего вышесказаннаго Императорское Московское Археологическое Общество имѣетъ честь обратиться въ Одесское Общество Исторіи и Древностей съ покорнѣйшей просьбою, не отказать выслать свои изданія, по возможности съ самаго основанія, въ библіотеку Кавказскаго Отдѣленія въ г. Тифлисѣ, въ канцелярію округа, на имя г. Предсѣдателя Отдѣленія Льва Григорьевича Лопатинскаго, чѣмъ премного обяжетъ Московское Археологическое Общество.

Предсѣдатель Графиня *Уварова*.
Секретарь *В. Трутовскій*.

Совѣтъ предлагаетъ, по возможности, исполнить ходатайство Общества.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

XIV. Ходатайство Предварительнаго Комитета по устройству XII Археологическаго Съѣзда въ г. Харьковѣ отъ 29 октября 1901 г. слѣдующаго содержанія:

Предварительный Комитетъ по устройству XII Археологическаго Съѣзда въ Харьковѣ покорнѣйше проситъ Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей о предоставленіи ему для картографической выставки при Съѣздѣ нижеслѣдующихъ картъ, плановъ, чертежей, рисунковъ, хранящихся въ его музеѣ: 1) № 33 (стр. 3)[1]) Atlas Russicus. Mappa una generali et undeviginti specialibis и т. д., 2) № 35 (стр. 4) Атласъ (состоящій изъ 34 картъ) Россіи 3) № 73 (стр. 8) Генеральная карта

[1]) Номера обозначены по каталогу Общества. Одесса. 1888.

отъ Кіева по рѣкѣ Днѣпру до Очакова, 4) № 74 (стр. 8) Генеральная ланкарта отъ Кіева по реке Днепру до Очакова, 5) № 75 (стр 8) Карта Новороссійской губерніи съ округъ лежащими мѣстами, 6) № 76 (стр. 8) Карта Новороссійской губерніи за Днепровскимъ мѣстомъ, 7) № 77 (стр. 8) Карта Новой Сербіи, составленная Іюля 24 числа 1758 г., 8) № 78 (стр. 8) Планъ Екатерининской провинціи отъ рѣки Днепра до рѣки Донца, 9) № 79 (стр. 8) Планъ Бахмутскаго уѣзду городцкаго съ показаніемъ положенныхъ Гусарскихъ ротъ, 10) № 80 (стр. 8) Планъ части Чернаго гусарскаго полку 7-й роты шанца Архангельскаго, 11) № 81 (стр. 9) Карта представляющая отъ второй Линѣи, 12) № 82 (стр. 9) Карта Купянскаго и частію смѣжныхъ Уѣздовъ Слободко-украинской Губеріи, 13) № 83 (стр. 9) Карта теченія рѣкъ Днепра и Буга, 14) № 84 (стр. 10) Генеральная карта днепровской линіи, 15) № 85 (стр. 10) Планъ Екатеринославскаго намѣстничества Новомиргородскаго уѣзда, 16) № 88 (стр. 10) Собраніе 28 плановъ старыхъ крѣпостей и картъ Кіевскихъ и Новороссійскихъ военныхъ поселеній, 17) № 89 (стр. 10) Карта Бахмутскаго и Славеносербскаго уѣздовъ, 18) № 103 (стр. 11) Топографическій атласъ теченія р. Днѣпра, 19) № 107 (стр. 12) Топографическій планъ Самарскаго Николаевскаго монастыря, 20) № 114 (стр. 13) Карта лежащимъ около крѣпости святаго Димитрія ростовскаго местамъ, 21) № 115 (стр. 13) Карта земли лежащей между Азовскимъ и Каспіцкимъ морями, 22) № 116 (стр. 13) Карта генеральная рѣки Дона отвыпаденія ее изывановскаго озера, 23) № 117 (стр. 13) Планъ Когальницкому мѣсто, 24) № 118 (стр. 13) Описание расположеннымъ по реке Кубани и отъ двухъ местъ отгорода Азова крепостямъ, 25) № 44 (стр. 20) Планъ мѣсту между рѣкъ Самары и Кельчени, 26) № 45 (стр. 20) Планъ прожектированный губернскаго города Екатеринослава, 27) № 46 (стр. 20) Планъ Екатеринославскаго Намѣстничества Окружнаго города Бахмута, 28) № 47 (стр. 20) Крѣпость Петровская по днѣпровской линіи, 29) № 48 (стр. 20) Планъ крѣпости святыя Елисаветы, 30) № 49 (стр. 20) Планъ крѣпости Св. Елисаветы при городѣ Елисаветградѣ, 31) № 81 (стр. 23) Планъ сечи или крепости запорожъской, 32) № 88 (стр. 24) Планъ Таганрогской линіи. 33) № 89 (стр. 24) Карта рѣки Міуса и части моря Азовскаго и урочища Таганрога, 34) № 90 (стр. 24) Планъ возобновленной Таганрогской гавени, 35) № 91 (стр. 24) Планъ портоваго города Таганрога съ Выгонною Землею, Загородными Дачами и разными Заводами, 36) № 92 (стр. 24) Планъ бывшей крѣпости святыя Анны, 37) № 93 (стр. 24) Планъ войска Донскаго казачьему главному городу Черкасъку, 38) № 94 (стр. 25) Планъ города Азова, 39) № 95 (стр. 25) Планъ Азовской крѣпости, 40) № 97 (стр. 25) Планъ Ачуевской крѣпости, 41) № 98 (стр. 25) Планъ стараго города Темрюка завоеваннаго Россійскимъ войскомъ, 42) № 99 (стр. 25) Планъ

стараго города Тамана, завоеваннымъ россійскимъ войскомъ, 43) № 100 (стр. 25) Планъ города тамана лежащей въ проливѣ между Азовскаго и Чернаго морей, 44) № 34 (стр. 29) Карта точнаго положенія устьевъ рѣкъ Днѣпра и Буга, 45) № 35 (стр. 29) Карта Ачаковскаго Лимана, 46) № 65 (стр. 32) Бухта Геленджикъ, 47) № 4 (стр. 33) Карта Россіи IX вѣка съ окрестными странами, 48) № 5 (стр. 33) Чертежи къ запискѣ первой о Городищахъ въ земляхъ Славянскихъ, 49) № 29 (стр. 35) Колоколъ вылитый въ 1695 году въ гетманство Мазепы, 50) № 53 (стр. 38) Планъ города Ольвіи, съ окрестностями, 51) № 54 (стр. 38) Планы Ольвійской крѣпости 26-го Октября 1819 года, 52) № 63 (стр. 38) Планъ старой сѣчи на Чертомлыкѣ, 53) № 64 (стр. 38) Запорожье, 54) № 65 (стр. 38) Запорожскія надписи на надгробныхъ крестахъ, находящихся въ губерніяхъ Херсонской и Екатеринославской, 55) № 66 (стр. 38) Надписи запорожскія на крестахъ, церковныхъ сосудахъ и надгробіяхъ, собранныя въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, 56) № 72 (стр. 39) Рисунокъ военныхъ укрѣпленій Запорожцевъ, 57) № 73 (стр. 39) Никопольской Покровской церкви рисунки, 58) № 134 (стр 44) Тридцать рисунковъ каменныхъ бабъ, 59) № 158 (стр. 46) Снимокъ съ серебрянаго монгольскаго знака (Пайзе), 60) № 159 (стр. 46) Монгольское зеркало съ изображеніемъ звѣриной облавы, 61) № 16 (стр. 50) Плащаница Покровской Никопольской церкви, 62) № 53 (стр. 56) Видъ Ново-Московскаго на Самарѣ Николаевскаго пустыннаго монастыря, 63) № 54 (стр. 56) Видъ и планъ Ново-московскаго свято-Троицкаго собора, 64) № 55 (стр. 56) Внутренняя колоннада Екатеринославскаго Преображенскаго собора, 65) № 56 (стр. 56) Внутренность Преображенскаго собора.

Предсѣдатель проф. *Дм. Багалѣй.*

Секретарь прив.-доц. *Е. Рѣдинъ.*

Совѣтъ полагаетъ, что возможно доставить на Съѣздъ нѣкоторые карты и рисунки, по выбору Совѣта, но не иначе, какъ при посредствѣ одного изъ членовъ Общества, который отправится на XII Археологическій Съѣздъ.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

XV. Заявленіе г. Предсѣдательствующаго Совѣта, что имъ, по просьбѣ д. ч. П. А. Иванова, отправлено было ходатайство въ Главный Штабъ о разрѣшеніи г. Иванову заниматься въ архивахъ Главнаго Штаба въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ въ теченіи рождественскихъ каникулъ 1901—1902 г. и дѣлать фотографическіе снимки съ картъ и документовъ.

Разрѣшеніе Штаба было получено и о немъ своевременно сообщено г. Иванову.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

XVI. Запросъ Департамента Государственныхъ Земельныхъ Имуществъ отъ 17 ноября 1901 г. за № 16882 относительно движенія дѣла о возобновленіи межевыхъ признаковъ на землѣ Общества при бывшей Судакской Крѣпости.

По постановленію Совѣта сообщены свѣдѣнія, напечатанныя въ журналѣ 337 засѣданія Общества 21 сентября 1901 г. п. XI.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

XVII. Отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 2 ноября 1901 г. за № 1826 о томъ, что въ г. Старомъ Крымѣ предметы древности подвергаются порчѣ или совершенно исчезаютъ; Коммиссія проситъ по этому вопросу заключенія Общества.

Совѣтъ просилъ г. Вице-Президента Общества А. Л. Бертье-Делагарда обстоятельно выяснить положеніе дѣла и по полученіи отвѣта доложить Обществу. Согласіе Вице-Президента было сообщено имъ въ бытность его въ Одессѣ.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

XVIII. Совершенно такое же отношеніе Коммиссіи отъ 14 декабря 1901 г за № 2166 относительно Килійской крѣпости, основанное на заявленіи путешественника Евгенія Пафнутьева.

Совѣтъ полагаетъ, что Общество могло бы предстоящею весною командировать одного изъ своихъ сочленовъ для выясненія вопроса

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

XIX. Отношеніе Аккерманской Городской Управы отъ 30 октября 1901 г. за № 4855 съ отвѣтомъ на сообщеніе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей отъ 11 октября 1901 г. за № 1163 (См. Журн. 337 засѣданія Общества 21 сентября 1901 г. п. XII). Отрицая по прежнимъ основаніямъ права Общества на гласисъ Аккерманской крѣпости и не соглашаясь представить дѣло на разрѣшеніе Одесскаго Инженернаго Управленія, какъ предлагало Общество, Управа предлагаетъ ему командировать одного изъ своихъ сочленовъ для осмотра спорной мѣстности, надѣясь, что такимъ образомъ скорѣе достигнуто будетъ соглашеніе.

Совѣтъ постановилъ: доложить отношеніе Управы Обществу съ заключеніемъ о необходимости дальнѣйшаго веденія дѣла.

Постановили: Въ виду того, что бывшая Аккерманская крѣпость находится лишь въ вѣдѣніи Общества, а принадлежитъ казнѣ, интересы которой Общество обязано защищать, согласиться съ мнѣніемъ Совѣта и просить Вице-Президента Общества А. Л. Бертье-Делагарда и д. ч. А. А. Кочубинскаго весною отправиться въ Аккерманъ для переговоровъ съ Аккерманскимъ Городскимъ Управленіемъ.

XX. Письмо г. хранителя Ѳеодоссійскаго музея чл.-корр. Л. П. Колли (на имя секретаря Общества) отъ 14 ноября 1901 г. съ сообщеніемъ свѣдѣній о находящейся при музеѣ часовнѣ въ память П. С. Котляревскаго и съ предположеніями относительно возможности устройства здѣсь храма.

Совѣтъ предлагаетъ поручить д. ч. А. И. Маркевичу выяснить положеніе дѣла на мѣстѣ и затѣмъ представить Обществу докладъ.

Постановили: Сохранить при Ѳеодосійскомъ музеѣ часовню.

XXI. Произведены были выборы г. Президента Общества въ виду окончанія 22 января 1902 г. срока, на который былъ избранъ въ президенты почетный членъ Общества Генералъ-отъ-Инфантеріи Христофоръ Христофоровичъ Роопъ.

При баллотировкѣ, согласно § 40 Устава Общества, большинствомъ двѣнадцати голосовъ противъ двухъ въ президенты Общества избранъ Х. Х. Роопъ.

XXII. Произведены были, тоже за окончаніемъ срока, на который былъ избранъ Вице-Президентомъ Общества п. чл. Александръ Львовичъ Бертье-Делагардъ, выборы Вице-Президента Общества.

Записками предложены: А. Л. Бертье-Делагардъ *тринадцатью* и Э. Р. фонъ-Штернъ *двумя*. За отказомъ Э. Р. фонъ-Штерна баллотировался А. Л. Бертье-Делагардъ и избранъ въ Вице-Президенты Общества большинствомъ *двѣнадцати* голосовъ противъ *двухъ*.

XXIII. По той же причинѣ произведены выборы казначея Общества. Записками предложены: П. А. Маврогордато *двѣнадцатью*, А. А. Кочубинскій—*одною*, Л. Ф. Брунъ — *одною*. За отказомъ А. А. Кочубинскаго и Л. Ф. Бруна баллотировался П. А. Маврогордато и избранъ большинствомъ *тринадцати* голосовъ противъ *одного*.

XXIV. По той же причинѣ произведены выборы Секретаря Общества.

Записками предложены: А. И. Маркевичъ — *пятнадцатью*[1]) и А. А. Кочубинскій—*одною*. За отказомъ А. А. Кочубинскаго баллотировался А. И. Маркевичъ и избранъ *единогласно*.

XXV. На основаніи постановленія Общества отъ 31 октября 1901 г. (см. журналъ 338 засѣданія Общества п. XIV) произведены выборы библіотекаря Общества.

Записками предложены: В. Н. Мочульскій — *пятью*, Л. Ф. Брунъ — *тремя*, М. Г. Попруженко, С. А. Селивановъ и Е. Н. Щепкинъ — *двумя*, П. А. Ивановъ и М. А. Павловскій—*одною*. За отказомъ Л. Ф. Бруна, М.

[1]) Прибылъ въ засѣданіе д. ч. С. А. Селивановъ.

Г. Попруженко, С. А. Селиванова, Е. Н. Щепкина, Н. А. Иванова и А. А. Павловскаго баллотировался В. Н. Мочульскій и избранъ *двѣнадцатью* голосами противъ *трехъ*.

Постановили: Все изложенное занести въ протоколъ настоящаго засѣданія.

XXVI. Сообщеніе д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна: «Объ одной рельефной вазѣ изъ Ольвіи».

Постановили: За позднимъ временемъ отложить до слѣдующаго засѣданія Общества.

341 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

4-го Марта 1902 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичъ*, дѣйствительные члены: *А. Е. Егоровъ*, *П. А. Ивановъ*, *А. А. Кочубинскій*, *Н. И. Ленцъ*, *В. Н. Мочульскій*, *Г. И. Перетятковичъ*, *С. В. Петровскій*, *М. Г. Попруженко* и членъ-корреспондентъ *В. Н. Никифоровъ*.

Слушали:

I. Предсѣдательствующій сообщилъ о смерти дѣйствительныхъ членовъ Общества: А. М. Богдановскаго и В. Г. Тизенгаузена.

Почтили память усопшихъ членовъ вставаніемъ.

II. Въ виду извѣстія о болѣзни, постигшей д. ч. М. Ѳ. Чемену,

Постановили: Немедленно-же выразить д. ч. М. Ѳ. Чеменѣ искреннее и единодушное пожеланіе скорѣйшаго и полнаго выздоровленія.

III. Благодарность Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отъ 31-го января 1902 г. за № 91 за пожеланія, выраженныя Отдѣлу въ день его пятидесятилѣтняго юбилея со стороны Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Ходатайство отъ 11 декабря 1901 г. за № 44 состоящаго при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ Музея Изящныхъ Искусствъ о безплатной присылкѣ изданій Общества.

Совѣтъ предлагаетъ уступать Музею изданія Общества по такой цѣнѣ, по какой они продаются членамъ Общества.

V. Просьбу академика И. В. Ягича объ уступкѣ ему V-го т. Записокъ Общества.

Постановили: За неимѣніемъ экземпляровъ, просьбу И. В. Ягича отклонить.

VI. Докладъ и. д. казначея Общества, что отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли поступило, согласно договору, за наемъ территоріи Судацкой крѣпости за 1902 г. триста рублей и дополнительныхъ за 1901 г. тридцать четыре рубля, равно и билетъ I класса для плаванія на пароходахъ Общества между Одессой и Керчью, и отъ завѣдующаго бывшей Аккерманской крѣпостью, согласно постановленію Общества, сто рублей.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VII. Хранитель музея Общества предъявилъ вещи, поступившія въ послѣднее время въ Общество:

Поступили въ музей:

1) Отъ штабсъ-капитана Е. А. Шуманскаго: Картина масляными красками на полотнѣ, изображающая осаду Севастополя съ моря.

2) Отъ д. ч. Н. И. Ленца: Свертокъ съ изображеніемъ церемоніала похоронъ Имп. Александра I, два жестяныхъ кубка, раздаваемыхъ народу и помѣченныхъ 20-мъ октября и 14-мъ ноября 1894 года, и четыре мѣдныхъ монеты времени И. Екатерины II.

Постановили: Жертвователей благодарить, вещи же передать въ музей Общества.

VIII. Секретарь Общества предъявилъ книги, поступившія въ послѣднее время въ Общество.

Списокъ книгъ:

1) Извѣстія Императорской Академіи Наукъ, т. XV, № 4. Спб. 1901.

2) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета годъ LXIX, кн. I. Казань. 1902 г

3) Варшавскія Университетскія Извѣстія, IX. Варшава. 1901.

4) Историческій Обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, т. I. Спб. 1902.

5) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXXVII, вып. IV, V. С.-Петерб. 1901.

6) Докладъ Метеорологической Коммиссіи, читанный въ засѣданіи Отдѣленій Географіи Математической и Физической 27 ноября 1901 г.

7) Записки Крымскаго Горнаго Клуба № 1. 1902 г. Одесса.

8) Краткое Обозрѣніе рукописей Кіево-Софійской библіотеки. Н. Петрова. Кіевъ. 1901.

9) Н. Ф. Бѣляшевскій. Археологическая Лѣтопись Южной Россіи, т. III. Кіевъ. 1901.

10) Проф. Евгеній Бобровъ. Литература и просвѣщеніе въ Россіи XIX в., т. III. Казань. 1902 г.

11) Lud, organ Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie, tom VIII. Zeszyt I. Lwow. 1902.

12) Bullettino di Archeologia e Storia. Dalmata. Anno XXIV. Spalato. 1901.

13) Bulletin of the New-Iork publie library. Number 1—12, 1897, Number 1—12, 1898; Number 1—12, 1899; Number 1—12, 1900; Number 1—11, 1901.

Постановили: Передать въ библіотеку Общества.

IX. Отчетъ о состояніи Ѳеодосійскаго музея Общества за 1901 г., представленный г. хранителемъ музея.

Совѣтъ предлагаетъ утвердить отчетъ и напечатать его совмѣстно съ отчетомъ Общества за 1901 г.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта и благодарить ч.-к. Л. П. Колли за энергичное пополненіе музея.

X. Отчетъ о состояніи Мелекъ-Чесменскаго кургана за 1901 г., представленный г. завѣдующимъ курганомъ.

Совѣтъ предлагаетъ утвердить отчетъ и напечатать его совмѣстно съ отчетомъ Общества.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

XI. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 21 февраля с. г. за № 421 съ приглашеніемъ командировать на предстоящій Харьковскій XII Археологич. Съѣздъ представителей Общества.

Постановили: Отложить избраніе представителей до одного изъ послѣдующихъ засѣданій Общества.

XII. Отношеніе отъ 8 февраля 1902 г. завѣдующаго Мелекъ-Чесменскимъ курганомъ д. ч. В. В. Шкорпила, что, вслѣдствіе передачи ему Императорской Археологической Коммиссіей завѣдыванія Керченскимъ музеемъ, онъ не можетъ оставаться болѣе хранителемъ Мелекъ-Чесменскаго кургана и вмѣсто себя рекомендуетъ въ хранители его д. ч. Александра Алексѣевича Дирина, на то согласнаго.

Совѣтъ предлагаетъ: а) благодарить В. В. Шкорпила за завѣдываніе Мелекъ-Чесменскимъ курганомъ въ теченіи $7^1/_2$ лѣтъ и б) обязанности хранителя кургана возложить на д. ч. А. А. Дирина.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта и въ хранители Мелекъ-Чесменскаго кургана избрать д. ч. А. А. Дирина.

XIII. Предложеніе г-жи Е. К. Бузни произвести раскопки въ ея имѣніи С. Петрены, находящемся въ Бѣлецкомъ, уѣздѣ Бессарабской губерніи.

Постановили: Просить д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна переговорить о томъ съ Е. К. Бузни.

XIV. Отношеніе Тамбовской ученой архивной коммиссіи отъ 6 февраля 1902 г. за № 62 съ приложеніемъ 2-хъ экземпляровъ проэкта программъ общихъ работъ для предполагаемаго областнаго археологическаго съѣзда ученыхъ архивныхъ коммиссій средней полосы Россіи и съ просьбой высказать мнѣніе о проэктѣ и дополнить его своими замѣчаніями.

Постановили: Просить д. ч. И. А. Линниченко дать заключеніе по доставленному проэкту.

XV. Сообщеніе проф. П. Г. Меликова: «Химическій анализъ древнихъ бронзовыхъ стрѣлъ».

Постановили: Напечатать въ журналѣ настоящаго засѣданія, а проф. Меликова благодарить.

XVI. Сообщеніе д. ч. Э. фонъ-Штерна: «Объ одной рельефной вазѣ изъ Ольвіи».

Постановили: Благодарить референта.

XVII. Сообщеніе д. ч. П. А. Иванова: «Къ исторіи запорожцевъ по уничтоженіи Сѣчи».

Постановили: Напечатать въ журналѣ настоящаго засѣданія.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Химическій анализъ древнихъ бронзовыхъ стрѣлъ.

Бронзовыя стрѣлы, подвергнутыя мною химическому анализу, найдены были Г. Л. Скадовскимъ при раскопкахъ на островѣ Березани. По свидѣтельству извѣстнаго спеціалиста-археолога проф. Э. Р. фонъ-Штерна стрѣлы, какъ и прочіе предметы, обнаруженные при раскопкахъ, принадлежатъ VI и V вѣкамъ до Р. Х.

Стрѣлы были цѣльныя и имѣли четырехгранную форму, при чемъ двѣ боковыя грани переходили въ лезвіе; основаніе стрѣлъ представляло полую втулку. Вслѣдствіе продолжительнаго лежанія въ землѣ стрѣлы эти

подверглись сильному разрушенію, окисленію. Наиболѣе окисленной частью являлась втулка и нижняя часть стрѣлы, наименѣе — верхняя, вершинная часть. Такая разница въ окисленіи объясняется тѣмъ, что нижняя полая часть (втулка) представляла бо́льшую поверхность для дѣйствія различныхъ химическихъ агентовъ (воздуха, угольной кислоты и воды), чѣмъ вершинная.

Для анализа я тщательно отдѣлялъ образовавшіяся окиси отъ основной металлической части; однако полнаго отдѣленія нельзя было достигнуть, такъ какъ внутренняя часть мѣстами была также окислена. Я обращаю вниманіе на это обстоятельство потому, что сумма составныхъ частей бронзы — мѣди и олова, выраженная въ процентахъ, равняется не 100, а немного меньше.

Сначала были подвергнуты качественному анализу окиси, образовавшіяся при разрушеніи сплава; причемъ оказалось, что эти окиси состоятъ изъ основной углекислой мѣди, оловяной кислоты и хлор-окиси мѣди-минерала *атакамита* Происхожденіе послѣдняго объясняется дѣйствіемъ хлоридовъ почвы на мѣдь; впервые на такое минерализованіе мѣди въ почвѣ указано было М. Бертло [1]).

Принимая во вниманіе, что окисленіе стрѣлъ было неравномѣрно, что нижняя часть была наиболѣе окислена, являлось предположеніе, что, можетъ быть, составныя части сплава—мѣдь и олово неодинаково подвергаются окисленію. Это предположеніе нашло подтвержденіе при анализѣ, какъ мы увидимъ ниже изъ данныхъ анализа. Оказалось, что въ почвѣ мѣдь окисляется сильнѣе, чѣмъ олово; поэтому отношеніе въ содержаніи этихъ металловъ измѣняется сообразно тому, какую часть стрѣлы подвергнуть анализу: въ нижней части наиболѣе окисленной стрѣлы, отдѣленной отъ окисей, мѣди содержится меньше, чѣмъ въ верхней части. Это наблюденіе является интереснымъ не только для химиковъ, но и для археологовъ, такъ какъ болѣе или менѣе дѣйствительное представленіе о составѣ первоначальнаго сплава, подвергшагося окисленію, можно получить путемъ анализа только различныхъ частей его: та часть изслѣдуемаго бронзоваго предмета, которая наиболѣе богата содержаніемъ мѣди, и будетъ ближе подходить къ первоначальному составу бронзы.

Результаты анализа стрѣлъ таковы:

Верхняя (вершинная) часть первой стрѣлы:

Мѣдь	82,3%
Олово	11,6%

[1]) C. r. de l'Acad. des sciences. 124, 328 p.

Нижняя часть той-же стрѣлы:

Мѣдь	74,7%
Олово	14,1%

Верхняя часть другой стрѣлы:

Мѣдь	77,3%
Олово	17,7%

Нижняя часть той-же стрѣлы:

Мѣдь	70,9%
Олово	21,1%
Свинецъ	0,2%
Цинкъ	0,5%

Послѣдніе элементы (цинкъ и свинецъ) находятся въ видѣ незначительныхъ примѣсей, поэтому опредѣленіе ихъ было произведено только въ послѣднемъ случаѣ.

Если наше предположеніе относительно различной окисляемости составныхъ частей сплава—вѣрно, что впрочемъ подтверждено анализомъ, то въ окисяхъ отношеніе мѣди къ олову должно быть другое и мѣдь должна значительно преобладать надъ оловомъ. Отдѣливъ изъ нижней части второй стрѣлы окиси и подвергнувъ ихъ анализу, я нашелъ въ нихъ слѣд. содержаніе мѣди и олова:

Мѣди	47,7%
Олова	8,5%

Отношеніе въ окисяхъ мѣди къ олову выражается какъ 5,6 : 1, а въ нижней части той же стрѣлы, откуда отдѣлены были окиси какъ 3,8 : 1.

Цвѣтъ бронзы, изъ которой сдѣланы стрѣлы, сѣровато-красный; отношеніе, въ которомъ взяты мѣдь и олово, даетъ бронзу наиболѣе твердую, твердость которой выше чугуна.

П. Меликовъ.

Одесса, 1902 г. 28 февраля.

II.

Къ исторіи запорожскихъ козаковъ послѣ уничтоженія Сѣчи.

Въ іюнѣ 1775 г. Запорожская Сѣчь прекратила свое политическое существованіе. Главная ея старшина (кошевой, судья и писарь) была арестована и подъ сильнымъ конвоемъ отправлена сначала въ Москву [1]), а затѣмъ, по представленію Потемкина, заточена по равнымъ отдаленнымъ монастырямъ [2]). Благонамѣреннымъ старшинамъ, служившимъ «порядочно» и имѣвшимъ одобренія отъ военныхъ начальниковъ, была объявлена царская милость, и обѣщано награжденіе армейскими чинами; рядовымъ козакамъ предоставлено было на выборъ—или остаться въ бывшемъ Запорожьѣ и получить землю для вѣчнаго жилища, или уйти на свою родину. «Затвердѣлыхъ-же въ грубости старшинъ, также и самыхъ распутныхъ пьяницъ» Потемкинъ приказывалъ «стараться всѣми возможными образами удалить не только отъ всякаго между ими большого сообщества, но и въ такое мѣсто, гдѣ бы они въ неослабномъ надъ ними надсматриваніи быть могли» [3]). До поры до времени въ Сѣчи и въ другихъ мѣстахъ Запорожья были оставлены на всякій случай довольно значительные гарнизоны, а для охраны границъ со стороны крымско-турецкихъ земель и для предотвращенія побѣговъ въ эти земли запорожцевъ было разставлено по Бугу и Днѣпру много полковъ [4]). Несмотря на бдительную охрану, все-же масса запорожцевъ ушла изъ Россіи въ Турцію [5]). Разные авторы (Скальковскій, Кондратовичъ, Короленко), касавшіеся въ своихъ трудахъ по исторіи запорожцевъ вопроса объ этомъ событіи, обыкновенно изображаютъ его такъ, основываясь главнымъ образомъ на изустныхъ преданіяхъ, сообщенныхъ такими лицами, какъ, напр., очевидецъ «атакованія» Сѣчи

---

[1]) *Дубровинъ Н. Ѳ.* Сборникъ военно-истор. матеріаловъ. Вып. VI. Бумаги кн. Г. А. Потемкина-Таврическаго 1774—1788. Спб. 1893 г., стр. 83.

[2]) Ib. 80. 83.

[3]) Ib. 37. 52. Зап. Одесскаго Общ. Ист. и Др. III. 588.

[4]) *Дубровинъ.* Присоединеніе Крыма къ Россіи. Т. I. 1775—1777 г. Спб. 1885. Сообщеніе отъ 9 сент. 1776 г. *Скальковскій* Ист. Нов. Сѣчи. Ч. III. 200.

[5]) Часть запорожцевъ послѣ паденія Сѣчи укрылась на польской территоріи, въ разныхъ селеніяхъ Кіевскаго и Брацлавскаго воеводствъ, особенно, въ ключахъ Уманскомъ, Сѣлянскомъ и Жаботинскомъ. Въ 1778 г. Потемкинъ, по соглашенію съ польскимъ правительствомъ, отправилъ туда особую воинскую команду, которая должна была, разыскавъ скрывшихся запорожцевъ, препроводить ихъ съ семействами и имуществомъ въ Азовскую губ. къ губер. Черткову. Военно-уч. Арх. Гл. Шт. Отд. I. Д. № 152.

Никита Коржъ, Коломіецъ и др., а также на народныхъ пѣсняхъ, сохранившихъ воспоминаніе о послѣднихъ дняхъ Запорожья [1]).

«Войско запорожское, видя», говоритъ Скальковскій словами Коржа, «что старшина его отправлена въ столицу, а заведенные московскіе обычаи и порядки не по ихъ вкусу, сильно поколебалось, и начали козаки думать да гадать: «якъ-бы Москаля въ шоры убрать, а самимъ десь дальше мандровать». Затѣмъ сообщается, какъ козаки обманули Текелли и въ большомъ числѣ, подъ видомъ отправленія на заработки на Тилигулъ, ушли въ Турцію. На сандалкахъ и дубахъ по Днѣпру, а потомъ по Черному морю они пустились къ Дунаю и по Георгіевскому рукаву (Гедрилле-Богази) достигли Браилова и поддались здѣсь подъ державу Турціи, которая очень охотно приняла ихъ, обложила весьма легкимъ харачемъ и позволила избрать любое мѣсто на Дунаѣ. Запорожцы предпочли Георгіевскій островъ и ту часть материка, которая находилась между правымъ берегомъ этого гирла, Чернымъ моремъ и оз. Розельмъ; здѣсь устроили свою Сѣчь, но долго тутъ не прожили, такъ какъ вслѣдствіе ссоръ съ некрасовцами, жившими по сосѣдству съ запорожцами по Дунавцу, были переселены въ окрестности Гирсовой на урочище Сеймены [2]). Кондратовичъ и Короленко, принимая на вѣру разсказъ Коржа, какъ запорожцы обманули Текелли, говорятъ, что запорожскіе куренные атаманы прибыли въ Аккерманъ и отсюда отправили депутацію отъ всѣхъ 40 куреней въ Константинополь просить султана о принятіи запорожцевъ на турецкую службу, съ отводомъ имъ земли въ устьяхъ Дуная. Турецкій султанъ согласился на просьбу запорожцевъ, принялъ ихъ подъ свою державу, далъ имъ, по Короленку, просимую землю и предоставилъ право образовать изъ себя отдѣльное казачье войско со своими прежними правами и привилегіями, какими пользовались въ Россіи. При этихъ условіяхъ запорожское казачье войско основало, по словамъ Короленка, свой кошъ на турецкой землѣ въ Сейменахъ. По предположенію Кондратовича, правильной запорожской Сѣчи до 1785 г., т. е. до выхода запорожцевъ въ Австрію, на устьяхъ Дуная не существовало вовсе, а запорожцы, принятые въ турецкое подданство, жили отдѣльными небольшими рыболовными ватагами, разбросанными по всей дунайской дельтѣ, преимущественно же около Вилкова, Килiи, Лети и, можетъ быть, какъ предполагалъ Скальковскій, съ цен-

---

[1]) «Это занятіе Сѣчи русскими войсками, уничтоженіе, по волѣ Монаршей, общества и даже имени запорожскаго, извѣстно въ народѣ украинскомъ и сохранилось доселѣ въ Новой Россіи подъ названіемъ «атакованія Сѣчи». *А. Скальковскій.* Исторія Новой Сѣчи. Ч. III, стр. 181. Одесса. 1886 г. О Коржѣ см. ib. ч. I, въ пред. стр. VII. О Коломійцѣ у Кондратовича. Задунайская Сѣчь. Кіевъ. 1883.

[2]) *Скальковскій.* Ист. Нов. Сѣчи. Ч. III, стр. 188—191, 202, 203, 219—222. *Его-же.* Изустныя преданія о Новороссійскомъ краѣ. Спб. 1838 г., стр. 38.

тромъ въ Гедрилле-Богозы, Кондратовичемъ нигдѣ, по его словамъ, на картѣ не разысканномъ [1]).

И Скальковскій, и Кондратовичъ, и Короленко сообщали разныя свѣдѣнія о задунайскихъ запорожцахъ на основаніи главнымъ образомъ изустныхъ преданій. А между тѣмъ въ Военно-ученомъ архивѣ Главнаго Штаба (въ Петербургѣ) есть богатый письменный матерьялъ, относящійся къ разсматриваемому вопросу, отчасти даже напечатанный въ сборникахъ историческихъ матерьяловъ акад. Дубровина [2]). На основаніи этого матерьяла можно болѣе подробно изложить исторію поселенія запорожскихъ козаковъ въ Турціи, чѣмъ это сдѣлано въ трудахъ упомянутыхъ выше лицъ.

Во время рождественскихъ каникулъ этого академическаго года (1901/902) мнѣ пришлось въ теченіе непродолжительнаго, къ сожалѣнію, времени работать въ архивѣ Главнаго Штаба. Натолкнувшись здѣсь на матерьялы, касавшіеся турецкихъ запорожцевъ, я ознакомился съ этими матерьялами за время съ 1775 по 1780 годъ, и на основаніи ихъ позволю себѣ сдѣлать Вамъ, милостивые государи, теперь краткое сообщеніе о бѣгствѣ запорожцевъ въ Турцію изъ Россіи и о первыхъ годахъ пребыванія ихъ подъ турецкою «протекціею».

Какъ это ни можетъ показаться страннымъ, но до іюля 1776 г. никто изъ начальствовавшихъ въ Новороссійскомъ краѣ лицъ не зналъ о бѣгствѣ запорожцевъ изъ Россіи. Правда, о попыткахъ къ такому бѣгству кое-что было извѣстно и раньше этого времени генералъ-губернатору края Потемкину, такъ какъ еще въ мартѣ 1776 г. азовскій [3]) губернаторъ Чертковъ секретно увѣдомилъ его о намѣреніи запорожцевъ уйти на Кубань. Но приняты были надлежащія мѣры, и намѣреніе запорожцевъ не могло осуществиться [4]). О побѣгахъ запорожцевъ небольшими партіями

---

[1]) *Кондратовичъ.* Задунайская Сѣчь. Стр. 20, 24, 26. *Короленко, П. П.* Предки Кубанскихъ казаковъ на Днѣпрѣ и на Днѣстрѣ. Екатеринодаръ. 1900 г. Стр. 6. 7.—Георгіевскій рукавъ Дуная—Гедрилли Богази. См. Heinrich *Kiepert*'s Neuer Hand — Atlas in 45 karten.

[2]) *Дубровинъ.* Сбор. воен. истор. мат. Бумаги кн. Потемкина-Таврическаго. *Его-же.* Присоединеніе Крыма къ Россіи.

[3]) Земли бывшаго Запорожья вошли въ составъ двухъ губерній — Новороссійской (по правую сторону Днѣпра) и Азовской (по лѣвую). Въ 1776 г. Азовскимъ губ. былъ назначенъ Чертковъ, а Новороссійскимъ—Муромцевъ. *Дубровинъ.* Воен. ист. мат. VI. 39. 65. 74.

[4]) «Учиненныя в. прев. въ семъ случаѣ», писалъ Потемкинъ Черткову 29 апрѣля 1776 г. «о пресѣченіи и къ совершенному уничтоженію столь необузданнаго предпріятія распоряженія, изображающія изящность вашей прозорливости и ревности по возложенной вамъ должности, пріемлю я съ истиннымъ признаніемъ». *Дубровинъ.* Бум. кн. Потемкина. Сбор. воен. ист. мат. VI. 78.

въ Крымъ въ 1775 г. имѣлъ кое-какія свѣдѣнія и кн. Прозоровскій [1]), возбудившій было по этому поводу переписку съ комендантомъ бывшей Сѣчи Норовымъ. Но, получивъ отъ послѣдняго заявленіе, что ему неизвѣстны случаи такихъ побѣговъ, Прозоровскій успокоился. Очевидно, бдительность начальства Новороссійскаго края (военнаго и гражданскаго) была усыплена изъявленіемъ со стороны запорожцевъ полной покорности. А между тѣмъ эта покорность была только наружной,—въ чемъ русскому правительству пришлось убѣдиться въ іюлѣ 1776 г., когда полковникъ Рѣпнинскій [2]) сообщилъ Текелли, что «изъ бывшихъ запорожцевъ въ околичности Очакова находится при Тилигулѣ и Березани тысячъ до 3-хъ, а оттово мѣста за Гаджибѣемъ тысячъ до 4-хъ, состоя при производствѣ промысла своего рыбной ловли». Къ этому Рѣпнинскій добавилъ, что онъ «только не могъ узнать, по отпуску-ль отъ правительства или самовольно на то устремились» [3]). Это сообщеніе Рѣпнинскаго сильно, повидимому, встревожило наше правительство. Въ это время наши отношенія съ Портой были очень натянуты. Порта никакъ не могла примириться какъ съ территоріальными потерями, явившимися въ результатѣ неудачной для нея войны, такъ и съ признаніемъ независимости отъ нея Крымскаго ханства, и, несмотря на то, что война съ русскими такъ еще недавно была окончена, энергично готовилась уже къ новой. Само собой разумѣется, что нашему правительству не особенно было пріятно въ такое время узнать о бѣгствѣ въ Турцію запорожцевъ, прекрасно знавшихъ Новороссійскій край и потому имѣвшихъ полную возможность оказать, по крайней мѣрѣ, въ началѣ войны существенныя услуги пріютившему ихъ государству. Новороссійское начальство, получивъ непріятное извѣстіе о сосредоточеніи на сосѣдней съ русскими землями турецкой территоріи значительнаго числа запорожцевъ, первоначально утѣшало себя мыслью, что, быть можетъ, запорожцы находятся на Очаковской степи по отпускамъ, съ раз-

---

[1]) Исполнивъ возложенную на него миссію по уничтоженію Сѣчи, ген. Текелли отправился въ Петербургъ, передавъ на время своего отсутствія командованіе корпусомъ войскъ, расположенныхъ по правую сторону Днѣпра, кн. Прозоровскому, командовавшему тогда корпусомъ войскъ, расположенныхъ по лѣвую сторону Днѣпра, и замѣщавшему въ 1776 г. Румянцева-Задунайскаго, главнокомандовавшаго украинской дивизіей и корпусами войскъ, находившихся въ Новороссійской и Азовской губ. *Дубровинъ.* Воен. ист. мат. вып. VI. 56. 57. 95. *Скальковскій.* Ист. Нов. Сѣчи. Ч. III. 196.

[2]) Поля. Рѣпнинскій былъ сначала комендантомъ Кинбурнской крѣпости, а потомъ —Збурьевскаго ретраншемента (Збурьевка—Таврич. губ.), когда послѣдній былъ устроенъ. На его обязанности, какъ пограничнаго начальника, лежало, между прочимъ, развѣдываніе о терецкихъ «обращеніяхъ». *Дубровинъ.* Сб. в. истор. мат. вып. VI. 94. Военно-ученый арх. Гл. Шт. Отд. I. Д. № 154.

[3]) В. уч. арх. Гл. Шт. От. I. Д. № 154.

рѣшенія начальства, для производства рыбнаго промысла. Но вскорѣ пришлось совершенно отказаться отъ подобнаго предположенія. Уже Текелли, сообщая Новороссійскому губернатору Муромцову о полученномъ имъ отъ Рѣпнинскаго извѣстіи, предлагалъ ему «сыскать совершенно о такомъ ихъ (т. е. запорожцевъ) многолюдномъ зборищѣ, по отпускамъ ли тамъ состоятъ», при чемъ, выражалъ сомнѣніе, «чтобы они могли имѣть увольненіе такимъ множествомъ и въ границы другаго государства», и высказывалъ предположеніе, что «тѣ запорожцы по собственному своему самовольству сюда отдалились и понынѣ тамъ находятца». Такъ-же смотрѣлъ на дѣло и Прозоровскій. «А я мню», писалъ онъ Текелли, «что не вздумали-ль онѣ отдатца въ протекцію Порты Оттоманской, какъ онѣ и прежде во время царствованія Государя Императора Петра Великаго во время Мазепина бунта отдались и ушедши пребываніе имѣли на Очаковской степи и р. Тилигулѣ» [1]). А что это было такъ въ дѣйствительности, русскому правительству пришлось убѣдиться въ томъ же 1776 г., когда до него стали доходить одно за другимъ извѣстія о враждебныхъ по отношенію къ Россіи дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ очутившихся на Очаковской степи запорожцевъ. Тогда пошли разслѣдованія, какимъ образомъ, несмотря на тщательную охрану, запорожцамъ удалось въ большомъ числѣ уйти изъ Россіи. Румянцевъ въ сентябрѣ 1776 г. писалъ Прозоровскому: «къ недоумѣнію моему, между прочимъ, прочиталъ я въ рапортѣ вашемъ о бывшихъ запорожцахъ, что они въ околичности Очакова и числомъ великимъ въ видѣ промышленниковъ на рыбачьихъ лоткахъ оказываются». Румянцевъ предписывалъ Прозоровскому настоять, «чтобы отъ губерніи (такъ какъ это точно относится до земскаго вѣдомства и правленія) предъзяты были лучшіе осторожности и изслѣдованія, гдѣ и чрезъ какіе мѣста имѣнно такъ великое количество людей могли чрезъ Днѣпръ, Бугъ и изъ границъ пробраться безъ ихъ свѣдѣнія» [2]). Разслѣдуя это дѣло, начальствовавшія лица старались свалить вину одинъ на другого. Такъ, Прозоровскій въ рапортѣ Румянцову отъ 24 августа 1776 г. пишетъ: «но при томъ мнить надо, в. сіятельство, что и форпосты наши, стоящіе по Бугу, повидимому не хорошо смотрѣли, когда оныя запорожцы чрезъ сію рѣку имѣли способъ на Очаковскую степь перебратца, ибо имъ нѣтъ иного пути окромѣ сего, и развѣ что устьемъ Днѣпра на рыбачьихъ лодкахъ ушли, но невѣроятно однакожъ, чтобы въ столь большомъ числѣ имъ удалось» [3]). А такъ какъ форпосты по Бугу находились подъ главнымъ вѣдомствомъ Текелли, то, слѣдовательно, въ происшедшемъ важномъ упу-

---

[1]) Ib.

[2]) Черн. ордера гр. Румянцева. В. уч. арх. Гл. Шт. Отд. I. № 130.

[3]) В. уч. арх. Гл. Шт. Отд. I. Д. № 154.

щеніи по службѣ былъ, по мнѣнію Прозоровскаго, отчасти виновенъ Текелли. Послѣдній, какъ-бы оправдываясь, указывалъ на то, что въ свое время онъ рекомендовалъ усилить стражу по Бугу, — чѣмъ могло быть предотвращено бѣгство запорожцевъ чрезъ эту рѣку,—но Прозоровскій не согласился тогда съ Текелли, такъ какъ думалъ, что «ни примѣчанія, ни уваженія тѣ мѣста (т. е. Очаковская степь) не достойны»[1]). Такимъ образомъ въ происшедшемъ Текелли отчасти винилъ Прозоровскаго. Въ концѣ концовъ значительную часть вины свалили на коменданта бывшей Сѣчи подполковника Норова[2]). «А такого неустройства», писалъ Прозоровскій Текелли 21 августа 1776 г., «каковое произошло отъ г. Норова, никто ожидать не могъ, какъ онъ (особо) избранный былъ къ сему важному мѣсту». Оказывается, что еще въ декабрѣ 1775 г., когда Текелли былъ въ Петербургѣ, Прозоровскій, услыхавъ отъ прибывшаго къ нему изъ Сѣчи офицера, что запорожцы небольшими вооруженными партіями уходятъ въ Крымъ, сейчасъ-же отправилъ Норову ордеръ, въ которомъ, не признавая сообщеннаго ему извѣстія за вполнѣ достовѣрное, «судя паче потому», писалъ онъ, «что житье Крымскихъ народовъ мнѣ самому весьма извѣстно, и что сіи-бъ уходящія изъ отечества своего безумцы не могли никакъ тамъ воспользоваться лутчими выгодами», однако, требовалъ отъ него сообщенія, «справедливо-ль таковое обстоятельство, давно-ли оное открылось и было-ль куда отъ васъ доносимо о томъ, а затѣмъ и какія вами въ пресѣченіе сихъ побѣговъ мѣры предприняты», при чемъ, и самъ преподавалъ совѣты, какъ ему должно поступать, «яко коменданту въ такомъ краю, гдѣ, какъ вамъ самимъ извѣстно, жители онаго недавно еще въ новое положеніе превращены и слѣдовательно, сколь не велико казалось въ нихъ повиновеніе таковой Высочайшей власти и спокойство во всѣхъ ихъ обращеніяхъ, однако, не можетъ быть никакъ излишнимъ строгое всего таковаго и отъ стороны вашей надзиранія образомъ имъ непримѣтнымъ и вовсе неподающимъ къ тому нималаго подозрѣнія вашего». Для этого Прозоровскій рекомендовалъ войти въ близкія отношенія съ надежными и усердными къ службѣ бывшими запорожскими старшинами и чрезъ нихъ узнавать «о всѣхъ внутреннихъ поселянъ новыхъ обращеніяхъ», не

---

[1]) Прозоровскій считалъ себя знатокомъ Очаковской степи. Отстаивая свое мнѣніе о послѣдней, онъ писалъ Текелли: «я отъ самаго Екатерининскаго шанца (теперь. Ольвіополь, Херс. губ.) до самаго устья Буга по обѣимъ сторонамъ находился цѣлое лѣто съ войскомъ, да и вся Очаковская степь мнѣ знакома во всей подробности, слѣдственно не много тѣхъ людей въ поселеніи и изъ вышнихъ чиновъ, которые объ ней такъ судить могли, какъ я». В. уч. арх. Гл. Шт. Отд. I. Д. № 154.

[2]) «Сѣчь и всѣ окрестныя ей поселенія поручены въ особое начальство полковнику Норову, котораго за то, что слишкомъ усердно уничтожалъ Кошъ, назвали поселяне норою или ямою». *Скальковскій.* Ист. Нов. Сѣчи. Ч. III. 200.

подавая при этомъ вида даже и этимъ «привязаннымъ» людямъ, будто изъ трусости онъ хочетъ вывѣдать отъ нихъ нужное ему, «а тово меньше якобы подозрѣвая въ невѣрности тѣхъ народовъ, дабы симъ послѣднимъ понапрасну огорченія имъ не навлечь». Въ отвѣтъ на этотъ ордеръ Норовъ сообщилъ, что «у него ничего таковаго (т. е. побѣговъ) нѣтъ и ему о томъ неизвѣстно». Прозоровскій, припомнивъ въ 1776 г. обо всей этой перепискѣ съ Норовымъ и считая его однимъ изъ главныхъ виновниковъ, допустившихъ побѣгъ запорожцевъ, готовъ былъ даже признать, что какіе-то интересы побуждали Норова умалчивать объ этихъ побѣгахъ [1]).

Но разысканіемъ виновныхъ лицъ дѣло не ограничилось. Нужно было по-точнѣе узнать о количествѣ ушедшихъ въ Турцію запорожцевъ, о ихъ умыслахъ по отношенію къ Россіи и, наконецъ, «кто у нихъ командиръ», такъ какъ, по словамъ Прозоровскаго, «непремѣнно между ими должно быть предводителю изъ старшинъ запорожскихъ». За всѣ эти «развѣдыванія» и принялись пограничныя русскія власти, которыя съ этой цѣлью посылали въ разныя мѣста Очаковской степи и въ Буджакъ особыхъ агентовъ. Агенты эти собирали на мѣстѣ нужныя имъ свѣдѣнія, при чемъ подъ часъ получали ихъ отъ нашихъ «конфидентовъ» изъ среды турецкихъ чиновниковъ, бывшихъ на жалованьѣ у русскаго правительства.

Свѣдѣнія о запорожцахъ русскія власти получали и иными путями – отъ русскихъ торговцовъ, бывавшихъ въ разныхъ турецкихъ городахъ, отъ раскаявшихся запорожцевъ, перешедшихъ изъ Турціи обратно въ Россію, наконецъ, на допросахъ нѣкоторыхъ лицъ, прибывшихъ изъ—заграницы въ Россію и здѣсь арестованныхъ по подозрѣнію въ шпіонствѣ. Между такими лицами оказывались и бывшіе запорожцы, убѣжавшіе въ Молдавію и поступившіе тамъ въ монастыри. Подъ видомъ сбора подаянія на эти монастыри, такія лица являлись въ бывшее Запорожье и здѣсь подговаривали козаковъ къ побѣгу въ Турцію и въ Молдавію.

На основаніи всѣхъ этихъ свѣдѣній, имѣющихся въ разсмотрѣнныхъ мною документахъ, а также на основаніи тѣхъ оффиціальныхъ документовъ, которые напечатаны въ сборникахъ академика Дубровина, указанныхъ мною выше, я и позволю себѣ сдѣлать краткое сообщеніе о турецкихъ запорожцахъ.

Хотя русскому правительству сдѣлалось извѣстнымъ о многолюдномъ пребываніи запорожцевъ на Очаковской степи въ 1776 г., но появленіе ихъ здѣсь нужно отнести еще къ 1775 г. Произошло-ли дѣло такъ, какъ Коржъ разсказывалъ, сказать трудно, но, несомнѣнно, что еще въ бытность Текелли въ Сѣчи, когда тамъ Норова и не было, часть запорожцевъ

[1]) «Почему и надо судить», писалъ Прозоровскій Текелли, «что онъ (т. е. Норовъ) или не зналъ или какіе интересы молчать его заставляли». В. уч. арх. Гл. Шт. Отд. I. Д. № 154.

на лодкахъ ушла оттуда. По показанію одного арестованнаго молдавскаго монаха, бывшаго запорожца, когда Сѣчь была окружена россійскими войсками, и кошевой былъ взятъ, онъ съ прочими запорожцами бѣжалъ оттуда на рыбачьихъ лодкахъ. Бѣгство произошло ночью передъ разсвѣтомъ. Солдаты, бывшіе на стражѣ, спрашивали бѣглецовъ, куда они плывутъ? на что тѣ отвѣчали—на рыбную ловлю. Ушедшіе, какъ и расказывалъ Коржъ, дѣйствительно «зашумѣли веслами» до Тилигула. По Днѣпру и лиману проплыли они къ Очакову и, получивъ здѣсь разрѣшеніе отъ турецкаго губернатора, поселились въ окрестностяхъ Очакова, по Березани, Тилигулу, у Гаджибея и за Гаджибеемъ до Аккермана. Было-ли отправлено запорожцами тогда-же посольство къ турецкому султану съ просьбой о принятіи ихъ въ подданство и о дарованіи земли для поселенія, сказать нельзя; но, несомнѣнно, султанъ принялъ, какъ гостей, прибывшихъ въ Очаковъ запорожцевъ и разрѣшилъ имъ селиться въ Очаковской степи. Число первыхъ поселенцевъ, вѣроятно, было не вéлико—не болѣе 1 тыс. человѣкъ; но затѣмъ разрѣшеніемъ султана воспользовались и другіе запорожцы, позже ушедшіе изъ Россіи, такъ что къ іюлю 1776 г. здѣсь ихъ скопилось уже до 7 тыс. чел.[1]). Поселившіеся въ Очаковской степи запорожцы предались любимому своему занятію — рыбной ловлѣ; кромѣ того нѣкоторые изъ нихъ съ паспортами отъ турецкихъ властей рыскали по степи, охотясь на лисицъ. Кое-кто изъ запорожцевъ поступилъ въ услуженіе къ туркамъ и жилъ или въ Очаковѣ, или на принадлежащихъ богатымъ туркамъ хуторахъ въ окрестностяхъ его. Нѣкоторые запорожцы поступили на службу къ турецкимъ чиновникамъ, жившимъ въ Балтѣ и въ Голтѣ. Управитель ханской земли въ Очаковской области[2]), какой-то гетманъ Григорій поставилъ запорожцевъ на форпосты, учрежденные имъ на границѣ съ Польшей, гдѣ они несли сторожевую службу. До поры до

---

[1]) Уходили или р. Днѣпромъ (до сооруженія Херсона, когда уже было очень рискованно выбирать этотъ путь для побѣга), или сухимъ путемъ съ переправой черезъ Бугъ. По Бугу только во время «атакованія» Сѣчи находилась сильная стража, а потомъ, какъ упомянуто выше, форпостовъ здѣсь было мало, и на нихъ находилось незначительное число людей. Правда, когда обнаружилось бѣгство запорожцевъ въ Турцію, форпосты были усилены, но все же они не представляли особыхъ препятствій для запорожцевъ, хорошо знакомыхъ съ краемъ. На Очаковскую степь запорожцы проникали и иными путями — напр. съ билетами отъ русскаго начальства они отправлялись въ Польшу, а оттуда уже — въ турецкія владѣнія. А то дѣлали и такъ: сначала направлялись, съ разрѣшенія мѣстныхъ властей, въ «прогной» (ок. Кинбурна), якобы для гребки соли, а отсюда переправлялись черезъ лиманъ на турецкую сторону. Не мало было и такихъ, которые съ отпускными билетами прямо отправлялись въ Очаковскую область, какъ будто для рыбнаго промысла, но больше въ Россію не возвращались.

[2]) Очаковская степь принадлежала въ это время собственно крымскому хану. Турки владѣли здѣсь только крѣпостями и ихъ округами. Ханской землей управляли особыя лица.

времени запорожцы мирно жили на турецкой землѣ—вотъ, быть можетъ, одна изъ причинъ, почему о побѣгѣ ихъ такъ поздно узнало русское правительство. Но въ 1776 г. они даютъ о себѣ знать, — къ этому времени среди нихъ появились такіе, которые занялись гайдамачествомъ и нападеніемъ на новыя русскія поселенія по Бугу [1]). Въ виду этого, нечего и говорить, что близкое сосѣдство съ русскими владѣніями турецкихъ запорожцевъ, пылавшихъ непримиримой враждой къ Россіи за уничтоженіе Сѣчи, не могло быть пріятно русскимъ властямъ. Однако, Потемкинъ, которому своевременно было также сообщено о пребываніи запорожцевъ на Очаковской степи, въ отвѣтъ на рапортъ Прозоровскаго, предлагавшаго потребовать отъ Очаковскаго паши выдачи запорожцевъ, приказалъ: «весьма скрытнымъ образомъ чрезъ конфидатовъ навѣдаться обстоятельнѣе о числѣ запорожцевъ, находящихся внѣ границъ, также въ которыхъ именно мѣстахъ они живутъ и въ чемъ обращеніе ихъ состоитъ; къ Очаковскому пашѣ о высылкѣ ихъ не писать, дабы не могли они, провѣдавъ о семъ, искать своего убѣжища далѣе въ границахъ турецкихъ, а вмѣсто того стараться всѣми ласковыми образами привлечь ихъ къ возвращенію въ отечество [2]). Но еще до того, какъ Потемкинъ сдѣлалъ подобное распоряженіе, полковникъ Рѣпнинскій, побуждаемый къ тому и Текелли, нѣсколько разъ отправлялъ въ Очаковъ офицера къ тамошнему начальству съ требованіемъ о выдачѣ запорожцевъ. Турки на подобное требованіе отвѣчали, что запорожцы въ окрестностяхъ Очакова находятся не для чего иного, какъ только для рыбной ловли, и что въ этомъ обстоятельствѣ нѣтъ ничего особеннаго, такъ какъ и раньше они появлялись съ этой цѣлью въ тѣхъ же мѣстахъ, что и теперь; настанетъ осень, и они опять уйдутъ въ Россію, какъ это дѣлали и прежде. Понятно, что такой отвѣтъ не могъ удовлетворить русскихъ начальниковъ, но, въ виду предписанія Потемкина, они уже болѣе не настаивали на выдачѣ запорожцевъ. Однако, эти настойчивыя требованія имѣли своимъ результатомъ то, что, дѣйствительно, какъ и говорили турки, значительная часть запорожцевъ подъ осень ушла изъ окрестностей Очакова, гдѣ (по Березани, Тилигулу и въ Очаковѣ) осталось не больше 1 тыс. чел.; но ушедшіе направились не въ Россію, а только по-дальше отъ русскихъ границъ. Часть изъ нихъ перешла за Гаджибей и расположилась ближе къ Аккерману, часть разсѣялась по Буджаку, а немалое количество ихъ ушло еще дальше—въ предѣлы Молдавіи и Валахіи.

---

[1]) О поселеніяхъ по Бугу арнаутовъ и нововербованнаго изъ поселянъ козачьяго полка—см. *Дубровинъ.* Воен. ист. мат. вып. VI. 38. 10 авг. 1776 г. комендантъ Екатерининскаго шанца доносилъ по начальству, что «нѣкоторые турки, соединившись съ бывшими запорожцами, дѣлаютъ великія гайдамачества и разоряютъ по дорогамъ всякаго званія народъ». В. уч. арх. Гл. Шт. Отд. I. Д. № 133.

[2]) *Дубровинъ.* Воен. ист. мат. вып. VI. 95.

Сюда жа удалился въ 1777 г., между прочимъ, и бывшій запорожскій полковникъ Сухина, который раньше перебрался на Очаковскую степь, на Тилигулъ, со всѣми своими стадами и находившимися при немъ людьми, предварительно сжегши бывшій у него по Бугу зимовникъ [1]). Въ Валахіи Бухарестскій «спатарь» далъ ему позволеніе осаживать слободу; за нимъ послѣдовало туда много и другихъ запорожцевъ. Нѣкоторые изъ ушедшихъ въ Молдавію козаковъ поступили въ тамошніе монастыри, откуда впослѣдствіи кое-кто изъ нихъ выѣзжалъ въ бывшее Запорожье за сборомъ подаянія и ради подговора запорожцевъ къ побѣгу въ эти-же монастыри и въ турецкія земли къ своимъ товарищамъ. Турецкое правительство также обратило вниманіе на требованіе русскаго правительства о выдачѣ запорожцевъ и предоставило послѣднимъ для поселенія мѣста по-дальше отъ русскихъ границъ — въ у. Дуная, Вилковскій островъ (Вилковъ, Бессар. губ.). Партія запорожцевъ воспользовалась этимъ и явилась въ Вилковъ. Построивши здѣсь курени, козаки предались рыбному промыслу; но на первыхъ-же порахъ встрѣтили здѣсь опасныхъ враговъ въ лицѣ раньше ихъ поселившихся тутъ бѣглыхъ раскольниковъ. Между тѣми и другими произошла такая ссора, что рѣшено было отправить въ Константинополь къ султану особую депутацію съ просьбой указать, кто долженъ жить на спорномъ островѣ—раскольники или запорожцы, такъ какъ жить вмѣстѣ имъ было невозможно [2]). Какъ видно, султанъ рѣшилъ споръ въ пользу раскольниковъ, а запорожцамъ была дана земля въ другомъ мѣстѣ, близъ Измаила, какъ ходилъ объ этомъ слухъ въ началѣ 1777 г.

Этотъ годъ въ исторіи турецкихъ запорожцевъ былъ важнымъ годомъ, такъ какъ тогда, наконецъ, они были приняты въ турецкое подданство. Хотя турецкій султанъ и разрѣшилъ запорожцамъ селиться въ разныхъ мѣстахъ, но съ пріемомъ ихъ не только на службу, но и въ подданство не спѣшилъ,—что можно заключить хотя-бы изъ слѣдующаго. Въ концѣ 1776 г. турецкіе запорожцы намѣревались напасть на новозаведенныя по Бугу селенія—арнаутское и нововербованныхъ козаковъ и разорить ихъ; тогда-же, собравшись въ количествѣ 7 тыс., они предполагали съ этой-же цѣлью сдѣлать набѣгъ на ново-сербскія слободы. Но безъ вѣдома и согласія Очаковскаго паши запорожцы не рѣшились приступить къ осуществленію своихъ намѣреній, а тотъ, не препятствуя, но и не побуждая ихъ къ такимъ дѣяніямъ, говорилъ—если хотите, идите и разоряйте; только знайте —если Россія потребуетъ вашей выдачи, мы васъ выдадимъ, «ибо вы намъ не надобны» [3]). Турецкое правительство смотрѣло пока на запорож-

[1]) В. уч. арх. Гл. Шт. Отд. I. Д. №№ 131, 133.
[2]) В. уч. арх. Гл. Шт. Отд. I. №№ 140, 131, 133.
[3]) В. уч. арх. Гл. Шт. Отд. I. Д. № 131.

цевъ, какъ на гостей; разрѣшало имъ, какъ сказано выше, селиться въ разныхъ мѣстахъ и заниматься всякими промыслами, не требуя отъ нихъ платежа какой-нибудь опредѣленной подати, а беря съ нихъ только извѣстную часть получаемаго ими отъ промысловъ дохода. Да и не могло оно въ то время смотрѣть на нихъ иначе. Съ одной стороны, конечно, для турокъ былъ пріятенъ переходъ подъ ихъ власть такихъ испытанныхъ, храбрыхъ воиновъ, каковы были запорожцы; но съ другой стороны, не вполнѣ полагаясь даже при этомъ на вѣрность запорожскихъ козаковъ, турки боялись, какъ-бы принятіе ихъ на службу не послужило однимъ изъ поводовъ къ войнѣ между ними и русскими; тѣмъ болѣе, что къ этому времени отношенія между Турціей и Россіей изъ-за крымскихъ дѣлъ до того обострились, что готова была вспыхнуть война, и обѣ стороны лихорадочно къ ней готовились, стягивая къ границамъ многочисленныя войска. Въ донесеніи Екатеринѣ II отъ 6 ноября 1776 г. Румянцевъ писалъ по этому поводу: «Что до окрестныхъ обстоятельствъ, то они вообще предзнаменуютъ близкую войну, и я не осмѣливаюся рѣшительно судить, что для насъ полезнѣе—прямая война или непрестанное ополченье и бдѣніе» [1]). Хотя турки и готовились къ войнѣ, однако, сознавая, что имъ, истощеннымъ недавно законченной войной, будетъ не подъ силу вести новую, всячески избѣгали всего того, что могло ее вызвать, и старались показать, что они не нарушаютъ постановленій Кучукъ-Кайнарджійскаго договора. А одной изъ статей этого послѣдняго именно воспрещалось укрывательство однимъ государствомъ бѣглыхъ поддэнныхъ другого, учинившихъ какое-нибудь «тяжкое преступленіе, преслушаніе или измѣну», за исключеніемъ только тѣхъ случаевъ, когда такіе бѣглые принимали въ Турціи законъ магометанскій, а въ Россіи—христіанскій [2]). Въ гостепріимствѣ-же, оказанномъ запорожцамъ, турецкое правительство не видѣло, какъ объ этомъ и заявляло русскимъ властямъ, укрывательства бѣглыхъ преступниковъ. Въ 1777 г. дѣла измѣнились. Въ этомъ году, какъ извѣстно, при помощи Россіи взошелъ на ханскій престолъ въ Крыму Шагинъ-Гирей,—человѣкъ, котораго Порта не желала видѣть на этомъ престолѣ. Вотъ въ этомъ вмѣшательствѣ русскихъ въ дѣла Крыма Порта увидѣла нарушеніе со стороны Россіи мирнаго Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата о ничьемъ невмѣшательствѣ въ дѣла Крыма [3]) и не считала послѣ этого и для себя обязательнымъ постоянное его (т. е. трактата) соблюденіе. Тогда-то султанъ нашелъ возможнымъ удовлетворить просьбу запорожцевъ о принятіи

---

[1]) Ib. Отд. I. Д. № 130.

[2]) *Дубровинъ.* Присоединеніе Крыма къ Россіи. IV. 420.

[3]) *Смирновъ.* Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты въ XVIII в. до присоединенія его къ Россіи. Зап. Од. Общ. Ист. и Др. XV. 333.

ихъ въ свое подданство. Этому предшествовала поѣздка въ Константинополь особой депутаціи изъ 4-хъ запорожскихъ полковниковъ [1]), которымъ султанъ повелѣлъ, по возвращеніи изъ Константинополя, собирать запорожцевъ, жившихъ въ разныхъ мѣстахъ Турціи, и отправлять ихъ, по принесеніи присяги на вѣрность, на у. Дуная, гдѣ была отведена земля для поселенія козаковъ и гдѣ должна быть устроена ими и Сѣчь. На содержаніе козаковъ была отпущена извѣстная сумма денегъ и даны имъ лошади, вооруженіе и пр. Пользуясь разрѣшеніемъ отъ султана, запорожцы стали строить Сѣчь въ урочищѣ Караурманѣ (на Георгіевскомъ островѣ) [2]). Но утвердиться на отведенныхъ турецкимъ султаномъ мѣстахъ запорожцамъ все-же не удалось. Это случилось, быть можетъ, потому, что Георгіевскій островъ не представлялъ удобныхъ условій для поселенія массы людей [3]), а, быть можетъ, и потому что и здѣсь, какъ на Вилковомъ островѣ, запорожцамъ пришлось столкнуться съ раскольниками и опять уступить имъ. Несомнѣнно только то, что уже въ началѣ 1778 г. турки отвели запорожцамъ новую землю для поселенія—между Галацомъ и Браиловомъ, гдѣ, впрочемъ, размѣстилась только сравнительно небольшая группа козаковъ—человѣкъ до 2 тыс. [4]); массу-же ихъ мы встрѣчаемъ въ 1777, 1778 и въ нач. 1779 г. на тѣхъ самыхъ мѣстахъ, что и въ 1776 г., т. е. главнымъ образомъ возлѣ Гаджибея, по Тилигулу и Березани, въ Очаковѣ и у Днѣстра, недалеко отъ Аккермана. Сосредоточеніе въ большомъ количествѣ запорожцевъ въ окрестностяхъ Очакова нужно отнести къ 1777 г., когда появился новый претендентъ на Крымскій ханскій престолъ — Селимъ-Гирей, бывшій уже раньше ханомъ [5]). Съ большимъ войскомъ, состоявшимъ изъ татаръ и турокъ, Селимъ-Гирей перешелъ на Очаковскую степь и расположился станомъ у р. Березани. Въ его лагерѣ было много и запорожцевъ, которые, не безъ вѣдома, конечно, турецкаго правительства,

---

[1]) Ихъ имена: прилѣвскаго куреня Максимъ Подручной и Федоръ Высочинъ, полтавскаго—Игнатъ Черный и лешковскаго—Макаръ Толстый.

[2]) Вотъ къ этому времени, а не къ 1775 г. нужно отнести свѣдѣніе, сообщенное Скальковскимъ, о томъ, что запорожцы поселились на Георгіевскомъ о-ѣ и на той части материка, которая находится между правымъ берегомъ этого гирла, Чернымъ моремъ и оз. Розельмъ. *Скальковскій.* Ист. Нов. Сѣчи. Ч. III. 221.

[3]) *О. Кондратовичъ.* Задунайская Сѣчь, стр. 25. *Дмитренко.* Сбор. матер. III. 212. 213. 215. 244.

[4]) Изъ одного показанія бывшаго запорожца открывается интересный фактъ, что часть запорожцевъ, изъ служившихъ во время 1-й тур. войны въ лодочной командѣ, послѣ окончанія этой войны не вернулась въ Россію, а осталась въ Турціи и жила въ это время (1778 г.) гдѣ-то въ у. Дуная. О «дунайцахъ» см. *Скальковскій.* Ист. Нов. Сѣчи. Ч. III. 102. 167.

[5]) *Смирновъ.* Крымское ханство подъ верховенствомъ Отоманской Порты. Зап. Од. Общ. Ист. и Др. Т. XV. 279. 341.

готовы были слѣдовать за Селимъ-Гиреемъ въ Крымъ и вообще принять участье во всѣхъ враждебныхъ Россіи дѣйствіяхъ татаръ и турокъ. Предполагалось, напр., внезапно напасть на Кинбурнъ, когда къ крымскимъ берегамъ подойдетъ турецкій флотъ [1]), и запорожцы предлагали Очаковскому пашѣ свои услуги, заявляя, что овладѣть крѣпостью имъ будетъ не трудно, такъ какъ имъ знакомы оберегающіе крѣпость козаки (малороссійскіе). Татары также собирались было напасть на русскія земли, расположенныя по лѣвую сторону р. Буга, какъ только послѣдняя покроется льдомъ, и запорожцы высказывали желаніе принять участье и въ этомъ нападеніи, предлагая это сдѣлать и до замерзанія рѣки, такъ какъ имъ были хорошо извѣстны броды по Бугу и они могли «открыть» ихъ татарамъ. Всѣмъ этимъ затѣямъ запорожцевъ не суждено было сбыться. Правда, Селимъ-Гирей отправился въ Крымъ, но только съ 60 чел. татаръ; остальные татары и турки съ запорожцами выжидали въ Гаджибеѣ и въ другихъ мѣстахъ дальнѣйшихъ распоряженій хана, готовые, по его приказу, двинуться къ русскимъ предѣламъ. Селимъ-Гирея, какъ извѣстно, постигла въ Крыму неудача, и онъ вынужденъ былъ вторично оттуда бѣжать [2]). Запорожцамъ не пришлось отправиться въ Крымъ ему на помощь, а отъ нападеній на пограничныя русскія земли удержали ихъ турки, которые, хотя уже было и совсѣмъ приготовились въ это время къ войнѣ съ русскими, но рѣшили пока войны Россіи не объявлять и по возможности ничѣмъ не нарушать миръ, выжидая такого нарушенія со стороны Россіи [3]), чтобы имѣть право впослѣдствіи говорить, что Россія, а не Турція вызвала войну. Но, не позволяя запорожцамъ предпринимать ничего такого, что могло бы послужить поводомъ къ войнѣ, турки все-таки держали ихъ наготовѣ вблизи русскихъ границъ, снабжая вооруженіемъ, лошадьми, провіантомъ и др. Въ ожиданіи войны съ русскими, запорожцы исполняли пока все то, что требовали отъ нихъ турки. Въ Очаковѣ, напр., они несли полицейскія обязанности и употреблялись для укрощенія строптивыхъ янычаръ и арнаутъ, часто бунтовавшихъ и убѣгавшихъ изъ города. Для предотвращенія побѣговъ каждую ночь наряжалась изъ запорожцевъ стража человѣкъ въ 500, которая разъѣзжала по разнымъ дорогамъ, идущимъ изъ Очакова. Съ той-же цѣлью на о-вѣ Березани былъ учрежденъ запорожскій пикетъ. Запорожцы содержали также стражу по берегу лимана около Очакова, при чемъ въ ихъ распоряженіи были и лодки. Кромѣ того, ихъ посылали въ разъѣздъ вдоль Буга до самаго Екатерининскаго шанца для собиранія свѣдѣній о количествѣ нашихъ войскъ,

---

[1]) Ib. 341.
[2]) Ib. 341. 344. 348. 349.
[3]) Ib. 342.

находившихся тамъ, и вообще для осмотра мѣстъ. Очаковскій паша былъ очень доволенъ службой запорожцевъ и обѣщалъ выхлопотать для нихъ землю, по ихъ выбору, въ ур. Кучурганъ, по лѣвой сторонѣ Днѣстра. Выше было сказано, что запорожцы почему-то не устроились на отведенной для ихъ поселенія землѣ на Георгіевскомъ островѣ. Въ 1778 г. они возбудили предъ султаномъ новое ходатайство о дарованіи имъ земли для поселенія въ Очаковской области, по Тилигулу и въ другихъ мѣстностяхъ ея [1]). Это ходатайство, поддержанное Очаковскимъ пашей, было уважено, и въ августѣ 1778 г. [2]) въ Очаковъ былъ присланъ отъ султана фирманъ, по которому одинъ изъ запорожскихъ козаковъ Игнатій [3]) былъ объявленъ кошевымъ и данъ былъ ему бунчукъ, «съ тѣмъ» чтобы онъ старался завесть Сѣчь, для которой мѣсто назначено между Бендерами и Аккерманомъ, по лѣвую сторону Днѣстра, и обѣщано ему отъ султана, если войска подъ своимъ начальствомъ будетъ имѣть до 30 тыс., то получитъ и другой бунчукъ и такимъ образомъ уподобится въ своемъ званіи 2-хъ бунчужному пашѣ». 30 августа находившіеся въ Очаковѣ запорожцы были собраны въ замокъ на «пашинской дворъ» и въ присутствіи паши и его чиновниковъ волошскимъ [4]) священникомъ были приведены къ присягѣ «съ таковымъ обязательствомъ, говорится въ одномъ документѣ, «чтобы служили турецкому двору такъ вѣрно и неотменно, какъ во многія бывшія войны служили Россіи». Кошевому была поднесена булава «повелительная» и подарки. Черезъ мѣсяцъ запорожцы, жившіе на Очаковской сторонѣ, выбрали «къ заведенію новой Сѣчи» 40 атамановъ и 7 полковниковъ и получили повелѣніе отъ турецкаго султана собираться въ назначенное имъ мѣсто къ Днѣстру [5]). Такимъ образомъ, для турецкихъ запорожцевъ 1778 годъ является знаменательнымъ годомъ. Въ этомъ году они, во 1-хъ, были приняты окончательно не только въ подданство, но и на службу турецкую [6]), при чемъ эту службу они несли и пѣшими, и конными, и на лод-

---

[1]) *Дубровинъ.* Присоед. Крыма къ Россіи. Т. III. 283. Письмо запорожцевъ къ султану на фр. яз.

[2]) Въ 1778 г., а не въ 1776 г., какъ это ошибочно сообщено у Григоровича. Записка о пособіяхъ къ изученію южно-русской земли, находящихся въ военно-учен. арх. Глав. Шт. Од. 1876, стр. 31.

[3]) Быть можетъ, это Игнатій Черный—одинъ изъ 4-хъ полковниковъ, бывшихъ въ 1777 г. въ Константинополѣ,—о чемъ упомянуто выше.

[4]) По одному извѣстію, въ то время въ Очаковѣ была волошская церковь, которую и посѣщали запорожцы въ праздничные дни. Кромѣ того, для «даванія» молитвы къ нимъ наѣзжали разные монахи изъ молдавскихъ монастырей. В. уч. арх. Гл. Шт. Отд. I. №№ 133, 152.

[5]) Ib. Д. № 154.

[6]) Разумѣется, тутъ только идетъ рѣчь о строевомъ запорожскомъ козачествѣ. По переписи, произведенной запорожскими атаманами въ 1778 г., въ Очаковской области та-

кахъ; во 2-хъ, получили значительную часть той самой земли, которую въ 1790 г. Потемкинъ отдалъ въ распоряженіе вѣрнаго черноморскаго войска [1]); въ 3-хъ, имъ было предоставлено право свободнаго выбора своей старшины. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что съ самаго своего появленія на турецкой территоріи запорожцы, поселившіеся въ разныхъ мѣстахъ довольно большими партіями, имѣли у себя во главѣ выбранныхъ ими атамановъ, и турецкое правительство, не санкціонируя особой запорожской административной организаціи, все же признавало этихъ атамановъ, какъ посредниковъ въ сношеніяхъ его съ выбравшимъ ихъ «товариствомъ». Такъ, въ одномъ документѣ говорится, что запорожцы, жившіе по Тилигулу, весной 1776 г. «между себя за полковника выбрали козака Игнатуру», бывшаго въ Сѣчи атаманомъ полтавскаго куреня. Турки поручили ему «тамошнихъ козаковъ наблюдать и подлежащее съ рыбныхъ ловлей и с протчей прибыли туркамъ пошлину збирать» [2]). По принятіи запорожцевъ на службу, турки сейчасъ же признали за ними ихъ особую организацію и предоставили имъ право выбирать себѣ атамановъ, въ томъ числѣ, разумѣется, и кошевого; при чемъ, утвержденіе послѣдняго въ должности, можно думать, зависѣло отъ турецкаго султана. Первымъ кошевымъ у турецкихъ запорожцевъ былъ упомянутый выше козакъ Игнатій, а до избранія его у нихъ, вѣроятно, были, такъ сказать, наказные кошевые. По крайней мѣрѣ, въ одномъ документѣ говорится, что въ янв. 78 г. «по истребованію Очаковскаго имѣна (?) пріѣхали 5 запорожцевъ (запорожскихъ атамановъ) къ присягѣ, изъ коихъ одинъ Левко, а другой —Бакланъ, котораго Баклана наименовали быть въ Очаковѣ надъ запорожцами старшиною» [3]), т. е. какъ бы замѣстителемъ кошевого, наказнымъ кошевымъ. Турки позволили въ 1778 г. запорожцамъ устроить и Сѣчь, но изъ разсмотрѣнныхъ мною документовъ не видно, была ли она въ дѣйствительности устроена [4]). Какъ не видно и то, гдѣ имѣлъ свое мѣстопре-

---

ихъ запорожцевъ было тыс. до 7. Въ это число не вошли тѣ запорожцы, которые жили между Галацомъ и Браиловомъ и занимались тамъ, между прочимъ, скотоводствомъ, а также и тѣ, которые въ это время партіями человѣкъ по 20 бродили по Молдавіи. Кромѣ того, вѣроятно, часть запорожцевъ обитала и въ у. Дуная, гдѣ мы находимъ ихъ и въ нач. 1779 г. В. уч. арх. Гл. Шт. Отд. I. Д. №№ 168. 131.

[1]) См. мою ст. «Черноморскіе козаки въ Слободзеѣ» въ прилож. къ протоколу засѣданія Одесскаго Общ. Ист. и Др. отъ 31 окт. 1901 г.

[2]) В. уч. арх. Гл. Шт. Отд. I. Д. № 133.

[3]) Ib.

[4]) Въ одномъ документѣ, напечатанномъ въ трудѣ ак. Дубровина — Присоединеніе Крыма къ Россіи (т. III. 166), говорится: «для поселенія оныхъ козаковъ (т. е. турецкихъ запорожцевъ) отведены въ Бессарабіи (т. е. въ Бессарабскомъ пашалыкѣ. *Смирновъ.* Крым. хан. Зап. Од. Общ. Ист. и Др. Т. XV, стр. 333) мѣста Хаджибей, Стродере (?) и Яникополонія (?), въ ту же сторону Днѣстра дана имъ одна разоренная крѣпость, кото-

бываніе кошевой съ главной старшиной. Можно думать, что онъ жилъ или на о-вѣ Березани [1]), гдѣ къ 1778 г. было сооружено укрѣпленіе, или въ Очаковѣ, гдѣ запорожцы въ это время учредили паланку (въ волошской слободѣ)?).

Получивъ отъ турокъ все то, чего добивались, запорожцы могли, наконецъ, успокоиться и, обитая въ Очаковской области, по Тилигулу и въ другихъ мѣстахъ, «постоянно благодарить Бога за милости къ нимъ турецкаго султана» [3]).

Не суждено было, однако, запорожцамъ окончательно устроиться на отведенной имъ землѣ. Близкое сосѣдство большой массы турецкихъ запорожцевъ съ русскими пограничными мѣстами причиняло русскимъ властямъ большое безпокойство; отсюда и понятно, почему въ 1779 г., когда въ Константинополѣ открылись переговоры по поводу заключенія новой конвенціи, дополнительной къ Кучукъ-Кайнарджійскому трактату, одной изъ статей проекта этой конвенціи Стахіевъ, нашъ резидентъ при Портѣ, поставилъ выдачу запорожцевъ, поселившихся въ Очаковской области. Но Порта не согласилась на удовлетвореніе подобнаго требованія русскаго представителя, вслѣдствіе чего онъ, по совѣту французскаго посла, много содѣйствовавшаго заключенію упомянутой конвенціи, долженъ былъ «для побужденія Порты на выданіе запорожскихъ козаковъ», говорить въ письмѣ къ Панину Стахіевъ, «включить обнадеживаніе со стороны всевысочайшаго двора о прощеніи онымъ ихъ прежнихъ преступленій», и это обнадеживаніе Стахіевъ осмѣлился присоединить, полагаясь «на безпримѣрное великодушіе и милосердіе императрицы» [4]). Тогда Порта согласи-

---

рую они починить хотятъ для загражденія отведенныхъ имъ мѣстъ въ Очаковской окружности». Вотъ, быть можетъ, эту крѣпость и пытались запорожцы превратить въ свою сѣчь. Какая крѣпость имѣется здѣсь въ виду, сказать, конечно, трудно. Быть можетъ, это—Татархазанъ, находившійся на лѣвомъ берегу Днѣстра, къ югу отъ Маякъ. Въ описаніи, составленномъ Де-Волановъ и приложенномъ къ его картѣ Очаковской области, говорится: въ 10 в. отъ Косы великой находятся развалины укрѣпленія турецкаго или татарскаго, по преданію называемаго Татархазанъ». *Григоровичъ.* Зап. о пособ. къ изуч южн. р. земли. Од. 1876 г., стр. 10.

[1]) По одному извѣстію, «кошевому предполагалось дать главное мѣсто на Березанскомъ о-вѣ, гдѣ устроено было къ этому времени (1778 г.) укрѣпленіе, съ отдѣленіемъ въ вѣдѣніе запорожцевъ всей Березани рѣчки, также и тѣхъ мѣстъ, которыя къ днѣстровскому лиману супротивныя Аккермана поручить». В. уч.-арх. Гл. Шт. Отд. I. Д. № 154.

[2]) Ib. Отд. I. № 133. Первымъ полковникомъ этой паланки былъ Горбъ, куреня конивскаго, а есауломъ—Ткачикъ. ib.

[3]) Такъ говорили запорожцы въ одномъ своемъ своемъ письмѣ къ турецкому султану. *Дубровинъ.* Прис. Кр. III. 283. Объ этомъ письмѣ см. ниже.

[4]) Ib III. 90.

лась съ такой редакціей 5 артикула (въ части, касавшейся запорожцевъ) такъ называемой Айнэли-Кавакской конвенціи, подписанной сторонами 10 марта 1779 г. [1]): «для избѣжанія всякихъ новыхъ замѣшательствъ между обѣими имперіями, Блистательная Порта обѣщаетъ, въ удовлетвореніе 2-го артикула мирнаго трактата, выдать Россійскому Императорскому Двору перебѣжавшихъ въ ея области запорожскихъ козаковъ, ежели они похотятъ воспользоваться амнистіею, жалуемою имъ изъ единаго безпримѣрнаго великодушія и человѣколюбія Ея И. В., Всепр. и Всемилост. Самодерж. Всерос.; а въ противномъ случаѣ Оттоманская Порта обязуется оныхъ запорожскихъ козаковъ по сю сторону Дуная перевести, и поселить внутри турецкихъ областей столь далеко, сколь возможно будетъ отъ Чернаго моря». Екатерина II одобрила заключенную Стахіевымъ конвенцію; при чемъ относительно запорожцевъ въ рескриптѣ Стахіеву отъ 17 апрѣля 1779 г. императрица писала, что поручила Румянцеву [2]) отъ Ея имени опубликовать амнистію запорожцамъ, «какъ собою, такъ и чрезъ посредство Очаковскаго паши, къ которому и нужно уже вамъ (т. е. Стахіеву) исходатайствовать особливое повелѣніе на то и безпрепятственное ихъ въ Россію возвращеніе, или же неукоснительнаго за Дунай отсыла тѣхъ, кои не захотятъ воспользоваться такой свободой. Сей пунктъ», добавляла Екатерина II, «до конечнаго своего *въ полной мѣрѣ наблюденія* принять однимъ изъ главныхъ вашихъ попеченій» [3]). И Стахіевъ такъ настойчиво требовалъ исполненія этого пункта, что султанъ вынужденъ былъ принять энергичныя мѣры къ удовлетворенію требованій русскаго резидента. Отъ султана былъ посланъ Очаковскому пашѣ указъ съ приказаніемъ не держать въ подчиненной ему землѣ запорожцевъ и, буде они пожелали бы возвратиться въ Россію, не препятствовать имъ въ томъ; при чемъ, разумѣется, указомъ повелѣвалось сообщить запорожцамъ относящійся до нихъ артикулъ конвенціи. Но запорожцы не пожелали воспользоваться представленною имъ Екатериною II милостью [4]) и обратились къ султану съ просьбой, изложен-

---

[1]) П. С. З. Р. Имп. № 14851. Въ этомъ артикулѣ говорилось также объ уступкѣ Турціи татарскихъ земель между Бугомъ, Днѣстромъ, Чернымъ моремъ и польской границей, т. е. такъ называемой Очаковской области. Эту область турки самовольно присвоили себѣ еще въ 1777 г., когда былъ учрежденъ особый Бессарабскій пашалыкъ (губернія), со включеніемъ въ него Каушанъ, Балты, Дубоссаръ и всѣхъ прочихъ вплоть до р. Буга земель и селеній, принадлежавшихъ крымскимъ ханамъ. *Смирновъ.* Кр. Х. Зап. Од. Общ. Ист. и Др. XV. 333.

[2]) *Дубровинъ.* Присоед. Крыма. III. 147. 151.

[3]) *Дубровинъ.* Присоед. Кр. Т. III. 151.

[4]) Русское правительство, какъ то рекомендовалъ и Потемкинъ Прозоровскому (см. выше), подсылало къ турецкимъ запорожцамъ своихъ агентовъ, которые убѣждали ихъ вернуться въ Россію. Въ 1777 г. нѣкоторые изъ бывшихъ на Очаковской степи запорожцевъ и не прочь были уйти изъ Турціи обратно въ Россію, но боялись, по возвращеніи

ной въ особомъ письмѣ, адрессованномъ на имя великаго визиря, «не отдавать ихъ подъ тираническую руку Россіи», а разрѣшить имъ остаться въ предѣлахъ Турціи съ поселеніемъ ихъ за Дунаемъ; при чемъ, они ссылались на то, что раньше вѣдь султанъ внялъ ихъ мольбѣ и, принявъ ихъ на свою службу, далъ землю для поселенія по Тилигулу и по другимъ мѣстамъ Очаковской области,—о чемъ былъ присланъ имъ фирманъ, а отъ патріарха константинопольскаго—какое-то письмо [1]). Сообщивъ о такомъ рѣшеніи запорожцевъ Стахіеву, султанъ отправилъ Очаковскому пашѣ 20 іюня 1778 г. новый фирманъ, которымъ повелѣвалось пашѣ отправить запорожцевъ по 30 и по 40 чел. къ исакчинскому мутевелію Фейзуллаху, «который по мѣрѣ прибытія оныхъ долженъ дѣлать списокъ ихъ именамъ и состоянію и поселять въ Румеліи здѣсь, за Дунаемъ, въ пристойныхъ мѣстахъ, опредѣля пристойныя кормовыя деньги гетману и начальникамъ тѣхъ козаковъ, дозволить имъ жить въ хранимомъ градѣ Адріанополѣ. А по совершеніи списка о числѣ тѣхъ и сколько въ каждомъ уѣздѣ будетъ оныхъ помѣщено, имѣешь сдѣлать съ того двѣ копіи, изъ которыхъ одну прислать къ моей Блистательной Портѣ, для сохраненія той въ императорской моей архивѣ, а другую отдать тѣхъ козаковъ гетману или же депутату, который будетъ жить въ Адріанополѣ». Дальше слѣдовали такія распоряженія относительно запорожцевъ: «по расположеніи реченныхъ козаковъ вышеизложеннымъ образомъ, необходимо нужно, чтобы тѣ козаки оставлены были на нѣкоторое время, пока примутся за ремесло и оснуются на собственныхъ ихъ жилищахъ, изъ сожалѣнія и милосердія, не взимая съ нихъ харачу; т. е. подушныхъ денегъ, или же другой какой-нибудь подати на 3 года, да и по прошествіи того уволить ихъ отъ всякой подати, окромѣ только того, дабы знать ихъ, что они подданные, имѣютъ заплатить l'Edna Haraz [2]), и чрезъ то, оставаясь они спокойными, будутъ наслаждаться тѣнью покровительства моего импер. величества». Султанъ повелѣвалъ объявить козакамъ «съ обнадеживаніемъ» объ его милости и благоволеніи, «какъ и о томъ, что они будутъ поселены въ удобныхъ мѣстахъ и пользоваться во всѣхъ случаяхъ покоемъ, благоденствіемъ

туда, подвергнуться за бѣгство истязаніямъ и ссылкѣ. Въ 1779 г. Екатерина II издала манифестъ, повторенный и въ 1780 г., дѣйствіе котораго распространялось и на бывшихъ запорожцевъ, о вызовѣ самовольно отлучившихся за-границу воинскихъ чиновъ, крестьянъ и посполитыхъ людей и о дарованіи имъ прощенія, въ случаѣ ихъ возвращенія къ назначенному сроку въ Россію. П. С. З. Р. Имп. №№ 14870 и 15006. Несомнѣнно, что часть турецкихъ запорожцевъ и воспользовалась милостью Екатерины II, но это была самая незначительная ихъ часть.

[1]) *Дубровинъ.* Присоед. Кр. III. 283.

[2]) 165 коп. съ каждаго—самая незначительная подать или подушный сборъ. *Дубровинъ.* Присоед. Кр. III. 277.

и женитьбою, и что они увольняются на 3 года не только отъ харачу, но и отъ всякой подати». И другимъ чинамъ 3-хъ разныхъ румелійскихъ мѣстъ дано было повелѣніе, «какъ о снабженіи тѣхъ козаковъ на дорогу нужнымъ провіантомъ, о раздѣленіи оныхъ по прибытіи въ опредѣленныя для нихъ мѣста на каждую деревню по 3 или по 4 человѣка, такъ и о сдѣланіи такого учрежденія, чтобы помянутые козаки и жениться могли, отведя онымъ достаточную землю»[1]).

Очаковскій паша, исполняя предписанія своего повелителя, занялся переселеніемъ запорожцевъ за Дунай; при чемъ часть изъ нихъ была отправлена туда въ апрѣлѣ 1779 г., еще до полученія пашой 2-го фирмана. Получивъ-же послѣдній, Очаковскій паша энергично принялся за переселеніе запорожцевъ, и 23 августа 1779 г. Стахіевъ писалъ уже Панину, что «Порта, свѣдавъ, что атаманъ съ старшинами запорожскихъ въ турецкихъ областяхъ остающихся козаковъ прибылъ въ Портицы, на у. Дуная, намѣрены въ здѣшнюю столицу оттуда водянымъ путемъ слѣдовать, послалъ къ тамошнимъ своимъ командирамъ указъ, чтобъ, не завозя оныхъ сюда (т. е. Константинополь), проводили прямо въ Адріанополь»[2]). Этотъ указъ былъ въ точности выполненъ, и тотъ-же Стахіевъ въ письмѣ къ Панину отъ 23 сент. 1779 г. о турецкихъ запорожцахъ сообщилъ слѣдующее: «атáманъ запорожскихъ козаковъ, дѣйствительно, въ Адріанополь пріѣхалъ съ немалымъ числомъ своихъ козаковъ, помѣщенъ съ ними въ одномъ постояломъ домѣ, а другіе селятся въ Ромеліи, особливо въ набережныхъ мѣстахъ Мрамарнаго и Бѣлаго морей по способности оныхъ мѣстъ къ рыбной ловлѣ. Въ Галлиполь назначено оныхъ по 200 чел., но жители того города сдѣлали Портѣ представленіе, что оное число имъ весьма обременительно»[3]). Однако, какъ ни старался Очаковскій паша точно выполнить повелѣнія своего падишаха, все-же довольно много запорожцевъ осталось въ Очаковской области, и турецкому султану, вслѣдствіе представленія нашего резидента Булгакова, смѣнившаго Стахіева, пришлось въ исходѣ ноября 1781 г. послать начальствовавшимъ въ той области лицамъ новый фирманъ, въ которомъ говорилось: «помянутыхъ-же козаковъ, одержанныхъ (sic) по ту сторону Дуная (о переведеніи которыхъ по силѣ капитуляцій мирнаго импер. трактата на сей берегъ дунайскій, хотя неоднократно священными моими повелѣніями подтверждено было и даже, что оные всѣ переведены, получены высочайшею моею Портою и списки), вопреки мирнаго императорскаго трактата и содержанія священныхъ повелѣній, ни одного человѣка изъ нихъ отнынѣ въ тѣхъ

---

[1]) Ib. 241—282.

[2]) *Дубровинъ.* Присоедин. Крыма. Т. III. 341.

[3]) Ib. III. 365.

мѣстахъ не удерживая, но съ совершеннымъ раченіемъ и стараніемъ переведеніе ихъ на сей берегъ дунайскій начать». И дальше: «Къ переведенію помянутыхъ козаковъ на сію сторону Дуная, не позволяя имъ отнынѣ оставаться ни на одну минуту въ помянутыхъ мѣстахъ, крѣпчайшею ревностью ополчиться»[1]). Вѣроятно, вслѣдъ за этимъ фирманомъ послѣдовало новое выселеніе запорожцевъ изъ Очаковской области за Дунай; но опять таки и послѣ этого здѣсь осталось еще много запорожцевъ, — что̀ видно изъ того, что, когда въ 1783 г. Потемкинъ, вознамѣрившійся тогда воскресить запорожское войско, отправилъ на Очаковскую степь прокламацію съ приглашеніемъ турецкихъ запорожцевъ въ Россію на козачью службу, то оттуда явилось 200 чел.[2]).

Въ разсмотрѣнныхъ мною въ архивѣ Главнаго Штаба документахъ нѣтъ больше свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ переселенныхъ за Дунай запорожцевъ. Изъ изложеннаго же выше видно, что они были поселены въ разныхъ турецкихъ мѣстахъ за Дунаемъ и, хотя имѣли выборную старшину, но, несомнѣнно, не имѣли такого центральнаго мѣста, какимъ была въ Россіи для нихъ Сѣчь. Очевидно, что разбросанные по разнымъ турецкимъ мѣстамъ запорожцы сильно тяготились этой разбросанностью и просили султана дать имъ такую землю, гдѣ бы они могли жить «вкупѣ» и гдѣ-бы могли устроить свою Сѣчь. Такъ, по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ нашему резиденту при Портѣ Булгакову и относившимся къ іюню 1782 г., находившіеся въ турецкихъ крѣпостяхъ запорожцы прислали «челобитную къ Портѣ, чтобъ имъ, яко питающимся рыбнымъ промысломъ, позволено было жить на дунайскихъ устьяхъ». Однако, это ходатайство не было уважено, такъ какъ, съ одной стороны, Порта боялась, какъ бы удовлетвореніемъ запорожской челобитной не подать повода Россіи говорить, что Турція не исполняетъ своихъ условій; а съ другой—зная «непостоянство» козаковъ, она опасалась, «чтобъ при первомъ случаѣ не измѣнили они ей и не были вредны»[3]).

Такимъ образомъ, по всему видно, что не только сейчасъ-же послѣ бѣгства изъ Россіи, какъ то утверждалъ Скальковскій[4]), но и значительно позже (къ $^1/_2$ 1782 г.) у запорожцевъ въ устьяхъ Дуная Сѣчи не было, какъ не было ея въ это время и въ другомъ какомъ-нибудь мѣстѣ Турціи, напр., въ Сейменахъ, какъ то̀ сообщалъ Короленко[5]). Нельзя также согласиться и съ Кондратовичемъ, высказавшимъ предположеніе, что до

---

[1]) *Дубровинъ.* Присоед. Кр. Т. IV. 360. 361.
[2]) *Короленко.* Предки куб. каз. на Днѣстрѣ, стр. 12.
[3]) *Дубровинъ.* Присоед. Крыма. Т. IV. 627.
[4]) *Скальковскій.* Ист. Нов. Сѣчи. Ч. III. 221.
[5]) *Короленко.* Предки куб. каз. на Днѣстрѣ. Стр. 6.

1785 г. запорожцы жили отдѣльными небольшими рыбальскими ватагами, разбросанными по всей дунайской дельтѣ, преимущественно же около бессарабскихъ лимановъ, Вилкова, Килiи и Летя, откуда въ 1785 г., соединившись, ушли въ Австрію, а потомъ, по изгнанiи изъ Баната, опять вернулись въ Турцію и основали Кошъ въ Старыхъ Сейменахъ, между Силистрiей и Гирсовой [1]). Изъ предыдущаго моего изложенiя ясно, что, если запорожцы и жили въ 80-хъ гг. XVIII ст. въ дунайской дельтѣ, то не въ большомъ числѣ, такъ какъ масса ихъ къ этому времени была переселена за Дунай и разселена тамъ по турецкимъ крѣпостямъ и деревнямъ въ Румелiи, вдали отъ дунайской дельты. Остается также сомнительнымъ, къ этимъ ли запорожцамъ, принятымъ въ турецкое подданство, должно относить извѣстiя [2]) о пребыванiи запорожцевъ въ Австрiи, или къ тѣмъ, которые, какъ выше было сказано, въ довольно большомъ числѣ небольшими партiями человѣкъ въ 20 бродили по Молдавiи. Но этотъ вопросъ, какъ и вообще вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ турецкихъ запорожцевъ, уже не входитъ въ предметъ моего настоящаго сообщенiя

Д. ч. *И. Ивановъ.*

---

[1]) *Кондратовичъ* Задунайская Сѣчь, стр. 26, 27.

[2]) *Кондратовичъ.* Задун. Сѣчь, стр. 22, 23, 24, 26, 27.

342 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

26-го Апрѣля 1902 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены: *М. К. Балясѣ*, *А. Е. Егоровѣ*, *П. А. Ивановѣ*, *А. А. Кочубинскій*, *В. В. Латышевѣ*, *Н. И. Ленцѣ*, *А. В. Лонгиновѣ*, *П. А. Маврогордато*, *М. Ѳ. Никоновѣ*, *А. А. Павловскій* и *Г. И. Перетятковичѣ*.

Слушали:

I. Заявленіе Предсѣдательствующаго о смерти д. ч. Н. В. Эрдели, бывшаго въ 1890—1895 г. казначеемъ Общества.

Память усопшаго почтили вставаніемъ.

II. Докладъ Совѣта, что 14 апрѣля сего года исполнилось пятидесятилѣтіе со дня избранія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича въ почетные члены Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Въ виду этого заблаговременно была отправлена г. Президенту Общества нижеслѣдующая телеграмма:

«Просимъ принести 14 апрѣля поздравленіе Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу съ исполняющимся пятидесятилѣтіемъ избранія въ почетные члены Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей».

Вслѣдствіе этой телеграммы г. Президентъ Общества поздравилъ Его Высочество слѣдующею, отправленною въ Баденъ, телеграммою:

«14 avril il y a 50 ans que Votre Altesse Impériale été choisie comme membre honoraire de la Société Impériale d'Odessa, Histoire et Antiquités.

La Société profite de cette occasion pour offrir à Votre Altesse Impériale l'hommage de son plus profond respect et les voeux qu'elle forme pour son plus grand bonheur et prospérité.

Président *Ch. Roop*».

На это поздравленіе Его Высочество изволилъ отвѣтить слѣдующей милостивою телеграммою г. Президенту Общества:

«Remercie sincerement l'honorable Société pour les bons voeux et lui souhaite l'heureuse prospérité

Michel».

Постановили: Все изложенное занести въ журналъ настоящаго засѣданія.

III. Слѣдующее отношеніе, по Высочайшему повелѣнію, отъ г. Товарища Министра Народнаго Просвѣщенія Сенатора Ив. Мѣщанинова отъ 16 марта сего года за № 8683 г. Президенту Общества: Министръ Иностранныхъ Дѣлъ сообщилъ, что Государь Императоръ, по Всеподданнѣйшему его докладу, Всемилостивѣйше соизволилъ, въ 9 день текущаго марта, пожаловать прусскому подданному, дѣйствительному члену Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, Фридриху *Краузе* орденъ Св. Станислава 3 степени.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Благодарность Х. Х. Роопа за избраніе его президентомъ Общества (см. журналъ 340 засѣданія п. XXI).

Постановили: Занести въ журналъ настоящаго засѣданія.

V. Благодарность А. Л. Бертье-Делагарда за избраніе его вице-президентомъ Общества (см. журналъ 340 засѣданія п. XXII).

Постановили: Занести въ журналъ настоящаго засѣданія.

VI. Докладъ г. предсѣдательствующаго совѣта, что въ отвѣтъ на посланную д. ч. М. Ѳ. Чеменѣ телеграмму (см. журналъ 341 засѣданія п. II) супругою М. Ѳ. Чемены прислана слѣдующая телеграмма:

«Глубоко тронутый участіемъ и вниманіемъ своихъ уважаемыхъ сочленовъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей мужъ мой поручилъ мнѣ искренно благодарить всѣхъ за сочувствіе къ его болѣзненному состоянію. При этомъ не могу не подѣлиться своею радостью, что въ ходѣ его болѣзни есть замѣтное улучшеніе.

Вѣра Чемена».

Постановили: Занести въ журналъ настоящаго засѣданія.

VII. Благодарность Историко-филологическаго общества при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ отъ 20 марта за привѣтствіе въ день 25-лѣтія Общества.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VIII. Благодарность Императорской Археологической Коммиссіи отъ 5 апрѣля сего года за № 626 г. предсѣдательствующему совѣта Э. Р. Ф.

Штерну за доставленные, по просьбѣ Коммиссіи, 3 фотографическихъ снимка съ деревяннаго саркофага и мраморнаго стола съ надписью, находящихся въ музеѣ Общества.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IX. Денежный отчетъ г. казначея Общества за 1901 г.

Постановили: Для обревизованія правильности отчета, по примѣру прежнихъ лѣтъ, образовать коммиссію, избравъ въ нее: А. Е. Егорова, А. В. Лонгинова и Г. И. Перетятковича.

X. Представленную г. казначеемъ Общества смѣту прихода и расхода Общества на 1902 г.

Смѣта эта одобрена совѣтомъ.

Постановили: Смѣту утвердить и напечатать въ приложеніи къ журналу настоящаго засѣданія (см. Приложеніе I).

XI. Предложеніе г. казначея Общества о ежегодномъ внесеніи въ смѣту особой статьи расхода на командировки членовъ Общества по надзору за мѣстностями, находящимися въ вѣдѣніи Общества, на раскопки, производимыя подъ наблюденіемъ Общества, и вообще по порученію Общества.

Совѣтъ считаетъ предложенную мѣру цѣлесообразною.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ совѣта.

XIII. Секретарь Общества предъявилъ книги, полученныя въ послѣднее время Обществомъ:

1) Отчетъ о состояніи и о дѣятельности Императорскаго С.-Петербургскаго университета за 1901 г. Спб. 1902.

2) Записки историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Часть LXIII. Спб, 1901.

3) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго университета, годъ LXIX, кн. 2. Казань. 1902.

4) Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго университета № 1. Юрьевъ. 1902.

5) Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1902 – 1—II. Варшава.

6) Извѣстія Императорскаго Томскаго университета. Книга 19-я. Томскъ. 1902.

7) Каталогъ русскихъ книгъ библіотеки Императорскаго С.-Петербургскаго университета. Томъ II, съ 1 января 1896 г. по 31-е декабря 1901 г. Спб. 1902 г.

8) Записки Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Томъ XII. Выпускъ 1—2. Спб. 1902.

9) Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества т. XIX, в. III. Москва. 1902.

10) Древности. Труды Археологической коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Т. II, вып. II. Москва. 1902.

11) Записки восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. XIV, вып. I. Спб. 1902.

12) Отъ Псковскаго Археологическаго Общества:

а) Дневникъ послѣдняго похода Стефана Баторія на Россію. Переводъ съ польскаго д. ч. Псковскаго Археологическаго Общества О. Н. Милевскаго. Псковъ. 1882

б) Лѣтописное разъясненіе о Владычныхъ палатахъ въ г. Псковѣ, построенныхъ архіепископомъ Новгородскимъ и Псковскимъ Макаріемъ. Псковъ. 1881.

в) Историко-археологическій очеркъ Псковскаго Георгіевскаго со взвоза храма. А. Березскаго. Псковъ. 1887.

г) Псковъ (изъ дорожныхъ замѣтокъ). М. Погодина.

д) Воспоминаніе объ осадѣ Пскова польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ въ 1581 г. Псковъ 1881.

е) Рѣчь С. В. Кохомскаго съ воспоминаніемъ той-же осады въ засѣданіи Общества 8 сентября 1881 г. Псковъ. 1881.

ж) Святогорскій монастырь. И. Ф. Токманова. Псковъ. 1887.

з) Палата Поганкина въ Псковѣ. Евлентьева. Псковъ. 1893.

и) Празднованіе 700-лѣтія Св. Гавріила Псковскаго. Псковъ. 1894.

і) Слѣды пребыванія Александра Сергѣевича Пушкина въ Псковской губ. Васильева. Спб. 1899.

к) Псковскій Городецъ и Мирожъ, какъ мѣста первыхъ Псковскихъ поселеній. Ф. А. Ушакова. Спб. 1902.

л) По поводу Псковскихъ древнихъ печатей. Ф. А. Ушакова. Спб. 1902.

м) Журналы засѣданій Псковскаго Археологическаго Общества. 16 мая 1899.

13) Извѣстія Таврической ученой Архивной Коммиссіи. Годъ 16, № 22—36. Симферополь. 1902.

14) Труды Оренбургской ученой Архивной Коммиссіи. Вып. IX. Оренбургъ. 1901.

15) Труды Рязанской ученой Архивной Коммиссіи. С. Д. Яхонтовъ. Рязань. 1902.

16) Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества. XIII, № 1. Спб. 1902.

17) Сирія, Ливанъ и Палестина по В. Кюинье. Вып. IV. Спб. 1901.

18) Извѣстія Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Т. XIV. Тифлисъ. 1901.

19) Записки Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географи-

ческаго Общества. Кн. XXII, вып. 4. А. Н. Дьячковъ-Тарасовъ. Абадзехи. (историко-этнографическій очеркъ). Тифлисъ. 1902.

20) Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1901 годъ. Москва. 1902.

21) Отчетъ Харьковской общественной библіотеки за пятнадцатый годъ ея существованія (съ 1 октября 1900 по 1 октября 1901) и ея филіальнаго отдѣленія (со 2 февраля по 1 октября 1901 г.).

22) Двадцатипятилѣтній юбилей Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Харьковъ. 1902 г.

23) Екатеринославское Научное Общество, годъ 2 — №№ 1, 2, 3, 4. Екатеринославъ. 1902.

24) Уставъ Екатеринославскаго Научнаго Общества 6 мая 1901 г. Екатеринославъ. 1901.

25) Записки Крымскаго Горнаго Клуба №№ 1, 2 и 3. Одесса. 1902.

26) Опись казачьихъ дѣлъ Московскаго отдѣленія общаго архива главнаго штаба. И. И. Дмитренко. Спб. 1899.

27) Е. К. Рѣдинъ. Критическій разборъ научныхъ изслѣдованій. Харьковъ. 1902 (отъ автора).

28) Е. К. Рѣдинъ. О нѣкоторыхъ лицевыхъ рукописяхъ «Шестоднева» Іоанна, экзарха Болгарскаго. Москва. 1902 (отъ автора).

29) Sitzungsberiche der Gelehrten Estnischen Gesellschaft 1901. Jurjev. 1902.

30) Für die Besitzer des 19 Bandes der Verhandlungen der Gel. Estnischen Gesellschaft.

31) Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Вып. I, т. XLV.

32) Часопись Исторично-фильософічної секціи Наукового Товариства імени Шевченка. Др. Станіслав Дністряньскиі. У Львові 1901. Кн. II, т. III.

33) Збірник Математично-природописно-лікарскої секциї Наукового Товариства імени Шевченка. Т. VIII, вып. I, у Львові. 1902.

34) Rad jugoslavenske akademiye znanosti i umjetnosti. Kniga 146. Zagreb. 1901.

35) Vjestnik kr. hrvatsko-slavonsko-dalmatinskog zemalyskog arkiva. Godina IV. Svezak 2. Zagreb. 1902.

36) Bullettino di Archeologia e Storia Dalmata. Anno XXV. Spalato. 1902.

37) Mitteilungen der Litterarischen Gesellschaft Masovia. Heft. 7. Lötzen. 1901.

38) Aug. Herm. Furanns. Preuszens uraltes u. heutiges Russland 1748. Lötzen. 1901.

39) Bericht über die Feier von Rudolf Virchov's achtzigstem Geburtstag am 13. Oktober 1901.

40) Zur Erinnerung. Blätter des Dankes für meine Freunde. von Rudolf Virchow.

41) Griechisches Peerdegeschirr im Antiquarium der Königlichen Museen von Erich Pernice. Berlin. 1896.

42) Über ein Bildnis des Perikles in den Königlichen Mussen. Einundsechzigstes programm zum Winckelmannsfeste des archeologischen Gesellschaft zu Berlin. Berlin. 1901.

43) Über den Marmorkope eines Negers in den Königlichen Museen. Sechzigstes programm zum Winckelmannsfeste. Berlin. 1900.

44) Altgriechisches Bronzebecken aus Leontini. Neunundfünfzigstes programm zum Winckelmannsfeste der Archeologischen Gesellschaft zu Berlin. Berlin. 1899.

45) Hellenistische Silbergefässe im Antiquarium der Königlichen Museen. Achtundfünfzigstes programme zu Winckelmannsfeste der archeologischen Gesellschaft zu Berlin. Berlin. 1898.

46) Bulletin of the New-Iork public Library, volume VI, № 4. New-Iork. 1902.

XIII. Докладъ г. хранителя музея о пожертвованіи почетнымъ членомъ Общества Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ Обществу весьма рѣдкой серебряной ольвійской монеты съ надписью EMINAKO (см. въ приложеніи докладъ д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна).

Постановили: Принести глубокую благодарность Его Высочеству за столь цѣнный, обогащающій музей Общества, подарокъ.

XIV. Отношеніе отъ Одесскаго городскаго головы отъ 30 апрѣля сего года съ препровожденіемъ въ даръ Обществу двухъ монетъ: турецкой и аргентинской.

Постановили: Благодарить жертвователя; монеты передать въ музей.

XV. Хранитель музея предъявилъ другіе предметы, также поступившіе въ послѣднее время въ Общество:

Пожертвованы:

1) Г. вице-президентомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ: 12 русскихъ мѣдныхъ монетъ, 4 серебряныхъ генуэзско-татарскихъ, найденныхъ недалеко отъ Ялты, 1 серебряная ольвійская (глава Геракла, разновидность отъ Бур. IV, 37, 38), 1 серебряная византійская, 4 мѣдныхъ разныхъ городовъ побережья Чернаго моря и одинъ бронзовый крестъ XVI вѣка, найденный въ Крыму.

2) Димитромъ Ст. Бръчковымъ, директоромъ Държавнаго Търговскаго Училища въ Свищовѣ: 1 серебряная тетрадрахма Александра Великаго.

3) А. С. Шаповаловымъ: 15 мелкихъ турецкихъ серебряныхъ монетъ, найденныхъ въ имѣніи Лозоватка, Одесскаго уѣзда, Херсонской губерніи.

4) В. Якубовскимъ: каменный наконечникъ стрѣлы, найденный въ Одесскомъ уѣздѣ близъ села Новопокровскаго въ 1872 г.

5) Императорской Археологической Коммиссіей: 45 золотниковъ различныхъ русскихъ серебряныхъ монетъ XVI вѣка изъ клада, найденнаго въ Бѣлгородѣ, Курской губерніи.

6) Г-жей Цинь: афиша на шелковомъ платкѣ, Одесскаго театра, отъ 23 декабря 1829 года, на бенефисъ пѣвицы Аделаиды Морикини, на русскомъ и итальянскомъ языкахъ.

7) Э. А. Ага: маленькая глиняная чаша (точнѣе, крышка отъ амфоры); кусокъ гипса въ формѣ львиной морды или морды кошки и кусокъ красной краски; найдены при раскопкѣ у впаденія р. Березки въ р. Ингулъ.

Куплены:

8) Серебряная ольвійская монета съ головою Деметры (типъ монеты Беккера. Бурачковъ, стр. 64 и 65).

9) Терракотовая статуэтка—бюстъ Аѳродиты, выходящей изъ морской раковины.

10) Сосудъ въ формѣ лежащаго льва; фальсификація.

Постановили: Жертвователей благодарить; вещи передать въ музей.

XVI. Отношеніе Псковскаго Археологическаго Общества отъ 3 марта сего года за № 13 съ приложеніемъ 13 изданныхъ имъ книжекъ (см. выше п. XII) и съ предложеніемъ прислать въ обмѣнъ изданія Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Совѣтъ предлагаетъ обмѣниваться изданіями, начиная съ XVI т. Записокъ.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

XVII. Слѣдующее предложеніе за Министра Народнаго Просвѣщенія Товарища Министра г. Зенгера отъ 9 апрѣля сего года за № 10042:

«Учрежденная при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія Коммиссія по международному обмѣну изданій по части наукъ и художествъ, согласно утвержденнымъ 30 іюня 1879 года Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія Правиламъ Коммиссіи (§ 8), обязана печатать ежегодно каталогъ оффиціальныхъ изданій Министерствъ, Управленій, Статистическихъ Комитетовъ и ученыхъ учрежденій и обществъ, но досего времени не могла этого дѣлать по недостаточности отпускавшагося на ея содержаніе кредита (всего 1000 руб. въ годъ).

Въ настоящее же время, по Высочайше утвержденному 29-го декабря 1901 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, кредитъ на содержаніе названной Коммиссіи увеличенъ съ 1 января 1902 года до 3000 руб. въ годъ.

Вслѣдствіе сего Предсѣдатель помянутой Коммиссіи, намѣреваясь въ текущемъ году приступить къ печатанію означеннаго каталога за 1902 г., обратился въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ: просить у всѣхъ Министерствъ и Главныхъ Управленій доставленія данныхъ о ихъ изданіяхъ по слѣдующей программѣ:

1) Точное и полное заглавіе изданія и его цѣна;

2) Сколько разъ въ годъ выходитъ названное изданіе;

3) Сколько экземпляровъ изданія возможно было бы предоставить каждому изъ шести государствъ, съ которыми Россія заключила конвенціи объ обмѣнѣ (Бельгія, Италія, Нидерланды, Сѣв.-Американскіе Соединенные Штаты, Франція и Швеція съ Норвегіею);

4) Слѣдуетъ ли это число считать предѣльнымъ или было бы возможно увеличить его въ случаѣ надобности, напр., если будутъ заключены конвенціи еще съ другими государствами;

5) Установленъ ли уже обмѣнъ съ иностранными изданіями и, если установленъ, то съ какими именно;

6) Возможно ли будетъ удовлетворить ходатайства иностранныхъ учрежденій о полученіи изданія за прежніе годы и, если возможно, то въ какомъ размѣрѣ;

7) Какія иностранныя изданія учрежденіе желало бы получать въ обмѣнъ за свои изданія.

Къ сему Предсѣдатель Коммиссіи по международному обмѣну изданій присовокупилъ, что Коммиссіи также желательно имѣть впредь свѣдѣнія о всякой перемѣнѣ, напримѣръ, въ срокахъ выхода или въ наименованіи изданія, о прекращеніи таковаго, а также о появленіи новыхъ изданій. Для ускоренія дѣла и во избѣжаніе лишней переписки, всѣ эти свѣдѣнія могли бы быть направляемы непосредственно въ Коммиссію по адресу: «Императорская Публичная Библіотека, Коммиссія по международному обмѣну изданій».

Совѣтъ предлагаетъ передать вопросъ въ Коммиссію и просить ее представить Обществу заключеніе.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта, избравъ въ Коммиссію Э. Р. фонъ Штерна, А. И. Маркевича и В. Н. Мочульскаго.

XVIII. Слѣдующее предложеніе и. д. Таврическаго губернатора отъ 30 марта сего года за № 491 (по губернскому правленію):

«Вслѣдствіе ходатайства моего, Департаментомъ Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ текущемъ году ассигновано на ремонтъ находящихся въ г. Ѳеодосіи старыхъ генуэзскихъ башенъ, въ томъ числѣ и башни, находящейся на территоріи мѣстнаго карантина, 3392 р. 52 к.

Принимая во вниманіе, что Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей производило детальный обзоръ Ѳеодосійскихъ башенъ,

я имѣю честь просить Общество Исторіи и Древностей, не найдетъ ли оно возможнымъ сообщить мнѣ актъ осмотра башенъ, а равно и другія данныя, касающіяся реставраціи ихъ, или же поручить кому либо изъ членовъ Общества руководить работами по ремонту и реставраціи этихъ башенъ».

Совѣтъ предлагаетъ отложить обсужденіе вопроса до пріѣзда г. вице-президента, отчетъ котораго о древностяхъ Ѳеодосіи (см. журналъ 337 засѣданія п. IX) отосланъ г. Таврическому губернатору.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

XIX. Предложеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества объ избраніи представителей на XII Харьковскій Археологическій Съѣздъ (см. журналъ 341 засѣданія п. XI).

Постановили: Увѣдомить, что представителями будутъ: А. А. Кочубинскій, Э. Р. фонъ Штернъ, А. В. Лонгиновъ, В. Н. Мочульскій, П. А. Ивановъ, П. А. Маврогордато, А. И. Маркевичъ и И. А. Линниченко.

XX. Слѣдующее отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 18 апрѣля сего года за № 683:

«Вдова Керченскаго торговца древностями Келе Тульманъ согласилась уступить Коммиссіи за 300 рублей 12 камней съ греческими надписями, пріобрѣтенныхъ ея покойнымъ мужемъ въ Керчи и находящихся въ настоящее время въ Одессѣ. Вслѣдствіе сего Коммиссія проситъ нынѣ г. Тульманъ поручить тому лицу, у котораго хранятся камни, передать ихъ въ музей Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, а къ Обществу обращается съ покорнѣйшею просьбою, по принятіи ихъ на храненіе, немедленно увѣдомить объ этомъ Коммиссію для распоряженія объ уплатѣ денегъ г. Тульманъ. Къ сему Коммиссія считаетъ долгомъ присовокупить слѣдующее: 1) передавая камни въ музей Общества, она желаетъ сохранить за собою право перваго изданія надписей. Если камни поступятъ въ музей Общества въ теченіе мая мѣсяца, во время пребыванія въ Одессѣ Товарища Предсѣдателя Коммиссіи, академика В. В. Латышева, то онъ самъ озаботится снятіемъ копій съ надписей и описаніемъ камней; если-же камни будутъ переданы въ музей послѣ отъѣзда г. Латышева изъ Одессы, то Коммиссія покорнѣйше проситъ доставить ей необходимыя данныя для изданія надписей, а именно: описаніе внѣшняго вида и величины каждаго камня, фотографическіе съ нихъ снимки и эстампажи надписей; 2) по сообщенію В. В. Шкорпила, въ пріобрѣтаемой у г. Тульманъ коллекціи имѣются: 1, мраморное надгробіе Аполлонія съ метрическою надписью изъ 13 строкъ; 2, известковая плита съ надписью религ. общества, написанною красной краской, въ 13 строкъ; 3—8, шесть известковыхъ плитъ съ обычными надгробными надписями въ 2—3 строки; 9—12, четыре обломка съ надписями

(въ томъ числѣ одна христіанской эпохи съ именемъ Φῆλιξ). Изъ числа этихъ камней надробіе Аполлонія съ метрическою надписью, быть можетъ, по ближайшемъ съ нимъ ознакомленіи, будетъ признано достойнымъ передачи въ Императорскій Эрмитажъ. Поэтому Коммиссія покорнѣйше проситъ Общество, принявъ эготъ камень на храненіе, не вносить его пока въ инвентарь музея до окончательнаго рѣшенія вопроса объ его назначеніи; всѣ же остальные камни считать переданными на постоянное храненіе въ музей Общества и занести въ инвентарь».

Такъ какъ г. Предсѣдательствующій заявилъ, что вещи г-жи Тульманъ, запакованныя въ ящики, уже находятся въ музеѣ, а въ настоящемъ засѣданіи Общества присутствовалъ г. товарищъ предсѣдателя Императорской Археологической Коммиссіи В. В. Латышевъ, то *постановили:* ждать отъ г-жи Тульманъ разрѣшенія вскрыть ящики, а отъ Коммиссіи дальнѣйшихъ указаній.

XXI. Слѣдующее предложеніе члена издательскаго комитета Л. Ф. Бруна:

«Въ числѣ задачъ нашего Общества—одна изъ главныхъ: изданіе памятниковъ древности. Въ рядѣ томовъ своихъ Записокъ Общество дѣйствительно издало не мало предметовъ древности: надписей, монетъ, вазъ, и проч., но это были лишь отдѣльныя не систематическія изданія. Въ послѣднее время явилась потребность въ изданіи, такъ сказать, — свода тѣхъ или другихъ предметовъ. Такъ Общество издало и продолжаетъ издавать свое собраніе терракотъ и предполагаетъ издать часть монетъ. Въ сравнительно недавнее время появились также сборники по нѣкоторымъ отдѣламъ древностей нашего Юга: по надписямъ—Латышева, по монетамъ —Бурачкова.

Въ числѣ предметовъ древности значительный интересъ представляютъ и архитектурные памятники: древнія церкви, развалины крѣпостей и башенъ, гробницы и проч.; между тѣмъ очень немногіе изъ нихъ изданы въ Запискахъ Общества. Въ виду того, что этотъ родъ памятниковъ, какъ подверженный порчѣ отъ атмосферическихъ вліяній и отъ хищеній, со временемъ теряетъ все болѣе свой первоначальный видъ, является весьма желательнымъ сохранить съ нихъ точные снимки.

Поэтому я позволяю себѣ войти въ комитетъ съ просьбой о признаніи въ принципѣ желательнымъ такого изданія. Это изданіе должно составить альбомъ, въ который вошли-бы точные и хорошіе снимки при посредствѣ фотографіи древностей Аккермана, Ѳеодосіи, Судака и друг., а можетъ быть Херсонеса и Керчи, съ приложеніемъ плановъ и текста».

Совѣтъ находитъ осуществленіе предложенія Л. Ф. Бруна весьма желательнымъ.

Постановили: Соглашаясь съ мнѣніемъ Совѣта, имѣть въ виду изданіе памятниковъ, когда окажутся у Общества на то средства, причемъ начать теперь же собираніе матерьяловъ для этого изданія.

XXII. Произведено было избраніе, согласно § 43 Устава Общества, членовъ совѣта на предстоящее трехлѣтіе, съ 29 апрѣля 1902 г. Записками были предложены: А. В. Лонгиновъ и Г. И. Перетятковичъ *одинадцатью*, А. А. Павловскій и Э. Р. фонъ Штернъ *десятью*, А. А. Кочубинскій *тремя*, А. Н. Деревицкій и И. А. Линниченко *двумя*, А. Е. Егоровъ, П. А. Ивановъ и В. Н. Мочульскій *одною*. За отказомъ остальныхъ баллотированы шарами: А. В. Лонгиновъ, Э. Р. фонъ Штернъ, А. А. Павловскій и Г. И. П. Перетятковичъ, причемъ избраны были два первые *единогласно*, два послѣдніе большинствомъ *одинадцати* голосовъ противъ *одного*.

XXIII. Произведено было, согласно § 49 Устава Общества, избраніе членовъ издательскаго комитета на предъидущее трехлѣтіе, съ 29 апрѣля 1902 г. Записками были предложены: И. А. Линниченко *двьнадцатью*, Л. Ф. Брунъ *десятью*, А. А. Кочубинскій *девятью*, А. Н Деревицкій, Н. И. Ленцъ, В. Н. Мочульскій, М. Ф. Никоновъ и Э. Р. фонъ Штернъ *одною*. За отказомъ остальныхъ баллотированы шарами: И. А. Линниченко, Л. Ф. Брунъ и А. А. Кочубинскій; причемъ А. А. Кочубинскій избранъ большинствомъ *одинадцати* голосовъ противъ *одного*, Л. Ф. Брунъ *одинадцати* противъ *двухъ* и И. А. Линниченко *десяти* противъ *трехъ*.

XXIV. Сообщеніе д. ч. Э. Р. фонъ Штерна «Археологическія новинки».

Постановили: Напечатать сообщеніе въ приложеніи къ журналу настоящаго засѣданія (См. Приложеніе II).

ПРИЛОЖЕНІЯ

I. Смѣта о приходѣ и расходѣ суммъ ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей на 1902 годъ.

ПРИХОДЪ.

I	Высочайшее даровалное пособіе	Р. 2500	—
II	Членскіе взносы	» 150	—
III	За дипломы	» 20	—
IV	% съ капитала Общества	» 193	80
V	% по текущему счету	» 15	—
VI	За проданныя изданія и Записки Общества	» 50	—
VII	Случайные доходы	» 100	20
VIII	Отъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли за Судакскую пристань	» 300	—
IX	Доходы отъ Аккерманской крѣпости	» 80	—
		Р. 3409	—

РАСХОДЪ.

I	Жалованіе служащимъ	Р. 912	
II	Отопленіе зданія музея Общества	» 10	—
III	Витрины и другія столярныя работы	» 150	
IV	Печатаніе Записокъ и другихъ изданій Общества	» 1000	
V	Изготовленіе таблицъ и клише	» 50	—
VI	Покупка древностей для музея	» 600	
VII	Расходы по командированіямъ	» 200	-
VIII	Выписка книгъ	» 75	—
IX	Почтовые, телеграфные, канцелярскіе, хозяйственные и другіе мелкіе расходы	» 150	
X	Остатокъ	» 262	
		Р. 3409	

Казначей *Петръ А. Маврокордато.*

II.

Археологическія новинки.

I.

Во время экскурсіи въ Крымъ съ археологической цѣлью я имѣлъ счастье быть принятымъ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Александромъ Михайловичемъ въ Айтодорѣ. Его Высочество изволилъ мнѣ разрѣшить осматривать его важную въ научномъ отношеніи коллекцію южно-русскихъ древностей и воспользоваться собраннымъ имъ матерьяломъ для своихъ научныхъ изслѣдованій. Позволяю себѣ въ настоящемъ засѣданіи Общества представить краткій докладъ о коллекціи Его Высочества.

Какъ извѣстно, Его Высочество спеціально занимается собираніемъ монетъ древнихъ городовъ и государствъ, прилегающихъ къ Черному морю. Эта весьма большая коллекція хранится въ С.-Петербургѣ, но нѣсколько важныхъ и рѣдкихъ монетъ пока еще находится въ Айтодорѣ. Къ нимъ принадлежитъ серія серебряныхъ монетъ, найденныхъ вмѣстѣ въ одной гробницѣ въ Ольвіи, въ присутствіи курьера Его Высочества, и пріобрѣтенныхъ Его Высочествомъ Одну монету изъ этой серіи Его Высочество благоволилъ передать мнѣ для нашего музея. На лицевой сторонѣ этихъ монетъ изображенъ Геракъ, опустившійся на одно колѣно; его голову покрываетъ львиная шкура, въ рукѣ онъ держитъ лукъ; кругомъ надпись EMINAKO. На оборотной сторонѣ колесо и кругомъ дельфины. Насколько я знаю, до сихъ извѣстенъ только два экземпляра этой монеты; одинъ находился въ коллекціи Леммé, былъ проданъ въ Парижѣ и вызвалъ цѣлую литературу. A. von Sallet въ Zeitschrift für Numismatik III, Taf. II, 4, между прочимъ, издалъ эту монету и высказалъ сомнѣніе въ ея принадлежности Ольвіи; какъ видно изъ Head'a «Historia Numimorum» d. v. Olbia, вопросъ до сихъ поръ считается открытымъ. Другой, плохой сохранности экземпляръ, хранился въ Моск. Универ. Музеѣ; издатель ея, А. Орѣшниковъ (Описаніе древне-греческихъ монетъ, 1891, стр. 15) по типу считаетъ вмѣстѣ съ A. von Sallet эту монету ѳракійской и правильно относитъ ее къ V/IV вѣку до Р. Х. Новая находка нѣсколькихъ экземпляровъ этой монеты въ ольвійской гробницѣ по моему почти окончательно рѣшаетъ вопросъ. Монета повидимому принадлежитъ неизвѣстному намъ властителю Ольвіи и даетъ намъ такимъ образомъ цѣнное указаніе для возстановленія историческихъ судебъ этой интересной колоніи.

Главнымъ образомъ заинтересовала меня въ Айтодорѣ коллекція вазъ Его Высочества; позволю себѣ здѣсь представить нѣсколько свѣдѣній объ этой коллекціи. Къ началу древнѣйшаго періода принадлежатъ:

а) Древнеіоническая ваза съ двумя вертикальными ручками, соединенной дужкой. Окраска—бурый цвѣтъ, черная полоса, плохо сохранилась.

По формѣ имѣетъ аналогію въ вазахъ стиля Дипилона. Второй сосудъ — такой же окраски шарообразная ойнохоэ; горло низкое; отверстіе въ формѣ трилистника закрывается пробкой такой же формы.

б) Коринѳскій арибаллъ—на лицевой сторонѣ лебедь. Коринѳскій маленькій арибаллъ; на лицевой сторонѣ: сфинксъ; на задней сторонѣ: львиная голова; коринѳскій арибаллъ—сфинксъ и птица; коринѳская чаша съ птицами.

Затѣмъ слѣдуютъ вазы, привезенныя когда-то изъ Аттики и найденныя въ Ольвіи и Керчи. Къ древнѣйшимъ изъ нихъ относятся слѣдующія:

1 чернофигурный кувшинъ (VI вѣка); V вѣка: 1 бѣлый лекиѳъ, 2 юноши, черные волоса, красные плащи; между ними надгробная стела на пьедесталѣ изъ трехъ ступенекъ; изъ Ольвіи. Хорошая сохранность.

Тоже V вѣка амфора: играющій на флейтѣ въ широкомъ плащѣ сидитъ, къ нему летитъ нагой «геній», держащій лиру. Аналогія у насъ, мною издана; первая половина V вѣка.

Особенно большая и важная серія амфоръ съ изображеніемъ сраженій амазонокъ. Какъ извѣстно, эти изображенія изготовлялись для вывоза въ Понтъ; здѣсь они пользовались особеннымъ предпочтеніемъ, такъ что сокращенное изображеніе изъ области локализованныхъ здѣсь сказаній—голова амазонки, лошади и грифона,—прямо называется гербомъ греческихъ колоній на сѣверномъ берегу Чернаго моря. Изъ этихъ амфоръ Его Высочествомъ собрана приблизительно дюжина. Мотивы изображеній на этихъ амфорахъ по большей части извѣстны—борьба амазонокъ съ греками или съ грифонами—и двѣ амфоры съ этими изображеніями изъ коллекціи Его Высочества заслуживаютъ особеннаго вниманія. На одной изъ нихъ — (стиль конца V—начала IV вѣка) мы имѣемъ слѣдующую разновидность обычнаго мотива: одна амазонка лежитъ раненною на землѣ, молодой греческій воинъ, наступившій ногой на тѣло раненной, сражается съ другой амазонкой, которая соскочила съ лошади, поднимающейся на дыбы; эта концепція является, насколько я знаю, новою. Другая изъ амфоръ съ изображеніемъ того-же основнаго мотива заслуживаетъ еще большаго вниманія. Это амфора громадныхъ размѣровъ, высотой 17 вершковъ, и превосходной сохранности; по словамъ продавца г. Гохманна, она найдена въ томъ же склепѣ, въ которомъ находился деревянный саркофагъ, поступившій въ нашъ музей На лицевой сторонѣ мы имѣемъ изображеніе семи фигуръ; 3 лежатъ на землѣ, четыре сражаются; центръ занимаетъ амазонка верхомъ, сражающаяся съ грекомъ; передъ ней другой грекъ ударяетъ сѣкирой пѣшую амазонку; костюмы всѣхъ фигуръ богато раскрашены въ красную, бѣлую и синюю краску; эта краска, хотя она является накладною, превосходно сохранилась и только въ двухъ мѣстахъ соскочила; повидимому, она наложена была вмѣстѣ съ какимъ нибудь связующимъ веществомъ, между тѣмъ какъ на сосудахъ, изготовленныхъ

на мѣстѣ и украшенныхъ подобнымъ образомъ; эта связующая матерія не существуетъ, такъ что окраска въ большинствѣ случаевъ весьма плохо сохранилась; изъ имѣющихся въ нашей коллекціи сосудовъ съ накладной крышкой только на четырехъ хорошо видны слѣды изображенныхъ сценъ, но наши сосуды именно всѣ мѣстнаго производства изъ грубой глины и не покрыты чернымъ лакомъ. Амфора изъ коллекціи Его Высочества несомнѣнно аттической работы и относится къ V еще вѣку до Р. Х. На задней сторонѣ мы имѣемъ четыре фигуры краснофигурной техники на черномъ полѣ; двѣ амазонки и два грека; одна амазонка верхомъ, другая получаетъ мечемъ смертельный ударъ отъ грека. Ваза эта, какъ по размѣрамъ, такъ и по сохранности красокъ, заслуживаетъ быть изданой. Его Высочество предоставилъ намъ право ея публикаціи и разрѣшилъ отправить въ Айтодоръ художника, чтобы срисовать ее въ краскахъ.

Кромѣ этихъ амфоръ съ изображеніемъ амазонокъ въ коллекціи Его Высочества имѣется еще много сосудовъ аттической фабрикаціи, найденныхъ въ Ольвіи и Керчи; и эта коллекція наглядно доказываетъ преобладающее вліяніе и значеніе Аѳинъ въ нашихъ колоніяхъ въ концѣ V и въ IV вѣкѣ. Изъ этихъ сосудовъ укажу на два большихъ кратера-колокола (Glocken-Krater) изъ Керчи; на одномъ изображенъ юноша съ факеломъ и вѣнкомъ, передъ нимъ сидитъ женщина, держащая колосья и коробочку въ рукахъ; на другомъ изображены 3 фигуры въ мантіяхъ и 5 женщинъ въ весьма грубомъ исполненіи; оба сосуда краснофигурнаго стиля IV вѣка. Укажу далѣе на гидрію хорошей работы V вѣка: сидящая женщина, по бокамъ двое мужчинъ въ мантіяхъ; одна женщина убѣгаетъ; орнаментъ на горлышкѣ вазы — ожерелье съ большими привѣсками. Далѣе, на двѣ амфоры: на одной вазная картинка представляетъ возницу съ парой лошадей, одной бѣлой и одной бурой; на другой — юношу, правящаго четверкой. Къ аттическимъ сосудамъ далѣе принадлежитъ нѣсколько пиксидъ съ крышками, на которыхъ изображены туалетныя сценки; одна крышка отъ леканы съ женскими головками; одна «олпэ» съ изображеніемъ двухъ мужскихъ фигуръ въ мантіяхъ съ палками, между которыми юноша въ длинномъ плащѣ и съ лирой въ рукахъ, на полу лежитъ кувшинъ съ высокой ручкой; затѣмъ гидрія; вазная картинка на ней представляетъ играющую на лирѣ фигуру, эрота и сидящую женскую фигуру; затѣмъ 2 амфоры съ крылатыми фигурками между двумя закутанными женщинами, одна миска съ двумя сидящими женскими фигурами, занятыми жертвоприношеніемъ, амфора съ изображеніемъ борьбы пигмеевъ съ журавлями, амфора съ изображеніемъ силена, мэнады(?) и Діониса, одна рыбная тарелка, найденная въ имѣніи г. Кузнецова, въ Форосѣ, и т. д. и т. д.

Въ сравненіи съ этимъ весьма значительнымъ числомъ аттическихъ росписныхъ вазъ другіе виды античнаго гончарнаго производства въ коллекціи Его Высочества отступаютъ на второй планъ. Тѣмъ не менѣе они

всѣ почти представлены въ ней хорошими экземплярами, и нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго интереса. Изъ сосудовъ III вѣка обращаютъ на себя вниманіе изящные кубки съ бѣлой и свѣтло-бурой орнаментаціей на темномъ фонѣ—сосуды, которые весьма богато представлены въ нашемъ музеѣ и которые кромѣ Ольвіи въ значительномъ количествѣ найдены въ мирринскомъ некрополѣ, такъ что малоазіатское производство и происхожденіе ихъ едва-ли подлежатъ сомнѣнію[1]). Къ этому періоду относится 1 «мегарскій» кубокъ съ штемпелемъ KIPBEI. Объ этихъ кубкахъ я подробно трактовалъ въ статьѣ, которая въ скоромъ времени появится въ новомъ органѣ Императорской Археологической Коммиссіи. Весьма интересно, что въ коллекціи Его Императорскаго Высочества имѣются вазы несомнѣнно южно-италійскаго происхожденія. Къ нимъ принадлежитъ во первыхъ изящная амфора a colonnette, украшенная изображеніемъ женской фигуры, держащей въ рукахъ факелъ и жертвенный пирогъ на блюдѣ, между тѣмъ какъ мужская крылатая фигура слѣдуетъ за ней; и кувшинъ съ изображеніемъ большой женской головы въ характерной для южно-италійскаго искусства прическѣ; во вторыхъ же четыре сосуда, одинъ кубокъ, два изящныхъ кувшина и одна своеобразная пиксида, мѣстомъ фабрикаціи которыхъ безъ всякаго сомнѣнія является «Gnatia» въ Апуліи. Изъ этихъ италійскихъ сосудовъ въ нашемъ музеѣ имѣется три экземпляра (два изъ коллекціи Л. Ф. Бруна, одинъ пріобрѣтенъ 3 года тому назадъ), нѣсколько изъ этихъ сосудовъ находится въ собраніи г. Е. А. Шуманскаго, а вазы южно-италійскаго типа появились на археологическомъ рынкѣ въ послѣдніе годы въ довольно значительномъ числѣ; и въ нашемъ музеѣ есть цѣлый рядъ хорошихъ экземпляровъ. Мѣстомъ ихъ нахожденія всегда называется Ольвія. То обстоятельство, что эти сосуды предложены были нашими торговцами древностей въ продолженіи довольно значительнаго періода времени (сосуды италійской фабрикаціи попались въ коллекцію г. Бруна лѣтъ десять тому назадъ), что они продавались за сравнительно умѣренную цѣну и что, наконецъ, относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ фактъ ихъ нахожденія въ ольвійскихъ гробницахъ можетъ считаться установленнымъ,—все это говоритъ противъ предположенія Г. Г. Кизерицкаго, высказаннаго имъ лѣтомъ прошлаго года въ Jahrbuch des arch. Institutes въ Берлинѣ, будто эти южно-италійскіе сосуды найдены въ Италіи и привезены въ новѣйшее время нашими торговцами сюда, чтобы ихъ продать подъ флагомъ ольвійскихъ находокъ.

Помимо всѣхъ другихъ соображеній, предполагаемый образъ дѣйствій нашихъ торговцевъ является невѣроятнымъ уже потому, что, если имѣть въ виду тѣ цѣны, которыя въ общемъ заплочены за эти вазы, и считаться

[1]) Срв. теперь Watzinger: Vasenfundes aus Athen, Ath. Mitt. 1901 Band 26, Heft I, S. 50 folg.

съ путевыми и другими расходами, привозъ изъ Италіи этихъ гончарныхъ продуктовъ былъ бы прямо убыточнымъ для нашихъ продавцевъ древностей. А едва-ли кто нибудь повѣритъ, что они изъ любви къ искусству рѣшились пожертвовать своими матеріальными интересами.

Итакъ мы должны считаться съ любопытнымъ фактомъ — матеріалъ, собранный въ коллекціи Его Величества его прямо подтверждаетъ, — что въ концѣ III и особенно въ II вѣкѣ до Р. Х. существовали торговыя сношенія между Ольвіей и южной Италіею.

Въ коллекціи Его Высочества имѣется потомъ еще нѣсколько сосудовъ, найденныхъ также въ Ольвіи, мѣста фабрикаціи которыхъ я точно установить не берусь. Одинъ изъ этихъ сосудовъ — небольшая амфора свѣтло бурой окраски: на этомъ фонѣ въ темнобурой краскѣ нарисовано на каждой сторонѣ по крылатой женской фигурѣ съ птичьими ножками, повидимому, сиренѣ. Передъ этой фигурой имѣется сердцевидный предметъ, обращенный острымъ концомъ вверхъ. Имѣю поводъ думать, что эта амфора малоазіатскаго производства—нѣкоторыя техническія особенности говорятъ въ пользу этого мнѣнія, — но опредѣленно высказаться я не рѣшаюсь. Второй сосудъ, мѣсто фабрикаціи котораго опредѣлить съ точностью не могу — это красный арибаллъ; задняя часть его покрыта тонко исполненною желтой пальметтой, а на лицевой сторонѣ изображенъ въ весьма тщательномъ рисункѣ чудовищный звѣрь—не то грифонъ, не то рогатый левъ. Концепція рисунка обнаруживаетъ несомнѣнно восточное вліяніе— по матеріалу и техникѣ сосудъ однако скорѣе всего аттическаго производства. Наконецъ вазная коллекція Его Высочества содержатъ въ себѣ и цѣлый рядъ простыхъ сосудовъ, предназначенныхъ для ежедневнаго хозяйственнаго употребленія. Форма этихъ сосудовъ въ общемъ хорошо извѣстна и обычна—отмѣчу только, что между ними имѣется совершенно цѣльный экземпляръ одного сосуда, который въ нашемъ собраніи представленъ только двумя фрагементарными экземплярами. Это кувшинъ-чайникъ съ одной ручкой и довольно узкимъ, почти вертикально подымающимся носкомъ; отверстіе на верху имѣетъ форму глубокаго полушарика съ ситомъ на днѣ его.

Не менѣе интересна коллекція ольвійскихъ и керченскихъ терракотъ въ Айтодорѣ. Собраніе терракотъ Его Высочества въ количественномъ отношеніи не особенно богато, но за то въ немъ имѣются предметы рѣдкой красоты и цѣнности. Я отмѣтилъ себѣ 5 интересныхъ plaques (односторонокъ) женскихъ бюстовъ, фигуру сидящаго мальчика, статуэтку юноши съ петасомъ на головѣ и съ хорошо сохраненной окраской, типа танагрскихъ работъ (изъ Ольвіи), сосудъ въ формѣ лошадиной головы и превосходный сосудикъ въ формѣ сфинкса. Но лучшій номеръ этой коллекціи терракотъ составляетъ статуэтка довольно значительныхъ размѣровъ античнаго воина въ полномъ вооруженіи, по позѣ и концепціи довольно похожаго на

знаменитую бронзовую статуэтку изъ Додоны. Сохранность этой статуэтки весьма хороша: лишь пьедесталъ со ступнями ногъ былъ поломанъ, а затѣмъ продавцемъ грубо приклеенъ; зато вся остальная фигура съ головой и лицомъ удивительно хорошо сохранилась: обработка фигуры отличается поразительной мѣткостью и тщательностью; я изъ найденныхъ въ Ольвіи терракотъ не знаю другой фигуры, которая въ этомъ отношеніи могла бы съ ней поспорить. Совершенно понятно, что Его Императорское Высочество особенно дорожитъ этимъ пріобрѣтеніемъ.

Оставляя въ сторонѣ другіе мелкіе предметы древности, какъ то: лампочки, бронзовыя вещи и т. д., собранные Его Императорскимъ Высочествомъ въ Ольвіи и Керчи, я въ заключеніе скажу еще нѣсколько словъ о раскопкахъ въ самомъ Айтодорѣ. Объ этихъ раскопкахъ и о характерѣ и планѣ древняго поселенія въ Айтодорѣ въ прошломъ году появилась статья г. Ростовцева, такъ что я, не желая повторять сказаннаго, ограничусь здѣсь немногими замѣчаніями. Какъ извѣстно, въ Айтодорѣ найдены слѣды древняго поселенія, относящагося по штемпелямъ на черепицахъ къ римскому императорскому періоду; это была стоянка отдѣленія римскаго легіона. Можетъ конечно возникнуть вопросъ, не былъ-ли этотъ пунктъ еще заселеннымъ въ доримскій періодъ? Его Императорское Высочество весьма предупредительнымъ образомъ показалъ мнѣ всѣ мелкія находки, сдѣланныя при этихъ раскопкахъ, какъ то фибулы, разные бронзовые предметы, черепки посуды, костяныя издѣлія и т. д. и т. д.

Фабулы (срв. статью Р. Гаусмана въ XXI томѣ Записокъ) съ верхней тетивой, съ заворачивающейся къ дужкѣ пяткой и съ дужкой, обтянутой проволокой, образующей интервалами петли, принадлежалъ несомнѣнно къ римскому періоду, къ которому также несомнѣнно относятся немногіе черепки отъ посуды: найденные фрагменты принадлежатъ къ издѣліямъ изъ «terra sigillata», и хотя такая terra sigillata попадается, а можетъ быть и фабрикуется въ Малой Азіи въ періодъ еще римской республики, но сохраненные въ коллекціи Его Императорскаго Высочества черепки по тонкости работы и характеру рельефнаго украшенія могутъ быть сопоставлены только съ арретійскимъ товаромъ. Остальные мелкія предметы по своему характеру не пригодны, чтобы на основаніи ихъ установить опредѣленную дату, а «гвоздь» айтодорскихъ раскопокъ, превосходная бронзовая статуэтка нагого молодаго сатира, по стилю работы и очертаніямъ головы, указываетъ также на римскій періодъ. Пока такимъ образомъ признаковъ нѣтъ, что въ Айтодорѣ существовало уже поселеніе въ доримскій періодъ.

Выраженіемъ глубокой благодарности Его Императорскому Высочеству Александру Михайловичу, давшему мнѣ любезное разрѣшеніе ознакомиться съ его интересной коллекціей и сообщить о ней членамъ нашего Общества, я заканчиваю настоящій краткій отчетъ.

II.

При планировкѣ Жеваховой горы (между Хаджибейскимъ и Андреевскимъ лиманами) найдены, помимо превосходно сохранившейся челюсти мамонта и другихъ мамонтовыхъ костей, и двѣ греческія остроконечныя амфоры. Владѣлецъ Жеваховой горы, А. И. Тработти далъ мнѣ знать объ этой находкѣ и я отправился къ нему, чтобъ осмотрѣть амфоры; одна изъ нихъ безъ ручекъ, другая же превосходно сохранилась и имѣетъ на горлышкѣ штемпель:

ΣΙΜΟΕΓΙ т. е. Σίμο(υ) ἐπὶ
ΣΤΥΦΩΝΟΣ Στύφωνος[1]).

Это, правда, не первая находка предметовъ греческаго періода на нашемъ Хаджибейскомъ лиманѣ; 21 сентября 1891 года С. И. Чахотинымъ пожертвованъ былъ въ нашъ музей обломокъ барельефа, найденный лѣтъ 20 тому назадъ, по заявленію жертвователя, на дачѣ между Хаджибейскимъ и Андреевскимъ лиманами, а затѣмъ на хуторѣ Пантелеевкѣ, расположенномъ также на лѣвой сторонѣ Хаджибейскаго лимана и придалежащемъ д. ч. нашего Общества П. А. Маврогордато, также откопаны двѣ простыхъ амфоры обыкновенной остроконечной формы. Но археологическая важность новой находки на Жеваховой горѣ тѣмъ не менѣе неоспорима; теперь, когда открытіе предметовъ греческой старины на лѣвомъ берегу Хаджибейскаго лимана не составляетъ болѣе единичнаго явленія, а напротивъ эти предметы найдены въ разныхъ пунктахъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, нельзя уже говорить о томъ, что они случайно впослѣдствіи завезены сюда; если имѣть въ виду притомъ, что когда-то былъ найденъ якорь древней

---

[1]) При штемпеляхъ на горлѣ сосуда въ большинствѣ случаевъ имѣется имя горшечника въ родительномъ падежѣ и его отчество. Нерѣдко, однако, мы встрѣчаемъ имя горшечника въ именительномъ падежѣ и затѣмъ имя магистрата въ сочетаніи съ предлогомъ ἐπὶ—срв. Записки XVIII, стр. 154, № 11, стр. 155, № 16, стр. 133, № 1, стр. 143, № 49 и № 51, Записки VII, стр. 29, № 39, стр. 30, № 43 и № 46 и т. д. Наконецъ, бываютъ случаи, въ которыхъ имя горшечника поставлено въ родительномъ падежѣ, а затѣмъ слѣдуетъ имя магистрата съ предлогомъ ἐπὶ—срв. Записки XVIII, стр. 158, № 39, стр. 160, № 52, стр. 162, № 68, стр. 164, № 80. Въ данномъ случаѣ можно сомнѣваться, нужно-ли считать ἐπὶ предлогомъ или составной частью имени, такъ какъ есть глаголъ ἐπιστόφω. Такіе сомнительные случаи мы имѣемъ и Зап. XVIII, стр. 162, № 68 и стр. 164, № 81, гдѣ В. Н. Юргевичъ ἐπὶ считаетъ предлогомъ, между тѣмъ какъ вмѣсто ἐπὶ Λύκω(νος) можно читать также Ἐπιλύκωνος (срв. Аристотелевское Ἐπιλυκείων). Оставляя въ нашемъ случаѣ вопросъ открытымъ, думаю однако, что предложенное мною въ текстѣ чтеніе является болѣе вѣроятнымъ. Мѣста фабрикаціи амфоры по штемпелю установить нельзя; что касается времени, то амфора принадлежитъ V вѣку.

формы въ Хаджибейскомъ лиманѣ—гдѣ онъ остался, я установить не могу,—то слѣдуетъ полагать, что въ старину греческія суда заходили въ Хаджибейскій лиманъ и что на лѣвой сторонѣ его былъ складочный пунктъ; древніе греки завозили сюда свои товары,—вино, керамическія издѣлія, и въ замѣнъ того грузили здѣсь хлѣбъ. О постоянномъ поселеніи едва-ли можно думать; но надо надѣяться, что земляныя работы, связанныя съ превращеніемъ этого заброшеннаго берега въ новый курортъ, дадутъ намъ еще новый матеріалъ для выясненія истиннаго значенія этого древняго складочнаго пункта.

III.

Доставленные г. Іосифомъ Абрамовичемъ Ага древности найдены при впаденіи рѣки Березки въ Ингулъ. Эти предметы заключаются, какъ выше уже сказано, въ грубой чашкѣ, или скорѣе крышкѣ отъ сосуда; кнопка этой крышки сверху имѣетъ углубленіе, а съ обѣихъ сторонъ она горизонтально на половину просверлена; повидимому, здѣсь прикрѣплена была свинцовая дужка, какъ мы иногда видимъ при античныхъ сосудахъ. Корпусъ крышки украшенъ черными вертикальными штрихами. Эта крышка найдена подъ плитой, обложенной кругомъ камнями; она стояла ребромъ; передъ этимъ сосудомъ лежалъ грубый кусокъ гипса, которому примитивнымъ образомъ приданъ видъ голова кошки или льва (можетъ быть и совы); два углубленія означаютъ глаза, вертикальная черта носъ, двѣ маленькія точки—ноздри. Съ другой стороны передъ сосудомъ былъ коническій кусокъ красной краски, обработанный въ видѣ терки. Это кусокъ такой же краски, которою, какъ извѣстно, часто раскрашены черепа и кости въ могилахъ кочевниковъ, какъ въ Крыму, такъ и на большомъ районѣ юга Россіи. Но мы здѣсь имѣемъ дѣло не съ могильной находкой, такъ какъ на всемъ протяженіи этой обложенной камнями площадки не найдено ни малѣйшей кости, ни другого слѣда погребенія. Предположеніе, высказанное г. Ага, что эта площадка представляла собою мѣсто для жертвоприношенія, не лишено нѣкоторой вѣроятности; въ такомъ случаѣ возможно было-бы считать эту кошачую головку—идоломъ. Но, конечно, необходимо изслѣдовать всю мѣстность вполнѣ тщательно и произвести тамъ строго научныя раскопки, раньше чѣмъ прійдти къ какому нибудь заключенію насчетъ этого вопроса. Во всякомъ случаѣ эти грубыя вещицы не лишены археологическаго интереса и желательно, чтобы всякій такой матеріалъ, къ которому у насъ относятся еще обыкновенно съ пренебреженіемъ, былъ тщательно зарегистрированъ и собранъ.

IV.

Въ заключеніе этого обзора археологическихъ новинокъ у насъ считаю долгомъ указать на одну новую фальсификацію. Это ольвійскій золотой статеръ, единственный подлинный экземпляръ котораго находится въ Парижѣ. Такъ какъ эта монета въ коллекціи Бурачкова оцѣнена въ 4000 франковъ и другаго экземпляра при раскопкахъ въ Ольвіи пока не найдено, то наши фальсификаторы уже давно рѣшились пополнить этотъ пробѣлъ, удовлетворивъ желанію коллекціонеровъ имѣть эту монету, и притомъ заработать хорошія деньги. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ изготовленъ былъ одинъ золотой статеръ, который и попалъ въ коллекцію господина К., но работа была довольно неудовлетворительна. Теперь г. Л. Гаухманъ передалъ мнѣ новый экземпляръ этого статера для отправки А. Л. Бертье-Делагарду, чтобы тотъ рѣшилъ «хороша-ли монета»? «Неизвѣстный» владѣлецъ желаетъ имѣть 100 р. за нее. Работа этого статера очень порядочна, монета хорошо штампована, но, къ счастью, фальсификація можетъ быть наглядно доказана. Дѣло именно въ слѣдующемъ: Рисовальщикъ Бурачкова допустилъ одну смѣшную ошибку, которой Бурачковъ не доглядѣлъ. Изданіе же Бурачкова служило источникомъ для изготовленія штампа, и поэтому ошибка повторена на новомъ, въ общемъ порядочно сдѣланномъ экземплярѣ. Въ чемъ заключается эта ошибка, я здѣсь конечно не скажу; иначе скоро на рынкѣ могутъ явится экземпляры, въ которыхъ эта ошибка будетъ исправлена и тогда почти невозможно будетъ установить поддѣлку. Пусть эти строки послужатъ предостереженіемъ для всѣхъ собирателей мѣстныхъ древностей.

V.

Въ прошломъ засѣданіи я предъявилъ Обществу бронзовый «ибисъ» изъ Ольвіи; по моей просьбѣ, профессоръ П. Г. Меликовъ анализировалъ сплавъ, изъ котораго сдѣланъ ибисъ. Результаты этого анализа позволяю себѣ здѣсь сообщить.

«Сообщаю Вамъ результаты анализа «ибиса»: кусокъ сплава, взятый мною для анализа, былъ сильно окисленъ; послѣ отдѣленія окисей осталось для анализа около 0,40 гр. Цвѣтъ сплава красноватый, съ желтымъ отливомъ. Анализъ:

Мѣдь . . .	60,1%
Олово . . .	3,5%
Свинецъ . .	20,2%

Кромѣ того въ сплавѣ заключается небольшое количество цинка; послѣдній не былъ опредѣленъ за неимѣніемъ матеріала. Сумма составляетъ 83,8%. Разница эта обусловливается тѣмъ, что мнѣ не удалось вполнѣ отдѣлить сплавъ отъ окисей. Кромѣ того, цинкъ не былъ опредѣленъ.

Прибавленіе свинца имѣетъ цѣлью облегчить отливку и отдѣлку. Для удешевленія увеличиваютъ содержаніе свинца». *П. Меликовъ.*

Сообщилъ *Э. фонъ-Штернъ.*

343 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

30-го Мая 1902 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены: *А. Н. Деревицкій*, *А. Е. Егоровъ*, *П. А. Ивановъ*, *В. М. Истринъ*, *А. А. Кочубинскій*, *В. В. Латышевъ*, *Н. И. Ленцъ*, *А. В. Лонгиновъ*, *В. Н. Мочульскій*, *М. Ѳ. Никоновъ*, *А. А. Павловскій*, *С. Д. Пападимитріу*, *Г. И. Перетятковичъ*, *С. А. Селивановъ*, *Е. Н. Щепкинъ*, *Х. П. Ящуржинскій* и членъ-корреспондентъ *В. Н. Никифоровъ*.

Слушали:

I. Докладъ Совѣта о томъ, что 2 мая с. г. д. ч. В. В. Шкорпиломъ сданъ, а д. ч. А. А. Диринымъ принятъ въ свое вѣдѣніе, согласно постановленію Общества отъ 4 марта с. г. (см. Журналъ 341 засѣданія п. 12), Мелекъ-Чесменскій Курганъ (въ г. Керчи) съ музеемъ; при чемъ все оказалось въ исправности.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

II. Докладъ Коммссіи, избранной въ засѣданіи Общества 26 апрѣля с. г. по вопросу о международномъ обмѣнѣ изданій по части наукъ и художествъ (см. Журналъ 342 засѣданія п. 17). Изъ доклада этого усматривается, что Общество получаетъ въ обмѣнъ на свои изданія слѣдующія:

I. Бельгійскія:

1) Revue belge de numismatique.
2) Annales de l'Academie d'Archéologie de Belgique.

II. Итальянскія:

1) Annali dell' Instituto di corrispondenza Archeologica. Roma.

III. Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ:

1) Contributions to North American Ethnology. Washington.

2) Report annual of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution. Washington.

3) Papers-occasional of the Boston Society of Natural History. Boston.

4) Report annual of the board of regents of the Smithsonian Institution for the year. 1890. Washington.

5) Free Museum of Science und Art Departament of Archeology University of Pensilvania.

IV. Французскія:

1) Memoires de l'Institut National des Sciences et Arts. Paris.

2) Revue Archéologique. Publies par les principaux arhéologues français et etrangers. Paris.

3) Revue de Synthèse Historique. Paris.

V. Шведскія и Норвежскія:

1) Foreningen til Norske Fortidsmindes-merkers Bevaring. Kristiania.

2) Antiquarisk Tidskrift för Sverige utgifren an kongl. Vitterhefts Historie och Antiquites Akademien. Stockholm.

Затѣмъ Коммиссія считала бы желательнымъ полученіе въ обмѣнъ за изданія Общества слѣдующихъ французскихъ изданій: Revue Archéologique, Bulletin de Correspondence Hellenique, Revue Historique и Revue Critique.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Коммиссіи.

III. Заявленіе предсѣдательствующаго, что имъ, совмѣстно съ д.д. ч.ч. Л. Ф. Бруномъ, О. Г. фонъ-Гаазе, П. А. Ивановымъ, А. А. Кочубинскимъ, В. В. Латышевымъ, П. А. Мавродордато, А. И. Маркевичемъ, С. Д. Пападимитріу, С. А. Селивановымъ и чл. корр. Е. В. Князевымъ, совершена была 24—27 мая экскурсія въ с. Парутино (гдѣ была Ольвія) и на островъ Березань. О пріобрѣтеніяхъ, сдѣланныхъ въ Парутинѣ, и о раскопкахъ на островѣ Березани сообщено будетъ особо. Экскурсія эта была очень удачна, благодаря содѣйствію д. ч. М. Ѳ. Никонова, а также г. пристава г. Очакова и его помощника.

Постановили: Благодарить д. ч. М. Ѳ. Никонова въ настоящемъ засѣданіи и выразить благодарность г. директору Русскаго Общества Пароходства и Торговли О. Л. Радлову, а также г. приставу г. Очакова и его помощнику.

IV. Отношеніе Общества Естествоиспытателей при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ отъ 13 мая с. г. за № 435, о подпискѣ на образованіе стипендіи въ память знаменитаго ученаго А. О. Ковалевскаго, при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ, съ приложеніемъ подписного листа.

Постановили: Выставить подписной листъ въ музеѣ Общества.

V. Секретарь предъявилъ книги, поступившія въ Общество за послѣднее время.

Списокъ книгъ:

1) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, годъ LXIX. Кн. 4-я. Казань 1902.

2) Извѣстія Императорскаго Томскаго Университета. Кн. XX. Томскъ. 1902 г.

3) Древности. Труды Славянской Коммиссіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, т. III. Москва. 1902.

4) Труды Первой Ученой Архивной Коммиссіи, вып. V. Пермь. 1902.

5) Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества, т. XII. 1901, № 6, т. XII, приложенія. Спб. 1092.

6) Отчетъ Церковно-Историческаго и Археологическаго Общества при Кіевской Духовной Академіи за 1901 г. Кіевъ. 1902.

7) Памятники древней письменности и искусства. CXLVI.

Отчеты о засѣданіяхъ Императорскаго Общества любителей древней письменности въ 1900–1901 году, съ приложеніями. 1902 г.

8) Наша желѣзнодорожная политика по документамъ Архива Комитета Министровъ, т. I, II. Изданіе канцеляріи Комитета Министровъ. Спб. 1902 г.

9) Отчетъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1901 г. Спб. 1902 г.

10) Слѣды народной библіи въ славянской и въ древне-русской письменности, изслѣдованіе В. Мочульскаго. Одесса. 1893 г.

11) Апокрифическое житіе Ап. Петра. В. Н. Мочульскій.

12) Апокрифическій элементъ въ «Вопросахъ и отвѣтахъ Св. Аѳанасія къ кн. Антіоху». В. Н. Мочульскій. Одесса. 1900 г.

13) Греческіе списки такъ называемой «Бесѣды трехъ святителей». В. Мочульскій. Варшава 1901.

14) Малороссійскія и петербургскія повѣсти Н. В. Гоголя. В. Н. Мочульскій. Одесса. 1902.

15) Къ исторіи малорусскаго нарѣчія. Житіе св. Савы Освященнаго по пергаменной рукописи XIII. В. Мочульскій. Одесса. 1894 г. (№№ 10—15 отъ автора).

16) Sitzungsberichte der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Ostseeprovinzen Russlands aus dem Jahre 1901. Riga. 1902.

17) Bulletin of the New-Iork public Library. Volume VI. Number 5. New-Iork.

18) Annual Report of the bureau of American Etnology. J. W. Powell. 1896—97. part. 2. Washington. 1899.

19) Annual Report of the Smithsonian Institution. 1900. Washington city. 1901.

Постановили: Передать въ библіотеку.

VI. Хранитель музея предъявилъ вещи, поступившія за послѣднее время въ Общество.

Получены въ даръ отъ Вице-президента Общества А. Л. Бертье-Делагарда:

Монеты:

1) Bithynia Nicaea. Gordian III.
2) Bithynia Nicomedia. Antoninus Pius.
3) Bithynia Nicaea. Alex. Severus.
4) Bithynia Nicomedia.
5) Moesia, Nicopolis.

Отъ г. Е. А. Шуманскаго:

Монеты:

1) Амастрія.
2 и 3) Мегара.
4) Мессабрія.
5) Анхіалъ.

Гравюра, изображающая взятіе Очакова кн. Потемкинымъ.

Отъ А. Н. Спѣшнева (черезъ секретаря Общества).

Заявленіе (Дипломъ) на французскомъ языкѣ, выданное Димитрію Беклешову, командиру эскадрона полка регулярныхъ украинскихъ козаковъ, отъ масоновъ Общества «des Amis réunis de la Nahe et du Rhin à l'O: de Creutznach», о томъ, что онъ Беклешовъ удостоенъ званія наставника (Maitre) въ засѣданіи Общества въ первый день, двѣнадцатаго мѣсяца, въ годъ отъ V. L. 5813. Дипломъ на пергаментѣ, съ гравированными изображеніями въ видѣ рамки, съ подписями и печатью сохранившейся.

Дим. Беклешовъ—родной братъ извѣстнаго Александра Андреевича Беклешова.

Отъ г. Л. Гаухманна:

Деревянное украшеніе саркофага въ видѣ à jour работаннаго раскрашеннаго дельфина.

Куплены г. казначеемъ П. А. Мавpогордато:

1) Краснофигурная лекана (IV вѣка); головы амазонокъ и грифона.

2) Кувшинъ съ высокой ручкой; изображеніе на лицевой сторонѣ (краснофигурный стиль) силенъ въ тирсомъ.

3) Арибаллъ съ изображеніемъ женщины.

4) Маленькая амфора съ двумя женскими головами (3 и 4 краснофиг. стиль IV вѣка).

5) Миска изъ синей египетской массы.

6) Красноглиняная лампочка съ изображеніемъ птицы. Всѣ вещи изъ Ольвіи; пріобрѣтены въ Николаевѣ.

Куплены: г. хранителемъ музея Э. Р. фонъ-Штерномъ:

1) Чернолаковый киликсъ: внутри вѣнокъ изъ бѣлаго и краснаго плюща, въ вѣнкѣ краснофигурная картина: Персей на Пегасѣ, IV в.

2) Блюдце съ омфаломъ въ срединѣ, на бѣломъ фонѣ красная птица и звѣри—коринѳская работа VI вѣка.

3) Простоглиняный кубокъ, желобчатый, на трехъ ножкахъ.

4 и 5) Два красныхъ «мегарскихъ» кубка.

6 и 7) Два скифоса, одинъ краснолаковый, другой темноглиняный съ бѣлымъ ожерельемъ на шеѣ.

8) Миска желтоглиняная съ красной полосой, іоническої работы.

9) Темноглиняная амбора съ рельефными обручами.

10) Глиняный алабастръ, покрытый бѣлой сѣтью.

11) Бронзовая ложка.

12) Бронзовой «strigilis».

13) Бронзовый предметъ неизвѣстнаго назначенія (вѣсы?).

14—16) Три бронзовыхъ иглы.

18—20) Три костяныхъ ложки и шпильки.

21—25) 5 фрагментовъ отъ костяной коробки.

26 и 27) Костяныя украшенія.

28 и 29) Два гипсовыхъ льва (plaque).

30) Plaque женской фигуры.

31—39) 9 кусковъ разноцвѣтной штукатурки отъ ольвійской гробницы.

40 и 41) Два кирпича съ штемпелемъ.

42—54) 12 амфорныхъ ручекъ и шеекъ съ штемпелями—изъ Ольвіи.

55 и 56) Два черноѳигурныхъ черепка.

57) Орнаменты отъ леканы: 2 фигуры, «graffito» ΠΟΛΥΓΝΩ [ΤΟΥ].

58) Фрагменты римскаго блюдца (terra sigillata).

59) Куски деревяннаго украшенія отъ саркофага.

60) 2 ручки бронзовыя отъ саркофага, который годъ тому назадъ поступила въ Одесскій музей.

61 и 62) Двѣ ольвійскихъ монеты (одинъ большой ассъ)

63) Кусокъ карниза кирпича (известняка); длина 5 см. выс. 3; овы; надъ овами тщательная надпись: ЕКАТΩ, подъ овами КАЛЛА.

Всѣ предметы изъ Ольвіи.

Постановили: Вещи передать въ музей. Жертвователей благодарить.

VII. Заключеніе Совѣта по вопросу о ремонтѣ бывшей Ѳеодосійской крѣпости, основанное на соображеніяхъ г. вице-президента Общества (см. Журналъ 342 засѣданія Общества п. 17). Совѣтъ предлагаетъ отвѣтить г. Таврическому губернатору, что первоначальное руководство ремонтомъ крѣпости могъ-бы взять на себя г. вице-президентъ Общества А. Л. Бертье-Делагардъ, а наблюденіе за дальнѣйшимъ ремонтомъ—хранитель Ѳеодосійскаго музея чл.-кор. Л. П. Колли.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

VIII. Заключеніе Совѣта по вопросу о гласисѣ бывшей Аккерманской крѣпости, основанное на переговорахъ, веденныхъ г. вице-президентомъ Общества А. Л. Бертье-Делагардомъ и д.д. ч.ч. А. А. Кочубинскимъ и А. И. Маркевичемъ въ г. Аккерманѣ съ городскимъ головой г. Бѣликовичемъ. (См. Журналъ 340 засѣданія Общества п. 19). Совѣтъ полагаетъ обратиться къ Аккерманскому Городскому Общественному Управленію со слѣдующими предложеніями:

1. Признать, что гласисъ крѣпости, разстояніемъ 25 саж. отъ крѣпостнаго рва, по направленію къ площади, какъ часть крѣпости, долженъ находиться въ вѣдѣніи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, за исключеніемъ той части гласиса, гдѣ уже находятся частныя постройки (такъ наз. Кавказъ), относительно которой Общество притязаній не заявляетъ.

2. Общество передаетъ гласисъ въ распоряженіе Аккерманскаго Городского Общественнаго Управленія на слѣдующихъ условіяхъ: а) Городское управленіе имѣетъ право устроить на гласисѣ мѣсто для гулянія, или иное общеполезное учрежденіе, но съ тѣмъ, чтобы за посѣщеніе ихъ платы не взымалось; б) Городское управленіе обязывается огородить гласисъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ паденіе съ него въ крѣпостной ровъ представляется опаснымъ.

3) Мѣсто, занятое керосиновыми резервуарами, считается состоящимъ въ вѣдѣніи Общества, какъ находящееся на мѣстѣ раскопаннаго гласиса; причемъ доходъ отъ аренды этого мѣста поступаетъ въ Общество и расходуется на нужды крѣпости.

Заключеніе Совѣта было въ подробностяхъ дополнено и разъяснено д. ч. А. А. Кочубинскимъ.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

IX. Ходатайство д. ч. П. А. Иванова о напечатаніи въ журналѣ настоящаго засѣданія новыхъ матерьяловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ послѣ уничтоженія Сѣчи, дополняющихъ сообщеніе П. А. Иванова, напечатанное въ приложеніи къ Журналу 341 засѣданія Общества.

Постановили: Разрѣшить печатаніе (за недостаткомъ времени будетъ напечатано въ приложеніи къ слѣдующему Журналу засѣданія Общества).

X. Сообщеніе д. ч. В В. Латышева: «Новыя греческія надписи, найденныя на югѣ Россіи».

Постановили: Благодарить референта за весьма интересное сообщеніе.

XI. Сообщеніе (предварительное) д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна о раскопкахъ его близъ г. Бѣльцъ. При этомъ референтъ указалъ на содѣйствіе, оказанное ему при раскопкахъ владѣльцами имѣнія Петрены Н. Н. и Е. К. Бузни и на необходимость продолжать эти раскопки, что онъ и намѣренъ сдѣлать осенью настоящаго года.

Постановили: Напечатать сообщеніе въ журналѣ настоящаго засѣданія и благодарить Н. Н. и Е. К. Бузни за ихъ содѣйствіе научной дѣятельности Общества.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Предварительное сообщеніе о раскопкахъ въ имѣніи Петрены, въ Бѣлецкомъ уѣздѣ, Бессарабской губерніи.

Осенью 1901 года госпожа Елена Константиновна Бузни, урожденная Писсаржевская, представила въ музей Общества черезъ посредство д. ч. В. Н. Пирогова маленькую глиняную миску, совсѣмъ покрытую известковой окисью. Эта довольно грубая мисочка найдена была въ ея имѣніи при земляныхъ работахъ. Зимой 1902 года Елена Константиновна пріѣхала въ Одессу и черезъ посредство д. ч. П. А. Иванова предложила Обществу произвести раскопки въ ея имѣніи; Общество мнѣ тогда поручило войти въ переговоры съ Еленой Константиновной, и изъ полученныхъ болѣе детальныхъ свѣдѣній выяснить, стоитъ-ли воспользоваться любезнымъ предложеніемъ владѣлицы имѣніемъ? При личномъ свиданіи съ Еленой Константиновной я узналъ, что при проведеніи рва по склону довольно высокаго плато для ограды виноградника найдены были разные черепки и обнаружены остатки какой-то кирпичной стѣны. Хотя я, не видавши глиняныхъ черепковъ, не могъ себѣ составить яснаго понятія о характерѣ этихъ находокъ и о времени, которому принадлежатъ найденные предметы, я тѣмъ не менѣе рѣшился изслѣдовать эту мѣстность, совершенно еще неизвѣстную въ археологическомъ отношеніи, и отправиться въ Петрены.

Имѣвши въ серединѣ мая нѣсколько дней въ своемъ распоряженіи, я девятаго вечеромъ выѣхалъ изъ Одессы и прибылъ десятаго послѣ обѣда къ мѣсту назначенія, гдѣ любезными хозяевами все уже было приготовлено, чтобы на слѣдующій день приступить къ работѣ. 11 мая утромъ рано Николай Николаевичъ Бузни поѣхалъ со мной къ вышеупомянутому винограднику, находящемуся верстахъ въ 10-ти отъ усадьбы «Петрены». Мѣстность эта представляетъ собою довольно высокую площадь, круто ниспадающую къ югу въ глубокую долину; по этой долинѣ протекаетъ безъименная рѣчка, высыхающая лѣтомъ; весеннія воды запружены въ двухъ довольно значительныхъ «ставкахъ», около которыхъ группируются хозяйственныя постройки, хлѣва и т. д. экономіи «Петрены». На склонѣ этой высокой площади къ долинѣ года три тому назадъ устроенъ виноградникъ, огороженный съ верхней стороны рвомъ; за этимъ рвомъ ведетъ проѣзжая для хозяйственныхъ цѣлей дорога, а за нею вся площадь до высшаго пункта ея представляетъ собою обработанное поле, въ настоящее время засѣянное кукурузой. Видъ съ этой дороги и особенно съ высшей точки площади весьма красивъ: открывается широкій горизонтъ, ограниченный на югѣ, за долиной, двумя сторожевыми курганами, а на сѣверѣ новыми площадями и «балками», между тѣмъ какъ на востокъ и западъ тянутся далеко далеко необозримыя зеленыя поля.....

Я началъ раскопку на подошвѣ названнаго рва и расширилъ существовавшее углубленіе какъ по направленію къ винограднику, такъ и по направленію къ дорогѣ. Пробныя раскопки въ виноградникѣ дали отрицательный результатъ: здѣсь на разстояніи сажени отъ рва по скату внизъ въ долину уже прекращались всякія остатки культурныхъ наслоеній и слѣды древностей. За то въ самомъ рвѣ въ направленіи вверхъ къ дорогѣ такихъ слѣдовъ оказалось весьма много. На сравнительно небольшой глубинѣ—высокая отлогая мѣстность не допускаетъ образованія значительнаго наноснаго слоя—мы наткнулись на остатки кирпичныхъ стѣнъ, идущихъ по направленію отъ юга на сѣверъ; отдѣльныхъ кирпичей выдѣлить было почти невозможно, такъ какъ эти стѣны вмѣстѣ съ глиняной и отчасти съ извѣстковой штукатуркой погибли въ сильномъ пожарѣ и въ виду этого представляли собою одну сплошную пережженую массу. Подъ этими повалившимися стѣнками, отчасти и рядомъ съ ними находилась большая масса черепковъ отъ посуды; маленькія миски, блюдца, кубокъ и т. д. сохранились почти цѣльными; за то большіе горшки и кувшины были всѣ разбиты на много фрагментовъ. Посуда эта весьма своеобразна и характерна. Помимо простой и грубой посуды съ ушками, плотно прилегающими къ корпусу, такъ что можно протягивать только веревку для подвѣшиванія кувшина,—какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ древнихъ типовъ первобытнаго гончарнаго ремесла,—найдена преимущественно посуда

двухъ различныхъ въ техническомъ отношеніи видовъ; на изготовленныхъ изъ плотной красной глины сосудахъ нарисованы непосредственно на красномъ фонѣ лентообразные или геометрическіе орнаменты въ черной краскѣ; или же поверхность сосуда покрыта сначала блѣдно-желтоватымъ слоемъ фирнисовой краски и на этомъ слоѣ помѣщены довольно богатые и разнообразные орнаменты—весьма часто концентрическіе круги и спирали, исполненные въ черной, бурой и темно-красной краскахъ. Только на двухъ изъ раскопанныхъ мною въ этотъ день горшкахъ встрѣчается другая орнаментація; на одномъ изображеніе человѣка въ геометрическомъ стилѣ, на другомъ звѣря—не то козы, не то осла. Кромѣ этихъ сортовъ посуды нерѣдко попадались черепки съ вдавленной въ мягкую глину орнаментаціей—такъ называемый «шнуровый и палочный орнаменты». Къ этому роду посуды принадлежитъ вазочка-жардиньерка продолговатой формы на четырехъ ножкахъ; кромѣ этой орнаментаціи на верхнемъ краю эта хорошо сохранившаяся, но все таки пострадавшая отъ огня вазочка украшена еще рельефными круглыми выступами по бокамъ. Кромѣ посуды въ раскопанныхъ мною площадкахъ найдена была часть терракотовой фигурки—повидимому задняя половина кабана; раньше, по заявленію «правителя» имѣніемъ, при проведеніи рва раскопана была глиняная лошадка; къ сожалѣнію, дѣти, игравшія съ ней, ее неизвѣстно куда забросили. Дальше обнаружены половинки и части довольно значительныхъ размѣровъ каменныхъ молотковъ и топоровъ; сдѣлано это каменное орудіе изъ гранита, который вслѣдствіе сильнаго огня, какому оно было подвергнуто, сдѣлался весьма хрупкимъ. Наконецъ найдено еще четыре-пять кусковъ красной охры; одинъ кусокъ имѣлъ форму терки и видны на немъ еще отпечатки пальцевъ отъ руки, которая когда-то держала этотъ кусокъ, когда онъ былъ еще мягкимъ. Раскопки были произведены на четырехъ мѣстахъ вдоль по рву на протяженіи двухъ сотъ шаговъ: характеръ кирпичной кладки, слѣды пожара и свойство находимыхъ черепковъ и сосудовъ были вездѣ одинаковы. Мнѣ на этотъ разъ не суждено было здѣсь продолжать археологическое изслѣдованіе: въ слѣдующій день, воскресенье, шелъ безпрерывный дождь, а 13 мая, въ понедѣльникъ, разразилось нѣсколько грозъ подъ рядъ съ проливнымъ ливнемъ, такъ что въ мягкомъ черноземѣ немыслимо было болѣе копать. Я ограничился въ понедѣльникъ разрытіемъ одного кургана, въ которомъ, кромѣ плохо сохранившагося скелета, нѣсколькихъ черепковъ разбитой грубой посуды, верхняго обогнутаго края желѣзнаго котла, ничего не бы найдено, и во вторникъ утромъ рано отправился назадъ въ Одессу, такъ какъ не располагалъ болѣе свободнымъ временемъ. Но само собою разумѣется, я осенью снова отправлюсь въ Петрены, чтобы довести начатыя раскопки до конца. Какъ явствуетъ уже изъ этого краткаго предварительнаго описанія найденныхъ предме-

товъ, изслѣдованная мною мѣстность заслуживаетъ самаго большаго вниманія. Эти кирпичныя стѣны, каменное орудіе, своеобразныя формы сосудовъ и способъ орнаментаціи ихъ не оставляютъ сомнѣнія, что открытая здѣсь культура имѣетъ свою ближайшую аналогію въ любопытныхъ остаткахъ, которые найдены г. Хвойко на высокихъ отлогихъ берегахъ Днѣпра на большомъ протяженіи, въ особенности около Триполья. Сравненіе черепковъ изъ Петренъ и Триполья — особенно тѣхъ, на которыхъ орнаментація написана на свѣтло-желтомъ слоѣ, предварительно нанесенномъ на красную глину сосуда, показываетъ наглядно, что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ одинаковыми техническими и стилистическими пріемами. Въ Петренахъ, правда, пока отсутствуютъ характерныя «вазы-бинокли»; не найдено также большихъ грушеобразныхъ сосудовъ изъ желтой глины съ глубоко-врѣзанными орнаментами-спиралями; но не слѣдуетъ забывать, что развѣдочныя раскопки мои продолжались всего 10-ть часовъ и по всей вѣроятности въ будущемъ возможно разсчитывать на совершенно подобныя находки, какъ онѣ сдѣланы въ Триполье. Во всякомъ случаѣ совершенно одинаковая орнаментація сосудовъ, характерныя, какъ-бы врѣзанныя въ корпусъ сосуда ушки, кладка кирпичныхъ стѣнъ и т. д.— свидѣтельствуютъ, что мы въ Петренахъ имѣемъ отпрыскъ той доисторической и загадочной «культуры Хвойко», съ которой мы до сихъ поръ знакомы пока только по раскопкамъ на берегахъ Днѣпра. Открытіе этой же культуры въ Бессарабіи представляетъ собою шагъ впередъ въ опредѣленіи степени распространенности этой культуры, и этотъ въ высшей степени любопытный фактъ заставилъ меня сдѣлать уже теперь это предварительное сообщеніе, хотя раскопки только начаты и далеко еще не доведены до конца.

Д. ч. *Э. фонъ-Штернъ.*

344 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

23-го Сентября 1902 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены: *А. Е. Егоровъ*, *П. А. Ивановъ*, *А. А. Кочубинскій*, *Н. И. Ленцъ*, *И. А. Линниченко*, *А. В. Лончиновъ*, *В. Н. Мочульскій*, *М. Ѳ. Никоновъ*, *Г. И. Перетятковичъ*, *Х. П. Ящуржинскій* и гость *Б. А. Вахевичъ*.

Слушали:

I. Заявленіе предсѣдательствующаго о смерти почетнаго члена Общества Рудольфа Вирхова и дѣйствительныхъ членовъ А. Н. Неустрева, А. А. Андріевскаго, С. И. Старынкевича, В. К. Ерештетда и И. Ю. Вучины съ указаніемъ на значеніе этихъ лицъ.

Память усопшихъ членовъ почтили вставаніемъ.

II. Благодарность д. ч. В. В. Хвойка отъ 6 августа с. г. за доставленныя ему изданія Общества.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 22 іюня с. г. за № 1133 съ препровожденіемъ въ даръ Обществу серебрянаго монетнаго слитка, найденнаго близъ дер. Ивановки, Одоевскаго уѣзда, Тульской губ.

Постановили: Благодарить Императорскую Археологическую Коммиссію.

IV. Письмо г. П. Воронова съ приложеніемъ приносимыхъ имъ въ даръ Обществу: подлиннаго плана порта и рейда г. Бона въ 1782 г. и копіи съ старинной картины, изображающей взятіе Константинополя турками.

Постановили: Благодарить жертвователя; планъ и рисунокъ передать въ Музей.

V. Представленный секретаремъ Общества списокъ книгъ, поступившихъ въ Общество съ 30 мая с. г. по 23 сентября:

1) Извѣстія Императорской Академіи наукъ, т. XV, № 5; т. XVI, № 1, 2, 3. Спб. 1901, 1902.

2) Записки историко-филологическаго факультета Императорскаго С.-Петербургскаго Университета, ч. LXIV, ч. LXV, вып I, II, ч. LXVI.

3) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, годъ LXIX. Кн. 5. 6. Казань. 1902.

4) Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета. № 2, 3. Юрьевъ. 1902.

5) Личный Составъ Императорскаго Юрьевскаго Университета къ 15-го Октября 1901 г. Юрьевъ. 1901.

6) Обозрѣніе лекцій въ Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ 1901. II семестръ; 1902. I семестръ. Юрьевъ. 1901, 1902.

7) Варшавскія Университетскія Извѣстія. 1902, IV. Варшава. 1902.

8) Извѣстія Императорской Археологической Коммиссіи, вып. 1, 2. Спб. 1901, 1902.

9) Отчетъ Императорской Археологической Коммиссіи за 1899 г. Спб. 1902 г.

10) Древности Камской Чуди по коллекціи Теплоуховыхъ (матеріалы по археологіи Россіи, изд. Имп. Археологич. Коммис. № 26). Спб. 1902.

11) Записки восточнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества, т. XIV, вып. II—III. Спб. 1902.

12) Извѣстія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XXXVIII, вып. I. Спб. 1902.

13) Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XV. Кавказъ. 1902.

14) Записки Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Кн. XXII, вып. 5. Н. Я. Динникъ: Верховья Малой Лабы и Мзымты. Тифлисъ. 1902.

15) Отчеты о дѣятельности Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества за 1898, 1899, 1900, 1901 г.г. Омскъ. 1902.

16) Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Кн. XXIX. Омскъ. 1902.

17) Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 30. Тифлисъ. 1902 г.

18) Отечественная война 1812 г., т. III. (Матеріалы Военно-Ученаго Архива Главнаго Штаба). Спб. 1902.

19) Минусинскій публичный мѣстный музей, Ф. Я. Конъ: Историческій очеркъ Минусинскаго мѣстнаго музея за 25 лѣтъ (1877—1902). Казань. 1902.

20) Отчетъ по Минусинскому музею и общественной библіотекѣ за 1901 г. Красноярскъ. 1902.

21) Извѣстія Тамбовской Ученой Архивной Коммиссіи, вып. XLVI. Тамбовъ. 1902.

22) Труды Владимірской Ученой Архивной Коммиссіи, кн. IV. Владиміръ. 1902.

23) Государственное подвижное ополченіе Владимірской губерніи 1855—1856 гг. Владиміръ. 1900.

24) Чествованіе памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго въ губ. гор. Владимірѣ (22 и 23 Апрѣля 1902 г.). Изданіе Владимірской Ученой Архивн. Коммиссіи. Владиміръ на Клязьмѣ. 1902 г.

25) Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи—ред. С. Д. Яхонтова, т. XVI, вып. 3. 1901 г. Рязань. 1902 г.

26) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ съ 1876—1902 г. М. 1876—1902.

27) Чтенія въ Церковно-Историческомъ и Археологическомъ Обществѣ при Кіевской Духовной Академіи, вып. IV. Кіевъ. 1902.

28) Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Кн. XIV, вып. III; кн. XV, вып. I, II, III. 1901 г., вып. IV. 1902 г. Кіевъ.

29) Извѣстія Общества Любителей Изученія Кубанской Области, вып. III. В. Сысоева и А. Дьячкова-Тарасова. Екатеринобургъ. 1902 г.

30) Е. К. Рѣдинъ: Историко-филологическое Общество при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ за первыя двадцать пять лѣтъ его существованія (1877—1902). Харьковъ. 1902.

31) Историческій обзоръ дѣятельности Комитета Министровъ, т. II, ч. I, II. Спб. 1902.

32) Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ Лейтенантъ П. И Бѣлавенецъ. Севастополь. 1902.

33) Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьѣ Раскопки В. В. Хвойка въ 1899—1900 годахъ. С.-Петербургъ. 1901.

34) Къ вопросу о Славянахъ. В. Хвойка. Кіевъ. 1902.

35) Московскій Архивъ Министерства Юстиціи. Архивное Дѣло въ Россіи. Современное русское архивное нестроеніе. Управляющій архивомъ Д. Я. Самоквасовъ. 1852—1902. Книга I и II. М. 1902.

36) Собраніе Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднѣпровья. Эпоха славинская (VI—XIII в.). В. V. Кіевъ. 1902.

37) А. И. Маркевичъ. Акты Череповецкаго Воскресенскаго монастыря. Москва. 1902.

38) Отношенія В. А. Жуковскаго къ писателямъ и артистамъ. А. И. Маркевичъ. Одесса. 1902 г.

39) Описаніе Чернаго Моря и Татаріи, сост. доминиканецъ Эмиддіо Дортелли Д'Асколи. 1634. Одесса. 1902.

40) Покровская Церковь погоста Елинъ, Островскаго уѣзда, Псковской губ., и Елинскій приходъ. Псковъ. 1902 г.

41) Краткое свѣдѣніе о Дивногорскомъ Успенскомъ монастырѣ. Острогожскъ. 1899 г.

42) Жерела до історіи України-Руси, т. V. Львъ. 1901.

43) Записки наукового товариства імени Шевченка. Rik XI, кн. III, т. XLVII. Львъ. 1902.

44) Chronik der ukrainischen Ševčenko-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg, № 9. Lemb. 1962.

45) Kwartalnik Historyczny. Rocznik XVI—Zeszyt 1, 2. Lw. 1902.

46) Lud, organ Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie, т. VIII, Zeszyt 3. Lw. 1092.

47) Památky Archaeologické a Mistopisné: Dilu XIX, Roćnik 1900—1901; Dilu XIX, Šešit VII—VIII, Roku 1900; Dilu XIX, Sešit VI. Roku 1900; Dilu XX. Sešit I. Roku 1902. Pr. 1901, 1902.

48) Starożitnosti Země České. Dil II, Čechy na usvitě Dějin Svazak. I. Pr. 1902.

49) Rad Jugoslavenske Akademije znanosti. Knjica 148. U Zagrebu. 1902.

50) Ljetopis jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti za godinu 1901. U Zacrebu. 1902.

51) Vjestnik kr. Hrvatsko-slavonsko-dalmatinskog zemalyskog arkiva Zagr. 1902.

52) Bulletino di Archeologia e storia Dalmata. Anno XXV. Spalato. 1902.

53) A Trip to the veddahs of Ceylon.

54) Bulletin of the Nev-York Public. Library. Volum VI. № 7. New-York. 1902.

Постановили: Книги передать въ библіотеку Общества.

VI. Предоставленныя хранителемъ музея вещи, поступившія въ Общество съ 30 мая с. г. по 23 сентября:

Отъ г. Вице-президента Общества А. Л. Бертье-Делагарда:

1) Половина креста-складня, найденнаго около г. Казани.

2) Половина маленькаго креста-складня изъ Херсонеса.

3) Двѣ свинцовыхъ печати изъ Херсонеса.

4) Три мѣдныхъ кольца изъ Херсонеса.

5) Мѣдная игла.

6) Два мѣдныхъ изображенія мечей.

Пріобрѣтены для музея:

1) Греческая миска коринѳскаго стиля (VII/VI) вѣка до Р. Х.; между розетками на фразѣ вокругъ всего корпуса миски изображены звѣри съ длинными туловищами.

2) Глиняный алабастръ іонической работы. На двухъ фризахъ изображены воины съ круглыми щитами. Лица сработаны при помощи рѣзца; фонъ свѣтлый, щиты красные; гвозди на краю щита обозначены бѣлыми точками. VI в.

3) Маленькій чернофигурный ликиѳъ аттической работы VI вѣка; на бѣломъ фонѣ возница на колесницѣ съ четверкой лошадей; на плечахъ сосуда (желтый фонъ) два черныхъ льва.

Всѣ предметы изъ Березани и изъ Ольвіи.

4) Фрагментъ персидскаго сосуда; изъ Аккермана.

Постановили: Вещи передать въ музей Общества.

VII. Извѣщеніе отъ Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отъ 25 августа с. г. за № 1114 о томъ, что 30 іюня с. г. исполнилось 25 лѣтъ со дня учрежденія этого Отдѣла, но празднованіе юбилея перенесено на «Сибирскій день»—26 октября.

Постановили: Послать привѣтственную телеграмму.

VIII. Прошеніе арендатора территоріи бывшей Аккерманской крѣпости г. Муза отъ 28 іюля с. г. о разрѣшеніи ему внести арендную плату по полугодно. Запрошенный Совѣтомъ относительно этого завѣдующій бывшей крѣпостью ч.-к. Ѳ. М. Кречунъ къ тому препятствій не встрѣчаетъ. Таково же и заключеніе Совѣта.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

IX. Слѣдующее предложеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 12 сентября с. г. за № 1798.

«Въ виду близкой связи, существующей между историческими и археологическими интересами Екатеринославской губ. и остальнымъ Югомъ Россіи, Императорское Московское Археологическое Общество имѣетъ честь обратиться къ Одесскому Обществу Исторіи и Древностей съ покорнѣйшею просьбою не оставить безъ вниманія того обстоятельства, что будущій XIII Археологическій Съѣздъ пріурочивается къ г. Екатеринославу, что предварительный комитетъ по его устройству будетъ созванъ въ январѣ наступающаго года и что весьма желательно, чтобы къ этому времени представители южныхъ университетовъ и обществъ подготовили указанія и программу, которую желательно было бы предложить для исполненія представителямъ г. Екатеринослава.

Предсѣдатель Графиня *Уварова.*

Секретарь *В. Трутовскій.*»

Постановили: Принять къ свѣдѣнію и просить гг. членовъ Общества, предполагающихъ быть на предварительномъ съѣздѣ, озаботиться исполненіемъ предложенія И. Московскаго Археологическаго Общества.

X. Слѣдующій докладъ д. ч. И. П. Щелкова Обществу отъ 9 сентября с. г. по дѣлу о возобновленіи межъ дачи бывшей Судакской крѣпости.

«Имѣю честь довести до свѣдѣнія Совѣта, что 2-го и 6-го тек. сентября произведено возстановленіе межъ земли, принадлежащей Судакской крѣпости. Начавъ съ точки, лежащей на морскомъ берегу къ западу отъ крѣпости, землемѣръ Здановскій обошелъ послѣдовательно всю межу вплоть до моря на востокѣ и югѣ отъ нея, возобновивъ межевыя ямы и поставивъ 12 новыхъ межевыхъ столбовъ, такъ какъ изъ прежнихъ не осталось ни одного.

Когда была провѣшена линія, идущая по границѣ земли крѣпости съ землею сосѣднихъ владѣльцевъ—гг. Шпрайгера и Капона, то обнаружилось, что ими захвачена часть земли, несомнѣнно принадлежащая крѣпости. Такъ какъ никакихъ слѣдовъ межевыхъ знаковъ не существовало, то весьма естественно, что эти владѣльцы считали границею крѣпости земли подножіе скалы, что не совпадаетъ съ дѣйствительною межою, участокъ, прихваченный г. Капономъ, имѣетъ 148,8 кв. саж., а у г. Шпрайгера, по исчисленію землемѣра, 66,7 кв. саж. Послѣдняя цифра кажется мнѣ не совсѣмъ достовѣрною; но это можетъ быть выяснено только сношеніемъ съ г. Шпрайгеромъ».

Совѣтъ предлагаетъ войти съ ходатайствомъ въ Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ о понужденіи гг. Капона и Шпрай-

гера къ возвращенію захваченныхъ ими участковъ земли; д. ч. И. П. Щелкова же благодарить за его труды.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

XI. Письмо г. Вице-президента Общества А. Л. Бертье-Делагарда отъ 9 августа с. г. съ приложеніемъ ходатайства передъ Обществомъ священника Судакской Покровской церкви В. Ф. Томкевича о разрѣшеніи ему возобновить церковь Свв. Апостоловъ въ г. Судакѣ. Г. Вице-президентъ даетъ относительно этого проэкта благопріятное заключеніе.

Для рѣшенія настоящаго дѣла Совѣтъ считаетъ нужнымъ предварительно выяснить всѣ мѣстныя условія.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ совѣта.

XII. Докладъ дд. чч. А. А. Кочубинскаго и А. И. Маркевича отъ 31 мая с. г. о состояніи бывшей Хотинской крѣпости съ предложеніемъ ходатайствовать о передачѣ таковой въ вѣдѣніе Общества.

Составъ полагаетъ, что такая передача желательна, но лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы находящаяся въ крѣпости церковь оставалась въ вѣдѣніи епархіальнаго начальства.

Постановили: Напечатать докладъ въ приложеніи къ журналу настоящаго засѣданія (см. Приложеніе I) и препроводить къ гг. членамъ Общества, обсудивъ затѣмъ докладъ въ одномъ изъ слѣдующихъ засѣданій; А. А. Кочубинскаго и А. И. Маркевича благодарить за ихъ труды, что исполнено было въ настоящемъ же засѣданіи.

XIII. Предложеніе Совѣта объ избраніи, на основаніи § 8 уст. Общества, доктора Владиміра Густавовича Дибольда (въ Хотинѣ) и священника Валентина Фортунатовича Томкевича (въ Судакѣ) въ члены-корреспонденты Общества.

Постановили: Отложить выборы до слѣдующаго засѣданія.

XIV. Сообщеніе д. ч. Э фонъ-Штерна о Ольвійскихъ надписяхъ въ коллекціи д. ч. А. Ф. Фогеля въ г. Николаевѣ.

Постановили: Напечатать сообщеніе въ приложеніи къ журналу настоящаго засѣданія (см. Приложеніе II).

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Докладъ дд. чч. А. А. Кочубинскаго и А. И. Маркевича о поѣздкѣ ихъ для осмотра бывшей Хотинской крѣпости.

Прежде всего считаемъ нужнымъ напомнить, что 11 ноября 1900 г. Правленіе Зарожанскаго Промышленнаго Товарищества, находящагося возлѣ г. Хотина, обратилось съ заявленіемъ къ Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей о постепенномъ разрушеніи бывшей Хотинской крѣпости и съ указаніемъ, что Обществу слѣдовало бы принять на себя ея дальнѣйшую охрану. Заслушавъ означенное заявленіе, Общество поручило своему секретарю собрать предварительныя справки о положеніи крѣпости и въ чьемъ завѣдываніи она въ настоящее время состоитъ, съ тѣмъ чтобы, въ случаѣ полученія благопріятныхъ свѣдѣній, послана была лѣтомъ 1901 г. коммиссія изъ членовъ Общества для выясненія на мѣстѣ положенія бывшей Хотинской крѣпости, а также и вопроса о томъ, представляется ли возможнымъ и желательнымъ возбужденіе ходатайства о передачѣ ея во владѣніе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Секретаремъ Общества выяснено было слѣдующее:

Зданія упраздненной Хотинской крѣпости, за исключеніемъ бывшаго провіантскаго магазина, съ караулкою при немъ, находящихся въ вѣдѣніи инженернаго вѣдомства и занятыхъ нынѣ обозомъ 1-го Волгскаго казачьяго полка, принадлежатъ Министерству Внутреннихъ Дѣлъ и находятся въ ближайшемъ завѣдываніи Бессарабскаго Губернскаго Правленія; непосредственный же надзоръ за цѣлостью зданій порученъ имъ Хотинскому уѣздному полицейскому управленію.

Въ то же время секретаремъ Общества получены были частныя указанія, что бывшая Хотинская крѣпость совершенно разорена; при чемъ были обычныя въ такихъ случаяхъ, хотя, разумѣется, и не всегда справедливыя обвиненія, что бо́льшинство фундаментовъ, цоколей, крыльецъ въ домахъ г. Хотина, особенно его нотаблей, сдѣлано изъ гранитной облицовки крѣпости и изъ плитъ со старинными турецкими надписями.

Далѣе выяснилось, что въ 1888 году г. Хотиномъ возбуждено было ходатайство о продажѣ нѣкоторыхъ зданій упраздненной крѣпости на сносъ и о передачѣ другихъ въ вѣдѣніе г. Хотина. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ снеслось относительно этого съ Военнымъ Министерствомъ, которое первоначально просило повременить разрѣшеніемъ этого вопроса, а затѣмъ увѣдомило, что съ весны 1899 г. зданія крѣпости будутъ заняты

нѣкоторыми частями войскъ (что, какъ указано выше, и было исполнено) и поэтому никакого вопроса объ отчужденіи зданій и состоящей при нихъ земли въ настоящее время не можетъ быть возбуждаемо.

При этомъ оказывается, что въ томъ же 1888 г. составленъ былъ чинами военнаго вѣдомства даже протоколъ о расхищеніи крѣпостнаго матерьяла, оставшійся, впрочемъ, безъ послѣдствій.

Въ такомъ положеніи находилась бывшая Хотинская крѣпость до послѣдняго времени. Въ 1899 г. Уманская инженерная дистанція (Кіевскаго военнаго округа, къ коему отнесенъ и г. Хотинъ) предлагала Императорскому Археологическому Обществу взять на себя охрану этой крѣпости, но отвѣта не получила.

Въ концѣ 1899 г. командиръ I Волгскаго коннаго полка, штабъ котораго находится въ г. Хотинѣ, поднялъ вопросъ о приспособленіи зданій крѣпости для штаба и части полка, предлагая за небольшую сумму мелкимъ ремонтомъ сдѣлать такое приспособленіе. Записка объ этомъ препровождена была на заключеніе инженернаго вѣдоства и въ 1900 г. Уманская инженерная дистанція опредѣлила, что на такое приспособленіе крѣпости потребовалось бы свыше 220,000 руб.; причемъ нужно разобрать всѣ зданія до фундамента; мѣсто-же здѣсь тѣсное и неудобное, съ большими уклонами. Кромѣ того, Уманская дистанція полагала, что, въ виду археологическаго значенія цитадели трогать ее крайне нежелательно.

По всей вѣроятности, эти предположенія стали извѣстны правленію Зарожанскаго промышленнаго товарищества, которое тогда и обратилось въ наше Общество съ указаннымъ выше заявленіемъ.

Выясненные факты давали основаніе полагать, что передача бывшей Хотинской крѣпости въ вѣдѣніе нашего Общества не только не встрѣтитъ препятствія со стороны Инженернаго вѣдомства, но таковое даже окажетъ помощь Обществу въ этомъ отношеніи. Едва ли будетъ противодѣйствовать и Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, для котораго крѣпость эта иного, кромѣ археологическаго, интереса не представляетъ; между тѣмъ какъ Министерство это въ послѣднее время объ охраненіи отечественныхъ древностей чрезвычайно заботится, что показываетъ спеціальный о томъ циркуляръ покойнаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ Д. С. Сипягина. Даже г. Хотину выгодно, если составляющая главную его достопримѣчательность —бывшая крѣпость приведется въ удобное для ея посѣщенія учеными и туристами состояніе. Оставалось только выяснить, въ какомъ положеніи крѣпость теперь и во что могутъ обойтись Обществу ея ремонтъ и охрана? Съ цѣлью выясненія всего этого Совѣтъ Общества, руководясь его постановленіемъ, и поручилъ намъ въ теченіи лѣта 1901 г. осмотрѣть бывшую Хотинскую крѣпость и затѣмъ сдѣлать соотвѣтственный докладъ Обществу, что̀ мы этимъ и исполняемъ.

Выѣхали мы изъ Одессы 22 іюня 1901 г. вечеромъ по желѣзной дорогѣ на Проскуровъ; хотя этотъ путь нѣсколько и длиннѣе чѣмъ на ст. Ларгу, но мы желали познакомиться на мѣстѣ съ древностями г. Каменца-Подольскаго и въ особенности съ его нѣкогда знаменитою, а нынѣ тоже упраздненною, крѣпостью, относительно которой, быть можетъ, въ нашемъ Обществѣ будетъ особая рѣчь. Въ Проскуровъ (древній Плоскиревъ) прибыли мы утромъ 23 іюня и тотчасъ же отправились на почтовыхъ въ г. Каменецъ по очень живописному шоссе, черезъ большія торгово промышленныя мѣстечки: Ярмолинцы и Дунаевцы. Проѣхавъ по шоссе 90 верстъ, мы прибыли въ Каменецъ подъ вечеръ 23 іюня. Городъ въ это время находился въ необыкновенномъ оживленіи, толпа шла за толпой изъ новаго города, черезъ мостъ на р. Смотричъ, въ старый; улицы города были запружены народомъ, медленно двигавшимся изъ одной церкви въ другую: былъ канунъ празднованія Рождества Св. Іоанна Предтечи, а это едва ли не главный мѣстный праздникъ, сопровождаемый значительною ярмаркою мѣстныхъ произведеній. Интересно, что жители города и окрестныхъ мѣстъ называютъ день 24 іюня—«праздникомъ Иванця́»; причемъ въ этихъ словахъ нѣтъ и признака неуваженія къ столь чтимому святому, память котораго въ этотъ день празднуется.

Вечеръ 23 и утро 24 іюня мы посвятили осмотру Каменца. Сколько нибудь обстоятельное обозрѣніе его храмовъ, какъ православныхъ, такъ и римско-католическихъ, было немыслимо, въ виду массы богомольцевъ обоихъ исповѣданій, прибывшихъ на «Иванця» не только изъ болѣе сѣверной Малороссіи и смежной Бессарабіи, но и изъ Австрійской Буковины*). Намъ оставалось лишь знакомиться съ наружнымъ видомъ храмовъ; но въ замѣнъ того мы видѣли другія историческія достопримѣчательности города: старинныя башни, ворота, статуи католическихъ святыхъ и т. д., и наконецъ крѣпость, помѣщающуюся на особомъ холмѣ и связанную съ городомъ старинымъ длиннымъ помостомъ, наложеннымъ на сплошной рядъ высокихъ каменныхъ башенъ, съ одной лишь аркою—для протекающаго здѣсь почти кругового ручья, впадающаго въ р. Смотричъ. Въ общемъ Каменецкая крѣпость хорошо сохранилась, кромѣ окраинныхъ ея бастіоновъ, уже полуразрушенныхъ, да недавно уничтоженной для расширенія проѣзда большей части воротъ, которыми раньше въѣзжали изъ города въ крѣпость, а теперь объѣзжаютъ ее для слѣдованія въ г. Хотинъ; на среднемъ проѣздѣ этихъ воротъ находилась польская корона.

---

*) Отмѣчаемъ, къ слову, обстоятельство, нелишенное историческаго и этнографическаго интереса: три волости Хотинскаго уѣзда, прилегающія къ австрійской границѣ: Грозинская, Клишковская и Рокитнянская—также носятъ на мѣстѣ названіе Буковины,—съ удареніемъ на первомъ слогѣ.

Самая крѣпость очень невелика, какъ не обширенъ и холмъ, на которомъ она расположена, и всѣ бока его имѣютъ крутые длинные скаты, что́ когда то дѣлало ее (да и городъ, расположенный на подобной же каменной крутизнѣ, обнесенной стѣною и вокругъ омываемой водою) неприступною. Нѣкоторыя части крѣпости, занятыя помѣщеніями военнаго вѣдомства, нами осмотрѣны не были, но онѣ имѣютъ обычный характеръ. Въ общемъ мы полагали бы, что Каменецкая крѣпость представляетъ очень важный памятникъ старины и передача ея для сохраненія одному изъ обществъ историко-археологическаго характера, напр. Императорскому Одесскому Обществу Исторіи и Древностей, была бы весьма желательною; но ходатайство о томъ со стороны нашего Общества, кажется, было бы въ настоящее время преждевременнымъ; самыя средства Общества, до выясненія вопроса о дальнѣйшемъ мѣстопребываніи его музея, не позволяютъ, по нашему мнѣнію, Обществу брать на себя охрану Каменецкой крѣпости, если бы таковая ему и была передана, ибо извлеченіе хоть какихъ либо доходовъ отъ нея, которые могли бы покрывать расходы на ея ремонтъ и охрану, представлялось бы пока довольно проблематичнымъ.

Въ заключеніе этой части нашего доклада прилагаемъ нѣсколько пріобрѣтенныхъ нами для Общества фотографическихъ снимковъ:

Три вида Каменецкой крѣпости, съ разныхъ сторонъ — A, B и C; причемъ на снимкѣ A еще видны цѣлыми ворота, нынѣ изъ за тѣсноты проѣзда разрушенныя.

Видъ этихъ воротъ, когда они еще существовали—D.

Видъ арки въ помостѣ, соединяющемъ городъ съ крѣпостью—E.

Видъ одной изъ сохранившихся башенъ—F.

Видъ хотя и не древней, но имѣющей довольно оригинальную архитектуру православной церкви въ одномъ изъ предмѣстей Каменца, видимой изъ крѣпости—G.

Затѣмъ нѣкоторые виды мы могли пріобрѣсть лишь въ форматѣ открытыхъ писемъ, которыя тоже здѣсь прилагаемъ, обращая вниманіе членовъ Общества на тѣ, гдѣ изображены: каѳедральныя ворота, турецкій минеретъ и такъ называемые дворецъ коменданта и тюрьма гарема [1]).

Изъ Каменца мы выѣхали 24 іюня послѣ полудня на лошадяхъ, нанятыхъ до Хотина, на м. Жванецъ, гдѣ паромная переправа черезъ р. Днѣстръ на почтовой хотинской дорогѣ. Всѣ 20 верстъ прекраснаго, обса-

---

[1]) Къ этому секретарь Общества позволяетъ себѣ присоединить сохранившіеся у него 18 видовъ Каменца малаго формата, изъ разрозненной коллекціи, составленной для него лѣтъ 30 назадъ; причемъ къ ней составлено было и интересное описаніе, при семъ тоже прилагаемое.

женнаго съ обѣихъ сторонъ деревьями шоссе отъ Каменца до Жванца представляли сплошное гуляньe; тысячи народа шли по этому шоссе или въ Каменецъ на ярмарку, или оттуда послѣ праздника; а возлѣ придорожныхъ трактировъ скопленіе людей было чрезвычайнымъ, особенно гдѣ играла музыка и происходили танцы. Мы могли наблюдать много еще сохранившихся національныхъ костюмовъ, какъ малорусскихъ, такъ и румынскихъ. Праздникъ и ярмарка въ Каменцѣ привлекаютъ туда не только окрестное населеніе и жителей близкой къ Каменцу Бессарабіи, но даже и заграничныхъ буковинскихъ малоросовъ и румынъ (молдованъ), какъ это уже замѣчено выше.

Въ м. Жванцѣ, на паромной переправѣ, мы застали страшную толчею народа; причемъ происходили обычныя въ такихъ случаяхъ крайне непріятныя сцены, доходившія до того, что возы съ лошадьми падали въ воду; начальства никакого не было; оно, повидимому, тоже отправилось въ Каменецъ на богомолье и на ярмарку. Видя, что ждать освобожденія парома для переправы черезъ р. Днѣстръ, здѣсь весьма широкій, среди почти отвѣсныхъ береговъ, пришлось бы намъ нѣсколько часовъ, мы отпустили извощика и переправились на шаландѣ—душегубкѣ, рискуя затѣмъ идти въ Хотинъ около 4 верстъ пѣшкомъ, да еще и съ своимъ багажемъ; но случайно оказавшійся на бессарабскомъ берегу р. Днѣстра извощикъ выручилъ насъ изъ грозившей намъ перспективы.

Въ м. Жванцѣ тоже сохранились небольшіе остатки старой крѣпости, но представляющіе уже слабый интересъ; а южнѣе Жванца, внизъ по теченію р. Днѣстра [1]), около с. Браги [2]), видны, особенно если смотрѣть съ бессарабской нагорной стороны, слѣды большого лагеря; очевидно, именно здѣсь стояло въ 1769 г. русское войско, осаждавшее Хотинъ.

Затрудненія съ переправою черезъ р. Днѣстръ въ с. Отаки, въ связи съ тѣмъ, что самый почтовый трактъ между Отаками и Хотиномъ, хотя всего въ 4 версты, представлялъ сплошной рядъ ямъ, выемокъ и рытвинъ, т. е. какъ будто былъ совершенно не назначенъ для передвиженія (и это въ виду Австріи!),—имѣли слѣдствіемъ, что мы прибыли въ Хотинъ 24 іюня довольно поздно, когда трудно уже было предпринимать что либо по отношенію къ крѣпости, которую мы, впрочемъ, ѣдучи въ Хотинъ, хорошо видѣли съ разныхъ сторонъ ея. Приведя себя въ порядокъ послѣ дороги, мы уже въ сумеркахъ отправились гулять въ городской садъ и здѣсь имѣли счастливую встрѣчу. Бывшій студентъ Новороссійскаго университета, хотя и юристъ, но посѣщавшій наши лекціи, нынѣ товарищъ про-

---

[1]) У м. Жванца впадаетъ въ р. Днѣстръ небольшая рѣчка — Жванецъ же, промывшая себѣ ложе между весьма оригинальными крутыми берегами.

[2]) Нынѣ имѣніе г. Гижицкаго.

курора кишиневскаго окружнаго суда, живущій въ Хотинѣ, Георгій Георгіевичъ Милеантъ, увидѣвъ насъ, подошелъ къ намъ и привѣтствовалъ, какъ своихъ наставниковъ, а узнавъ о цѣли нашего появленія въ Хотинѣ, немедленно познакомилъ насъ съ хотинскимъ городскимъ головою Болеславомъ Антоновичемъ Амброжевичемъ и другими гражданами; тогда же привѣтствовалъ насъ и другой воспитанникъ нашего университета, тоже юристъ, мѣстный судебный слѣдователь Н. И. Киріакъ. Найти знакомыхъ людей въ чужомъ городѣ, гдѣ намъ раньше всего нужно было оріентироваться, имѣло для насъ немаловажное значеніе.

Прибавимъ къ этому, что въ теченіи всего нашего пребыванія въ Хотинѣ, случайно затянувшагося, мы пользовались весьма любезнымъ вниманіемъ со стороны Г. Г. Милеанта и его семьи, равно какъ и другихъ жителей Хотина.

Изъ разговоровъ съ хотинскимъ городскимъ головою и нѣкоторыми гражданами мы имѣли возможность узнать, что городъ, какъ мы и предполагали, не сталъ бы противиться передачѣ бывшей крѣпости въ вѣдѣніе нашего Общества, лишь бы оно согласилось охранять ее, какъ важный историческій памятникъ. Къ сожалѣнію, мы не могли видѣть г. хотинскаго исправника, ибо онъ былъ въ это время сильно боленъ; но другіе чины полиціи были къ намъ тоже очень внимательны.

Въ первый же вечеръ нашего пребыванія въ Хотинѣ мы условились съ гг. Амброжевичемъ и Милеантомъ на другой день съ утра начать осмотръ крѣпости; но 25 іюня утромъ, раньше нежели мы вышли на этотъ осмотръ, къ намъ явился хотинскій городовой врачъ докторъ медицины Владиміръ Густавовичъ Дибольдъ. Мѣстный домовладѣлецъ и гласный, г. Дибольдъ оказался большимъ любителемъ исторіи и археологіи и, еще болѣе, знатокомъ мѣстной старины, близко принимающимъ къ сердцу судьбу Хотинской крѣпости.

Узнавъ о цѣли нашего прибытія и вполнѣ сочувствуя его предполагаемому результату, онъ и пришелъ къ намъ, чтобы помочь обозрѣнію этой крѣпости. Такимъ образомъ мы отправились на осмотръ ея въ сопровожденіи значительнаго числа мѣстныхъ жителей, любителей старины.

Хотинская крѣпость находится не въ самомъ городѣ, а въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, приблизительно на версту, на обрывистомъ берегу р. Днѣстра; тѣмъ не менѣе она связана съ городомъ, такъ какъ черезъ самую крѣпость идетъ дорога изъ Хотина къ р. Днѣстру, которою, какъ мы имѣли случай убѣдиться, городскіе и прилежащихъ селъ обыватели постоянно пользуются.

Занимаетъ крѣпость довольно большое пространство—приблизительно около 14 десятинъ, и состоитъ изъ: а) гласиса, б) рва, в) значительнаго числа облицованныхъ плитнымъ камнемъ земляныхъ верковъ, г) простран-

ства между верками и стѣною, тоже со рвомъ, д) крѣпостной стѣны, е) пространства между нею и цитаделью, причомъ въ двухъ мѣстахъ, у рѣки, стѣна эта примыкаетъ къ самой цитадели, и ж) цитадели.

Гласисъ и ровъ, частью осыпавшійся, имѣютъ обычный въ такихъ случаяхъ характеръ; недурно сохранились и верки, хотя прекрасная облицовка ихъ почти вездѣ снята и дѣйствительно разграблена; къ ней именно относятся тѣ разсказы, о которыхъ было упомянуто выше. Пространство отъ верковъ до стѣны очень небольшое, крѣпостная же стѣна обычно полуразрушена.

Пространство, охватываемое этою стѣною, очень обширно и представляетъ сильно волнистую, перерытую, въ общемъ склоненную къ рѣкѣ поверхность, перерѣзанную указанною выше дорогою. На этой поверхности находится около 15 зданій, сравнительно новой постройки—30-хъ годовъ прошлаго вѣка, — совершенно развалившихся; исключеніе составляютъ 2 домика, занятые, какъ сказано, подъ надобности Волгскаго полка; но и эти зданія уже близки къ разрушенію; при нихъ есть и небольшіе огороды. Затѣмъ есть каменная церковь, тоже построенная въ 30-хъ годахъ XIX ст., прежде крѣпостная, теперь приписанная къ одной изъ городскихъ приходскихъ церквей; богослуженіе въ ней совершается 4 раза въ годъ. И церковь грозитъ разрушеніемъ, какъ это показываютъ громадныя трещины въ ея алтарной части. Въ оградѣ около церкви есть нѣсколько новыхъ памятниковъ надъ похороненными здѣсь членами семьи полковника А. Гр. Офросимова.

Невдалекѣ отъ церкви стоитъ значительно пострадавшій въ верхней части минаретъ, а возлѣ него надгробная каменная плита съ русскою надписью; буквы ея отъ времени сильно испортились, такъ что можно было разобрать лишь нѣсколько строкъ, опредѣляющихъ званіе погребеннаго и время его смерти, а именно:

«здѣсь погребе
нъ комен
дантъ хотинской
крѣпости . . . .
. . . . . .
. . . . 1770 г. . . . .
. . . . . .».

На самомъ обрывистомъ берегу р. Днѣстра расположилась занимающая небольшое пространство цитадель, съ очень высокими, прекрасно сохранившимися стѣнами и разными постройками внутри. По мнѣнію спеціалиста, г. вице-президента нашего Общества А. Л. Бертье-Делагарда, выдѣившаго, впрочемъ, лишь доставленные нами снимки съ нея, цитадель построена не турками, а, быть можетъ, въ то время, когда Хотинъ принад-

лежалъ Рѣчи Посполитой и постройка производилась нѣмецкими, изъ сѣверныхъ, инженерами въ XVII в. [1]). Христіанскій характеръ постройки цитадели подтверждается и кладкою нѣкоторыхъ кирпичей въ ея стѣнахъ, которые, будучи окрашены въ красный цвѣтъ, расположены такимъ образомъ, что получаются изображенія многочисленныхъ красныхъ крестовъ на пьедесталахъ изъ постепенно уменьшающихся прямоугольниковъ, что довольно красиво. Вообще впечатлѣніе отъ Хотинской крѣпости получается весьма внушительное, а видъ изъ нея на противоположный довольно пологій и открытый берегъ р. Днѣстра — на м. Жванецъ и с. Брагу очень красивъ.

Для полноты доклада считаемъ полезнымъ отмѣтить, что въ современной научной литературѣ свѣдѣнія о Хотинской крѣпости точностью не отличаются; такъ у V. S. Martin'a, въ его «Nouveau Dictionnaire de Géographie universelle». Paris. 1887, подъ словомъ «*Khotim*» читаемъ: «въ средніе вѣка генуэзская (génoise) колонія, наиболѣе выдвинутая къ сѣверу; еще видны остатки итальянской крѣпости». Все это — одна сага, ни на чомъ не основанная. У Ларуса въ «Grand Dictionnaire universel du XIX siecle», подъ словомъ «*Chocsino*» (!) тоже указаны фантастично-историческія свѣдѣнія, что Хотинъ былъ осаждаемъ русскими въ 1718, 1739 и 1769 гг., тогда какъ въ 1718 г. никакой войны у насъ съ турками не было. Даже въ извѣстномъ польскомъ словарѣ—«Stownik geograficzny», s. v. *Chocim* (p. 598), попадаются странныя свѣдѣнія. Мы читаемъ тутъ: «Въ серединѣ крѣпости цитадель, стѣны извнутри (!) украшены крестами изъ краснаго кирпича. Въ ней была церковь св. Николая, якобы, по преданію, построенная греческой (!) княгинею и обращенная потомъ въ мечеть, а теперь (!) складъ военной аммуниціи. Славный колодязь глубиною въ 33 саж. и водопроводы (!) отъ турецкихъ временъ» [2]).

---

[1]) Извѣстно, что до 1739 г. Хотинъ у турокъ пользовался славою красиваго и многолюднаго города; во время взятія его гр. Минихомъ въ августѣ этого года городъ и крѣпость сильно пострадали. Послѣ Бѣлградскаго мирнаго договора Хотинская крѣпость, возвращенная нами туркамъ, была исправлена французскими инженерами; но, конечно, цитадель осталась въ старомъ своемъ видѣ. О Хотинѣ до 1739 г. см. сочиненіе А. А. Кочубинскаго: «Гр. А. И. Остерманъ и раздѣлъ Турціи». Одесса. 1899 г., въ послѣднихъ главахъ.

[2]) Прибавлю, что, какъ ни темна вѣковая старина ничтожнаго теперь Хотина, но едва ли слишкомъ отважно предположить, что одна изъ обѣихъ скалъ: Каменца и Хотина — остановила на себѣ стратегическое вниманіе императора Траяна и его римскихъ генераловъ: римская *Petridava* въ дакской провинціи—это нынѣ Каменецъ или Хотинъ. Въ первой части этого имени, какъ и въ такой же части другаго имени — *Pertidava*, на нынѣшнемъ Реутѣ, недалеко отъ впаденія его въ Днѣстръ, мнѣ слышится молдавское (румынское) *piatra*, *kiatra*,—камень, скала; ср. и много мѣстныхъ именъ *Петрос* въ нынѣшней Бессарабіи, того же молдавскаго происхожденія, изъ того же языка. *А. К.*

Осмотру крѣпости и переговорамъ о ней съ жителями Хотина посвятили мы два дня, которые, какъ нарочно, выдались чрезвычайно жаркими, что дѣлало лазанье по развалинамъ крѣпости и осмотръ ея весьма утомительнымъ. Часть второго дня мы рѣшили посвятить поѣздкѣ въ лежащее въ окрестностяхъ Хотина село Ставчаны (обычно — неправильно: Ставучаны), прославленное знаменитой побѣдою гр. Миниха: отъ нея идетъ исторія постепеннаго паденія Турціи. Поѣздку эту мы и выполнили, хотя подъ дождемъ; отъ мѣста стоянки турецкой арміи мы проѣхали прямо черезъ высыхающую и занимаемую уже огородами рѣчку къ мѣсту расположенія войскъ гр. Миниха. Теперь въ центрѣ бывшей турецкой стоянки находится церковь. Какъ умѣстно было бы поставить здѣсь у церкви на холмѣ ниже дороги памятникъ въ честь *великаго событія* XVIII в.! Онъ много говорилъ бы сердцу русскаго...

На обратномъ пути, въ с. Долинянахъ, мы попали уже подъ страшный ливень, сдѣлавшій дорогу изъ Ставчанъ въ Хотинъ, и безъ того очень тяжелую, ибо она пролегаетъ по горамъ и удольямъ, совершенно непроѣзжею для обыкновенныхъ извощичьихъ лошадей, и возвращеніе наше въ Хотинъ сопровождалось большими затрудненіями, изъ которыхъ насъ вывела лишь любезность живущаго въ с. Долинянахъ г. Ломайера, управляющаго имѣніями и заводами Зарожанскаго Товарищества. Сверхъ того одинъ изъ насъ (А. И. Маркевичъ) слегка простудился и мы, изъ предосторожности, провели еще день въ Хотинѣ, хотя какія бы то ни были экскурсіи вслѣдствіе страшной грязи были немыслимы.

Только 27 іюня подъ вечеръ выѣхали мы изъ Хотина и, для сокращенія пути, на ст. Мамалыгу (на р. Прутѣ) и 28 іюня утромъ по желѣзной дорогѣ возвратились въ Одессу, проѣздивъ такимъ образомъ почти недѣлю

Къ этой части доклада мы точно также прилагаемъ пріобрѣтенные для Общества:

Три вида Хотинской цитадели — H, I и J, съ трехъ сторонъ; причемъ на экземплярѣ H. видна и крѣпостная стѣна съ пролегающей сквозь нее дорогою, а на экземплярѣ I. часть крѣпостной территоріи.

Видъ церкви, находящейся въ крѣпости — K; рядомъ опустѣлое полуразвалившееся зданіе и тоже полуразрушенный минаретъ, а около него надгробная плита 1770 г. (см выше).

Обращаясь теперь къ вопросу о возможности и желательности принятія бывшей Хотинской крѣпости въ вѣдѣніе Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, позволяемъ себѣ высказать слѣдующія соображенія:

Принятіе въ вѣдѣніе Общества цитадели, какъ памятника XVII в., причомъ прекрасно сохранившагося, представляется намъ весьма желательнымъ; ремонтъ ея, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ В. Г. Дибольдомъ, обойдется не свыше 300 р (?). Докторъ Дибольдъ считаетъ необходимымъ раньше всего возобновить старый обвалившійся мостъ по прежней дорогѣ, что обойдется въ 250 р., но дастъ возможность закрыть существующій нынѣ искусственный проѣздъ черезъ арку крѣпости, направляя проѣзжающихъ черезъ крѣпость къ нижнимъ воротамъ; затѣмъ у входа въ цитадель надо поставить ворота, чтобы закрыть свободный нынѣ доступъ, поправить временныя крыши на башняхъ во внутреннемъ дворѣ, на подъемахъ, исправить трещины стѣнъ и, наконецъ, очистить зданія и дворъ отъ мусора. Надзоръ за цитаделью можно поручить сторожу, оберегающему крѣпостную церковь, что потребовало бы лишь небольшой приплаты.

Болѣе сложенъ вопросъ о принятіи въ вѣдѣніе Общества всей крѣпости; охрана ея потребовала бы, конечно, нѣсколько болѣе значительныхъ расходовъ; ремонтъ церкви, если пойдетъ рѣчь о полномъ ея возобновленіи, обошелся бы очень дорого; сколько нибудь значительнаго дохода отъ эксплоатаціи крѣпостной территоріи ожидать трудно: удѣлѣвшія до сихъ поръ зданія едва ли могутъ быть отданы въ наемъ, развѣ послѣ крупнаго расхода на ихъ исправленіе; да и найдется ли на нихъ наниматель въ виду отдаленности ихъ отъ города и дешевизны помѣщеній въ самомъ Хотинѣ? разводить огороды на крѣпостной территоріи, страшно засоренной мусоромъ, очень трудно, да и доходъ отъ нихъ могъ бы быть особенно на первое время, самый ничтожный.

Тѣмъ не менѣе мы полагаемъ, что нашему Обществу слѣдовало бы ходатайствовать о передачѣ въ его вѣдѣніе всей крѣпостной территоріи, такъ какъ, съ одной стороны, связь ея съ цитаделью настолько тѣсна, что трудно было-бы передать ихъ охрану въ разныя руки; съ другой — въ крѣпости тоже есть зданія (минаретъ), которыя слѣдовало бы возстановить. Для поддержки церкви, какъ зданія новаго, можетъ быть, на время достаточно лишь небольшого ремонта въ видѣ задѣлки протекающихъ мѣстъ крыши; а нѣкоторую, хоть и небольшую, но для первоначальнаго ремонта достаточную сумму можно получить отъ продажи обильнаго строительнаго матерьяла изъ разрушившихся построекъ новѣйшаго происхожденія. Имѣемъ основаніе полагать, что передача какъ цитадели, такъ и всей Хотинской крѣпости въ вѣдѣніе нашего Общества не встрѣтитъ противодѣйствія со стороны ни одного заинтересованнаго въ томъ вѣдомства, ибо, какъ можно судить по настоящему положенію крѣпости, она никому не нужна, а въ тоже время всѣ эти вѣдомства желали бы сохранить такой прекрасный историческій памятникъ.

Въ заключеніе настоящаго доклада позволяемъ себѣ представить доктора Владиміра Густавовича Дибольда къ избранію въ члены-корреспонденты нашего Общества. Если крѣпость будетъ ему передана, она пріобрѣтетъ въ г. Дибольдѣ внимательнаго и умѣлаго ея хранителя; но и въ противномъ случаѣ нашему Обществу желательнымъ имѣть въ своей средѣ подобныхъ мѣстныхъ любителей и знатоковъ исторіи и археологіи; званіе члена-корреспондента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей все же дастъ доктору В. Г. Дибольду возможность на «законномъ основаніи» слѣдить за участью нѣкогда знаменитой, а теперь полуразрушенной бывшей Хотинской крѣпости.

Дд. чч. Общества: *Александръ Кочубинскій.*
Ал. Маркевичъ.

Одесса,
Мая 31 дня 1902 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Новый эпиграфическій матеріалъ изъ Ольвіи.

На возвратномъ пути съ Харьковскаго Археологическаго съѣзда я остановился въ Николаевѣ, чтобы снова разсмотрѣть замѣчательную коллекцію мѣстныхъ древностей, собранную д. ч. нашего Общества А. Ф. Фогелемъ. Коллекція эта съ каждымъ годомъ значительно обогащается. Въ числѣ многихъ новыхъ и важныхъ въ научномъ отношеніи предметовъ обратило на себя мое вниманіе и нѣсколько эпиграфическихъ памятниковъ; г. Фогель съ обычной предупредительностью не только разрѣшилъ мнѣ списать и издать надписи съ этихъ памятниковъ, но и обѣщалъ при первой возможности пожертвовать ихъ нашему Обществу и отправить въ Одесскій музей. Предварительно, до полученія ихъ, позволю себѣ познакомить гг. членовъ Общества съ этими памятниками по сдѣланнымъ мною копіямъ; цинкографическіе снимки же могутъ быть представлены мною лишь впослѣдствіи.

№ 1. Известковая плита; длина ея 81 см., выс. 27, ширина 12; въ серединѣ плиты четырехугольное углубленіе; вс. его 17, длина 20 см. Въ это углубленіе, повидимому, вставленъ былъ портретъ покойнаго или изображеніе обычной сцены «привѣтствія». По бокамъ углубленія имѣется слѣдующая въ двухъ строкахъ надпись (выс. буквъ 04,7).

ΛΕΩΔΑΜ [ ] ΑΝΤΟΣΤΟ
////ΡΑΚΛΕ [ ] ΙΔΕΩ.

т. е. Λεωδαμάντος τὸ Ἡ]ρακλείδεω.

Характеръ письма, какъ и іоническая форма отчества, ясно доказываютъ, что эта надгробная надпись относится къ V/IV вѣку до Р. Х. Возстановленіе стертой буквы вначалѣ второй строки считаю несомнѣнно вѣрнымъ.

Имя Ἡρακλείδης довольно обычное въ Ольвіи, между тѣмъ какъ эпическое Λεωδάμας до сихъ поръ въ Ольвіи, насколько я знаю, не встрѣчалось.

№ 2. Стела изъ известняка; на верху трехугольникъ въ формѣ фронтона; высота стелы 78, шир. 39, толщ. 17; высота фронтона 13 см. На стелѣ надпись:

ΓΟΣΕΙΔ
ΕΩΝΤΟ
///ΟΘΕΟ
ΒΙΟ

т. е. Ποσειδέωντῦ //ο Θεοβίο.

По характеру письма надпись принадлежитъ къ древнѣйшимъ надгробіямъ изъ Ольвіи; она относится къ одной категоріи съ изданнымъ В. В. Латышевымъ въ I. P. I № 120 памятникомъ и съ надгробіемъ, опубликованнымъ мною въ 335 протоколѣ засѣданія нашего Общества (16 апрѣля 1901 года). Характерному для V в. шрифту соотвѣтствуетъ на этомъ іоническомъ надгробномъ памятникѣ и характерная форма имени собственнаго и родительныхъ падежей. Но чтеніе третьей строки и возстановленіе отчества умершаго представляетъ нѣкоторое затрудненіе: Первая буква въ третьей строкѣ, вслѣдствіе порчи мягкаго камня, пропала; видны только слѣды вертикальнаго штриха; потомъ ясно читается буква О и дальше ΟΕΟ—/ΒΙΟ. Пропавшая буква и стоящая рядомъ съ нею буква О едва ли могли принадлежать къ слѣдующему отчеству; послѣднее, какъ всякое правильное греческое имя лица, состоитъ изъ двухъ составныхъ частей (Θεό-βιος) и въ какомъ-либо пополненіи не нуждается. Поэтому я склоненъ думать, что предшествующія двѣ буквы: вертикальный штрихъ и О, представляютъ собою ошибочное повтореніе предыдущаго члена и что надпись слѣдуетъ читать:

Ποσειδέων τῦ· (τῦ) Θεοβίο.

Аналогіи для подобныхъ ошибокъ рѣзчика можно найти въ греческой эпиграфикѣ, и мнѣ это предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ установленіе для V в. какого-то чудного имени въ родѣ Ἰοθεόβιος или Ποθεόβιος. О другихъ дополненіяхъ, въ виду яснаго слѣда одного совершенно вертикальнаго штриха, едва-ли можно подумать.

№ 3. Стела изъ синеватаго мрамора; верхней части, по всей вѣроятности—фронтона, недостаетъ. Стела въ серединѣ переломана и состоитъ теперь изъ двухъ кусковъ; высота 73 см., ширина 27 см., толщина 32 см.

На стелѣ слѣдующая надпись:

ΣΩΣΙΑΣ
ΚΕΦΑΛΟ
ΑΘΗΝΑΙ
ΟΣ.

т. е. Σωσίας
Κεφάλο
Ἀθηναῖος.

По характеру письма (особенно буквы Σ) и формѣ родительнаго падежа надпись относится къ V/IV в. до Р. Х. Имена Σωσίας и Κέφαλο; до сихъ поръ, насколько я знаю, въ ольвійской эпиграфикѣ не попадались. Любопытно, что умершій не принадлежалъ къ числу ольвійскихъ гражданъ, о чемъ прибавкой «Аѳинянинъ» на памятникѣ и доводится до всеобщаго свѣдѣнія. Пріѣзжаго купца или путешественника настигла смерть вдали отъ родины, на послѣднемъ форпостѣ греческой культуры!

№ 4. Надгробная стела изъ известняка съ фронтономъ, карнизомъ и акротеріями; высота 66 см., ширина на верху 21, внизу 23 см, высота фронтона 16 см.

Надпись въ двухъ строкахъ, почти совершенно стерта

ΚΛ Μ . . . . (всего мѣста для 8—10 буквъ)
ΛΑ .... ΠΩ(?)ΤΟΣ.

Къ сожалѣнію, кромѣ трехъ послѣднихъ буквъ «ΤΟΣ», надпись мною при разсмотрѣніи на мѣстѣ храненія памятника не разобрана; можетъ быть, впослѣдствіи, если камень поступитъ въ нашъ музей, при болѣе выгодномъ освѣщеніи, удастся дойти до болѣе прочныхъ результатовъ; пока можно лишь сказать, что въ первой строкѣ было изсѣчено имя, во второй отчество покойнаго.

№ 5. Фрагменты мраморной плиты; сохранился верхній правый край съ карнизомъ; высота фрагмента 17 см., ширина 20; высота буквы 2 см.

ΙΣΙΣΤΡΑΤΟΥ
ΟΜΕΝΗΣΠΑΝ
ΥΟΥΠΕΡΙΣΑ
ΜΑΡΚΙΑΝ
ΑΣΙΤ

Надпись, какъ видно, дошла до насъ въ весьма фрагментарномъ видѣ; но ясно, что передъ нами не надгробіе, а фрагменты декрета или «каталога» гражданъ.

Въ первой строкѣ мы имѣемъ отчество Ἡγ]ησιστράτου; во второй конецъ собственнаго имени — ο-μένης (болѣе дюжины обычныхъ именъ оканчивается на ο-μένης) и начало отчества Παν.....; въ третьей вопросъ о томъ, представляетъ ΠΕΡΙ собою предлогъ и первую часть имени собственнаго? долженъ остаться открытымъ. Наконецъ, въ четвертой строкѣ мы находимъ имя или отчество: Μαρκιαν[ός или Μαρκιαν[οῦ. Послѣднее имя (срв. Latyschev. J. P. I. № 228 n. IV, стр. 282) было также обычнымъ и въ Херсонесѣ въ Римскій періодъ. Какъ это имя, такъ и лигатура (NH) показываютъ, что мы имѣемъ передъ собою документъ II в. по Р. Х.

Д. д. Э. *фонъ-Штернъ.*

345 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

31-го Октября 1902 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены: *Л. Ф. Брунъ*, *А. Е. Егоровъ*, *П. А. Ивановъ*, *Н. И. Ленцъ*, *А. В. Лонгиновъ*, *В. Н. Мочульскій*, *А. А. Павловскій*, *С. Д. Пападимитріу*, *Г. И. Перетятковичъ* и *Х. П. Яцуржинскій*.

Слушали:

I. Предложеніе Черниговской Губернской Ученой Архивной Коммиссіи отъ 19 октября с. г., за № 359, объ обмѣнѣ изданіями и высылкѣ Коммиссіи тѣхъ томовъ Записокъ и отчетовъ Общества, какіе оно сочтетъ возможнымъ ей предоставить.

Совѣтъ предлагаетъ согласиться на предложеніе Коммиссіи, начиная обмѣнъ изданій съ слѣдующаго года, и выслать Черниговской Коммиссіи XXIV т. Записокъ и нѣсколько отчетовъ Общества за послѣдніе годы.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

II. Ходатайство Кіевскаго Общества Древностей и Искусствъ отъ 26 сентября с. г., за № 95, о высылкѣ въ библіотеку музея Общества тѣхъ изданій Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, какія оно сочтетъ возможнымъ предоставить музею.

Совѣтъ предлагаетъ препроводить Записки Общества, начиная съ XVI т., отчеты за 1899—1901 г. и еще нѣкоторыя изданія Общества по выбору Совѣта.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

III. Отношеніе Императорской Археологической Коммиссіи отъ 14 октября с. г., за № 1785, о томъ, что члену коммиссіи Б. В. Фармаковскому поручено доставить въ Коммиссію сохраняющуюся нынѣ въ музеѣ мра-

морную стелу съ надписью въ честь Аполлонія для представленія этого памятника на Высочайшее Государя Императора воззрѣніе и помѣщенія затѣмъ въ Императорскій Эрмитажъ.

Къ этому г. хранитель музея добавилъ, что стела эта г. Фармаковскому уже передана.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Докладъ г. хранителя музея о томъ, что за время съ 23 сентября с. г. по 31 октября въ Общество поступили слѣдующіе предметы:

Пожертвованы д. ч. Одесскимъ городскимъ головою П. А. Зеленымъ:

а) Бронзовая медаль на открытіе въ г. Москвѣ въ 1898 г. памятника Императору Александру II.

б) Мѣдная медаль, относящаяся къ музыкальной и театральной выставкѣ въ Вѣнѣ въ 1891 г.

в) Разныя новыя мелкія европейскія монеты.

Куплены: Два античныхъ стекла рѣдкой формы, изъ Керчи, и остатки деревянной античной шкатулки, обитой красной кожей съ серебряной оправой и серебряными медальонами.

Постановили: Благодарить П. А. Зеленаго, а вещи передать въ музей.

V. Докладъ г. секретаря Общества о томъ, что за то же время въ Общество поступили слѣдующія книги:

1) Монеты царствованій Императрицы Анны Іоановны и Императора Іоанна III. Великаго Князя Георгія Михайловича. 1901 г. (Отъ канцеляріи Его Высочества).

2) Ученыя Записки Императорскаго Казанскаго Университета, годъ LXIX. Кн. 7, 8 и 9. Казань. 1902.

3) Труды Одиннадцатаго Археологическаго Съѣзда въ Кіевѣ 1899 г. Томъ I и II. Подъ редакціей графини Уваровой. М. 1902.

4) Труды Рязанской Ученой Архивной Коммиссіи. Т. XVI, в. 3. Рязань. 1902.

5) Отчетъ Императорской Публичной Библіотеки за 1898 г. Спб. 1902.

6) Извѣстія Кавказскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. XV, № 3. Т. 1902 г.

7) Записки Крымскаго Горнаго Клуба. 1902, №№ 4—8. Одесса. 1902.

8) Обзоръ Эстляндской Губерніи за 1901 г. Приложеніе ко Всеподданнѣйшему отчету. Ревель. 1902.

9) Н. Н. Бантышъ-Каменскій. Обзоръ внѣшнихъ сношеній Россіи (по 1800 годъ), ч. IV. М. 1902.

10) Очаковъ. Лейтенанта П. И. Бѣлавенецъ. 21 сентября 1902 г. Севастополь. 1902. (Отъ автора).

11) Адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ. Лейтенанта П. И. Бѣлавенецъ. Севаст. 1902. (Отъ автора).

12) Къ исторіи повѣсти «Стефанитъ и Ихнилатъ». А. В. Рыстенко. Одесса. 1902 г. (Отъ автора).

13) Д. Я. Самоквасовъ. Русскіе архивы и Царскій контроль приказной службы въ XVII вѣкѣ. М. 1902. (Отъ автора).

14) Д. Я. Самоквасовъ. Проэктъ архивной реформы и современное состояніе архивовъ въ Россіи. М. 1902. (Отъ автора).

15) Памятная книжка для духовенства Херсонской Епархіи. Свящ. Ѳ. Миляновскаго. Од. 1902. (Отъ автора).

16) Lud, organ Towarzystwa ludoznawczego we Lwowie, т. VIII, Zeszyt 3. Lw. 1092.

17) Zpráva o Museu Kralovstvi Českého za rok 1901. Pr. 1902.

18) Vjestnik kr. Hrvatsko-slavonsko-dalmatinskog zemalyskog arkiva. Zagr. 1902.

19) Bulletino di archeologia e storia Dalmata. Anno XXV. Spalato. 1902.

20) Accessiones et correctiones all'Illyricum Sacrum. Spalato. 1902—1904.

21) Analele Academici Romane. Seria II, tomul XXII—1899—1900. Bucuresci. 1900. tomul XXIII—1900—1901, 3 v.v. Bucuresci 1901—1902.

22) Bulletin of the Nev-York Public Library. Volum VI. № 10. New-York. 1902.

Постановили: Книги передать въ библіотеку Общества.

VI. Докладъ Совѣта по вопросу о возстановленіи древне-христіанской часовни въ бывшей Судацкой крѣпости (См. журналъ 344 засѣданія п. XI). Совѣтъ, представляя свѣдѣнія, полученныя имъ отъ г. Вице-президента А. Л. Бертье-Делагарда и д. ч. И. П. Щелкова, предлагаетъ просить В. Ф. Томкевича представить Обществу: а) планъ той мѣстности, о которой онъ ходатайствуетъ; б) рисунокъ Судацкой часовни и находящейся при ней башни; в) рисунокъ, изображающій эти часовни и башни въ возстановленномъ видѣ, и г) смѣту на такое возстановленіе. Совѣтъ полагаетъ, что, въ виду сохраненія за часовней и башней ихъ археологическаго значенія, вполнѣ необходимо, чтобы ихъ реставрація происходила съ разрѣшенія Общества и подъ его контролемъ. Затѣмъ представляется необходимымъ и точное опредѣленіе отношеній Таврическаго епархіальнаго вѣдомства къ Обществу, въ случаѣ передачи первому Судацкой часовни.

Постановили: Соглашаясь съ мнѣніемъ Совѣта, сообщить о настоящемъ постановленіи г. Вице-президенту для передачи о. Томкевичу.

VII. Докладъ дд. чч. А. А. Кочубинскаго и А. И. Маркевича отъ 31 мая с. г. о бывшей Хотинской крѣпости, напечатанный и разосланный, согласно постановленію Общества отъ 23 сентября с. г. (см. журналъ 344 засѣданія п. XII), гг. членамъ Общества.

Постановили: Сочувствуя мысли ходатайствовать о передачѣ Обществу бывшей Хотинской крѣпости, просить Совѣтъ предварительно снестись съ Бессарабскимъ епархіальнымъ вѣдомствомъ относительно вопроса о возможности оставленія въ этомъ вѣдомствѣ церкви, находящейся на территоріи Хотинской крѣпости, а также выяснить дѣйствительный размѣръ расходовъ, необходимыхъ на возстановленіе моста, находившагося въ крѣпости, и на другой ремонтъ, равно и на охрану крѣпостныхъ остатковъ, и возможность извлеченія изъ крѣпостной территоріи какихъ либо доходовъ.

VIII. Предложеніе Совѣта объ избраніи доктора В. Г. Дибольда и священника В. Ф. Томкевича въ члены корреспонденты Общества, которое доложено было уже въ засѣданіи Общества 23 сентября (См. журналъ 344 засѣданія п. XIII).

Постановили: Произвести баллотировку предложенныхъ лицъ въ настоящемъ засѣданіи. При баллотировкѣ докторъ Дибальдъ избранъ единогласно, а священникъ Томкевичъ большинствомъ 9 голосовъ противъ 2-хъ.

X. Сообщеніе д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна объ экскурсіи на островъ Березань и пробныхъ здѣсь раскопкахъ.

Постановили: Напечатать сообщеніе въ приложеніи къ журналу настоящаго засѣданія.

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

О пробныхъ раскопкахъ на островѣ Березани.

Въ концѣ мая с. г. группа членовъ нашего Общества, и въ ихъ числѣ товарищъ предсѣдателя Императорской Археологической Коммиссіи В. В. Латышевъ, предприняла археологическую экскурсію въ Ольвію и на островъ Березань. Посвятивъ день осмотру мѣстности, нѣкогда занимаемой древней Ольвіей, члены экскурсіи на другой день переправились на парусныхъ лодкахъ на островъ Березань и приступили здѣсь къ развѣдочнымъ раскопкамъ.

Располагая достаточнымъ числомъ рабочихъ, мы рѣшили произвести пробныя раскопки одновременно въ трехъ пунктахъ берега, обращеннаго къ материку. Недалеко на сѣверо-западъ отъ той мѣстности, гдѣ въ продолженіе двухъ лѣтнихъ сезоновъ такъ энергично были произведены раскопки предводителемъ дворянства Херсонскаго уѣзда д. ч. Г. Л. Скадовскимъ, намѣчены были, сообразно съ состояніемъ поверхности почвы, три такихъ пункта, гдѣ по своеобразному характеру впадинъ и повышеній можно было ожидать слѣдовъ погребенія или какого-нибудь древняго сооруженія.

При работѣ въ ямѣ за № 1 обнаружено было на сравнительно небольшой глубинѣ погребеніе: аршина $1^1/_2$ надъ поверхностью земли найденъ былъ скелетъ хорошей сохранности. Трупъ былъ положенъ лицомъ на западъ въ наскоро и небрежно изготовленной и непланированной ямѣ; грунтъ подъ верхней частью туловища былъ на нѣсколько вершковъ выше, чѣмъ подъ ногами; послѣднія не были выпрямлены; лѣвая нога, изогнутая въ колѣнѣ, была приподнята къ туловищу, между тѣмъ какъ правая положена была не въ прямой линіи къ туловищу, а выгнута направо въ сторону. Получилось впечатлѣніе, что здѣсь не имѣло мѣста тщательное погребеніе, а трупъ какъ попало брошенъ въ наскоро вырытую могилу. Въ набедренной части тѣла торчалъ сильно истлѣвшій желѣзный наконечникъ копья, который плотно пристылъ къ кости: явное доказательство, что покойникъ былъ убитъ этимъ копьемъ и хоронившіе его не хотѣли или не могли вынуть смертельное орудіе изъ раны. Немного выше этого наконечника копья найдена мѣдная простая пряжка, къ которой снизу пристали нитки грубой холщевой матеріи; еще выше на груди оказалась костяная орнаментированная кругами пуговка. Наконецъ, у кистей обѣихъ рукъ найдено по плоскому мѣдному кольцу; украшеніями, носимыми на пальцахъ, эти кольца, по своей формѣ, не могли служить; одно изъ нихъ совершенно заржавлено; на другомъ, лучше сохранившемся, видно, что нижняя сторона изогнута, а верхняя украшена геометрическимъ орнаментомъ. Вѣроятно, къ этимъ мѣднымъ кругамъ или кольцамъ внизу нѣкогда были прикрѣплены иголки и они служили для застегиванія рукавовъ рубашки на кистяхъ рукъ. Другихъ предметовъ около трупа не оказалось. Какъ недалекое разстояніе ямы отъ поверхности земли, такъ и характеръ найденныхъ въ ней предметовъ и отсутствіе обычныхъ при античныхъ погребеніяхъ приложеній ясно доказываютъ, что мы наткнулись на могилу, относящуюся не къ древне-греческому періоду, а къ гораздо болѣе позднимъ временамъ. Очень можетъ быть, прошло лишь немного столѣтій съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь уложенъ былъ на послѣдній покой убитый въ борьбѣ запорожецъ. За это предположеніе говоритъ, между прочимъ, и хорошая сохранность скелета, тогда какъ присутствіе золы и античныхъ черепковъ въ слоѣ надъ могильной ямою еще не можетъ служить доказательствомъ болѣе древняго происхожденія могилы; при разрытіи ямы въ старомъ культурномъ слоѣ эти черепки попали въ могильную насыпь.

Яма № 2, вырытая въ глубину 4 аршина, при ширинѣ въ 8 арш., не содержала могилы, а дала намъ лишь рядъ остатковъ культурнаго слоя. Въ перемѣжку съ плитками извѣстняка найдены были здѣсь фрагменты, ручки и донышки громадныхъ размѣровъ глиняныхъ амфоръ, куски мѣдныхъ пластинокъ, служившихъ обшивкой для деревянныхъ предметовъ,

черепки античнаго стекла, костяная ручка отъ ножа, монетка ольвійская въ формѣ рыбкѣ (т. н. тарихъ), кости отъ животныхъ и т. д. Вся почва, словомъ, представляла сплошной культурный слой, образовавшійся несомнѣнно въ древне-греческій періодъ, но не содержащій какихъ-либо интересныхъ и характерныхъ для опредѣленія времени предметовъ.

Удачнѣе въ послѣднемъ отношеніи были раскопки на пунктѣ подъ № 3. Здѣсь наткнулись на такъ называемую «сорную яму», которая отличалась большой глубиной—до 3 саженъ и содержала въ себѣ остатки весьма различныхъ культурныхъ періодовъ. Въ верхнихъ слояхъ среди массы золы и костей животныхъ найдены были: бронзовый ключъ отъ замка «системы поворота язычка» (Drehschloss), бронзовая цѣпочка, фрагменты простоглиняной посуды, пара золотыхъ серегъ превосходной сохранности, представляющихъ трубочки изъ сворочennаго листоваго золота, къ которымъ придѣланы крючки и петли изъ золотой проволоки. Немного ниже оказались фрагменты стеклянной чаши съ выдавленной надписью; сохранилась часть съ буквами ΦΡΑΙΝΟΥ — т. е. εὐ]φραίνου [τῶι πινόντι]. Характеръ буквъ, особенно А, не съ прямой, а съ переломанной въ срединѣ чертой, ясно указываетъ на время изготовленія этой чаши,—второй, почти цѣлякомъ сохранившійся экземпляръ, который найденъ въ Ольвіи, находится въ коллекціи нашего музея. Раньше, чѣмъ началомъ II вѣка до Р. Х., эту чашу датировать нельзя. Глубже затѣмъ найденъ бронзовый орелъ маленькихъ размѣровъ совершенно такой-же работы, какая имѣется на превосходномъ, единственномъ въ своемъ родѣ, скиескомъ сосудѣ, найденномъ въ долинѣ рѣки Кальміуса и тоже хранящемся въ нашемъ музеѣ; подъ орломъ нашлись остатки простой чернолаковой греческой посуды, еще ниже фрагменты чернофигурныхъ аттическихъ чашъ (т. наз. «Kleinmeisterschalen») и, наконецъ, въ низшихъ культурныхъ слояхъ, остатки іонической посуды VI и VII вѣка до Р. Х., между прочимъ половинка желтой родосской тарелочки съ краснымъ лиственнымъ узоромъ, маленькій кувшинъ, покрытый бѣло-глиняной краской, на которой написаны красные обручи, фрагменты іоническаго киликса, край котораго чернолаковый, между тѣмъ какъ нижняя часть корпуса до чернолакой ножки является желтоглиняной, съ черными и красными вертикальными штрихами.

Содержаніе этой ямы позволяетъ намъ сдѣлать нѣсколько любопытныхъ выводовъ:

Между тѣмъ какъ предметы, обнаруженные въ низшихъ слояхъ этой ямы, совершенно соотвѣтствуютъ тѣмъ, которые были найдены въ могилахъ, раскопанныхъ д. ч. Г. Л. Скадовскимъ, и относятся къ періоду отъ конца VII до конца VI вѣка, въ высшихъ слояхъ ямы имѣются культурные остатки гораздо болѣе поздняго періода. Замѣчательно, что и здѣсь, какъ при раскопкахъ Г. Л. Скадовскаго, не обнаруженъ ни одинъ

черепокъ краснофигурной аттической посуды V и IV вѣка — такъ что предположеніе, высказанное мною раньше въ засѣданіи Общества по поводу раскопокъ Г. Д. Скальковскаго (срв. Журналъ 329 засѣданія), что заселеніе Березани прекратилось въ V вѣкѣ, остается пока въ силѣ; но это предположеніе нуждается теперь уже въ дополненіи. Какъ показываетъ стеклянной фрагментъ съ надписью, относящейся ко II вѣку до Р. Х., Березань была опять заселеннымъ пунктомъ и въ послѣдніе вѣка до нашей эры

Какъ дѣло обстояло въ промежуточное время между VI и II вѣкомъ,— былъ-ли островъ дѣйствительно оставленъ греческими поселенцами вслѣдствіе особеннаго процвѣтанія и развитія Ольвіи, или же продолжалъ служить торговымъ пунктомъ въ продолженіе всего античнаго періода исторіи, могутъ показать только окончательныя раскопки этого любопытнаго острова, приступить къ которымъ, въ виду важныхъ сдѣланныхъ здѣсь уже находокъ, является одной изъ неотложныхъ задачъ для нашихъ археологовъ.

Д. ч. *Э. фонъ-Штернъ.*

346 (ГОДИЧНОЕ) ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

14-го Ноября 1902 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ Вице-Президента почётнаго члена *А. Л. Бертье-Делагарда*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены: *М. К. Балаєв*, *Л. Ф. Брунъ*, *Г. О. фонъ-Гаазе*, *А. Е. Егоровъ*, *П. А. Ивановъ*, *А. А. Кочубинскій*, *И. А. Линниченко*, *А. В. Лонгиновъ*, *П. А. Мавроіордатъ*, *В. Н. Мочульскій*, *М. Ѳ. Никоновъ*, *А. А. Павловскій*, *Г. И. Перетятковичъ* и *Э. Р. фонъ-Штернъ* и члены-корреспонденты: *Е. В. Князевъ*, *В. Н. Никифоровъ* и *Н. Н. Родзевичъ*.

I. По открытіи засѣданія г. Вице-Президентъ, напомнивъ Обществу, чѣмъ оно обязано своимъ Высокимъ Покровителямъ, предложилъ послать г. Министру Императорскаго Двора слѣдующую телеграмму:

«Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей, чествуя 63-ю годовщину своей дѣятельности и благодарно вспоминая о своихъ почившихъ Державныхъ Покровителяхъ, постановило: почтительнѣйше просить Ваше Высокопревосходительство повергнуть къ стопамъ благополучно царствующаго Покровителя Общества Всемилостивѣйшаго Государя Императора чувства безграничной преданности и благодарности и привѣтствовать Ихъ Величества съ пребываніемъ на археологической территоріи Крыма». Единогласно *постановили*: Принять предложеніе г. Вице-Президента.

II. Затѣмъ г. Вице-Президентъ предложилъ отправить привѣтственную телеграмму г. Президенту Общества Члену Государственнаго Совѣта Генералу отъ Инфантеріи Х. Х. Роопу, оказавшему столь важныя услуги Обществу.

Единогласно же *постановили*: принять предложеніе г. Вице-Президента.

III. Г. Вице-Президентъ предложилъ почтить память скончавшихся въ истекшемъ году членовъ Общества вставаніемъ, что и было *исполнено*.

Слушали:

IV. Сообщеніе д. ч. Э. Р. фонъ-Штерна: «Императорское Одесское Общество Исторіи и Древностей въ истекшемъ году».

Постановили: Напечатать сообщеніе Э. Р. фонъ-Штерна въ приложеніи къ журналу настоящаго засѣданія (Приложеніе I).

V. Въ сообщеніи своемъ Э. Р. фонъ-Штернъ доложилъ, что Общество получило въ даръ отъ Императорской Археологической Коммиссіи громадную шведскую мѣдную монету 1659 г. 8-далернаго достоинства, найденную въ 1901 г. въ устьѣ р. З. Двины при углубленіи Рижскаго порта. Стоимость этой монеты въ настоящее время весьма значительная.

При этомъ г. Вице-Президентъ сообщилъ свѣдѣнія о чеканкѣ, по образцу такихъ шведскихъ монетъ, и русскихъ въ Екатеринбургѣ при Императрицѣ Екатеринѣ I.

Постановили: Благодарить Императорскую Археологическую Коммиссію за цѣнный даръ, монету же передать въ музей.

VI. Д. ч. Э. Р. фонъ-Штернъ доложилъ, что д. ч. П. А. Маврогордато къ настоящему дню принесъ въ даръ Обществу серебряную діадему съ глиняными позолоченными украшеніями, изъ Ольвіи. Предметъ этотъ представляетъ немаловажный археологическій интересъ

Постановили: Благодарить П. А. Маврогордато, а діадему передать въ музей.

Въ виду присутствія П. А. Маврогордато въ настоящемъ засѣданіи благодарность Общества была ему немедленно выражена.

VII. Сообщеніе д. ч. И. А. Линниченко: «Грамоты галицкаго князя Льва и значеніе подложныхъ документовъ, какъ историческаго источника».

Постановили: Съ согласія реферета, передать сообщеніе это въ Издательскій комитетъ для напечатанія въ Запискахъ Общества.

VIII. Сообщеніе д. ч. А. И. Маркевича: «Къ біографіи гр. С. М. Каменскаго».

Постановили: Напечатать сообщеніе въ приложеніи къ журналу настоящаго засѣданія (Приложеніе II).

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

Дѣятельность Общества за истекшій 1901—1902 годъ.

На мою долю, м. г-ри, выпала сегодня, въ 63 годовщину дѣятельности нашего Общества, почетная обязанность представить Вамъ краткій отчетъ о дѣятельности Общества за истекшій годъ.

Наше Общество по уставу преслѣдуетъ, какъ вамъ извѣстно, двоякаго рода цѣли: 1) изученіе древностей и исторіи преимущественно Юга Россіи, 2) собираніе и охраненіе памятниковъ старины и распространеніе интереса къ нимъ среди нашего края. Въ виду этого и дѣятельность Общества распадается, такъ сказать, на «ученую» и на «музейную» и подъ этими двумя рубриками я постараюсь здѣсь обозрѣть данныя, которыя характеризуютъ жизнь Общества за отчетное время.

Что касается ученой дѣятельности, то Общество имѣло 8 засѣданій, въ которыхъ предложены были членами Общества слѣдующіе рефераты и сообщенія:

1) А. И. Маркевича: Составъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей съ 1837 по 1901 г.

2) Э. Р. фонъ-Штерна: Объ одной рельефной вазѣ изъ Ольвіи.

3) П. Г. Мелникова: Химическій анализъ древнихъ бронзовыхъ стрѣлъ изъ Березани и Ольвіи.

4) П. А. Иванова: Къ исторіи запорожскихъ казаковъ послѣ уничтоженія Сѣчи.

5) Э. Р. фонъ-Штерна: Археологическія новинки.

6) В. В. Латышева: Новыя греческія надписи, найденныя на Югѣ Россіи.

7) Э. Р. фонъ-Штерна: Предварительное сообщеніе о раскопкахъ въ имѣніи Петрены, Бѣлецкаго уѣзда, Бессарабской губерніи.

8) А. А. Кочубинскаго и А. И. Маркевича: О поѣздкѣ для осмотра бывшей Хотинской крѣпости.

9) Э. Р. фонъ-Штерна: Новый эпиграфическій матеріалъ изъ Ольвіи.

10) Э. Р. фонъ-Штерна: Пробныя раскопки на островѣ Березани.

Кромѣ того Общество приготовило къ изданію XXIV томъ Записокъ, который выйдетъ на дняхъ, и занималось подготовкою изданія III выпуска «Музея Общества», который содержитъ «Ѳеодосійскія древности», найденныя во время работъ по устройству гавани; таблицы для этого изданія уже изготовлены и составленіе текста въ нимъ настолько подвинуто впередъ, что можно разсчитывать на выходъ изданія до слѣдующей годовщины. Затѣмъ по порученію Общества нѣкоторые члены его приняли дѣятельное

участіе въ XII Археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ въ августѣ 1902 года и прочли на съѣздѣ рядъ рефератовъ.

Особенно же слѣдуетъ отмѣтить, что Обществомъ въ истекшемъ году снова приступлено было къ самостоятельнымъ раскопкамъ. Помимо пробныхъ раскопокъ на островѣ Березани во время экскурсіи туда 11 членовъ Общества, поручено было хранителю музея произвести раскопки въ имѣніи Петренахъ, Бѣлецкаго уѣзда, Бессарабской губерніи. Здѣсь при земляныхъ работахъ найдены были разные черепки древней посуды, и просвѣщенные владѣльцы имѣнія Н. Н. и Е. К. Бузни не замедлили сообщить объ этой находкѣ Обществу. Раскопки, произведенныя тамъ хранителемъ музея, обнаружили богатые остатки каменной культуры до-микенскаго періода, и хотя эти раскопки еще не доведены до конца, но я уже могу сегодня предъявить членамъ Общества четыре художественно исполненныхъ ч. к. М. В. Фармаковскимъ таблицы съ рисунками найденныхъ предметовъ, которыя нагляднѣе, нежели всякія описанія, могутъ дать представленіе, какъ о значеніи сдѣланнаго открытія, такъ и о необходимости внимательно изслѣдовать эту любопытную въ археологическомъ отношеніи мѣстность.

Что касается «музейной» дѣятельности Общества, то она, попрежнему, направлена была къ пополненію коллекцій Общества, какъ въ Одесскомъ музеѣ, такъ и въ Ѳеодосійскомъ и въ музеѣ Малекъ-Чесменскаго кургана въ Керчи.

Особенно вниманіе Общества направлено было на пополненіе тѣхъ отдѣловъ собранія Одесскаго музея, которые придаютъ ему спеціальный характеръ,—классическихъ древностей, найденныхъ на Югѣ Россіи.

Такъ по отдѣлу античныхъ вазъ вновь внесено въ инвентарный каталогъ музея 250 номеровъ, считая, конечно, и всякіе фрагменты; по отдѣлу терракотовыхъ фигуръ—40; античныхъ гипсовыхъ издѣлій—15; надписей на камнѣ—11; издѣлій изъ мрамора или камня—13; каменныхъ орудій—4; предметовъ изъ античнаго дерева и кости—8; античной бронзы—10; серебра и золота—50; античныхъ бусъ—97; античнаго стекла—20; монетъ—до 500 и т. д. Если прибавить къ сему посуду и черепки, добытые при раскопкахъ въ Петренахъ, то въ общей сложности въ Одесскій музей поступило въ истекшій періодъ времени до 2000 предметовъ.

При ограниченныхъ средствахъ Общества, конечно, далеко не всѣ, поступившіе въ музей, предметы имъ самимъ пріобрѣтены. Быстрое обогащеніе музея и пополненіе его собраній мыслимы только при благосклонномъ участіи къ нему радѣтелей и благотворителей. Въ числѣ жертвователей за истекшій годъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ назвать Его Императорское Высочество Великаго Князя Александра Михайловича, почетнаго члена нашего Общества, подарившаго музею весьма рѣдкую и цѣнную монету, Императорскую Археологическую Коммиссію, нашего Вице-Прези-

дента и почетнаго члена А. Л. Бертье-Делагарда, постоянно обогащающаго нашъ музей цѣнными подарками, и д.. ч. и казначея Общества П. А. Маврогордато, принесшаго намъ въ даръ къ сегодняшнему засѣданію рѣдкій и цѣнный серебряный головной уборъ, украшенный позолоченными глиняными жолудями и рѣпками,—изъ Ольвіи. Но и помимо названныхъ, цѣлый рядъ другихъ лицъ проявилъ свой интересъ къ нашему музею, жертвуя то древнюю вещь, заслуживающую быть сохраненной, то монету и т. д.

Интересъ мѣстнаго населенія и пріѣзжающей публики къ нашимъ коллекціямъ выражается въ числа посѣтителей музея. Въ этомъ отношеніи мы съ радостью можемъ отмѣтить, что число ихъ ежегодно увеличивается. Въ истекшемъ году оно достигало 7000 съ лишкомъ, почти на 2000 больше, чѣмъ за предшествующій періодъ. Особенно слѣдуетъ отмѣтить значительное возрастаніе систематическихъ посѣщеній музея воспитанниками и воспитанницами учебныхъ заведеній подъ руководствомъ хранителя музея и другихъ должностныхъ лицъ Общества.

Такъ въ истекшемъ году посѣтили музей:

21 декабря 1901 года 20 ученицъ Одесской женской гимназіи г-жи Малько.

22 декабря 1901 г. 50 ученицъ Одесской женской воскресной школы.

4 января 1902 г. ученики II класса Одесскаго училища торговаго мореплаванія.

2 апрѣля 1902 г. ученики VIII класса Одесской IV мужской гимназіи.

3 апрѣля 1902 г. студенты I и II курса Историко-филологическаго факультета И. Новороссійскаго университета.

5 апрѣля 1902 г. 60 ученицъ Одесскаго коммерческаго училища г-жи Козленко.

16 апрѣля 1902 г. ученицы VII и VIII класса II-й Одесской женской городской гимназіи.

13 апрѣля 1902 г. 41 ученикъ Торговаго народнаго училища изъ Свиштова, въ Болгаріи.

8 мая 1902 г. 30 ученицъ VI класса Одесской женской гимназіи г-жи Березиной.

10 мая 1902 г. доктора Желѣзнодорожнаго медицинскаго съѣзда въ Одессѣ.

21 мая 1902 г. ученики VII класса Одесской V мужской гимназіи.

11 іюня 1902 г. ученическая экскурсія изъ Орловской губерніи.

17 іюня 1902 г. экскурсанты Пинскаго реальнаго училища.

8 іюля 1902 г. воспитанники Императорскаго сада.

15 іюля 1902 г. 30 учителей-экскурсантовъ изъ Курской губерніи.

19 іюля 1902 г. экскурсанты Бакинскаго техническаго училища.

23 октября 1902 г. воспитанники Одесской рисовальной школы.

8 ноября 1902 г. ученики VIII класса Одесской III мужской гимназіи.

Эти массовыя посѣщенія цѣлыхъ группъ ученицъ и учениковъ, которымъ даны были подробныя объясненія нашихъ коллекцій, ихъ характера и значенія, слѣдуетъ несомнѣнно считать отраднымъ фактомъ въ жизни нашего Общества, одна задача котораго—распространеніе интереса къ памятникамъ старины среди населенія нашего края, можетъ быть достижима лишь путемъ воздѣйствія на подрастающее поколѣніе, и то обстоятельство, что многіе изъ этихъ нашихъ посѣтителей не довольствовались однимъ пребываніемъ въ музеѣ, и нерѣдко послѣ перваго ознакомленія съ нимъ опять заходили и проявляли несомнѣнный интересъ къ нему, позволяетъ надѣяться, что вниманіе и любовь къ древностямъ и къ прошлому старины не заглохнетъ въ нихъ, а напротивъ разовьется съ теченіемъ времени.

Подводя итоги изложенному, мы можемъ сказать, что въ общемъ жизнь въ истекшемъ году въ нашемъ Обществѣ шла правильно: мы не имѣемъ основаній гордиться сдѣланнымъ и достигнутымъ, но не имѣемъ повода и унывать. Будемъ надѣяться, что при дружной работѣ и при участіи въ ней всѣхъ членовъ Общества удастся въ предстоящемъ 64 году его существованія пойти дальше въ изученіи прошлыхъ судебъ любимаго нами Юга и болѣе широкими раскопками содѣйствовать выясненію здѣшней культуры давно минувшихъ дней; а быть можетъ также намъ удастся создать для нашихъ собраній и коллекцій достойное ихъ помѣщеніе, которое и въ дѣйствительности заслуживало-бы названіе «музея».

Д. ч. Э. Р. Ф. Штерна.

Къ біографіи гр. С. М. Каменскаго.

Родъ графовъ Каменскихъ крупными чертами вписалъ себя въ исторію Новороссійскаго края въ XVIII—XIX вв. Выдающійся представитель этого рода Екатерининскій генералъ и Павловскій фельдмаршалъ, гр. Михаилъ Ѳедотовичъ Каменскій во время Первой Турецкой войны участвовалъ въ битвахъ подъ Хотиномъ и во взятіи этого города, на чемъ онъ особенно и настаивалъ на военномъ совѣтѣ; участвовалъ также во взятіи Бендеръ и въ маневрахъ подъ Аккерманомъ и за Дунаемъ; во время Второй Турецкой войны онъ снова взялъ Хотинъ, не разъ разбилъ турокъ на поляхъ Бессарабіи, но, замѣстничавшись съ генераломъ Каховскимъ, долженъ

былъ, по желанію Императрицы (писавшей: «Сумасшедшій Каменскій шалитъ»), уѣхать изъ арміи. Суровый характеръ и капризы поссорили его и съ Имп. Павломъ I, а въ 1806 г., назначенный главнокомандующимъ арміи, направленной противъ Наполеона, Каменскій такъ постыдно бросилъ ее и уѣхалъ въ Россію, что только уваженіе къ его сану и лѣтамъ спасло его отъ позорнаго наказанія. Наконецъ, капризы гр. Каменскаго и суровое обращеніе съ крестьянами, какъ извѣстно, стали причиною его смерти. Жуковскій, хотя и довольно плохими стихами, оплакалъ это событіе; а мнѣ приходилось гдѣ-то читать, что суровый фельдмаршалъ былъ образцомъ, съ котораго гр. Левъ Толстой отчасти скопировалъ своего стараго князя Болконскаго.

Гр. М. Ѳ. Каменскій имѣлъ двухъ сыновей: Сергѣя и Николая. Блестящимъ метеоромъ пролетѣла жизнь младшаго изъ нихъ. Послѣ быстрой боевой карьеры, онъ удачно подготовилъ военными успѣхами соединеніе съ Россіей Финляндіи, затѣмъ въ 1810—1811 г. такъ же удачно сражался съ турками за Дунаемъ и, осыпанный, не смотря на 35-лѣтній возрастъ, всѣми наградами, скоропостижно скончался 4 мая 1811 г. въ Одессѣ, куда прибылъ совершенно больной, обнаруживъ умственное разстройство. Такъ какъ гр. Н. М. Каменскій былъ къ это время предназначаемъ въ главнокомандующіе 2-й арміи, которая должна была дѣйствовать противъ Наполеона, и заболѣлъ будто-бы послѣ чаю, выпитаго у французскаго дипломатическаго агента, то и возникъ разсказъ, что онъ былъ отравленъ, ибо французы его опасались, зная, какъ умѣлъ онъ воодушевлять солдатъ. Прибавлю къ сказанному о гр. Н. М. Каменскомъ, что по отзывамъ служившаго у него адъютантомъ кн. М. Г. Волконскаго (декабриста) онъ былъ человѣкомъ очень капризнымъ (см. напр. Записки стр. 119).

Гораздо менѣе выдающеюся личностью въ военномъ отношеніи былъ старшій сынъ фельдмаршала гр. Сергѣй Михайловичъ Каменскій. Начало карьеры его, впрочемъ, также было довольно эффектно; онъ служилъ въ военной службѣ, участвовалъ во многихъ сраженіяхъ, въ томъ числѣ и на Дунаѣ во время Второй Турецкой войны при Императрицѣ Екатеринѣ II, и вездѣ заслужилъ самые лестные отзывы начальниковъ; особенно же сталъ онъ извѣстенъ своею боевою дѣятельностью во время Турецкой войны при Императорѣ Александрѣ I; онъ сражался подъ Браиловомъ, взялъ Базарджикъ, за что былъ произведенъ въ полные генералы, а затѣмъ такъ отличился въ битвѣ подъ Шумлой, что получилъ орденъ Св. Георгія 2 кл.; благодаря ему, наконецъ, одержана была и крупная побѣда при Батынѣ.

Казалось-бы, что такихъ данныхъ совершенно достаточно для удостовѣренія личной храбрости гр. С. М. Каменскаго; однако далѣе мы встрѣ-

тимъ доказательства присутствія въ немъ совсѣмъ противоположнаго свойства—трусости. Какъ понять это? Думать, что исключительное значеніе отца-фельдмаршала создало видную карьеру сына, не легко: еще полнымъ генераломъ онъ могъ-бы стать, но Георгіевскій крестъ по протекціи не дается; при чемъ во время совершенія гр. С. М. Каменскимъ своихъ послѣднихъ подвиговъ фельдмаршала уже не было въ живыхъ, а съ меньшимъ братомъ своимъ—главнокомандующимъ онъ не ладилъ; наконецъ, гр. С. М Каменскій участвовалъ въ слишкомъ многихъ сраженіяхъ: не всегда удачно, какъ и всякій военноначальникъ, но внѣ всякаго подозрѣнія въ недостаткѣ личной храбрости.

Положимъ, отецъ смотрѣлъ на гр. С. М. Каменскаго, какъ на плохого военнаго, но такъ-же точно, если не хуже, оцѣнивалъ онъ и военныя качества второго сына—и, какъ извѣстно, очень ошибался. Вообще отношеніе фельдмаршала къ своимъ сыновьямъ было невѣроятно странное, вполнѣ ненормальное.

О плохихъ военныхъ свойствахъ гр. С. М. Каменскаго говоритъ и кн. Волконскій (декабристъ) въ запискахъ, не сообщая, впрочемъ, сколько нибудь убѣдительныхъ фактовъ. Но, если онъ и правъ, это не было бы противорѣчіемъ тому предположенію, какое я дѣлаю далѣе, ибо замѣчанія кн. Волконскаго относятся ко времени послѣ назначенія главнокомандующимъ гр. Н. М. Каменскаго. Кстати, кн. Волконскому въ разсказѣ о Турецкой войнѣ кое-гдѣ измѣнила память: гр. С. М. Каменскій получилъ Георгія 2 кл. не за Базарджикъ, а за Шумлу (см. выше).

Мнѣ кажется, что причину, измѣнившую характеръ гр. С. М. Каменскаго, надо искать тоже въ его умственномъ разстройствѣ. Сынъ чрезвычайно эксцентрическаго фельдмаршала и братъ сошедшаго съ ума и капризнаго гр. Н. М. Каменскаго, гр. С. М. Каменскій, и до того поражавшій окружающихъ своими странностями, повидимому, около 1810 г. тоже потерялъ умственное равновѣсіе. Кажется, причиною тому было назначеніе главнокомандующимъ меньшого брата, которому гр. С. М. Каменскій, какъ корпусный командиръ, оказался подчиненнымъ. Онъ, при самомъ назначеніи брата, не скрывалъ своего неудовольствія, очень плохо помогалъ брату при первой неудачной аттакѣ Шумлы (11 іюня 1810 г.), радовался его неудачѣ подъ Рущукомъ и на устроенномъ тогда нелюбившими главнокомандующаго лицами пиршествѣ пилъ за здоровье турецкихъ военачальниковъ. Но и гр. Н. М. Каменскій не любилъ старшаго брата и готовъ былъ оскорблять его (см. Записки кн. Волконскаго стр. 118).

Но, очевидно, психическое разстройство гр. С. М. Каменскаго еще не было тогда замѣтно и въ 1812 г. онъ назначенъ былъ командиромъ корпуса въ 3-ю армію, дѣйствовавшую противъ Наполеона, подъ начальствомъ Тормасова. Армія эта мало участвовала въ военныхъ дѣйствіяхъ; но все

же гр. Каменскому пришлось выдержать 31 іюля подъ Городечномъ несовсѣмъ удачную битву съ австрійскими и нѣмецкими войсками кн. Шварценберга и генер. Ренье. И вотъ во время этой битвы гр. Каменскій, какъ недавно отецъ его, сказался больнымъ, уѣхалъ съ поля сраженія и тѣмъ конечно, навсегда похоронилъ свою военную карьеру.

Тѣмъ не менѣе и слѣдующая часть біографіи гр. С. М. Каменскаго не лишена интереса; уѣхавъ послѣ сраженія въ г. Орелъ (въ Орловской губ. у него были огромныя имѣнія), онъ немедленно занялся тамъ устройствомъ театра изъ своихъ крѣпостныхъ и сдѣлался очень увлеченнымъ этимъ театромъ антрепренеромъ. Объ орловскомъ театрѣ и чудачествахъ графа сообщено уже не мало въ печати, и нѣтъ основанія говорить здѣсь объ этомъ; я напомню лишь, что театръ гр. Каменскаго оставилъ слѣдъ въ біографіи знаменитаго актера Щепкина и далъ сюжетъ трогательной повѣсти А. И. Герцена «Сорока-воровка».

Въ бумагахъ бывшаго черниговскаго губернатора А. П. Бутовича, предоставленныхъ въ мое распоряженіе внукомъ его В. Н. Бутовичемъ, нашлась сатира на гр. С. М Каменскаго, написанная въ формѣ посланія къ нему, въ довольно плохихъ стихахъ. Не смотря на то, сатира заслуживаетъ вниманія по многимъ причинамъ: интереснѣе всего въ ней отраженіе того впечатлѣнія, какое произвели въ нашемъ обществѣ нашествіе Наполеона, со всѣми его разноплеменными полчищами, и занятіе ими Москвы; затѣмъ въ сатирѣ есть кое какія детали относительно войны 12 года; наконецъ, сатира даетъ свѣдѣнія и о театрѣ гр. Каменскаго, сообщая эпизодъ о столкновеніи его съ какимъ-то военнымъ, кажется, впрочемъ, уже разсказанный въ печати, но кратко.

Сатира написана на листѣ синей бумаги почеркомъ того времени, къ какому она относится, и имѣетъ надпись, хоть и другимъ, но также современнымъ сочиненію ея почеркомъ: «Сатира Графу Каменскому». Написана она, видимо, вскорѣ послѣ 1812 г., такъ какъ въ ней живо выражены чувства, внушенныя военными событіями этого года, но, кажется, все же послѣ 1816 г., ибо въ ней говорится о Державинѣ, какъ о скончавшемся; хотя обращеніе къ нему можно понять иначе; графъ Каменскій же умеръ 8 декабря 1835 г. Сатира переписана довольно неисправно, но исправить ее почти вездѣ не трудно. Въ примѣчаніяхъ она ненуждается, такъ какъ въ ней упоминается о лицахъ, дѣятельность которыхъ общеизвѣстна.

Привожу сатиру на гр. С. М. Каменскаго полностью:

«Твой братъ и твой отецъ Отечеству служили,
Противъ враговъ его они полки водили. —
Хвалю тебя, мой Графъ, мой полный Генералъ,
Талантамъ что своимъ другую часть избралъ.

—Идетъ ли богачу, фельдмаршальскому сыну,
Вести себя на бой, подобно какъ скотину?
Подъ пушками бывать, въ ряды враговъ кидаться,
Ни ядеръ, ни картечъ, ни сабель не бояться?
Безумцамъ лишь однимъ прилично то творить;
Потомство о такихъ что будетъ говорить?
И храбрый самъ Тюренъ, великій Аннибалъ—
Рукою времени забытымъ уже сталъ!
А сѣверный герой, Багратіонъ извѣстный,
Отъ лишней храбрости теперь въ могилѣ тѣсной.
Хвалю, любезный Графъ, что остороженъ былъ,
Ты запахъ пороха ни мало не любилъ:
Изъ подъ жестокаго сраженья *Городечно*
(Да будетъ проклято, забыто оно вѣчно)
Ты съ свитою своей, какъ молнія, сверкнулъ
И въ нѣсколько минутъ верстъ за семь ускользнулъ;
Самъ Шварценбергъ, Ренье, мортиры ихъ и пушки
Въ дистанціи такой казались за игрушки.
Смѣялся ускакавъ надъ всѣми храбрецами,
Въ квартирѣ съ сливками пилъ кофе съ сухарями.
Хоть Тормасовъ тебя и жестоко ругалъ,
Болваномъ, подлецомъ и трусомъ называлъ;
Но это не ядро—и это не бѣда,
А брань на вороту невиснетъ никогда.
Ты поступилъ, мой Графъ, умно и осторожно:
Бѣжка не любятъ всѣ, а съ нимъ еще жить можно.
Взгляни на смѣльчаковъ—иной нестарыхъ лѣтъ...
Вотъ первой *Остерманъ*, руки за локоть нѣтъ,
Неверовскій безъ ноги и бродитъ съ костылемъ,
Какую выгоду они находятъ въ томъ?
Давыдовъ генералъ изстрѣлянъ, изувѣченъ,
На всю свою онъ жизнъ остался окалѣченъ.
И *Кульневъ* во гробу, а *Багговутъ* въ могилѣ,
Свой духъ онъ испустилъ въ тарутинской равнинѣ.—
Кутайсовъ и *Тучковъ* на Бородинскомъ полѣ
Скончали свой животъ—и нѣтъ уже ихъ болѣ.—
Лубенскаго полка гусарскій генералъ,
Ведя въ атаку полкъ, предъ фрунтомъ первый палъ;
А храбрый *Дорожовъ* подъ Вереей кровь лилъ
И кровію своей могилу тамъ купилъ.
Великіе мужи Россійскія Державы,

У коихъ въ истину нельзя похитить славы:
Суворовъ Рымникскій, Кутузовъ князь Смоленскій,
Самъ Задунайскій графъ и Долгоруковъ Крымскій
Отечеству, Царю до старости служили
И кровь свою за нихъ въ бояхъ охотно лили.
Но что-же лучшаго? и гдѣ они теперь?—
Имъ служба, раны, трудъ отверзали гроба дверь!
А еслибы они тебѣ уподоблялись—
Съ полей сраженія почаще удалялись,
За честью, за мечтой, за выдуманной славой
Ни мало не гонясь, храня разсудокъ здравый—
То, можетъ быть, иной еще поднесь бы жилъ
И жизнію своей другихъ бы веселилъ.
Такъ точно, Графъ, и ты, Орловскій утѣшитель,
Театра, креселъ. ложъ великій покровитель.
Но мнѣ ли, слабому и юному пѣвцу,
Твои всѣ подвиги умѣть привесть къ концу?
Возможно ли мечтать и можно-ли успѣть,
Тебя, достойный мужъ, прилично чтобъ воспѣть?
Любивши истину и чтя тебя нелестно,
Взялся я за перо, да будетъ всѣмъ извѣстно:
Не славы, не хвалы писавши ожидаю!
Къ тебѣ почтеніе, которое питаю,
Невольно мнѣ велитъ на лирѣ пробрянчать
И, сколько будетъ силъ, тебя возвеличать.
Въ двѣнадцатомъ году, въ эпоху незабвенну,
Когда ужасный Галлъ, собравши полвселенну,
Отъ Нѣмана въ Москву, какъ исполинъ шагалъ
И все, что ни встрѣчалъ, губилъ, разилъ, сжигалъ
Въ растерзанной странѣ преступничьей рукою—
Вездѣ былъ слышенъ вопль, тамъ кровь лилась рѣкою;
А жители Москвы въ бѣдахъ, огнѣ и мукѣ
Къ сынамъ Отечества протягивали руки,
Просили мщенія, просили избавленья;
Вѣщали такъ они: сбирайте ополченья,
Идите, нещадя ни жизни, ни дѣтей,
Спѣшите дань платить вы родинѣ своей.
Ужъ въ храмахъ Божіихъ нѣтъ службы алтарямъ,
Жестокіе враги, подобные звѣрямъ,
Влекутъ невинныхъ дѣвъ, во храмахъ оскверняютъ,
Жрецовъ у алтарей во храмѣ убиваютъ—

Въ конюшню превративъ Архангельскій соборъ,
Тѣла угодниковъ повыкинувъ на дворъ,
Ругаясь церковью и ликами святыхъ,
Иконы ободравъ, варили ѣсть на нихъ.
Гдѣ дѣвы, женщины молилися, спасались,
Въ обителяхъ святыхъ насиліемъ ругались.
Отъ злобныя руки ни старецъ, ни дитя,
Ни слабой, ни больной немогъ спасать себя;
Тамъ скудной и богачъ, посадской и вельможа,
Дьячекъ, архіерей злу участь терпятъ тоже.
Младенцевъ на рукахъ мечемъ насквозь пронзаютъ,
Иль въ храминѣ людей накрѣпко запираютъ
И послѣ, подложа огонь со всѣхъ сторонъ,
Смѣются, тѣшатся, горящихъ слыша стонъ.
Вдова, лишенная имѣнья, дому, дщери
Съ другой спасается, и только лишь за двери—
Неистовый Полякъ тотчасъ на нихъ стрѣляетъ,
Къ ногамъ онъ матери дщерь мертву повергаетъ.
Тамъ женщина бѣжитъ въ пылающей одеждѣ,
Спѣшитъ скорѣй къ рѣкѣ и, будучи въ надеждѣ,
Что огнь водой зальётъ, пускаетъ жалкой крикъ,—
Какъ тутъ-же ей Французъ вонзаетъ въ сердце штыкъ.
Течетъ по стогнамъ кровь, Москва во огнѣ пылаетъ
И вѣрныхъ Россіянъ еще къ себѣ взываетъ:
Умрите! должно коль Отечество спасать—
Вашъ долгъ враговъ изгнать, иль трупами лежать.
Въ тѣ грозные часы, въ ужасныя минуты,
Когда Россія вся терпѣла язвы люты
И всякой къ извергамъ и гнѣвъ и месть питалъ,
Ты вновь, Сіятельный, полезенъ Россамъ сталъ.
Ты видѣлъ каждаго тоску и огорченье,
Почувствовалъ въ душѣ къ несчастнымъ сожалѣнье:
Оставивъ поприще военна ремесла,
Куда было тебя нелегка занесла,—
Ты въ содержатели театра претворился:
Орелъ сталъ утѣшать, Медоксомъ тамъ явился.
Лишь чуть заря, уже билеты роспускаешь
И даже за раекъ самъ деньги отбираешь;
Своею Графскою рукой билеты пишешь,
Благимъ устройствомъ симъ ты ежечасно дышешь;
Въ мундирѣ, въ двухъ звѣздахъ, съ Георгіемъ на шеѣ,

Потѣешь, трудишься, о пользѣ сей радѣя;
За половину дня въ конторѣ засѣдаешь,
Для блага русскаго труды въ ничто вмѣняешь.
И можно-ли кому сіе препоручать?
Другой удобенъ ли билетъ такъ подписать?
Ты помнишь креселъ всѣхъ и счетъ и номера;
Къ кому когда была природа такъ щедра?
Кто памятью такой, кто смысломъ похвалятся—
Подобны геніи вѣками лишь родятся!
Но люди мудрены, нельзя всѣмъ у годить,
Иной доволенъ имъ, другой его бранитъ.
Какой-то Храбряковъ въ недавнихъ временахъ,—
Полковникъ удалой, обвѣшанный въ крестахъ,
Въ театрѣ сидя томъ,—безъ графска дозволенья
Осмѣлился свершить большое преступленье:
У Графа не спросясь, по дерзости своей
На сцену Протасовой онъ бросилъ сто рублей.
Разгнѣвался нашъ графъ и яростью кипѣлъ,—
Обиду кто-бъ сію по истинѣ стерпѣлъ?
Нетако нашъ герой въ сраженьяхъ ополчался,
Подъ Шумлой, Батыномъ, Базарчукомъ сражался
Нетако Александръ на персовъ наступалъ
И къ Дарію въ полки смертельный огнь бросалъ,
Какъ оскорбленный графъ начати брань спѣшитъ—
Въ мундирѣ въ орденахъ къ полковнику летитъ.
Онъ грозно нападалъ и требовалъ отвѣту:
Какъ смѣлъ недоложась кидать при немъ монету?
Полковникъ всё молчалъ, не говорилъ ни слова
И будто оробѣлъ—а графъ храбрился снова.
Но послѣ, всякое терпѣнье потерявъ,
Принявши важный видъ, онъ графу такъ сказалъ:
«Скажи пожалуй мнѣ, давноль ты сталъ храбрецъ?
«Всѣ знаютъ въ арміи, что трусъ ты и подлецъ;
«А что то истина, могу я доказать:
«Ты долженъ здѣсь сей часъ мнѣ удовольство дать,
«На сабляхъ, палашахъ, на шпагахъ, иль стрѣляться;
«Ты долженъ здѣсь сей часъ, ты долженъ со мной драться»
Оружіе сіе велѣлъ къ себѣ подать,
Любое приказалъ онъ графу выбирать.
О Боги! о судьба! о мой незлобный графъ!
Слезами залился и, на колѣни ставъ,

Просилъ прощенія, рыдая извинялся
И вѣкъ не храбровать полковнику поклялся.
Итакъ, чудесный Графъ, равнялся кто съ тобой?
Портретъ твой дописать талантъ не въ силахъ мой.
Проснись, безсмертный Бардъ! творецъ Фелицы, Бога—
Хоть критики тебя судить старались строго —
Ты можешь лишь одинъ его изобразить
И сердцу и уму и честности дать видъ».

Вѣроятно, эта, или иная подобная исторія была причиной, что, по словамъ Михайловскаго-Данилевскаго, Императоръ Александръ I, въ бытность въ Орлѣ, не пожелалъ видѣть гр. Каменскаго.

Не могу не повторить въ заключеніе, что такой печальный закатъ гр. С. М. Каменскаго послѣ столь блистательнаго восхода, засвидѣтельствованнаго многократными наградами, полученными именно «за храбрость», едва-ли можно объяснить иначе, какъ психическимъ разстройствомъ, быть можетъ, наслѣдственнымъ, гр. С. М. Каменскаго, не понятымъ его современниками.

Д. ч. *Ал. Маркевичъ.*

11 ноября 1902 г.

347 ЗАСѢДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Одесскаго Общества Исторіи и Древностей

19-го Декабря 1902 года.

Присутствовали: подъ предсѣдательствомъ *Э. Р. фонъ-Штерна*, при секретарѣ *А. И. Маркевичѣ*, дѣйствительные члены: *Л. Ф. Брунъ*, *Г. О. фонъ-Гаазе*, *П. А. Ивановъ*, *А. А. Кочубинскій*, *Н. И. Ленцъ*, *А. В. Лонгиновъ*, *В. Н. Мочульскій*, *А. А. Павловскій*, *С. Д. Пападимитріу* и *Г. И. Перетятковичъ*.

Слушали:

I. Слѣдующую телеграмму отъ 15 ноября с. г. Его Высокопревосходительства г. Министра Императорскаго Двора Барона Фридерикса г. Вице-Президенту Общества А. Л. Бертье-Делагарду:

«ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ благодаритъ Васъ и членовъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей за выраженныя чувства».

Телеграмма эта, полученная отъ г. Министра Двора въ отвѣтъ на посланную ему 14 ноября с. г. (см. журналъ 346 засѣданія п. I), уже сообщена была гг. членамъ Общества и напечатана въ газетахъ.

Выслушавъ стоя благодарность ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, *постановили*: съ признательностью занести телеграмму въ журналъ настоящаго засѣданія.

II. Телеграмму отъ 15 ноября с. г. Его Высокопревосходительства г. Президента Общества Члена Государственнаго Совѣта Х. Х. Роопа Вице-Президенту Общества:

«Сердечное спасибо Вамъ и Обществу за милое вниманіе. Дай Богъ, чтобы въ недалекомъ будущемъ удалось намъ обзавестись своимъ домомъ и болѣе широкими матерьяльными средствами».

Постановили: Напечатать телеграмму въ журналѣ настоящаго засѣданія.

III. Благодарность Западно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества отъ 30 октября с. г. за № 1448 за привѣтствіе и добрыя пожеланія по случаю его 25-лѣтняго юбилея.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

IV. Благодарность г. настоятеля Судацкой Покровской церкви священника Валентина Томкевича отъ 26 ноября с. г. за № 241 за избраніе его членомъ-корреспондентомъ Общества.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

V. Приглашеніе Императорскаго Юрьевскаго университета отъ 3 ноября с. г. принять участіе въ празднованіи 12 декабря с. г. столѣтней годовщины основанія Юрьевскаго (Дерптскаго) университета.

Доложено, что къ этому времени послана была отъ Общества Императорскому Юрьевскому университету привѣтственная телеграмма.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Докладъ хранителя музея о томъ, что съ 31 октября по 19 декабря с. г. въ Общество поступили слѣдующіе предметы:

Подарены:

П. ч. А. Л. Бертье-Делагардомъ: 2 стекла, античные вѣсы и античная-же деревянная коробка. Изъ Крыма.

Планъ Акермана.—Akkermann 1770. General Repnin erobert.

Серебряный рубль 1774 года.

Д. ч. П. А. Мавродидато: Серебряный налобникъ съ глиняными позолоченными розетками и желудями. Рогъ (козлика) въ серебряной оправѣ. —Ольвія.

Д. ч. П. А. Зеленымъ: разныя европейскія монеты и медаль въ память Вѣнской музыкальной выставки 1882 года.

Куплены:

Старинная гравюра, изображающая Каменецъ-Подольскую крѣпость.

2 стекла отъ торговца Наделя и 2 стекла отъ торговца Запорожскаго. Изъ Керчи.

Медаль въ память побѣды при Кагулѣ.

Постановили: Жертвователей благодарить, а вещи передать въ музей.

VII. Докладъ секретаря Общества о томъ, что въ Общество поступило съ 31 октября по 19 декабря с. г. слѣдующія книги:

1) Записки Императорской Академіи Наукъ, т. V, № 4. Спб. 1902.

2) Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности И. Академіи Наукъ. Т. VII, кн. 3. Спб. 1902.

3) Н. В. Гоголь. Рѣчи, посвященныя его памяти въ публичномъ соединенномъ собраніи Отдѣленія русскаго языка и словесности, Разряда изящной словесности И. Академіи Наукъ и Историко-Филологическаго факультета И. С.-Петербургскаго университета, 21 февраля 1902 г. Спб. 1902 г.

4) Книга бытья моего. Епископа Порфирія Успенскаго. Т. VII. Спб. 1901 г.

5) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1902 г., кн. 3 и 4. М. 1902 г.

6) Ученыя Записки И. Казанскаго университета. Годъ LXIX, кн. X XI. Каз. 1902.

7) Годичный актъ въ И. Казанскомъ университетѣ. Каз. 1902.

8) Ученыя Записки И. Юрьевскаго университета № 5. Юрьевъ 1902.

9) Акты Московскаго государства. Изд. И. Академіи Наукъ, т. III, 1660—1664. Спб. 1901.

10) Сообщенія И. Православнаго Палестинскаго Общества. XIII, № 2, ч. 1. Спб. 1902.

11) Архивъ юго-западной Россіи, ч. 3, т. V. Кіевъ 1902.

12. Извѣстія И. Русскаго Географическаго Общества. Т. XXXVIII, вып. II. Спб. 1902.

13) Извѣстія Кавказскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества 1902. Т. XV, № 4.

14) Юбилейный Сборникъ Западно-Сибирскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества 1902.

15) Труды Троицкосавско-Кяхтинскаго Отдѣленія Приамурскаго Отдѣла И. Русскаго Географическаго Общества. Т. III, вып. 2 и 3. 1900 г. Иркутскъ 1902, т. IV, вып. 2. 1901 г. М. 1902 и т. V. вып. 1. 1902 г. М. 1902.

16) Записки Крымскаго Горнаго Клуба. 1902, № 9—10. Од. 1902.

17) *Н. Н. Пантусовъ:* Древности Средней Азіи, съ 4 таблицами. Каз. 1902.

18) Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Р. XI, 1902. т. XLVIII и XLIX.

19) Chronik der ukraïnischen Sevčenco-Gesellschaft der Wissenschaften in Lemberg. 1902. Heft 11, № 10.

20) Vjesnik Hrvatskoga Arheološkoga Društva. Nove serije, sv. VI. Zagr. 1902.

21) Bullettino Archeologia e Storia Dalmata, anno XXV. Pr. Bulič. Spalato. 1902.

22) Smitnsonian Institution bureau of American etnologi j. w. poweli, director bulleten 26. Katnlamet texts Franz Baas, Wachington 1901.

23) Bulletin New-York public library. Vol. I. Number 12. New-York. 1902.

При этомъ г. библіотекарь Общества доложилъ, что отъ И Академіи Наукъ и отъ И. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ постоянно доставляются ихъ изданія, представляющія важный научный интересъ.

Постановили: Книги передать въ библіотеку Общества и благодарить И. Академію Наукъ и И. Общество Исторіи и Древностей при И. Московскомъ университетѣ за пересылку столь важныхъ научныхъ изданій.

VIII. Ходатайство Историко-филологическаго Института Кн. Безбородко отъ 7 ноября с. г. за № 1890 г. о высылкѣ для библіотеки Комитета Записокъ Общества, т. XVI и послѣдующихъ.

Совѣтъ предлагаетъ обмѣниваться изданіями.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

IX. Предложеніе Финскаго Археологическаго Общества, полученное 20 ноября с. г., объ обмѣнѣ изданіями, причемъ Общество извѣщаетъ о присылкѣ своихъ.

Совѣтъ предлагаетъ согласиться на обмѣнъ, выславъ тѣ изданія, какія возможно.

Постановили: Отложить рѣшеніе вопроса до выясненія того, какія изданія предлагаетъ Финское Археологическое Общество въ обмѣнъ.

X. Письмо А. А. Борзенко на имя д. ч. А. А. Кочубинскаго, отъ 25 ноября с. г., съ предложеніемъ со стороны г. Борзенко принесть въ даръ Обществу портреты Болгарскаго князя Фердинанда, съ его автографомъ, и сына его князя Бориса Тырновскаго, съ тѣмъ, чтобы портреты эти были помѣщены въ музеѣ Общества съ надписью: «Даръ А. А. Борзенко».

Совѣтъ предлагаетъ принять этотъ даръ.

Постановили: Согласиться съ мнѣніемъ Совѣта.

XI. Слѣдующее предложеніе И. Московскаго Археологическаго Общества отъ 15 декабря с. г. № 1936.

«Императорское Московское Археологическое Общество, получивъ разрѣшеніе г. Министра Народнаго Просвѣщенія на созывъ Предварительнаго Комитета XIII Археологическаго Съѣзда въ Екатеринославѣ, имѣетъ честь покорнѣйше просить Одесское Общество Исторіи и Древностей не отказать въ назначеніи представителей въ означенный Комитетъ, имѣющій собраться съ 4 по 6 января 1903 г. въ Москвѣ.

Первое засѣданіе Комитета предположено на 4 января, въ $7^1/_2$ веч., въ д. Общества (Берсеневская Набережная, с. д.)».

Предсѣдатель *Графиня Уварова.*
Секретарь *В. Трутовскій*

Постановили: Просить быть представителями дд. чч. А. А. Кочубинскаго, И. А. Линниченка и Э. Р. фонъ-Штерна, о чемъ и сообщить Императорскому Московскому Археологическому Обществу.

XII. Докладъ секретаря о полученныхъ имъ отъ ч.-к. Л. П. Колли свѣдѣніяхъ о слѣдующемъ положеніи ремонта генуэзскихъ башенъ въ Ѳеодосіи:

«Губернскій архитекторъ г. Карапетовъ остановилъ пока работы по исправленію генуэзскихъ башенъ. Реставрація остатковъ круглой башни Готфредо ди Зоали (1342 г.) на юго-востокѣ отъ города совсѣмъ окончена. Часть матерьяла для реставраціи башни Папы Климента VI уже заготовлена для весеннихъ работъ. Судя по первой башнѣ, работы исполняются съ полнымъ знаньемъ дѣла».

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

XIII. Сообщеніе д ч. Э. Р. фонъ-Штерна: «По поводу надгробія Евресивія и Ареты изъ Ольвіи».

Постановили: Напечатать въ приложеніи къ журналу настоящаго засѣданія.

XIV. Сообщеніе д. ч. В. Н. Мочульскаго: «Татарскія преданія и соотвѣтствующія имъ параллели въ сказаніяхъ другихъ народовъ».

Постановили: Передать въ Издательскій Комитетъ для напечатанія въ матерьялахъ въ XXV т. Записокъ Общества.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

По поводу надгробнаго памятника Евресивія и Ареты въ Ольвіи.

Въ третьемъ выпускѣ извѣстій Императорской Археологической Коммиссіи Б. В. Фармаковскій помѣстилъ изслѣдованіе о великолѣпномъ могильномъ склепѣ, который имъ систематически былъ раскопанъ и изслѣдованъ въ 1901 году; этотъ склепъ находится въ большомъ курганѣ, который еще въ 1896 году не былъ тронутъ новѣйшими кладоискателями, но въ промежутокъ времени между 1896 и 1901 годами былъ изрытъ по всѣмъ направленіямъ и, повидимому, ограбленъ. Путемъ разспросовъ у мѣстныхъ крестьянъ, г. Фармаковскому удалось установить, что въ склепѣ кургана въ 1899 году найденъ былъ ими камень съ надписью, который былъ купленъ у нихъ очаковскимъ торговцемъ древностями Л. Гохма-

номъ. Такъ какъ Императорскій Одесскій Музей пріобрѣлъ у того-же г. Гохмана въ томъ же году надгробный памятникъ съ надписью, найденный по заявленію продавца въ вновь открытомъ могильномъ склепѣ въ Ольвіи, то г. Фармаковскій приходитъ къ совершенно вѣрному заключенію, что рѣчь идетъ объ одномъ и томъ же памятникѣ, и поэтому считаетъ нужнымъ начать свое изслѣдованіе съ переизданія этого памятника и помѣщенной на немъ надписи, опубликованной мною въ свое время въ XXIII томѣ нашихъ Записокъ (надпис. V, 6).

Соображенія, высказанныя Б. В. Фармаковскимъ при этомъ переизданіи, заставляютъ меня вернуться къ этому памятнику и его надписи.

Въ моемъ описаніи памятника, между прочимъ, сказано, что лицевая сторона двухъ блоковъ, на которыхъ покоится прямоугольная мраморная плита съ надписью, весьма тщательно отдѣлана и обработана въ видѣ ножекъ, кончающихся раздѣльными копытами.

Б. В. Фармаковскій находитъ это описаніе неправильнымъ и пишетъ, «что профили ножекъ стола, по его мнѣнію, прямо говорятъ, что имѣлось въ виду изобразить львиныя лапы, а не ноги съ копытами», и приводитъ при томъ разные примѣры, изъ которыхъ можно усмотрѣть, что столики для приношеній, изображаемые на рельефахъ передъ героизированными умершими, обыкновенно оканчиваются львиными лапами. Не оспаривая правильности послѣдняго утвержденія, я однако долженъ замѣтить, что считаю рискованнымъ заниматься угадываніемъ мыслей и намѣреній такъ давно сошедшаго въ могилу мастера. «Имѣлось ли имъ въ виду изобразить львиныя лапы», какъ утверждаетъ Б. В. Фармаковскій, я не знаю; если же онъ дѣйствительно имѣлъ такое намѣреніе, то удивляюсь, почему онъ, при своемъ хорошемъ техническомъ умѣніи, не привелъ его въ исполненіе, подобно мастерамъ тѣхъ столовъ, на которые указываетъ г. Фармаковскій; ибо до очевидности ясно, что ножки стола не представляютъ собою львиныхъ лапъ. Но онѣ, конечно, не представляютъ собою, какъ повидимому понялъ меня г. Фармаковскій, и «копытъ быка», а передъ нами архитектурная стилизація. Мастеръ, примѣнившій ее, по всей вѣроятности, какъ это обыкновенно водится, даже не зналъ, откуда беретъ свое начало эта форма, заимствованная имъ изъ какого-нибудь сборника съ модельными рисунками. Только, чтобы указать на позабытый прототипъ этой архитектурной стилизаціи, я писалъ, что «лицевая сторона отдѣлана *въ видѣ* ножекъ, кончающихся раздѣльными копытами»; я, конечно, при этомъ далекъ былъ отъ мысли приписать мастеру намѣреніе изобразить ножки или копыта быка, или другого животнаго этой породы, и жалѣю теперь, что не распространялся по поводу этого вопроса обстоятельнѣе въ предотвращеніе недоразумѣнія г. Фармаковскаго. Что первоначальнымъ, несознательнымъ впослѣдствіи, прототипомъ этой

архитектурной стилизаціи во всякомъ случаѣ служили не львиныя лапы, доказывается уже тѣмъ, что вся отдѣлка передней части этой подставки разсчитана на видъ въ фасъ, а не въ профиль.

Гораздо важнѣе, чѣмъ въ этомъ пунктѣ, разногласіе Б. В. Фармаковскаго со мною въ другомъ вопросѣ. Въ надписи имѣется приписка, сдѣланная впослѣдствіи другой рукой; я старался показать, что эта по содержанію весьма странная приписка обязана своимъ происхожденіемъ фантазіи новѣйшаго фальсификатора, желавшаго чѣмъ-нибудь разнообразить нашу надпись отъ копіи, изсѣченной по его иниціативѣ на античной мраморной плитѣ и проданной частному коллекціонеру. Г. Фармаковскій съ этимъ мнѣніемъ не соглашается и считаетъ эту приписку античной, ссылаясь при этомъ на авторитетнаго въ области эпиграфики В. В. Латышева. Дѣйствительно, В. В. Латышевъ, въ томъ-же, третьемъ, выпускѣ Извѣстій, въ концѣ статьи о найденныхъ въ 1901 г. надписяхъ помѣстилъ экскурсъ «Дополненія и поправки къ надписямъ, изданнымъ въ Inscript. orae sept. Ponti Euxini», который почти всецѣло посвященъ надгробной надписи Евресивія и Ареты (томъ IV, № 461) и имѣетъ цѣлью показать, что приписка «ἐν ἡμέραις ιζ'» въ надписи съ именами этихъ лицъ не принадлежитъ современному поддѣлывателю, а сдѣлана уже въ древности. Доводы В. В. Латышева двоякаго рода: онъ, во-первыхъ, старается показать, что мои соображенія относительно новѣйшаго происхожденія приписки или невѣроятны, или прямо невозможны, и, во-вторыхъ, что напротивъ появленіе этой приписки въ древности можетъ быть объяснено вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ. Посмотримъ, насколько эти доводы убѣдительны.

1) При изданіи надписи я говорилъ: «но техническимъ особенностямъ не можетъ быть сомнѣнія, что надпись до слова κατασκεύασαν—древняя, и по тѣмъ-же техническимъ особенностямъ ясно, что приписка «ἐν ἡμέραις ιζ'» изобличаетъ неувѣренную руку современнаго поддѣлывателя». Почтенный В. В. Латышевъ соглашается, «что приписка не одновременна съ основнымъ текстомъ и сдѣлана небрежно и какъ бы наскоро, неровными буквами, тогда какъ буквы основнаго текста всѣ равны между собою и вырѣзаны очень старательно»; тѣмъ не менѣе онъ затруднился бы указать въ буквахъ приписки такія «техническія особенности», которыя изобличаютъ неувѣренную руку современнаго фальсификатора. Когда я говорилъ о «техническихъ особенностяхъ», я имѣлъ въ виду слѣдующее: Во-первыхъ, авторъ приписки не имѣлъ того инструмента, которымъ пользовались древніе рѣзчики и который имъ позволялъ однимъ ударомъ молотка изсѣчь буквы съ гладкими, правильными краями; по признанію самого В. В. Латышева, «приписка сдѣлана небрежно, какъ бы наскоро, *неровными* буквами», — и именно эта неровность буквъ, особенно нерѣши-

тельная вертикальная линія въ первой буквѣ „Е“ и, неровные, какъ бы изломами и зигзагами очерченные края ея, которые встрѣчаются точь въ точь на нѣсколькихъ элаборитахъ несомнѣнно новѣйшаго времени, дали мнѣ поводъ, я думаю — и право говорить «о неувѣренной рукѣ современнаго поддѣлывателя». Во вторыхъ, я, говоря о техническихъ особенностяхъ, имѣлъ въ виду еще и слѣдующее обстоятельство, котораго В. В. Латышевъ не касается: При тщательномъ осмотрѣ надписи и теперь еще замѣтно, что буквы основного текста выкрашены были въ красную краску. Такъ какъ буквы были весьма тщательно и гладко изсѣчены, то краска могла впитаться въ камень только въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ были случайныя неровности; но тамъ она засѣла крѣпко и даже послѣ очистки камня кислотой не совсѣмъ исчезла. При очисткѣ приписки отъ грязи оказалось, что подъ грязью былъ слой розовой краски;—но эта краска, несмотря на неровность и неотдѣланность внутренней части рѣзьбы, не впиталась въ камень, а смылась при чисткѣ простой водой. Изъ этого я вывелъ заключеніе, что краска свѣжа и недавно нанесена.

2) Далѣе, мой почтенный оппонентъ пишетъ: «Если признавать поддѣльнымъ второй экземпляръ надписи, то уже a priori кажется гораздо болѣе вѣроятнымъ, что приписка, сдѣланная только во избѣжаніе полной идентичности текстовъ, была помѣщена именно на этомъ экземплярѣ, какъ это признаетъ и г. фонъ-Штернъ; что же касается до его утвержденія, что на стелѣ, употребленной для вырѣзки второго экземпляра надписи, не осталось мѣста для приписки, то можно замѣтить, что фальсификаторъ, имѣя полную возможность распоряжаться мѣстомъ на стелѣ, какъ ему угодно, могъ бы найти разные способы для того, чтобы выгодать мѣсто для приписки: онъ могъ бы, напр., тѣснѣе поставить строки, вырѣзать буквы меньшаго размѣра и т. п.». Совершенно соглашаясь съ В. В. Латышевымъ, что теоретически существуютъ указанныя имъ возможности, я однако считаю не лишнимъ замѣтить здѣсь слѣдующее: При осмотрѣ стелы весной прошлаго года я могъ убѣдиться, что надпись на ней по размѣрамъ буквъ представляетъ точную копію съ нашей надписи. Повидимому фальсификаторъ, во избѣжаніе возможности допустить ту или иную погрѣшность, не рѣшился уменьшить размѣръ буквъ своего оригинала; а разъ это рѣшеніе имъ было принято, онъ дѣйствительно не могъ, при величинѣ имѣющейся въ его распоряженіи плиты— она принадлежала къ числу тѣхъ мраморныхъ плитъ, которыя найдены въ склепѣ и изъ которыхъ, по вѣроятному предположенію Б. В. Фармаковскаго, составлена была скамейка передъ трапезой, — помѣстить на ней нашу приписку, такъ какъ тѣснѣе, чѣмъ въ дѣйствительности сдѣлано, разставить строки нельзя было.

3) В. В. Латышевъ указываетъ далѣе на то, что важнѣйшимъ посо-

біемъ для фальсификаторовъ служитъ первый томъ его сборника надписей, или иногда подлинные документы. Между тѣмъ выраженія «въ продолженіе стольких-то дней» нѣтъ въ его сборникѣ ни на надгробныхъ памятникахъ, ни въ надписяхъ о постройкахъ, и поэтому онъ сильно сомнѣвается въ томъ, чтобъ «фальсификаторъ могъ самъ придумать это выраженіе и такъ ловко и умѣстно приклеить его къ основному тексту въ совершенно правильной греческой формѣ». Но и при предположеніи В. В. Латышева, что приписка относится къ древности, надо допустить, что фальсификаторъ сознательно работалъ и знакомъ былъ съ греческимъ языкомъ; онъ долженъ былъ знать, что и безъ этой приписки текстъ надписи дастъ хорошій смыслъ; иначе онъ, конечно, не рѣшился бы въ копіи пропустить три послѣднія слова надписи и какъ-нибудь ужъ постарался бы уменьшить размѣръ буквъ подлинника, чтобы дать полный его текстъ. Значитъ, и В. В. Латышевъ не отрицаетъ, что фальсификаторъ зналъ греческій языкъ. Во-вторыхъ, хотя наблюденіе В. В. Латышева и вполнѣ вѣрно, что главнымъ пособіемъ при составленіи поддѣльныхъ документовъ служитъ первый томъ его сборника надписей, однако въ несомнѣнно новыхъ «элаборитахъ» фальсификаторовъ встрѣчается цѣлый рядъ оборотовъ, которые заимствованы не оттуда. Такъ какъ, далѣе, «ученый сотрудникъ» составителей поддѣльныхъ текстовъ, не отличающійся особенно прочными познаніями въ греческомъ языкѣ, въ послѣдніе годы оставилъ нашъ Югъ и жилъ заграницей, то составители текстовъ, въ случаѣ надобности, могли заручиться помощью другого лица. Кто знакомъ съ условіями нашей мѣстной жизни, тому не покажется невѣроятнымъ, что фальсификаторы въ своей собственной средѣ могли найти человѣка, который, сохранивъ лишь нѣкоторыя воспоминанія отъ чтенія Анабасиса Ксенофонта, съумѣлъ приклеить къ надписи приписку въ грамматически вѣрной формѣ, списанной изъ любого словаря.

Итакъ, мнѣ кажется, В. В. Латышевъ не доказалъ, что мое предположеніе о происхожденіи этой приписки является невозможнымъ или невѣроятнымъ. Посмотримъ теперь, можно ли признать вѣрнымъ предложенное В. В. Латышевымъ объясненіе этой приписки?

В. В. Латышевъ аргументируетъ слѣдующимъ образомъ: «Разумѣя прежде подъ словомъ μνῆμα ту самую плиту, на которой вырѣзана надпись, или, еще точнѣе, ту «трапезу», въ составъ которой входила эта плита, я не могъ понять, зачѣмъ понадобилась приписка, что эта трапеза устроена въ теченіе 17 дней? тѣмъ болѣе, что для вытески и полировки трехъ мраморныхъ плитъ этотъ срокъ не можетъ быть признанъ слишкомъ короткимъ. Теперь, послѣ открытія Б. В. Фармаковскаго, дѣло представляется въ совершенно иномъ видѣ. Теперь для мѣня вполнѣ ясно, что подъ словомъ μνῆμα въ надписи слѣдуетъ разумѣть не трапезу, а самый

склепъ, который заживо устроили себѣ Евресивій и Арета для своего вѣчнаго упокоенія и въ которомъ была поставлена трапеза съ надписью. Если же μνῆμα обозначаетъ склепъ, то приписка, о которой намъ пришлось говорить такъ много, получаетъ вполнѣ ясный смыслъ. Срокъ въ 17 дней для такого сооруженія, какимъ является описанный г. Фармаковскимъ великолѣпный склепъ, нельзя не признать весьма короткимъ... Настоящую причину приписки мы угадать не можемъ. Для насъ достаточно одного,—что по отношенію къ постройкѣ склепа она имѣетъ ясный и правильный смыслъ и потому вполнѣ можетъ быть признана древнею, хотя и не одновременною съ основнымъ текстомъ надписи».

Я охотно соглашаюсь съ В. В. Латышевымъ въ томъ, что подъ словомъ μνῆμα слѣдуетъ разумѣть самый склепъ: узнавъ отъ продавца плиты, что трапеза найдена въ какомъ-то склепѣ, я съ самаго начала допустилъ возможность такого толкованія. Но тѣмъ не менѣе я не могу сказать, чтобъ я считалъ смыслъ приписки яснымъ и правильнымъ и чтобы всѣ возбужденныя ею сомнѣнія были разрѣшены. Я не могу успокоиться на томъ, «что настоящую причину приписки мы не можемъ угадать», — самъ В. В. Латышевъ, повидимому, этимъ не успокоился, ибо онъ предлагаетъ все-таки объясненіе причины этой приписки: «Евресивій и Арета», пишетъ онъ, «какъ люди богатые и знатные, устроивъ себѣ мѣсто упокоенія въ такой короткій срокъ, могли просто изъ *тщеславія* приказать сдѣлать прибавку о времени сооруженія къ первоначальному тексту надписи». Однако мы имѣемъ тысячи надгробныхъ памятниковъ изъ греческой древности,—нигдѣ въ ихъ надписяхъ нѣтъ указанія на скорое сооруженіе могильнаго склепа, должно быть по той причинѣ, что подобнаго рода тщеславіе на этихъ памятникахъ менѣе всего умѣстно. Но, положимъ, наша ольвійская чета представляетъ въ этомъ отношеніи печальное исключеніе; все-таки такого предположенія мало, чтобы въ данномъ случаѣ объяснить всѣ странности этой приписки; надо дальше предположить, что это пустое тщеславіе явилось у нашей четы уже послѣ того, какъ надпись была изготовлена, а затѣмъ, что—или мастера, изготовившаго надпись, уже не было въ Ольвіи, или эти «богатые и знатные люди», истратившіе большія средства на сооруженіе великолѣпнаго склепа и красивой трапезы, вдругъ поскупились и, вмѣсто того чтобы поручить опытному рѣзщику обрубить край плиты и вырѣзать полную надпись въ правильномъ размѣщеніи новаго, болѣе полнаго текста по строкамъ, дали какому-то простому камнетесу заказъ сдѣлать къ готовому тексту приписку, которая во всякомъ случаѣ должна была нарушить правильное расположеніе надписи. Далѣе, мы должны предположить, что Евресивій и Арета, не смотря на то, что этотъ камнетесъ своими «небрежными, какъ-бы наскоро сдѣланными, неровными буквами» обезобразилъ всю плиту, остались тѣмъ не менѣе до-

вольны и не заботились объ изготовленіи новой надписи. Сознаюсь, по моему, все это не вяжется съ представленіемъ о ихъ тщеславіи.

На дальнѣйшій, совершенно естественный вопросъ: что же могло заставить Евресивія и Арету такъ спѣшить съ работой? В. В. Латышевъ совершенно резонно отвѣчаетъ: «можно предположить, что устройство склепа задумано и приведено въ исполненіе во время тяжкой болѣзни одного изъ супруговъ и съ постройкою его очень торопились для того, чтобы она была окончена при жизни больного». Если это такъ, — а другую причину для поспѣшной работы придумать трудно, — то тѣмъ менѣе можно допустить, что у строителя въ подобный тяжелый для него моментъ появилось такое дѣтское тщеславіе. Итакъ, какъ ни смотрѣть на дѣло, приписка является во всякомъ случаѣ странной.

Но это еще не главное, а главное то, что она, по моему крайнему разумѣнію, является вполнѣ невозможной. Я весной прошлаго года лично осмотрѣлъ этотъ великолѣпный склепъ; да и всякій, даже не побывавшій въ Ольвіи, можетъ теперь по тщательному изданію и описанію его Б. В. Фармаковскимъ и по приложеннымъ имъ разрѣзамъ и планамъ составить себѣ ясное понятіе о его размѣрахъ, о способѣ постройки, тщательности кладки, аккуратности сводовъ и т. д. На основаніи какъ личнаго осмотра, такъ и описанія г. Фармаковскаго я утверждаю, что подобное сооруженіе не могло быть устроено и закончено въ продолженіе семнадцати дней; самъ г. Латышевъ признаетъ «этотъ срокъ весьма короткимъ и потому требовавшимъ значительнаго количества рабочихъ рукъ и большой затраты денежныхъ средствъ». Но, если и при изготовленіи матеріала, обтесываніи и шлифовкѣ камней и т. д. значительное количество рабочихъ рукъ играетъ большую роль, то время, которое занимаетъ устройство склепа и свода уже не зависитъ прежде всего отъ числа рабочихъ рукъ и денежныхъ средствъ. «Склепъ и сводъ выстроены въ два ряда камней. Внутренняя сторона постройки сдѣлана изъ тесанаго камня; наружная сторона, прилегающая къ землѣ, не имѣетъ правильной кладки и состоитъ изъ простыхъ, нетесаныхъ камней разной величины, скрѣпленныхъ между собою глиной» (Фармаковскій, стр. 8).

Чтобы такія стѣны и опирающійся на нихъ сводъ потолка были прочными, особенно при ихъ значительной высотѣ, необходимо строить постепенно, давать высыхать глинѣ, затѣмъ уже ставить слѣдующій рядъ камней и т. д. Внутри стѣны и сводъ облицованы и въ главной комнатѣ, и въ длинномъ и болѣе узкомъ корридорѣ тесаными плитами, которыя пригнаны одна къ другой безъ всякаго цемента. Постановка такихъ плитъ, которыя требуютъ частой примѣрки, иногда новаго отполированія поверхностей, которыми онѣ соприкасаются по краямъ, дѣло не легкое и требуетъ довольно много времени, тѣмъ болѣе, что напр. въ узкомъ корридорѣ могло работать вмѣстѣ только незначительное число ра-

бочихъ. Устроить весь этотъ тщательно отдѣланный, снабженный карнизами и пилястрами склепъ, вмѣстѣ съ прилегающимъ къ нему корридоромъ, устроить сводъ потолка, сверху засыпать всю постройку землею, по моему мнѣнію, какъ и по мнѣнію болѣе меня компетентныхъ въ строительномъ дѣлѣ лицъ, въ продолженіе 17 дней рѣшительно невозможно, и, такъ какъ я не имѣю причины предполагать, что Евресивій и Арета были людьми не только пустыми и тщеславными, но и намѣренно говорившими и писавшими неправду, то и предпочитаю въ данномъ случаѣ, преклоняясь въ общемъ передъ авторитетностью моего почтеннаго оппонента, все же оставаться при высказанномъ мною раньше мнѣніи, что пресловутая приписка — произведеніе фантазіи и рукъ современнаго поддѣлывателя.

Д. ч. *Э. фонъ-Штернъ.*

Преміи, находящіяся въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находятся слѣдующія постоянныя и временныя преміи, предназначенныя для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи.

I. Первая, постоянная, премія имени основателя Общества Димитрія Максимовича Княжевича, учрежденная въ память исполнившагося 50-лѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елизаветой и Екатериной Княжевичъ.

Она состояла изъ процентовъ съ 2 билетовъ 3-го восточнаго займа, а теперь, по конверсіи, съ двухъ билетовъ 4 процентной государственной ренты, по 1000 руб. каждый, накопляющихся въ теченіи каждыхъ пяти лѣтъ, начиная съ 14 ноября 1889 г. Такимъ образомъ срокъ прекращенія второй по времени преміи наступилъ 14 ноября 1889 г. Премія присуждается за выдающійся историко-археологическій трудъ, вышедшій въ теченіи каждаго изъ пятилѣтій и касающійся юга Россіи. Къ наступившему указанному сроку премія имени Княжевича присуждена не была. Слѣдующій срокъ 14 ноября 1904 года.

II. Вторая, временная, премія, учрежденная Одесскою Городскою Думою приговоромъ отъ 13 ноября 1889 г. по случаю имѣвшагося совершиться 14 ноября того-же года пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Премія присуждается за лучшій печатный или рукописный трудъ по исторіи или археологіи южной Россіи вышедшій въ теченіи послѣднихъ 5 лѣтъ.

Изданія Общества:

1) Торжественное Собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 4 февраля 1840 г. Одесса, 1841, in 4.

2) Discriptio musei publici Odessani, pars I, continens nummophylacium Odessanum. *N. Mursakewicz.* Odessa, 1841, in 4.

3) Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году, *В. Григорьева.* С.-Петербургъ, 1841, in 4.

4) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1844—1901, XXIV тома (до XV in 4 и съ XVI in 8)

5) Перечень статей, помѣщенныхъ въ изданныхъ XIII томахъ Записокъ Одесскаго Общества. Одесса, 1883 г.

6) Указатель къ статьямъ, помѣщенныхъ въ изданныхъ XX томахъ Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1898 г.

7) Prospectus der ältesten hebräischen und russischen Manuscripte. Ein Beitrag zur biblischen Exegese, von *Dr. Pinner.* Odessa, 1845, in 8.

8) Исторія о козакахъ запорожскихъ, князя *Мышецкаго.* Одесса, 1851, in 8.

9) Очеркъ заслугъ, оказанныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, *Н. Мурзакевича.* Одесса, 1861, in 8.

10) Notice sur la Société Odessoise d'Histoire et d'Antiquites et des memoires par *Ph Brunn.* Odessa, 1875, in 12.

11) Die orientalischen Münzen des Museum der Kaiserlichen historisch-archäologischen Gesellschaft zu Odessa, von *Dr. O. Blau.* Odessa, 1876, in 4.

12) Краткій указатель музея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей, *В. Юргевича.* Одесса, 1890, in 8.

13) Каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, хранящимся въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, *А. Бертье-Делагарда.* Одесса, 18-8, in 8.

14) Каталогъ библіотеки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1893 г.

15) Указатель Ѳеодосійскаго музея древностей. Одесса, 1890, in 8.

16) Историческій очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1839—1889), составилъ вице-президентъ Общества *В. Юргевичъ* къ юбилею Общества 14 ноября 1889 года.

17) Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности В. Н. Юргевича, вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, составилъ *В. А. Яковлевъ.* Одесса, 1892 г.

18) Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I и II. Терракоты, описс. А. А. Деревицкимъ, А. А. Павловскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Одесса, 1897—1898.

Изданія Общества:

1) Торжественное Собраніе Одесскаго Общества Исторіи и Древностей 4 февраля 1840 г. Одесса, 1841, in 4.

2) Discriptio musei publici Odessani, pars I, continens nummophylacium Odessanum *N. Mursakewicz.* Odessa, 1841, in 4.

3) Описаніе куфическихъ монетъ X вѣка, найденныхъ въ Рязанской губерніи въ 1839 году, *В. Григорьева.* С.-Петербургъ, 1841, in 4.

4) Записки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1844—1901, XXIV тома (до XV in 4 и съ XVI in 8).

5) Перечень статей, помѣщенныхъ въ изданныхъ XIII томахъ Записокъ Одесскаго Общества. Одесса, 1883 г.

6) Указатель къ статьямъ, помѣщенныхъ въ изданныхъ XX томахъ Записокъ Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1898 г.

7) Prospectus der ältesten hebräischen und russischen Manuscripte. Ein Beitrag zur biblischen Exegese, von *Dr. Pinner.* Odessa, 1845, in 8.

8) Исторія о козакахъ запорожскихъ, князя *Мышецкаго.* Одесса, 1851, in 8.

9) Очеркъ заслугъ, оказанныхъ наукамъ свѣтлѣйшимъ княземъ Михаиломъ Семеновичемъ Воронцовымъ, *Н. Мурзакевича.* Одесса, 1861, in 8.

10) Notice sur la Société Odessoise d'Histoire et d'Antiquités et des mémoires par *Ph. Brunn.* Odessa, 1875, in 12.

11) Die orientalischen Münzen des Museum der Kaiserlichen historisch-archäologischen Gesellschaft zu Odessa, von *Dr. O. Blau.* Odessa, 1876, in 4.

12) Краткій указатель музея Императорскаго Общества Исторіи и Древностей, *В. Юргевича.* Одесса, 1890, in 8.

13) Каталогъ картамъ, планамъ, чертежамъ и видамъ, хранящимся въ музеѣ Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, *А. Бертье-Делагарда.* Одесса, 1888, in 8.

14) Каталогъ библіотеки Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Одесса, 1893 г.

15) Указатель Феодосійскаго музея древностей. Одесса, 1890, in 8.

16) Историческій очеркъ пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей (1839—1889), составилъ вице-президентъ Общества *В. Юргевичъ* къ юбилею Общества 14 ноября 1889 года.

17) Пятидесятилѣтіе ученой дѣятельности В. Н. Юргевича, вице-президента Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей, составилъ *В. А. Яковлевъ.* Одесса, 1892 г.

18) Музей Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Вып. I и II. Терракоты, описс. А. А. Деревицкимъ, А. А. Павловскимъ и Э. Р. фонъ-Штерномъ. Одесса, 1897—1898.

Преміи, находящіяся въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей.

Симъ доводится до всеобщаго свѣдѣнія, что въ распоряженіи Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей находятся слѣдующія постоянныя и временныя преміи, предназначенныя для поощренія историко-археологическихъ трудовъ, относящихся къ югу Россіи.

I. Первая, постоянная, премія имени основателя Общества Димитрія Максимовича Княжевича, учрежденная въ память исполнившагося 50-лѣтія Общества его дочерьми: Маріей, Елизаветой и Екатериной Княжевичъ.

Она состояла изъ процентовъ съ 2 билетовъ 3-го восточнаго займа, а теперь, по конверсіи, съ двухъ билетовъ 4 процентной государственной ренты, по 1000 руб. каждый, накопляющихся въ теченіи каждыхъ пяти лѣтъ, начиная съ 14 ноября 1889 г. Такимъ образомъ срокъ прекращенія второй по времени премія наступилъ 14 ноября 1889 г. Премія присуждается за выдающійся историко-археологическій трудъ, вышедшій въ теченіи каждаго изъ пятилѣтій и касающійся юга Россіи. Къ наступившему указанному сему року премія имени Княжевича присуждена не была. Слѣдующій срокъ 14 ноября 1904 года.

II. Вторая, временная, премія, учрежденная Одесскою Городскою Думою приговоромъ отъ 13 ноября 1889 г. по случаю имѣвшагося совершиться 14 ноября того-же года пятидесятилѣтія дѣятельности Императорскаго Одесскаго Общества Исторіи и Древностей. Премія присуждается за лучшій печатный или рукописный трудъ по исторіи или археологіи южной Россіи вышедшій въ теченіи послѣднихъ 5 лѣтъ.